

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
публей.

№ 36.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года сентября 4-го дня.

Содержаніе: Участіе духовенства въ матеріальномъ обезпеченіи учащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.—Приготовленіе къ пастырскому служенію въ католичествѣ.—Вопіющіе недочеты нашего церковнаго хозяйства.

Участіе духовенства въ матеріальномъ обезпече- ніи учащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Вопросъ о необезпеченности лицъ, служащихъ по духовно-учебному вѣдомству, является своего рода гордіевымъ узломъ, разрубить который, при современныхъ условіяхъ, почти нѣтъ никакой возможности. Хотя этотъ вопросъ неоднократно занималъ нашу духовную литературу, тѣмъ не менѣе возвращеніе къ нему является необходимымъ уже по самой жгучести и жизненности его.

Если настоящія политическія и гражданскія затрудненія нашего отечества, отражаясь и на теченіи духовно-учебной жизни, дѣлаютъ указанный вопросъ для высшей духовной власти трудно разрѣшимымъ, то, думаемъ, само духовенство

обязано хотя временно облегчить необеспеченность лицъ, посвящающихъ свой трудъ воспитанію его дѣтей. Въ настоящее время приходится убѣждаться, что люди съ высшимъ образованіемъ часто живутъ въ худшихъ матеріальныхъ условіяхъ, чѣмъ даже сельское духовенство. Въ южныхъ епархіяхъ кое-гдѣ еще существуютъ мѣстныя прибавки изъ епархіальныхъ суммъ къ казенному жалованью. Но эти прибавки, при условіяхъ дороговизны жизни въ сильно-культурныхъ южныхъ городахъ, не значительны сравнительно съ потребностями образованнаго челоѣка. Объ этомъ говоритъ недавно вышедшая брошюра преподавателя Екатеринбургской семинаріи П. Левитова: „Необеспеченность преподавателей семинаріи“. Екатеринбургская епархія, какъ извѣстно, отличается особеннымъ богатствомъ, такъ какъ на обширномъ пространствѣ ея разбросана масса заводовъ, фабрикъ, экономій и различныхъ культурныхъ ассоціацій. Что же, поэтому, придется сказать о семинаріяхъ въ центральной Россіи? Для примѣра можно сдѣлать такую справку: „въ Рязанскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ преподаватели, исключительно состоящіе на службѣ, получаютъ по 50 р. за годовой урокъ—въ предѣлахъ 12, во вторые 2 года—по 60 рублей и по истеченіи четырехъ лѣтъ—по 75 руб.; а за каждый урокъ сверхъ 12-ти получаютъ по 40 рублей въ годъ“¹⁾). Не мудрено, поэтому, если нѣкоторые знакомые намъ преподаватели семинарій и духовныхъ училищъ рѣшительно не имѣютъ возможности жить семейною жизнью.—Что же касается остальныхъ служащихъ—воспитателей, надзирателей, класныхъ дамъ, фельдшерницъ, фельдшеровъ, которые нерѣдко посвящаютъ духовной школѣ всю свою жизнь и здоровье, то здѣсь о необеспеченности и говорить нечего, потому что она еще болѣе естественна при небольшихъ окладахъ жалованья.

¹⁾ Отчетъ о состояніи Рязанск. епарх. училища. Цит. по Донскимъ епарх. вѣдом. 1904, № 35.

И тѣмъ не менѣе, тяжелаго экономическаго положенія служащихъ по духовно-учебному вѣдомству духовенство въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже не признаетъ. Мы имѣемъ въ настоящее время постановленіе общепархіальнаго съѣзда духовенства Донской епархіи, отказавшаго въ просьбѣ двухъ преподавателей объ увеличеніи имъ жалованья изъ мѣстныхъ средствъ. Просившіе, въ видѣ основанія, указывали на невозможность постороннихъ заработковъ, на дороговизну городской жизни, при условіяхъ которой затруднительно удовлетвореніе насущныхъ потребностей культурнаго челоуѣка. Насколько послѣднее вѣрно, видно изъ того, что даже преподаватели семинаріи, располагающіе свободными утренними часами и имѣющіе возможность зарабатывать на-сторонѣ, жаловались на недостатокъ въ средствахъ для выпски журналовъ и газетъ. Если такіе, можно сказать, счастливы, имѣющіе постороннія занятія, испытываютъ нужду, то что же нужно сказать объ остальной братіи, которая большею частію напряженно и тщетно ожидаетъ какой-нибудь платной работы и дружно забрасываетъ прошеніями учрежденіе, дающее возможность хотя бы самой ничтожной заработной платы? Должности надзирателей, классныхъ наставниковъ, преподавателей новыхъ языковъ, бібліотечарей, оплачиваемыя, въ сущности, грошевыми суммами, брались въ родномъ намъ городѣ чуть ли не съ бою. И между тѣмъ, съѣздъ духовенства, не разсматривая внимательно такого тяжелаго матеріальнаго положенія просителей, отказываетъ имъ по чисто внѣшнимъ и поверхностнымъ соображеніямъ. Съѣздъ ссылается на то, что просители, Б. и П. недавно поступили на духовно-учебную службу, а не являются „исключительно состоящими на службѣ“... А намъ думается, что это-то обстоятельство и побудило ихъ обратиться къ духовенству за помощью: подъ живыми впечатлѣніями необезпеченной жизни и захотѣлось сказать горькое слово правды родителямъ воспитываемыхъ дѣтей. А люди, „исключительно состоящіе на службѣ“, зная всю безплодность такихъ попытокъ, уже при-

терпѣлись къ своему положенію и перестали надѣяться на помощь духовенства... Если духовенство желаетъ своимъ дѣтямъ добра, то оно должно не только удовлетворять скромныя просьбы преподавателей, но даже само должно идти къ нимъ съ предложеніемъ матеріальной помощи. Нашъ народъ, любящій и уважающій школьныхъ учителей, всегда считаетъ своимъ долгомъ восполнить, насколько возможно, казенные ресурсы работниковъ на его пользу. Напротивъ, отказъ упомянутаго съѣзда продиктованъ холодною, недоброжелательною мыслью: „хватить и того, что имѣете! Другіе еще хуже живутъ“! „Г. Б. при 24 урокахъ русскаго языка съ церковно-славянскимъ получаетъ 1440 р. въ годъ и за чтеніе сочиненій 60 руб., всего 1500 р.; а г. П. при 24 урокахъ—1440 рублей“. Далѣе слѣдуетъ приведенная выше ссылка на преподавателей Рязанской епархіи, получающихъ въ женскомъ училищѣ первые два года 600 рублей, вторые два года—720 р., а по истеченіи четырехъ лѣтъ—900 рублей (при 12 урокахъ); ссылаются оо. депутаты съѣзда и на мѣстныхъ преподавателей духовнаго училища, изъ которыхъ одинъ получаетъ только 1200 рублей, а другой—1440 р., при чемъ постороннихъ занятій не имѣютъ; „оба же они,—заключаетъ съѣздъ,—кандидаты академіи“. Дѣйствительно, послѣ такого холоднаго приема, на съѣздахъ не будетъ уже прошеній лицъ, которымъ отказано; новички попытаются опять, но съѣзды систематически будутъ указывать на тѣхъ, кто удовлетворился постановленіемъ: „просьбу преподавателей Б. и П. и вообще объ увеличеніи имъ жалованья по службѣ въ училищѣ оставить безъ удовлетворенія“¹⁾.

Но кто-либо скажетъ, что не всякая епархія обладаетъ достаточными средствами для вспоможенія преподавателямъ.—Дѣйствительно, не вездѣ одинаковы источники епархіяльныхъ доходовъ, такъ какъ многія епархія въ этомъ отношеніи не упрядочены: свѣчныя епархіяльные заводы су-

¹⁾ Довскія епархіяльн. вѣдом. 1904 г., № 35.

пшествоуютъ не во всѣхъ епархіяхъ; затѣмъ—самая экономическая жизнь многихъ епархій стоитъ на низкой ступени, что отражается на свѣчномъ доходѣ, этомъ, можно сказать, главнѣйшемъ источникѣ епархіальнаго благосостоянія... Все это вѣрно. Но если епархія не можетъ дѣлать одновременныхъ отчисленій въ пользу учащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, то у нея есть другое средство выразить свое естественное чувство благодарности трудящемуся на его пользу классу педагоговъ. Этимъ средствомъ являются существующія во всѣхъ епархіяхъ братскія кассы и—въ нѣкоторыхъ—кассы единовременныхъ пособій. Почему бы духовенству не принять въ число членовъ этихъ кассъ немногочисленную для каждой епархій семью педагоговъ духовно-учебныхъ заведеній? Вѣдь тѣ пенсіи, которыми живутъ состарѣвшіеся преподаватели духовно-учебныхъ заведеній, значительно менѣе самыхъ окладовъ. Поэтому, если и послѣдніе являются недостаточными для удовлетворенія насущныхъ нуждъ образованнаго городского жителя, то что же надо сказать о пенсіонномъ окладѣ?—Духовенство дѣлало бы большое добро, если бы пополняло ихъ изъ своихъ эмеритурныхъ кассъ. Вѣдь потребности и здоровье преподавателя, при условіяхъ городской жизни, совсѣмъ не таковы, каковыя создаются условіями жизни деревенской. Принужденный проводить большую часть дня въ закрытыхъ, душныхъ помѣщеніяхъ, преподаватель въ то же время долженъ ежедневно напрягать свою грудь и горло. Эта ежедневная потеря силъ и напряженіе нервовъ, не пополняемая городскимъ питаніемъ и жизнью, создаетъ обычно неврознаго, слабогрудаго и съ горловымъ катарромъ чловѣка, который только мечтаетъ объ отдыхѣ „на лонѣ природы“, приводитъ же въ исполненіе такихъ думъ о дачѣ, деревнѣ не можетъ, по отсутствію „остатковъ“ отъ годового жалованья. Намъ приходилось встрѣчать больныхъ, разбитыхъ физически и душевно, бывшихъ преподавателей, которые молодые годы посвятили заботамъ о братьяхъ и сестрахъ, пропустили, поэтому, годы женитьбы, и

къ старости сдѣлались людьми одинокими, заброшенными, безъ всякой семейной опоры. Жизнь въ одиночку, безъ ласки и родственной заботы, сдѣлала изъ нихъ какихъ-то сухихъ, скучныхъ людей, тяжелыхъ и для себя и для другихъ. „Съ сожалѣніемъ смотрю я на своихъ учениковъ, — говорилъ одинъ старичокъ - преподаватель, — которые обзаводятся хорошими, мирными семьями; не ихъ жалѣю, а себя за то, что жизнь моя помѣшала мнѣ устроиться подобнымъ же образомъ“. И такой дряхлый старикъ остается доживать свою одинокую жизнь безъ всякой поддержки близкаго человѣка только потому, что условія его жизни не позволили ему приспособить внѣшнюю жизнь къ потребностямъ своей личной жизни. — Затѣмъ, семейные преподаватели - старики, принужденные часто подолгу оставаться на службѣ, значительно задерживаютъ движеніе молодыхъ силъ по учебно-воспитательнымъ должностямъ. Мы думаемъ, что этого долгаго засиживанія стариковъ не было бы, если бы епархіальное духовенство открыло имъ доступъ къ участию въ братскихъ кассахъ. Что же касается стариковъ-холостяковъ, то по отношенію къ нимъ эта мѣра вспоможенія является рѣшительно необходимой. Человѣкъ, отдавшій свое здоровье и семейное счастье другимъ, имѣетъ полное право на вниманіе къ себѣ пользовавшихся его трудами. Насколько жива и тѣсна связь между сельскимъ духовенствомъ и преподавателями, свидѣлствуютъ восторженныя привѣтствія перваго въ дни двадцатипятилѣтнихъ торжествъ нашихъ педагоговъ. Особенно выдающіеся дѣятели оставляютъ въ ученикахъ хорошую память, которая и выражается тогда довольно замѣтно. Вотъ примѣръ. Духовенство Ставропольской епархіи „на своихъ благочинническихъ сѣздахъ единодушно высказалось за то, чтобы педагогическая дѣятельность преподавателя семинаріи Васильева не была оставлена безъ вниманія со стороны епархіальнаго духовенства“¹⁾. Результатомъ этого было учрежде-

¹⁾ Журналы общепархіальнаго сѣзда духовенства Ставропольской епархіи въ 1903 г., стр. 17.

ніе на личныя средства духовенства при мѣстной семинаріи „стипендіи имени преподавателя Ставропольской духовной семинаріи Васильева“ 1). Это симпатичное дѣло было одобрено такою резолюціей мѣстнаго епископа: „Весьма похвально, что духовенство епархіи сочувственно относится къ трудамъ преподавателя Васильева. Да благословитъ Господь доброе дѣло“. Да, учрежденіе стипендіи имени выдающихся лицъ служить въ настоящее время обычной формой выраженія симпатіи общества къ виднымъ его дѣятелямъ. Съ этой стороны и поступокъ Ставропольскаго духовенства можно только привѣтствовать, какъ проявленіе солидарности мыслей и чувствъ учителей и учениковъ, школы и семьи. Но когда выражаютъ симпатію только *имени* лица, а не самому лицу, заслужившему общественное вниманіе, то бываетъ въ этихъ случаяхъ нѣчто такое, что диктуется и другими, низшими побужденіями. Не всегда возможна добродѣтельная нищета, не всякій можетъ чувствовать себя удовлетворительно только отъ того, что *имя* его „славится“ въ обществѣ. Это бываетъ не по эгоистическимъ и корыстнымъ побужденіямъ, а и по другимъ условіямъ, требующимъ отъ человѣка большихъ затратъ, напр.—на лѣченіе, на помощь семьѣ. Здѣсь-то имѣетъ громадное значеніе субсидія преподавателю семинаріи изъ епархіальной кассы благодарнаго духовенства. Ставропольское духовенство учредило стипендію *для своихъ нуждъ*. Что личный элементъ въ этомъ случаѣ сыгралъ большую роль, видно изъ отношенія съѣзда къ просьбамъ преподавателей, обратившихся къ нему за матеріальною помощью. Здѣсь—цѣлый рядъ просьбъ. Преподаватель исторіи и обличенія раскола просилъ съѣздъ ассигновать 150 рублей въ вознагражденіе за завѣдываніе фундаментальной библіотекой. Удовлѣтвореніе этой просьбы исполнѣ было возможно для такой сравнительно богатой епархіи, тѣмъ болѣе, что въ другихъ семинаріяхъ должность библіотекаря оплачивается приблизительно такою

1) Тамъ же.

же, суммою, о которой просилъ преподаватель (8—10 р. въ мѣсяць). Но съѣздъ отказалъ, сославшись на то, что „завѣдываніе фундаментальной библіотекой относится къ прямымъ обязанностямъ преподавателя исторіи и обличенія русскаго раскола“ ¹⁾. Просившій, конечно, это хорошо сознавалъ; но онъ, думается, некаль у съѣзда не напоминанія о своихъ обязанностяхъ, а снисхожденія къ своему труду, на которое онъ рассчитывалъ по примѣру своихъ собратьевъ въ другихъ епархіяхъ. Другая, наиболѣе выдающаяся, просьба, принадлежащая преподавателямъ семинарій, духовнаго училища и другихъ дѣятелей по духовно-учебному вѣдомству состояла въ слѣдующемъ. Всѣ эти лица просятъ съѣздъ принять ихъ въ братскую кассу и кассу единовременныхъ пособій. Но съѣздъ не удовлетворяетъ *всѣхъ*, а даетъ *часть* просимаго *нѣкоторымъ*. Всѣмъ просителямъ въ участіи ихъ въ *братской кассѣ*, дающей 240 рублей ежегодной пенсіи священнику, отказано—на томъ основаніи, что удовлетвореніе такой просьбы стоитъ въ противорѣчій съ § 3-мъ устава кассы, по которому на участіе въ кассѣ имѣютъ право только тѣ лица, „которыя уже состояли членами ея ранѣе утвержденія устава кассы“ ²⁾. Неужели же нельзя было ввести, въ видѣ исключенія изъ этого правила, постановленіе касательно дѣятелей по духовно-учебному вѣдомству, если духовенство цѣнитъ ихъ трудъ? А между тѣмъ, выходитъ наоборотъ. Съѣздъ даже и не подумалъ объ измѣненіи § 3-го; напротивъ, онъ въ особомъ со- вѣщаніи призналъ уставъ братской кассы весьма пригоднымъ, такъ какъ при дѣйствіи его „капиталы кассы не только остались неприкосновенными, но даже ежегодно возрастали“ ³⁾. Такого основанія для оставленія устава неприкосновеннымъ не достаточно, такъ какъ, вслѣдствіе его неприкосновенности, духовенству пришлось, по § 3-му, огорчить своимъ отказомъ тружениковъ на пользу его дѣтей. А такое постановленіе, по

¹⁾ Журналы ..., стр. 23.

²⁾ Журналы..., стр. 86—87. 59.

³⁾ Тамъ же, стр. 44.

которому ректору и преподавателям семинарии дается право на участие в единовременных пособиях похоронной кассы (она выдает *вдовы умершаго* 1200 рублей ¹⁾); не могло удовлетворить просителей, такъ какъ оно только отчасти давало надежду на матеріальную помощь, да притомъ и касалось только немногихъ лицъ. Вовсе не удовлетворенные могутъ обижаться на духовенство, а получившіе право на выдачу, въ случаѣ ихъ смерти, ихъ семьямъ пособия въ 1200 руб., могли быть покойными не за себя, а за семью—и то отчасти. Вотъ почему ректоръ семинарии снова просить съѣздъ принять его въ число членовъ кассы ²⁾),—но тщетно: съѣздъ убѣжденъ въ пригодности устава кассы, въ непогрѣшимости своихъ прежнихъ постановленій по такимъ же просьбамъ. Ему только остается напомнить просителю о безуспѣшности послѣднихъ, какъ вѣскомъ доказательствѣ того, что духовенство уже оцѣнило труды своихъ педагоговъ по достоинству.

Таковы неутѣшительныя данныя, характеризующія оцѣнку педагогическаго труда въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ духовною семьей. Не хочется вѣрить, что дѣло обстоитъ такъ *вездѣ*. И тѣмъ не менѣе—это фактъ неоспоримый. Особенно же такимъ онъ является послѣ того, какъ современныя волненія въ семинаріяхъ, принявшія какой-то эпидемическій характеръ и доходящія до уголовщины, раздѣлили духовную семью, которая испытываетъ результаты этихъ волненій, и нашу школьную корпорацію, принужденную быть въ нихъ судьей и рѣшительницею судьбы увлекающихся юношей. Это обстоятельство, вѣроятно, отодвинетъ разрѣшеніе вопроса объ обеспеченіи служащихъ по духовно-учебному вѣдомству изъ мѣстныхъ, епархіальныхъ средствъ. А жаль!.. Многіе родители увлеченія дѣтей своихъ, за которыя имъ пришлось пострадать, часто слишкомъ близко принимаютъ къ сердцу.

¹⁾ Журналы, стр. 86.

²⁾ Тамъ же, стр. 103.

въ результатѣ чего исключенія изъ заведенія представляются ими, какъ какая-то жестокость. Мы хорошо знаемъ, что для семинарскихъ корпорацій такая жестокость является еще болѣе неприятной и тяжелой, чѣмъ для самихъ лицъ, на которыхъ она сказывается. Но что можно сдѣлать, когда фактъ буйства совершенъ, и съ нимъ приходится считаться?— Скажутъ, что до этого не должно доводить юношей. Но— замѣтимъ— о причинахъ волненій, въ которыхъ педагоги безусловно не виновны во всей своей совокупности, и о способахъ ихъ удаленія говорить трудно. Вотъ что объ этомъ пишетъ „Церковный Вѣстникъ“: „На посвящающихъ себя духовно-учебной службѣ не можетъ не дѣйствовать удручающимъ образомъ фактъ наблюдаемаго за послѣдніе годы шатанія и беспорядочности въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ“... Причина волненій семинарской молодежи, обостряющей отношенія семьи къ педагогамъ, часто лежитъ не въ этихъ лицахъ, которыя подвергаются незаслуженнымъ обвиненіямъ со стороны родителей. „Въ чемъ изыскать въ нашихъ семинаріяхъ—никому не извѣстно. Производятся официальные разслѣдованія, въ центральномъ управленіи вырабатываются очень умныя теоретически мѣропріятія, но все это бѣдѣ не помогаетъ. Нужно,—продолжаетъ упомянутый журналъ,— придумать что-нибудь иное, и; кажется, всего было бы естественнѣе пойти по слѣдамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Тамъ для упорядоченія школьнаго дѣла признано необходимымъ сблизить семью и школу, призвать родителей къ дѣятельному участию въ школьной жизни и въ обсужденіи школьныхъ вопросовъ. То же самое слѣдовало бы допустить и въ Духовномъ Вѣдомствѣ, воспользовавшись для этого епархіальными и окружными съѣздами духовенства, какъ готовымъ уже и наиболѣе сподручнымъ орудіемъ общенія между духовной школой и духовной семьею. Само собою понятно, что при этомъ пришлось бы расширить компетенцію съѣздовъ, имѣющихъ пока крайне одностороннюю сопри-

косновенность съ духовно-учебными заведеніями¹⁾. А чтобы это вполнѣ разумное желаніе могло быть приведено въ исполненіе, необходима подготовка въ самыхъ отношеніяхъ школы и семьи, необходимо хотя небольшое чувство солидарности, по крайней мѣрѣ, на почвѣ экономической, этой больной сторонѣ всего нашего Духовнаго Вѣдомства. Нужно признать до извѣстной степени справедливымъ положеніе экономического матеріализма, что жизнь двигается матеріальнымъ началомъ экономического благосостоянія. Отсутствие экономической поддержки со стороны духовенства значительно препятствуетъ солидарности интересовъ учащихся съ тѣми, благосостоянію которыхъ служатъ послѣдніе. А если къ этому присоединяется рѣшительное нежеланіе духовенства вѣдать нужды учащихся, то это, кромѣ порчи отношеній школы къ семьѣ, приводитъ еще къ вреднымъ явленіямъ въ самой постановкѣ нашего учебнаго дѣла. *Г. Поповъ.*

Приготовленіе къ пастырскому служенію въ католичество.

I.

Католическое церковное устройство зиждется на началахъ абсолютизма,—тѣхъ самыхъ началахъ, на которыхъ нѣкогда была построена и государственная жизнь императорскаго языческаго Рима. Во главѣ церковнаго управленія стоитъ римскій епископъ—папа, pontifex maximus, видимая глава Церкви и намѣстникъ Божій на землѣ. Онъ держитъ въ рукахъ всѣ нити, приводящія въ движеніе сложный механизмъ церковнаго управленія, и абсолютная власть святого отца чувствуется всюду въ католической Церкви, съ верху ея до низу. Проводникомъ и исполнителемъ папской власти являет-

¹⁾ 1904 г., № 5 й, стр. 1609—1610.

ся многочисленное духовенство, „черная армія Церкви“, какъ называетъ его Ренанъ. Міряне, приходъ, въ церковномъ отношеніи совершенно лишены права голоса и къ теченію церковной жизни относятся вполнѣ пассивно. Такимъ образомъ, каждый католическій священникъ является необходимымъ исполнителемъ какой-либо функціи въ громадномъ и сложномъ организмѣ церковнаго управленія, однимъ изъ безчисленныхъ колёсиковъ правительственнаго механизма. Всѣ его права и обязанности строго регламентированы; для собственнаго творчества, для собственной инициативы дается очень мало мѣста. Въ своихъ дѣйствіяхъ онъ совершенно подчиненъ папѣ. Надъ нимъ постоянно виситъ верховный контроль; въ пастырской дѣятельности онъ слѣдуетъ разъ навсегда установленному режиму. Католичество не знаетъ свободы богословскаго мнѣнія. Оно приказываетъ—а не убѣждаетъ и не располагаетъ—вѣрить такъ, а не иначе. Всѣ пункты вѣро-и правоученія въ католической Церкви определены съ педантической точностью, разработаны до мелочей средневѣковыми схоластиками и позднѣйшими казуистами, и всякое отступленіе отъ нихъ, малѣйшее разномысліе встрѣчаютъ суровое осужденіе Церкви. Ежегодно въ Index librorum prohibitorum заносятся сотни книгъ самаго разнообразнаго содержанія; и туда попадаютъ не только такія, въ которыхъ проводятся явно нехристіанскіе или нецерковные взгляды, но и книги, въ которыхъ недостаточно оттънена католическая точка зрѣнія. Католическая Церковь не соглашается ни на какіе компромиссы съ наукой и новѣйшимъ міросозерцаніемъ, не идетъ ни на какія уступки. Въ виду этого, научно образованному и добросовѣстному человѣку тяжело быть католическимъ священникомъ. Если въ сознаніе его закралось сомнѣніе относительно истинности хоть нѣсколькихъ пунктовъ церковнаго ученія, онъ чувствуетъ себя поставленнымъ въ необходимость совершенно порвать связь съ Церковью, совершенно отказаться отъ духовнаго служенія. Ренанъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ дѣтства и юности“

(стр. 46) выражает сожалѣніе, что онъ—не протестантъ: онъ тогда могъ бы быть философомъ, могъ бы заниматься критическимъ изслѣдованіемъ текста Свящ. Писанія и въ то же время оставаться священникомъ. Ренанъ, какъ извѣстно, оставилъ духовное званіе. Но онъ—явленіе далеко не единственное въ своемъ родѣ. За послѣдніе годы въ одной Франціи ушло не менѣе 400 священниковъ¹⁾ и по тѣмъ же, приблизительно, причинамъ, какъ и Ренанъ: они глубоко возмущены разладомъ, какой въ настоящее время царитъ между католической Церковью и католическимъ богословіемъ—съ одной стороны, и новѣйшимъ міросозерцаніемъ, культурой и научными изысканіями—съ другой. Они указываютъ на то, что Церковь живетъ своею особенною жизнью, а образованные классы общества—своею, и Церковь совершенно утратила свое вліяніе на послѣдніе. Духовное служеніе, по ихъ мнѣнію, перестанетъ быть мучительнымъ лишь тогда, когда между Церковью и обществомъ, между богословіемъ и новѣйшей наукой будетъ выработанъ болѣе сносный *modus vivendi*.

Кромѣ того, въ католичествѣ существуетъ обязательное безбрачіе духовенства, введенное съ тою цѣлью, чтобы окончательно закрѣпить духовенство напѣ, чтобы уничтожить всякую связь духовенства съ міромъ—семьею, обществомъ и государствомъ—и сконцентрировать все его вниманіе, всю энергію на служеніи католичеству и его интересамъ. Какимъ горниломъ искушенія должно явиться безбрачіе для чловѣка, не чувствующаго себя отъ природы способнымъ „вмѣстить“ его, и въ то же время не желающаго нарушить данный обѣтъ! Сколько нравственныхъ пытокъ долженъ вынести онъ, прежде чѣмъ примирится съ мыслью объ одинокой, холодной старости, не согрѣтой ничьимъ близкимъ участіемъ, ничьею любовью! Сколько разъ долженъ возставать предъ нимъ грозный призракъ грѣха!—Естественно, что перспек-

¹⁾ „Церк. Вѣстникъ“ 1902 г., № 36.

тива безбрачія пугаетъ многихъ кандидатовъ священства, и понятны тѣ грѣхи духовенства, которые бичуются католическими писателями, и которые исторія окрестила однимъ общимъ именемъ *конкубината*.

Ясно, что при такомъ порядкѣ вещей главными добродѣтелями католическаго священника должны быть признаны отреченіе и повиновеніе—*отреченіе* отъ міра и потребностей личной жизни и *повиновеніе* верховной церковной власти, подчиненіе ума и воли, подчиненіе всей личности безпощадно-суровому папистическому режиму. И дѣйствительно, эти качества болѣе всего цѣнятся въ католическомъ духовенствѣ, особенно низшемъ, болѣе чѣмъ сильный умъ и склонность къ научнымъ изысканіямъ, которыя вообще не пользуются особымъ благоволеніемъ Рима. Отсюда, и главнымъ элементомъ католической системы воспитанія кандидатовъ пастырскаго служенія является суровая дисциплина ума и воли въ связи съ своеобразнымъ нравственнымъ аскетизмомъ.

Начало исторіи пастырскаго приготовленія на Западѣ католическіе ученые относятъ къ весьма раннему времени. Уже въ V вѣкѣ бл. Августинъ основалъ для клириковъ своей церкви общежитіе, которое сдѣлалось потомъ настоящею школою для приготовленія кандидатовъ священства: всякій, кто хотѣлъ получить рукоположеніе отъ бл. Августина, долженъ былъ сначала пройти низшія степени клира въ учрежденномъ имъ общежитіи. Этотъ благотворный институтъ былъ принятъ многими выдающимися епископами Карфагенской церкви, а затѣмъ, когда, по случаю вторженія вандаловъ, христіанская Церковь подверглась преслѣдованіямъ, былъ перенесенъ бѣжавшими изъ Африки пастырями въ Сицилію, Сардинію и Италію.

Съ VI вѣка образованіе западнаго духовенства переходитъ въ руки монашескихъ орденовъ и совершается въ мо-

настырскихъ школахъ, или такъ называемыхъ коллегіяхъ, которыя, въ сущности, ничѣмъ не отличались отъ школъ епископскихъ, такъ какъ образъ жизни западныхъ клириковъ, среди которыхъ рано начало распространяться безбрачіе, малымъ чѣмъ разицлся отъ монашескаго. Дисциплина въ этихъ школахъ была строго монастырская; образованіе, — лучшее или худшее, смотря по способностямъ руководителей школы, — состояло въ изученіи trivium'a (грамматики, діалектики и реторики) и quadrivium'a (арифметики, геометріи, музыки и астрономіи). Апостоль англосаксовъ Августинъ перенесъ ихъ въ Британію. Въ сравнительно короткое время сѣтью ихъ покрылась Ирландія, Франція и Италия. Въ Германіи монастырскія школы стали заводиться въ VIII вѣкѣ и достигли полнаго расцвѣта при Бонифаціи, апостолѣ германцевъ. Карлъ Великій, который на все смотрѣлъ глазами Церкви и справлялся съ мнѣніемъ Церкви во всѣхъ дѣлахъ государственнаго управленія, составилъ даже особую «Constitutio de scholis per singula episcopia et monasteria instituendis». Эти школы, въ которыхъ воспитывалось одинаково и бѣлое и черное духовенство, процвѣтали въ общемъ до XII столѣтія. Къ этому времени «Constitutio» Карла уже потеряло свою силу; духовенство, развращенное властью, которую оно имѣло въ то время надъ невѣжественнымъ народомъ, перестало вести монашескій образъ жизни, перестало поддерживать и посѣщать монастырскія школы, и школьное дѣло въ нихъ пришло въ упадокъ. Съ другой стороны, въ это время одинъ за другимъ стали появляться въ разныхъ мѣстахъ Западной Европы университеты, и духовенство, насколько оно нуждалось въ образованіи и цѣнило его, охотнѣе поступало въ университеты, гдѣ было много свободнѣе, чѣмъ въ монастырскихъ школахъ. Римская курія, по необходимости мирившаяся съ наличнымъ порядкомъ вещей, никогда, все-таки, его не одобряла, и многіе папы, какъ, напр., Александръ III, Иннокентій III, Григорій IX и другіе, употребляли всѣ старанія, чтобы отвлечь клириковъ отъ университетовъ и вновь вернуть ихъ въ цер-

ковныя школы. Съ этой цѣлью предпринимались даже преобразованія и улучшенія монастырскихъ школъ. Но старанія нѣль мало имѣли успѣха. Не оказали вліянія на образованіе духовенства и преобразовательные соборы—Констанскій и Базельскій, хотя на нихъ и была рѣчь объ этомъ предметѣ.

Въ такомъ положеніи дѣло оставалось до половины XVI вѣка, до Тридентскаго собора, который далъ дѣлу пастырскаго приготовленія ту постановку, какую оно имѣетъ еще и теперь, и съ котораго, собственно говоря, и слѣдуетъ начинать современную исторію пастырскаго приготовленія въ католичество¹⁾. Запявшись на 23-мъ изъ своихъ засѣданій, по предложенію кардинала Поля и Карла Барромея, указаннымъ вопросомъ, соборъ сдѣлалъ слѣдующія постановленія, изложенныя въ 18-ой главѣ канонѣ и декретѣ *Sacro-sancti et oecumenici concilii Tridentini* 2).

Всѣ кафедральныя церкви, епископскія и митрополитанскія, по мѣрѣ силъ и сообразно пространству епархіи, должны открывать коллегіи,—которыя соборъ впервые называетъ *семинаріями*,—и содержать и воспитывать въ нихъ извѣстное число дѣтей своего города или епархіи, или, если тамъ не отыщется потребнаго количества ихъ, своей провинціи. Въ коллегію поступають мальчики не ранѣе двѣнадцатилѣтняго возраста, рожденные только отъ законнаго брака, обученные уже чтенію и писму, и притомъ такіе, природныя склонности которыхъ подають надежду, что они всю жизнь останутся въ должностяхъ церковныхъ. Соборъ выражаетъ желаніе, чтобы дѣти бѣдныхъ родителей принимались предпочтительно предъ дѣтьми богатыхъ; впрочемъ, не запрещаетъ принимать и этихъ послѣднихъ, если они выкажутъ особую расположенность къ служенію Богу и Церкви и если обяжутся притомъ воспитываться на свой собственный счетъ. По числу, воз-

¹⁾ Ignaz Schüch. Handbuch der Pastoral-Theologie. Linz. 1876. s. 27 f.; Herzog. Real-Encyclop., für prot. Theolog. und Kirche Bd. XIV. s. 246 f.

²⁾ Sacros. Conc. Trident. can. et decreta, p. 231.

расту и успѣхамъ въ церковной дисциплинѣ епископъ раздѣляетъ всѣхъ мальчиковъ на столько классовъ, сколько найдеть нужнымъ. Если онъ опредѣлитъ однихъ воспитанниковъ на служеніе Церкви, то тотчасъ же долженъ на ихъ мѣсто принять новыхъ, такъ, чтобы коллегія представляла постоянный разсадникъ служителей Божіихъ (*ita, ut hoc collegium Dei ministrorum perpetuum seminarium sit*). Далѣе соборъ кратко, но точно и выразительно опредѣляетъ характеръ семинарской дисциплины. Каждый семинаристъ долженъ имѣть тонзуру и постоянно носить платье, усвоенное клирикамъ. Воспитанники должны ежедневно присутствовать на богослуженіи, исповѣдываться каждый мѣсяць и причащаться всякій разъ, когда найдеть нужнымъ духовникъ. Въ праздничные дни они присутствуютъ при совершеніи богослуженія въ кафедральной или какой-либо другой изъ мѣстныхъ церквей и прислуживаютъ священнослужителямъ. Кругъ обученія въ семинаріи долженъ состоять въ изученіи грамматики, церковнаго пѣнія, пасхалии и особенно Свящ. Писанія и твореній отеческихъ, вообще—тѣхъ наукъ, которыя разсуждаютъ о церковныхъ предметахъ: совершеніи таинствъ, обрядахъ и всей церковной практикѣ.

Частнѣйшее развитіе и восполненіе этихъ, изложенныхъ въ самыхъ общихъ чертахъ, правилъ предоставляется мѣстному епископу, который является безконтрольнымъ управителемъ и неограниченнымъ хозяиномъ въ своей семинаріи. Онъ въ сообществѣ съ двумя старшими канонниками изъ капитула, которыхъ самъ же избираетъ, долженъ какъ можно чаще посѣщать семинарію, слѣдить здѣсь за преподаваніемъ и ученіемъ, наказывать неуживчивыхъ, неисправныхъ и лѣнливыхъ, увольняя ихъ даже, въ случаѣ нужды, изъ училища. Онъ же слѣдитъ и за хозяйственною частью семинаріи, изыскиваетъ средства на ея содержаніе и контролируетъ приходо-расходныя книги.

Такимъ образомъ, Тридентскій соборъ вернулся къ тому типу закрытой школы съ монастырскимъ режимомъ, начало

которой было положено бл. Августиномъ, и въ которой воспитывалось все католическое духовенство вплоть до XII вѣка.

Университеты въ эпоху Тридентскаго собора не успѣли еще сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ они стали, къ сожалѣнію, въ настоящее время,—разсадниками ученаго отрицанія, диллетантскаго легкомыслія и филистерскаго индифферентизма: тогда еще вся общественная жизнь шла, если можно такъ выразиться, подъ флагомъ Церкви. Весь умственный интересъ образованной части общества исчерпывался вопросами церковно-каноническими. Въ университетахъ изучались лишь науки церковныя, преимущественно каноническое право, и самая наука считалась привилегіей духовенства—не даромъ она называлась *ars clericalis*. Верховный надзоръ въ университетахъ принадлежалъ духовенству, и университеты, наравнѣ со всѣми церковными учрежденіями, должны были подчиняться постановленіямъ Тридентскаго собора ¹⁾. Но, несмотря на все это, Тридентскій соборъ не нашелъ нужнымъ допустить, чтобы будущіе пастыри Церкви воспитывались въ университетахъ. И это не въ силу только историческихъ традицій, не въ силу понятнаго и извинительнаго въ отцахъ собора пристрастія къ церковности. Они прекрасно знали всѣ своеобразныя условія жизни католическаго священника, знали, чего требуютъ отъ него Церковь и общество; они видѣли, что жизнь католическаго священника есть жизнь *sui generis*, вслѣдствіе чего пришли къ тому естественному выводу, что и воспитаніе его должно быть воспитаніемъ *sui generis*. Такое воспитаніе могло быть дано только въ закрытомъ учебномъ заведеніи, куда прегражденъ доступъ всѣмъ постороннимъ вліяніямъ; а потому, отцы собора имѣли всѣ основанія предпочесть семинарію университету. Лишь при такой „тепличной“ системѣ ²⁾ воспитанія, какъ семинарская,

¹⁾ Ibid., p. 306.

²⁾ „Hofhouse“. См. *Diocesan seminaries and the education of Ecclesiastical students*. By Francis A. Bourne. London.

Церковь могла держать въ своихъ рукахъ умственное и религиозно-нравственное направленіе будущихъ священниковъ, лишь въ этомъ послѣднемъ случаѣ могла она рассчитывать на успѣхъ воспитанія.

Исторія блистательно подтвердила расчеты отцовъ Тридентскаго собора и доказала ихъ проницательность. Болѣе трехсотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ католическое духовенство воспитывается въ епископскихъ семинаріяхъ, и семинарія *ad mentem concilii Tridentini* до сихъ поръ остается въ католичествѣ ничѣмъ незамѣнимымъ учрежденіемъ. Въ теченіе всего этого времени она всегда стояла—и теперь стоит—на высотѣ своего положенія. И можно съ увѣренностью сказать, что пока католичество будетъ оставаться католичествомъ, т. е. пока будетъ вѣрно себѣ, своимъ историческимъ завѣтамъ, до тѣхъ поръ оно сохранитъ свои семинаріи: настолько семинаріи эти соотвѣтствуютъ общему духу католицизма и, въ частности, потребностямъ католическаго священника. Едва ли рискованно будетъ даже обратное утвержденіе, что если католичество уничтожитъ свои семинаріи, то это отразится на всемъ строѣ его церковной жизни. Принципіальная постановка воспитанія и обученія въ нихъ сдѣлана съ такимъ умѣиємъ и продуманностью, что, съ точки зрѣнія послѣдовательности, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Всѣми признано, что лучшіе въ мірѣ воспитатели—іезуиты. Воспитаніе всегда служило обычнымъ средствомъ іезуитской пропаганды. Посредствомъ воспитанія пріобрѣтали они симпатіи населенія; посредствомъ воспитанія вербовали новыхъ членовъ ордену; посредствомъ воспитанія окатоличили Польшу до забвенія ею своей народности. Но іезуитская педагогическая система малымъ чѣмъ отличается отъ общекатолической семинарской: она есть лишь дальнѣйшая,— правда, болѣе обширная и сложная,—надстройка на тѣхъ самыхъ началахъ, которыя лежатъ въ основаніи педагогикъ семинарской. Іезуитизмъ, какъ послѣднее слово католиче-

ства¹⁾, развили эти начала, сдѣлали изъ нихъ конечные выводы и довели свою педагогическую систему, если можно такъ выразиться, до возможнаго максимум'a продуктивности. Въ семинаріяхъ—та же дисциплина, та же нравственная аскеза, тѣ же методы преподаванія, что и въ іезуитскихъ школахъ. Въ основаніи семинарской учебной программы лежитъ іезуитскій планъ обученія «*Ratio et institutio studiorum societatis Iesu*». Семинарскія руководства и учебныя пособія большею частью написаны іезуитами. Наконецъ, во многихъ странахъ²⁾ долгое время въ рукахъ іезуитовъ находилось самое управленіе семинаріями. Насколько намъ извѣстно, іезуитамъ и въ настоящее время принадлежатъ два высшихъ духовно-учебныхъ заведенія—духовная коллегія въ Инсбрукѣ (въ Австріи) и богословскій факультетъ при Лувенскомъ университетѣ (въ Бельгіи). Самое имя „іезуитъ“, которое у насъ считается синонимомъ челоуѣка, по меньшей мѣрѣ, нравственно нечистоплотнаго, въ католическихъ семинаріяхъ произносится не иначе, какъ съ чувствомъ глубокаго и благоговѣйнаго уваженія. Вся разница между той и другой системой воспитанія сводится, въ сущности, къ разницѣ въ конечной цѣли воспитанія: іезуитскія школы дѣлаютъ іезуитовъ, а семинаріи—патеровъ. А. Кактыль.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Ю. Ю. Самаринъ. Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи. Москва. 1870, стр. 273.

²⁾ Въ томъ числѣ и у насъ въ Россіи въ началѣ XIX в. Замѣчательно, что оо. іезуиты охотно принимали тогда въ свои начальныя школы при церквахъ и дѣтей *православнаго духовенства*, какъ это случалось на далекихъ окраинахъ Россіи,—напр., въ Астраханской епархіи,—гдѣ удобнѣе всего имъ было заниматься пропагандой. Ред.

Вопіющіе недочеты нашего церковнаго хозяйства.

Давно назрѣвшій вопросъ о созваніи Всероссийскаго помѣстнаго церковнаго собора можно считать рѣшеннымъ въ положительномъ смыслѣ, при чемъ самое созваніе его лишь *отсрочено* пока Государемъ Императоромъ до болѣе благопріятнаго, спокойнаго времени, когда болѣе или менѣе ликвидируется тяжелая и несчастная для насъ война съ Японіей, и уляжется не менѣе же тяжелая внутренняя смута. Этою отсрочкою, по нашему мнѣнію, и нужно воспользоваться для того, чтобы поднять въ печати по возможности всѣ тѣ больные вопросы нашего церковнаго строя и нашей церковной жизни, которые требуютъ неотложнаго соборнаго рѣшенія, освѣтить ихъ и высказаться по нимъ съ различныхъ сторонъ, вообще—основательно подготовиться къ предстоящимъ *днянямъ* собора. Къ числу такихъ вопросовъ относится, между прочимъ, и вопросъ о веденіи церковнаго хозяйства вообще, тѣсно связанный съ реорганизаціей прихода. Въ настоящей замѣткѣ мы коснемся этого вопроса лишь въ самыхъ общихъ чертахъ и самыхъ рѣзкихъ аномаліяхъ, насколько, главнымъ образомъ, аномаліи эти выяснились въ замѣткахъ и статьяхъ самаго послѣдняго времени—*архим. Михаила и В. . .* („Поборы съ церковью“ и „Еще о поборахъ съ церковью“—„Церк. Вѣст.“), *свящ. Г. Ялудинскаго* („Къ вопросу объ обложеніи церковью епархіи на епархіальныя потребности: разными сборами“—Пензенск. епарх. вѣдом.) и анонимнаго автора Пермской епархіи („Къ вопросу объ участіи прихожанъ въ завѣдываніи церковнымъ хозяйствомъ“—Пермск. епарх. вѣдом.).

Какъ извѣстно, съ каждой приходской церкви высшею духовною властію установлены особые сборы на различныя епархіальныя потребности, а также производятся опредѣленныя съѣздами духовенства, съ утвержденія мѣстнаго епархіальнаго начальства, многочисленныя процентныя отчисленія на мѣстныя нужды. Процентныя отчисленія обыкновенно распределяются по церквамъ епархіи соотвѣтственно коли-

честву прихожанъ каждой церкви, а не дѣйствительнаго поступления доходовъ; если же берется во вниманіе доходность, то она учитывается напередъ. Съ другой стороны, съѣзды нерѣдко оказываются настолько щедрыми на обложенія церквей, что приходится только диву даваться. Вотъ въ высшей степени интересная табличка обложенія одной церкви, приводимая архим. Михаиломъ. Доходы этой церкви исчислены были въ 123 руб. 94 коп. Изъ нихъ взято:

25 ⁰ / ₀ —взамѣнъ свѣчнаго дохода	30 руб. 40 коп.
около 1½ ⁰ / ₀ —въ пользу попечительства	2 " 15 "
27 ⁰ / ₀ —на содержаніе окружнаго духовнаго мужского училища	34 " 6 "
23 ⁰ / ₀ —на расширеніе помѣщеній того учи- лища	28 " 48 "
5 ⁰ / ₀ —на устройство общежитія	7 " 44 "
3 ⁰ / ₀ —на содержаніе пансіона	3 " 72 "
3 ⁰ / ₀ —на нужды семинаріи	3 " 72 "
4 ⁰ / ₀ —на содержаніе приходской школы	4 " 96 "
около 17 ⁰ / ₀ —жалованье благочинному	20 " — "
10 ⁰ / ₀ —на выписку бланковъ	12 " 22 "
4 ⁰ / ₀ —въ эмеритальную кассу	4 " 96 "
немного ниже 1 ⁰ / ₀ —за книгу	1 " 10 "
немного болѣе 5 ⁰ / ₀ —по кружкамъ	6 " 48 "

Всего—128½⁰/₀!

Это уже—не сборъ, а какой-то невѣроятный, невозможный, если хотите—даже противозаконный *наборъ*! Приведенная цифра, — по справедливому замѣчанію, архим. Михаила, — удивляетъ своею фантастичностью; съ установленной нормы берутъ значительно болѣе 100%! Откуда же—спрашивается—взять эти 128½⁰/₀, когда отдано все, что церковь приобрѣтаетъ? Предполагается, очевидно, что церковь имѣетъ болѣе нормы. Но тогда—зачѣмъ же установлена эта норма. и на чемъ основывается право брать болѣе, чѣмъ по

законно установленной и не отмененной нормѣ церковь имѣть?—Должны быть установлены доходы церкви, и точно опредѣленъ предѣльный процентъ обложенія. Иные сборы будутъ уже поборами, незаконнымъ расхищеніемъ церковныхъ суммъ...

Указанными выше процентными отчислениями поборы съ церковей далеко еще не ограничиваются. Они безконечны,—говорить архим. Михайль. Они рождаются и растутъ, какъ новорожденный богатырь въ русскихъ народныхъ сказкахъ: не по днямъ, а по часамъ. Совершенно неожиданно вдругъ церковь получаетъ сообщеніе, что за бланки нужно вмѣстѣ 3 коп. заплатить по 7 коп. съ листа (4 руб.); что нужно выписать приходо-расходныя книги на трехлѣтіе 1907—1909 годы (около 5 руб.) и заплатить за ситечко для процѣживанія вина 3 руб. 60 коп. Это еще 10% обложенія.—Свѣчи вчера стоили 30 руб. пудъ, сегодня онѣ стоятъ 32 руб., хотя воскъ дороже не сталъ:—это „косвенное обложеніе“.—Еще день—и присылаютъ для бесплатной раздачи листки: „Слова Государя рабочимъ“, изданные консисторіей... по 5 коп., за мстокъ, хотя онъ состоитъ всего лишь изъ 1/2 страницы in 8°!

А что такое,—спрашиваетъ архим. Михайль,—самыя эти книги, за которыя берутъ по 7 коп. съ листа?

Вотъ листы для метрическихъ выписей всѣмъ призываемымъ. Въ селѣ П—ѣ, С—ой епархіи, въ нынѣшнемъ году ихъ потребовалось 500 штукъ. Причѣмъ и церковь за нихъ ничего не получаютъ:—за что же платить за нихъ церковь? Приходо-расходныхъ наличныхъ книгъ достало бы еще лѣтъ на шесть:—зачѣмъ же новыя книги?.. *Книга о приходѣ и расходѣ вѣнчиковъ!*.. Вѣнчики даются церкви впередъ на годъ и болѣе. Въ концѣ года—отчетъ, при чемъ за всѣ вѣнчики, оказавшіеся проданными въ теченіе года, церковь уплачиваетъ деньги. Очевидно, вся запись за отчетный годъ должна занять не болѣе двухъ строчекъ: 1) продано столько-то; 2) деньги уплачены. Для чего эта книга о приходѣ и рас-

ходь вѣнчиковъ, когда для указанной записи есть еще и особые листки въ двухъ экземплярахъ? А книга стоитъ 1 руб. 35 коп. (плата за особые синодскіе листы—отдѣльно). Не нужно забывать также при этомъ, что церковь рѣшительно никакого дохода отъ продажи вѣнчиковъ не получаетъ, расходы же, по какой-то особой логикѣ, несетъ.

Еще далѣе: книга для записи братскаго дохода—7 руб., дорожные расходы—на „депутатовъ“ и пр. И въ придачу ко всему этому—постоянные сборы для чужихъ цѣлей: на Палестинское Общество, въ пользу слѣпыхъ и мн. т. п.

Какъ же церкви умудряются уплачивать всѣ эти поборы, въ концѣ концовъ доходящіе уже до 150% съ установленнаго ихъ дохода?

Нѣкоторые причты въ такихъ случаяхъ обращаются къ благотворителямъ. Но гдѣ найти постоянныхъ—и притомъ щедрыхъ—благотворителей въ селѣ на дѣло, часто не имѣющее ровно никакого отношенія къ религіозной жизни прихода?—Обращаются къ временнымъ займамъ у частныхъ лицъ, вслѣдствіе чего нѣкоторыя церкви никогда не выходятъ изъ долговъ. Когда мы писали эти строки, случайно посѣтившій насъ священникъ мѣстечка К., Ч-й епархіи, сказалъ, что его церковь во всѣхъ подобныхъ случаяхъ выручаетъ одинъ мѣстный еврей Ицко Г...: онъ даетъ требуемую о. благочиннымъ отъ церкви сумму, а самъ получаетъ отъ церкви въ возвратъ ссуды (не меньше, какъ въ двойномъ размѣрѣ), коноплею (главный промыселъ жителей мѣстечка), которую потомъ староста собираетъ съ прихожанъ „на церковь“.—Наконецъ,—негдѣ грѣха таить,—поборы эти покрываются еще... *кражмами*, именно—*кражмами*: деньги, собранныя по чужимъ кружкамъ, доставляются обыкновенно не всѣ по назначенію, а часть ихъ... удерживается въ церкви. И иначе,—говоритъ архим. Михаилъ,—нельзя: придется въ уплату поборовъ продавать святыя сосуды...

Это одна крайне неприглядная сторона дѣла. Но есть еще и другая.

Прихожане постоянно, по силѣ возможности и средствъ, даютъ въ кружки, усердно ставятъ свѣчи,—а между тѣмъ—побѣлить церкви не на что, ликовъ на иконахъ не разберешь, церковной ограды совсѣмъ нѣтъ, или же отъ нея остались только однѣ жалкія развалины и т. п. Денегъ въ церкви не только нѣтъ на самыя неотложныя ея нужды, а она оказывается даже въ неоплатномъ долгу. И вотъ, нерѣдко между причтомъ и прихожанами, положительно теряющимися передъ подавляющею массою поборовъ и ихъ „экстренностью и неожиданностью“, происходятъ довольно непріятныя недоразумѣнія, поселяющія взаимное неудовольствіе. Г. В-й рисуетъ съ натуры на страницахъ „Церковнаго Вѣстника“ такую картинку.

Недавно въ одномъ небольшомъ и бѣдномъ приходѣ былъ приходской сходъ.

На обсужденіе прихожанъ былъ предложенъ священникомъ вопросъ о постройкѣ новой ограды вокругъ церкви.

Во время переговоровъ о стоимости работъ и объ изысканіи необходимыхъ средствъ между священникомъ и прихожанами произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Скажите, батюшка, сколько церковь даетъ изъ своихъ средствъ на устройство ограды?

— Ничего.

— Какъ ничего?!

— Ничего: въ церкви нѣтъ денегъ.

— Какъ нѣтъ денегъ!? А куда дѣваются церковныя деньги,—ихъ вѣдь не мало?

— Церковь посылаетъ и платитъ на разныя учрежденія.

— А сколько церковь платитъ въ годъ?

— А вотъ спросите церковнаго старосту.

Староста выходитъ и заявляетъ прихожанамъ, что церковь посылаетъ благочинному болѣе 500 руб. въ годъ.

— „Такѣ“!—Въ Малороссіи это слово выражаетъ полное недоумѣніе и недовѣріе.

Среди схода раздаются голоса: „Это неправда!.. Это обманъ!... Вѣроятно, деньги дома, но не въ церкви“.

Священникъ, чтобы убѣдить прихожанъ, что онъ и староста говорятъ вѣрно о расходахъ церковныхъ денегъ, послалъ за журналомъ для записи расходовъ по церкви и прочиталъ прихожанамъ слѣдующія статьи расхода:

1. На содержаніе духовнаго училища	78 руб. 76 к.
2. На содержаніе женскаго училища	50 руб. — к.
3. На содерж. церк.-приходскихъ школъ	55 руб. — к.
4. На усиленіе средствъ свѣчнаго завода	30 руб. 26 к.
5. Въ вѣдѣніе Св. Синода	35 руб. 19 к.
6. На содержаніе V стол. консисторіи	2 руб. 50 к.
7. На квартирное пособіе чиновникамъ кон- систоріи	2 руб. 50 к.
8. Жалованье благочинному	10 руб. — к.
9. На бѣдныхъ духовнаго званія	12 руб. 60 к.
10. На содерж. церк.-учительской школы	3 руб. 15 к.
11. На выписку журналовъ—обязательныхъ „Церковныхъ Вѣдомостей“ и „Епар- хіальныхъ Вѣдомостей“	8 руб. — к.
12. На выписку метрическихъ книгъ, испо- вѣдныхъ книгъ и разныхъ бланковъ	23 руб. 65 к.
<hr/>	
Итого	314 руб. 61 к.

— На всѣ эти расходы имѣются квитанціи,—заявляетъ священникъ.

— Довольно, батюшка: вполне мы теперь видимъ, что вы и староста тутъ ни при чемъ,—~~работъ церкви другіе (?)~~.

Послѣ этого прихожане на сходѣ пришли къ такому рѣшенію: „Ограды пока не строить; старостѣ церковному заявляемъ, что если онъ осмѣлится выдать изъ церкви хоть одну копейку безъ нашего, прихожанъ, согласія, то мы устранимъ его отъ должности и поставимъ другого продавать свѣчи“.

— Этого сдѣлать нельзя, — заявилъ священникъ и попытался пригрозить жалобой архіерею. Вышло хуже: прихожане съ приподнятымъ настроеніемъ заявили священнику слѣдующее:

— Вы, батюшка, жалуйтесь архіерею, а мы всѣмъ приходомъ подадимъ заявленіе Св. Синоду и будемъ просить прекратить грабежъ нашей церкви. Мы ставимъ свѣчку и думаемъ, что эта копейка идетъ въ пользу нашей церкви; а оказывается, что эта копейка идетъ на содержаніе чиновниковъ консисторіи и на устройство свѣчного завода, а церкви наши стоятъ ободраны. Довольно. Если Св. Синодъ не уважить нашего ходатайства, то мы продажу свѣчей сдѣлаемъ приходскою и вырученныя деньги будемъ класть въ кассу въ пользу церкви. Церковь — мы всѣ, и церковными деньгами должны распоряжаться всѣ прихожане, совмѣстно съ духовенствомъ, а не одни священники.

Чѣмъ разрѣшится этотъ конфликтъ, — трудно сказать. Но прихожане твердо рѣшили настоять на своемъ; къ нимъ присоединился и церковный староста. Священникъ не знаетъ, что ему дѣлать: скоро полугодичный отчетъ, а староста рѣшительно заявилъ, что безъ согласія прихожанъ не дастъ ни одной копейки.

Главнѣйшими источниками доходовъ каждой приходской церкви служатъ: 1) кружечный и кошельковый сборы, 2) чистая выручка отъ продажи свѣчей и 3) пожертвованія разныхъ видовъ.

Кружечный сборъ составляется изъ добротныхъ даяній прихожанъ въ церковныя кружки, установленныя для сбора пожертвованій на необходимыя нужды храма, на его украшеніе и благолѣпіе. Кошельковый сборъ составляютъ такія же добротныя даянія прихожанъ въ кошелечекъ, или на блюдо, обносимые, какъ и кружки, въ извѣстное время за богослуженіями. Кружечный и кошельковый сборы, какъ поступающіе исключительно въ пользу приходской церкви и существенно не различающіеся между собою, соединены

вмѣстѣ и по приходнымъ книгамъ всегда показываются нераздѣльно.

Свѣчной доходъ составляется отъ продажи свѣчей и огарковъ и служитъ самою главною статьею доходовъ каждой церкви. Въ виду преобладающаго значенія этого дохода въ хозяйствѣ церквей, разными узаконеніями и постановленіями высшей духовной власти право изготовленія церковныхъ свѣчей представлено Духовному Вѣдомству, и только однимъ церквамъ дана привиллегія продажи ихъ въ розницу, что имѣетъ въ высшей степени важное значеніе для увеличенія свѣчного года и благосостоянія церкви.

Пожертвованія въ церковь поступаютъ въ видѣ добротныхъ приношеній деньгами и натурой. Деньги жертвуются или вообще на украшеніе храма, или же на различныя частныя нужды его—на поновленіе иконостаса, на сооруженіе иконы, на ризницу и т. п. Вмѣсто денегъ на эти нужды жертвуются и собираются иногда холстъ, хлѣбъ и проч.; все это затѣмъ продается, и деньги поступаютъ въ церковь.

Доходность, поступающая изъ всѣхъ указанныхъ источниковъ, записывается въ соотвѣтствующія приходныя книги церкви примѣнительно къ установленной формѣ записи прихода, съ указаніемъ рода поступленія церковныхъ суммъ, и расходуется на основаніи существующихъ правилъ о расходованіи церковныхъ суммъ.

Съ внѣшней стороны церковное хозяйство ведется, такимъ образомъ, вполнѣ, повидимому, правильно. Но не такъ бываетъ на самомъ дѣлѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 27-го августа 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 37.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года сентября 11-го.

Содержаніе: Миръ съ Японіей.—Сельская община и ея значеніе въ цер-
ковно-приходской жизни.—Приготовленіе къ пастырскому служенію
въ католичествѣ (продолженіе).—Воюющіе недочеты нашего пер-
ковнаго хозяйства (окончаніе).—Воззваніе.

Миръ съ Японіей.

Россія заключила миръ съ Японіей. Кровавопролитѣйшая война, успѣвшая поглотить миллиарды рублей и стоившая жизни сотенъ тысячъ людей, прекращена вмѣшательствомъ изворотливой дипломатіи, которая не сумѣла или незахотѣла предотвратить враждебное столкновеніе въ началѣ, но зато сумѣла выработать почетныя условія для замиренія воюющихъ въ то время, когда теченіе обстоятельствъ, сильно поколебавши престижъ Россіи, привело ея манчжурскую армію къ твердой рѣшимости отстаивать жизненные интересы родины и во что бы то ни стало возстановить свою занятнанную честь. Отнынѣ Россія и Японія освобождаются отъ тяготы военнаго времени и возвращаются на путь мирнаго развитія своей внутренней жизни.

Но съ какими противоположными мыслями и чувствами вчерашніе враги должны теперь приняться за свои на время забытыя домашнія дѣла! Одни упоены побѣдами, которыя неизбѣнно сопутствовали имъ отъ Тюренчена до Портсмута, а другіе испытываютъ горькое чувство стыда, униженія, позора. Кто можетъ поручиться, что при такомъ настроеніи двухъ могущественныхъ народовъ достигнутое между ними соглашеніе окажется прочнымъ и не вызоветъ въ будущемъ новыхъ политическихъ осложненій? Международный миръ есть величайшее благо только тогда, когда служить выраженіемъ взаимнаго доброжелательства народовъ, ихъ искренней любви къ благамъ культуры и нелицемѣрнаго желанія рука объ руку работать на пользу человѣчества. Но когда этотъ миръ покушается цѣною національнаго униженія, одной изъ замиренныхъ сторонъ и только прикрываетъ взаимное недоверіе и жажду кровавой расплаты, онъ является такимъ же тяжелымъ народнымъ испытаніемъ, какъ и война... Мы боимся, чтобы миръ съ Японіей не принесъ русскому народу разочарованія...

Если бы вопросъ шелъ только о территоріальныхъ уступкахъ и вообще о матеріальныхъ жертвахъ, то русскіе люди были бы совершенно покойны. Богатства Россіи неистощимы, а ея миролюбіе и великодушіе, извѣстныя всему міру, легко могли бы облагодѣтельствовать Японію и при другихъ обстоятельствахъ. Но не слѣдуетъ забывать, что во все время нашей войны съ Японіей мы стояли лицомъ къ лицу предъ вопросомъ о величій нашей родины и о той громадной моральной силѣ, которая нужна ей для безостановочнаго движенія впередъ по пути прогресса.

Въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ Россія приобщила къ своему государственному организму множество народностей, въ отношеніи которыхъ она поставила своею священною задачею—содѣйствовать росту ихъ внутренняго благосостоянія и развитію лучшихъ сторонъ ихъ культуры. Выполненіе этой задачи можетъ быть обезпечено только благоговѣніемъ входящихъ въ

составъ государства народностей къ величію русскаго имени. Такъ было всегда и у всѣхъ народовъ. Поэтому, когда политическія обстоятельства дѣлають вызовъ этому имени, Россія не можетъ уклоняться отъ него и, взявшись за мечъ, должна всегда доводить дѣло до полной побѣды. Въ началѣ войны съ Японіей русскій народъ сильно почувствовалъ это, и на разбойническое нападеніе японскаго флота отвѣтили бурными патріотическими манифестаціями. Но, къ сожалѣнію, въ продолженіе войны мы оказались безсильны выставить впередъ людей, которые бы использовали патріотическое чувство народа, вдохновились на подвиги и привели армію къ побѣдѣ надъ врагомъ. И вотъ теперь престижъ *побѣдоносной* нашей арміи палъ даже въ ея собственныхъ глазахъ. И хотя С. Ю. Витте говоритъ, что Россія остается великой державой на Дальнемъ Востокѣ и останется ею вовѣки, однако кто можетъ напередъ учеть, сколько затрудненій принесетъ ликвидація настоящей войны нашей окраинной государственной политикѣ, уже теперь обнаруживающей какую-то неувѣренность и робость?.. Дай Богъ, чтобы изъ новаго тяжелаго испытанія Россія вышла съ подобающею ей честью, и чтобы пролитая кровь сотенъ тысячъ русскихъ храбрецовъ послужила *довольною* искупительною жертвою за всѣ наши ошибки и за все наше пренебреженіе къ тѣмъ неотвратимымъ обязанностямъ предъ великой родиной, которыя легко могутъ раздавить насъ, если мы окажемся неисправимыми!

Вмѣстѣ съ тѣмъ, дай Богъ, чтобы у нашего правительства нашлось достаточно силъ для осуществленія тѣхъ широкихъ реформъ во внутренней жизни Россіи, которыя намѣчены въ связи съ учрежденіемъ Государственной Думы! Только сильное и авторитетное правительство можетъ обезпечить народу правильное пользованіе свободою вѣроисповѣданія, свободою слова, свободою предвыборныхъ собраній и другими благами современной цивилизаціи. Гдѣ правительство слабо и не чувствуетъ подъ собою твердой почвы, тамъ эти блага оказываются величайшимъ бѣдствіемъ для народа. Не

будемъ скрывать отъ себя, что неудачная война съ Японіей сильно поколебала авторитетъ нашего правительства, и теперь всѣмъ намъ предстоитъ великая работа надъ восстановленіемъ или—лучше—надъ созданіемъ моральной силы Россіи, столь нужной ей въ настоящую историческую минуту. Дай Богъ, чтобы мы поняли это и выполнили предъявляемыя намъ внутреннею жизнью задачи съ большимъ воодушевленіемъ, съ большей энергіей и настойчивостью, чѣмъ дѣлали это до сихъ поръ, во время войны!

Изъ войны съ Японіей мы *должны были* выйти побѣдителями, хотя бы для этого пришлось принести на алтарь отечества громаднѣйшія жертвы. По Богу угодно было послать нашей арміи тяжелое испытаніе—лишить ее побѣды, въ которую мы всѣ такъ горячо вѣрили. Во имя тѣхъ русскихъ воиновъ, которые съ священнымъ энтузіазмомъ пролили свою драгоцѣнную кровь за честь Россіи, примиримся съ совершившимся, и проникнемся уваженіемъ къ нравственнымъ страданіямъ возвращающейся на родину манчжурской арміи...

Свящ. Н. Гр.

Сельская община и ея значеніе въ церковно-приходской жизни¹⁾.

Вопросъ о значеніи сельской общины въ церковно-приходской жизни весь сводится къ тому участию, какое первая принимаетъ въ послѣдней. Собственно говоря, нѣсколько страннымъ представляется поднимать этотъ вопросъ, потому что у насъ, на Руси, издавна приходская община служила синонимомъ сельской; слѣдовательно, послѣдняя, въ силу самаго своего существованія, должна, повидимому, принимать участіе въ жизни прихода. Однако дѣйствительность, особенно современная, нерѣдко даетъ намъ примѣры совершенно

¹⁾ Вопросъ затронутъ недостаточно глубоко, но статья печатается, главнымъ образомъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы вызвать желательный общинный мѣтніи.

противоположнаго характера. Въ наше время нерѣдко случается, что прихожане не принимаютъ почти никакого участія въ жизни своего прихода: не бывають въ храмѣ, не заботятся о его благолѣшии, мало думаютъ о подъемѣ христіанской жизни какъ собственной, такъ и своихъ односельцевъ и проч. Какимъ же это образомъ произошло, и насколько возможна въ наше время для пастырей Церкви борьба съ указаннымъ явленіемъ?

Въ русской соціально-приходской жизни со времени принятія нашими предками христіанства и до послѣднихъ дней можно наблюдать два великія теченія, оказавшія могущественное вліяніе на религіозно-церковное состояніе и нравственно-практическія отношенія. До конца почти XVI в. приходская жизнь развивалась совершенно свободно. Не управляемые въ религіозно-церковныхъ отношеніяхъ спеціальными государственными законами, члены прихода, составлявшіе паству, принимали сами собою дѣятельное участіе въ своей соціально-приходской жизни. Съ конца XVI и начала XVII в. замѣчается крутой поворотъ въ сторону жизни государственно-юридической. Соціально-экономическіе и юридическіе интересы преобладають надъ прочими. Сельское населеніе, крестьянское, закрѣпощается у помѣщиковъ.

Новымъ установившимся порядкомъ совершенно почти игнорируется народная религіозно-церковная жизнь; пасомые лишаются всѣхъ, свойственныхъ имъ по челоуѣчеству и усвояемыхъ христіанствомъ, правъ и невольно отдѣляются отъ своего прежняго центра—храма съ пастыремъ—цѣлюю сѣтью экономическихъ и юридическихъ связей съ помѣщиками. Въ 1861 г. правительство освобождаетъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Преслѣдуя однакоже прежнія экономически-юридическія цѣли, оно рассчитываетъ, что въ этомъ отношеніи бѣльшая польза получится отъ свободныхъ административно-экономическихъ единицъ государственныхъ, чѣмъ отъ единицъ, связанныхъ оковами рабства. Съ этою цѣлю оковы разрываются, но прежней формы русской обще-

ственно-государственной жизни не возвращаютъ. Соціальная экономически-юридическая жизнь и жизнь церковно-приходская, религіозно-нравственная опять остаются въ раздѣленіи; обѣ онѣ только упорядочиваются, организуются, хотя не въ одинаковомъ смыслѣ и не съ одинаковыми цѣлями: первая Положеніемъ о крестьянахъ возводится на степень обязательнаго для всѣхъ крестьянъ государственнаго закона, нарушение котораго тяжко наказывается; вторая дѣлается, какъ и слѣдуетъ по основной идеѣ новаго порядка, предметомъ свободныхъ отношеній крестьянъ. Если просмотрѣть всѣ статьи Положенія, то не трудно замѣтить, что организація сельской общины рассчитана на полное удовлетвореніе внутри себя всѣхъ своихъ потребностей не только исключительно экономическихъ или юридическихъ, но и соціально-нравственныхъ. Ей вмѣняется въ обязанность призывать престарѣлыхъ, дряхлыхъ, увѣчныхъ членовъ своихъ (ст. 580), открывать съ этою цѣлью соотвѣтствующія благотворительныя учрежденія, отдавая ихъ подъ надзоръ сельскаго старосты или волостного старшины (ст. 583), совершенно независимо отъ вліянія пастыря и Церкви. Приписывается наблюдать за нравственнымъ состояніемъ всѣхъ членовъ (чтобы они не пьянствовали, не распутничали, не чинили вообще никакихъ безобразій—ст. 153), сопровождая въ важныхъ случаяхъ свое „наблюденіе“ репрессивными мѣрами по отношенію къ провинившимся членамъ и даже „предоставленіемъ ихъ въ распоряженіе правительства“,—но опять-таки безъ всякаго вліянія и участія Церкви.

На ряду съ этой административно-государственной единицей и ея перечисленными частными соціально-нравственными и практическими задачами существуетъ другая—церковно-приходская единица, которая поставляетъ означенныя морально-практическія цѣли уже не частною только своею задачею, но и спеціальною.

Разница между этими двумя общинами заключается въ томъ, что тогда какъ первая сопровождаетъ свои функціи

принудительно-репрессивными мѣрами, вторая предполагаетъ свободную волю каждаго члена приходской общины въ качествѣ необходимаго фактора тѣхъ или иныхъ социально-приходскихъ дѣйствій... Напр., призрѣніе стариковъ, калѣкъ и нищей братіи для сельской административно-экономической единицы безусловно обязательно, какъ требованіе закона, нарушеніе котораго влечетъ за собою наказаніе. Это же призрѣніе для церковно-приходской общины вовсе не обязательно: она можетъ призрѣвать ихъ, но можетъ и не давать имъ ни копейки на ихъ содержаніе, — никакого наказанія за это не полагается. Пастырямъ предоставляется располагать пасомыхъ къ дѣламъ благотворенія и пользоваться плодами этого убѣжденія, поскольку они являются результатомъ свободной дѣятельности. Точно такъ же обстоитъ дѣло и съ разнаго рода порочными наклонностями и поступками: пьянствомъ, распутствомъ и др. Церковный приходъ, какъ таковой, не можетъ контролировать ихъ, примѣняя къ нимъ постепенный рядъ карательныхъ мѣръ; онъ не составляетъ государственной единицы, которая бы могла воспитывать своихъ членовъ, имѣя право переходить отъ убѣжденія къ побужденію и отъ послѣдняго — къ наказанію. Онъ дѣйствуетъ главнымъ образомъ путемъ внутренняго вліянія на жизнь и поступки прихожанъ. — Послѣднее вполне понятно и согласно съ духомъ христіанскаго ученія. Но дѣло въ томъ, что нашъ русскій простой народъ еще недостаточно развитъ для того, чтобы понимать настоящій смыслъ и характеръ истинно-христіанской жизни. Отсюда произошло то, что авторитетъ Церкви и духовенства въ періодъ 60—90 гг. значительно пошатнулся. Къ этому нужно присоединить еще и прямое предписаніе законодательной власти — не допускать духовенства къ участию въ вышеуказанныхъ нравственно-практическихъ функціяхъ, если послѣднія совершаются помимо приходской жизни и на средства сельскаго общества. Такъ, ст. 205 Положенія гласитъ, что „мірскимъ обществамъ дозволяется предоставлять сельскихъ обывателей и сельскихъ обывательницъ

дурного поведения въ распоряженіе правительства. Лица, передаваемые въ распоряженіе правительства, высылаются прямо въ Сибирь“ (стр. 1029 изъ общаго Положенія о крестьянахъ—И. Л. Горемыкинъ, т. II, ч. 2-я). А Правит. Сенатомъ 4 мая 1884 г. было разъяснено, что „хотя обществамъ и дозволяется выселять вредныхъ и порочныхъ своихъ членовъ, однако приговоры эти должны быть составляемы по инициативѣ самого общества, безъ всякаго на то посторонняго вліянія и внѣшняго воздѣйствія“; поэтому, многіе приговоры, составленные подъ вліяніемъ духовенства, были Сенатомъ лишены силы ¹⁾.

Руководствуясь подобными указаніями высшихъ правительственныхъ инстанцій, отдѣльные, низшіе представители гражданской власти во многихъ мѣстахъ далеко не дружелюбно относятся ко всякаго рода начинаніямъ духовенства, если, конечно, эти начинанія такъ или иначе касаются подвѣдомой имъ административно-экономической сферы. Подобный случай, напр., недавно имѣлъ мѣсто въ Орловской губ. Одинъ изъ сельскихъ священниковъ убѣдилъ сходъ сдѣлать постановленіе объ ассигновкѣ свободныхъ общественныхъ суммъ на неотложныя нужды церкви. Въ отвѣтъ на это мѣстный земскій начальникъ, которому былъ представленъ указанный приговоръ на утвержденіе, обвинилъ ревностнаго пастыря... чуть ли не въ возмущеніи крестьянъ противъ властей ²⁾.

Подобныхъ „ревностныхъ стражей закона“ въ наше время развелось на Руси довольно много ³⁾, такъ что иногда само правительство должно вмѣшиваться, чтобы обуздать ихъ произволь и антицерковныя стремленія. Не довольствуясь

¹⁾ „Сводъ узаконеній и распоряженій правительства объ устройствѣ сельскаго состоянія и учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ“. Горемыкинъ, т. I ч. I, стр. 74, изд. 1898 г.

²⁾ „Церк. Вѣстн.“ 1903 г., стр. 1191.

³⁾ См. Тамб. ен. вѣд. 1901 г., № 5; Иркут. ен. вѣд. 1901 г., № 3 и др.

этого рода противодействием приходской жизни, некоторые интеллигенты ведут еще и подпольную пропаганду посредством разнаго рода брошюръ и листовъ¹⁾, а то и просто подговариваютъ крестьянъ на все противо-церковное, иногда производя на нихъ, гдѣ это возможно, экономическое давленіе. Въ № 3-мъ Владикавказскихъ свѣдомостей за 1901 г. сообщалось о томъ, какъ одинъ генераль (изъ осетинъ, правда) возмущалъ мѣстныхъ прихожанъ противъ церковно-приходской школы и т. п.

Все это, конечно, не можетъ служить хорошей почвой для развитія церковно-приходской жизни, для участія въ ней сельскихъ обществъ. Крестьянинъ, видя постоянно передъ глазами дурные примѣры и не получая никакого почти поощренія къ участію въ приходской жизни со стороны властей, и самъ постепенно охлаждаетъ въ своихъ приходскихъ чувствахъ и стремленіяхъ. Въ доброе старое время онъ смотрѣлъ на приходскую свою жизнь, въ нѣкоторомъ родѣ какъ бы на семейную: „батюшку“ почиталъ—какъ отца, соприхожанъ—какъ братьевъ, и потому не допускалъ въ отношеніи къ нимъ по возможности никакого лукавства или обмана, былъ искрененъ и ревностно заботился о благолѣпіи храма, о христіанской жизни, о призрѣніи бѣдныхъ и пр. Теперь не то. Не такъ давно свящ. Смирягинъ²⁾, на основаніи цѣлаго ряда фактовъ, сдѣлалъ подсчетъ церковно-приходскимъ, такъ сказать, чувствамъ и стремленіямъ современныхъ нашихъ крестьянъ. Результатъ получился очень неутѣшительный. Массы прихожанъ, какъ оказалось, стремятся не къ храму, а подальше отъ него; добрыя приходскія чувства исчезли; любовь и уваженіе къ священнику замѣнились ненавистью и презрѣніемъ, которыя нерѣдко выражаются въ открытыхъ оскорбленіяхъ. вмѣсто того, чтобы заботиться о благолѣпіи храма, соблюденіи его святости, безстрашно на-

¹⁾ „Церкви. Вѣд.“ 1901 г., № 24, стр. 229.

²⁾ См. его брошюру: „Интеллигенція и народъ“, изд. 1903 г.

рушаютъ послѣднюю, разграбляя храмы и унося изъ нихъ все, что можно. У всѣхъ еще въ памяти недавняя попытка злоумышленниковъ взорвать вблизи Курска чудотворную икону Богоматери, а на дняхъ закончилось разборомъ въ Казанскомъ окружномъ судѣ еще болѣе возмутительное дѣло—святотатственнѣйшая кража чудотворной иконы Казанской Богоматери.

Разнаго рода церковно-приходскія учрежденія, — въ родѣ, напр., братствъ, церковно-приходскихъ попечительствъ, — на которыя духовное и свѣтское правительства такъ много возлагали надеждъ, возобновляя въ законодательномъ порядкѣ ихъ дѣятельность въ 60-хъ годахъ, далеко не оправдали этихъ надеждъ. Имѣя своею главною задачей—привлечь массы крестьянскаго сельскаго люда къ участію въ церковно-приходской жизни, эти учрежденія осуществляли цѣль только частнымъ образомъ и въ немногихъ мѣстахъ. Вотъ что пишетъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ обозрѣватель дѣятельности этого рода учреждений: „въ общемъ церковно-приходскія попечительства на жизнь народную почти не оказываютъ вліянія... Бѣда нашей деревни при теперешнихъ условіяхъ ея быта состоитъ въ томъ, что жизнью прихода, его нуждами и запросами, кромѣ, такъ сказать, присяжныхъ его радѣтелей, священниковъ и духовенства вообще, мало кто изъ прихожанъ интересуется. Крестьянская масса, простой народъ, по своей отсталости, или, какъ говорятъ, некультурности, общественными вопросами вовсе не интересуются; онъ весь входитъ въ интересы своего собственнаго существованія, своихъ хозяйственныхъ нуждъ... Ему въ большинствѣ дорого только то, что нужно для него лично... Онъ очень подозрительно относится ко всякимъ вообще сходкамъ и собраніямъ, гдѣ, кромѣ его присутствія, нужна бываетъ для общаго блага и какая-либо складчина, какой-либо взносъ“¹⁾...

¹⁾ „Церк. Вѣстн.“ 1903 г., стр. 675.

Однако, въ утѣшеніе всѣмъ истиннымъ пастырямъ, нужно замѣтить, что этими исключительно мрачными явлениями суть дѣла, къ счастью, не исчерпывается вполне: это — оборотная только сторона медали. Если послѣднюю перевернуть и посмотрѣть съ лицевой стороны, то тамъ можно увидѣть не мало и отраднаго. Какъ свидѣтельствуемъ современная церковно-приходская практика, въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ сельскія общины принимаютъ самое активное участіе въ жизни приходовъ. Бываетъ это по преимуществу тамъ, гдѣ приходскіе священники отличаются энергіей, искреннею преданностію своему долгу и особенною пастырскою ревностію. Такъ, „Церковный Вѣстникъ“ въ № 13 за 1903 г. сообщаетъ, на основаніи частныхъ корреспонденцій, что въ м. Любарѣ, Курской губ., сельскій сходъ постановилъ, подъ вліяніемъ мѣстнаго священника, 12 янв. 1903 г. уничтожить: „1) предсвадебныя заборы и сватанья, а равно и послѣсвадебную волокиту; 2) свадьбу зачинать въ воскресенье и оканчивать въ понедѣльникъ, такъ называемой даровщиной... безъ дальнѣйшаго угощенія; 3) вообще, способствовать тому, чтобы хмельное угощеніе не было причиною разстройства благосостоянія; 4) нарушителя приговора штрафовать по опредѣленію прихожанъ“. Въ одномъ изъ №№ Полоцкихъ ен. вѣдомостей за 1901 г. приводится случай, когда прихожане, подъ добрымъ вліяніемъ священника, рѣшили принять подъ общественный контроль поведение молодежи и налагать на разгульныхъ парней штрафы. Нерѣдко случается, что сельскіе сходы дѣлають постановленія о закрытіи винныхъ лавокъ, какъ, напр., недавно въ д. Сахновцахъ, Староконст. уѣзда, по сообщенію „Кіевскихъ Откликовъ“ и пр.

Независимо отъ всего этого, должно признать, что русское простонародье, какъ бы ни порицали его религіозно-правственнаго состоянія, все же, и по своему традиціонно-историческому прошлому и по непосредственности своего склада и характера, остается сравнительно податли-

вымъ для всякаго рода церковно-религіозныхъ вліяній. Этотъ фактъ, при наличности поддерживаемой самимъ правительствомъ цѣлой сѣти приходскихъ учреждений (кромѣ указанныхъ—еще церковно-приходскихъ школъ, богадѣлень, разнаго рода чтеній и т. п.), служить достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы сказать, что участіе сельскихъ общинъ въ церковно-приходской жизни у насъ необходимо должно имѣть мѣсто, иначе нашему народу пришлось бы сразу отказаться отъ всѣхъ своихъ историческихъ традицій, чего, конечно, не можетъ быть. Кромѣ того, существуютъ примыя предписанія правительства на этотъ счетъ, обязывающія пастырей Церкви заботиться о своихъ духовныхъ чадахъ, учить ихъ Слову Божию, совершать священнодѣйствія для нихъ и управлять ими, а пасомыхъ—повиноваться водительство пастырей. Пастыри за нерадѣніе подлежатъ строгимъ наказаніямъ—до лишенія сана включительно; а пасомые—за противленіе духовной власти—значительному ограниченію своихъ гражданскихъ правъ, штрафамъ и т. п. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что послѣдняго рода наказанія почти не практикуются. Такъ, напр., на нашей памяти въ одномъ изъ селеній Кіевской епархіи проявился кровосмѣшникъ. Мѣстный священникъ неоднократно дѣлалъ увѣщанія ему, писалъ соответствующія донесенія мѣстнымъ властямъ,—но изъ этого ровно ничего не вышло. Многіе изъ крестьянъ не бываютъ у исповѣди и св. причастія, хотя, по государственнымъ законамъ, каждому полагается приступать къ этимъ таинствамъ, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ годъ. Однако за этого рода проступки, какъ и за многіе подобныя, виновные почти никогда не подвергаются наказаніямъ.

Такимъ образомъ, хотя вплоть до настоящаго времени у насъ почва для развитія церковно-приходской жизни съ участіемъ сельскихъ обществъ и была въ общемъ благоприятна, однако самое участіе не могло получить надлежащаго развитія, потому что въ значительной степени было предоставлено полной свободѣ прихожанъ. Между тѣмъ, эти послѣдніе, не

имѣя достаточно яснаго сознанія о значеніи приходской жизни, ея смыслъ и встрѣчая очень немного побужденій къ означенной жизни со стороны социально-экономическихъ и административныхъ условій, не прилагали къ этому достаточныхъ собственныхъ усилій, а ограничивались въ массѣ слѣбнымъ подчиненіемъ традиціонно-приходскимъ инстинктамъ. Вотъ и получилась въ результатъ „православная“ Россія съ весьма слабо развитою церковно-приходскою жизнью—съ раздѣленіемъ всего государственнаго строя жизни на чисто-государственный и церковный, сельско-административный и приходскій.

Въ послѣднее время и правительство, повидимому, склоняется къ тому, чтобы уничтожить раздѣленіе между сельскою и приходскою общиною, принявъ, въ качествѣ государственной единицы, церковно-приходскую и сообщивъ ей административныя функціи. Но подобныя начинанія остаются пока еще въ качествѣ проекта и не имѣютъ серьезнаго реального выраженія. Высочайшимъ Манифестомъ отъ 26-го февраля 1903 года намѣчается цѣлый рядъ реформъ, направленныхъ къ болѣе тѣсному сближенію пастырей и паствы, сельской и приходской общинъ. Правительство,—говорится тамъ,—намѣрено „продолжать дѣятельное проведеніе въ жизнь мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію имущественнаго положенія православнаго сельскаго духовенства, усугубляя плодотворное участіе священнослужителей въ духовной и общественной жизни ихъ паствы... поставить задачею дальнѣйшаго упорядоченія мѣстнаго быта сближеніе общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ тамъ, гдѣ это представится возможнымъ“. Но, повторяемъ, никакихъ почти реальныхъ практическихъ формъ эти предположенія высшей власти еще не приняли. Не отмѣненъ даже еще законъ, воспрепятствующій пастырямъ Церкви бывать на сельскихъ и волостныхъ сходкахъ...

Все это ясно говоритъ объ одномъ: желаніе принимать участіе въ церковно-приходской жизни (и даже жить исключительно почти ею) въ нашихъ крестьянахъ далеко не оскудѣло, но это желаніе нуждается въ томъ, чтобы его постоянно подогрѣвали и возбуждали. А это налагаетъ на современныхъ пастырей великую задачу—быть постоянно на стражѣ, непрестанно напоминать насомымъ объ ихъ приходскихъ религиозно-нравственныхъ интересахъ, чтобы не очерствѣло ихъ сердце, и не заглохло стремленіе жить подь сѣнью Церкви.

Приготовление къ пастырскому служенію въ католичествѣ.

(Продолженіе ¹⁾).

Значеніе семинарій въ дѣлѣ образованія духовенства тотчасъ же было признано католическою Церковью, какъ только семинаріи открыли свою дѣятельность. Университетскій курсъ въ ту пору ничѣмъ въ сущности, кромѣ развѣ болѣе обширнаго объема, не отличался отъ семинарскаго. Впослѣдствіи, когда предметы университетскаго курса были распределены по отдѣльнымъ факультетамъ, при многихъ университетахъ были открыты богословскіе факультеты. И однако духовенство рѣшительно стало на сторону семинарій; защищая ихъ, оно защищало право Церкви на образованіе своихъ служителей,—право, отказываясь отъ котораго, она пошла бы навстрѣчу своей гибели²⁾. Въ университетахъ, гдѣ студенты-теологи живутъ въ обширной семьѣ студентовъ другихъ факультетовъ, часто ничего общаго ни съ Церковью, ни съ пастырскимъ служеніемъ не имѣющихъ, гдѣ профессора назначаются правительствомъ, гдѣ программы и планы намѣ-

¹⁾ См. № 36-й за 1905 г.

²⁾ J. B. Holzammer. Die Bildung des Clerus in kirchlichen Seminarien oder an Staatsuniversitäten Mainz. 1900, s. 41.

чаются правительствомъ же, не возможно дать будущимъ кандидатамъ священства ни чисто церковнаго образованія, ни, тѣмъ болѣе, церковнаго воспитанія. Хотя духовенству и принадлежитъ *право* надзора за богословскими факультетами университетовъ, но оно или только номинально, или, въ лучшемъ случаѣ, ограничивается правомъ дѣлать доносы въ подлежащія инстанціи на профессоровъ. Далѣе этой уступки католическому духовенству правительства не идутъ. Протестанты и католики-либералы указываютъ на тѣ преимущества, которыя имѣетъ университетъ передъ семинаріей,—на возможность для студента университета пожить самостоятельно и узнать жизнь еще въ періодъ школьнаго образованія, на возможность дополнить слишкомъ узкое богословское образованіе слушаніемъ лекцій на другихъ факультетахъ. Но ультрамонтане и всѣ убѣжденные католики находятъ, что эти преимущества вдесятеро перевѣшиваютъ тѣми опасностями, которыя представляетъ университетъ для чистоты вѣры и нравственности будущихъ пастырей. Во время борьбы католической Церкви съ протестантскими правительствами южной Германіи одинъ изъ депутатовъ Гессенской палаты—гнѣкто Гуманъ (Humann)—произнесъ рѣчь, въ которой разобралъ и подвергъ критикѣ всѣ кажущіяся преимущества университетскаго образованія, указываемыя протестантами. Эта рѣчь, которую можно назвать апологіей семинаріи, заслуживаетъ того, чтобы привести изъ нея нѣсколько выдержекъ въ дословномъ переводѣ, такъ какъ въ ней выразился ^авзглядъ всей католической Церкви.

Сказавъ о правѣ Церкви на воспитаніе клириковъ и о необходимомъ характерѣ этого воспитанія, ораторъ продолжаетъ: „часто говорятъ, что молодость должна перебѣситься, и для этого наиболѣе подходитъ время пребыванія въ университетѣ. Гр! я оставляю поговорку въ силѣ, если она относится только къ тѣмъ молодымъ людямъ, которые воспитываются для свѣтской жизни, хотя я знаю многихъ, которые сдѣлались очень дѣятельными и честными людьми и безъ

этого академическаго *блснованія* (Austoben). Къ тѣмъ же юношамъ, которые собираются посвятить себя папскому служению въ католической Церкви, она не можетъ имѣть положительно никакого примѣненія. Всякій, кто выбираетъ это званіе, долженъ заранѣе проникнуться духомъ его; заранѣе долженъ ознакомиться съ тѣми добродѣтелями, которыя потомъ должны быть проявлять; въ покойномъ уединеніи онъ долженъ жить среди тѣхъ и съ тѣми, кто идетъ по одному съ нимъ пути, кто выбрать то же званіе, что и онъ. Для такой подготовительной жизни годятся только семинаріи, но не университеты, гдѣ часто молодой человѣкъ долженъ жить въ дикомъ обществѣ и не легко можетъ отдѣлаться отъ него.

Приходилось мнѣ также нерѣдко слышать, что молодой священникъ долженъ сначала узнать свѣтъ, если желаетъ содѣйствовать его улучшенію. Но, г., можетъ ли онъ приобрести это знаніе въ университетѣ, среди своихъ комитоновъ, на ихъ коммерсахъ, въ такомъ видѣ, въ какомъ оно ему дѣйствительно нужно? Я этому не могу вѣрить, и вы, по всей вѣроятности, также сомнѣваетесь въ этомъ. Впрочемъ, относительно этого пункта мы можемъ быть совершенно спокойны, потому что, хотя католическій священникъ воспитывается и въ университетѣ, онъ, къ сожалѣнію, всегда имѣетъ достаточно случаевъ познакомиться съ свѣтомъ. Никто не имѣетъ столько подходящихъ случаевъ приобрести знаніе свѣта и людей, знакомиться съ свѣтомъ и людьми въ ихъ счастливыхъ и самыхъ печальныхъ обстоятельствахъ, какъ врачъ и священникъ. И вовсе не необходимо, чтобы молодой католическій священникъ самъ переживалъ всѣ заблужденія слабаго человѣчества, чтобы потомъ быть въ состояніи бороться съ ними.

Часто говорятъ также: молодой человѣкъ, желающій посвятить себя папскому служению, долженъ имѣть и научное образованіе. Для этой цѣли онъ долженъ слушать лекціи по литературѣ, философіи, естественнымъ наукамъ и

др.,—а это можетъ быть только въ университетѣ, гдѣ соединены всѣ такъ называемые факультеты. Съ первымъ пунктомъ я совершенно согласенъ, съ остальными—нѣтъ. Я съ тѣмъ большею готовностью соглашаюсь съ необходимостью для католическаго священника научнаго образованія, что онъ можетъ очутиться въ тысячѣ положеній, гдѣ оно будетъ полезно, нужно, даже необходимо; но что оно можетъ быть приобрѣтено только въ университетѣ, съ этимъ я не могу согласиться. Позвольте мнѣ привести основанія въ пользу моего мнѣнія. Молодой католикъ, посвящающій себя духовному званію, долженъ слушать чтенія по естественнымъ наукамъ. Это, само собою разумѣется, можетъ быть ему только полезно, потому что эти науки, которымъ въ настоящее время приписываютъ такое большое значеніе и ради возможно широкаго распространенія которыхъ соглашаются на значительныя жертвы, во всякомъ случаѣ возвышенны и прекрасны. Но онѣ могутъ оказывать свое дѣйствіе лишь въ томъ случаѣ, если основываются на морали и религіи. Онѣ могутъ возвысить и облагородить человека во всемъ его существѣ, если утверждаются на религіи; но если имъ недостаетъ этой опоры, то въ такомъ случаѣ ихъ употребляютъ во зло, въ такомъ случаѣ онѣ имѣютъ разрушающее дѣйствіе и заслуживаютъ осужденія¹⁾.

Что предубѣжденіе Гумана и всей католической Церкви противъ университетовъ не лишено основанія, и что опасенія за цѣлость церковно-религіознаго настроенія теологовъ-студентовъ не напрасны, это доказываютъ факты. Въ адресѣ, поднесенномъ студентами католическаго богословскаго факультета одного изъ южно-германскихъ университетовъ мѣстному епископу, между прочимъ, говорится: „въ средѣ студентовъ-протестантовъ, или совсѣмъ лишенныхъ церковнаго духа, или даже враждебныхъ Церкви, мы подвержены

¹⁾ Holzammer, s. 35. ff.

безчисленнымъ оскорбленіямъ и униженіямъ единственно за выборъ нашего призванія (Berufswahl); мы беззащитны противъ искушенія суетности и чувственныхъ удовольствій въ этой часто дикой и подлинно языческой жизни. И притомъ, мы не имѣемъ противовѣса этимъ губельнымъ вліяніямъ ни въ родительскомъ домѣ и устойчивости истинныхъ друзей, ни въ могучемъ воздѣйствіи общественной жизни Церкви и захватывающаго богослуженія... Наше положеніе здѣсь тяжело... Самыя значительныя вспомогательныя науки, какъ всѣ предметы историческіе, мы должны слушать у протестантскихъ наставниковъ, лекціи которыхъ рѣшительно враждебны католической Церкви, а отчасти находятся въ противорѣчій и съ высочайшими основами христіанскаго откровенія, отчего вѣрующія души глубоко возмущаются или даже лишаются католической убѣжденности и заражаются самыми губельными теоріями. Во всякомъ случаѣ, мы не имѣемъ возможности пользоваться правильнымъ, въ духѣ Церкви, руководствомъ въ этихъ, безъ сомнѣнія, важныхъ наукахъ, именно—въ философіи и исторіи¹⁾.

Но если даже теологамъ приходится слушать лекціи по вспомогательнымъ предметамъ и не у протестантскихъ профессоровъ, если богословскій факультетъ находится при католическомъ университетѣ, то и въ такихъ случаяхъ все же эти предметы въ университетѣ излагаются не такъ, какъ въ семинаріи. Здѣсь не справляются съ мнѣніемъ Церкви объ извѣстномъ предметѣ, и излагаютъ его такъ, какъ понимаетъ его наука. А это для будущихъ ксендзовъ представляетъ уже посомнѣнный соблазнъ. Понятенъ, поэтому, тотъ антагонизмъ, какой искони существуетъ въ католичествѣ между духовными семинаріями и богословскими факультетами университетовъ. Каждая изъ этихъ двухъ сторонъ считаетъ лучшимъ образованіе, даваемое ею, и не признаетъ никакого значенія за образованіемъ противной стороны. Университеты

¹⁾ Holzammer, s. 16 f.

не допускають къ занятію профессорскихъ кафедръ докторовъ богословія, получившихъ ученую степень въ духовномъ учебномъ заведеніи, а Церковь не признаетъ силы за учеными степенями, полученными въ университетахъ. И намъ извѣстенъ одинъ такой случай, когда папа отказался утвердить кандидата на епископскую кафедру, предложеннаго испанскимъ правительствомъ, только потому, что онъ получилъ степень доктора въ университетъ. Испанское духовенство требовало даже уничтоженія богословскихъ факультетовъ, но правительство не согласилось на это.

Борьба между семинаріями и университетами, вѣрнѣе — между католическою Церковью и правительствами, за право воспитанія клира велась съ большею или меньшею остротой и продолжительное время во всей западной Европѣ. Въ странахъ съ католическимъ населеніемъ и съ католическимъ же правительствомъ между Церковью и государствомъ сравнительно легко выработывался болѣе или менѣе благопріятный для Церкви *modus vivendi*, обеспечивавшій за нею отстаиваемое ею право. Но въ областяхъ съ подавляющимъ большинствомъ протестантскаго населенія и съ протестантскимъ правительствомъ, — каковы южно-германскія провинціи: Баденъ, Баварія, Эльзась-Лотарингія, Вюртембергъ, гдѣ духовенство не могло опираться на сочувствіе массъ, — католической Церкви пришлось выдержать жестокую борьбу, которая не совсѣмъ еще окончена и по настоящее время ¹⁾.

Началась она съ того, что германскія правительства, обязавшіяся (въ 1803 г.) содержать католическія духовныя семинаріи на доходы секуляризованныхъ католическихъ церковныхъ имуществъ, плохо исполняли свое обязательство, а затѣмъ и совсѣмъ рѣшили закрыть семинаріи и открыть вмѣсто нихъ католическіе богословскіе факультеты при университе-

¹⁾ Въ память о ней католическимъ докторомъ богословія *Holzhammer* издана брошюра: *Die Bildung des Clerus...*, изъ которой почерпнуты нами свѣдѣнія объ этой борьбѣ.

тахъ. Папа протестовалъ противъ такого намѣренія правительства, называлъ семинаріи „прекраснѣйшими надеждами“ Церкви, а то, что предлагали взамѣнъ ихъ правительства, „абсолютно недостаточнымъ“. По правительства не обратили на него никакого вниманія. Они открывали богословскіе факультеты, назначали и увольняли профессоровъ, не справляясь съ мнѣніемъ католическихъ епископовъ; а на жалобы епископовъ, убѣжденныхъ мірянъ, профессоровъ и самихъ студентовъ не обращали никакого вниманія. Наконецъ, въ 1815 году Майнцкій епископъ, энергичный Katteler, „der grosse Bischof“, какъ называетъ его Гольцхаммеръ, рискнулъ на государственное преступленіе и открылъ безъ дозволенія правительства въ Майнцѣ епископскую семинарію. Правительство протестовало, но на насильственную мѣру не рѣшилось, и семинарія осталась. Во время культурной войны она была на короткое (1875—1887) время закрыта, но затѣмъ была опять открыта и продолжаетъ функционировать до сихъ поръ. „Еще не все и не вездѣ въ воспитаніи клира обстоитъ такъ, какъ должно, — заканчиваетъ Гольцхаммеръ свой краткій историческій очеркъ столѣтней борьбы: — пока открыта лишь дорога къ миру (Zugang zum Frieden), и на этомъ, къ сожалѣнію, дѣло остановилось, хотя право Церкви здѣсь очевидно, равно какъ очевидна и невозможность для Церкви уступить это право государству“¹⁾.

Въ настоящее время въ Германіи существуетъ семь католическихъ богословскихъ факультетовъ при университетахъ: Боннскомъ, Бреславльскомъ, Мюнхенскомъ, Вюрцбургскомъ, Тюбингенскомъ, Фрейбургскомъ. Мюнстерскомъ; во Франціи — четыре: въ Парижѣ, Руанѣ, Бордо и Лионѣ; въ Бельгіи — въ Лувенѣ; въ Австро-Венгріи — въ Вѣнѣ; въ Италіи — въ Миланѣ. Есть университеты также и въ Испаніи.

Такимъ образомъ, на западѣ существуютъ два типа учебныхъ заведеній, въ которыхъ получаютъ воспитаніе католи-

¹⁾ Holzhammer, s. 70.

ческие священники: семинарія и университетъ. По количество богословскихъ факультетовъ ничтожно въ сравненіи съ количествомъ семинарій, и священники съ университетскимъ образованіемъ теряются въ общей массѣ духовенства съ семинарскимъ образованіемъ. Кромѣ того, и университеты, какъ говорятъ люди знающіе ¹⁾), теперь немногимъ отличаются отъ семинарій какъ въ воспитательномъ, такъ и особенно въ учебномъ отношеніи. Церковь постаралась сблизить ихъ, по возможности, съ семинаріями, заводя на богословскихъ факультетахъ чисто семинарскіе порядки—кошники, т. е. общежитія, гдѣ студенты-теологи подчиняются той же, по возможности, дисциплинѣ, что и семинаристы, и семинарскіе методы преподаванія.

Кромѣ семинарій и университетовъ, есть еще *третій* типъ богословской школы—это высшія учебныя заведенія, соотвѣтствующія нашимъ духовнымъ академіямъ, гдѣ студенты слушаютъ лекціи, какъ въ университетахъ, и живутъ въ общежитіи, какъ семинаристы. Въ этому типу, обычно посящему названіе collegium'a, относится Католическая духовная академія въ Петербургѣ, Іезуитская collegia въ Инсбрукѣ, Парижская Сорбонна, Collegium Romanum въ Римѣ и нѣсколько другихъ collegiis, устроенныхъ по образцу Римской. Въ этихъ высшихъ школахъ (также и въ университетахъ, а въ Испаніи—и въ семинаріяхъ) даются ученныя степени бакалавра, лиценціата и доктора богословія, философіи и церковнаго права (первая—послѣ известной части пройденнаго курса, а послѣдніи двѣ—каждая послѣ особой письменной работы и послѣ новыхъ на каждый разъ устныхъ испытаній). Эти высшія учебныя заведенія готовятъ не приходское духовенство, а преподавателей для семинарій и духовенство высшее. Съ другой стороны, преподаваніе и воспитаніе въ нихъ принципиально сходны съ семинарскими; поэтому, для насъ они сабого интереса не представляютъ.

¹⁾ Matter. Herzog. Bd. IV, s. 500; Бронзовъ. Христ. Чтеніе. 1896, II.

Есть еще одинъ видъ школы, находящейся въ вѣдѣніи католической Церкви,—это *приготовительная*, или *малая семинарія* (*parvum seminarium, petit seminaire, geistliche secundär-Schule*). Она представляетъ собою низшее учебное заведеніе съ четырехлѣтнимъ курсомъ обученія, соответствующее нашему духовному училищу. Цѣль его заключается, главнымъ образомъ, въ подготовкѣ воспитанниковъ для *большой семинаріи*. У насъ въ Россіи есть *малыя семинаріи* въ Самарѣ и Житомирѣ; не особенно много ихъ во Франціи—по той причинѣ, что изъ правительственныхъ школъ совершенно изгнано религіозное воспитаніе. *Малая семинарія*, собственно говоря, не есть духовно-учебное заведеніе въ собственномъ смыслѣ этого слова: въ ней проходитъ программа приблизительно первыхъ четырехъ классовъ гимназій, такъ что, по окончаніи курса въ ней, ученикъ можетъ поступать, кромѣ *большой семинаріи*, куда ему угодно.

Такимъ образомъ, основнымъ типомъ школы, предназначенной для приготовленія пастырей католической Церкви, является *епископская*, или *соборная* (*conciliare ad mentem conc. Trid.*) *семинарія*, или, какъ ее еще называютъ *діоцезіал.* Она принимаетъ въ свои стѣны болѣе или менѣе подготовленныхъ мальчиковъ или юношей и выпускаетъ ихъ уже взрослыми людьми, и притомъ—рукоположенными въ священныи санъ¹⁾.

¹⁾ Продолжительность семинарскаго курса колеблется между 4 и 14 гг. Четырехлѣтній курсъ, существовавшій раньше въ католическихъ семинаріяхъ въ Россіи (теперь пятилѣтній) и теперь существующій въ нѣкоторыхъ итальянскихъ семинаріяхъ, считается, во всякомъ случаѣ, недостаточнымъ для должнаго приготовленія къ пастырскому служенію, и потому допускается лишь въ видѣ исключенія, по недостатку средствъ у епархіи. Четырнадцатилѣтній же курсъ существуетъ въ нѣкоторыхъ испанскихъ семинаріяхъ, замѣняющихъ собою высшую богословскую школу. Онъ не считается обязательнымъ для каждаго кандидата священства, и проходятъ его до конца лишь тѣ, кто желаетъ получить степень доктора богословія. Средняя продолжительность семинарскаго курса 5—6 лѣтъ.—Такъ какъ, по постановленію Тридентскаго собора, во священника должно рукополагать не ранѣе 24-хъ лѣтъ, а въ діакона не ранѣе 22-хъ, и такъ какъ,

Перейдемъ теперь къ ознакомленію съ педагогической системой католическихъ духовныхъ семинарій.

А. Кактынь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вопіющіе недочеты нашего церковнаго хозяйства.

(Окончаніе ¹⁾).

Все церковное хозяйство *фактически* находится въ полномъ и безконтрольномъ распоряженіи церковныхъ старостъ, не считающихъ себя обязанными отдавать отчетъ въ своей дѣятельности по приобрѣтенію, храненію и употребленію церковныхъ денегъ и всякаго вообще церковнаго имущества не только прихожанамъ, но и церковному причту. Вслѣдствіе кажущейся церковнымъ старостамъ неопредѣленности источниковъ церковной доходности, большинство изъ нихъ не дѣлаютъ точнаго разграниченія поступающимъ въ церковь доходамъ и всѣ поступления денежные, изъ какихъ бы источниковъ они ни были, соединяютъ вмѣстѣ и потомъ заносятъ въ приходныя книги по приблизительному и желательному въ интересахъ приходской церкви раздѣленію ихъ по родамъ, весьма далекому отъ дѣйствительности. Кромѣ того,—по словамъ свящ. І. Ягодинскаго,—нѣкоторые изъ руководителей церковнаго хозяйства смотрятъ на церковную доходность, такъ

значитъ, семинаристъ при окончаніи курса долженъ быть не моложе 22—24-хъ лѣтъ, то продолжительность семинарскаго курса обуславливаетъ и приемный возрастъ воспитанниковъ; при 14-ти-лѣтнемъ курсѣ обученія въ семинарію принимаютъ уже 9—10 лѣтнихъ мальчиковъ, а при 6 лѣтнемъ—молодыхъ людей 16—18 лѣтъ. Это минимальный возрастъ; но можно поступать въ семинарію и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, и бывають случаи, что туда поступаютъ люди уже въ лѣтахъ, побывавшіе на дѣйствительной службѣ и потомъ только почувствовавшіе призваніе къ пастырскому служенію.

¹⁾ См. № 36-й за 1905-й г.

сказать, эгонстично, оберегая ее от разных обложеній и укрывая часть ее от постороннихъ посягательствъ, характерно разсуждая при этомъ, что, „все, что поступило въ церковь, на нужды ея и должно расходоваться“. И вотъ, по неопредѣленности источниковъ церковныхъ доходовъ и въ силу установившагося порядка смѣшиванія всѣхъ церковныхъ поступленій, часть церковныхъ доходовъ отъ продажи свѣчей, каковыя доходы не подлежатъ вообще точному контролированію, произвольно переносится въ отдѣлъ пожертвованій на украшеніе храма, и на счетъ свѣчной доходности дѣлается въ приходныхъ книгахъ запись специальныхъ пожертвованій на поновленіе иконостаса, на приобрѣтеніе иконъ, церковной утвари и пр.; а иногда безъ всякаго перечисленія и прямо откладывается къ „темнымъ“ церковнымъ суммамъ, не подлежащимъ ничьему уже постороннему наблюденію... Переносить церковныя поступленія изъ одной категоріи въ другую побуждаетъ иныхъ руководителей церковнаго хозяйства и чисто практическая выгода отъ подобнаго рода „операций“. Чтобы не испрашивать разрѣшенія епархіальнаго начальства на производство расхода по церкви, превышающаго установленную норму (50 руб.) дозволеннаго расхода по сельской церкви, ими и записываются на приходъ на счетъ поступленій изъ всѣхъ источниковъ доходности специальныхъ пожертвованій на нужды храма и расходуются уже безъ разрѣшенія, какъ поступившія будто бы съ опредѣленнымъ назначеніемъ. По этой причинѣ, и показаніе по отчетнымъ вѣдомостямъ чистой свѣчной прибыли нужно признать довольно сомнительнымъ и дѣйствительности не соответствующимъ, въ чемъ не трудно убѣдиться даже съ внѣшней стороны, при сличеніи этой прибыли съ количествомъ ежегоднаго расхода свѣчей въ каждой церкви. При такомъ отношеніи къ веденію церковнаго хозяйства вообще и въ частности при указанномъ порядкѣ показыванія по приходнымъ книгамъ доходности церковной, очевидно, не можетъ быть и

правильнаго, равномернаго, безобиднаго обложенія церквей процентнымъ отчисленіемъ-съ ихъ доходности.

По существующимъ церковнымъ узаконеніямъ, прихожанамъ принадлежитъ неотъемлемое право избирать изъ своей среды въ церковные старосты „лицъ, извѣстныхъ приходу христіанскимъ благочестіемъ и преданностію св. Православной Церкви“ („Инструкція церковнымъ старостамъ“, §§ 7 и 8). Между тѣмъ, на практикѣ роль прихожанъ по отношенію къ церковнымъ старостамъ ограничивается исключительно однимъ избраніемъ ихъ на должность. Въ самой службѣ своей церковные старосты становятся въ зависимость только лишь отъ духовнаго начальства: благочинныхъ, консисторій и — *поминально* — отъ церковнаго причта. Правда, на основаніи § 42-го „Инструкціи церковнымъ старостамъ“, для контролѣ за дѣйствіями церковныхъ старостъ, на каждый годъ избираются два представителя отъ прихода, которые должны присутствовать при ежемѣсячныхъ высыпкахъ изъ кружекъ церковныхъ денегъ. Но обыкновенно вся роль этихъ контролеровъ сводится только именно къ *присутствію* при высыпкахъ изъ кружекъ и пересчитываніи... *того, что пожелаетъ показать церковный староста*, который и приглашаетъ представителей отъ прихода для простаго соблюденія формы. Да и сами представители вполне ясно сознаютъ свое болѣе чѣмъ неопредѣленное положеніе, и потому благоразумно уклоняются отъ активнаго участія по наблюденію за состояніемъ церковнаго хозяйства, ограничивая всю свою дѣятельность лишь подписью въ приходныхъ церковныхъ книгахъ, тѣмъ болѣе, что, по „Инструкціи церковнымъ старостамъ“, участіе представителей при высыпкѣ денегъ не обязательно, и, „въ случаѣ неявки одного или обоихъ представителей прихожанъ къ свидѣтельству прихода и расхода, таковое не останавливается“ (§ 46).

Само собою понятно, что подобное представительство не имѣетъ ровно никакого значенія: приходъ не знаетъ — и не имѣетъ возможности знать, какіе сборы взимаются съ цер-

ковныхъ доходовъ, и правильно ли они вносятся въ подлежащія духовныя учрежденія, т. е. въ томъ ли самомъ количествѣ, какое требуется, по раскладкѣ, сообразно съ дѣйствительнымъ поступленіемъ церковной доходности, какова эта доходность, сколько у церковнаго старосты остается свободныхъ денегъ, какое имъ дано будетъ назначеніе, правильно ли церковныя деньги расходуются, удовлетворяются ли насущныя нужды церкви, всѣ ли деньги записываются въ шнуровыя прихода-расходныя книги и пр. т. п.

Многіе церковныя старосты не любятъ подчиняться контролю съ чьей бы то ни было стороны, желая быть полноправными хозяевами и свободными распорядителями церковнаго достоянія. Всякое вмѣшательство въ кругъ ихъ ктиторской дѣятельности они считаютъ для себя чуть ли не оскорбленіемъ, жалуясь на отсутствіе къ нимъ общественнаго довѣрія, на стѣсненіе ихъ свободы въ дѣйствіяхъ и пр. Не удивительно, поэтому, что въ послѣднее время все чаще и чаще—и притомъ вполне справедливо—раздаются голоса противъ безконтрольности и противъ не всегда цѣлесообразнаго употребленія церковныхъ сбереженій, когда одинъ староста увлекается дорого стоящимъ церковнымъ хоромъ, другой—причудливою росписью храма по своему *личному* вкусу и т. п. Церковныя старосты, умышленно скрывающіе дѣйствительную доходность церкви не только отъ епархіальнаго начальства, но и отъ причта и не записывающіе ихъ въ имѣющіяся при церкви прихода-расходныя книги, въслѣдствіи, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, часто расходуютъ эти нелегалныя сбереженія хотя и на церковныя потребности, но такія, которыя совершенно не вызываются особенною необходимостью. Анонимный авторъ указанной нами выше статьи: „Къ вопросу объ участіи прихожанъ въ завѣдываніи церковнымъ хозяйствомъ“ говоритъ, напр., о церковномъ старостѣ, который крайне озабоченъ былъ сооруженіемъ серебрянаго облаченія для престола,—и дѣйствительно приобрѣлъ такое на нелегалныя сбереженія, стоимостью болѣе

2000 р., между тѣмъ какъ въ церкви имѣлись неотложныя воищюція нужды, которыя такъ и остались неудовлетворенными.

Ничего подобнаго не было бы и не могло бы быть, если бы прихожанамъ предоставлено было право коллективнаго участія, вмѣстѣ съ церковнымъ старостой, какъ ихъ довереннымъ лицомъ, въ завѣдываніи церковнымъ хозяйствомъ. Къ тому же, вѣдь всѣ церковныя капиталы состоятъ почти исключительно благочестивымъ усердіемъ самихъ прихожанъ, которые обыкновенно ничего не жалуютъ для своего храма. А если такъ, то расширеніе правъ прихода и его ближайшее участіе въ веденіи старостами церковнаго хозяйства является дѣломъ сколько естественнымъ, столько же необходимымъ, своевременнымъ и безусловно справедливымъ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію разныхъ церковныхъ сборовъ, установленныхъ на епархіальныя потребности и мѣстныя нужды съ каждой приходской церкви.

Обще-епархіальныя потребности, подъ которыми главнымъ образомъ разумѣется содержаніе духовно-учебныхъ заведеній, въ прежнее время покрывались всецѣло свѣчнымъ доходомъ и доходомъ отъ продажи вѣнчиковъ и листовъ разрѣшительной молитвы. Высшее духовное начальство всячески заботилось, чтобы эти статьи доходовъ не оскудѣвали. Въ нынѣ отмѣненной уже 147-й статьѣ „Устава духовныхъ консисторій“ относительно свѣчныхъ доходовъ предписывалось, чтобы епархіальное начальство обращало особенное вниманіе на этотъ доходъ, изыскивало всѣ способы къ увеличенію его, подробно разсматривало вѣдомости о немъ и виновныхъ въ небреженіи къ ущербу въ доходъ противъ прежняго времени подвергало суду, а содѣйствующихъ возвышенію свѣчнаго дохода поощряло одобреніемъ. Свѣчной сборъ былъ установленъ въ размѣрѣ 50 коп. съ cadaго проданнаго церковію фута. Но, какъ видно, ни тщательный контроль, ни поощренія не служили вполнѣ надежной гарантіей правильности поступле-

нія свѣчнаго дохода, и, по Высочайшему повелѣнію, указомъ отъ 14-го января 1871-го года, означенный сборъ отъ продажи свѣчей замѣненъ былъ отчисленіемъ въ размѣръ 21% со всей доходности церковной, съ суммы поступления ея за 1868-й годъ, т. е. съ кружечныхъ, кошелековыхъ и свѣчныхъ суммъ, которыя соединены всѣ вмѣстѣ, какъ составляющія общій церковный доходъ. Въ 1879-мъ году, по опредѣленію Св. Синода отъ 10—28 января, положенный взамѣнъ свѣчнаго сбора 21-процентный взносъ еще увеличенъ на 4%, составивши, такимъ образомъ, 25-процентный взносъ со всей доходности церковной, дѣйствующій и по настоящее время. При этомъ, указомъ Св. Синода, отъ 6 ноября 1871-го года, на случай могущаго быть по разнымъ причинамъ въ нѣкоторыхъ церквахъ уменьшенія церковныхъ доходовъ, епархіальной власти предоставлено право временно освобождать такія церкви отъ взноса или уменьшать его, а образующійся въ подобныхъ случаяхъ недоборъ по епархіи покрывать раскладкою на доходы прочихъ церквей съ тѣмъ, чтобы этотъ добавочный взносъ по другимъ церквамъ не превышалъ 20% съ суммы всѣхъ доходовъ, и чтобы къ участию въ этомъ дѣлѣ призывались епархіальные съѣзды духовенства, когда это участіе признано будетъ нужнымъ.

Приводилось ли гдѣ-либо и когда-либо въ дѣйствіе это послѣднее распоряженіе Св. Синода, дающее полную возможность уравненія взноса сообразно доходности церквей, не знаемъ; но только установленный обязательный взносъ съ церкви на содержаніе семинаріи и личнаго состава должностныхъ лицъ въ духовныхъ училищахъ во всѣхъ епархіяхъ остается безъ измѣненія, и взносъ съ каждой церкви, положенный съ нея болѣе 25 лѣтъ тому назадъ, взимается и въ настоящее время все въ томъ же размѣрѣ, безъ всякаго соотвѣтствія дѣйствительной доходности церкви. Между тѣмъ, въ теченіе такого продолжительнаго времени, какъ цѣлая четверть вѣка, весьма многіе приходы измѣнились почти до полной неузнаваемости и въ количественномъ и въ качествен-

номъ отношеніяхъ. Помимо естественнаго прироста населенія, многіе приходы увеличены причисленіемъ къ нимъ деревень, благосостояніе жителей нѣкоторыхъ сель возвысилось, и доходность иныхъ церквей возросла до значительныхъ размѣровъ, превышающихъ въ 5—10 разъ прежнюю доходность; наоборотъ, другіе приходы количественно уменьшились, какъ вслѣдствіе переселенія жителей ихъ въ отдаленные края, такъ и вслѣдствіе отхода отъ нихъ деревень и т. под., и приходскія церкви въ нихъ значительно обѣдѣли. Процентный же взносъ и съ тѣхъ и съ другихъ взимается противъ прежняго времени безъ всякаго измѣненія.

Неравномѣрность обложенія церквей еще болѣе бросается въ глаза, если присоединить къ процентному и всѣ другіе существующіе сборы и разсматривать ихъ въ совокупности въ отношеніи къ доходности каждой отдѣльной церкви.

Процентный взносъ предназначается для удовлетворенія штатныхъ потребностей по духовно-учебному вѣдомству, на покрытіе же ихъ потребностей сверхштатныхъ общеспархіальныхъ и окружно-училищныхъ сѣзды духовенства, согласно 9-й ст. „Устава духовныхъ семинарій“ 2-го п. и 25-й ст. „Устава духовныхъ училищъ“ и 14-й ст. „Устава епархіальныхъ женскихъ училищъ“, изыскиваютъ мѣстные средства. Подъ мѣстными средствами, кромѣ личныхъ пожертвованій духовенства, разумѣются единовременныя или ежегодныя вспомошествованія изъ церковныхъ суммъ и монастырскихъ доходовъ въ видѣ опредѣленныхъ процентныхъ отчисленій со всей доходности. При этомъ, распоряженіями по духовно-учебному вѣдомству разъяснено, чтобы указанныя отчисленія на сверхштатныя потребности по духовно-учебнымъ заведеніямъ были соображаемы съ наличными средствами и съ собственными нуждами церквей, чтобы при взиманіи ихъ не могло произойти уменьшенія въ поступленіи обязательнаго 25-процентнаго взноса, и чтобы отъ нихъ были освобождены церковныя суммы, имѣющія какое-либо опредѣленное назначеніе.

Кромѣ этихъ сборовъ, приходскія церкви обложены еще сборами—а) *спархiальными*: на жалованье благочиннымъ, на церковно-приходскія школы, на пособіе священникамъ въ старообрядческихъ и сектантскихъ приходахъ и пр. и б) на *миѣстныя нужды каждаго благочинія*: на окружное попечительство, на благочинническую библиотеку и проч.

Въ нѣкоторыхъ епархiяхъ всѣ сборы съ приходскихъ церквей раскладываются и взимаются сообразно съ доходностью каждой церкви. Но сложность и трудность болѣе или менѣе справедливаго обложенія церквей процентнымъ отчисленіемъ съ доходности церковной, которая показывается почти всегда обыкновенно далеко неточно, слишкомъ краснорѣчиво говоритъ сама противъ себя. Вотъ почему духовенство чаще всего склоняется къ распредѣленію сборовъ по числу приходскихъ душъ, какъ къ болѣе справедливому. Правда, и число приходскихъ душъ также не можетъ еще съ точностью свидѣтельствовать о доходности церкви: есть, напр., приходы съ мало религіознымъ и рѣдко посѣщающимъ храмъ населеніемъ; есть приходы численные, но разбросанные и бѣдные; въ нѣкоторыхъ приходахъ чуть ли не половина населенія проживаетъ на сторонѣ. Но вообще говоря, численное отношеніе прихода весьма сильно вліяетъ на увеличеніе доходности церковной, какъ это можно видѣть изъ вѣдомостей особенно по продажѣ свѣчей. Во всѣхъ приходахъ обыкновенно расходъ свѣчей почти пропорціоналенъ количеству прихожанъ, вслѣдствіе чего ежегодную раскладку ихъ духовенство дѣлаетъ всегда по церквамъ соотвѣтственно числу душъ каждаго прихода. Если же количество населенія прихода такъ сильно вліяетъ на количество расходуемыхъ свѣчей въ церкви, то несомнѣнно, что оно способствуетъ и увеличенію или уменьшенію доходности церквей, такъ какъ послѣдняя въ сельскихъ церквахъ если не исключительно, то преимущественно составляется отъ продажи свѣчей. Церковные старосты единогласно свидѣтельствуютъ, что при большемъ числѣ молящихся въ храмѣ больше расходуется и

свѣчей, сборы же кружечный и кошельковый въ селахъ бываютъ очень незначительны, разные же пожертвованія—и вовсе случайны. Отсюда становится понятнымъ, что самымъ надежнымъ, такъ сказать, показателемъ доходности сельскихъ церквей слѣдуетъ признать количество расходуемыхъ ими свѣчей. Вотъ почему, очевидно, въ прежнее время процентный взносъ и взимался только съ свѣчнаго дохода въ размѣрѣ 50 коп. съ проданнаго фунта и прекращенъ былъ, когда явилось сокращеніе дѣйствительнаго расхода свѣчей. Единственно опредѣленный, вѣрный и прибыльный, весьма значительно увеличивающій доходность сельской церкви, есть именно свѣчной доходъ, на которомъ, какъ на краеугольномъ камнѣ, зиждется почти все благосостояніе каждой приходской сельской церкви.

На основаніи всего этого, свящ. І. Ягодинскій предлагаетъ заслуживающій самаго серьезнаго вниманія *своей* проектъ упорядоченія, или точнѣе—полной отмѣны всѣхъ сборовъ съ церквей съ отнесеніемъ ихъ на счетъ свѣчнаго дохода. Именно.

Въ виду трудности процентнаго обложенія всѣхъ церквей съ доходности церковной на покрытіе епархіальныхъ расходовъ и неточнаго способа обложенія церквей по числу приходскихъ душъ, о. Ягодинскій находитъ и болѣе удобнымъ и болѣе справедливымъ замѣнить обязательный и особенно неравномѣрный 25-процентный взносъ и разные сборы по числу душъ опредѣленнымъ взносомъ съ cadaго проданнаго пуда свѣчей, т. е. измѣнить способъ обложенія церковныхъ доходовъ возвышеніемъ цѣны за отпускаемая свѣчнымъ заводомъ для церквей епархіи свѣчи на столько, на сколько это нужно будетъ, чтобы увеличеніе цѣны на свѣчи въ общей своей суммѣ покрывало всѣ епархіальные расходы, и съ тѣмъ, чтобы эти расходы на епархіальныя потребности покрывалъ уже самъ свѣчной заводъ. Подобный способъ обложенія церквей и доходовъ заслуживаетъ вниманія какъ вслѣдствіе простоты сбора на покрытіе епархіальныхъ расходовъ и справедливой

равномѣрности распредѣленія его между церквами, такъ равно и тѣмъ, что свѣчная прибыль при этой операциіи всецѣло будетъ поступать въ распоряженіе церковной епархіи. Простота проектируемаго о. Ягодинскимъ способа обложенія церковей заключается въ томъ, что епархіальный свѣчной заводъ, чрезъ увеличеніе цѣны на свѣчи, составитъ сумму денегъ, равную всѣмъ взносамъ съ церковей епархіи, и непосредственно отъ себя, въ положенные сроки, будетъ препровождать ее въ подлежащія учрежденія, а духовенство совершенно освободится отъ разныхъ раскладокъ этихъ взносовъ, не рѣдко сложныхъ, вызывающихъ между церквами и причтами ропотъ и неудовольствіе. При этомъ способѣ обложенія обязательный 25-процентный взносъ и сборы по числу приходскихъ душъ, чрезъ увеличеніе цѣны на купленный каждою церковію пудъ свѣчей на 7—10 рублей, будутъ болѣе равномѣрны между церквами, уплачивающими ихъ соразмѣрно количеству расходуемыхъ свѣчей, и уплата ихъ будетъ находиться въ полномъ соотвѣтствіи съ ихъ *расходностью*, чѣмъ достигается и болѣшая справедливость. Церковь, расходующая большее количество свѣчей и получающая, слѣдовательно, больше дохода отъ этого, должна будетъ и уплачивать—чрезъ доплату за свѣчи—больше взносовъ.

Введеніемъ въ жизнь проекта о. Ягодинскаго духовенство избавится отъ давнихъ,—а въ послѣднее время, къ тому же, и довольно сильныхъ,—нареканій со стороны церковныхъ старостъ и особенно со стороны прихожанъ на чрезмѣрное обложеніе церковей разными сборами, обнаруживающихъ иногда даже явное противодѣйствіе при самомъ производствѣ сборовъ. Возвышеніемъ же цѣны на свѣчи и установленіемъ чрезъ это вмѣсто сборовъ *косвеннаго налога* церкви освободятся отъ налоговъ явныхъ и прямыхъ, а чистая свѣчная прибыль *всецѣло* поступитъ въ доходъ и на нужды церковей. Нѣтъ надобности,—говоритъ о. Ягодинскій,—смущаться опасеніемъ чрезъ увеличеніе цѣны на свѣчи сокращенія расхода свѣчей и возбужденія неудовольствія церковныхъ старостъ:

при современной монополии продажи церковныхъ свѣчей и при должномъ участіи въ этомъ дѣлѣ самого духовенства, такого сокращенія, безъ сомнѣнія, не произойдетъ, а обстоятельное разъясненіе цѣлесообразности и полезности для церкви новой постановки дѣла только успокоитъ старость. За это, между прочимъ, ручается и опытъ прежнихъ лѣтъ. Постепенное возвышеніе цѣны на свѣчи, такъ часто дѣлаемое епархіальными сѣздами духовенства, не только не сокращаетъ производства свѣчей епархіальными свѣчными заводами, напротивъ, оно прогрессивно увеличивается, и это обстоятельство всегда отмѣчается постановленіями сѣздовъ. Можетъ произойти въ иной церкви отъ разныхъ случайныхъ причинъ и недоборъ ежегодно расходуемыхъ свѣчей; но онъ съ избыткомъ покроеся постепенно возрастающимъ заборомъ ихъ другими церквами.

Наконецъ, проектируемою о. Ягодинскимъ мѣрою духовенство можетъ принести несомнѣнную пользу и своимъ мѣстнымъ епархіальнымъ свѣчнымъ заводамъ, объ интересахъ которыхъ оно должно особенно заботиться, какъ о главныхъ источникахъ епархіальныхъ средствъ. Всякій разъ, когда только представляется надобность, духовенство черпаетъ обыкновенно изъ своего завода денежныя суммы, не справляясь объ устойчивости его денежнаго фонда, ежегодно требуетъ отъ него большихъ субсидій на различныя епархіальныя учрежденія и тѣмъ часто ставитъ заводъ въ непріятную и нежелательную необходимость обращаться для веденія своихъ операций къ большимъ займамъ, уплата процентовъ по которымъ, иногда довольно значительныхъ, очень неблагоприятно отзывается на общемъ финансовомъ состояніи завода. Сосредоточеніе же всѣхъ епархіальныхъ церковныхъ сборовъ чрезъ возвышеніе платы за свѣчи въ свѣчномъ заводѣ и предоставленіе ему права пользоваться этою приплатою для своихъ операций, такъ какъ взносы на епархіальныя учрежденія будутъ вноситься имъ въ концѣ года, а нѣкоторые—только въ началѣ будущаго года за прошедшій отчетный годъ, дадутъ

ему возможность обходиться безъ всякихъ займовъ и сберегутъ интересы завода и церкви.

Повторяемъ: проектъ о. Ягодинскаго заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія духовенства, и очень можетъ быть, что ему придется въ недалекомъ будущемъ сыграть весьма важную роль въ разрѣшеніи одного изъ сильно наболѣвшихъ вопросовъ нашего церковнаго хозяйства.

Воззваніе.

Христіолюбивые благотворители! 7 іюня 1905 года сгорѣли два храма Тихвинской церкви села Ильинско-Заборскаго со всѣмъ церковнымъ имуществомъ, и негдѣ теперь совершать богослуженіе. Всѣ колокола съ колокольни попадали на землю, при чемъ большой колоколъ разбился, на поліелейномъ образовалась трещина, а одинъ, малый, колоколъ расплавился. Сгорѣло и все большое село. Прихожане—крестьяне, занимающіеся исключительно земледѣліемъ, очень бѣдны и не могутъ выстроить храма на свои средства! Остается одна надежда на стороннихъ благотворителей, къ которымъ мы и обращаемся съ покорнѣйшею просьбою: помогите устроить намъ новый храмъ и не откажите въ своихъ добротныхъ пожертвованіяхъ: „доброхотна дателя любитъ Богъ“, а мы будемъ возносить за Васъ свои молитвы къ Господу-Богу да воздастъ Онъ Вамъ вмѣсто временныхъ вѣчныя блага.

Пожертвованія просимъ адресовать:

Ст. Коверинно, Костр. губ. Въ Строительный Комитетъ по возобновленію храма въ селѣ Ильинско-Заборскомъ.

Предсѣдатель Комитета, священникъ *Василій-Преображенскій*.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 27-го августа 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 38.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Невской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года сентября 18-го дня.

Содержаніе: Къ вопросу о положеніи престарѣлыхъ священниковъ.—Вѣч-
ный миръ.—Приготовленіе къ пастырскому служенію въ католиче-
ствѣ (продолженіе).

Къ вопросу о положеніи престарѣлыхъ священ- никовъ.

Безспорнымъ фактомъ нужно признать, что если когда, то именно въ настоящее время положеніе престарѣлаго іерея въ приходѣ очень тяжело и печально. Къ священнику предъявляется теперь масса всевозможныхъ, по преимуществу канцелярскихъ, требованій и отъ своего и отъ чужого начальства,—требованій, часто имѣющихъ лишь косвенное отношеніе къ прямымъ пастырскимъ обязанностямъ, а иногда къ нимъ даже совсѣмъ не относящихся, каковы многочисленные „запросы“ представителей чуть ли не всѣхъ вѣдомствъ, присылаемые съ указаніемъ *немедленно же* дать на нихъ отвѣтъ. Теперь у сельскаго священника такое множество „вхо-

дящих“ и „исходящих“ номеров, что едва ли не представляется необходимым учрежденіе въ приходѣ особой канцеляріи для веденія всей переписки священника. Письменная часть разрослась у приходскихъ священниковъ до такихъ громадныхъ размѣровъ, какіе, конечно, и не грезились духовенству прежняго, впрочемъ—не особенно давняго, времени... Справиться, какъ должно, съ письменною работою по приходу теперь въ силахъ развѣ только молодой и знающій канцелярскіе приемы человекъ. Старикъ это не под силу. Онъ и не понимаетъ, въ большинствѣ случаевъ, механизма канцелярскаго дѣла, и обращеніе съ нимъ ведетъ его къ вѣчнымъ „ошибкамъ“ и „неисправностямъ“. Что дѣлать! Старецъ іерей—воспитанникъ *своей* школы, да, притомъ, часто уже удручаютъ его такіе педуги, при которыхъ не до постиженія новѣйшей канцелярскаго мудрости и не до обильнаго письма...

И вотъ, не удовлетворяя формальнымъ требованіямъ службы, священникъ-старикъ оказывается неисправнымъ въ глазахъ начальства и, какъ таковой, подвергается замѣчаніямъ и штрафамъ въ возрастающей прогрессіи, которая, въ концѣ концовъ, ведетъ къ увольненію за штатъ „по старости и неспособности къ отправленію пастырскихъ обязанностей“.

Чѣмъ больше размышляешь надъ постановкой у насъ вопроса о служебномъ положеніи престарѣлыхъ священниковъ и знакомишься съ фактической стороною дѣла, тѣмъ все больше склоняешься къ мысли, что дѣло поставлено у насъ исключительно на формальную почву, и потому не удивительно, что слѣдствія его печальны, прежде всего, для старцевъ-іереевъ, а затѣмъ—и для пастырскаго дѣла. Постараемся раскрыть это.

Священниковъ-стариковъ увольняютъ, въ большинствѣ случаевъ, за неисправности формальнаго веденія дѣла. Но, вѣдь, одной *формой* дѣло не ограничивается? Она—внѣшняя лишь оболочка содержанія, которая не всегда можетъ быть

одинакова и не всегда даже находится въ строгомъ соотношеніи съ содержаніемъ. Почему *добрымъ пастыремъ* слѣдуетъ назвать того, кто *умѣетъ* точно исполнять формальныя предписанія закона, представляя собою, до нѣкоторой степени, типъ службиста? *Добрый пастырь*, разумѣется, желателенъ въ Церкви въ несравненно большей степени, чѣмъ исправный *только* служака. Желательна, конечно, гармонія содержанія и формы, но если ея нѣтъ, то большая ли бѣда, когда воздѣйствіе пастыря на пасомыхъ проявится въ иной формѣ, помимо указанной, и инымъ способомъ, но не менѣе плодотворно? Напр., существуетъ требованіе—сколько возможно чаще проповѣдывать въ церкви. При томъ старинномъ взглядѣ на церковную проповѣдь, какъ на произведеніе словеснаго искусства, да еще и болѣе совершенное (въ идеаль), чѣмъ произведеніе свѣтскаго характера, священникъ-старецъ боится, что называется, и приступить къ проповѣди. Прежде чѣмъ проповѣдь сказать, необходимо написать ее. А написать—это такой трудъ для человѣка, воспитавшагося въ традиціяхъ пуританскаго взгляда на произведеніе письменнаго слова, что отъ одного представленія перспективы писанья проповѣди старецъ-іерей приходитъ въ страхъ. Мы знаемъ, какая и теперь еще у не совсѣмъ старыхъ священниковъ проявляется заботливость о полномъ уединеніи и устраненіи малѣйшаго безпокойства, когда приходится написать проповѣдь. Всѣ чада и домочадцы прошиваютъ сознаніемъ важности работы, которую исполняетъ гдѣ-нибудь въ укромномъ уголкѣ дома завтрашній проповѣдникъ, и ни одинъ изъ нихъ не позволитъ себѣ нарушить неосторожнымъ шумомъ или крикомъ писательскій покой батюшки. Эта черта строгаго отношенія къ собственнымъ произведеніямъ пера у нашего духовенства подмѣчена и свѣтскими наблюдателями, а беллетристамъ дала даже матеріаль для интересныхъ бытовыхъ картинокъ... Въ глазахъ начальства сказываніе проповѣдей является столь важнымъ дѣломъ, что въ формулярномъ спискѣ священника есть особая графа, куда заносятся свѣдѣнія о количествѣ произне-

сенныхъ за годъ проповѣдей собственнаго сочиненія, если священникъ „изъ ученыхъ“. Что же остается дѣлать неписьменнымъ пастырямъ въ отвѣтъ на настоятельныя требованія начальства *усилить* проповѣдническую дѣятельность и чаще предлагать въ церкви слово назиданія?—Остается прибѣгать къ помощи книгъ и читать оттуда поученія такъ же, какъ полагается то дѣлать, по уставу духовныхъ консисторій (ст. 9), лицамъ, не получившимъ надлежащаго богословскаго образованія. Чтеніе проповѣдей по книгѣ не всегда приноситъ должные плоды. Часто, вмѣсто назиданія, оно только утомляетъ слушателей, вызываетъ у нихъ скуку, потому что не всегда можно найти въ книгѣ то, что близко касалось бы вотъ *этого* Ивана, Петра и т. д. При скудости книгъ по сельскимъ церквамъ и при недостаткѣ средствъ на ихъ выписку для церковной бібліотеки, дѣйствительно, не возможно требовать отъ священника того, что выше его силъ: онъ и самъ бы хотѣлъ предложить слушателямъ что-либо, близко къ ихъ нуждамъ относящееся, но ничего не въ состояніи сдѣлать противъ физической невозможности.

Не ободряемый вниманіемъ паствы къ книжному слову, пастырь умолкаетъ. За собственное живое слово онъ не рискуетъ взяться. „Импровизация—удѣлъ не многихъ“, говорили ему старыя руководства по гомилетикѣ, которыя онъ въ свое время училъ въ семинаріи, и съ этимъ убѣжденіемъ онъ остался на всю жизнь. А начальство продолжаетъ присылать предписанія объ усиленіи проповѣднической дѣятельности. Смотря по характеру, одни батюшки въ тупомъ отчаяніи отмахиваются отъ нихъ руками и стараются не обращать вниманія на неисполнимыя для нихъ бумаги; а другіе—изъ не совсѣмъ храбрыхъ—проникаются трепетомъ предъ грядущей карой, которая неизбежна, особенно если ближайшій начальникъ-благочинный принадлежитъ къ разряду строгихъ блюстителей виѣшной законности и виѣшняго порядка. Бѣдному священнику живо представляется возрастающій рядъ замѣча-

ний, выговоры и штрафы, съ конечнымъ заверше-
 ниемъ—отставкой, страшной для него потому, что, съ выхо-
 домъ за штатъ, придется жить чуть не Христовымъ име-
 немъ, такъ какъ 300 р. пенсіи за 35 лѣтъ службы—очень
 незначительная сумма, если, особенно, не вся семья при-
 строена, а здоровье сильно пошатнулось. Отъ невеселой кар-
 тины предстоящей, грозной будущности у него еще въ бѣль-
 шей степени развивается старческая болѣзненность, начи-
 наютъ дрожать и безъ того ослабѣвшія руки, учащаются го-
 ловокруженія, и все темнѣй становится въ глазахъ. Внуше-
 ніе—великое дѣло. Разъ признаютъ тебя ни къ чему негод-
 нымъ, и постоянно будутъ твердить одно и то же, естествен-
 но—и самъ, въ концѣ концовъ, придешь къ сознанию своей
 непригодности для дальнѣйшей службы. Намъ пришлось слы-
 шать изъ устъ одного старика-священника, который имѣлъ
 несчастіе поднасть черезчуръ строгому „вниманію“ своего
 ближайшаго начальства—благочиннаго, такого рода сѣтованія:
 „не отъ того я болѣю, что дѣйствительно мнѣ окончательно
 измѣнили физическія силы... Нѣтъ, я еще могъ бы служить
 и приносить пользу Церкви... Изводятъ меня замѣчанія на-
 чальства, горькія для меня потому, что и теперь я служу
 Церкви съ такимъ же усердіемъ въ душѣ, какъ, бывало,
 раньше... Правда, у меня нѣтъ уже силъ, какъ у молодого...
 И вотъ, потому-то я и оказался негоднымъ... Прежде, какъ
 видите, часто удостоивали меня даже наградами, а теперь...
 никто, рѣшительно никто, не поддержитъ и не постарается
 понять старика... Вѣдь и старикъ могъ бы оказаться полез-
 нымъ, если бы о немъ хорошенько подумали... И ему, гля-
 дишь, нашлось бы мѣсто среди другихъ работниковъ на нивѣ
 Христовой“

Впрочемъ, нечего описывать картины и передавать рѣчи,
 хорошо всему духовенству извѣстныя. Оно, конечно, не разъ
 само задумывалось надъ печальнымъ положеніемъ престарѣ-
 лыхъ своихъ собратій, а въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, пришло
 къ сознанию необходимости собственными средствами улуч-

шить хотя матеріальное ихъ состояніе устройствомъ богадѣленъ для престарѣлыхъ лицъ духовнаго званія обоого пола, гдѣ бы заштатные священнослужители могли найти себѣ и кровъ, и пропитаніе, и необходимый уходъ—частію безвозмездно, а частію—съ небольшою платою.

Но, намъ думается, заботы о старцахъ-священникахъ не должны ограничиваться однимъ только улучшеніемъ ихъ матеріальнаго состоянія, какъ бы это послѣднее ни было важно. Виолнѣ сочувствуя, конечно, учрежденію этихъ симпатичныхъ и воистину богоугодныхъ заведеній и желая, чтобы шире и шире развивалась дѣятельность духовенства въ этомъ направленіи и захватывала больше и больше епархій, мы, однако, думаемъ, что мѣста въ духовныхъ богадѣльняхъ должны быть предоставляемы совершенно уже безпомощнымъ и окончательно одряхлѣвшимъ старикамъ, которымъ остается лишь сидѣть и лежать, а для достаточно крѣпкихъ еще будетъ большимъ утѣшеніемъ, если имъ представится возможность *продолжать* епархіальную службу, съ которою они всегда кровно сродняются,—только на нѣсколько иныхъ началахъ. Мы исходимъ изъ убѣжденія, что старики-священники, неисправные съ точки зрѣнія исполненія формальныхъ предписаній закона, могутъ оказать незамѣнимую услугу дѣлу Церкви въ смыслѣ глубокаго и широкаго *пастырскаго* воздѣйствія на народъ, лишь бы они удовлетворяли тѣмъ требованіямъ христіанскаго ученія—религій духа, истинной жизни и спасенія, въ наличности которыхъ у стариковъ-пастырей всего меньше можно сомнѣваться. Припомнимъ глубокое уваженіе, какое оказывала вообще старикамъ еще до-христіанская древность. Глава римскихъ мыслителей Цицеронъ пишетъ особый трактатъ, посвящая его раскрытію рациональныхъ основаній уваженія къ старцамъ, составлявшаго своего рода предметъ вѣры для древнихъ. „Важныя дѣла,—говоритъ Цицеронъ въ своемъ трактатѣ: *Катонъ Старшій*,—устраиваются не силою тѣла, не быстротой или проворствомъ его, но—совѣтомъ, правственнымъ вліяніемъ, мыслью; этихъ послѣднихъ качествъ обык-

новенно не только не лишена старость, но даже изобилуетъ ими“ (гл. VI): *Важныя дѣла*—выражается языческой мыслитель, разумья подъ ними дѣла, касающіяся государственнаго устройства, выше которыхъ ничего не было по представленію древняго римлянина. Но оказалось, что есть еще больше *важныя дѣла*, чѣмъ политическія. *Важныя* ихъ оказались вопросы жизни и спасенія, отвѣтъ на которые человечество получило отъ Христа. Что мы видимъ въ іерархическомъ строѣ первенствующей Церкви?—Служить этимъ *важнѣйшимъ дѣламъ* апостолы призываютъ пресвитеровъ, т. е. старцевъ. Пресвитеры-старцы стоятъ во главѣ руководства духовною жизнью членовъ юной Церкви. Въ „Дѣяніяхъ Апостольскихъ“ читаемъ трогательную бесѣду ап. Павла съ ефесскими пресвитерами, которыхъ онъ пригласилъ къ себѣ въ Милетъ, и узнаемъ нравственныя требованія отъ пастырей Церкви, которыя сохраняютъ силу и до нашихъ дней (20, 17—38). Въ пору развитія организациі церковнаго управленія (III—VI вв.), при епископѣ, въ качествѣ его ближайшихъ помощниковъ по душепопечительству, мы видимъ опять таки пресвитеровъ-старцевъ. Отношенія между ними и епископомъ; главою мѣстной Церкви, были самыя близкія. Своимъ знаніемъ жизни и мудростью они облегчали епископу трудное его служеніе. Съ большимъ почтеніемъ отзывается о нихъ, напр., Григорій Богословъ въ своемъ прощальномъ словѣ, предъ удаленіемъ изъ Константинополя. Онъ называетъ ихъ „вождями стада“ и „зрѣлыми по возрасту“ соратниками своими.

Измѣнились условія жизни, и теперь, въ сравненіи съ стариной, на священника легли заботы не объ одномъ чисто пастырскомъ служеніи. Конечно, всякое время выдвигаетъ свои требованія, и нельзя съ ними не считаться. Но, съ другой стороны, справедливо ли не считаться и со всѣми качествами тѣхъ лицъ, на которыхъ ложится отвѣтственность за точное исполненіе всѣхъ начальственныхъ требованій, и отъ стариковъ требовать того же, чего можно потребовать отъ

молодыхъ?—Если строго разграничить область пастырскую отъ области внѣшней, такъ сказать, бумажной, то, весьма возможно, окажется, что неуспѣвающіе въ послѣднемъ отношеніи будутъ безупречны въ первомъ. Отсюда слѣдуетъ необходимость разграничить сферу дѣятельности двухъ пастырей—престарѣлаго и молодого. Необходимо первому предоставить дѣйствованіе въ сферѣ чисто духовныхъ предметовъ, а изъ внѣшней дѣятельности оставить самое лишь необходимое; второму же предоставить всю *физическую* сторону пастырскаго труда, не стѣсня, конечно, его и въ проявленіяхъ пастырскаго духа. Пусть священники-старики будутъ *духовными отцами* въ приходѣ, а молодые—пусть помогаютъ имъ во внѣшней дѣятельности: въ письмоводствѣ, въ собесѣдованіяхъ, занятіяхъ въ школахъ и пр. Наше время характеризуется оскуднѣніемъ духа во всѣхъ областяхъ жизни. И духовенство по преимуществу должно взять на себя задачу раскрытія сокровищъ духа, таящихся въ нѣдрахъ сердца русскаго народа. Если бы съ требованіями духа обратиться къ этимъ, трепещущимъ теперь за свое положеніе на службѣ, старцамъ-іереямъ; если бы имъ указать, что *явленіе духа и силы духовной*—спеціальность ихъ служенія; если бы почувствовали старики, что отъ нихъ ожидаютъ еще многого: то, навѣрное, истиннымъ ревнителямъ народнаго блага не пришлось бы раскаяваться въ снисхожденіи къ старческимъ недочетамъ. Всякому возрасту—свое. Какъ не возможно требовать отъ только-что начавшаго духовную жизнь молодого человѣка проявленій мощи духа, такъ точно и отъ старика—формальной исправности по службѣ. Освободившись отъ отвѣтственности за послѣднюю и утѣшенные сознаниемъ, что они—далеко не лишніе въ сонмѣ служителей Христовыхъ, и что могутъ они пѣть Богу, *dondeже суть*, старики-іереи весь остатокъ своихъ физическихъ силъ отдадутъ на служеніе духу, которымъ обильнѣе, чѣмъ кому-либо, станутъ питать духовныхъ чадъ.—Говорятъ: „старикъ не назидаетъ прихожанъ проповѣдническимъ словомъ“...—Да—писанною пропо-

вѣдью: но зато прошедшая предъ глазами пасомыхъ его длинная жизнь съ ея радостями и—больше скорбями представляет собою лучшее, живое и наглядное назиданіе для прихожанъ, лишь бы только послѣдніе внимательнѣе относились къ священнику. А затѣмъ, богатый опытъ жизни, все передуманное, перечувствованное—какой это обильный матеріалъ для вразумленія и назиданія! Правда, рѣдко кто умѣетъ пользоваться имъ съ церковной кафедры, но, во всякомъ случаѣ, не такъ уже много онъ и теряетъ въ своей цѣнности, излагаемый за простою, домашнею бесѣдою въ кругу прихожанъ въ безхитростной рѣчи старца-пастыря. Какъ высоко цѣнится всѣми его благословіе и старческая теплая молитва въ важныхъ обстоятельствахъ личной и общественной жизни прихожанъ! Съ какою покорностью обыкновенно принимаются строгія, но правдивыя слова вразумленія или даже обличенія, когда это необходимо бываетъ, изъ устъ отходящаго отъ жизни старца, котораго уже трудно заподозрить въ лицепріятіи, угодничествѣ. Старость сама по себѣ заставляетъ, какъ-то невольно даже, уважать себя, особенно же—старость *пастырская*.

Все вышеизложенное позволяетъ высказать желаніе, чтобы престарѣлымъ іереямъ, чувствующимъ, что они уже не въ силахъ удовлетворять *всѣмъ* требованіямъ службы, предоставлено было право просить себѣ помощника изъ окончившихъ курсъ семинаріи и только-что возведенныхъ въ санъ молодыхъ священниковъ. Является вопросъ: на что содержать такого помощника?—Но 1) ставить болѣе важное дѣло, каково истинное пастырство, въ зависимость отъ менѣе важнаго—соображеній о матеріальномъ обезпеченіи, не приходится, особенно въ виду 2) широко открывающейся возможности устроить матеріальное обезпеченіе молодого помощника. На содержаніе его можетъ старикъ-священникъ удѣлить часть собственныхъ доходовъ и все жалованье, гдѣ таковое есть, а себѣ оставить пенсію и другую часть дохода. Затѣмъ, въ приходахъ, гдѣ положенъ по штату діаконь, можно опредѣлить

новаго священника даже на дьяконскую вакансію. Должность діакона не такая уже необходимая, что ею нельзя было бы пожертвовать въ виду большей пользы для прихода—назначенія новаго священника. Притомъ, діаконъ можетъ быть опредѣленъ и на псаломщическую вакансію въ тѣхъ приходахъ, гдѣ по штату положено два псаломщика, или изъ прихожанъ находятся способныя лица отправлять псаломщическую должность за небольшое вознагражденіе. Конечно, и церковно-приходская школа можетъ тутъ притти на помощь, такъ какъ она даетъ иногда очень хорошихъ чтецовъ и знающихъ дѣло пѣвцовъ, способныхъ замѣнить присяжнаго псаломщика, если бы это понадобилось.

Практичные пѣмцы давно рѣшили вопросъ объ улучшеніи положенія престарѣлыхъ пасторовъ. У нихъ есть такъ называемые *викариі*, которые опредѣляются въ помощь къ старику-пастору и подъ его руководствомъ приготовляются къ самостоятельной должности пастора, занять которую не могутъ раньше, чѣмъ не зарекомендуютъ себя съ лучшей стороны въ глазахъ начальства. Это—молодые люди, прошедшіе уже богословскую школу, но еще не ознакомившіеся съ практической стороной пастырскаго служенія, безъ какого знанія въ протестантствѣ не мыслимо быть пасторомъ.

Учрежденіе и у насъ института помощниковъ престарѣлымъ священникамъ очень желательно, въ видахъ улучшенія пастырскаго дѣла—какъ для самихъ молодыхъ, только-что рукоположенныхъ, іереевъ, такъ и для іереевъ престарѣлыхъ, помогать которымъ ихъ назначать. Начать службу подъ руководствомъ опытнаго священника очень важно для молодого человѣка. Онъ только-что вышелъ изъ-за школьной скамьи, ничего, кромѣ семинарскихъ стѣнъ, не видѣлъ, нисколько съ жизнью не знакомъ и въ приходѣ не умѣетъ шагу ступить безъ посторонней помощи. Ему необходимо доброе руководство опытнаго лица, которое предостерегло бы его отъ роковыхъ ошибокъ, которыхъ иногда нельзя бываетъ поправить въ теченіе всей послѣдующей жизни. Умѣть обра-

щаться съ прихожанами—чрезвычайно большое искусство. Надо знать, какъ къ кому подступить, и умѣть всегда вѣрно достигать цѣлей служенія. Знакомство съ приходомъ, конечно, весьма облегчитъ молодому священнику прожившій долго въ немъ старикъ-священникъ. Онъ же и научитъ *пастырской мудрости* въ обращеніи съ людьми, которую самъ горькимъ, быть можетъ, опытомъ позналъ. Онъ и прихожанъ расположитъ въ пользу молодого своего помощника. Все это тѣмъ болѣе желательно, что, рано или поздно, молодому священнику придется принять всецѣло въ свои руки управленіе приходомъ; когда Господь воззоветъ къ себѣ старца, и, слѣдовательно, для него интереснѣе какъ можно лучше и прочнѣе устранивать свое будущее положеніе въ приходѣ. Онъ не будетъ понапрасну терять дорогого времени „помощничества“, а употребитъ его на всестороннюю подготовку къ самостоятельной послѣдующей дѣятельности. Принять приходъ отъ старшаго священника всего естественнѣе, конечно, его помощнику; но, однако, не слѣдуетъ препятствовать послѣднему искать и другого мѣста, если настоящее ему почему-либо не нравится, а начальство находитъ, что онъ получилъ уже достаточную пастырскую подготовку и въ состояніи справиться съ самостоятельнымъ приходомъ... Мысль о необходимости подготовки къ пастырству практическимъ путемъ всегда болѣе или менѣе ясно сознавалась церковнымъ правительствомъ, и еще не такъ давно, при введеніи института диаконовъ-учителей для церковно-приходскихъ школъ изъ окончившихъ полный курсъ семинаріи, выставлялась, между прочимъ, и та цѣль, чтобы эти диаконы, поставленные лицомъ къ лицу съ приходомъ, готовились вмѣстѣ съ тѣмъ и къ предстоящей имъ священнической дѣятельности. Почему бы не положить начало подготовкѣ къ пастырству не въ санѣ диакона, а въ санѣ священника? Это давало бы еще болѣе большую возможность лучше подготовиться къ будущему служенію кандидату пастырства.

Въ доброе старое время существовало обыкновеніе передавать приходы по наслѣдству. Въ одномъ и томъ же приходѣ, случалось, преемственно служилъ цѣлый рядъ поколѣній одной фамиліи, и дѣдъ оставлялъ мѣсто сыну, внуку и правнуку. Старое поколѣніе доживало свой вѣкъ въ молодой семьѣ, которая, какъ бы въ признательность за полученное мѣсто, принимала на себя заботы о старикахъ. Старики наставляли молодежь... Много симпатичнаго было въ этомъ старомъ обычаѣ, и, несомнѣнно, много пользы принесло папсомымъ такое положеніе вещей въ старину. Не даромъ оно находило себѣ такихъ защитниковъ, какъ приспомятый святитель *Филаретъ*, митр. Московскій, искренній радѣтель о благѣ Церкви. У другого, тоже извѣстнаго въ свое время, іерарха—архіеп. *Анатолія* читаемъ интересную апологію порядка перехода священства *изъ рода въ родъ*: „Можно ли считать предосудительнымъ,—пишетъ онъ въ *Страничникъ* за 1861 г. (Дек. „Смѣсь“, стр. 118—119),—когда сыновья какого-нибудь, напр., полковника, котораго предки съ незапамятныхъ временъ состояли въ военной службѣ и славились своими въ этомъ званіи подвигами, слушая издѣтства простыя повѣствованія о духовныхъ доблестяхъ прадѣда, дѣда и отца своего, распаляются желаніемъ поступить и вступаютъ въ военную службу? Напротивъ того, рассказы родныхъ о военномъ поприщѣ ихъ предковъ служатъ для сыновей такого полковника такимъ приготовленіемъ къ военному званію, какого не приобрѣли бы они и въ наилучшемъ кадетскомъ корпусѣ, потому что заслуги и подвиги ихъ предковъ побуждаютъ ихъ проходить военную службу вполне соотвѣтственно своему долгу, а въ примѣрахъ своихъ праотцевъ они будутъ почерпать поощреніе и одушевленіе къ мужеству и самоотверженію для блага отечества. Равнымъ образомъ, что въ этомъ дурнаго, если священническій сынъ также поступаетъ въ званіе отца своего?—Напротивъ того, въ семействѣ примѣрнаго священника дѣти его съ отрочества непримѣтно готовятъ къ достойному прохожденію священни-

ческаго званія, издѣтства узнають нужды и горести его, свыкаются съ ними, а въ поведеніи своего родителя съ его прихожанами почерпають такіе уроки обращенія съ ними, какихъ въ этомъ отношеніи не въ состояніи преподать никакое образованіе“. Въ наше время настойчиво говорятъ противъ кастичности духовенства и требуютъ „оздоровленія“ его притокомъ „свѣтскихъ“ силъ. Свѣжія, *хорошія* силы всегда будутъ желательны въ духовенствѣ, и духовенство не только ничего не имѣетъ противъ нихъ, но, наоборотъ, съ распротертыми объятіями приметъ въ свое общеніе дѣйствительно желающихъ послужить усердно и съ самоотверженіемъ; какого требуетъ время, благу страждущей нынѣ Церкви. Но много ли находится и найдется охотниковъ принять на себя служеніе, которое сулитъ почти одни огорченія?—Разсуждалъ по этому поводу еще и вышеупомянутый преосв. Анатолій (см. тамъ же), и, рисуя картину обычныхъ отношеній къ духовенству,—картину, во *многихъ отношеніяхъ* и до нашего времени не измѣнившуюся,—сильно сомнѣвался, чтобы священническое служеніе могло соблазнить кого-либо изъ дворянскаго, напр., болѣе образованнаго и независимаго сословія; если пойдутъ они въ ряды духовенства изъ-за матеріальныхъ расчетовъ, то жестоко разочаруются въ своихъ надеждахъ. „И желательно,—говоритъ преосв. Анатолій,—чтобы дворяне поступали въ духовное званіе. Пусть отвѣдаютъ, что за сахарный бытъ русскаго духовенства; пусть испытають презрѣніе и униженіе, коимъ бѣдные священники подвергаются не только отъ многихъ помѣщиковъ, но даже отъ нѣкоторыхъ предсѣдателей палатъ государственныхъ имуществъ, отъ окружныхъ и ихъ помощниковъ, отъ всякаго рода чиновниковъ, отъ старшинъ сельскихъ обществъ и ихъ развратныхъ, пьяныхъ писарей! О, если бы господа, завидующіе духовному званію, поступивъ въ сословіе сельскихъ священниковъ, опытно удостовѣрились, сколь горестно ихъ положеніе, и провозгласили во услышаніе міру, что священники утѣшаются въ своихъ скорбяхъ единственно

тѣмъ, что могутъ говорить о себѣ подобно святымъ апостоламъ: *позоръ быхомъ міру и ангеломъ и челоукомъ, якоже отребн... всѣмъ попраіе досель* (1 Кор. 4, 9, 13)“.

Но, предположимъ, списки духовенства заблестятъ новыми, славными въ мірѣ именами. Тогда вопросъ о подготовкѣ къ пастырству новыхъ, прившедшихъ отъинуду, элементовъ выдвинется еще замѣтнѣе. Теперь, когда подавляющее большинство кандидатовъ священства составляютъ дѣти духовенства, до нѣкоторой степени все-таки знакомыя съ особыми условіями жизни и дѣйствованія православнаго пастырства,—теперь еще не такъ остро поставленъ вопросъ о приготовленіи къ нему хотя бы съ формальной стороны—со стороны внѣшнихъ приемовъ обращенія съ паствой. Но тогда вопросъ непременно обострится. Придутъ къ алтарю лица, совершенно не знакомыя съ пастырскимъ дѣломъ въ жизненной его постановкѣ, научившіяся изъ книгъ пастырству, въ лучшемъ случаѣ—одушевляемая однимъ добрымъ *чувствомъ* по отношенію къ дѣлу, которое только издали имъ можетъ казаться привлекательнымъ, но много потеряетъ въ своей прелести при ближайшемъ ознакомленіи съ нимъ и съ первыми уколами предательскихъ терній и шиповъ, въ изобиліи попадающихся по пути пастырскаго служенія. Не такъ болѣзненны они челоуку, присмотрѣвшемуся и привыкшему къ нимъ издѣтства, но для новичка они—нестерпимы.

Если для молодого священника изъ духовныхъ необходимо первоначальное руководство пожилого и опытнаго пастыря, то тѣмъ необходимѣе оно священнику изъ *святскихъ*. Пусть, прежде чѣмъ начать пастырскую дѣятельность, они научатся пастырству и всесторонне постигнуть его у истинныхъ пастырей, которыхъ, слава Богу, еще довольно есть на Руси. Пастыри эти научатъ ихъ распознавать народную душу, входить въ пониманіе сердца народнаго, его сокровенныхъ помысловъ и завѣтныхъ чаяній. Не сразу это дается всякому, вновь пришедшему въ Церковь съ готовностью служить ближнимъ, точно такъ же какъ и не для всякаго

изъ свѣтскихъ совершенно яснымъ представляется *идеалъ православнаго пастырства*, отличный отъ идеала католическаго и протестантскаго. Все требуетъ разъясненій и—главное—личнаго переживанія. Пусть же помогутъ въ этомъ, хоть отчасти, состарѣвшіеся на своемъ посту, іереи Божіи, смѣнить которыхъ идетъ новое поколѣніе съ новыми людьми...

Представляя свои мысли на судъ заинтересованныхъ близко вопросомъ о созданіи истиннаго, православнаго пастырства (поскольку, конечно, это зависитъ отъ человѣческихъ средствъ и усилій), позволяемъ себѣ закончить свою замѣтку обращеніемъ къ молодому поколѣнію пастырей, отзывчивому на все доброе,—обращеніемъ, хорошо, впрочемъ, ему извѣстнымъ: *предъ лицемъ съдаго востани*,—дай лучшее мѣсто старцу-іерею въ сонмѣ юнѣйшихъ собратій его, чтобы не скорбѣлъ духъ его,—*и почти лице старче* внимательнымъ приникновеніемъ къ его каплющему премудрость слову. Въ немъ, какъ и въ обстоятельствахъ долгой жизни старца, почерпай живые уроки добраго пастырства. *Н. Пальмовъ.*

Вѣчный миръ.

Миръ... Среди чудовищныхъ ужасовъ войны, когда льются потоки крови, слышатся стоны и крики раненыхъ и умирающихъ, среди тяжелой атмосферы невыразимаго человѣческими словами горя и горючихъ слезъ десятковъ тысячъ матерей, женъ, сестеръ и дѣтей, безутѣшно оплакивающихъ ничѣмъ невознаградимыя для сердца потери сыновей, мужей, братьевъ и отцовъ, среди кроваваго кошмара войны, давящаго сознаніе, сжимающаго тисками сердце, парализующаго волю,—какою отрадою, благодіемъ вѣетъ отъ одного слова „миръ“! Миръ—это символъ свѣтлой и радостной жизни на лонѣ родной страны, въ кругу родныхъ и близкихъ сердцу людей; миръ—это залогъ всеобщаго благополучія и прогресса

въ жизни народовъ, залогъ братскаго единенія всѣхъ народовъ, водворенія царства Божія на землѣ. Потому-то, при первомъ извѣстїи о возможности мира, при первыхъ слухахъ о началѣ мирныхъ переговоровъ какъ бы послышался облегченный вздохъ милліоновъ сердець, забившихся въ унисонъ одною радостною надеждою на возстановленіе желаннаго мира на землѣ. Чѣмъ кровопролитнѣе и ужаснѣе война, тѣмъ интенсивнѣе бываетъ желаніе мира. Настоящая, непримѣрная въ исторїи, человѣчества по ожесточенности, количеству жертвъ и пролитыхъ потоковъ крови, война естественно возбуждаетъ глубокое и искреннее желаніе прочнаго, постояннаго мира.

Поэтому, за первымъ движеніемъ сердца остановить сейчасъ льющіеся потоками кровь, поднимается изъ глубины его желаніе прекратить ужасы войны не на одинъ только моментъ, а навсегда, — поднимается желаніе вѣчнаго мира. Это желаніе не умираетъ въ сердцѣ человѣчества. Проблема мира и войны такъ же близка уму людей и такъ же неотступно стоитъ предъ ихъ сознаніемъ, какъ проблема жизни и смерти. „Много было великихъ народовъ съ великою исторїей, но чѣмъ выше были эти народы, тѣмъ были и несчастнѣе, ибо сильнѣе другихъ сознавали потребность всемірнаго соединенія людей. Великіе завоеватели, Тимуръ и Чингисъ-Ханы, пролетѣли какъ вихрь по землѣ, стремясь завоевать вселенную, но и тѣ, хотя и бессознательно, выразили ту же самую великую потребность человѣчества ко всемірному и всеобщему единенію“ (Достоевскій).

Въ далекія, мрачныя времена войны всѣхъ противъ всѣхъ взору пророка предносился идеаль всеобщаго умиротворенія не только въ мірѣ человѣческомъ, но и въ царствѣ природы (Ис. 2, 4)¹⁾.

¹⁾ Во 2-й главѣ пророкъ рисуетъ грандіозную картину мира всего человѣчества, которая далѣе разворачивается въ картину умиротворенія всей природы.

Но этотъ идеаль, не только не осуществимый, но и несоизмѣримый съ современной пророку дѣйствительностью, относился къ далекимъ грядущимъ временамъ, къ новой дѣйствительности и новымъ взаимоотношеніямъ людей.

Прошли вѣка, исполнилось время, и на землѣ явилась новая жизнь, открылся новый порядокъ людскихъ отношеній. Небожители, возвѣстившіе міру пришествіе Сына Божія, возвѣстили воцареніе на землѣ мира и благоволенія въ сердцахъ человѣческихъ. Текли вѣка, и враждовали народы, рѣкою лилась кровь, и ручьями лились людскія слезы, а идеаль всеобщаго умиротворенія народовъ, предносившійся пророческому взору, оставался такимъ же, какъ и во времена пророка, далекимъ и недостижимымъ. Но ангельская пѣснь о мирѣ и благоволеніи на землѣ не умолкая звучала на струнахъ человѣческаго сердца, побуждая стремиться къ завѣтному идеалу. И во всѣ времена были пламенные сердца, которыя желали немедленнаго воплощенія идеала вѣчнаго мира въ данной дѣйствительности; отсюда въ разныя эпохи возникали попытки организаціи всеобщаго мира народовъ, которыя—увы!—никогда не приводили къ желанному результату и оканчивались печально. Жестокая дѣйствительность беспощадно разбивала и какъ бы смѣялась надъ мечтами миротворцевъ. Не вдаваясь въ глубь исторіи, для иллюстраціи достаточно указать на нѣкоторыя послѣднія, близкія къ нашему времени, стремленія организовать всеобщій миръ¹⁾. Въ 1863 г. Наполеонъ III пытался созвать мирную конференцію. Въ письмѣ, обращенномъ по этому поводу къ государямъ Европы, онъ говорилъ: „Мнѣ, призванному на тронъ Провидѣніемъ и волею французскаго народа, но воспитанному въ школѣ несчастія, мнѣ, можетъ быть, менѣе, чѣмъ кому-нибудь другому, позволительно не сознавать права Государей

¹⁾ По этому вопросу см. интересную работу проф. М. А. Таубс: „Христіанство и организація международнаго мира“. Спб. 1902 г.

и законныхъ стремленій народовъ. Поэтому, я готовъ, не имѣя предвзятаго плана, внести въ международный совѣтъ духъ умѣренности и справедливости, обычный удѣлъ тѣхъ, кто перенесъ столько испытаній. Если я беру на себя инициативу подобнаго обращенія, это не значитъ, что я дѣйствую изъ побужденія тщеславія; но, будучи государемъ, которому приписывали болѣе всего честолюбивыхъ плановъ, я желаю доказать этою откровенною и добросовѣстною попыткой, что моя единственная цѣль—достичь безъ потрясеній умиротворенія Европы. Если предложеніе это своевременно, я прошу ваше величество принять Парижъ, какъ мѣсто собранія“.

Это было писано 4-го ноября 1863 г., а въ 1864 г. вспыхнула уже война Австріи и Пруссіи противъ Даніи, въ 1866—война Пруссіи съ Австріей и въ 1870 г.—Пруссіи съ Франціей ¹⁾...

Эта послѣдняя война, наиболѣе жестокая и грандіозная, окончилась, какъ извѣстно, полнымъ разгромомъ Франціи, взявшей на себя инициативу организаціи мира.

Историческую параллель наблюдаемъ въ недавнихъ и современныхъ событіяхъ, въ разыгравшейся на нашихъ глазахъ исторической драмѣ.

Въ 1898 г. И. С. Блюхъ своею книгой: „Будущая война въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніи“ убѣждаетъ С. Ю. Витте, что война, при современномъ положеніи военной техники, не возможна. С. Ю. Витте убѣждаетъ въ этой старой масонской истинѣ гр. М. Н. Муравьева, и въ августѣ 1898 г. рассылается циркулярная нота о созывѣ мирной конференціи. А въ 1899 г. вспыхиваетъ англо-бурская война, въ 1900 году—китайская, въ 1904—русско-японская...

Теперь народы не безъ содроганія спрашиваютъ себя, за кѣмъ очередь. И ужасъ расплзается по старой, грѣ-

¹⁾ С. Н. Сыромѣтниковъ. „Слово“, № 203.

ющейся подъ блескомъ золота, Европѣ... Поистинѣ, „крова-
 вый бичъ войны смѣется надъ усиліями земныхъ миротвор-
 цевъ“. По какой-то жестокой логикѣ исторіи, на долю тѣхъ,
 которые искренно и нелицемѣрно желаютъ водворенія всеоб-
 щаго мира на землѣ, достается наибольше жестокихъ стра-
 даній и ужасныхъ бѣдствій войны. По свойственной ли сла-
 вянскому племени невоинственности, по нашей ли юности
 сравнительно съ другими народами Европы, а тѣмъ болѣе
 Азіи,—юности, которая всегда идеалистична,—или, вѣрнѣе,
 въ силу смутно-сознаваемой исторической миссіи, возложен-
 ной на насъ Провидѣніемъ, мы искренно, не изъ корыстныхъ
 расчетовъ, а по высшимъ побужденіямъ стремились ко все-
 общему умиротворенію народовъ.

Это миролюбивое настроеніе и стремленіе русскаго на-
 рода и его государей нашло особенно яркое выраженіе въ
 двухъ международныхъ актахъ начала и конца минувшаго
 XIX вѣка. Это именно—актъ Священнаго Союза, заключен-
 наго 14 сентября 1815 г. императоромъ Александромъ I съ
 монархами Австріи и Пруссіи, и циркулярная нота гр. Му-
 равьева отъ 12 (24) августа 1898-го года о мирной конфе-
 ренціи, разосланная, по волѣ нынѣ царствующаго Государя
 Императора, къ иностраннымъ дворамъ.

Эти два акта были вдохновлены высокими, истинно хри-
 стианскими чувствами русскихъ государей, бывшихъ въ дан-
 номъ случаѣ вѣрными выразителями завѣтныхъ думъ и
 чувствъ своего народа. Вотъ, напр., какими побужденіями
 руководился Александръ I, по его собственнымъ словамъ,
 при заключеніи священнаго союза. „Я покидаю Францію“,
 говорилъ онъ г-жѣ Криднеръ, „но до своего отъѣзда хочу
 публичнымъ актомъ воздать Богу Отцу, Сыну и Святому
 Духу хвалу, которою мы обязаны Ему за оказанное намъ
 покровительство, и призвать народы стать въ повиновеніе
 Евангелію. Я желаю, чтобы императоръ Австрійскій и король
 Пруссійскій соединились со мною въ этомъ актѣ богопочтенія,

чтобы люди видѣли, что мы, какъ восточные волхвы, признаемъ верховную власть Бога Спасителя“¹⁾.

Въ манифестѣ по случаю обнародованія договорнаго акта Священнаго Союза, данномъ въ день Рождества Христова 1815 г., сказано: „Въ этомъ Союзѣ обязуемся мы взаимно, какъ между собою, такъ и въ отношеніи къ подданнымъ нашимъ, принять единственнымъ ведущимъ къ оному средствомъ правило, почерпнутое изъ словесъ и ученія Спасителя нашего Иисуса Христа, благовѣствующаго людямъ жить аки братіямъ, не во враждѣ и злобѣ, но въ мирѣ и любви. Мы желаемъ и молимъ Всевышняго о ниспосланіи благодати Своей, да утвердитъ Священный Союзъ сей между всѣми державами къ общему ихъ благу“²⁾...

Что же вышло изъ этого Союза, основаннаго на евангельскихъ началахъ любви и братства, заповѣданныхъ Спасителемъ? Водворилъ ли онъ вмѣсто вражды чувства любви и братства въ сердцахъ народовъ, низвелъ ли вмѣсто войны миръ на землю?—Высокій, по своей идеѣ, Священный Союзъ, благодаря меккѣавелистической политикѣ Меттерниха, обратился въ орудіе реакціи, во главѣ которой была поставлена Россія³⁾. Правда, миръ между вступившими въ Союзъ европейскими народами въ теченіе сорока лѣтъ не былъ нарушенъ; но вражда не прекратилась на землѣ, и кровь не переставала литься. Изъ внѣшнихъ, международныхъ отношеній вражда перешла во внутреннія отношенія народовъ, и вмѣсто поля брани кровь обаграла улицы и площади мирныхъ городовъ. Въ этотъ періодъ времени международнаго мира Европа пережила три эпохи революціонныхъ потрясеній (1820, 1830,

¹⁾ Шильдеръ Н. К. Императоръ Александръ Первый. Его жизнь и царствованіе. Спб. 1897 г. т III, стр. 344.

²⁾ Ibid, стр. 360.

³⁾ Ibid. Интересно свидѣтельство современника—А. В. Никитенко: „Моя повѣсть о себѣ самомъ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ“ т. I, стр. 113.

1848 г.), вызванныхъ реакціей, которыя подавлялись союзными государствами со всею жестокостью военного времени. Россію же Священный Союзъ не гарантировалъ отъ войны съ Турціей въ ближайшемъ будущемъ и подготовилъ для нея въ болѣе отдаленномъ будущемъ севастопольскій разгромъ.

Въ ночь 12 августа 1898 г. Государь Императоръ, слѣдующаго миролюбивымъ завѣтамъ своихъ царственныхъ предковъ, приглашаетъ народы на конференцію, „которая сплотила бы въ одно могучее цѣлое усиліе всѣхъ государствъ, искренно стремящихся къ тому, чтобы великая идея всеобщаго мира восторжествовала надъ областью смуты и раздора. Въ то же время она скрѣпила бы ихъ согласіе совмѣстнымъ признаніемъ началъ права и справедливости, на которыхъ зиждется безопасность государствъ и преуспѣяніе народовъ. Съ Божіею помощію, конференція эта могла бы стать добрымъ предзнаменованіемъ для грядущаго вѣка“. Этотъ международный актъ вызвалъ ликование среди поборниковъ мира, которые увидѣли въ немъ начало новой эры въ международныхъ отношеніяхъ и жизни народовъ. Баронесса Сутнеръ, г. Стэдъ и другіе поборники мира съ жаромъ принялись за пропаганду идеи всеобщаго мира. Стэдъ въ своихъ лекціяхъ, читанныхъ въ помѣщеніи американской церкви въ Петербургѣ, краснорѣчиво изображалъ блага мира и доказывалъ великое значеніе циркуляра отъ 19 августа г. Муравьева. Въ своемъ журналѣ: „Война противъ войны“ онъ энергично призывалъ всѣ народы къ немедленному разоруженію. Собирались митинги, составлялись петиціи и адреса съ многочисленными подписями; по всѣмъ странамъ Европы шла усиленная пропаганда, гремѣла проповѣдь о мирѣ. И что же?—Созванная въ Гаагѣ 6-го (18) мая 1899 года мирная конференція не достигла почти никакихъ практически ощутительныхъ результатовъ: она не достигла ни уменьшенія вооруженій, ни сокращенія военныхъ бюджетовъ. Достигшая своего апогея въ 1899 году пропаганда всеобщаго мира заключилась рядомъ войнъ. Въ томъ же году вспыхнула англо-бурская война, заставившая

міръ окончательно разубѣдиться въ справедливости и гуманности высококультурной Европы.

„Эта война“ писалъ пасторъ Гиллотъ, „съ ея несчастнымъ окончаніемъ взяла у насъ то, чѣмъ мы болѣе всего дорожили..., чего никто не можетъ намъ отдать. Прежде всего—вѣру въ торжествующую силу справедливости. Навуою—господинъ виноградника, но виноградникъ сильно поправился міру, и... онъ беретъ его. Народы Европы озираются въ ожиданіи, что раздастся властный голосъ, повелѣвающій насилію остановиться. Но все молчитъ. Они могутъ подать только свою милостыню. И это они сдѣлали съ великолѣпнымъ единодушіемъ. Но никто не вернетъ Навуою его виноградника. И мы потеряли вѣру въ гуманность. Мы иногда думали, что гуманность будетъ знаменемъ XX-го столѣтія. Теперь мы знаемъ: „De succès c'est le dieu de fer qu'on adore“.

„Гуманность—это безводная туча, носившаяся надъ концентраціонными лагерями.“ Такъ заявила себя миролюбивая Европа, своимъ молчаніемъ какъ бы одобрявшая варварскіе подвиги наиболѣе культурнаго и свободнаго изъ своихъ народовъ,—Европа, сочувственно откликнувшаяся на призывъ „скрѣпить международное согласіе совмѣстными признаніями началъ права и справедливости“, только-что принимавшая участіе въ конференціи, которая должна была, „съ Божіей помощью, стать добрымъ предзнаменованіемъ для грядущаго вѣка“¹⁾.

Въ 1900 г., въ китайскую войну союзныя войска навели ужасъ на китайцевъ и своими „подвигами“ заставили краснѣть европейцевъ, справедливо заслуживши отъ азіатовъ названіе „бѣлыхъ варваровъ“. Въ 1904 г., наконецъ, разразилась настоящая военная гроза, грандіозная по своей стихійности, ожесточенности и количеству жертвъ. Всей тя-

¹⁾ Пасторъ Гиллотъ. „Мое послѣднее посѣщеніе президента Крюгера“. „Новости“ отъ 20-го ноября 1902 года.

жестью несчастій она обрушилась, какъ бы по закону историческаго возмездія, на Россію, которая призывала народы къ всеобщему миру. По своей неопытности и наивности, ибо мы самые молодые изъ европейцевъ и тѣмъ болѣе азіатовъ, „мы повѣрили всего глубже и всего сильнѣе въ немедленное сошествіе мира на землю, и, какъ гимназисты бросаютъ учиться, когда имъ объявятъ, что экзамены отмѣняются въ этомъ году, мы бросили готовиться къ войнѣ, когда насъ стали увѣрять, что общій миръ уже рѣшенъ въ Гаагѣ“ (Сыромятниковъ).

Эта увѣренность была причиной нашей неподготовленности къ войнѣ, неизбѣжность которой для многихъ однако была ясна.

Эта же наивная увѣренность, несомнѣнно, неблагодарно отозвалась и на арміи, значительно понизивъ боевой духъ ея, въ чемъ заключается одна изъ главныхъ причинъ, объясняющихъ наши неудачи.

Ан. Макаковъ.

(Окончаніе будетъ).

Приготовленіе къ пастырскому служенію въ католичествѣ.

(Продолженіе ¹⁾).

Католическія семинаріи имѣютъ одну прямую и ясную цѣль—приготовить католическаго священника, т. е., говоря другими словами, сдѣлать изъ обыкновеннаго католика—убѣжденнаго, церковно-настроеннаго, преданнаго Церкви и ея интересамъ до забвенія себя и своихъ личныхъ потребностей рядового папской арміи. И семинарская педагогическая система осуществляетъ эту цѣль съ несуществующею ни въ одномъ изъ нашихъ учебныхъ заведеній настойчивостью и вы-

¹⁾ См. № 37 за 1905 г.

держанностью. Средствами, которыми она при этомъ пользуется; служатъ: полная изолированность семинаристовъ отъ всего остального міра, предохраняющая ихъ отъ всѣхъ нецерковныхъ и не-католическихъ вліяній, затѣмъ—весь семинарскій режимъ, вся „воспитательная механика“¹⁾ и, наконецъ, все семинарское образованіе. Всѣ эти средства находятся въ глубокомъ согласіи между собою, и всѣ дѣйствуютъ на семинариста въ одномъ и томъ же направленіи.

По предписанію Тридентскаго собора, католическая семинарія является строго-закрытымъ учебнымъ заведеніемъ. Никто не имѣетъ права безъ особаго разрѣшенія переступить порогъ семинаріи. Визиты знакомыхъ мужчинъ воспитанники принимаютъ въ особой комнатѣ или даже въ воротахъ семинаріи. Изъ женщинъ право посѣщать семинариста имѣютъ только его бабушка, мать и родная сестра, при чемъ встрѣчаются съ нимъ также только въ предназначенной для этого комнатѣ или въ воротахъ. Всѣ эти свиданія происходятъ съ особаго на каждый разъ разрѣшенія ректора, въ большинствѣ семинарій—въ опредѣленные дни; дозволеніе на нихъ дается неохотно и всегда только на самое короткое время. Если же кто желаетъ осмотрѣть зданіе семинаріи, посѣтить помѣщенія воспитанниковъ, то долженъ получить разрѣшеніе лично отъ ректора. Также никто изъ воспитанниковъ не имѣетъ права выходить за ворота семинаріи безъ разрѣшенія ректора. Отлучки изъ семинаріи допускаются только въ виду опасной болѣзни кого-либо изъ родныхъ воспитанника или по другому какому особенно-важному случаю, и притомъ всегда въ сопровожденіи наставника или старшихъ воспитанниковъ. Вернувшись, воспитанникъ долженъ явиться къ ректору и дать подробный отчетъ въ томъ, куда онъ ходилъ и что дѣлалъ.

¹⁾ См. ст. „Духовная семинарія въ Испаніи“ свещ. Кустодіева. Христ. Чт., 1864 г., т. I—II.

Впрочемъ, такія отлучки дозволяются очень рѣдко и ни въ какомъ случаѣ не разрѣшаются въ день учебный. Главныя ворота семинаріи остаются запертыми съ утра до окончанія мессы, а вечеромъ затворяются часовъ около семи. Ключъ отъ нихъ на ночь относится къ ректору.

Ректоромъ семинаріи назначается всегда священникъ, извѣстный ученостью, благоразуміемъ и трезвостью. На немъ лежитъ и хозяйственно-экономическое управленіе семинаріей. Но главнымъ образомъ обязанности его заключаются въ работахъ о добромъ воспитаніи ввѣреннаго ему юношества, о его успѣхахъ въ наукахъ и о строгомъ надзорѣ за нимъ наставниковъ. Чтобы надлежащимъ образомъ исполнять свои обязанности, онъ долженъ всегда жить въ самой семинаріи и быть въ тѣсномъ общеніи со всей семинарской корпораціей, „какъ Христосъ среди Своихъ апостоловъ“¹⁾.

Наставники избираются изъ священниковъ или изъ тѣхъ, кто близокъ къ тому, чтобы сдѣлаться священникомъ. Во всякомъ же случаѣ, наставники должны быть, по крайней мѣрѣ, постриженные клирики: свѣтскія лица допускаются къ этой должности только въ видѣ исключенія. При выборѣ вниманіе обращается не столько на ихъ научныя познанія, на способность быть руководителями воспитанниковъ въ учебныхъ занятіяхъ, сколько на высоту нравственной жизни, религиозную убѣжденность и церковную настроенность. Наставники эти являются не только учителями, но и воспитателями. Они живутъ тамъ же, въ интернатѣ, общою съ семинаристами жизнью: вмѣстѣ съ ними встаютъ, вмѣстѣ ложатся, вмѣстѣ обѣдаютъ и отдыхаютъ. Имъ предписывается возможно чаще, особенно въ часы занятій, посѣщать комнаты воспитанниковъ и слѣдить за ихъ научными занятіями, равно какъ за ихъ препровожденіемъ времени и въ особенности за ихъ религиозною настроенностью.

¹⁾ Bourne, Diocesan Seminaries, p. 56.

Воспитанники семинаріи, согласно предписанію Тридентскаго собора, тотчасъ же по вступленіи своемъ въ семинарію надѣваютъ платье, усвоенное клирикамъ (*habitus clericallis*), т. е. *сутану*—узкое и длинное до пятъ платье съ узкими рукавами, напоминающее нашъ подрясникъ. Сутана застегивается спереди на множество пуговицъ отъ горла до земли; вообще это въ высшей степени неудобное и стѣсняющее движенія платье. Сутана сразу кладетъ границу между семинаристомъ и міромъ. Она ни на минуту не даетъ ему забытья, не даетъ почувствовать себя тѣмъ свободнымъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ еще недавно; она постоянно напоминаетъ ему о его теперешнемъ положеніи и о томъ, чѣмъ онъ современемъ долженъ сдѣлаться.

Далѣе, по предписанію того же Тридентскаго собора, всѣ воспитанники семинаріи должны имѣть *тонзуру*. Этимъ именемъ называется постриженіе власъ, торжественно совершаемое епископомъ. Чинъ постриженія власъ соотвѣтствуетъ нашему посвященію въ стихарь, практикующемуся въ православныхъ духовныхъ семинаріяхъ. Тонзура не есть еще посвященіе въ іерархическую степень; она не даетъ постриженному никакихъ іерархическихъ правъ и не налагаетъ на него никакихъ обязанностей; она просто указываетъ на то, что получающій ее вѣрующій „исключается изъ мірскаго сословія и причисляется къ сословію духовному“¹⁾. Тонзура даетъ право на ношеніе сутаны и на присутствованіе въ собраніяхъ духовенства. Если семинаристы и до нея носятъ сутану, то не по праву, а лишь въ силу установившагося обычая и ради удобства—ради однообразія въ одеждѣ. Послѣ тонзуры семинаристъ, какъ принадлежащій уже къ клиру католической Церкви, выстригаетъ себѣ на маковкѣ такъ называемую коронку (*согона*, *Krone*, *Наар-Krone*), *уменцо*, извѣстное и въ древней Россіи. Коронка эта, совсѣмъ маленькая

¹⁾ Ignaz Schüch. Pastoral-Theologie, s. 41.

у только-что постриженного семинариста, становится постепенно больше; по мѣрѣ полученія высшихъ церковно-служительскихъ и іерархическихъ ступеней. Тонзура обыкновенно дается не позже конца *второго* года пребывания въ семинаріи, и притомъ не всѣмъ сразу, а сначала лучшимъ, какъ награда за успѣхи и благочестіе. Ждутъ ея семинаристы, по собственному ихъ признанію, не съ меньшимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ юнкера—перваго офицерскаго чина.

За тонзурой слѣдуютъ *четыре* церковно-служительскихъ степени: *остіарія, чтеца, заклинателя и аколута*, которыя также обязательно проходитъ каждый семинаристъ. Въ древней Церкви существовали соотвѣтствующія этимъ ступенямъ церковныя должности, и Тридентскій соборъ выразилъ желаніе, чтобы онѣ были, гдѣ возможно, возстановлены ¹⁾. Теперь онѣ существуютъ при епископскомъ богослуженіи, требующемъ для полнаго чина 13 человекъ, и ихъ исполняютъ обыкновенно семинаристы, имѣющіе соотвѣтствующія степени. Эти *четыре* низшихъ степени (*quattuor minores*, — разумѣются *ordines*, — какъ ихъ обыкновенно называютъ, *mindere Weihen*) ²⁾ или даются одна за другою, или чаще—всѣ разомъ, и притомъ такъ же, какъ и тонзура, сначала лучшимъ ученикамъ, а потомъ—худшимъ. *Quattuor minores* хотя даютъ носителямъ ихъ нѣкоторыя богослужебныя права, все еще не налагаютъ на нихъ никакихъ обязанностей. Имѣющій ихъ можетъ совсѣмъ бросить духовное званіе, уйти на свѣтскую службу и даже жениться, что иногда и бываетъ. Ихъ имѣлъ и Ренанъ.

Кромѣ низшихъ церковно-служительскихъ ступеней, семинаристамъ послѣднихъ классовъ, отличающимся трезвостью жизни, церковнымъ образомъ мыслей и степенностью,—если,

¹⁾ *Canones et decreta*, p. 230.

²⁾ *Schüch*, s. 43.

конечно, имъ позволяютъ лѣта,—даются и первыя іерархическія степени—иподіакона (subdiaconus) и діакона. Въ священники рукополагаютъ только по окончаніи курса семинаріи.

Такимъ образомъ, поступающій въ католическую семинарію попадаетъ въ атмосферу церковности и въ ту среду, въ которой будетъ жить всю свою жизнь, если только не свернетъ съ избраннаго пути. Между школой и жизнью католическаго священника нѣтъ существенной разницы; отношеніе между ними—такое же, какъ отношеніе низшей ступени извѣстнаго служенія къ высшей. Кругомъ молодого семинариста всѣ—и наставники, и огромное большинство старшихъ товарищей—уже постриженные клирики, и всѣ они ждуть, въ качествѣ лучшей и высшей награды, высшихъ церковныхъ степеней. Естественно, что и онъ проникается общимъ настроеніемъ и горячо начинаетъ стремиться къ первой ступени духовнаго поприща, къ тонзурѣ. Дальнѣйшая семинарская жизнь съ ея чисто-монастырскимъ режимомъ представляетъ ему возможность не одинъ еще разъ выказать свое стремленіе къ духовному сану и ревность о славѣ католической Церкви.

Въ семинаріи ежедневно утромъ и вечеромъ совершается богослуженіе. Но такъ какъ въ семинарской церкви, какъ домашней, по обычаю католической Церкви, можетъ быть совершена только простая месса—литургія молитвенная, то для присутствованія на торжественной мессѣ—литургіи съ пѣніемъ въ торжественные дни вся семинарія in corpore отправляется въ кафедральную или иную приходскую церковь. Въ менѣе торжественные праздничные и во всѣ воскресные дни туда отправляется только часть воспитанниковъ, и тѣ изъ нихъ, кто имѣетъ уже *quattuor minores*, согласно предписанію Тридентскаго собора, прислуживаютъ при совершеніи богослуженія.

Исповѣдуются и причащаются воспитанники, по предписанію того же Тридентскаго собора, по меньшей мѣрѣ разъ въ мѣсяць. Мѣсячный срокъ—самый продолжительный, какой только допускается въ католическихъ семинаріяхъ; обыкновенно исповѣдуются чрезъ каждыя двѣ недѣли или еще чаще. У насъ исповѣдь имѣетъ только сакраментальную цѣль—отпущеніе грѣховъ кающемуся, а въ рукахъ наставниковъ католическихъ духовныхъ семинарій она превращается въ могучее воспитательное средство, дающее возможность воспитателю узнать всѣ самыя сокровенныя мысли, желанія и намѣренія воспитанника и повліять на него въ желательную сторону. Такое употребленіе исповѣди заимствовано изъ іезуитской педагогической практики.

Причащеніе, кромѣ обычныхъ, разъ навсегда установленныхъ въ каждой семинаріи, сроковъ, практикуется еще въ большіе праздники, указаніе которыхъ предоставляется волѣ ректора. Но въ Великій четвергъ обязательно вся семинарія—и наставники и воспитанники—торжественно причащаются въ кафедральной церкви.

Кромѣ этихъ общихъ мѣръ, имѣющихъ въ виду освещеніе воспитанниковъ съ богослуженіемъ и развитіе въ нихъ духа церковности, въ католическихъ семинаріяхъ употребляются еще спеціальныя средства аскетическаго развитія, такъ называемыя *exercitia spiritualia*—духовныя упражненія и *meditatio*, т. е. размышленіе. *Exercitia spiritualia* составлены основателемъ ордена іезуитовъ Игнатіемъ Лойболою и предписаны имъ, какъ необходимое средство нравственнаго усовершенствованія всѣмъ членамъ ордена. Отъ іезуитовъ они были взяты другими монашескими орденами и мірскимъ духовенствомъ (*петристами*, какъ католическіе духовные сами называютъ себя отъ апостола Петра, прямыми преемниками служенія котораго они себя считаютъ), и къ началу XIX столѣтія настолько вошли во всеобщее употребленіе, что папа Пій IX,

тотчасъ же по вступленіи на престоль, въ особой энцикликѣ, отъ 9-го ноября 1846-го года, настоятельно рекомендоваль ихъ всему католическому духовенству, какъ „институтъ, въ высшей степени приспособленный къ поддержанію достоинства всего духовнаго сословія и къ сохраненію его святости“¹⁾. И дѣйствительно, епископы многихъ мѣстъ распорядились, чтобы духовенство ихъ епархій ежегодно въ определенное время собиралось вмѣстѣ для занятія духовными упражненіями.

Такъ какъ exercitia spiritualia требуютъ для совершенія ихъ особыхъ условій и нѣсколько прерываютъ нормальный ходъ семинарской жизни, то они обыкновенно устраиваются предъ самымъ началомъ учебнаго года²⁾.

Exercitia spiritualia заключаются въ умозрительномъ созерцаніи (contemplatio) и воспріятіи всѣми пятью чувствами (sic!) предметовъ религіозной вѣры и событій священной исторіи. Описаніе ихъ мы заимствуемъ у проф. А. П. Шостына³⁾, которымъ они, въ свою очередь, заимствованы изъ спеціальнаго изданія. — „Exercitia spiritualia“, найденнаго имъ въ библиотекѣ Московскаго университета. Вотъ, напр., одно изъ нихъ. Сущность его заключается во всестороннемъ созерцаніи ада. Экзерцитантъ долженъ живо представить себѣ въ воображеніи адъ—въ его широтѣ, длинѣ и глубинѣ. Частнѣе, — *первый* пунктъ этого упражненія предписываетъ видѣть въ воображеніи (spectare per imaginationem) необъятное пламя ада и самыя души, заключенныя въ горящія тѣла, какъ бы въ темницы. *Второй* пунктъ заставляетъ „слышать въ своемъ воображеніи“ (audirè imaginative) біенія въ грудь, рыданія и т. д., хулы на Христа и святыхъ Его, доносящіяся оттуда.

¹⁾ Idn. Schüch, s. 35.

²⁾ Кустодіевъ, Христ. Чтен., 1861, ч. I, стр. 526.

³⁾ „Богосл. Вѣст.“, 1894 г., кн. 12.

Третій—обонять въ воображеніи запахъ дыма, сѣры, нечистоты и всякой грязи. *Четвертый*—подобнымъ же образомъ ощущать и вкусомъ горечь слезъ, червей и пр. *Пятый*—нѣкоторымъ образомъ даже осязать тотъ огонь, прикоснове-ніемъ котораго опалаются души грѣшниковъ. Въ то же самое время, разговаривая со Христомъ (*colloquendo interim cum Christo*), слѣдуетъ приводить на память души тѣхъ, которые осуждены на адскія мученія или потому, что не хотѣли вѣ-ровать въ пришествіе Христа, или, хотя и вѣровали, однако-же не вели жизнь, сообразную съ заповѣдями Его. Упраж-ненія заканчиваются чтеніемъ молитвы „Отче нашъ“.

Еще одно изъ упражненій, заключающее въ себѣ созерцаніе царства Христова. Оно предписываетъ упражняюще-муся воспринимать внутреннимъ слухомъ (*auditu interno ex-istere*) то, что говорятъ между собою божественныя Лица объ искупленіи человѣческаго рода,—Пречистая Дѣва и ан-гель о тайнѣ воплощенія.

„Очевидно,—замѣчаетъ А. П. Шостынь о характерѣ этихъ духовныхъ упражненій,—центръ тяжести ихъ лежитъ всецѣло въ усиленной дѣятельности воображенія, направлен-наго на религиозную сферу“. Если мы прибавимъ къ тому, что *exercitia spiritualia* совершаются всегда въ полномъ уеди-неніи и тишинѣ, нерѣдко въ глубокой часъ ночи ¹⁾; если будемъ при этомъ имѣть въ виду, что дѣятельность вообра-женія, живая отъ природы, отъ упражненія, да еще въ такой обстановкѣ, необыкновенно усиливается и не рѣдко доходитъ до экзальтаціи, до видѣній: то мы вполне поймемъ, какое огромное вліяніе должны оказывать *духовныя упражненія* на впечатлительную душу юноши-семинариста, до какой степени

¹⁾ Такъ, вышеприведенное созерцаніе ада должно совершаться между 12 и 1 ч ночи.

убѣжденности, твердости, почти фанатизма должны они довести его религіозную настроенность.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 10-го сентября 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 39.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года сентября 25-го.

Содержаніе: Чья вина?—Необычный писатель и странная книга.—Приго-
товленіе къ пастырскому служенію въ католичество (продолженіе).—
Къ вопросу о возрожденіи прихода.

Чья вина?

Новый учебный годъ мы начали при обстоятель-
ствахъ, хотя и не вполне благопріятныхъ для учебно-воспи-
тательнаго дѣла, однако все же значительно лучшихъ, чѣмъ
предыдущіе два-три года. Политическій горизонтъ немного
прояснился. Пережитая буря сорвала съ нашихъ глазъ много-
лѣтнюю повязку національной гордости и самоувѣренности и
поставила насъ лицомъ къ лицу съ нашею малокультурностью,
съ нашею отсталостью и весьма слабою подготовкою къ осу-
ществленію великихъ историческихъ задачъ нашей общена-
родной жизни. Сознаніе громадной отвѣтственности за на-
стоящую историческую минуту предъ будущимъ, повидимому,
начинаетъ отрезвляющимъ образомъ дѣйствовать на всѣхъ
насъ. Отъ смутныхъ политическихъ ожиданій и неопредѣлен-

ныхъ гражданскихъ порывовъ общество мало-по-малу переходитъ къ серьезной практической дѣятельности и вмѣсто недавней растерянности и нерѣшительности начинаетъ проявлять спокойствіе духа, ясность и твердость убѣжденій. Въ лучшей своей части оно всецѣло овладѣло современнымъ положеніемъ и съ увѣренностью въ своихъ силахъ принимается за работу для удовлетворенія назрѣвшихъ многочисленныхъ потребностей жизни.

Все это самымъ благотворнымъ образомъ должно отразиться и на нашемъ школьномъ дѣлѣ. Школа воспріимчива къ разнымъ колебаніямъ общественной мысли и жизни въ гораздо большей степени, чѣмъ какое-либо другое учрежденіе,—и это мы хорошо извѣдали въ послѣдніе годы. Наши учебныя заведенія оказались несостоятельными и пришли въ полное разстройство. И случилось это не только потому, что программы не вполне удовлетворительны, и учителя не всегда соотвѣтствуютъ своему высокому назначенію, но болѣе потому, что мы всѣ были плохи и своимъ вреднымъ вліяніемъ на учащееся юношество—иногда пассивнымъ, а иногда и сознательнымъ—непрерывно, въ продолженіе многихъ лѣтъ, парализовали благотворное воздѣйствіе школы и лишали ее возможности создать необходимую для учебно-воспитательнаго дѣла здоровую нравственную атмосферу. Школа только отображала наши общіе недостатки, и повинна въ томъ разочарованіи, какое приноситъ изъ года въ годъ родителямъ и воспитателямъ, значительно менѣе, чѣмъ эти послѣдніе.

Говоримъ это не для того, чтобы кого-либо обвинить или оправдать, а для того, чтобы выставить предъ нашимъ сознаніемъ общую нашу отвѣтственность за плохое состояніе школы и пробудить въ обществѣ желаніе принять болѣе активное участіе въ созданіи новой, лучшей школы, долженствующей стать залогомъ нашего всецѣлаго обновленія.

— „Илья, зачѣмъ ты здѣсь?—укоризненно вопрошаетъ Господь пророка, оставившаго свое дѣло въ Израильскомъ царствѣ и удалившагося въ пустыню, на гору Хоривъ:—зачѣмъ

ты здѣсь, когда долженъ быть тамъ, среди людей, въ твоихъ наставленіяхъ и руководительствѣ нуждающихся?" Эта укоризна сильно должна звучать въ сердцахъ, въ совѣсти каждаго члена современнаго общества, которое не имѣетъ никакого права уклоняться отъ содѣйствія школы въ ея великомъ и трудномъ дѣлѣ.

До сихъ поръ мы, кажется, все сдѣлали, чтобы разрушить основы нашей школы. Въ этомъ легко убѣдиться, сравнивъ существенные недостатки школы съ такими же недостатками нашей общественной жизни.

Намъ недостаетъ уваженія къ закону. На всѣхъ ступеняхъ общественной жизни мы нарушаемъ его, заботясь лишь о томъ, чтобы избѣгнуть наказанія за это. И словомъ и дѣломъ мы проповѣдуемъ, что устанавливаемый закономъ порядокъ жизни якобы только причиняетъ намъ матеріальный и нравственный ущербъ, стѣсняя проявленіе нашей свободной воли... То же самое замѣчаемъ мы и въ нашей учащейся молодежи, которая давно уже потеряла всякое уваженіе къ законности школьной дисциплины. Съ обиднымъ легкомысліемъ относятся учащіеся къ школьнымъ порядкамъ и на каждомъ шагѣ сознательно нарушаютъ ихъ, часто поддерживаемые взрослыми противъ учителей и начальства. Въ результатъ этого—полное паденіе авторитета школы, въ которую не стѣсняются бросать грязью (устно и печатно) люди, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ безукоризненно честные и здравомыслящіе. Какое глубокое недоразумѣніе, толкающее нашихъ дѣтей въ явную пропасть! Школа есть святилище; къ которому надобно подходить съ благоговѣніемъ. Она родилась при храмѣ, и навсегда должна сохранить для насъ святость храма.—„Мойсей, Мойсей! Не подходи сюда; спиши обувь твою съ ногъ твоихъ, ибо мѣсто, на которомъ ты стоишь, есть земля святая“.

Далѣе,—намъ въ жизни недостаетъ уваженія къ наукѣ, къ знанію. Для правильнаго своего развитія жизнь требуетъ отъ насъ опредѣленныхъ знаній и умѣній, но мы всячески

ухитряемся обойтись безъ нихъ. Мы старательно прикрываемъ свое невѣжество всякой мишурой и во всемъ обнаруживаемъ самую преступную самоувѣренность, влекущую за собою одну только ложь, одни обманы. Во всемъ мы оказываемся несостоятельными, хотя и увѣряемъ себя, что мы-де не такъ плохи... Не тѣмъ ли больна и наша школа?—Наши ученики смотрятъ глазами взрослыхъ на преподаваемыя имъ науки, знанія. Эти знанія они цѣнятъ, только какъ средство для получения аттестата, и тамъ, гдѣ этотъ аттестатъ можно получить, выдавъ такъ или иначе незнаніе за знаніе,—тамъ всегда толпится наибольшее количество молодыхъ людей. Всякая задержка на пути къ окончанію курса школы толкуется учащимися, повторяющими только мнѣніе взрослыхъ, какъ безсердечное отношеніе къ нимъ учителей и непониманіе послѣдними своихъ обязанностей. Такимъ образомъ, высшее стремленіе школы къ насажденію знанія въ умахъ молодого поколѣнія фатально разбивается объ тотъ индифферентизмъ къ наукѣ, который одинъ могъ бы составить позоръ нашего времени, и объ то печальное отсутствіе истинной любознательности, которое у взрослыхъ столько же удивительно, сколько у молодежи достойно сожалѣнія и слезъ. Какъ тревожны эти симптомы духовной усталости для народа, едва только вступившаго на путь самостоятельнаго культурнаго развитія!..

Намъ недостаетъ также уваженія къ серьезной работѣ, къ труду. Мы усвоили себѣ ту преступную точку зрѣнія, что жизнь дана намъ болѣе для удовольствій, чѣмъ для труда; что благъ земныхъ человѣкомъ накоплено такъ много, что хватитъ на всѣхъ, лишь бы правильно распредѣлить ихъ. Поэтому, мы предпочитаемъ учитывать чужія богатства и легкомысленно вѣрять свою судьбу слѣпому случаю, вмѣсто того, чтобы честнымъ трудомъ обезпечить себѣ безбѣдное существованіе. Мы позволяемъ своему воображенію заниматься созданіемъ бесплодныхъ химеръ и свое мужество—этотъ безцѣнный капиталъ, полученный въ наслѣдство отъ прежнихъ

поколѣній—тратимъ на бесполезное нѣтъ. Мало-по-малу мы впадаемъ въ состояніе нравственнаго разслабленія. Не такимъ ли настроеніемъ заражено и наше учащееся юношество? Не то же ли отношеніе къ серьезной работѣ замѣчается и у него?—Наши ученики, безъ сомнѣнія, хотѣли бы превратить драгоцѣннѣйшее время ученія въ періодъ безконечныхъ удовольствій,—и это имъ нѣрѣдко удается, потому что, къ сожалѣнію, теорія гедонизма нашла способъ проникнуть и въ наши учебныя заведенія—притомъ въ самомъ чистомъ видѣ. Отсюда, не удивительно, что молодые люди выходятъ изъ школы малоспособными къ упорному труду, безъ того мужества, твердости характера и силы воли, которыя должны украшать всякаго юношу, прошедшаго хорошую школу, и которыя такъ необходимы для честной и благородной жизни.

Наконецъ,—и это важнѣе всего,—намъ всѣмъ недостаетъ страха Божія, священной дисциплины сердца. И въ практической дѣятельности и въ литературѣ мы сознательно и безсознательно проповѣдуемъ какое-то униженіе чловѣческаго духа; мы одобряемъ преждевременный цинизмъ и насмѣхаемся надъ всѣми возвышенными идеалами. Христіанскія начала жизни мы представляемъ превосходящими пониманіе современнаго чловѣка вообще и учащейся молодежи въ особенности, при чемъ послѣдней готовы извинить даже издѣвательство надъ вѣрою, надъ евангеліемъ, надъ Церковью. Все это разрушаетъ въ нашихъ дѣтяхъ идеалистическое, столь свойственное молодости, настроеніе и дѣлаетъ ихъ людьми разочарованными, черствыми душой, погружаетъ въ грубый матеріализмъ, налагаетъ на нихъ печать преждевременной старости, дряхлости.

Вотъ какіе печальные результаты въ дѣлѣ школьнаго обученія и воспитанія даетъ общественная жизнь, устраиваемая нами безъ серьезной мысли о томъ, какое она вліяніе можетъ имѣть на подрастающее молодое поколѣніе. Если бы мы одинаково ясно поняли это и прониклись со-

знаніемъ тяжкой отвѣтственности предъ Богомъ и исторіей за нерадѣніе о воспитаніи и образованіи своихъ дѣтей, то, несомнѣнно, перестали бы хулить нашу школу, а всѣми силами помогали бы ей выйти на путь широкаго развитія учебно-воспитательнаго дѣла.

Свящ. Н. Гр.

Необычный писатель и странная книга.

I.

— И вы говорите, что православное наше духовенство стремится стать на высотѣ призванія, можетъ и готово дать отвѣты на современные запросы мятущагося ума и смущенной совѣсти, быть свѣточемъ, руководителемъ на жизненномъ пути! Не вѣрю я этому послѣ того, что сами же вы пишете и говорите о вашей духовной школѣ и о томъ, каковы бывають священники въ иныхъ приходахъ. Откуда вѣзться возрожденію, подъему духа въ вашей средѣ, если ваша семинарія и теперь—та же прославленная бурса, безъ свѣта, безъ воздуха, съ воспитателями—гасильниками? Прочтите-ка „Затѣйника“ о. Петрова. Не могъ же поборникъ, апостоль правды Божіей, палгать на школу, которую самъ же, притомъ, прошелъ. Не спорю,—могутъ быть свѣтлыя исключенія; есть они, указаны и въ книгѣ о. Петрова; но въ общемъ трудно ожидать чего-нибудь добраго отъ вашихъ семинарій.

Такъ говорилъ одинъ интеллигентный почитатель извѣстнаго публициста-писателя о. Г. С. Петрова; такія же мысли и заключенія должна неизбѣжно породить новая книга о. Петрова и во всемъ нашемъ интеллигентномъ обществѣ, зачитывающемся его произведеніями, придающемъ особенные вѣсъ и цѣну словамъ любимаго и почитаемаго писателя. Не лишне и благовременно будетъ, поэтому, высказаться безпристрастно какъ вообще о характерѣ и значеніи литературной дѣятельности о. Петрова, такъ и о его новой книгѣ—„Затѣйникъ“. Попытаемся...

До послѣдняго времени въ мнѣніяхъ объ о. Петровѣ и въ критикѣ его произведеній наша духовная журналистика, думается, допускала одну существенную ошибку: на него у насъ смотрѣли, какъ на писателя-богослова и церковнаго публициста. Сообразно съ этимъ взглядомъ, о. Петрову, какъ писателю, отводилось не соответствующее мѣсто, его сочиненіямъ—преувеличенное значеніе, и къ нимъ предъявлялись критикой слишкомъ серьезныя требованія. Воплотившаяся литературная физіономія о. Петрова теперь можетъ убѣдить каждаго, что видѣть въ немъ писателя-богослова и даже церковнаго публициста нѣтъ никакихъ основаній. Ближе къ правдѣ было бы, по нашему мнѣнію, признать въ немъ просто фельетониста-публициста, имѣющаго много общаго съ нашими свѣтскими публицистами извѣстнаго современнаго пошиба и отличающагося отъ нихъ лишь духовной, нравственно-религіозной точкой зрѣнія на факты и явленія современной жизни. Въ пользу такого нашего мнѣнія говорятъ какъ характеръ и внѣшняя форма „писаній“ о. Петрова, такъ и внутреннее ихъ содержаніе. Избрать это именно *амплуа* въ литературѣ, такъ рѣдко совмѣстимое у насъ съ духовнымъ саномъ и серьезнымъ богословскимъ образованіемъ, побудили, несомнѣнно, о. Петрова личныя свойства его натуры—подвижной, порывистой, увлекающейся, экспансивной. Подобныя свойства и создаютъ въ области журналистики типъ фельетониста-публициста по преимуществу...

II

Человѣкъ, надѣленный отъ природы пылкимъ, подвижнымъ и увлекающимся темпераментомъ, въ званіи газетнаго фельетониста и публициста оказывается на своемъ мѣстѣ и въ своей сферѣ, и можно безъ всякаго риска утверждать, что добрая часть любимыхъ читающей публикой журнальныхъ дѣятелей въ этой области принадлежать къ отмѣченному нами типу. Уловить идею на лету, потолковать о любомъ современномъ вопросѣ, коснуться всего, и притомъ—съ живостію,

хлѣсткостью, горячо и убѣжденно—это дѣло именно такого литературнаго дѣятеля. Долгъ современнаго публициста—будить общество, говорить громко, смѣло и увлекательно по любому вопросу, по поводу каждаго выдающагося факта и явленія жизни, при чемъ требуется все же нѣкоторая руководящая идея, принципъ, за который и распинается фельетонистъ. Темой, предметомъ увлеченія, въ большинствѣ случаевъ, избираетъ чуткій фельетонистъ-публицистъ идеи и мысли самыя передовыя, самыя безкорыстныя и возвышенныя; оттого встрѣчается онъ обществомъ съ распростертыми объятіями, считается глашатаемъ-пророкомъ, борцомъ за правду и свѣтъ... И эта завидная роль увлекаетъ пылкаго человѣка сверхъ мѣры, онъ заговаривается, впадаетъ въ односторонность и преувеличенія. Обсудить безпристрастно и глубоко подвернувшійся фактъ, выдающееся явленіе ему некогда: онъ кипитъ, рвется, дѣйствуетъ; онъ весь—порывъ и увлеченіе. Онъ рубитъ съ плеча, „разить супостата“ направо и налево,—и супостатомъ этимъ, обыкновенно, являются консервативныя, устойчивыя силы и элементы въ жизни общества, идущіе въ разрѣзъ съ пламенными порывами впередъ вдохновеннаго публициста: обвиненія въ косности, тупости, отсталости, пошлости сыплются на несчастныя головы враговъ къ полному удовольствію читателей. Пылкій публицистъ становится божкомъ, властителемъ думъ, любимымъ писателемъ извѣстной части читающей публики, и каждое его слово, мысль принимаются ею, какъ откровеніе... -

Разубѣждать публику въ полной правотѣ ея любимаго, показывать, разоблачать односторонность и ошибочность его взглядовъ и сужденій—большею частію напрасный трудъ. Опьяненный успѣхомъ, и самъ публицистъ начинаетъ твердо вѣрить въ непогрѣшимость своихъ сужденій, своего авторитета. Попробуйте съ нимъ спорить, разувѣрить въ какомъ-нибудь крайнемъ мнѣніи,—онъ или будетъ молчать съ величавымъ презрѣніемъ, или отпарируетъ ваши доводы и возраженія хлѣсткими фразами и словами изъ своего цвѣстистаго

лексикона и будетъ считатьъ себя побѣдителемъ. Но подобная неуязвимость еще выше поднимаетъ его престижъ среди почитателей.

Не довольствуясь общепринятой формой для своихъ писаній, фельетонисты и публицисты нашихъ дней, чтобы придать вѣщую силу и живость пропагандируемой идеѣ, прибѣгаютъ весьма часто къ беллетристическимъ приемамъ и дарятъ читателей странными чадами своей фантазіи. Являются изъ-подъ ихъ пера произведенія, напоминающія центавровъ или сфинксовъ, — на половину — повѣсти, рассказы, на половину — фельетоны и публицистическія статьи. Въ нихъ мѣсто публициста занимаютъ выводимые авторомъ персонажи, вѣщающіе крылатыя слова, произносящіе цѣлыя рѣчи, грозныя обличенія, направленные по адресу бичуемой, косной среды; являются эти персонажи иногда и образцы идеальной, захватывающей духъ дѣятельности. вмѣстѣ съ тѣмъ, враждебная, косная среда изображается преувеличенно-мрачными красками, ея представители — чудовищами. Подобныя произведенія явно грѣшатъ противъ жизненной и художественной правды, но если они написаны популярнымъ, любимымъ авторомъ, проникнуты передовой идеей, то читаются парасхватъ и быстро увеличиваютъ славу писателя.

III

Кто знакомъ съ многочисленными произведеніями пера о. Г. С., тотъ, думаемъ, согласится, что онъ является собою только-что охарактеризованный журнально-литературный типъ. Только это типъ — *sui generis*. Среди свѣтскихъ публицистовъ и фельетонистовъ о. Петровъ выдѣляется особенностію своего *амплуа*: его миссія въ современной печати — освѣщать съ точки зрѣнія евангельской правды человѣческую жизнь. Будить наше общество отъ нравственной спячки, звать его отъ тьмы къ свѣту и правдѣ, указывать ему на ту страшную бездну гибели, на краю которой онъ стоитъ, — вотъ великая, достойная пастыря Церкви задача, которую взялъ на себя

о. Петровъ. И онъ выполняетъ ее, повидимому, самоотверженно, неумоимо и съ громаднымъ успѣхомъ; объ этомъ свидѣлствуютъ популярность, авторитетъ его имени среди читающей, особенно интеллигентной, публики и распространенность его произведеній.

Но... успѣхи о. Петрова—не въ пользу рядовыхъ работниковъ—тружениковъ на шивѣ Христовой, и его дѣятельность не способствуетъ сближенію нашего общества съ Церковію. Произведенія нашего популярнаго писателя весьма мало помогаютъ развитію въ его почитателяхъ духа покорности и послушанія голосу Церкви. Такіе отрицательные по отношенію къ Церкви и духовенству результаты дѣятельности о. Петрова объясняются фельетонно-публицистическимъ характеромъ его писательства, которое и по формѣ и по духу рѣзко отличается отъ исторически-выработанныхъ и принятыхъ въ Церкви формъ и средствъ распространенія Христовой истины. Начитавшись произведеній такого писателя, гдѣ въ цвѣтистыхъ, красивыхъ, но мало-опредѣленныхъ словахъ и выраженіяхъ изображаются высшіе человѣческіе порывы къ правдѣ, добру и свѣту, воплощенные въ идеальныхъ персонажахъ, ведущихъ борьбу съ окружающимъ зломъ, читатель самъ заражается тѣмъ же духомъ протеста, борьбы, фанатической ненависти, безъ разбора распространяя подобныя чувства съ окружающей косной среды и на живыхъ людяхъ. вмѣсто всепримиряющей, кроткой, любовной и свѣтлой правды Евангелія, при такомъ способѣ истолкованія и проведенія въ сознаніе читателей его божественныхъ истинъ, естественно воспитываются въ умахъ и сердцахъ ихъ мысли и чувства, совсѣмъ не согласимыя съ настроеніемъ послушнаго сына Церкви Православной. вмѣстѣ съ авторомъ они въ своихъ отношеніяхъ къ современной дѣйствительности, къ людямъ—особенно руководителямъ общественной и религіозно-нравственной жизни—усваиваютъ тонъ неумоимо-строгаго критика, суди и обличителя. Въ самомъ дѣлѣ, присмотритесь внимательнѣе къ тому, какъ относятся усердные по-

клонники нашего популярнаго глашатая правды Божіей къ духовенству, къ его дѣятельности, и вы убѣдитесь, что чаще всего встрѣчаетъ оно со стороны ихъ недовѣріе, холодность, презрѣніе и непомерную требовательность.

Вліяніе о. Петрова на наше интеллигентное общество не можетъ способствовать привлеченію послѣдняго къ Церкви еще и потому, что онъ, взявъ девизомъ своей дѣятельности проведеніе въ жизнь евангельской правды, не даетъ вовсе въ своихъ публицистическихъ твореніяхъ яснаго, опредѣленнаго и трезваго изображенія возвышенныхъ и кроткихъ идеаловъ именно евангельскаго совершенства, какъ ихъ понимаетъ Православная Церковь. Взаимъ того, злоупотребляя непомерно всевозможными сравненіями, увлекая читателя блестящими эпитетами и фразами, онъ весьма часто и обычно приравниваетъ святѣйшіе идеалы Евангелія къ высшимъ, передовымъ стремленіямъ и чаяніямъ современныхъ и бывшихъ мыслителей человѣчества, исходящихъ въ своихъ мечтахъ далеко не изъ изученія Христова Евангелія.

С. А. В.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Приготовленіе къ пастырскому служенію въ католичествѣ.

(Продолженіе ¹⁾).

Размышленіе—*meditatio*—представляетъ въ сущности одинъ изъ видовъ духовныхъ упражненій. Оно менѣе торжественно, чѣмъ вышеописанныя *exercitia*, носитъ болѣе обычный, повседневный характеръ, но значеніе его для аскетическаго развитія семинариста—едва ли менѣе, если даже не болѣе, чѣмъ значеніе духовныхъ упражненій, потому что оно совершается *каждый день*. Происходитъ это размышле-

¹⁾ См. № 38-й за 1905-й г.

ніе такимъ образомъ. Очередной священникъ, отслуживши утреннюю мессу, обращается съ словомъ къ воспитанникамъ и указываетъ имъ предметъ для сегодняшняго размышленія, напр.: *христіанское смиреніе*. Затѣмъ самъ онъ и всѣ присутствующіе въ церкви погружаются въ сосредоточенную думу. Каждый изъ размышляющихъ долженъ развить данную тему по плану, отчасти напоминающему планъ *хри*. Онъ долженъ, прежде всего, уяснить себѣ самое понятіе о христіанскомъ смиреніи и тотъ образъ дѣйствій и поведенія, которыя свойственны человѣку, обладающему смиреніемъ. Для этого онъ вспоминаетъ извѣстные ему поступки окружающихъ лицъ и примѣры изъ жизни святыхъ, въ которыхъ выразилось смиреніе, и старается выяснитъ самому себѣ преимущество смиренія предъ самопревозношеніемъ и гордостью. Затѣмъ онъ приводитъ самому себѣ доказательства въ пользу того, что смиреніе необходимо католическому священнику, и опровергаетъ могущія представиться возраженія; наконецъ дѣлаетъ лично для себя практической выводъ изъ добытыхъ положеній: что онъ долженъ сдѣлать сегодня въ виду всей важности и необходимости христіанскаго смиренія для католическаго священника, и какъ онъ долженъ держать себя съ тѣми товарищами и наставниками, по отношенію къ которымъ выказалъ раньше недостатокъ смиренія: ¹⁾).

Какое значеніе приписываетъ католическая церковь этому размышленію, видно изъ того, что папа Бенедиктъ XIV, въ буллѣ *Quemadmodum* отъ 16-го декабря 1746 года, даетъ ежемѣсячно полное прощеніе грѣховъ всѣмъ, кто въ течение даннаго мѣсяца ежедневно посвящаетъ этому размышленію не менѣе $\frac{1}{4}$ часа ²⁾. Католическіе богословы выставляютъ *meditatio*, какъ „*conditio sine qua* non жизни всякаго пастыря и попечителя о душахъ“. Одинъ изъ нихъ—Герсонъ—говоритъ даже: «*Absque meditationis exercitio nullus, secluso miraculo*

¹⁾ Со словъ есендза.

²⁾ Schüch, s. 33.

Dei speciali; ad rectissimam religionis christianae normam pertingit»¹⁾). Безъ употребленія *медитации* никто, за исключеніемъ особаго чуда Божьяго, не достигаетъ истинной высоты христіанской вѣры.

Изъ сказаннаго видно, какимъ усиленнымъ путемъ ведется въ католическихъ семинаріяхъ аскетическое развитіе воспитанниковъ; можно, пожалуй, догадываться и о томъ, что нравственная аскеза, развитіе духа церковности и религіозности составляютъ доминирующій элементъ всей семинарской воспитательной системы, даютъ тонъ этой системѣ. Но ими не исчерпываются добродѣтели католическаго священника. Онъ долженъ развить въ себѣ духъ *повиновенія* старшимъ, покорную преданность волѣ начальства, готовность каждую минуту стать передъ нимъ и дать отчетъ въ каждомъ своемъ поступкѣ, въ каждомъ шагѣ. Для развитія этихъ именно качествъ въ семинаристѣ приспособленъ весь внутренній—ежедневный, будничный строй семинарской жизни, весь семинарскій режимъ, вся, по выраженію Кустодіева, „воспитательная механика“²⁾).

Семинаристы постоянно наблюдаютъ другъ за другомъ; особенно старшіе за младшими, и старшіе не только подають младшимъ товарищескіе совѣты, но и выговариваютъ имъ, если замѣтятъ за ними какую неисправность, и даже приказываютъ дѣлать то, что находятъ нужнымъ по своему разумнію; и никогда младшему, какъ сознаются сами семинаристы, не придетъ въ голову ослушаться старшаго. Наставники также стараются ни на минуту не выпускать изъ глазъ воспитанника и неотступно слѣдятъ за нимъ и дома, и по дорогѣ въ городскія церкви, и во время рѣдкихъ прогулокъ, и еще болѣе рѣдкихъ игръ³⁾ воспитанниковъ. Если

¹⁾ Ibid. s. 35.

²⁾ Христ. Чтен., 1864, 1, 534.

³⁾ Относительно игръ есть отдѣльный § въ правилахъ Испанскихъ духовныхъ семинарій (Кустодіевъ). Въ русскихъ же католическихъ семинаріяхъ, насколько намъ извѣстно, игръ совершенно не существуетъ.

каждый воспитанникъ въ интернатѣ имѣеть особую комнату или если въ каждой комнатѣ помѣщается по 3—5—7 человекъ, то наставники стараются почаще навѣщать ихъ, чтобы знать все, что дѣлають воспитанники. Если же въ одной камерѣ помѣщается человекъ 10—15, то къ нимъ назначается особый префектъ, на обязанности котораго лежитъ за всѣмъ смотрѣть и обо всемъ извѣщать, кого слѣдуетъ. Во время прогулокъ въ паркѣ или за игрой на открытомъ воздухѣ воспитаннику ни подъ какимъ видомъ не позволено удаляться отъ прочихъ и скрываться изъ глазъ всегда присутствующаго при этомъ наставника. Ни въ какомъ случаѣ не позволено также воспитаннику запираеться въ своей комнатѣ на ключъ. Воспитанникъ не имѣеть права держать въ своей комнатѣ никакихъ собственныхъ вещей, кромѣ развѣ священныхъ изображеній, — ни оружія, ни лишней мебели и книгъ, ни даже музыкальныхъ инструментовъ. Дозволяется ему имѣть собственную шкатулку съ замкомъ; но ключъ отъ нея, равно какъ и отъ комнаты, долженъ отдаваться ректору при первомъ требованіи. Ни въ какомъ случаѣ, — ни по поводу вступленія въ семинарію, ни по поводу окончанія семинарскаго курса, ни въ день именинъ, ни по какому другому случаю, — не позволено воспитаннику покупать угощенія своимъ товарищамъ — ни закусокъ, ни прохладительныхъ, ни, тѣмъ болѣе, спиртныхъ напитковъ. Также ни въ какое время и ни въ какомъ мѣстѣ не позволено играть въ карты, кости и другія азартныя игры, хотя бы то было не на деньги, а лишь для препровожденія времени.

Если инструкціей допускаются въ семинаріи игры, то и въ нихъ должна царить извѣстная степенность, приличествующая будущимъ священнослужителямъ; и въ нихъ не даютъ молодому человеку забыться, сбросить хотя на мигъ покровъ церковности и отдаться искреннему порыву и естественному влеченію молодого организма къ физическому движенію. Семинарскія правила дозволяютъ лишь такія игры, въ которыхъ не приходится снимать сутаны, какъ, напр., кегли, катаніе

шаровъ или бросаніе желѣзныхъ плитъ. Но ни въ какомъ случаѣ не разрѣшаются чехарда, лапта, игра въ мячъ, бѣганье, вѣспуски и другія игры, требующія сильнаго мускульнаго напряженія и быстрыхъ движеній,—такія, которыя могутъ навести семинариста на мысль и желаніе сбросить сутану.

Выходя изъ зданія семинаріи въ поле на прогулку, или для игръ, или въ каѳедральную церковь, всѣ семинаристы сначала собираются въ одной общей комнатѣ, выстраиваются попарно въ порядкѣ старшинства классовъ и затѣмъ уже выходятъ на улицу. Въ такомъ же порядкѣ они возвращаются обратно въ ту же комнату, и изъ нея уже расходятся по своимъ камерамъ. На улицѣ они держатъ себя чинно, степенно, не развлекаясь разговорами и не засматриваясь на городскія повинки и уличныя сцены. Въ такомъ же порядкѣ, попарно, каждый съ своимъ *vis-à-vis* по столу, входятъ воспитанники въ столовую и выходятъ изъ нея.

Съ такою же точностью, съ такою же педантической аккуратностью, какая видна въ этихъ общихъ предписаніяхъ, опредѣляющихъ жизнь семинариста, распределенъ и весь семинарскій день. Жизнь семинариста движется, какъ часовой механизмъ, съ автоматической правильностью повторяясь изо-дня-въ-день. Ни одного часа семинаристъ не свободенъ совершенно, безконтрольно,—не предоставленъ самому себѣ. Каждая $\frac{1}{4}$ часа, каждыя 5 минутъ у него заранѣе высчитаны и предназначены къ какому-нибудь занятію.

Семинарскій день начинается въ 5 часу утра. Въ этотъ часъ всѣ встаютъ, умываются и въ $\frac{1}{2}$ шестого часа, по звонку, отправляются въ церковь, гдѣ слушаютъ утреннія молитвы и мессу; читаемый очереднымъ священникомъ изъ наставниковъ, и затѣмъ минутъ 10—15 употребляютъ на *meditatio*, о которой мы уже говорили. Все это продолжается около $\frac{1}{2}$ часа. Въ 6 часовъ всѣ возвращаются въ свои комнаты, чтобы убрать постель и привести въ порядокъ комнату; на это дается $\frac{1}{4}$ часа. Слѣдующія $\frac{1}{4}$ часа идетъ на завтракъ. Въ половинѣ седьмого всѣ расходятся по комна-

тамъ и въ присутствіи наставниковъ, молча, готовятъ уроки къ дообѣденному *классу*, который начинается въ 8^{1/2} и кончается въ 10^{1/2} часовъ. По выходѣ изъ *класса*, опять расходятся по комнатамъ и опять готовятъ уроки къ послѣобѣденному *классу*. Обѣдъ бываетъ въ 12 часовъ. Послѣ обѣда всѣ воспитанники, въ сопровожденіи одного изъ наставниковъ, идутъ—въ лѣтнее время, въ садъ, или на террасу дома—подышать свѣжимъ воздухомъ. Въ 1 часъ опять всѣ расходятся по комнатамъ; до 2-хъ часовъ читаютъ, отъ 2-хъ до 3-хъ повторяютъ уроки, а отъ 3-хъ до 5 опять занимаются въ классахъ. Послѣ вечернихъ классовъ воспитанникамъ дается свобода сношеній между собою на полчаса; тогда они могутъ разговаривать, разсуждать, дѣлиться впечатлѣніями о слышанномъ,—но опять-таки подъ непрѣбнымъ наблюденіемъ наставниковъ. Съ половины 7-го до половины 8-го часа готовятъ уроки къ слѣдующему дню, потомъ ^{1/2} часа употребляютъ на молитву вечернюю и акаѳистъ. Въ 8 часовъ бываетъ ужинъ, а послѣ ужина, согласно распоряженію ректора, собираются или въ общую комнату, гдѣ проводятъ время въ полезной бесѣдѣ съ наставниками, или расходятся къ себѣ по комнатамъ и занимаются чтеніемъ назидательныхъ книгъ—до 9 часовъ, когда вся семинарія засыпаетъ ¹).

Каникулы—и лѣтнія и зимнія—воспитанники обычно проводятъ въ самой семинаріи. На Рождественскія каникулы не рекомендуется выпускать ихъ изъ семинаріи, потому что,—какъ мотивируетъ практику католическихъ духовныхъ учебныхъ заведеній Bourne ²);—въ это время бываетъ очень много праздниковъ, которые всѣ воспитанники у себя въ семинаріи могутъ провести съ пользою для души, и которые въ міру, въ семьѣ, могутъ подать поводъ къ тѣмъ или инымъ

¹) Подробности о внутреннемъ бытѣ духовныхъ семинарій заимствованы изъ статьи Кустодіева: „Духовныя семинаріи въ Испаніи“ и профрены путемъ бесѣдъ съ католическимъ священникомъ.

²) Op. cit., p. 60.

соблазнамъ. Видя кругомъ увеселенія, развлеченія, и сами принимая въ нихъ участіе, воспитанники могутъ составить о мірѣ лучшее мнѣніе, нежели каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ,—могутъ полюбить его больше, чѣмъ подобаешь будущему священнику. Но тотъ же Bourne настоятельно рекомендуетъ воспитанникамъ проводить внѣ семинаріи лѣтнія каникулы. Онѣ служатъ, по его мнѣнію, искусомъ, пробнымъ камнемъ, показывающимъ, насколько силенъ въ семинаристѣ его семинарскій церковный закалъ, и насколько, слѣдовательно, достоинъ онъ современемъ стать священникомъ. Если его и среди родной семьи, среди міра и мірскихъ удовольствій, будетъ тянуть къ церкви, къ епископу, къ чтенію духовныхъ книгъ, то, значить, онъ стоитъ на высотѣ своего призванія. Но если онъ станетъ опускать ежедневныя молитвы, духовное чтеніе, неисправно посѣщать ежедневныя мессы, то, значить, ему слѣдуетъ подумать надъ собою и—или подтянуть себя въ слѣдующій годъ, исправиться, или же совсѣмъ оставить семинарію. Но въ большинствѣ семинаріи воспитанники, особенно младшихъ классовъ, не отпускаются на каникулы вовсе. Во время каникулъ, продолжающихся отъ одного до двухъ мѣсяцевъ, семинаристы, въ общемъ, живутъ точно такъ же, какъ и въ учебное время: такъ же встаютъ въ половинѣ пятаго и ложатся въ половинѣ девятаго; такъ же, по звонку, собираются на молитву, на завтракъ, на обѣдъ и ужинъ; такъ же неусыпно слѣдятъ за ними ихъ наставники. Только во время каникулъ не бываетъ уроковъ, и въ часы, по расписанію назначенные на нихъ, воспитанники читаютъ духовныя книги и самостоятельно занимаются въ своихъ комнатахъ.

Для полноты характеристики воспитательной системы католическихъ семинаріи слѣдуетъ еще сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ между наставниками и воспитанниками. Эти отношенія таковы, что дѣйствительно заслуживаютъ вниманія: ими католическія семинаріи отличаются отъ

всѣхъ другихъ учебныхъ заведеній. Здѣсь наставникъ, соединяющій въ своемъ лицѣ должность и воспитателя и преподавателя, является старшимъ братомъ-руководителемъ и въ полномъ смыслѣ—наставникомъ воспитанниковъ. На ученика здѣсь смотрятъ, какъ на живую личность, съ индивидуальной нравственной физиономіей, черты которой необходимо изучить для того, чтобы потомъ вѣрнѣе дѣйствовать. Въ католическихъ семинаріяхъ *дѣйствительно воспитываютъ ученика*. Наставники, живя общею съ воспитанниками жизнью, произнося свой авторитетный судъ надъ всѣми явленіями семинарской—а отчасти и общественной—жизни, подавал во всемъ добрый примѣръ, вліяютъ на воспитанниковъ не отвлеченными сентенціями, дѣйствительность которыхъ всегда сомнительна,—а живымъ примѣромъ, своею личностію. Католическіе священники,—говоритъ Ренаиъ,—„превосходные психологи, знающіе, какъ можно играть на клавишахъ души человѣческой“¹⁾.

Во многихъ семинаріяхъ ежедневно,—а во всѣхъ безъ исключенія въ субботу вечеромъ послѣ ужина и молитвы,—устраиваются правоучительныя бесѣды—преимущественно изъ катихизиса, носящія болѣе или менѣе интимный характеръ. Здѣсь молодые люди повергаютъ на просвѣщенный судъ ректора и наставниковъ всѣ свои сомнѣнія и недоразумѣнія, возникающія даже въ стѣнахъ католической семинаріи, и выслушиваютъ даваемые на нихъ отвѣты и объясненія.

Естественно, что, при такомъ порядкѣ вещей, отношенія между наставниками и воспитанниками—самыя товарищескія, дружескія и довѣрчивыя²⁾.

¹⁾ „Воспоминанія дѣтства и юности“, стр. 56 г.

²⁾ Такимъ представляеть ихъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ дѣтства и юности“ Ренаиъ. Хотя тамъ же, въ предисловіи, онъ дѣлаетъ замѣчаніе à part, что въ воспоминаніяхъ слѣдуетъ писать лишь то, о чемъ воспоминаемъ съ удовольствіемъ, съ любовью, а все, что пережито низкаго и плохого, „наказать молчаніемъ“; однако правдивости его можно повѣрить. По свидѣтельству католическихъ священниковъ, добрыя отношенія между наставниками и воспитанниками являються общимъ правиломъ, и если изъ него бывають исключенія, то виною тому не принципиальная постановка ихъ въ системѣ, а недостатки личнаго состава наставниковъ.

Наказанія въ католическихъ семинаріяхъ расчитаны, главнымъ образомъ, на пробужденіе въ провинившемся раскаянія, стыда, иногда—самолюбія. Состоятъ они обычно въ выговорѣ (чаще всего), лишеніи прогулки, завтрака, обѣда, сажаніи за голодный столъ; иногда заставляють въ наказаніе прочитывать публично *Miserere* (50 пс.); заучить на-память псаломъ или какое-либо мѣсто изъ Свящ. Писанія. Существуетъ при семинаріяхъ и карцеръ, но въ него почти никого не запирають. Ренанъ говоритъ, что при немъ единственное наказаніе въ семинаріяхъ состояло въ томъ, что въ пятницу всѣхъ воспитанниковъ собирали въ общую залу и тамъ читывали отмѣтки за недѣлю... Самымъ большимъ наказаніемъ является исключеніе изъ семинаріи. Тѣлесныхъ наказаній католическая семинарія не знаетъ и никогда не знала. Одинъ католическій священникъ, кончившій курсъ въ пятидесятихъ годахъ, говоритъ, что за время пребыванія своего въ семинаріи (4 года) онъ помнитъ всего одинъ случай заключенія въ карцеръ и не помнитъ ни одного случая, чтобы наставникъ, хотя бы въ гнѣвѣ и запальчивости, поднялъ руку на воспитанника. А это было время, когда не только въ нашихъ семинаріяхъ, но положительно во всѣхъ русскихъ школахъ царилъ культъ розги. Не существовало тѣлесныхъ наказаній и въ іезуитскихъ школахъ: іезуиты и руководители католическихъ духовныхъ семинарій раньше всѣхъ педагоговъ пришли къ выводу, что „никакая сила въ мірѣ не можетъ сравняться съ силой нравственнаго вліянія, дѣйствіе котораго постепенно, часто незамѣтно для глазъ, но глубоко и продолжительно.“¹⁾

Если ко всему этому прибавимъ, что преподавателями католическихъ семинарій обыкновенно бываютъ люди дѣйствительно достойные, убѣжденные, священники по призванію, преданные католичеству до фанатизма, и притомъ возвышенно настроенные, то поймемъ, какое глубокое вліяніе

¹⁾ Bourne, p. 56.

могутъ они оказать—и дѣйствительно оказываютъ—на семинаристовъ, такъ же возвышенно настроенныхъ и, какъ всѣ молодые люди, склонныхъ увлекаться великимъ, идейнымъ, прекраснымъ; поймемъ, что Ренанъ говоритъ правду, когда пишетъ: „мои наставники внушили мнѣ презрѣніе ко всему мірскому, утвердили во мнѣ убѣжденіе, что человѣкъ, не проникнутый благороднымъ стремленіемъ, является грубымъ, гадкимъ существомъ“¹⁾; поймемъ, даѣе, почему молодой человѣкъ, который въ свѣтскомъ учебномъ заведеніи былъ бы лишь серьезнымъ ученикомъ, не болѣе, въ рукахъ католическихъ патеровъ превращается въ энтузіаста, забывающаго всѣ трудности пастырскаго служенія, всѣмъ сердцемъ рвущагося къ тяжелому и отвѣтственному дѣлу, жаждущаго жертвы, ищущаго подвига. Намъ станетъ яснымъ также и то, почему мальчикъ, пробывшій хотя одинъ годъ въ католической семинаріи и пріѣхавшій къ родителямъ на первыя каникулы, оказывается въ своей семьѣ отрѣзаннымъ ломтемъ. У него уже совсѣмъ иное, новое міровоззрѣніе, чѣмъ какое было раньше, новый взглядъ на вещи. Родители потеряли для него всякій авторитетъ, мнѣніе ихъ—всякое значеніе. Теперь у него одинъ на свѣтѣ авторитетъ—это ректоръ семинаріи и семинарскіе наставники.

А. Какатьнъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ „Воспоминанія дѣтства и юности“, стр. 74

Къ вопросу о возрожденіи прихода.

Нѣсколько разъ уже говорилось на страницахъ „Руководства для сельскихъ пастырей“, что такъ какъ выдвинутый самую жизнью вопросъ о Всероссийскомъ помѣстномъ соборѣ съ очереди не снятъ совсѣмъ, а только отложенъ до болѣе благоприятнаго времени, то это время духовенство должно постараться использовать какъ можно производительнѣе и плодотворнѣе, занявшись всестороннимъ разсмотрѣніемъ и выясненіемъ назрѣвшихъ насущныхъ нуждъ нашей церковной жизни. Соборъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ застать духовенство неподготовленнымъ. Своими мыслями и пожеланіями духовенству удобнѣе всего дѣлиться съ собратіями на страницахъ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей, при чемъ нужно отбросить столь присущую всему почти нашему приходскому духовенству робость и неувѣренность въ своихъ силахъ: не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. И чѣмъ больше будетъ высказано частныхъ мнѣній, тѣмъ для дѣла будетъ лучше. Нѣсколько весьма дѣльныхъ замѣчаній по вопросу о возрожденіи „прихода“ помѣстилъ, между прочимъ, свящ. Іоаннъ Соколовъ въ № 15-мъ Смоленскихъ епархіальныхъ вѣдомостей за текущій годъ.

Какъ извѣстно, современная наша церковно-приходская жизнь едва теплится, „приходъ“, какъ представитель этой жизни, совсѣмъ дремлетъ. Церковно-общественной жизни, какъ дѣятельности, направленной къ увеличенію правды и добра, къ ослабленію и пониженію несправды и зла, строго говоря, нѣтъ у насъ. Наша церковно-общественная жизнь „прихода“ ограничивается только хожденіемъ въ храмъ на богослуженія да приглашеніемъ духовенства для требосправленій. Между прихожанами нѣтъ не только духовно-нравственнаго единенія, но—въ особенности по городамъ—даже просто знакомства. „Приходъ“ совсѣмъ не считаетъ своею обязанностію помочь обездоленнымъ—вдовамъ и сиротамъ своимъ,—вся эта бѣднота предоставлена исключительно сама

себѣ, а духовенство—въ своемъ подавляющемъ большинствѣ—является только требоисправителями, а не руководителями церковно-общественной жизни.

Однимъ словомъ, въ настоящее время у „прихода“ не видно церковно-общественнаго дѣла. А этого дѣла—такъ много, и оно, какъ говорится, около самыхъ рукъ.

И прежде всего, въ каждомъ приходѣ масса дѣтей школьнаго возраста. А во всякомъ ли приходѣ есть школа?—Далеко не во всякомъ. Вотъ *первое* общее дѣло „прихода“—забота о школѣ. А сколько въ каждомъ приходѣ нуждающихся—вдовъ, сиротъ и т. д.!—Ихъ пристроить—вотъ *второе* дѣло и нравственная обязанность „прихода“.—А злѣйшій несконный врагъ русскаго народа—пьянство—развѣ не палагаетъ на „приходъ“ извѣстныхъ обязанностей?..

Итакъ, у „прихода“ дѣла масса—и притомъ дѣла неотложнаго. Есть и способные дѣлать это дѣло люди. Къ сожалѣнію, они, въ настоящее время слишкомъ связаны во всѣхъ подобныхъ случаяхъ различными запрещеніями и ограниченіями. „Возьмемъ,—говорить о Соколовѣ,—для примѣра ту же школу народную или библіотеку, въ чемъ теперь особая нужда. Теперь все нужно дѣлать по *предписанію*; чуть что не соблюдено—бѣда. А чего стоять самыя *предписанія*! Сколько нужно пороговъ начальственныхъ обить, чтобы что-либо получить, какъ *разрѣшеніе*. Деревня желаетъ одну книгу въ библіотеку, а ей навязываютъ другую; не возьмешь эту книгу—не позволять имѣть библіотеку:—такъ теперь *радытели деревни*, ея *просвѣтители* поступаютъ. Вотъ эти-то *предписанія*, *разрѣшенія* и тормазятъ дѣло „прихода“. Въ особенности это нужно сказать о деревнѣ.

Чтобы обновить жизнь „прихода“, для этого—по мнѣнію о. Соколова—необходимо, прежде всего, даровать „приходу“ широкую автономію: не стѣснять „приходъ“ въ его просвѣтительныхъ и благотворительныхъ заботахъ, свободно, безъ какихъ-либо особыхъ „разрѣшеній“, допустить приходскія собранія для обсужденія всякихъ вообще нуждъ „прихода“—

какъ церковно-религіозныхъ, такъ и матеріально-экономическихъ. Во главѣ всѣхъ приходскихъ собраній, разумѣется, долженъ быть мѣстный священникъ. Онъ ихъ назначаетъ, онъ же ими руководить. Само собою понятно, что разъ всѣ прихожане будутъ привлечены ко всякому дѣлу „прихода“, то на этой почвѣ неизбежно произойдетъ тѣсное сближеніе ихъ между собою: будетъ происходить живой обмѣнъ мнѣній, обсужденіе новыхъ предложеній и прежнихъ мѣропріятій и т. п. Все это послужитъ началомъ совершенно *новой* церковной жизни „прихода“.

Въ обновленномъ на началахъ свободы „приходѣ“ не только желателенъ, но настоятельно необходимъ и новый способъ матеріальнаго обезпеченія духовенства. Практикуемая въ настоящее время отдѣльная плата за требы тяжелымъ бременемъ ложится на духовенство и является однимъ изъ самыхъ сильныхъ тормазовъ его благотворной и плодотворной приходской дѣятельности. Пріѣзжаетъ, напр., въ приходъ малоопытный молодой священникъ, всегда почти безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ. Здѣсь онъ попадаетъ въ среду совершенно незнакомыхъ ему людей, такихъ же немущихъ, какъ и самъ онъ. Происходятъ неизбежныя почти столкновенія на почвѣ малообезпеченности, на почвѣ голодовки. Столкновенія эти вносятъ, конечно, разединеніе, разладъ между „приходомъ“ и его главнымъ представителемъ—священникомъ. А гдѣ разладъ, тамъ дѣло никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ идти успѣшно. Въ настоящее время, когда священнику каждый разъ приходится *са-мому лично* получать плату за требы, авторитетъ его подрывается: крестьянину, при постоянной его голодовкѣ и вѣчно пустомъ карманѣ; всегда кажется, что съ него слишкомъ много берутъ, что „попъ“—странно недобрый человѣкъ, такъ какъ не уступилъ ему гривенника за ту или другую потребу, когда и вся-то плата была конеекъ 30—40. „Все это,—говорить о. Соколовъ,—можетъ быть, мелочи, но только для того, кто знаетъ о нихъ по наслышкѣ, отъ другихъ. Я по-

совѣтовать бы такому человѣку пережить минуты *торя*,—да простятъ мнѣ это грубое выраженіе, его можно бы замѣнить другимъ, болѣе ласкающимъ слухъ, но суть-то дѣла отъ этого не измѣняется,—кто признаетъ ихъ пустяками, не тяжелыми для духовенства. Вотъ я совершилъ требу. Вѣдь я же трудился, а трудъ долженъ быть оплаченъ,—такъ думаетъ бѣдный священникъ; а къ тому же здѣсь посмотрѣлъ онъ на свои сапоги: сапоги его съ дырками, скоро пальцы будутъ видны. Но и какъ протягивать руку за гривенникомъ, когда и у крестьянина онъ послѣдній? Что тутъ дѣлать? “Именно—что тутъ дѣлать? Тѣмъ болѣе, что и для прихожанъ настоящая система матеріальнаго обезпеченія духовенства является въ большинствѣ случаевъ не подъ силу обременительной. Иной бѣдный прихожанинъ дастъ 5—10 руб. въ годъ на содержаніе причта, тогда какъ его богатый сосѣдь равно почти ничего не дастъ: не случилось у него въ этомъ году требъ. Содержаніе духовенства должно падать равномерно на всѣхъ прихожанъ; при этомъ, по проекту о. Соколова, послѣ равномерной раскладки между прихожанами, оно должно поступать, какъ и всѣ казенные платежи, въ казначейство, а оттуда уже—въ видѣ опредѣленнаго жалованья духовенству. Только такимъ путемъ можно избѣжать тяжелыхъ и, по большей части, совершенно незаслуженныхъ духовенствомъ упрековъ за „поборы“ съ его стороны, раздающихся теперь ото всюду по его адресу.

Весьма сильно, наконецъ, вліяетъ, по мнѣнію о. Соколова, на ослабленіе церковно-приходской жизни то, что приходы наши—крайне не равномерны по населенію, разбросаны, при чемъ весьма многія принисныя деревни слишкомъ далеко отстоятъ отъ своего приходскаго храма. Есть у насъ приходы въ 1500, есть и въ 300 душъ при одномъ священникѣ. Такая численная неравномѣрность прихода является довольно обидною, такъ сказать, для духовенства и невольно возбуждаетъ среди него вполне понятное съ общежителской точки зрѣнія неудовольствіе: первый священникъ

получаетъ—скажемъ—содержанія до 1200 руб. въ годъ, тогда какъ второй—всего лишь 300—400 руб. Подобную ненормальность трудно, прямо-таки не возможно встрѣтить на какомъ-либо другомъ служебномъ поприщѣ. Даже деревенскій сотскій, полицейскій урядникъ—и тѣ, каждый по своей должности, уравниены содержаніемъ; одно только приходское духовенство находится въ этомъ отношеніи внѣ общепринятыхъ и общепризнанныхъ законовъ и нормъ.

Весьма пагубно отзывается на церковно-общественной жизни и разбросанность приходовъ. Есть, напр., приписныя деревни, отстояція отъ своего приходского храма на 12—15 верстъ. Чтобы сходить въ храмъ, такому прихожанину нужно затратить на это круглый день. Въ деревнѣ, особенно во время уборки сѣна, работаютъ—по пуждѣ—и по праздникамъ, изъ боязни ненастья. Вотъ и раздумываетъ крестьянинъ: „Сходить въ храмъ помолиться нужно. А какъ тутъ, послѣ объѣда, сосѣди начнутъ сѣно убирать,—останусь одинъ съ своимъ неубраннымъ сѣномъ, и его затопчутъ совсѣмъ. Жалко! Да миръ еще, пожалуй, и *нарушаетъ за безпорядокъ*“. По такимъ вполне понятнымъ въ деревенской жизни соображеніямъ, крестьянинъ и остается дома въ праздничный или воскресный день и тѣмъ лишается благодѣтельнаго вліянія церковной службы, храма Божія... Вслѣдствіе этого, по мнѣнію о. Соколова, настоятельно необходимо надлежащее разграниченіе приходовъ и приведеніе ихъ въ болѣе мелкія, чѣмъ теперь, единицы. Теперь есть приходы въ 1500 и болѣе душъ мужского пола да столько же женскаго на одного священника, на одинъ причтъ, при чемъ, вслѣдствіе разбросанности прихода на 15—20 верстъ, многіе изъ прихожанъ побываютъ въ храмѣ всего только одинъ—два раза въ годъ. Здѣсь, само собою понятно, трудно священнику сколько-нибудь хорошо знать *всѣхъ* своихъ прихожанъ; не зная же своихъ прихожанъ, священникъ, очевидно, не можетъ должнымъ образомъ и воздѣйствовать на нихъ. При такихъ условіяхъ въ высшей степени трудно устанавливать церковно-общественную

жизнь, а еще труднѣе—руководить ею; какъ слѣдуетъ. Желательны приходы малые, чтобы каждый приходъ группировался, по возможности, около своего храма. Тогда и всѣ прихожане могутъ быть почти за каждой церковной службой, и священникъ чуть не ежедневно будетъ имѣть возможность видѣться и бесѣдовать со всѣми ими. Частое же общеніе священника съ прихожанами невольно будетъ способствовать ихъ взаимному сближенію, которое только одно и можетъ быть основаніемъ *новой*; столь желанной и необходимой, церковно-общественной жизни...

Выдвинутые о. Соколовымъ вопросы слишкомъ серьезны и, будемъ надѣяться, вызовутъ со стороны приходскаго духовенства самое вдумчивое обсужденіе, какого они вполне заслуживаютъ. Особенно важенъ въ данномъ случаѣ будетъ голосъ именно *сельскаго* духовенства, которому наиболѣе приходится считаться съ современнымъ ненормальнымъ положеніемъ „прихода“ и нашей церковно-общественной жизни. Его отзывы дадутъ самый богатый матеріалъ и для теоретическихъ обобщеній людей науки, и для наиболѣе цѣлесообразныхъ постановленій будущаго Всероссийскаго помѣстнаго собора.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 20-го сентября 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
публей.

№ 40.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года октября 2-го дня.

Содержаніе: Нѣсколько словъ объ „Инструкціи Благочинному приход-
скихъ церквей“.—Необычный писатель и страшная книга (оконча-
ніе).—Приготовленіе къ пастырскому служенію въ католичество
(продолженіе).—Окружныя пастырскія собранія.

Нѣсколько словъ объ „Инструкціи Благочинному приходскихъ церквей“

Церковная жизнь на Руси вступаетъ въ новый фазисъ, и для начинающагося новаго періода въ исторіи Русской Церкви ощущается нужда въ тщательномъ пересмотрѣ дѣйствующихъ церковныхъ законовъ и правилъ, а отчасти и въ новыхъ узаконеніяхъ. Многоразличныя обстоятельства послѣднихъ лѣтъ выдвинули больше, чѣмъ, пожалуй, когда-либо, нравственныя начала жизни и показали, что съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ должно быть переустроено у насъ очень многое во внѣшнихъ порядкахъ какъ вообще русской жизни, такъ—въ частности—въ строѣ церковнаго управленія.

Въ настоящій разъ мы остановимся на вопросѣ о благочинныхъ, не такъ давно затронутомъ на одномъ изъ епархіальныхъ съѣздовъ духовенства, именно—Симбирскаго, и вызвавшемъ живой обмѣнъ мыслей между депутатами съѣзда. Надо сказать, что нынѣшнее положеніе благочинныхъ очень щекотливое и неудобное какъ для нихъ самихъ, такъ и для подлежащихъ вѣдѣнію благочинныхъ приходскихъ пастырей. Согласно почти общему голосу духовенства, благочинный является нынѣ не пособникомъ пастырей въ достиженіи ими *пастырскихъ* цѣлей и не опытнымъ руководителемъ въ трудномъ дѣлѣ душепопеченія, а чиновникомъ, блюстителемъ внѣшнихъ порядковъ и предписаній начальства. Дѣятельность благочиннаго теперь сводится почти исключительно къ формѣ и буквѣ, и все какъ будто дальше и дальше отступаетъ отъ *духа*, составляющаго главное въ пастырскомъ дѣлѣ. Такой порядокъ вещей неминуемо долженъ былъ привести—и дѣйствительно привелъ—къ тому, что благочинный сталъ по отношенію къ собратіямъ—пастырямъ въ начальственное положеніе и, какъ-бы забывъ объ іерархическомъ равенствѣ, потребовалъ отъ нихъ *подчиненія*. На церковныхъ собраніяхъ духовенства, напр., за молебномъ въ соборахъ, гдѣ всѣ занимаютъ мѣста сообразно съ служебнымъ положеніемъ; часто можно наблюдать, что молодой благочинный стоитъ выше старцевъ-іереевъ и даже выше заслуженныхъ протоіереевъ, пользующихся въ приходахъ своихъ общимъ уваженіемъ.

Заповѣдь апостола объ удостоеніи *сугубой чести* пресвитеровъ нынѣ прежде всего примѣняется къ должностнымъ лицамъ въ епархіальномъ управленіи, тогда какъ, по буквальному смыслу заповѣди апостола, сугубой чести должны быть удостояемы прежде всего пресвитеры, *прилежащіе добру* къ своему *пастырскому* дѣлу, а затѣмъ—пресвитеры-администраторы. Поэтому, и получается рѣзко бросающаяся въ глаза странность, что дѣйствительно заслуженныя лица изъ среды духовенства уступаютъ свою честь должностному лицу,

часто, кромѣ служебнаго положенія, не имѣющему за собою ничего болѣе.

Симбирское духовенство, по разсмотрѣннн вопроса о благочинныхъ, постановило, въ видѣ *ria desideria*, изъять назначеніе благочинныхъ изъ исключительной власти епархіальнаго начальства и предоставить *выборъ* ихъ самому духовенству каждаго благочинническаго округа, ограничивъ обязательный срокъ службы благочиннаго пятилѣтнимъ временемъ, по истеченіи котораго должны производиться новыя выборы. Жаль, что *Депутатъ* Симбирскаго съѣзда духовенства, сообщившій о постановленіяхъ его въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ (№ 30 с. г.), не указалъ, какая именно идея была положена въ основу разсужденій собравшихся на съѣздъ пастырей о положеніи среди нихъ благочинныхъ. Но можно догадываться, что основаніемъ этихъ разсужденій было желаніе видѣть благочиннаго не начальникомъ-формалистомъ, а дѣйствительнымъ руководителемъ пастырей его округа въ дѣлахъ душепопеченія. По крайней мѣрѣ, постановленіе Симбирскаго съѣзда, чтобы съ благочинныхъ была снята обязанность отмѣчать *поведеніе* священниковъ, какъ „унизительная“ для пастырей и „не достигающая“ никакихъ добрыхъ „цѣлей“,—это желаніе волюнъ понятно лишь при новой постановкѣ самаго благочинническаго служенія.

Корреспондентъ „Церковнаго Вѣстника“ прибавляетъ къ своему сообщенію, между прочимъ, что мѣстный епископъ—преосв. Гурій отнесся къ опредѣленіямъ съѣзда „благоволиительно“...

Волюнъ раздѣляя доброе стремленіе пастырей, можно сказать—общее, имѣть во главѣ своей носителей духа истиннаго православнаго пастырства и видя въ этомъ дѣйствительный залогъ преуспѣянія самаго пастырскаго служенія, мы съдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по поводу дѣйствующей теперь и регулирующей служебную дѣятельность благочинныхъ „Инструкціи“, съ цѣлью показать, какъ она устарѣла и въ ка-

комъ противорѣчию стоять съ другими—даже церковными—дѣйствующими законами¹⁾.

Прежде всего, въ основѣ „Инструкціи“ лежитъ совершенно несвойственная духовному служенію идея полицейскаго надзора за духовенствомъ, который осуществляетъ благочинный во ввѣренномъ ему округѣ. Помимо этого, „Инструкція“ обнимаетъ одни внѣшніе порядки церквей и приходоѡвъ, въ нѣкоторыхъ лишь—весьма немногочисленныхъ—случаяхъ выходя за предѣлы формы и касаясь, притомъ лишь слегка и боязливо, духа. Выраженіями: „наблюдать“, „смотря“, „внушать“... пестрятъ страницы „Инструкціи“. Но вотъ какъ, напр., говорится въ „Инструкціи“ о предметѣ такой высокой важности, какъ *исповѣдь*, которая всегда волнуетъ молодыхъ и начинающихъ пастырей: „Благочинный, долженъ, по своему благоразумію, и какъ наставить его Богъ, давать, ежели найдетъ нужнымъ, наставленія священникамъ, какъ имъ исповѣдывать дѣтей своихъ духовныхъ, какъ связывать и развязывать человѣческую совѣсть“ (§ 17). Не странно ли звучитъ эта оговорка: „ежели найдетъ нужнымъ“ при разсужденіи о такомъ предметѣ, который хотѣли бы знать сами священники и о которомъ съ такою охотою готовы были бы посоветоваться съ болѣе ихъ опытнымъ лицомъ? А выраженіе: „какъ наставить его Богъ“ какъ бы заранѣе предполагаетъ духовную немощь того, кому поручено руководство собратіями, и спасаетъ его отъ всякой отвѣтственности за нее. Конечно, исповѣдь—дѣло чисто духовное, и отъ чиновника компетенціи и руководства въ ней ожидать нечего...

Но разсмотримъ поближе нѣкоторые параграфы „Инструкціи“.

Руководство духовною жизнью пасомыхъ, составляющее долгъ истиннаго пастыря, требуетъ, между прочимъ, наличности у него вспомошествоющихъ *мирянскихъ* средствъ, ко-

¹⁾ Мы имѣемъ въ виду „Инструкцію“ послѣднего изданія—1899 г.

торыми онъ могъ бы свободно и во всякую минуту распоряжаться. При приходской церкви должна быть библіотека. § 1 „Инструкціи“ и говорить, между прочимъ, о ней. Какія же книги предписываетъ она имѣть каждой церкви?—Изъ книгъ, „потребныхъ для службы Божіей“, она указываетъ: Евангеліе, Апостоль, Служебникъ, Минеи—общую и праздничную, Типиконъ, Тріоди—постную и цвѣтную, Октоихъ, Псалтирь слѣдованную, Часословъ, Требники—большой и малый, Ирмологъ, Книгу молебныхъ пѣній, съ табелью торжественныхъ и высокаторжественныхъ дней и панихиднымъ реестромъ и „изданныя отъ Св. Синода проповѣди“. Очевидно, перечень не всѣхъ богослужебныхъ книгъ, а наиболѣе необходимыхъ, указываетъ; что „Инструкція“ предполагаетъ минимумъ требованій на этотъ счетъ. Минимумъ этотъ понятенъ, если припомнить, какъ дороги были книги въ старину, къ которой, очевидно, и относится § 1 „Инструкціи“. Къ сожалѣнію, не можемъ представить сравнительныхъ цѣнъ за богослужебныя книги прежде и теперь. Но, во всякомъ случаѣ, въ сравненіи съ прежними цѣнами нынѣшнія значительно ниже. А Кіево-Печерская Лавра не такъ давно выпустила въ продажу замѣчательно удобныя по малому формату (8°-л.) мѣсячныя минеи, при чемъ стоимость ихъ (въ бум. 14 руб., въ переплетѣ 19 р.) совершенно не обременительна для бѣднаго даже прихода. Изъ небогослужебныхъ книгъ „Инструкція“ указываетъ лишь „изданныя отъ Св. Синода проповѣди“. Это—древнія книжицы, написанныя стариннымъ языкомъ и мало примѣнимыя къ нынѣшнему времени. Конечно, трудно предположить, чтобы благочинный потребовалъ наличности синодальныхъ проповѣдей въ церковной библіотекѣ и сталъ бы взыскивать за неимѣніе; но, по прямому смыслу „Инструкціи“, онъ обязательно должны быть въ церкви. Въ примѣчаніи къ § 1 указаны и еще книги, желательныя въ церковной библіотекѣ, но уже не такія обязательныя, какъ вышеуказанныя. Приобрѣтаются онъ по мѣрѣ возможности. На ряду съ *Библіей* (неужели допустимо, чтобы какая-нибудь

церковъ не имѣла ея теперь, когда всѣ воспитанники духовныхъ семинарій награждаются Библией безвозмездно отъ Св. Синода при поступленіи въ семинарію?) здѣсь указаны: Православное исповѣданіе вѣры митрополита Петра Могилы, Грамоты объ учрежденіи Св. Синода съ исповѣданіемъ вѣры восточныхъ патріарховъ, творенія св. отцевъ въ русскомъ переводѣ, Четы-Минеи и Прологъ, Катихизисъ пространный и краткій и книги, „указываемыя начальствомъ, какъ полезныя для увѣщанія раскольниковъ и обличенія неправыхъ раскольническихъ толковъ“.—Вотъ и весь запасъ богословской церковной библіотеки. Ни одной системы богословія, ни одного школьнаго курса!

Очевидно, все это—старина. И дѣйствительно, послѣ изданія § 1 „Инструкціи“ послѣдоваль рядъ начальственныхъ распоряженій о пополненіи церковной библіотеки новыми книгами—и уже не одними, касающимися расколовѣдѣнія. Извѣстны предписанія Св. Синода отъ 1832 и 1867 гг. Последнее предлагаетъ въ руководство каталогъ необходимыхъ для библіотеки книгъ, составленный митр. Московскимъ Филаретомъ. Но предписанія 1832 г. и 1867 г., равно какъ и позднѣйшія, въ „Инструкцію“ не вошли. Въ ней уцѣлѣли предписанія болѣе древняго времени. Спрашивается: если § 1 „Инструкціи“ въ полномъ своемъ видѣ не отмѣненъ и донинѣ, то чего долженъ требовать благочинный отъ пастырей церквей—точного ли исполненія предписаній „Инструкціи“, или же позднѣйшихъ распоряженій ¹⁾?

Требованія относительно запаса книгъ въ церквахъ стоять въ соотвѣтствіи съ требованіями относительно вообще богословскихъ знаній священно-церковнослужителей. Требования эти очень не сложны, такъ не сложны, какъ могли они быть только въ старинные годы при скудости общаго на Руси образованія. „Священники, діаконы и причетники должны

¹⁾ Болѣе подробно объ этомъ говорилось уже на страницахъ нашего журнала въ 1902 г.

знать наизусть катихизисы, первые—пространный, а последние—краткий, и по часту прочитывать свои ставленные грамоты“, гласить § 24 „Инструкціи“. Жизнь ушла далеко вперед законодательства. Теперь катихизисъ учать въ низшей духовной школѣ, попасть изъ которой въ священники чрезвычайно трудно, такъ какъ священническія мѣста представляются окончившимъ курсъ средней и высшей школы. Но вотъ, по „Инструкціи“, оказывается, что приобретенныя въ средней и даже высшей школѣ богословскія познанія не представляютъ особой цѣнности въ глазахъ начальства. Знаніе Катихизиса наизусть и внимательное прочитыванье ставленной грамоты какъ будто замѣняютъ полные курсы богословія и церковнаго права!.. Конечно, и въ этомъ случаѣ требованія „Инструкціи“, понятныя въ старину и годныя для того времени, слишкомъ минимальны для нашего времени, да и не гармонируютъ съ другими требованіями церковнаго законодательства относительно образованія кандидатовъ священства, нынѣ дѣйствующими de facto (съ 16 апр. 1869 г.).

Малообразованность и низкая степень культурнаго развитія въ духовенствѣ, предполагаемая „Инструкціей“, объясняютъ и то, что „Инструкція“ простираетъ влияние благочиннической власти слишкомъ далеко на личную жизнь приходскаго духовенства—и не только его, но и его семьи. Въ § 29 читаемъ: благочинный „долженъ подтверждать, чтобы священно-и церковнослужители безъ зову въ гости ни къ кому не ходили, да и по зову ходили бы въ дома только честные; чтобы они дружились съ подобными себѣ священниками, діаконами и церковниками; также—съ благородными помѣщиками и съ почтенными купцами и мѣщанами, а не со всякимъ безразборно“.—Разумѣется, справедлива древняя пословица: „скажи мнѣ, кто твои друзья, а я скажу, кто ты самъ“, какъ справедливо и то, что хорошій человекъ будетъ искать дружбы въ кругу хорошихъ же людей. Но ограничивать выборъ друзей указанными лицами (духовенствомъ, помѣщиками, купцами и мѣщанами), игнорируя крестьянъ (и

среди них не мало достойныхъ лицъ); если, отчасти, и можно было, то въ ту далекую уже теперь эпоху, когда крестьянъ называли людишками и считали „подлымъ“ словомъ. Дружбой духовенства съ привилегированными сословіями, по взгляду „Инструкціи“, долженъ, очевидно, подняться престижъ его въ глазахъ общества,—того общества, которое придаетъ громадное, если не исключительное, значеніе, при оцѣнкѣ извѣстнаго лица, кругу его знакомства. Но вѣдь ап. Павелъ говоритъ, что онъ для іудеевъ былъ, *яко іудей*, для еллиновъ какъ еллинъ, когда вращался среди нихъ. Почему?—Потому, что всегда имѣлъ въ виду цѣли проповѣди о Христѣ (*да Христа всѣмъ приобретаю*). Служеніе духовенства—виѣсословное, и съ проповѣдью евангелія пастырь долженъ одинаково обращаться ко всѣмъ, даже къ отребію и поддонкамъ общества. Самыя ничтожныя души становятся дорогими и близкими ему, если въ нихъ загорается пламень вѣры, и крѣпнеть начала новой жизни. Престижъ пастыря не отъ того зависитъ, въ какомъ кругу приходится ему вращаться—среди ли помѣщиковъ, или крестьянъ, а отъ того, какъ онъ совершаетъ свое исключительное служеніе, поглощающее почти все содержаніе его личной жизни. Добрый пастырь всегда будетъ высокъ въ глазахъ общества, и оно дастъ ему подобающее у себя мѣсто... Слава Богу, въ наши дни верховная власть начинаетъ съ большимъ довѣріемъ относиться къ приходскому духовенству, и не за горами то время, когда духовенство будетъ поставлено въ лучшія условія для своей возвышенной дѣятельности, равно какъ и для существованія. Давно уже оно перестало „безъ зову въ гости ходить“; Богъ дастъ, скоро перестанетъ протягивать послѣ службы руку *за добротыиъмъ даиіемъ*, потому что настанетъ благодатная пора благороднаго вознагражденія за труды духовенству со стороны прихода, замѣтно склоняющагося къ рѣшенію установить определенное ему жалованье. А изъ всего этого выходитъ, что надо зачеркнуть въ „Инструкціи“ всѣ предписанія, которыя предполагаютъ нищен-

ство и вѣчное недоѣданье, заставляющее, къ прискорбію, несчастное наше духовенство по временамъ, волей-неволей, унижать свой санъ попрошайничествомъ и прихлебательствомъ въ той или иной—грубой или тонкой—формѣ у сильныхъ и богатыхъ міра сего.

Н. Пальмовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Необычный писатель и странная книга.

(Окончаніе 1).

IV.

Тѣ самыя свойства таланта о. Петрова, которыя привлекаютъ къ нему нашу читающую и интеллигентную публику и въ то же время существенно обезцѣниваютъ его произведенія, лишая ихъ глубины, правды, объективности, отразились и на его „Затѣйникѣ“, одномъ изъ послѣднихъ его произведеній.

„Затѣйникъ“—это полу-беллетристическое и полу-публицистическое произведеніе, имѣющее возвышенную цѣль—представить при свѣтѣ Христовой правды безотрадно-мрачное состояніе духовной средней школы—семинаріи и указать идеалы, къ которымъ должны стремиться ея руководители и воспитанники. Цѣль достигается до избытка распространеннымъ у нашихъ публицистовъ способомъ: выводятся персонажи—носители свѣтлыхъ идей, тоскующіе по правдѣ Божіей, томящіеся среди мертвящей, порочной среды и на каждомъ шагу изрекающіе пламенные, поучительныя рѣчи. Наряду съ этими носителями въ душѣ и сердцѣ благородныхъ порывовъ изображается мрачная, неприглядная дѣйствительность, начиная съ вѣшняго вида и помѣщенія семинаріи и кончая начальствующими, учащими и воспитанниками. Въ

1) См. № 39 за 1905 г.

первомъ случаѣ—идеальность во всемъ и свѣтъ, ослѣпляющій взоры; во второмъ—порочность и мракъ безъ просвѣта...

Идеальныхъ персонажей въ 1-й части „Затѣйника“ три, или вѣрнѣе—самъ авторъ въ разныхъ возрастахъ и положеніяхъ. Они говорятъ красивымъ типичнымъ языкомъ о. Петрова, выражаютъ его пламенные чувства, высказываютъ его заветныя мысли и мечты. Олицетворенія слишкомъ ужъ грубовато-откровенны, и потому—мало-художественны, но тѣмъ не менѣе способны увлечь нашихъ невзыскательныхъ интеллигентовъ...

Первымъ идеальнымъ лицомъ и вѣстѣ героемъ всего очерка о. Петрова является Иванъ Постниковъ. До семинаріи, въ училищѣ, онъ ничѣмъ особеннымъ не отличался, кромѣ живости и школьническихъ затѣй, отчего и получилъ прозвище „затѣйника“; но при поступленіи въ семинарію, благодаря вліянію старшаго брата, онъ внезапно воспламеняется самыми возвышенными стремленіями, жаждой правды Божіей и становится среди товарищей кружковымъ вождемъ-организаторомъ. На этотъ путь навело Постникова письмо брата, гдѣ, описавъ все ничтожество семинарскихъ руководителей, послѣдній говоритъ: „какъ видишь, на нихъ (т. е. руководителей) возложить свои мечты нельзя: опора слишкомъ не надежная. Что же дѣлать?—А что дѣлаетъ скотъ, овцы и лошади, когда въ холодѣ остаются безъ крова и тепла? Они жмутся другъ къ другу, сбиваются въ кучи. Жмитесь и вы ближе другъ къ другу, собирайтесь кучице. Какъ говорятъ американцы, помогайте сами себѣ!“ (стр. 28)... Постниковъ изъ товарищей-малышей организуетъ кружокъ, гдѣ ведутся возвышенныя бесѣды, и изучается Евангеліе—въ огражденіе отъ семинарской пошлости и отъ „волковъ“. Въ ободреніе кружка самъ Постниковъ вѣщаетъ знаменательныя рѣчи: „На волковъ глядѣть нечего... На то они и волки, чтобы ляскать зубами... а цѣлая стая одной горящей головни боится. Тоже и люди—волки. И они горящей головни, яркой правды, когда имъ смѣло ею въ глаза ткнешь, боятся...

Пришелъ Христосъ-Спаситель, вошелъ съ горящей правдой Божіей въ стаю волковъ, ткнулъ ею имъ въ глаза,—и разбѣжалось все стадо... Нѣтъ, братъ, волковъ бояться нечего... иди только смѣло!" (стр. 47)... Смѣло и горячо говорить Постниковъ, но только не по дѣтамъ и положенію малыша.

И самъ авторъ, повидимому, спохватывается скоро, какую непосильную роль навязалъ онъ „затѣйнику“, и для подъема семинарскаго духа, для организациіи среди семинаристовъ облагораживающихъ, просвѣтительныхъ начинаній опредѣляетъ въ семинарію новаго идеальнаго надзирателя—Николая Платоныча Великина. Великинъ скоро привлекаетъ къ себѣ умы и сердца семинаристовъ, которыхъ онъ отечески-ласково зоветъ „милыми глупышами“. Пламенные, образныя рѣчи самого о. Петрова, вложенныя въ уста идеальнаго надзирателя, способны расшевелить хоть мертваго. Въ нихъ чувствуется неподдѣльная, захватывающая душу искренность; разнообразіе и цвѣтистость сравненій и примѣровъ, иллюстрирующихъ мысль; призывъ отыскивать живую душу въ каждомъ человѣкѣ, беречь и хранить Божіе добро; увлекательное изображеніе пастырскаго служенія, необходимости для него нравственнаго самосовершенствованія и строгой подготовки—все это, говоря безотносительно, такіе перлы, какихъ мало найдеть въ нашей литературѣ юноша-семинаристъ. Страницы, посвященныя описанію дѣятельности Великина въ семинаріи, положительно прекрасны!.. Но кратковременна была эта дѣятельность, и не Великину суждено было побороть косность и мракъ семинарскаго режима. Его просвѣтительныя начинанія, близость къ семинаристамъ и благотворное вліяніе на нихъ возбудили противъ него ожесточенную вражду начальства въ лицѣ инспектора—„Навуходносора“, и Великинъ покинулъ своихъ „милыхъ глупышей“, которые едва не возбунтовались изъ-за ухода своего любимца-руководителя.

Послѣ Великина семинарія опять погрузилась въ рутину, мракъ и прозябаніе. Постниковъ съ своими единомыш-

ленниками принужденъ былъ затаить высшіе порывы и кружковья начинанія, отдавшись семинарской наукѣ, „развивая внѣшнія логическія способности и память“. Только при переходѣ Постникова въ V классъ надъ несчастной семинаріей засвѣтился снова яркій лучъ сознательно-разумной жизни. Носителемъ этого луча явился новый инспекторъ, іеромонахъ о. Алексій Кроповницкій. Онъ сумѣлъ раскрыть предъ дремлющимъ и подавленнымъ схоластикой умомъ семинаристовъ свѣтлые горизонты. Хорошо описанъ авторомъ первый урокъ новаго инспектора въ V классѣ по Свящ. Писанію... „Въ классъ вошелъ монахъ въ простой потертой рясѣ, ласково оглянулъ всѣхъ и звонкимъ свѣжимъ голосомъ привѣтствовалъ:—Здравствуйте, друзья! говорю: „друзья“, потому что иду къ вамъ другомъ и надѣюсь, что и вы отнесетесь ко мнѣ, какъ друзья... Какъ не по-казенному онъ поздоровался съ классомъ, такъ необычно и началъ урокъ.—Я къ вамъ, друзья, пришелъ не учителемъ, но соученикомъ. Учитель у насъ одинъ—Христосъ, ученикомъ будутъ Его слова, св. Евангеліе, а урокомъ нашимъ будетъ наша жизнь. Настоящій экзаменъ по Свящ. Писанію будетъ не здѣсь, въ классѣ, а тамъ, за порогомъ школы, на вашихъ дѣлахъ“ (стр. 153—4). Потомъ о. Алексій сказалъ о малополезности изученія предмета по учебникамъ и призывалъ воспитанниковъ отыскивать „ядро, правду Божию“ въ Свящ. Писаніи.—„И вы, друзья мои,—говорилъ онъ,—если не хотите довольствоваться трухой и сами войти трухой безплодной въ жизнь, идите дальше кодексовъ и исторіи текстовъ... Я, съ своей стороны, сосредоточу все вниманіе на томъ жизненномъ смыслѣ Слова Божія, который вамъ нуженъ будетъ, какъ хлѣбъ насущный“ (стр. 157).—Долго послѣ звонка тянулся первый урокъ о. Алексія; воспитанники забыли время и сидѣли, какъ очарованные...

Новый инспекторъ явился „будильникомъ“ спящей семинаріи и сосредоточилъ вокругъ себя юныя семинарскія силы, умѣло подготавливая ихъ къ предстоящему пастырскому

подвигу. Семинаристы запросто собирались у о. Алексія за чайнымъ столомъ и слушали его вдохновенныя бесѣды. Ожилъ, воспрянулъ тогда и Постниковъ, ставшій первымъ любимцемъ идеальнаго инспектора, который въ юномъ героѣ повѣсти прозрѣвалъ идеальнаго и самоотверженнаго дѣятеля-пастыря. — „На тебя можно положиться, — говорилъ Кроповницкій Постникову: — не обманешь, не сдашь, не притупишься“ (стр. 192)¹⁾.

У.

Таковы три идеальныхъ персонажа первой части „Затѣйника“, въ которыхъ авторъ воплощаетъ свои завѣтныя думы и мечты. Это — ангелы, спустившіеся съ неба прямо въ семинарскую бездну, чтобы освѣтить ея мрачное дно... Безотрадно положеніе и состояніе семинаріи, по изображенію о. Петрова, и съ внѣшней и съ внутренней стороны. „Зданіе семинаріи стояло среди пустырей и тянулось длиннымъ-длиннымъ ящикомъ... По срединѣ ящика во всѣхъ трехъ этажахъ тянулись безконечныя коридоры, гдѣ пахло то щами, то горохомъ, то распаренной треской... Семинаристы называли коридоры шахтами... Начальство отбирало отъ праздника до праздника верхнее платье учениковъ, чтобы не убѣгали въ городъ, и въ свободное время имъ не оставалось другого мѣста для прогулокъ, какъ ихъ шахты. Въ такой шахтѣ не хотѣлось смѣяться, негдѣ было пробѣжать, нельзя было громко крикнуть, запѣть, расправить грудь... Невеселая была прогулка, и врядъ ли могли зародиться здѣсь свѣтлыя мысли. Узкая мрачная шахта не располагала къ мечтамъ о широкихъ горизонтахъ“ (стр. 39 и дал.).

Совсѣмъ подстать тюремно-каторжной картинѣ семинарскаго помѣщенія проходить по страницамъ „Затѣйника“ арти-

¹⁾ Здѣсь заканчивается I ч. „Затѣйника“, которой мы и ограничимся. Во II ч. „затѣйникъ“ уже священствуетъ, при чемъ среда и сослуживцы его изображаются въ очень непріятномъ свѣтѣ.

стически подобранная серия семинарских начальников и педагогов - учителей, способных своим убожеством умственным и нравственным, своей косностью убить в молодой душе все, что есть в ней от природы добраго и свѣтлаго. При поступленіи въ семинарію Постниковъ засталъ ректоромъ „простодушнаго старика“, котораго звали „тятей“, и который, кромѣ старческой „глуповатости“, ничѣмъ не отличался. Второ́й ректоръ—архимандритъ Симеонъ—окончилъ курсъ академіи „по монашескому смиренію, о Христвѣ палочкой“ (стр. 90). Онъ ничего не понималъ изъ наукъ, съ горя „заболѣвалъ“, а потомъ „кался, и слезы такъ и текли по его иконописному лицу“ (стр. 89—9). Сдѣлавшись ректоромъ, о. Симеонъ говоритъ семинарской корпораціи такую рѣчь: „Мнѣ очень лестно... Мѣсто мое такое высокое, такое тяжелое... Начальство мнѣ приказало, чтобы службы шли по долше... Такъ ужъ вы тово,—научите ихъ... А то какъ же?“.. (стр. 91). Семинаристамъ онъ говорилъ: „Учиться надо, господа. Вы будете хорошо учиться, а я буду васъ хорошо кормить... Самъ экономомъ былъ... А то—плохо будете учиться, начальство будетъ недовольно, а мнѣ—непріятности... Такъ ужъ вы безъ непріятности“ (стр. 92). Семинаристы смѣялись надъ рѣчью новаго ректора, смѣялись и потомъ надъ нимъ злымъ, ехиднымъ смѣхомъ... О. Симеона безъ труда забралъ въ руки инспекторъ—о. Никодимъ, іеромонахъ-академикъ, прозванный за свирѣпый нравъ „Навуходоносоромъ“.

О. Никодимъ—личность грубо-террористическая. Онъ былъ бичемъ для семинаріи, и этимъ бичемъ былъ изгнанъ свободный духъ изъ семинаристовъ и насадитель его Великинь. Будучи еще сельскимъ священникомъ, до академіи, онъ говорилъ о своихъ прихожанахъ: „Это не люди, а—дубье. Ихъ никакимъ словомъ не проймешь. Они только и чувствуютъ, когда ихъ огрѣбешь хорошенько“ (стр. 48). Добиваясь лишь кафедры епископа, онъ не питалъ любви ни къ дѣлу, ни къ ученикамъ.—„Обломы, ослы, дурачье, скоты,

для которыхъ нуженъ хорошій бичъ“ (стр. 99), отзывался о. Никодимъ о семинаристахъ.

Серія монстровъ-начальниковъ семинаріи у о. Петрова дополняется еще двумя ректорами—о. Діомидомъ и о. Теогностомъ. „О. Діомидъ былъ сравнительно молодъ. Ему не минуло еще и тридцати лѣтъ. Цвѣтущаго здоровья, красивый, ходилъ онъ всегда нарядный,—ряса шелковая, волосы расчесаны, руки бѣлыя, холенныя; онъ обратилъ вниманіе на внѣшность и семинаристовъ, но дальше внѣшности дѣло не пошло. Завелъ онъ торжественныя богослуженія, выбравъ десятокъ красивыхъ мальчиковъ для прислуживанія“... Но не научилъ о. Діомидъ семинаристовъ молиться и чрезъ годъ „исчезъ съ семинарскаго горизонта“ (123—125).

Верха виртуозности достигаетъ нашъ авторъ въ изображеніи о. Теогноста. „О. Теогностъ былъ ражій мужчина, громаднаго роста, съ большими руками и ногами. Ступаль тяжело, словно давилъ что подъ собою. Взглядъ исподлбья, вся голова и лице заросли волосами...—Ну, и дядя!—говорили семинаристы, увидавъ его:—не приведи Богъ столкнуться съ такимъ на глухой дорожкѣ!“ (стр. 128). Онъ тоже говорилъ вступительную рѣчь: „Господа, я къ вамъ, тово-тово, да, назначенъ ректоромъ. Ректоръ, господа, начальство, а начальство, тово-тово, существуетъ, да, существуетъ для дисциплины... Я, тово-тово, человекъ дисциплины... Кто будетъ противъ дисциплины, тотъ будетъ, тово-тово, противъ меня... Я предупредилъ васъ, тово-тово... Прощайте, господа“ (стр. 129)... Послѣ такого вступленія можно уже судить, какъ начальствовалъ о. Теогностъ—последній ректоръ при Постниковѣ.

Взглянемъ теперь на удивительную галерею семинарскихъ наставниковъ. Хороша и она! Учитель математики и физики Твердохлѣбовъ, старѣйшій изъ педагоговъ, отличается благодушіемъ, никого не обидѣлъ, но никого и не научилъ математикѣ. „Кажется, и самъ *Leviathan*,—его прозвище,—не зналъ ея никогда. Злые языки говорили, что онъ изучалъ

ее до таблицы умноженія включительно“ (стр. 16). Свящ. Писаніе въ первыхъ классахъ преподаеть Богоявленскій; по прозвищу—*Филистимлянинъ*, данному за то, что онъ угнетаетъ души семинаристовъ, въ плѣну держитъ смыслъ Слова Божія. „За уроками онъ *балдитъ* и сукопнымъ языкомъ пересказываетъ главы“ (стр. 21—22). Лучше другихъ преподаватель исторіи Котовичъ. „Вся семинарія его любитъ и зоветъ *Лордомъ* за его либерализмъ. Онъ постоянно воюеть съ ректоромъ и не хочетъ ходить въ семинарскую церковь“ (стр. 23—24). Гомилетику преподаеть Мельницкій, по прозвищу *Васька Колесо*. Прозвище дано ему за кривыя поги и за то, что онъ на урокахъ *колеситъ*, рассказываетъ пошлыя анекдоты и смѣшитъ классъ. Авторъ съ любовію останавливается на его шутовскомъ урокъ, чтобы, вѣроятно, въ свою очередь, посмѣшить читателей, и заключаетъ его характеристику восклицаніемъ: „И этотъ шутъ 20 лѣтъ готовитъ къ проповѣдничеству!.. Не мудрено, что Златоустовъ не выходитъ!“ (стр. 140—144)... Учитель педагогики—самаго жизненнаго, практическаго предмета—Целебринскій является представителемъ схоластики, притомъ—самой худшей, семинарской. *Ондрейчъ*, какъ зовутъ его семинаристы, глушитъ семинаристовъ теоріями, именами:—„Это, братцы, тяжелая артилерія, орудіе крѣпостное, не Васькѣ Мельницкому чета. Васька—мелкая шрапнель, а Ондрейчъ—десятипудовая бомба!“ (стр. 148). Ондрейчу придана въ *pendant* ко всему медвѣжья фигура и низкопробная оригинальность.

Вотъ предъ нами—весь начальствующій и учащій семинарскій пантеонъ, зло, насмѣшливо нарисованный авторомъ въ „Затѣйникѣ“ и снабженный, для наглядности, шутливыми иллюстраціями, снятыми едва ли не съ портретовъ живыхъ личностей. Впрочемъ, что же? Осмѣивать, такъ осмѣивать до конца, и если уязвить кого, то уязвить ужъ надо побольше...

VI.

Приведенное нами въ точныхъ выдержкахъ содержаніе новаго произведенія о. Петрова должно, думаемъ, убѣдить всякаго въ справедливости нашего взгляда на его литературную дѣятельность и на ея преходящее, второстепенное значеніе. Изобразить духовную среднюю школу въ видѣ мрачной „тюрьмы-звѣрища“, въ которомъ томятся и рвутся напрасно къ свѣту и Божіей правдѣ три идеальныя, возвышенныя души, могла только пылкая и вольная фантазія именно фельетониста-публициста, судить котораго за преувеличенія, а порой и за искаженіе истины у насъ не принято, въ особенности если его перомъ водить передовая, руководящая идея. О. Петровъ дѣйствительно въ своемъ „Затѣйникѣ“ горячо ратуетъ за поправленіе правды, свободы, добра и свѣта въ семинаріяхъ и пригвождаетъ къ позорному столбу ихъ враговъ, клеймя ихъ безъ пощады насмѣшкой и позоромъ. Но при этомъ публицистическое увлеченіе сыграло, кажется, съ нашимъ авторомъ злую и недобрую шутку: въ пылу увлеченія, онъ, взявшійся освѣщать жизнь при свѣтѣ евангельской правды, исказилъ, представилъ въ ложномъ свѣтѣ предъ довѣрчивымъ читателемъ хорошо знакомую послѣднюю дѣйствительность. Своимъ изображеніемъ современной духовной семинаріи съ ея внѣшней и внутренней стороны онъ даетъ нашей интеллигенціи лишній поводъ и основаніе чураться духовенства, относиться къ нему съ недоверіемъ и презрѣніемъ, какъ это и выражаетъ одинъ интеллигентъ въ началѣ очерка... Досадно и обидно... Досадно тѣмъ болѣе, что разубѣждать въ данномъ случаѣ интеллигентныхъ читателей и почитателей о. Петрова—едва ли не напрасный трудъ: вѣдь онъ для нихъ авторитетъ непогрѣшимый!..

Не споримъ,—много темныхъ сторонъ, несовершенствъ представляетъ и во внѣшнемъ строѣ и въ организациіи учебно-воспитательнаго дѣла современная духовная школа наравнѣ съ учебными заведеніями другихъ вѣдомствъ. Несовершен-

ство постановки школьнаго дѣла, недостатки внѣшней и внутренней организаціи учебныхъ заведеній сильно озабочиваютъ въ послѣднее время и общество, и правительство, и наше духовное вѣдомство. Но того, что изображаетъ о. Петровъ въ своемъ „Затѣйникѣ“, не можетъ даже быть:—это преувеличеніе явное и злостный шаржъ. Одно нужно сказать—не такими произведеніями рѣшаются вопросы жизни и воспитанія. Вопросъ о современной, идеальной постановкѣ воспитанія и обученія въ школахъ—вопросъ принципиальный и едва ли разрѣшимый въ полной мѣрѣ. Воспользуемся здѣсь манерою о. Петрова для поясненія нашей мысли. Изобрѣсть искусственный аппаратъ для вывода цыплятъ смогъ американецъ: для этого нужны были только влажность и теплота насѣдкина гнѣзда. Но создать идеальную школу, гдѣ бы каждый начальникъ, воспитатель и учитель замѣнилъ всецѣло для чужихъ дѣтей родного отца, а тѣмъ болѣе—нѣжно любящую родную мать, нѣсколько потруднѣе. А между тѣмъ, о. Петровъ требуетъ отъ руководителей школьнаго дѣла волшебнаго перерожденія въ родныхъ отцовъ и матерей по отношенію къ воспитанникамъ,—по крайней мѣрѣ, таковы его идеальные персонажи, напр.—Великинъ. Конечно, мечтать можно обо всемъ, можно представлять предъ читателемъ неосуществимыя утопіи и широкіе горизонты; только не привели бы они къ неправильному отношенію къ несовершенной дѣйствительности: къ ропоту, недовольству, протесту и огульному осужденію всего и всѣхъ...

Не оттого ли, въ самомъ дѣлѣ, и замѣчается въ современной русской жизни не мало нестроений, въ русскомъ обществѣ—превратныхъ взглядовъ, крайнихъ мнѣній, что мы легко вѣримъ каждой печатной передовой статьѣ, каждому фельетону и на подобномъ шаткомъ основаніи построимъ свои убѣжденія и свои взгляды на явленія и факты окружающей насъ родной русской дѣйствительности? Не оттого ли многимъ кажется она какимъ-то мрачнымъ, неустроеннымъ хаосомъ, и мечтательно настроенная мысль порывается куда-

то въ неопредѣленное пространство, отвращаясь отъ живого дѣла и довольствуясь ненужнымъ, бесплоднымъ ропотомъ и протестомъ... Да, странное переживаемъ мы время, странные у насъ являются писатели, и странные пишутъ они книги намъ въ руководство и назиданіе... А мы слушаемъ! Думается, во многомъ выиграла бы русская жизнь, значительно прояснились бы наши взгляды и сужденія о совершающихся предъ нами фактахъ и различныхъ явленіяхъ этой жизни, если бы приучились мы внимательнѣе относиться къ самой жизни, вдумываться въ нее и каждому писателю, каждой книгѣ отводить подобающее имъ мѣсто... Тогда бы и о Петровѣ *всѣми* своими сочиненіями не могъ производить сенсаціи, не всегда соответствующей ихъ дѣйствительной цѣнности. Напрасны, поэтому, думаемъ, были на него нападки и нѣкоторыхъ критиковъ нашей духовной журналистики, требовавшихъ невозможнаго—богословской обоснованности и всесторонней разработки избранныхъ имъ религиозныхъ темъ. *Suum cuique*. Если и могутъ въ данномъ отношеніи произведенія о Петрова и его дѣятельность возбуждать тревожные вопросы и недоумѣнія, то скорѣе всего—принципіальнаго свойства, именно:—позволительно ли, *прилично* ли съ строго-церковной, православной точки зрѣнія, оставляя исторически-выработанныя формы и приемы распространенія Христовой истины, пользоваться для этой же цѣли свѣтскими фельетонно-публицистическими приемами журналистики и выносить безцѣнное сокровище вѣры нашей—святое Евангеліе, такъ сказать, на улицу, изъяснять его по своему въ нижнихъ этажахъ газетныхъ листковъ?—Это вопросъ—дѣйствительно мучительный и тревожный для тѣхъ многихъ еще русскихъ православныхъ людей, которые относятся съ особеннымъ благоговѣніемъ къ Слову Божию и учительству Церкви.

С. А. В.

Приготовление къ пастырскому служенію въ католичествѣ.

(Продолженіе¹⁾).

Постановка учебнаго дѣла въ католическихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ постановкой воспитанія. И здѣсь такъ же имѣется въ виду не всестороннее гармоническое развитіе силъ и способностей души, а сообщеніе именно того, что необходимо знать католическому священнику, и притомъ въ такомъ видѣ, какъ это желательно видѣть у него. Если воспитаніе имѣетъ въ виду развитіе католическихъ добродѣтелей, то цѣлю обученія является выработка католическихъ убѣжденій и католическаго образа мыслей.

Такъ какъ время обученія не во всѣхъ католическихъ семинаріяхъ одинаково продолжительно, то, само собою понятно, и учебныя программы въ разныхъ семинаріяхъ различны. Но различіе между ними существуетъ только съ количественной стороны: тѣмъ продолжительнѣе время обученія, тѣмъ съ большею подробностью и основательностью проходятся учебные предметы; въ качественномъ же отношеніи, со стороны количества и распредѣленія предметовъ, со стороны плана и методовъ преподаванія, между всѣми католическими семинаріями существуетъ поразительное единообразіе. Если время (напр., при четырехлѣтнемъ курсѣ) не позволяетъ пройти обычную программу семинарскую въ требуемой полнотѣ, то ее сокращаютъ не выкидываніемъ изъ нея нѣкоторыхъ менѣе нужныхъ предметовъ, а сокращеніемъ курса каждаго отдѣльнаго предмета. Въ виду этого, у католиковъ существуетъ цѣлая серія *кампендіумовъ*; большею частію іезуитскаго происхожденія, содержащихъ въ себѣ сокращенное изложеніе всѣхъ церковныхъ наукъ. Зависитъ указанное нами единообразіе отъ того, что въ основѣ учеб-

¹⁾ См. № 39-й за 1905-й г.

наго плана во всѣхъ католическихъ семинаріяхъ лежитъ іезуитскій планъ обученія: „Ratio et institutio studiorum societatis Iesu“. Этотъ планъ, выработанный въ 1588 году пятью оо. іезуитами, тотчасъ былъ примѣненъ на практикѣ и потомъ, по испытаніи, былъ обнародованъ въ 1599 году генераломъ ордена Клавдіемъ Аквавивою. Впослѣдствіи онъ былъ измѣняемъ два раза: въ первой половинѣ XVIII столѣтія и въ 1832 году. Генрихъ Ротанъ, при послѣдней передѣлкѣ, выразился, что здѣсь дѣло идетъ не о новомъ планѣ, а только о примѣненіи стараго къ потребностямъ новой эпохи: „ничего существеннаго нельзя измѣнить въ планѣ, котораго превосходство доказано двухвѣковымъ опытомъ“¹⁾.

По Ratio studiorum, весь курсъ обученія распадается на два отдѣла: низшій, studia inferiora, состоящій въ изученію грамматики и реторики, и высшій; studia superiora, состоящій въ изученіи философіи и богословія. Такого же порядка придерживаются и семинаріи. Всѣ предметы семинарскаго курса раздѣляются на три группы: низшую—грамматику и реторику, и двѣ высшихъ—философію и богословіе.

Въ „низшемъ обученіи“ главное вниманіе обращается на латинскій языкъ. „Ученики должны изучать латинскій языкъ, какъ живой,—говоритъ Ratio studiorum:—они должны умѣть на немъ читать, писать и говорить. А для этого они должны изучать его не только въ классѣ на урокахъ, но и въ свободное время; въ товарищескихъ разговорахъ должны пользоваться имъ же. Съ этою цѣлію Ratio studiorum рекомендуетъ даже особую мѣру—позорный значекъ, который на дѣвается на того, кто заговоритъ на своемъ родномъ языкѣ. Если получившій значокъ не отдастъ его въ тотъ же день товарищу, то подвергается легкому наказанію. Эта мѣра употребляется въ нѣкоторыхъ низшихъ семинаріяхъ и до сихъ поръ. Такое серьезное отношеніе къ изученію латинскаго языка нисколько не удивительно, если примемъ во вниманіе

¹⁾ Паротць. Исторія всеобщей педагогики.

то значеніе, какое онъ имѣеть для католическаго священника. Для него латинскій языкъ есть языкъ богослуженія, языкъ Церкви и языкъ ученыхъ богословскихъ сочиненій; на немъ ведется и преподаваніе въ *большой семинаріи*, на немъ же читаются лекціи на богословскихъ факультетахъ университетовъ ¹⁾.—Въ курсъ латинскаго языка, входитъ изученіе латинской грамматики, синтаксиса и реторики. Образцомъ слога считается Цицеронъ, и воспитанникамъ рекомендуется употреблять въ своихъ письмахъ и письменныхъ упражненіяхъ цicerоновскіе обороты рѣчи. Параллельно съ латинскимъ языкомъ проходитъ грамматика и реторика родного языка и кое-что изъ греческаго.

Такимъ образомъ, низшее обученіе носитъ чисто литературный, формальный характеръ. Цѣль его заключается въ томъ, чтобы научить воспитанника правильно писать и говорить на латинскомъ и родномъ языкахъ, чтобы развить и воспитать его природныя способности и приготовить къ усвоенію высшихъ—философскихъ и богословскихъ—наукъ. Предметы, входящіе въ составъ этого обученія, „суть только орудія (*les instruments*) образованія, а не пища для молодыхъ умовъ ²⁾. И все-таки ими ограничивается все общее образованіе католическаго священника, потому что высшій курсъ, *studia superiora*, носитъ уже узко-спеціальный характеръ. Гуманитарныя науки, какъ исторія и литература ³⁾, совершенно изгнаны изъ семинарскаго образованія: онъ, какъ объясняетъ это изгнаніе Aubry, обладаютъ опаснымъ свойствомъ возбуждать энтузіазмъ и увлекать молодыхъ людей, и притомъ самыхъ способныхъ, самыхъ многообѣщающихъ.

¹⁾ Бронзовъ. Христ. Чт., 1896, т. II.

²⁾ I. V. Aubry. *Les grands Séminaires. Essai sur la methode des études ecclesiastiques en France*, p. 87.

³⁾ Въ русскихъ католическихъ семинаріяхъ, по требованію правительства, проходитъ русская литература. Какъ она проходитъ, мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ, русскія семинаріи въ этомъ отношеніи составляютъ исключеніе. Въ испанскихъ семинаріяхъ проходитъ всеобщая исторія, но въ теченіе только одного года.

Увлеченіе же ими охлаждаетъ стремленіе къ изученію богословія, заставляетъ находить Евангеліе сухимъ и скучнымъ ¹⁾. Проходится этотъ низшій курсъ обыкновенно въ *малыхъ* приготовительныхъ семинаріяхъ, и гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ въ объемъ его производится экзамень при поступленіи въ *большую*, діоцезную семинарію. Въ Испаніи прохожденію курса *малыхъ* семинарій посвящается *четыре* первыхъ года въ діоцезныхъ семинаріяхъ; оттого-то тамъ весь семинарскій курсъ и продолжается такъ долго—до 14 лѣтъ.

Studia superiora—философія и богословіе—составляютъ курсъ *большихъ*, діоцезныхъ семинарій. Преподаваніе этихъ наукъ ведется въ чисто схоластическомъ духѣ. При этомъ должно замѣтить, что схоластика католическихъ семинарій есть не историческій пережитокъ, потерявшій свой *raison d'être* и существующій лишь въ силу традиціи, а постоянная тенденція римской Церкви, и притомъ тенденція, ясно сознаваемая и достаточно мотивированная. Въ Англии и Франціи въ концѣ XVIII-го и особенно въ началѣ XIX столѣтія, подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній общественной жизни, новой философіи и новой науки, появилось новое направленіе въ семинарскомъ образованіи. Стали вводить въ число предметовъ новую философію, естественныя науки, стали употреблять новые методы и приемы обученія: схоластическая философія, испоконъ вѣковъ царившая въ семинаріяхъ, осталась въ пренебреженіи ²⁾. Ультрамонтане забили тревогу. Въ этомъ направленіи они почували опасность для Церкви и всего католическаго міра и стали въ немъ видѣть причину всевозможныхъ бѣдъ и несчастій. Всѣ общественныя бѣдствія и государственныя нестроенія, сама французская революція были, по ихъ мнѣнію, вызваны оставленіемъ въ духовныхъ семинаріяхъ схоластики ³⁾. Въ противовѣсъ новому направле-

¹⁾ Le grands Séminaires, p. 101.

²⁾ Herzog. Bd. IV, s. 500.

³⁾ Aubry. Les grands Séminaires, p. 160.

нію, въ средѣ людей, причастныхъ дѣлу образованія духовенства, сформировалась особая группа, на знамени которой было написано: „Назадъ! назадъ къ Риму, назадъ къ схоластикѣ! въ нихъ спасеніе католической Церкви, въ нихъ обновленіе міра!“ Книга Жана Баптиста Обри: „Les grands Séminaires“ вся представляетъ одинъ этотъ крикъ, вырвавшийся изъ убѣжденного и наболѣвшаго сердца. Съ высоты апостольскаго престола также стали раздаваться неоднократные призывы, приглашавшіе всѣ католическія семинаріи и университеты вернуться къ законнымъ схоластическимъ системамъ и схоластическимъ учителямъ¹⁾. И дѣйствительно, возвращеніе къ схоластикѣ началось въ настоящее время на всемъ католическомъ Западѣ, не только въ семинаріяхъ, но и на богословскихъ факультетахъ университетовъ, гдѣ такъ же безраздѣльно царитъ схоластика, какъ она царила въ стѣнахъ средневѣковыхъ университетовъ²⁾. *А. Кактынь.*
(Окончаніе слѣдуетъ).

Окружныя пастырскія собранія.

Никогда еще такъ лихорадочно не бился у насъ пульсъ общественно-государственной жизни, никогда еще такими гигантскими шагами не шла она впередъ по пути своего поступательнаго развитія, никогда еще Россія не переживала въ этомъ отношеніи и смыслъ такихъ великихъ и важныхъ событій и реформъ, какъ въ настоящее время. Общее движеніе не могло не отразиться и на приходскомъ духовенствѣ.

¹⁾ Левъ XIII издалъ особую энциклику о философіи, обнародованную 4 августа 1879 года, въ которой рекомендуетъ изучать философію по Томѣ Аквинату (Aubry, p. 162). Еще въ бытность свою Іоакимомъ Печчи, Перуджійскимъ епископомъ, онъ усердно водворялъ. Тому Аквината въ духовныхъ школахъ своего діоцеза и даже открылъ въ Перуджии особую „Томинскую Академію“ (Христ. Чт., 1878, VIII, 228). Такою же любовью къ схоластикѣ отличался и предшественникъ Льва XIII Пій IX (Aubry, Les grands Séminaires, p. 19).

²⁾ Бронзовъ. Христ. Чт., 1896, т. II.

Параллельно съ небывалымъ оживленіемъ свѣтской періодической печати наблюдается весьма замѣтное и такъ желательное оживленіе и періодической печати духовной. На страницахъ различныхъ епархіальныхъ вѣдомостей все чаще и чаще появляются статьи и замѣтки, ясно и наглядно свидѣтельствующія о томъ, что властно царившія доселѣ среди нашего приходскаго духовенства рутинна, косность и какое-то совершенно непонятное, ничѣмъ необъяснимое апатическое отношеніе къ событіямъ окружающей жизни и дѣйствительности отходятъ въ область преданій. Съ нѣкоторыми изъ подобныхъ статей и замѣтокъ читатели „Руководства для сельскихъ пастырей“ знакомы уже по предшествовавшимъ №№ журналовъ, въ настоящей же разѣ мы имѣемъ въ виду остановить вниманіе ихъ на небольшой статейкѣ Смоленскихъ епархіальныхъ вѣдомостей, принадлежащей перу анонимнаго автора, объ окружныхъ пастырскихъ собраніяхъ.

Окружныя пастырскія собранія (или съѣзды) настолько необходимы для обсужденія разнаго рода назрѣвающихъ вопросовъ, и польза ихъ настолько громадна и очевидна, что объ этомъ нѣтъ надобности даже и говорить. Гораздо важнѣе въ данномъ случаѣ, такъ сказать, столкнуться о самой ихъ организаціи.

Участниками окружныхъ пастырскихъ собраній, по мнѣнію автора, должны быть одни только священники. Привлекать къ нимъ діаконовъ и псаломщиковъ—это, съ одной стороны, значитъ осложнять дѣло, а съ другой—и не вызывается ровно никакими особенными нуждами; такъ какъ діаконы и псаломщики, при подачѣ своихъ мнѣній, всегда обыкновенно являются эхомъ или своего настоятеля, или же благочиннаго, который представляется имъ чѣмъ-то въ родѣ полновластнаго и безапелляціоннаго вершителя ихъ судебъ. Притомъ же, священники, обсуждая на своихъ собраніяхъ тѣ или другіе вопросы и улучшенія, а равно и способы проведенія ихъ въ жизнь приходскаго духовенства, будутъ дѣлать это не для себя только лично, а и для всѣхъ членовъ

причта, такъ какъ они слишкомъ тѣсно связаны съ послѣдними по службѣ и вмѣстѣ составляютъ нераздѣльную единицу—*приходскій причтъ*.

Совмѣстное обсужденіе и рѣшеніе очередныхъ вопросовъ епархіальнаго съѣзда, выборъ депутата, обмѣнъ мнѣній и обсужденіе различныхъ случаевъ изъ пастырской практики, новая, вслѣдствіе Указа 17-го апрѣля, постановка миссіонерскаго дѣла и многіе другіе предметы общаго пастырскаго служенія—все это должно бы сближать окружныхъ пастырей и дѣлать необходимымъ частое, даже постоянное между ними общеніе. Не то видимъ на дѣлѣ. Не рѣдкость, что сосѣдсвенники далеко не дружно живутъ между собою и при случайныхъ встрѣчахъ ограничиваются обыкновенно только чисто внѣшнею корректностью отношеній, избитыми, шаблонными разговорами о политикѣ и хозяйствѣ: Сердечной теплоты взаимныхъ отношеній нѣтъ и въ поминѣ; вопросовъ изъ пастырской практики всячески избѣгаютъ, видимо, или боясь показать себя не состоятельными въ этой области, или же зная за собой какую-либо неисправность въ пастырскомъ дѣлѣ.

Въ такихъ ненормальныхъ и прямо-таки фальшивыхъ отношеніяхъ священниковъ другъ къ другу авторъ винитъ отчасти оо. благочинныхъ, которые или не умѣютъ, или не хотятъ взять на себя инициативу объединенія окружныхъ пастырей, возможно частаго между ними взаимнаго общенія, возгрѣванія въ нихъ того духа, о которомъ говоритъ апостоль: „духа (въ себѣ) не угашайте“ (1 Тессал. 5, 19): Между тѣмъ, священникъ, какъ и всякій человекъ, всецѣло представленъ самому себѣ, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, можетъ ослабѣть духомъ, впасть въ прегрѣшенія и ошибки, исцѣленіе отъ которыхъ онъ могъ бы найти именно въ пастырскихъ окружныхъ собраніяхъ, гдѣ, подъ вліяніемъ общенія съ опытными сопастырями, онъ можетъ обновиться духомъ и пріобрѣсти надлежащую твердость въ истиннопастырскомъ служеніи. Заведутъ благочинныя частыя пастырскія собранія, будутъ руководить ими въ духѣ христіанскаго

и истиннаго взаимообщенія; внушать себѣ и сопастырямъ отбросить ложный стыдъ и быть искренними въ сознаниі своихъ недостатковъ и желаніи искоренить ихъ,—и не замедлитъ сказаться громадная польза этихъ собраний не только для пастырей, но и для пасомыхъ. И прекратятся тогда толки о нестроеніи русскихъ приходовъ и необходимости ихъ обновленія, такъ какъ обновленіе это можетъ и должно начаться дружными и совмѣстными усиліями приходскихъ пастырей, имѣющихъ полную возможность черезъ пастырскія собранія получить всѣ духовно-нравственныя средства для этого. Если приходскіе пастыри начнутъ сами дѣло обновленія приходской жизни, первые внесутъ въ нее свѣжую струю истинно-христіанскихъ и искреннихъ отношеній между собою и къ паствѣ, то и высшая духовная власть не замедлитъ притти къ нимъ на помощь и дать свою санкцію въ улучшеніи и устроеніи тѣхъ или другихъ сторонъ приходской жизни.

Тѣ или другія стороны приходской жизни, послѣ обсужденія ихъ на пастырскихъ окружныхъ собраніяхъ, должны подлежать затѣмъ также обсужденію (черезъ депутатовъ) на епархіальныхъ сѣздахъ, которые, по мнѣнію автора, слѣдовало бы называть *собраніями, соборами*. Эти послѣдніе обыкновенно все свое время проводятъ главнымъ образомъ въ обсужденіи различныхъ хозяйственныхъ дѣлъ епархіи, прибавокъ, отбавокъ и взносовъ. Но естественнѣе и цѣлесообразнѣе было бы хозяйственнымъ дѣламъ епархіи отвести второе мѣсто, первое же по праву должно принадлежать вопросамъ пастырскаго характера. Матеріаль въ изобиліи доставятъ окружныя пастырскія собранія черезъ своихъ депутатовъ, совокупность которыхъ и составляетъ *епархіальное духовное собраніе, или епархіальный духовный соборъ* (нынѣ—*епархіальный съездъ*).

Пастырскія окружныя собранія естественнѣе всего устраивать въ домахъ оо. благочинныхъ, такъ какъ эти послѣдніе должны быть и ихъ предсѣдателями. Въ случаѣ отказа какого-либо о. благочиннаго, въ округѣ, безъ сомнѣ-

нія, всегда найдутся священники, которые съ полною готовностью примутъ своихъ собратій и даже сочтутъ это за честь для себя. Если бы, далѣе, тотъ или другой благочинный, у котораго, главнымъ образомъ, желательно видѣть пастырскія окружныя собранія, какъ у лица авторитетнаго, стѣснялся расходомъ на приемъ священниковъ, то не можетъ быть и рѣчи, что никто изъ нихъ не откажется внести причитающуюся съ него долю;—и это будетъ дѣломъ справедливымъ, а потому—и нисколько не щекотливымъ.

Самымъ удобнымъ временемъ для окружныхъ пастырскихъ собраній можетъ быть—*зимю*: время между 6 и 20-мъ числами декабря мѣсяца, когда священники освобождаются уже отъ служенія Никольскихъ молебновъ и еще не начинаютъ молитвословить по приходу предъ праздникомъ Рождества Христова; *лѣтомъ*—время Петрова поста. Противъ этого послѣдняго времени нѣкоторые могутъ возразить, что на него падаютъ такія важныя хозяйственныя работы, какъ вывозка навоза на поля, пашня, скородьба; къ тому же—какъ быть въ такомъ случаѣ съ сборомъ „петровщины“ въ приходѣ?—Признавая ссылку на хозяйственныя работы заслуживающею вниманія, относительно „петровщины“ авторъ прямо говоритъ, что пора оставить этотъ унижительный сборъ сметаны и яицъ, который доставилъ—и продолжаетъ доставлять—много матеріала для различныхъ „смѣхотворныхъ“ анекдотовъ, а еще болѣе того—пищи для глумленій надъ духовенствомъ со стороны „виѣшнихъ“: убытокъ отъ этого получится небольшой, польза же душевная—громая.—По нуждѣ и вообще требованію обстоятельствъ, могутъ быть устраиваемы также *экстренныя* окружныя пастырскія собранія, для которыхъ лучше всего выбирать время приблизительно незадолго предъ енархіальнымъ съѣздомъ.

Въ виду желательности присутствія на собраніяхъ *непретѣнно* *всѣхъ* наличныхъ священниковъ округа (для чего, конечно, необходимо усиленное воздѣйствіе на болѣе „лѣнивыхъ отцовъ“ со стороны благочиннаго), могутъ сказать, что

нельзя оставлять *большого прихода* безъ священника.—Но въѣдъ и въ большомъ и въ маломъ приходѣ одинаково могутъ быть экстренныя требы—совершеніе таинствъ крещенія и покаянія. А затѣмъ—случай рожденій слабыхъ младенцевъ и немедленнаго, въ виду этого, крещенія ихъ такъ рѣдки, что эти случаи нельзя считать серьезнымъ препятствіемъ къ полусуточной или суточной отлучкѣ священника изъ прихода. Внезапныя же—и притомъ весьма сравнительно частыя въ практикѣ—требованія священника для совершенія таинства покаянія можно предотвратить очень просто и легко. Для этого священнику слѣдуетъ только разъ въ полтора мѣсяца (въ *шесть недѣль*) самому объѣзжать деревни своего прихода для исповѣди и причащенія старыхъ, больныхъ и немощныхъ, съ предварительнымъ о времени своего приѣзда оповѣщеніемъ прихожанъ,—и случаи внезапныхъ требованій священника днемъ и ночью съ свв. Тайнами сократятся до мншима.

Нѣкоторые священники, въ личныхъ бесѣдахъ съ авторомъ, указывали, между прочимъ, неудобство въ томъ, что для какихъ бы то ни было окружныхъ собраній необходимо всякій разъ разрѣшеніе епархіальнаго начальства; другіе же довольно прозрачно выразили свое несочувствіе всякимъ вообще подобнымъ собраніямъ—отчасти по присущей русскимъ людямъ халатности, а отчасти—считая ихъ какимъ-то ограниченіемъ благочинническихъ правъ и преимуществъ, получить которыя такъ мечтаетъ чуть ли не каждый священникъ.

Первое мнѣніе, полагающее окружныя пастырскія собранія безъ разрѣшенія епархіальнаго начальства незаконными, едва ли найдетъ подтвержденіе у послѣдняго, такъ какъ собранія эти должны происходить по почину и распоряженію благочиннаго, который во всякомъ случаѣ, по своей должности, до нѣкоторой степени являетъ изъ себя органъ того же епархіальнаго начальства. Да притомъ, по этому мнѣнію пришлось бы считать незаконными и разныя земскія собранія, волостные сходы и проч. т. п. А если это и такъ, т. е., если дѣйствительно самостоятельныя во главѣ съ благочиннымъ—окружныя пастырскія собранія въ глазахъ духовнаго начальства, безъ его разрѣшенія, являются незаконными, то чего же проще—*узаконить* ихъ? Для этого стоитъ лишь „епархіальному собранію (съѣзду) депутатовъ“ сдѣлать постановленіе о вмѣненіи благочиннымъ въ обязанность не менѣе *двухъ* разъ въ годъ собирать всѣхъ священниковъ округа и затѣмъ просить епархіальнаго архіерея утвердить это постановленіе,—и окружныя пастырскія собранія получатъ, такимъ образомъ, юридическую санкцію. Весь вопросъ

только въ томъ, достанетъ ли у оо. депутатовъ, какъ говорится, „гражданскаго мужества“ провести такое постановленіе, въ особенности, если въ числѣ ихъ будетъ много благочинныхъ, хотя выборы послѣднихъ въ депутаты и противорѣчатъ указамъ Св. Синода (20 авг. 1870 г. № 50-й; 13-го мая—5-го іюля 1872 г.; 23-го сентября 1875 г. № 41-й).

Что касается *второго* мнѣнія, то оно высказывается главнымъ образомъ оо. благочинными, считающими себя лишь обязанными, по должности „поповскаго старосты“, собирать разные сборы съ церкви и причтовъ и представлять отчеты начальству, подобно тому, какъ это дѣлаютъ сельскіе старосты. Заставить такихъ оо. благочинныхъ войти въ жизнь пастырей и приходовъ и принять мѣры къ улучшенію, чрезъ пастырскія собранія, различныхъ сторонъ приходской жизни, очевидно, можно не иначе, какъ путемъ давленія извнѣ. А это послѣднее можетъ сдѣлать епархіальное духовенство чрезъ своихъ оо. депутатовъ соответствующимъ постановленіемъ и ходатайствомъ предъ епархіальнымъ пресвященнымъ объ устроеніи окружныхъ пастырскихъ собраній.

Такимъ образомъ, окружныя пастырскія собранія *всѣхъ* священниковъ округа могутъ быть устраиваемы безъ всякаго ущерба для прямыхъ пастырскихъ обязанностей по приходу, и возможно скорое проведеніе ихъ въ жизнь сколько желательно, столько же и настоятельно необходимо. Пользу они принесутъ несомнѣнную, и притомъ громадную, но подъ *непрелымымъ* условіемъ полной искренности и благожелательности во взаимныхъ отношеніяхъ какъ со стороны руководителей собраній—оо. благочинныхъ, такъ и со стороны ихъ участниковъ—окружныхъ священниковъ. Остальное все приложится само собой, и окружнымъ пастырскимъ собраніямъ, подъ указаннымъ условіемъ, можно смѣло предсказать самую свѣтлую и многообѣщающую будущность.

Редакторъ Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 25-го сентября 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 41.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года октября 9-го.

Содержаніе: Государственная Дума. I. Учрежденіе Государственной
Думы.—Вѣчный миръ (окончаніе).—Къ вопросу о предполагаемой
реформѣ духовныхъ семинарій.

Государственная Дума

Учрежденіе Государственной Думы.

Время, переживаемое нынѣ Русской землей, должно быть отнесено къ разряду самыхъ тяжелыхъ. Собирались грозныя тучи надъ головой русскаго народа долго и, собравшись, стремятся закрыть собою весь небосклонъ. Приведены въ настоящее время въ движеніе всѣ силы, издавна таившіяся въ разнообразныхъ слояхъ русскаго народа, чтобы въ конецъ потрясти съ великими скорбями и муками созданный могучій организмъ Россійскаго царства, чтобы унижить все прошлое Русской земли и на этомъ униженіи въ своихъ основахъ потрясеннаго государства создать, — если, конечно, силъ хватить, —

нѣчто такое, что своею внѣшнею формою походило бы на другія государства, или,—что еще хуже,—сдѣлать попытку осуществить мечтанія о полной анархіи.

Да, дѣйствительно приведены въ движеніе всѣ разрушительныя силы. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ сознательно развращалось наше юношество,—и кѣмъ?—тѣми корпораціями (конечно, не во всемъ ихъ составѣ), которыя призваны были къ насажденію среди юношества науки, добра, любви къ труду. И во имя чего? Во имя того, что поверхностно усвоено на Западѣ, что тамъ, на Западѣ-то самомъ, уже подвергается серьезному осужденію. Даже болѣе—во имя того, что вездѣ и всегда признавалось источникомъ общественнаго разрушенія, гибели всего прибрѣтеннаго человѣчествомъ въ области мысли, морали и внѣшней культуры,—что неизбѣжно должно вести и привести къ одичанію. И наше юношество, приученное къ политиканству,—этому совершенно не трудному, а главное—совершенно и ни передъ кѣмъ неотвѣтственному роду занятій,—въ настоящее время представляетъ изъ себя нѣчто невообразимо печальное, готовое и способное почти только на одно—разрушеніе.

Россія, совершенно не подготовленная къ войнѣ, первая изъ всѣхъ державъ заговорившая о вѣчномъ мирѣ и призывавшая голосомъ своего Монарха всѣ народы къ мирному, путемъ взаимныхъ уступокъ, разрѣшенію спорныхъ между народами вопросовъ, была втянута въ тяжелую войну съ хорошо подготовленнымъ врагомъ,—да однимъ ли? И не смотря на это, сыны ея или вѣрше—тѣ, коихъ она считала своими сынами, сдѣлали все, чтобы навязанная война была неудачна, унижительна: нужно было снаряжать эскадру,—начались повальные забастовки именно на тѣхъ заводахъ, гдѣ приготавлилось все снаряженіе для этой эскадры. Какова могла быть по существу своему подготовка эскадры при такихъ условіяхъ,—понятно само собою. Нужно было войска посылать на востокъ,—и эти призываемыя войска, долженствовавшія грудью стоять за честь народа, нерѣдко доходили до

такого позора, что грабили русских же людей. Шли на тот же востокъ медики, ихъ призывали, чтобы лѣчить заболѣвшихъ и раненыхъ, а многіе изъ нихъ везли и несли съ собою прокламаціи, призывавшія къ возмущенію, неповиновенію, и этими прокламаціями, какъ ядомъ, разслабляли армию, соперничая въ этомъ отношеніи съ японцами, тоже закидывавшими наши передовыя позиціи на русскомъ языкѣ отпечатанными прокламаціями... Результаты извѣстны.

Этого для враговъ русской земли мало было; сильна была русская земля и во дни тяжкихъ военныхъ неудачъ на морѣ и сушѣ; нужно было потрясти эту ея силу внутреннюю. И вотъ начинаются движенія рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, народныя движенія (лучше сказать—буйства), называемыя аграрными,—все это растетъ, а еще больше раздувается „свободною“, на самомъ же дѣлѣ злобною печатью... И общество, и, что еще хуже, власти, долженствовавшія знать дѣйствительную силу и значеніе всѣхъ этихъ движеній,—растерялись, что еще болѣе облегчало разрушительную работу внутреннихъ и внѣшнихъ нашихъ враговъ. Только этою растерянностію и можно объяснять такія событія, какъ бунтъ „Потемкина“, сожженіе одесской гавани и т. п. Но внѣшніе наши враги и явные „друзья“ мира,—скорѣе же всего Японія,—понимали, что ни происшедшими на морѣ и сушѣ военными неудачами, ни „внутренними потрясеніями“, о которыхъ съ необыкновенной охотой и любовью оповѣщали весь міръ „Сыны Отечества“ и имъ подобныя „прогрессивныя“ органы нашей періодической печати, Русскаго государства довести до изнеможенія нельзя, а потому употребили всѣ усилія, чтобы склонить Русское Правительство къ „почетному миру“. Съ этого момента начинается внутренняя „подготовка“ Россіи къ миру; Финляндія, прибалтійскія и польскія губерніи приходятъ въ необыкновенное волненіе, начинаются грабежи, убійства, пожары и сожженія чуть ли не цѣлыхъ городовъ,—и все это совпадаетъ, какъ нельзя кстати, съ переговорами о „почетномъ“ мирѣ; начинается

рѣзня на Кавказѣ, заканчивающаяся полнымъ разореніемъ нефтяныхъ промысловъ... Сотни милліоновъ исчезаютъ изъ народнаго кармана... Все это такъ нужно было... И миръ былъ заключенъ. Что же, успокоились тѣ, которые вопили о необходимости мира? Ничуть! Всѣ, кто такъ страстно, по-видимому, желалъ мира, кто призывалъ и Правительство и общество русское къ уступчивости, къ тому, чтобы „во что бы то ни стало“ заключить миръ,—теперь не менѣе жельно и съ явною цѣлю раздражать общественное мнѣніе—разъясняютъ, что миръ заключенъ не „почетный“, а позорный... Что же это все значитъ?

Этотъ вопросъ не можетъ быть оставленъ безъ разрѣшенія. Откуда къ намъ пришли всѣ эти бѣды, такъ жестоко потрясающія русскую жизнь? Гдѣ причина ихъ? Какія средства необходимо употребить, чтобы, съ одной стороны, ободрить растерянное и педоумѣвающее русское общество, а съ другой—увачивать возникшія въ государственномъ организмѣ болѣзни?

Не мало великихъ потрясеній пережила въ своемъ историческомъ бытіи русская земля. Пронеслись надъ ней и времена злой татарщины, и смутныя времена, и бунты Разина и Пугачева, и пашествіе двадцати языковъ. И послѣ этихъ невзгодъ или нестроений земля русская не только не умалаялась внѣшне и духовно, но, напротивъ, крѣпла и ширилась. Гдѣ же она черпала силы въ борьбѣ съ названными тяжкими испытаніями?

Никогда русскую землю не оставляло сознаніе необходимости единой, сильной власти, вокругъ которой можно было бы сосредоточиваться всѣмъ созидательнымъ силамъ, подъ водительство которой можно было бы дать отпоръ силамъ разрушительнымъ. Это сознаніе, не оставлявшее лучшую и истинно-русскую часть русскаго общества даже въ такія минуты государственной жизни, когда, казалось, все уже погибло, спасало русскій государственный корабль и давало ему всегда возможность противостоять всѣмъ бурямъ и

непогодамъ и приводило не только къ установленію пошатнувшагося было положенія; но и къ вящему укрѣпленію государственности и энергичному осуществленію вѣковыхъ русскихъ политическихъ задачъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ—верховная власть, какія бы средотѣнія не возникали между ней и управляемымъ народомъ, всегда, и въ особенности въ минуты общенародныхъ бѣдъ, ощущала въ себѣ истинную близость къ народу, питала полное довѣріе къ здравому слыслу народному и, не смотря иногда на рѣзко выраженное недовольство и сѣтованія народныя на тѣ или другія нестроенія государственной жизни, смѣло обращалась къ этому народу и всегда находила въ немъ то, что необходимо было для строенія жизни, для устранения не порядковъ и несовершенствъ.

Въ этомъ тѣсномъ взаимномъ „единеніи“ царя съ народомъ и народа съ царемъ и крылась та для иноземцевъ непонятная сила, которая возвышала Русское государство, совершенствовала его во всѣхъ сторонахъ жизни, создала славу и могущество вѣншее. Таковое единеніе не всегда и не всѣми ясно сознавалось и потому не всегда имѣло для себя точно очерченныя формы вѣшняго выраженія, но оно жило въ глубинѣ души народной и являлось тою стихійною силой, которая, какъ законъ природы, всегда стремится выполнить и выполняетъ свое назначеніе.

Наше время—время великихъ тревогъ, не меньшихъ внутреннихъ болѣзней и опасностей. И всѣ эти тревоги, болѣзни и опасности, ощущаемыя большинствомъ населенія, требуютъ къ себѣ самаго серьезнаго вниманія, дабы возможно было понять ихъ не только въ источникъ, но и въ степени ихъ распространенности и значенія для будущаго. Народъ и созданное имъ Государство не могутъ жить въ постоянномъ страхѣ за завтрашній день, не могутъ болѣть, не зная свойства охватившей ихъ болѣзни. Свойство же всѣхъ этихъ печальныхъ явленій нашей современной жизни таково, что они не могутъ быть разсматриваемы, какъ явленіе временное,

скоропреходящее. Напротивъ, всѣ данныя жизни говорятъ намъ, что начавшіяся въ нашей жизни нестроенія мало-помалу приобрѣли характеръ борьбы различныхъ міровоззрѣній. История же наша, какъ и другихъ народовъ, говоритъ, что таковая борьба, полная всегда весьма серьезныхъ опасностей, требуетъ не только неослабнаго къ себѣ вниманія, но и разумныхъ, методически-сосредоточенныхъ и послѣдовательно развивающихся средствъ, пользуясь которыми государству возможно было бы безъ сильныхъ потрясеній общенародной жизни и безъ безцѣльныхъ и бесплодныхъ страданій—переработывать однѣ формы государственной жизни въ другія, одинъ складъ мыслей превращать въ другой и т. д.

Всегда внимательно слѣдившая за внутреннею и внѣшнею жизнью народа, всегда благо народное ставившая выше всего, Верховная Власть Россіи для удовлетворенія назрѣвшихъ нуждъ и въ полномъ согласіи съ исторіей народа русскаго и въ настоящее время, какъ и въ бывшя времена, восхотѣла обратиться къ помощи лучшихъ выборныхъ людей Русской земли. Слѣдствіемъ убѣжденія въ необходимости такового обращенія и явилось учрежденіе Государственной Думы.

Въ общественномъ мнѣніи, насколько оно выяснилось къ настоящему времени, учрежденіе Государственной Думы представляется разнообразно. Одни, отчасти не безъ основанія, видятъ въ немъ воскрешеніе когда-то (особенно въ XVI и XVII вѣкахъ) бывшихъ земскихъ соборовъ. Дѣйствительно, по существу вопросовъ и характеру рѣшеній ихъ, предоставленныхъ Государственной Думѣ, послѣдняя собою весьма напоминаетъ наши земскіе соборы; но отличается отъ нихъ постоянноію своего существованія, какъ одно изъ учрежденій всей государственной системы управленія. Такимъ образомъ Государственная Дума, состоящая изъ представителей всѣхъ частей русскаго народа, должна стать постоянною выразительницею взглядовъ всего государства предъ лицомъ Государя. Эта форма единенія и общенія между Государемъ и народомъ, его подданными, при сохраненіи основныхъ за-

коновъ русской государственной жизни, является болѣе совершенной и соотвѣтствующей интересамъ Русскаго государства въ современной стадіи его развитія. Крайне важно только, чтобы Государственная Дума по составу своихъ членовъ была выразительницей не крикихъ, одностороннихъ и, слѣдоват., вредныхъ теченій въ современной и послѣдующей русской жизни, а выразительницей взглядовъ и стремленій большинства населенія.

Другіе видятъ въ Государственной Думѣ,—и стараются внушить свой взглядъ другимъ,—только несовершенную, пожалуй даже неудачную форму западно-европейскаго представительства, притомъ *отвоеванную* у правительства усиліями „прогрессивной“ партіи или, какъ ее еще называютъ, „освободительной“. Этотъ разрядъ людей, къ коему по большей части принадлежатъ представители не русской національности и тѣ изъ послѣдней, которые даже дешевле, чѣмъ за чечевичную похлебку, продали и продаютъ первенство русскаго народа въ ряду всѣхъ народностей, входящихъ въ составъ Русскаго государства,—эти люди смотрятъ на Государственную Думу, какъ на первый успѣхъ въ борьбѣ за парламентаризмъ западно-европейскій, и потому теперь втихомолку и даже явно приготавливаются съ первыхъ же шаговъ дѣятельности новаго учрежденія превратить его въ арену борьбы и притомъ въ духѣ извѣстной великой французской революціи. Тѣмъ, кто не создаетъ Россіи, кто является только въ лучшемъ случаѣ напоснымъ слоемъ въ ней, а иногда прямыми паразитами, конечно, въ этой борьбѣ терять нечего: все, что они ни сдѣлаютъ, все будетъ для нихъ пріобрѣтеніемъ. Но для русскихъ-то людей эта борьба, превращающая Государственную Думу въ орудіе или арену для разныхъ честолюбивыхъ или сепаратическихъ вождельній и притомъ на первыхъ же порахъ ея дѣятельности, далеко не безразлична. Русскіе люди должны проникнуться яснымъ пониманіемъ значенія и дѣйствительнаго характера дарованнаго Государемъ новаго учрежденія и рѣшительно выступить

противъ всѣхъ, кто желаетъ не единенія и согласія съ своимъ Государемъ въ дѣлѣ созиданія государства, а замѣны собою власти самодержавной.

Высочайшій Манифестъ 6 августа, коимъ вводится въ жизнь новое государственное учрежденіе, являясь плодомъ свободнаго соизволенія Государя, вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть разсматриваемъ и какъ выраженіе желаній и стремленій лучшей части русскаго народа. Будучи опредѣленною формою такъ всѣми желаемаго единенія и согласія земли и ея Государя, Государственная Дума въ то же время, согласно предначертаніямъ своего Учредителя, не должна быть разсматриваема, какъ нѣчто вполне и навсегда законченное. Манифестъ 6 августа предусматриваетъ возможность и даже необходимость дальнѣйшаго, согласно указаніямъ опыта и жизни, совершенствованія ея. Въ этомъ залогъ будущихъ успѣховъ русскаго государственнаго строя, а, слѣдовательно, и удовлетворенія тѣхъ насущныхъ потребностей, которыя отчасти существуютъ или которыя могутъ находиться въ недалекомъ будущемъ. Необходимо только помнить, что ничто сразу не совершается, что постепенное, идущее въ уровень съ требованіями жизни совершенствованіе государственныхъ формъ вѣрнѣе всегда ведетъ къ намѣченнымъ цѣлямъ, а главное къ дѣйствительному совершенствованію.

М. Гн.

Вѣчный миръ.

(Окончаніе 1).

Въ настоящее время, когда окончилась кровавая драма, и весь міръ, истомленный ужасами войны съ восторгомъ привѣтствуетъ наступленіе мира, — въ настоящее время снова воскресаютъ мечты о всеобщемъ и вѣчномъ мирѣ на землѣ.

1) См. № 38-й за 1905-й г.

Снова громче и громче раздаются голоса, призывающие правителей народов и частных лиц всеми мѣрами содѣйствовать прекращенію вражды, укрѣпленію братскихъ чувствъ среди народовъ, водворенію вѣчнаго мира на землѣ. Въ старейшей Англии, игравшей самую активную (хотя закулисную) роль въ русско-японскомъ конфликтѣ¹⁾, образовалось международное общество подъ названіемъ *Potentia organisation*, имѣющее цѣлью содѣйствовать развитію взаимныхъ мирныхъ отношеній между государствами и бороться противъ воинственныхъ взглядовъ, а также противъ распространенія ложныхъ сообщеній и статей, рассчитанныхъ на возбужденіе воинственнаго духа.

Общество будетъ издавать свои журналы и сборники съ участіемъ извѣстныхъ лицъ всѣхъ націй и всевозможныхъ профессій, научныхъ, философскихъ, экономическихъ, политическихъ, художественныхъ и пр...

Юная же Америка, раздувавшая пламя дальневосточнаго пожара въ началѣ и съ такимъ блестящимъ успѣхомъ выступившая поборницею мира, по слухамъ, желаетъ завершить свой подвигъ созваніемъ второй мирной конференціи въ Гаагѣ.

По сообщенію же официальному петербургскаго агентства, эту миссію беретъ на себя Россія, уже выступавшая въ этой роли. Въ союзной же съ Россіей Франціи еще во время войны раздавался громкій и краснорѣчивый призывъ къ миру изъ устъ гражданина Жореса, лидера социалистической партіи. Его многонашумѣвшая рѣчь—красивая варіація на тему о вѣчномъ мирѣ между рабочими всѣхъ странъ²⁾. Но

¹⁾ Французскій публицистъ *Бруаръ* въ своей книжкѣ „*Le réveil de l'Asie*“ собралъ рядъ документальныхъ уликъ противъ закулисной агитаціи лорда Керзона въ Лондонѣ и Токио въ пользу объявленія войны. Подъ вліяніемъ послѣдняго Гаяши вызвалъ разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Россіей.

²⁾ „Мы, французскіе социалисты, — говоритъ Жорестъ, — отвергаемъ здѣсь, передъ вами, всякую мысль о войнѣ, всякое вооруженное обратное

не будем останавливаться на этих и других призывах и проектах организации мира: их проекты находят лучшую для себя оценку в их деятельности: „по плодам их узнаете их“.

Гимны войнъ всегда смѣняются гимнами миру: таковъ ритмъ исторіи, которая сохранила не мало именъ, что „какъ свѣтлыя звѣзды сіяютъ среди темной ночи почти непрекращающейся международной рѣзни“. Это имена мечтателей-философовъ, строившихъ благородные, но неосуществимые планы всеобщаго умиротворенія. Отъ Сюлли и Эмерика Крюса до Бенгтама и Канта ихъ рядъ идетъ безъ перерыва черезъ два столѣтія: это—такъ называемое „иренисты“. Духовнымъ родоначальникомъ ихъ былъ древній Киней, другъ и совѣтникъ царя Пирра ¹⁾. Но надъ всѣми этими, уже забытыми миротворцами высоко поднимается и ярко свѣтитъ образъ Того, Кто принесъ съ неба на бѣдную землю миръ и благоденіе. Къ Нему, Который обѣщаль ученикамъ дать „Свой миръ“ ²⁾, невольно обращаются взоры всѣхъ, серьезно

требованіе, заклиная Францію и Германію отказаться отъ всякой тайной вражды, отъ всякаго взаимнаго подозрѣнія и сосредоточить ихъ дѣйствіе на упроченіи мира, мы думали, что служили этимъ не только интересамъ международнаго пролетаріата, но и самымъ высокимъ интересамъ нашего и вашего народа... Въ этой столицѣ, Берлинѣ, въ которую наши солдаты входили раньше, чѣмъ ваши входили въ Парижъ, мы хотимъ укрѣпить, мы хотимъ объявить передъ дѣлымъ міромъ союзное соглашеніе французскаго рабочаго класса съ нѣмецкимъ. Мы хотимъ отвергнуть вмѣстѣ съ вами всякую мысль о международномъ насиліи; мы хотимъ вмѣстѣ ненавидѣть и удичить всѣхъ тѣхъ, кто бы они ни были, которые пытались бы привести къ столкновенію обѣ наши націи. Мы хотимъ противопоставить мирную, открытую, честную дипломатію международнаго пролетаріата безразсудной, жадной или лукавой дипломатіи капиталистическихъ и феодальныхъ правителей“.

¹⁾ Бар. Таубе М. А., проф. „Христіанство и международный миръ“. М. 1905. Изданіе „Посредника“ стр. 9—10. Объ „иренистахъ“ см. у пр. Л. Комаровскаго: „Успѣхи идеи мира“. М. 1899. В. Гессена — „О вѣчномъ мирѣ“. Канта И., „Вѣчный миръ“. Спб. 1899.

²⁾ „Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ: не якоже миръ даетъ, Азъ даю вамъ“ (Іоанн. 14, 27).

занятых проблемой мира: въ Его ученіи хотять найти они отвѣтъ на этотъ жгучій, мучающій ихъ вопросъ о вѣчномъ мирѣ. И они правы, конечно: ни социализмъ, ни другая доктрина, а только христіанская религія, какъ религія любви, можетъ объединить всѣхъ людей во вселенское братство; только она, заповѣдая любовь ко врагамъ и *eo ipso* въ принципѣ отвергая войну, можетъ водворить въ сердцахъ людей благоволеніе и на землѣ миръ. Но возможно ли не только въ близкомъ, но и въ отдаленномъ будущемъ полное и совершенное воплощеніе высокаго христіанскаго идеала въ нашей земной дѣйствительности?

Вотъ кардинальный вопросъ, который возстаетъ въ нашемъ сознаніи. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли не только полное осуществленіе высокой заповѣди о любви до смерти, но даже и примѣненіе ея въ области государственной международной жизни? Для насъ важны, въ данномъ случаѣ, не ходячіе взгляды, хотя бы они имѣли полное оправданіе въ современной дѣйствительности, а принципиальное рѣшеніе вопроса ¹⁾. Съ принципиальной точки зрѣнія, вопреки традиціонному отрицательному взгляду, дается положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ авторитетными специалистами въ области международнаго права ²⁾. По мнѣнію, напр. гр. Л. Комаровскаго, нравственные принципы христіанства могутъ и необходимо должны проводиться въ государственной жизни и международной политикѣ; мало того, онъ прямо указываетъ нравственный евангельскій принципъ, на которомъ должна основываться международная политика. „Основнымъ началомъ христіанской нравственности, для международныхъ сношеній, говоритъ графъ Комаровскій, является изреченіе Господа въ нагорной проповѣди: „вся убо, елика аще хотите, да творять вамъ челоуѣцы, тако и вы творите имъ“ (Мѣ. 7, 12), а

¹⁾ Выразителемъ наиболѣе распространеннаго взгляда на этотъ вопросъ является „политикъ“ выведенный Влад Соловьевымъ въ „Трехъ разговорахъ“.

²⁾ Гр. Л. Комаровскій, баронъ М. Таубе.

также: „въ ню же мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ“ (Мѡ. 7, 2). Къ этому началу сводятся всѣ институты практической международной жизни, и оно, въ сущности, есть лишь раскрытіе той новой глубочайшей заповѣди любви, которую завѣщаль Христосъ своимъ ученикамъ въ послѣдней бесѣдѣ съ ними: „заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы, да и вы любите себе“ (Іоан. 13, 34)¹⁾. Однако едва ли, думается намъ, можно признать приведенный взглядъ основательнымъ и аргументацію его состоятельною.

Прежде всего, нельзя первую заповѣдь считать лишь раскрытіемъ второй— „новой, глубочайшей заповѣди любви“. Первая заповѣдь, по духу своему, не специфически христіанская заповѣдь: это заповѣдь закона и пророковъ²⁾. Вторая же „новая“ заповѣдь, въ собственномъ смыслѣ, есть христіанская заповѣдь³⁾. Но можетъ ли эта новая и глубочайшая заповѣдь о любви до смерти быть основою для международных сношеній, руководящимъ принципомъ внѣшней политики? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить слова самого же гр. Л. Комаровскаго: „Государства говоритъ онъ, въ отличіе онъ отдѣльнаго человѣка, не подчиняются абсолютной морали, которая въ извѣстныхъ случаяхъ предписываетъ человѣку долгъ самопожертванія, ради служенія высшимъ и вѣчнымъ началамъ добра. Государства поставлены въ условія только земной жизни, безъ иного загробнаго существованія, они, какъ личности собирательныя, являются воплощеніемъ живущихъ въ нихъ народовъ и первый верховный для нихъ долгъ охранять эти народы и работать

¹⁾ Гр. Л. Комаровскій: „Христіанская нравственность и международныя сношенія“. „Вѣра и Церковь“ за 1903 г. кн. 5-я стр. 812 и слѣд.

²⁾ „И такъ во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними; ибо оъ этомъ законъ и пророки“.

³⁾ „Заповѣдь новую даю вамъ да любите другъ друга: якоже возлюбихъ вы, да и вы любите себя. Іоанн. 13, 34). Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя (15, 13). Азъ есмь пастырь добрый... и душу мою полагаю за овцы“ (Іоанн. 10, 14 - 15).

всячески надъ ихъ преуспѣяніемъ, а не приносить ихъ въ жертву какому-либо постороннимъ массамъ населенія“¹⁾.

Но если высокая заповѣдь о любви до смерти, специфически христіанская заповѣдь, не приложима въ жизни государства, какъ и исключительно земного учрежденія, по самой природѣ послѣдняго, то нельзя съ такою категоричностью говорить о христіанскомъ принципѣ для международныхъ сношеній и христіанской политикѣ. Очевидно, для государствъ, этихъ „собрательныхъ личностей“, существуютъ иные нормы поведенія, распространять же на взаимныя отношенія современныхъ политическихъ организацій требованія евангельской морали, въ сущности—то же, что пытаться экономическую жизнь, производство и распределеніе капитала, обосновать на Евангеліи. „Нельзя Евангеліе, справедливо говорить проф. Тарѣвъ, непосредственно прилагать къ рѣшенію государственныхъ вопросовъ: кесарево кесарю, Божіе Богу. На основаніи Евангелія нельзя устроить политики, общественной жизни... Заповѣдь о пренебреженіи къ богатству не можетъ вести къ экономическому благосостоянію; заповѣдь о любви ко врагамъ не создаетъ патріотизма! Непосредственное примѣненіе Евангелія къ рѣшенію политическихъ вопросовъ должно привести къ явному абсурду“²⁾. Исторія блестяще подтверждаетъ это. Императоръ Александръ I, заключая священный союзъ, намѣревался скрѣпить общую связь государствъ актомъ, основаннымъ на непреложныхъ истинахъ Божественнаго ученія, дать союзу государствъ и народовъ высшую религіозную санкцію, чтобы онъ „былъ для нихъ, какъ Евангеліе, обязателенъ по совѣсти, по чувству и по долгу“³⁾. Но Меттернихъ, искусно воспользовавшись религіозной подкладкой союза для своихъ цѣлей, религію сдѣлалъ орудіемъ своей макіавелистической

¹⁾ Ibid., 818 стр.

²⁾ Тарѣвъ М., проф. „Истина и символы въ области духа“. М. 1905. стр. 149, 98—99.

³⁾ Шиллеръ, III, 344.

политики и во имя Евангелія совершались страшныя жестоко-сти.—Гаагская конференція имѣла свою цѣль внести Евангельскія начала мира и любви въ жизнь и взаимныя отношенія народовъ. А лордъ Солисбери и Чемберленъ съ легкимъ сердцемъ использовали эти начала для своихъ, ничего общаго съ Евангелиемъ не имѣющихъ, политическихъ цѣлей,—и, ублажаемые чарующими звуками мирной симфоніи въ Гаагѣ, европейскіе народы съ спокойной совѣстью позволили разгромить христіанскій народъ. „Прочтите отчеты д-ра Реннекампа и д-ра Путема: какъ больничные бараки сжигались и лазареты обстрѣливались; вспомните простыя слова Боты: „погибло 20,000 женщинъ“. И у насъ эта война отняла даже вѣру во вліяніе христіанства. Христось!.. Я хотѣлъ бы видѣть ликъ Сына человѣческаго, идущаго по окровавленнымъ полямъ Южной Африки. Я хотѣлъ бы слышать Его проповѣдь среди дымящихся развалинъ! У ногъ Его—плачущія матери и умирающія дѣти; я вижу, какъ Онъ стоитъ, плача, у входа въ концентраціонный лагерь; съ какимъ удивленіемъ Онъ смотритъ на сборище въ соборѣ св. Павла (главная церковь Лондона), гдѣ христіане въ христіанской церкви благодарятъ Бога за такую побѣду надъ братьями и... сестрами, и... дѣтьми“¹⁾.

А китайскіе подвиги и ужасы русско-японской войны... Поневоля приходится сознаться, что не только прежняя, но и современная политика чужда началу христіанства. Въ ней сказываются, по справедливому замѣчанію Комаровскаго, „насильственныя завоевательныя тенденціи прежнихъ вѣковъ, хотя и прикрытыя современными масками, и онѣ въ одинаковой степени противорѣчатъ основному закону христіанской морали о любви ко всѣмъ людямъ и самой идеѣ мира, понимаемой согласно съ требованіями справедливости“.

¹⁾ Пасторъ Гиллотъ. „Мое послѣднее посѣщеніе президента Крюгера“. „Новости“.

Но, можетъ быть, показывая непримѣнимость высокаго христіанскаго идеала въ области государственной международной жизни и утверждая тѣмъ самымъ фактическую неустранимость войны, мы санкціонуемъ войну, оправдываемъ ее съ христіанской точки зрѣнія?

Это обвиненіе, не смотря на его явную логическую несостоятельность, часто возводится на христіанство. Не говоря уже о гр. Толстомъ, воззрѣнія котораго извѣстны, укажемъ, напр., на проф. Таубе, который возводитъ подобныя обвиненія на современное христіанство и представителей христіанскаго знанія. По мнѣнію послѣдняго, современное христіанство во взглядѣ на войну далеко уклонилось отъ христіанства первыхъ вѣковъ, истиннаго евангельскаго христіанства.

Христось отрицательно относился къ войнѣ. Всякія сомнѣнія относительно этого должны разсѣяться предъ простою и ясною, какъ Божій день, общею и категорическою заповѣдью „не убій“ — въ томъ широкомъ, неслыханно-безбрежномъ толкованіи, которое далъ ей Христось (Мѡ. 5, 21, 22 и слѣд.). Съ такою же ясностью и прямою, на основаніи евангельской заповѣди, рѣшался вопросъ о войнѣ въ христіанской общинѣ первыхъ 4-хъ вѣковъ нашей эры, какъ это видно изъ твореній авторитетныхъ руководителей ея; великихъ отцевъ и учителей церкви (Татіана, Аѡинагора, Тертуллиана, Климента Ал., Оригена, Кипріана и др.). Но съ теченіемъ времени, начиная съ 5 вѣка, „вокругъ этого яснаго вопроса постепенно образовалась цѣлая сложная аргументація, стремившаяся (и стремящаяся) доказать то лицемерно и съ полнымъ сознаніемъ допускаемой лжи, то бессознательно и „bona fide“, что не „убій“ можетъ иногда значить—„убивай“¹⁾. Ригоризмъ первыхъ вѣковъ христіанства въ воззрѣніяхъ на войну уступилъ мѣсто „морали компромисса“. Современные же взгляды на войну, проводимые

¹⁾ Бар. Таубе. „Христіанство и международный миръ“. Ibid., стр. 39, 40 и слѣд.

не только въ католической, протестантской, но и православной литературѣ, кажется барону Таубе прямо странными.

„И странно это тѣмъ болѣе, говорить онъ, что здѣсь передъ нею (правосл. литературой) во весь ростъ стоитъ гигантъ русской мысли, „великій писатель земли русской“. И вотъ, въ отвѣтъ на слова, которыя, какъ тараномъ, бьютъ застарѣлые предразсудки,—или полное молчаніе, или робкіи лепеть наивныхъ возраженій. Но кого удовлетворять официальные ссылки на старыхъ византийскихъ толкователей, на неизбежныхъ Зонару, Аристина и Вальсамона, съ ихъ постояннымъ противоположеніемъ двухъ великихъ отцовъ Церкви IV в.—святыхъ Василія и Афанасія? Одинъ говоритъ, что убивающихъ на брани три года нельзя допускать до св. причащенія, ибо „руки ихъ не чисты“; другой—что „доблестнымъ въ брани воздвигаютъ памятники, и что „убивать враговъ на брани и законно, и похвалы достойно“.

Гдѣ же выходъ? Выхода, конечно, нѣтъ для ортодоксальной точки зрѣнія, и профессоръ-специалистъ подтверждаетъ намъ это: „оба противорѣчивыхъ правила (св. Василія В. и св. Афанасія В.) перемѣшаны такъ, что и понять трудно“, говоритъ про нашу „Кормчую“ проф. Заозерскій¹⁾ и совѣтуетъ поступать „по обоимъ“. Это читаемъ мы въ статьѣ, специально посвященной нашему вопросу и направленной противъ Л. Н. Толстого... Кого удовлетворяютъ такіе совѣты? Или кого убѣдить еще такая новѣйшая аргументація: „война несомнѣнно позволена христіанамъ, ибо Іоаннъ Креститель на вопросъ воиновъ, что имъ дѣлать (Луки 3, 14), „не воспретилъ остаться въ ихъ званіи“, и даже Самъ Господь „не повелѣлъ капернаумскому сотнику оставить свою службу“...²⁾

¹⁾ Проф. Заозерскій „Отношеніе Св. Православной Церкви къ миру и войнѣ по ученію ея каноническаго права“ стр. 31. Рѣчь на годичномъ актѣ въ Москов. Дух. Акад. 1-го окт. 1896 г.

²⁾ Проф. А. Бронзовъ „Война“—статья въ Православной Богословской Энциклопедіи, т. III, стр. 700. Спб. 1902 г.

Протестантско-сектантскій міръ гораздо рѣшительнѣе и проще въ своихъ доказательствахъ. Побѣдители 1870 года привыкли узлы разрубать мечомъ. Христось специально войны нигдѣ не запрещаетъ. Что не запрещено, то дозволено. Слѣдовательно, война дозволена. „Новый Завѣтъ ни въ какомъ случаѣ войны не запрещаетъ“, резюмируетъ вопросъ извѣстный пѣмецкій профессоръ баронъ Штейнгель. Это, по крайней мѣрѣ, коротко и ясно.

Къ этому послѣднему выводу неизбежно должны свестись въ концѣ концовъ всѣ аргументы апологетовъ войны поученію христіанства. Жалкіе аргументы и жалкіе выводы! ¹⁾

Обвиненіе сильное и краснорѣчивое, но не справедливое. Аргументація кажется убѣдительной, потому что прямолинейна, но потому же она и не состоятельна.

Христіанство въ принципѣ отрицаетъ войну. Съ идеальной точки зрѣнія на этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Заповѣдь „не убій“—въ томъ широкомъ, неслышанно-безбрежномъ толкованіи, которое далъ ей Христось“, отрицаетъ войну. Заповѣдь о любви ко врагамъ (Мѡ. 5, 44) исключаетъ войну, ибо „любимый врагъ“ уже перестаетъ быть врагомъ, и съ нимъ нельзя воевать (Вл. Соловьевъ). Независимо отъ прямыхъ заповѣдей, война отрицается самымъ духомъ ученія Христова. Христіанство не можетъ воспитывать духа воинственности въ своихъ послѣдователяхъ. Тѣ ограниченія, которымъ Церковь подчиняетъ духовный чинъ въ сторону военнаго сословія, достаточно свидѣлствуютъ о ея взглядѣ по этому вопросу (Тарѣвъ).

Не можетъ быть сомнѣній, что съ точки зрѣнія христіанскаго идеала война не допустима. Но вопросъ-то въ томъ: можетъ ли подняться до этого идеала современная дѣйствительность? Основательно ли требовать и ожидать, чтобы идеалъ внутренней духовной жизни въ какой-либо моментъ

¹⁾ Бар. Таубе. Ibid. 52—54.

исторической жизни во всей полнотѣ осуществился въ объективной дѣйствительности? Это явно неосновательное требованіе: идеаль христіанскій вѣчень и недостижимъ, онъ не укладывается въ преходящія формы жизни, но всегда возвышается надъ жизнью и отчасти лишь достигается.

Съ другой стороны, христіанство чуждо законнической правды; оно не предписываетъ внѣшнихъ поступковъ, а дѣйствуетъ на духъ и настроеніе человѣка, изъ котораго вытекаютъ поступки. Высокія заповѣди евангельскія имѣютъ безусловное значеніе для тѣхъ, кто проникнуть высокимъ христіанскимъ настроеніемъ. Но нельзя брать отдѣльныя заповѣди, независимо отъ всего ученія Христова, и утверждать ихъ въ качествѣ безусловной нормы поведенія для всѣхъ, даже совершенно чуждыхъ христіанскаго духа и настроенія. Это буквальное, законническое пониманіе евангельскаго ученія, котораго держались іудеи, а въ наше время держатся сектанты, неизбежно ведетъ къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ; но въ нихъ, конечно, повинно не Евангеліе, а то схоластически-діалектическое направленіе, отъ котораго не могутъ отрѣшиться не только профессиональные богословы, какъ это принято обычно думать, но и свѣтскіе ученые, трактующіе религіозные вопросы.

Любовь ко врагамъ, совершенно исключая войну, предполагаетъ высокое христіанское настроеніе. При наличности идеальной христіанской настроенности, заповѣдь о любви ко врагамъ имѣетъ безусловное значеніе—и война становится психологически невозможной; но такое идеальное настроеніе не создается одною этою заповѣдью, взятою отдѣльно, а достигается чрезъ постепенное усвоеніе человѣкомъ, при содѣйствіи благодати Св. Духа, всего ученія и жизни Христовой. При отсутствіи же христіанской настроенности, заповѣдь о любви ко врагамъ будетъ кимваломъ бряцающимъ. Если въ сердцахъ людей царитъ вражда и эгоизмъ, то война между ними, въ настоящемъ или будущемъ, неизбежна, какъ естественное слѣдствіе такого настроенія. Нельзя на обновѣ

эгоизма построить величественное здание любви. Поэтому-то не состоятельны и наивны притязанія социализма, мечтающаго посредством общественной организаціи, основанной на эгоизмѣ, достигнуть братства народовъ и водворить миръ на землѣ. „Нѣтъ такой алхиміи, посредствомъ которой можно бы было получить золотое поведеніе изъ свинцовыхъ инстинктовъ“¹⁾. Явно несостоятельно мнѣніе графа Толстого, полагающаго, что главною причиною войнъ являются государи и правительства, и что поэтому, съ уничтоженіемъ правительствъ уничтожатся и войны²⁾. Не потому существуетъ война, что существуетъ правительство, войско, полиція, а на оборотъ: послѣднее является слѣдствіемъ перваго. „Военная и всякая вообще принудительная организація есть не зло, а слѣдствіе и признакъ зла. Такой организаціи не было и въ поминѣ, когда невинный пастухъ Авель былъ убитъ по злобѣ своимъ братомъ. И пока Каиновы чувства не исчезли въ сердцахъ людей, солдатъ и городовоі будуть не зломъ, а благомъ; вражда противъ государства и его представителей есть все-таки вражда,—и уже одной этой вражды къ государству было бы достаточно, чтобы видѣть необходимость государства“³⁾.

Несправедливо и логически несостоятельно обвинять христіанство и тѣхъ, кто признаетъ фактическую неустранимость войны, въ оправданіи послѣдней. Христось Спаситель, принесшій миръ и любовь на землю, въ то же время говорилъ: „мните ли, яко миръ придохъ дати на землю; ни, глаголю вамъ, но раздѣленіе“ (Лук. 12, 51). Онъ, заповѣдавшій любить враговъ, говорилъ ученикамъ и въ ихъ лицѣ всѣмъ послѣдователямъ своимъ о послѣднихъ временахъ: „услышати имате брани и слышанія бранемъ, зрите, не ужасайтесь: подобаетъ бо всѣмъ симъ быти“ (Мѣ. 24, 6). Значитъ ли, что Христось оправдывалъ войну? Но въ той же эсхатологи-

¹⁾ Гербертъ Спенсеръ. „Грядущее рабство“.

²⁾ Толстой Л. „The one thing needful“ („Единственно необходимое“) — статья, появившійся въ англійскихъ газетахъ.

³⁾ Соловьевъ Вл. Собраніе сочиненій, т. VII, стр. 417—418.

ческой бесѣдѣ Христосъ говорить объ оскудѣннѣ вѣры и любви на землѣ¹⁾. Значить ли, что Христосъ Спаситель оправдываетъ это явленіе? Выводъ ясенъ. Ученіе Христа—абсолютная истина; христіанство—абсолютная духовная жизнь. Нужно возвыситься до пониманія неизмѣримо высокихъ и глубоко жизненныхъ истинъ ученія Христова. Поверхностное отношеніе къ истинѣ съ роковою необходимостью приводитъ къ заблужденію и безысходнымъ противорѣчіямъ.

Идеаль христіанскій вѣченъ, внѣ условій мѣста и времени, внѣ преходящихъ формъ жизни, не мирится съ жизнью, всегда возвышается надъ нею, предносится предъ человѣчествомъ, какъ яркая звѣзда, манить къ себѣ, вѣчно тревожитъ человѣческій духъ, влечетъ его впередъ и впередъ, все выше и выше.

„И одновременно съ кипящею враждою народовъ, сквозь бранные клики и шумъ оружія, не перестаетъ раздаваться въ христіанскихъ храмахъ вѣчный зовъ къ братской любви и миру. И этого властнаго зова не заглушить ни земнымъ громамъ, ни болѣе мощному, чѣмъ громы, суетловію человѣческому“ (Аксаковъ). Осуществится ли и когда осуществится этотъ идеаль?

„Нова же небесе и новы земли по обѣтованію Его чаемъ, въ нихже правда живетъ“ (2 Петр. 3, 13). „Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ: не якоже миръ даетъ, Азь даю вамъ: да не смущается сердце ваше, ни устрашаетъ“ (Іоанн. 14, 27). *Ан. Максаковъ.*

---

¹⁾ И за умноженіе беззаконія изсякнетъ любви многихъ“ (Мѡ. 24, 12). „Сынъ человѣческій придетъ убо обрѣцетъ ли(си) вѣру на землѣ“ (Лук. 18, 8).

Къ вопросу о предполагаемой реформѣ духовныхъ семинарій.

Въ настоящее время съ большою настойчивостью говорятъ и пишутъ о необходимости коренной реформы нашей духовной школы. Находятъ, что дух. школа не выполняетъ своего прямого назначенія и не даетъ обществу тѣхъ добрыхъ пастырей, которыхъ оно такъ сильно желаетъ имѣть. Чтобы стать на вѣрный путь въ рѣшеніи вопроса о духовной школѣ, прежде всего, мы думаемъ, необходимо констатировать причины печальнаго состоянія ея въ настоящее время. Это мы и попытаемся сдѣлать. Самое главное зло нашихъ семинарій, это, безспорно, то, что въ семинарію юноши весьма часто поступаютъ не потому, что чувствуютъ влеченіе къ богословскому образованію и къ пастырскому служенію, а потому, что семинарія—единственный для нихъ выходъ, выходъ естественный, съ трудомъ устранимый; равнымъ образомъ, и изъ семинарій юноши идутъ на пастырское служеніе не по внутреннему влеченію, не по призванію, а по необходимости. Правда, юноши съ болѣе или менѣе сильнымъ характеромъ, съ болѣе или менѣе сложившимися убѣжденіями прокладываютъ себѣ путь то въ разныя высшія учебныя заведенія, то на военную службу, то въ разныя управленія; но многіе и многіе юноши-семинаристы, не находя въ себѣ достаточно силъ бороться съ семейными обстоятельствами, съ настойчивыми уговорами родныхъ, съ предстоящей имъ нуждой, идутъ въ священники, идутъ естественно проторенной дорогой, хотя ихъ вовсе не влечетъ на эту дорогу: благо, на этой дорогѣ они могутъ рассчитывать на кусокъ хлѣба. Самый фактъ повального подчасъ бѣгства юношей, получившихъ въ теченіе болѣе десяти лѣтъ богословское образованіе, готовившихся къ пастырскому или сродному съ нимъ служенію, въ военныя училища, въ акцизные управленія и проч.,—самый этотъ фактъ весьма печальнаго свойства. Къ чему же расходовались юныя силы на изученіе не-

любимыхъ и чуждыхъ духу юноши наукъ? къ чему затрачивались на него трудовые гроши родителей? къ чему тратились силы лицъ, стоящихъ у дѣла семинарскаго образованія?—Во всякомъ случаѣ, въ данномъ положеніи не обходится и безъ ломки нравственной, безъ *потугъ* душевныхъ: юноша, чуждый семинарскому духу, дисциплинѣ, не расположенный къ наукамъ богословскимъ, припужденъ съ ненавистью или отвращеніемъ подчиняться условіямъ своего положенія, учить то, къ чему онъ не имѣетъ никакого расположенія. Юноша рѣдко способенъ выбирать золотую средину въ отношеніи къ окружающей его средѣ; нерасположенный къ дисциплинамъ семинарскимъ, онъ сначала внутренно мучится своимъ положеніемъ, потомъ становится къ нимъ во враждебно-отрицательное отношеніе, — и постепенно изъ него выработывается типъ семинариста-отрицателя — типъ весьма некрасивый и болѣе или менѣе извѣстный въ русской жизни и въ русской литературѣ. Каково же можетъ быть — и въ дѣйствительности есть — вліяніе этихъ семинаристовъ-отрицателей на своихъ товарищей? — Самое развращающее. Молодой неокрѣпшій умъ юноши съ еще не окончательно сложившимися убѣжденіями сначала со страхомъ и недоумѣніемъ, а потомъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ прислушивается къ рѣчамъ отрицателя-семинариста. У многихъ такихъ юношей постепенно начинаетъ колебаться вѣра, расшатываются нравственные устои подъ вліяніемъ рѣчей отрицателей. Сколько чистой вѣры въ душахъ своихъ товарищей загаситъ такой скептически настроенный юноша своимъ отношеніемъ къ изучаемымъ имъ наукамъ!..

Но еще болѣе зла приносятъ такіе юноши, если они, по необходимости или по стеченію обстоятельствъ, вступаютъ на поприще пастырскаго служенія. Хорошо, если жизнь и болѣе спокойное отношеніе къ окружающей обстановкѣ измѣнятъ ихъ; но прежде чѣмъ это совершится, сколько муки, душевной ломки испытаютъ они безъ вѣры, безъ преданности своему дѣлу! А если эта благодѣтельная переменѣна не

совершится совѣмъ, то какого пастыря будетъ представлять такой юноша?..

По нашему мнѣнію, предполагаемая реформа семинарій должна обратить самое серьезное вниманіе на то, чтобы возможно широкое богословское образованіе получали и принимали пастырское служеніе юноши, руководствуясь не условіями своей сословной жизни, не роковою необходимостью, а личнымъ расположеніемъ, личными склонностями. Мнѣніе, что дѣти духовенства преимущественно или даже исключительно расположены къ священническому служенію, нужно признать ложнымъ въ корнѣ, какъ ложнымъ нужно признать и то мнѣніе, что юноша, по какимъ бы то ни было причинамъ поступившій въ незрѣломъ и неопредѣлившемся возрастѣ въ духовную школу, по тому самому долженъ итти въ священники, какое бы направленіе потомъ ни приняло его духовное и нравственное развитіе. Это послѣднее нужно имѣть въ виду во всякомъ случаѣ, какъ бы хорошо и идеально ни было поставлено воспитаніе. Священническое служеніе прежде всего требуетъ склонности, любви,—и никакое воспитаніе не можетъ, по нашему мнѣнію, привить юношѣ склонность, если ея не было, какъ—и даже больше—не можетъ привить оную склонности къ медицинѣ, архитектурѣ, привить художественнаго таланта. Юноша долженъ быть поставленъ въ такія условія, чтобы тогда, когда его убѣжденія и склонности опредѣлятся, онъ могъ избирать или не избирать священническое служеніе; могъ выбирать себѣ болѣе подходящій видъ общественной дѣятельности, не теряя въ послѣднемъ случаѣ ничего; чтобы, слѣдовательно, избраніе именно священническаго служенія было совершенно свободнымъ, а не опредѣлялось и не вынуждалось сознаниемъ столькохъ лѣтъ напрасно потеряннаго труда и времени, мыслию, что лишь на этомъ поприщѣ ему обезпеченъ кусокъ хлѣба и представленіемъ борьбы, подчасъ нележкой и во всякомъ случаѣ не для всякаго посильной, если онъ откажется отъ проторенной дорожки и захочетъ итти той дорогой, куда

влекутъ его уже опредѣляющіяся убѣжденія и склонности. Это, во всякомъ случаѣ, тотъ идеаль, къ какому должна стремиться духовная семинарія, если она не хочетъ, на ряду съ истинными пастырями, воспитывать и священниковъ-наемниковъ, ремесленниковъ.

Другое слабое мѣсто нашихъ духовныхъ семинарій—отсутствіе въ нихъ надлежащаго воспитанія. Намъ кажется, что въ вопросѣ о созданіи и устройствѣ новой духовной школы главное вниманіе должно быть направлено именно на воспитаніе.

Есть недочеты въ семинарскомъ образованіи, но все же семинарское образованіе теперь достаточно для будущихъ пастырей и руководителей народнаго образованія. Можно желать основательнаго пересмотра и значительной переработки программъ семинарскихъ дисциплинъ въ смыслѣ сокращенія однихъ и расширенія другихъ, соотвѣтственно съ назрѣвшими требованіями времени и движеніемъ богословской науки; но нельзя отрицать сравнительно высокой постановки образованія въ семинаріяхъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ семинаріяхъ съ воспитаніемъ въ смыслѣ выработки въ будущихъ пастыряхъ Церкви опредѣленнаго, соотвѣтственнаго ихъ высокому положенію, мировоззрѣнія, отношенія къ окружающимъ явленіямъ жизни, предначертанія опредѣленнаго характера жизнедѣятельности. Если правильно поставленное, неуклонно преслѣдующее ясно намѣченныя цѣли воспитаніе совершенно справедливо признается необходимымъ спутникомъ всякаго образованія во всѣхъ сословіяхъ и во всѣхъ общественныхъ положеніяхъ, тѣмъ болѣе не должно быть ничего случайнаго, неустойчиваго, нетвердаго и неопредѣленнаго въ воспитаніи семинаристовъ—будущихъ служителей Церкви, пастырей народа. Тутъ дурное воспитаніе или отсутствіе воспитанія можетъ повредить не только самимъ юношамъ, но чрезъ нихъ зло можетъ разливаться по всей Руси, вызывая нареканія на самую Церковь. Пастырь Церкви не только учитель, проповѣдникъ, руководитель словомъ,

но самую жизнь. Проповѣдь его примѣра важнѣе его словесной проповѣди; а потому, не отрицая значенія ума и образованія пастырскаго, нельзя не придавать главнаго значенія его настроенію, благочестію, вѣрѣ. Простыя слова вѣрующаго благоговѣйнаго пастыря произведутъ несравненно болѣе впечатлѣнія, будутъ имѣть болѣе вліянія на пасомыхъ, чѣмъ краснорѣчивая проповѣдь пастыря неблагоговѣйнаго. Положеніе пастыря Церкви, исключительное само по себѣ, въ настоящее время особенно требуетъ отъ него преданности своему долгу, непоколебимости нравственныхъ устоевъ, твердости убѣжденій, помимо умѣнія и способности отстаивать ихъ предъ вопрошающими. А такое настроеніе воли и такая выработка характера не пріобрѣтаются образованіемъ, а являются слѣдствіемъ правильнаго воспитанія. Зло заразительно и проникаетъ всюду, если ему открываютъ доступъ, и если отъ него не оберегаютъ—особенно во дни увлекающейся и воспримчивой ко всему юности...

Намъ кажется, что воспитаніе—это больная сторона нашихъ семинарій; мы готовы утверждать, что вообще воспитаніе отсутствуетъ въ семинаріяхъ, даже въ томъ общемъ видѣ, въ какомъ оно должно быть въ каждомъ закрытомъ учебномъ заведеніи. На комъ лежитъ дѣло воспитанія въ семинаріяхъ?—Самое наименованіе „воспитатель“ не прилагается—да и не приложимо—къ лицамъ семинарскаго педагогическаго состава. Во главѣ семинаріи стоитъ ректоръ; но о широкомъ воспитательномъ вліяніи его на семинарскую учащуюся молодежь едва ли можетъ быть рѣчь въ виду многосложности его обязанностей: онъ наблюдаетъ за преподаваніемъ учителей, онъ вѣдаетъ дѣлами экономическими семинаріи, онъ—предсѣдатель различныхъ обществъ и епархіальныхъ учреждений. Да и сокращеніе его обязанностей едва ли бы значительно расширило кругъ его воспитательнаго вліянія на семинаристовъ: сколько ни сокращай его обязанности, все же останется ихъ вполне достаточно для человѣка, стоящаго во главѣ учебнаго заведенія; къ тому

же, имѣя въ своемъ завѣдываніи 400—500 учениковъ, можетъ ли онъ достаточно познакомиться съ ними, чтобы должнымъ образомъ на нихъ вліять? Если къ этому присоединить довольно частую смѣну ректоровъ, вполнѣ станетъ понятнымъ, насколько не значительно ихъ воспитательное вліяніе на семинаристовъ. — Повидимому, ближе стоитъ къ дѣлу воспитанія семинаристовъ инспекторъ съ своими помощниками. Но и въ дѣятельности инспектора и его помощниковъ существуетъ только одна видимость воспитанія. Дѣло инспекціи сводится, въ большинствѣ случаевъ, къ полицейскимъ обязанностямъ. Инспекція слѣдитъ за нарушеніемъ правилъ семинарской дисциплины, наказываетъ отмѣткою по поведенію или карцернымъ заключеніемъ проступки учениковъ; о томъ же, чтобы воспитанникамъ семинариіи давать опредѣленное направленіе, прививать имъ добрые нравственные устои, едва ли можетъ быть рѣчь, какими бы высокими и добрыми намѣреніями ни были проникнуты инспекторъ и его помощники. При этомъ, помощники инспектора—обычно люди молодые, стремящіеся поскорѣй переимѣнить свое положеніе на болѣе почетное положеніе преподавателя, смотрящіе на свое положеніе, какъ на временное зло, рѣдко пользующіеся авторитетомъ среди учениковъ и вообще довольно формальнымъ образомъ относящіеся къ своимъ обязанностямъ. Если даже предположимъ, въ лучшемъ случаѣ, что эти лица—инспекторъ и его помощники съ ректоромъ во главѣ—всецѣло предали бы дѣлу воспитанія семинарскаго юношества, то и въ такомъ случаѣ много ли могли бы они сдѣлать въ смыслѣ воспитанія 400—500 человѣкъ, порученныхъ ихъ надзору?

О преподавателяхъ, какъ воспитателяхъ, тоже едва ли можетъ быть рѣчь въ настоящее время. Они знаютъ свое дѣло—объяснять уроки, задавать ихъ, спрашивать, ставить отмѣтки и проч.; на ихъ обязанности лежитъ еще слѣдить за поведеніемъ учениковъ въ классѣ—и только. Лишь съ весьма недавняго времени преподаватели призваны присутствовать съ правомъ голоса въ засѣданіяхъ Правленія и такъ

или иначе вліять на семинарскую педагогію. Несомнѣнно, эта мѣра поставила преподавателей ближе къ дѣлу и интересамъ семинаріи; но едва ли сама по себѣ она можетъ сдѣлать преподавателей воспитателями: отъ большей, сравнительно съ прежнимъ временемъ, близости къ жизни семинаріи, отъ возможности оказывать такое или иное вліяніе на общій ходъ семинарской жизни до правильно поставленнаго, постояннаго и плодотворнаго вліянія на семинаристовъ со стороны преподавателей—не близко. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, преподаватели могутъ являть свое воспитательное вліяніе на семинаристовъ? Въ классѣ они заняты своимъ непосредственнымъ дѣломъ; здѣсь они могутъ лишь изрѣдка, если къ тому представится подходящий случай, сдѣлать то или другое замѣчаніе, указать то или другое правило поведенія; но такіа замѣчанія и указанія, какъ отрывочныя, мало привязанныя къ общей жизни семинаристовъ, само собою разумѣется, большого значенія имѣть не могутъ. Въ другихъ же случаяхъ преподаватели почти не встрѣчаются и не сталкиваются съ семинаристами, вслѣдствіе чего эта педагогическая и воспитательная сила, наиболѣе многолюдная и авторитетная въ семинаріяхъ, является бездѣятельной.

Такимъ образомъ, юноши-семинаристы въ своемъ воспитаніи предоставлены почти всецѣло самимъ себѣ и тѣмъ случайнымъ вліяніямъ, которыя различными путями проникаютъ въ семинарію совнѣ. Въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ нужно поставить товарищескую среду. Товарищество, при всѣхъ его хорошихъ сторонахъ, имѣетъ однако всегда ту дурную сторону, что оно не терпитъ появленія индивидуально-самобытныхъ чертъ характера, стремится сгладить таковыя черты въ угоду царящихъ, часто совершенно случайныхъ, настроеній и направленія товарищеской среды. Къ тому же, въ этой средѣ, предоставленной самой себѣ, перевѣсь и значеніе пріобрѣтаютъ не лучшія силы, не выдающіеся по доброму настроенію и характеру юноши, а чаще—юноши худшіе, но привлекающіе симпатіи товарищей своею

безшабашностью, своею удалю, своимъ антагонизмомъ къ начальству. Только въ значительно культурно развитомъ обществѣ пользуются уваженіемъ и заслуженнымъ вліяніемъ люди выдающихся качествъ души. Юношеская среда не имѣетъ безотнositельнаго мѣрила достоинства товарищей; она готова преклоняться предъ всякимъ эффектнымъ появленіемъ силы, въ какую бы сторону эта сила ни направлялась. Проявленія добраго направленія и добрыхъ чертъ характера не кажется въ юношеской средѣ проявленіемъ силы, такъ какъ проявленіе такихъ чертъ находитъ защиту и покровительство у начальства, есть исполненіе долга, награждается, а не наказывается. Смѣлое нарушеніе правилъ дисциплины представляется юношѣ выраженіемъ удали и силы; товарищеская среда потому охотнѣй подчиняется вліянію такихъ удалыхъ, недисциплинированныхъ юношей. Это—фактъ, который намъ приходится и приходилось наблюдать постоянно. Только разумно поставленная педагогія можетъ вести успѣшную борьбу съ этимъ зломъ, въ значительной степени вѣдшимся въ семинарскую среду. Карательными мѣрами, которыми почти исключительно и располагаетъ семинарское начальство, тутъ ничего—или почти ничего—не подѣлаешь. Силою кары въ данномъ случаѣ часто достигаются какъ есть обратные результаты: являются герои товарищества, иногда на время притихающіе, но рождающіе новыхъ героев въ томъ же духѣ. Борьба съ ними возможна лишь противопоставленіемъ имъ признаннаго самими же юношами авторитета, постоянной и авторитетной при каждомъ удобномъ случаѣ оцѣнкой поступковъ возведенныхъ въ авторитеты товарищей—заправиль. При настоящемъ положеніи дѣла это трудно, правильнѣй—невозможно.

Стороннія и именно отрицательныя вліянія тоже неудержимо проникаютъ въ семинарію,—проникаетъ именно то, что запрещено, что дурно. Запрещенная книга, литографія, какова бы она ни была по своему содержанію, читается съ увлеченіемъ, на-расхватъ, переходя изъ рукъ въ руки; тогда

какъ книги, дозволенные и рекомендованные преподавателями, читаются немногими, часто неохотно, никогда не всѣми. Борьба и съ этимъ зломъ путемъ каръ и запрещеній не достигаетъ своей цѣли. Стремленіе и любовь учащейся молодежи къ запрещенному объясняется не только „сладостью запрещеннаго плода“, но и отсутствіемъ у юноши довѣрія къ авторитету запрещающаго начальства и педагоговъ. Юноша не вѣритъ, что запрещенное, какъ говоритъ педагогъ, плохо, и поэтому ему вредно; онъ всегда склоненъ думать, что отъ него хотять скрыть что-то интересное, быть можетъ, полезное, но просто нежелательное начальству и педагогамъ. Только при полномъ довѣрїи къ руководителямъ, при разумной педагогїи возможна усѣбная борьба и съ этимъ зломъ. Когда юноша будетъ вѣритъ, что ему рекомендуютъ одно и запрещаютъ другое не по долгу, не по положенію, а по искреннему желанію ему добра, тогда онъ менѣе будетъ стремиться къ запрещенному, болѣе будетъ охраняемъ отъ преждевременныхъ, чаще всего тлетворныхъ, внѣшнихъ вліяній.

Достигнуть всего этого при современной постановкѣ семинарской педагогїи не возможно. Лица, составляющія инспекцію, не имѣютъ возможности близко познакомиться съ тѣми или другими чертами характера порученныхъ ихъ надзору учениковъ, приобрести должнаго среди нихъ авторитета, получить возможность вліять не общими, формальными средствами, а мѣрами, соответствующими индивидуальнымъ чертамъ юношей, вообще ближе входить въ ихъ жизнь. А тѣ мѣры и средства, какими теперѣ владѣетъ семинарская инспекція, не могутъ имѣть—и не имѣютъ—дѣйствительнаго воспитательнаго значенія. Привлеченіе преподавателей къ самому близкому воспитательному воздѣйствію на учениковъ семинаріи—несомнѣнно весьма желательно. Кто болѣе преподавателей семинаріи должны быть признаны правоспособными вліять на семинарское воспитаніе? Кто ближе ихъ долженъ стоять къ дѣлу не только семинарскаго образованія, но и воспитанія? Поэтому, преподавателей нужно не только привлечь поближе къ дѣлу воспитанія семинаристовъ, но и

прямо сдѣлать нѣкоторыхъ изъ нихъ воспитателями, назначивъ имъ за это достаточное вознагражденіе по образцу гимназій. Въ настоящее время вознагражденіе преподавателямъ семинарій—крайне недостаточное, а потому имъ приходится постоянно искать заработка на сторонѣ; это особенно нужно сказать относительно преподавателей женатыхъ. Если бы эти преподавателя то время, какое они принуждены посвящать на зарабатываніе средствъ къ жизни на сторонѣ, употребляли на дѣло воспитанія семинаристовъ, на присутствованіе во время вечернихъ занятій семинаристовъ, для возможнаго сближенія съ ними въ „занятое“ и „незанятое“ время, то отъ этого польза была бы несомнѣнная.

Въ каждомъ классѣ, по образцу женскихъ духовныхъ училищъ, долженъ быть отдѣльный воспитатель, который долженъ вести свой классъ до конца курса.

Шесть лѣтъ—время весьма достаточное для того, чтобы основательно изучить личные качества каждого отдѣльнаго ученика, узнать дурныя и хорошія стороны его характера, направить своими бесѣдами и подборомъ книгъ для чтенія на должный путь. Инспектору тогда будетъ принадлежать лишь исполнительная власть и общій надзоръ за воспитаніемъ. При взаимномъ обмѣнѣ мыслей, воспитатели сумѣютъ создать опредѣленную систему воспитанія, и тогда, нужно надѣяться, не будетъ той случайности въ приемахъ воспитанія, случайности и въ наказаніяхъ и въ мѣрахъ исправленія, какія въ настоящее время царятъ въ семинаріяхъ. Намъ кажется, что эта мѣра самымъ благоприятнымъ образомъ отразится и на семинарскомъ образованіи, такъ какъ воспитатель всегда будетъ имѣть возможность направить вниманіе ученика въ нужную для него сторону. *А. Тр.*

Редакторъ Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.

Печатать дозволяется. Киевъ, 2-го октября 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Киевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 42.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Мѣвской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года октября 16-го.

Содержаніе: О мѣрахъ къ лучшей постановкѣ церковнаго пѣнія въ сельскихъ храмахъ.—Нѣсколько словъ объ „Инструкціи Благочинному приходскихъ церквей“ (окончаніе).—Приготовленіе къ пастырскому служенію въ католичествѣ (окончаніе).—Къ реформѣ нашего епархіального управленія.

**О мѣрахъ къ лучшей постановкѣ церковнаго пѣ-
нія въ сельскихъ храмахъ.**

„Безчинный вопль поющихъ въ церкви не пріятн того къ церковному пѣнію... Подобаеть бо пѣти благо-чинно и согласно возсылати Владыцѣ всѣхъ и Господу славу, яко единими усты отъ сердець своихъ: преслушающии же сія вѣчній муцѣ повинни суть, яко не повинуются святыхъ отецъ предацію и правиломъ“ (Триконъ, гл. 28, „О безчинныхъ вопльхъ“).

Вопросъ о наилучшей постановкѣ церковнаго пѣнія въ приходскихъ храмахъ заслуживаетъ гораздо большаго вниманія, чѣмъ ему обыкновенно удѣляется. Если въ городскихъ храмахъ, по крайней мѣрѣ—въ большинствѣ, пѣніе поставлено удовлетворительно, то нельзя того же сказать о хра-

махъ сельскихъ; далеке не рѣдкость такіе храмы, гдѣ и чтеніе и пѣніе исполняются однимъ псаломщикомъ. Такъ какъ силы одного человѣка имѣють свои границы, то, понятно, одному человѣку трудно одинаково хорошо исполнять чтеніе и пѣніе въ теченіе 2—3 часовъ; отсюда неизбежны поспѣшность, неразборчивость, а иногда и прямо небрежность въ исполненіи церковнаго чтенія и пѣнія. Между тѣмъ, одиночное—да и вообще плохое—пѣніе не можетъ уже удовлетворить народъ. При огромномъ развитіи у насъ желѣзнодорожнаго движенія, теперь рѣдко можно встрѣтить даже въ захолустномъ селеніи людей, не бывшихъ въ городѣ, у мѣстныхъ святынь. Естественно предпологать въ такихъ лицахъ сравненіе того, что они слышали въ городѣ, съ своимъ деревенскимъ пѣніемъ—и, конечно, не въ пользу послѣдняго. Не всѣ, разумѣется, знаютъ при этомъ, что городское церковное пѣніе оплачивается тысячами рублей. Могуцственное вліяніе религіознаго пѣнія отлично поняли наши сектанты и, при отрицательномъ своемъ отношеніи къ обрядности, не жалѣють ни денегъ, ни труда на лучшую его постановку въ своихъ молитвенныхъ собраніяхъ. Не пора ли и намъ, православнымъ, обратить на это дѣло должное вниманіе? Мы не будемъ повторять здѣсь тѣхъ пожеланій, какія уже высказывались по этому вопросу въ нашей повременной печати; ограничимся главнѣйшимъ.

Духовенство должно прійти къ ясному сознанію того, что хоръ, какъ и церковная школа, долженъ быть необходимою принадлежностію каждаго приходскаго храма; и если считается возможнымъ расходовать церковныя деньги на содержаніе церковно-приходскихъ школъ, то еще съ большимъ правомъ возможно ихъ тратить на учрежденіе хоровъ. Епархіальное начальство, въ достаточной мѣрѣ опекающее почти всѣ стороны приходской жизни, должно удѣлить часть своего вниманія и на это дѣло и внушить непредиримчивымъ и не-радивымъ изъ насъ (что грѣха таить—встрѣчаются и такіе между нами) сознаніе важности этого дѣла.

Къ участию въ дѣлѣ насажденія приходскихъ хоромъ должны быть привлечены, прежде всего, хоры городскихъ храмовъ. Дѣятельность городскихъ хоромъ—узко-мѣстная; на окружающіе районы они не оказываютъ никакого вліянія,— и это очень прискорбно. Права городскихъ регентовъ необходимо расширить, давъ возможность регенту при архіерейской катедрѣ наблюдать за пѣніемъ во всѣхъ городскихъ храмахъ, регентамъ при уѣздныхъ соборахъ—наблюдать за постановкою пѣнія въ храмахъ сельскихъ; въ такомъ случаѣ городской хоръ будетъ центромъ для цѣлаго ряда меньшихъ хоромъ. При городскомъ хорѣ можетъ быть заведена библиотека нотныхъ книгъ; здѣсь же каждый священникъ или регентъ могъ бы наводить всѣ необходимыя справки относительно улучшения церковнаго пѣнія.

Вспоминается намъ сѣтованіе одного приходскаго священника—большого любителя церковнаго пѣнія. Церковнымъ хоромъ у него управлялъ самоучка-крестьянинъ, едва грамотный, но очень способный къ пѣнію. Священникъ очень скорбѣлъ о томъ, что негдѣ ему было подучить своего регента нотному дѣлу.—„Свои деньги съ удовольствіемъ далъ бы на содержаніе,—говоритъ батюшка,—если бы было гдѣ пристроить моего регента на мѣсяць-на два въ науку“.— Намъ кажется, что желаніе указаннаго священника—да и многихъ ему подобныхъ—возможно было бы удовлетворить въ томъ случаѣ, если бы городскіе хоры широко открыли двери на свои спѣвки всѣмъ желающимъ учиться. Правда, у насъ существуютъ въ Петербургѣ или Москвѣ,—точно не скажемъ,—такъ называемые регентскіе классы; но эти классы даютъ регентовъ только для городскихъ храмовъ, которые въ состояніи расходовать большія деньги на содержаніе регентовъ, и ни мало не приносятъ пользы хорамъ деревенскимъ. По нашему мнѣнію, имѣли бы большой успѣхъ регенты *занятые*, или *разъездные*, которыхъ можно было бы приглашать на время въ тотъ или другой приходъ для улучшения церковнаго пѣнія. Расходовать ежегодно на содержаніе ре-

гента 300—400 рублей—далеко не каждой церкви по силам пригласить же на мѣсяць-на два опытнаго регента—на это согласились бы съ удовольствіемъ многіе священники, и отъ такихъ періодическихъ посѣщеній была бы несомнѣнная польза для улучшенія церковнаго пѣнія въ сельскихъ храмахъ.

Въ послѣднее время широкое распространеніе по снархіямъ получили лѣтніе курсы для учителей церковно-приходскихъ школъ и псаломщиковъ, при чемъ преподаванію церковнаго пѣнія отводится весьма видное мѣсто. Признавая всю пользу такихъ курсовъ и преподаванія на нихъ церковнаго пѣнія, мы, тѣмъ не менѣе, считаемъ необходимымъ сказать, что не всегда преподаваніе на курсахъ достигаетъ цѣли, такъ какъ часто, во многихъ церквахъ, хорами завѣдуютъ лица, не занимающія должностей учителя или псаломщика. На однихъ учительскихъ курсахъ, гдѣ курсистамъ преподавалось и регентское искусство, опросъ показалъ, что изъ 60 учителей только 21 занимается съ хоромъ; человекъ 15 заявило, что хоромъ у нихъ занимаются псаломщики; слѣдовательно, въ остальныхъ 24 приходахъ, представители которыхъ были на курсахъ, церковными хорами управляютъ отдѣльные, *спеціальные* регенты, по всей вѣроятности—самоучки. Вотъ для такихъ *спеціальныхъ* регентовъ, по нашему мнѣнію, и необходима помощь извнѣ въ видѣ *краткосрочныхъ курсовъ*. И мы вполне увѣрены, что такіе курсы встрѣтятъ полное сочувствіе со стороны тѣхъ, для кого они предназначаются. Русскій народъ, особенно южныхъ губерній, пѣніе любитъ и къ пѣнію способенъ; и въ курсистахъ никогда недостатка не будетъ.

Участіе специалистовъ въ постановкѣ церковнаго пѣнія въ селахъ, помимо главной цѣли—улучшенія церковнаго пѣнія, можетъ быть полезно и еще въ *двухъ* отношеніяхъ. Въ пѣдрахъ народа есть множество цѣнныхъ въ вокальномъ отношеніи голосовъ, которые гибнутъ для искусства совершенно безслѣдно, никому невѣдомые, даже самимъ своимъ

обладателямъ. Опытные регенты сумѣютъ открыть эти самородки и привлечь ихъ способности и даръ на служеніе храму и молящимся въ немъ.

Въ практикѣ захолустныхъ церковныхъ хоровъ есть немало очень трогательныхъ мѣстныхъ напѣвовъ, религиозныхъ пѣсенъ и псалмъ; послѣдними особенно богаты сѣверныя губерніи. Не странно ли, что въ то время, какъ народныя пѣсни свѣтскаго характера собираются и берегаются, — религиозные мотивы и пѣсни исчезаютъ совершенно почти безслѣдно, никѣмъ не записанные?..

Пора, давно пора обратить вниманіе на это дѣло и двинуть наше церковное пѣніе болѣе смѣлыми и рѣшительными шагами впередъ. Грустно сознавать, что народъ, создавшій дивную народную пѣсню, имѣющій свою музыку, свою оперу, ничего не создалъ для такого дѣла, какъ храмовое пѣніе!..

Свящ. В. Пестряковъ.

Нѣсколько словъ объ „Инструкціи Благочинному приходскихъ церквей“

(Окончаніе ¹⁾).

Наблюдательная власть благочиннаго, согласно „Инструкціи“, простирается не на одно духовенство, а и на *женъ и дѣтей* священно-церковнослужителей, при чемъ дѣти духовенства подлежатъ надзору благочиннаго какъ тогда, когда еще не вышли изъ семьи, такъ и въ періодъ школьнаго возраста „во время отпусковъ“ (§ 8). Это — вообще. Въ частности, „благочинный наблюдаетъ, чтобы всѣ священно-и церковнослужители и ихъ *женъ и дѣти*, равно причетники съ ихъ семействами..., не только въ Великую Четырдесятницу, но, по возможности, и во всѣ прочіе посты, исповѣдывались и

¹⁾ См. № 40 за 1905 г.

святыхъ Таинъ приобщались, а всѣ духовники въ январѣ представляли вѣдомости объ исполненіи или неисполненіи указанными лицами ихъ христіанскаго долга (§ 9). Не говоря о томъ, что этотъ послѣдній § разнорѣчитъ съ ст. 68 „Устава духовныхъ консисторій“, гдѣ въ числѣ лицъ, о которыхъ окружной духовникъ представляетъ исповѣдную вѣдомость епархіальному архіерею, не упомянуты жены и дѣти и даже причетники, а одни священнослужители, и духовникъ, вслѣдствіе этого, поставляется въ недоумѣніе, чѣмъ руководиться— „Инструкціей“ ли, или „Уставомъ духовныхъ консисторій“, мы сильно сомнѣваемся въ самомъ правѣ благочинныхъ имѣть столь широкое наблюденіе за семействами духовенства, какъ это даетъ благочиннымъ ихъ „Инструкція“. Дѣло въ томъ, что послѣ сословныхъ реформъ (въ 1869 году) упразднилось особое „духовное званіе“, къ которому должны были принадлежать семьи священно-и церковнослужителей, и выходъ изъ котораго обставлялся большими затрудненіями. Съ 1869 года жены, вдовы и дѣти духовенства приобрѣтають уже гражданскія права. Такъ, ст. 511 IX т. Свода Законовъ въ 3 пунктѣ указываетъ¹⁾, что дѣти священнослужителей (т. е. священниковъ и діаконовъ), по праву рожденія, принадлежать къ потомственному гражданству, если родители ихъ не имѣли потомственного дворянства²⁾. Въ примѣчаніи къ ст. 51 сказано, что вдовы священнослужителей, не принадлежащія къ дворянству потомственному, пользуются правами дворянства личнаго, сообщеннаго имъ, очевидно, бракомъ съ лицомъ, обладающимъ этимъ званіемъ по служебному положенію. Правами потомственного почетнаго гражданства пользуются и дѣти тѣхъ „причетниковъ“ (дьячковъ, пономарей и псаломщиковъ), которые окончили полный курсъ въ академіи или семинаріи съ ученою степенью или званіемъ студента (пунктъ 4 ст. 511)³⁾. Вдовы же и дѣти при-

¹⁾ По изд. 1899 г.

²⁾ Съ 26 мая 1869 г.

³⁾ Съ 15 марта 1871 г.

четниковъ безъ указаннаго ученаго ценза присоединяются къ почетному гражданству личному (2 пунктъ ст. 512). Никакихъ такихъ привилегій дореформенное духовенство не знало, да онѣ и бесполезны были, пожалуй, ему, такъ какъ, по тогдашнимъ законамъ, дѣти духовенства причислялись „по родителямъ своимъ къ духовному вѣдомству“, а увольнялись оттуда—или въ „первобытное состояніе“ родителей (хорошо, если родители обладали правами потомственного дворянства, что было тогда большою рѣдкостью въ средѣ духовенства), или на военную и гражданскую службу (съ извѣстными на этотъ случай ограниченіями)—почти исключительно тогда, когда оказывались въ духовномъ вѣдомствѣ „излишними“ или „неспособными“ къ служенію Церкви (ст. 274 IX т. Свод. Зак. по изд. 1857 г.).

По старымъ законамъ, дѣйствительно, получалось, что жены и дѣти духовенства, какъ тѣсно, до неразрывности связанные съ своимъ вѣдомствомъ, подлежали и вѣдѣнію властей духовныхъ. Но когда съ 60-хъ годовъ духовное служеніе перестало быть *de jure* исключительною принадлежностью лицъ „духовнаго званія“, и вступать въ клиръ церковный сдѣлалось возможнымъ для всѣхъ, удовлетворяющихъ извѣстнымъ требованіямъ касательно священнаго служенія, съ тѣхъ поръ, какъ жены и дѣти духовенства получили уже опредѣленные гражданскія права,—съ этого времени власть надъ ними благочинныхъ должна прекратиться. Дѣти духовенства, пока учатся, подлежатъ надзору школы, а отчасти и семьи; когда же окончатъ курсъ, и пока принять себѣ мѣста службы, должны подлежать надзору гражданского, а не духовнаго начальства, подъ власть котораго они вступаютъ уже послѣ принятія на себя духовнаго служенія. Жены священно-и церковнослужителей навсегда должны оставаться въ вѣдѣніи гражданской власти и, въ частности, сословнаго начальства. Благочинному нѣтъ до нихъ дѣла. *Честь же* того гражданского сословія, къ которому *de jure* принадлежатъ жены и дѣти священно-и церковнослужителей, онѣ, безъ

сомнѣнія, сумѣютъ поддержать не хуже, чѣмъ другія. Бояться безпорядковъ въ этомъ отношеніи—нечего. А между тѣмъ, освобожденіе семействъ духовенства изъ-подъ власти благочиннаго не мало устранить причинъ столкновенія и огорченія между благочинными и духовенствомъ, каковыя столкновенія, къ сожалѣнію, часто возникаютъ чисто на семейной почвѣ. Въ дѣлѣ исповѣди къ семействамъ священно-церковнослужителей не слѣдуетъ предъявлять особыхъ требованій, помимо общихъ узаконеній на этотъ счетъ и частныхъ, вырабатываемыхъ начальствомъ тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ обучаются *дети* духовенства. Очевидно, такая же мысль лежитъ и въ основѣ ст. 68 „Устава духовныхъ консисторій“, гдѣ, какъ выше упомянуто, нѣтъ рѣчи ни о женахъ, ни о дѣтяхъ священнослужителей.

Простирая наблюденіе благочиннаго до надзора за дѣтми священно-церковнослужителей, „Инструкція“ относится недовѣрчиво къ благоразумію ихъ, какъ родителей, и заподозрѣваетъ въ нихъ недостатокъ заботливаго отношенія къ будущности дѣтей. Когда дитя подрастаетъ настолько, что становится способнымъ къ начальному образованію, какой теперь, мало-мальски не только интеллигентный, но и просто разумный, родитель изъ крестьянъ не позаботится о томъ, чтобы начать учить ребенка грамотѣ, а затѣмъ и отдать его въ школу? Но „Инструкія“ предполагаетъ возможность такого чудовищнаго явленія въ духовенствѣ и вмѣняетъ въ обязанность благочинному „внушать священно-и церковнослужителямъ, чтобы „дѣтей своихъ...“, обучивъ грамотѣ и молитвамъ, отдавали въ школы. О тѣхъ же изъ дѣтей, которыя до 17 лѣтъ въ школы не отданы, немедленно доносить (§ 37). Не знаемъ, въ какую школу, послѣ скуднаго домашняго обученія (грамотѣ и молитвамъ), приняли бы теперь въ первый или приготовительный классъ 17-лѣтняго юношу?.. Не споримъ, подобныя внушенія нужны были въ стародавнія времена, когда боялись науки, а матери даже плакали, когда отвозили ихъ дѣтей изъ-подъ теплаго родительскаго крова въ

страшные „дома училищныя“ съ ихъ голодомъ, холодомъ и розгой.... Но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, и „дома училищныя“ уже не пугаютъ теперь даже и „сердобольныхъ“ матерей. Благочиннымъ нѣтъ надобности „внушать“ духовенству пользу науки. А § 37 все-таки остается попрежнему въ благочиннической „Инструкціи“, вызывая невольную улыбку въ читателѣ.

Карательныя мѣры благочиннаго по отношенію къ провинившимся членамъ причта не ограничиваются одними замѣчаніями и внушеніями наединѣ. Благочинный имѣетъ право, по § 49 „Инструкціи“, „штрафовать священника внушеніемъ *при причтѣ*, а діакона и причетниковъ и поклонами въ церкви“. Власть внушенія „наединѣ и при другихъ“ дана § 27-мъ Инструкціи и приходскому священнику по отношенію къ діакону и причетникамъ, при чемъ послѣднихъ священникъ еще можетъ штрафовать поклонами въ церкви, какъ благочинный діакона. Поклоны священнику, по „Уставу духовныхъ консисторій“ (стр. 176), назначаются епархіальнымъ начальствомъ; власть благочиннаго въ этомъ случаѣ не простирается на священника.—Какъ бы мы ни посмотрѣли на поклоны публично, въ церкви, налагаемые на духовенство по суду епархіальнаго начальства и благочиннаго, признали ли бы ихъ епитимійный характеръ, или сочли за такія же наказанія, которыя присуждаются вообще формальнымъ судомъ¹⁾, въ томъ и другомъ случаѣ мы должны признать совершенную непригодность и устарѣлость подобной мѣры взысканія за проступки духовенства. Члены причта, поставленные всенародно на поклоны, въ глазахъ прихожанъ являются *тѣлесно* наказуемыми. По законамъ же гражданскимъ, тѣлесныя наказанія нынѣ отмѣнены даже для крестьянъ. Не можетъ ли оказать дурного вліянія на паству созерцаніе *тѣлесно* наказуемаго ихъ пастыря и вмѣсто ува-

¹⁾ „Инструкція“, какъ и „Уставъ духовныхъ консисторій“, относятъ ихъ къ *штрафамъ*.

женія и почтенія къ нему вызвать совершенно противоположныя чувства, особенно въ виду того, что публичное покаяніе отдѣльныхъ лицъ теперь почти совершенно не примѣняется даже къ мірянамъ. Церковь находитъ возможнымъ оказывать пощаду ихъ чувству стыдливости, „которое у многихъ“, какъ совершенно справедливо разсуждаетъ проф. В. Ѳ. Пѣвницкій, „нынѣ развито до болѣзненной щекотливости, и которое, въ случаѣ неосторожнаго и прямого воздѣйствія на него, можетъ довести подвергшагося открытому осужденію до ожесточенія и до грубаго небреженія по отношенію къ мѣрамъ, предпринимаемымъ въ видахъ большаго вразумленія грѣшника“¹⁾). Такъ разсуждаютъ о мірянахъ, а по отношенію къ духовенству все еще не слышно защитительныхъ словъ. Дѣти насомые de facto освобождены отъ тяжести всенароднаго покаянія, чувство стыдливости ихъ находятъ возможнымъ щадить, а отцы (духовенство) доселѣ несутъ на себѣ позоръ публичнаго наказанія, какъ бы иногда они почтенны ни были по возрасту и какими бы гражданскими привилегіями ни были отличены.

Необходимо совершенно изъять ихъ разряда взысканій эти позорные поклоны духовенства въ церкви. Можетъ быть, они прежде не были такъ больно по „чувству стыдливости“ духовенства, когда ихъ насомыхъ безпощадно наказывали кнутами и розгами на помѣщичьихъ конюшняхъ. Терпѣли одни, терпѣли и другіе. Но теперь уже не тѣ времена, и мы не понимаемъ, какъ до сихъ поръ духовенство не могло добиться у своего начальства освобожденія отъ такого унижительнаго наказанія, какъ публичные поклоны, освобожденное отъ тѣлесныхъ наказаній гражданскимъ закономъ еще по указу отъ 7 іюня 1767 г.; раньше, чѣмъ дворянство, которому дарована эта льгота 21 апр. 1785 г.!! Любопытно, что, по „Уставу духовныхъ консисторій“, поклоны, въ ряду мѣръ

¹⁾ Служеніе священника въ качествѣ духовнаго руководителя прихожанъ. Сиб. 1898, стр. 123—124.

взысканія и исправленія (Епарх. Судъ, гл. II, отд. 2), изъ числа *дванадцати* по нисходящей степени строгости занимаютъ *десятое* мѣсто, такъ что пеня и денежное взысканіе (9) являются наказаніемъ болѣе строгимъ, чѣмъ поклоны. Неужели для духовенства легче перенести стыдъ поклоновъ предъ глазами паствы, чѣмъ уплатить штрафъ въ нѣсколько рублей?..

Остается сказать еще нѣсколько словъ по поводу наставленій *положительнаго* характера въ „Инструкціи“, касающихся, главнымъ образомъ, требованія и совершенія богослуженія.

О таинствѣ исповѣди мы уже говорили выше, при чемъ показали несостоятельность § 17 въ его наставленіяхъ касательно совершенія этого, представляющаго много трудности и недоумвній, таинства. Другое, не менѣе ответственное для священника, таинство—бракъ—обставлено такими устарѣвшими правилами, что параграфы о бракѣ 18 и 19 должны быть признаны или совершенно непримѣнимыми въ нынѣшнее время, или выраженными не ясно и не полно. Такъ, въ числѣ признаковъ незаконности брака, § 18 указываетъ престарѣлость и неравенство по возрасту („одно лицо молодо, а другое престарѣло“). Между тѣмъ, гражданскіе законы, которыми и слѣдуетъ руководиться въ этомъ случаѣ священнику, *опредѣленно* указывая возрастъ, *до* котораго и *послѣ* котораго нельзя вступать въ бракъ (Сводъ Зак., т. X, ст. 3 и 4), не упоминаютъ о случаѣ, когда „одно лицо молодо, а другое престарѣло“, какъ о препятствіи къ браку. Затѣмъ, „Инструкція“ въ томъ же § 18 (в) признаетъ незаконными браки „удѣльныхъ, казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ безъ дозволенія начальствъ или владѣльцевъ“. Очевидно, этотъ пунктъ уцѣлѣлъ отъ временъ крѣпостного права и, отмѣненный гражданскими законами, неизвѣстно почему остается въ сводѣ законовъ церковныхъ, какъ отъ Николаевскихъ временъ сохранился и пунктъ д запрещающій браки „кантонистовъ“, которыхъ теперь нѣтъ совсѣмъ въ Россіи...

Брачное право у насъ теперь такъ разрослось, и за нарушение его столь тяжко наказываются и виновные противъ него и священникъ, совершившій бракъ, что весь § 18 благочиннической „Инструкціи“ требуетъ самой тщательной и искусной редакціи опытнаго законовѣда. § 19 внушаетъ, что священники должны совершать таинство брака, между прочимъ, „непремѣнно днемъ“. Но кто же сталъ бы требовать исполненія этого предписанія, когда, особенно по городамъ, въ общій обычай вошло совершеніе брака *вечеромъ*?—Ясное дѣло, что и § 19 въ этомъ пунктѣ долженъ быть измѣненъ примѣнительно къ условіямъ и обстоятельствамъ нынѣшняго времени.

Чтенію и пѣнію церковному посвященъ § 20 „Инструкціи“. О пѣніи, между прочимъ, сказано: „не допускать въ церкви произвольныхъ напѣвовъ по нотамъ“, не одобреннымъ Св. Синодомъ. Церковно-музыкальная цензура перестала уже давно принадлежать Св. Синоду и перешла въ вѣдѣніе Придворной Капеллы, безъ разрѣшенія которой ни одно духовно-музыкальное произведеніе не можетъ выйти въ свѣтъ и получить право на исполненіе въ церкви. Сообразно съ этимъ, и разсматриваемый пунктъ въ § 20 долженъ быть измѣненъ...

Этимъ и закончимъ мы свои замѣчанія на нѣкоторые пункты „Инструкціи Благочинному приходскихъ церквей“, опять повторяя, что отмѣченными параграфами далеко не захватывается все ея содержаніе, требующее внимательнаго пересмотра, исправленія и дополненія въ виду создающихся, а отчасти и создавшихся уже, новыхъ обстоятельствъ и условій церковной жизни и быта духовенства въ Россіи.

Н. Пальмовъ.

Приготовление къ пастырскому служенію въ католичествѣ.

(Продолженіе ¹⁾).

Чѣмъ же, спрашивается объяснить такую любовь римской Церкви къ схоластикѣ, ея желаніе воспитывать своихъ пастырей непременно на схоластическихъ учителяхъ?

Средневѣковые схоластическіе ученые раздѣляли весь кругъ доступныхъ человѣку знаній *secundum genus*—на знанія, доступныя разуму, и знанія, доступныя только вѣрѣ. Первые составляли предметъ философіи, вторыя—богословія. Эти же двѣ науки составляли у нихъ, въ сущности, одну, въ которой положенія брались изъ вѣроученія римской Церкви и доказывались и развивались по правиламъ Аристотелевой логики. Критики самихъ положеній средневѣковая наука не знала, и они всегда брались на вѣру. Роль разума въ ней ограничивалась уразумѣніемъ, уясненіемъ и доказываніемъ данныхъ вѣроученія. Такимъ образомъ, схоластики проводили принципъ концентраціи знанія, выраженный въ общезвѣстномъ средневѣковомъ положеніи: *philosophia ancilla est theologiae*. Вотъ этотъ-то принципъ и дорогъ римской Церкви въ схоластикѣ, и его она проводитъ съ замѣчательною послѣдовательностью въ системѣ семинарскаго образованія. Центромъ и конечною цѣлію этой системы является богословіе, всѣ же остальные науки находятся въ служебномъ по отношенію къ нему положеніи. Схоластика направляетъ все вниманіе учащагося, всю умственную энергію на одинъ предметъ. Въ то же время обиліемъ своего учебнаго, а отчасти, несомнѣнно, и ученаго матеріала она поглотаетъ у него такую массу времени и силъ, что ему некогда—да и нѣтъ охоты—заниматься чѣмъ-либо постороннимъ. Кромѣ того, схоластика систематически проводитъ мысль о необходимости

¹⁾ См. № 40-й за 1905-й г.

подчиненія разума Откровенію; а такъ какъ хранительницей и истолковательницей Откровенія является Церковь, или вѣрѣе—папа, то схоластика, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспитываетъ въ учащихся уваженіе къ авторитету Церкви и апостольскаго престола.

Теперь понятно, почему римская Церковь, которая боится свѣта исторіи, боится дать въ руки своимъ служителямъ критическіе методы изслѣдованія—изъ справедливаго опасенія, какъ бы они не обратили этихъ методовъ противъ нея же; понятно, почему она не довольна предпочтеніемъ предъ схоластикой новой науки и новой философіи, которыя основываются всецѣло на критическомъ отношеніи къ предмету изслѣдованія; понятно, почему на протяженіи вотъ уже цѣлаго столѣтія папы не перестаютъ взывать о возвращеніи къ схоластикѣ.

Лучшимъ представителемъ схоластической учености, а слѣдовательно и высшимъ научнымъ авторитетомъ въ католичествѣ, считается Тома Аквинать, причтенный католическою Церковію къ лику святыхъ и получившій отъ своихъ послѣдователей названіе „doctor angelicus“. Его главныя сочиненія—„De veritate catholicae fidei contra gentiles seu summa philosophiae“ и „Summa theologiae“. Тридентскій соборъ поставилъ эти сочиненія рядомъ съ Евангеліемъ; употребленіе ихъ въ качествѣ учебныхъ пособій постоянно рекомендуютъ Пій IX и Левъ XIII¹⁾. Существуетъ даже изреченіе: „tolle Thomam et Ecclesiam dissipabo“, составленіе котораго Aubry приписываетъ протестантамъ, и въ справедливость котораго самъ склоненъ вѣрить²⁾...

Вся вообще схоластика, по самому своему существу, была осуждена на вѣчное безплодное вращеніе въ одномъ и томъ же кругѣ, за черту котораго не можетъ переступить, не измѣняя своимъ кореннымъ принципамъ. Имѣя готовыми

¹⁾ Aubry, Les grands Séminaires, p. 118.

²⁾ Ibidem, p. 103.

выводы, она можетъ лишь изощряться въ изобрѣтеніи все новыхъ и новыхъ доказательствъ; всякій прогрессъ въ ней не мыслимъ, и потому схоластическіе ученые молотили старую солому, безконечно повторяя другъ друга. Также молотить ее и doctor angelicus. Содержаніе его трудовъ, какъ и у всѣхъ схоластиковъ, заимствовано изъ Откровенія и развито по правиламъ Аристотелевой логики. Онъ такъ же мало, какъ и другіе, знаетъ Аристотеля и часто приписываетъ ему свои собственныя мнѣнія и воззрѣнія. Сущность его ученія, его индивидуальное „я“ въ немъ такъ же неуловимы и неопредѣлимы. Преимущество же, которое отдають ему, основывается на томъ, что онъ полнѣе, разностороннѣе и систематичнѣе другихъ изложилъ въ своихъ трудахъ все то, что дала и до чего дошла схоластическая ученость. Онъ же единственный и лучший изъ многихъ¹⁾.

Понятно, что при такомъ порядкѣ вещей философія католическихъ духовныхъ семинарій является простой проповѣдкой богословія. Первая и главная задача ея—гносеологическая—заключается въ выясненіи всей ограниченности, слабости и безпомощности естественнаго человѣческаго разума, лишеннаго Божественнаго руководства и представленнаго самому себѣ. Чтобы лучше выполнить эту задачу, она должна идти, по мнѣнію Aubry, путемъ отрицательнымъ и развернуть предъ глазами слушателей весь тотъ длинный свитокъ заблужденій и ошибокъ, въ которыя впадала человѣческая мысль, пока блуждала во тьмѣ безъ свѣта Божественнаго Откровенія. Далѣе философія должна разобратъ вопросъ о злѣ, выяснить его происхожденіе, уяснить происхожденіе грѣха, его вліяніе на природу человѣка и необходимость для человѣка сверхъестественной помощи²⁾. Этими двумя кардинальными вопросами и ограничиваетъ Aubry прямую задачу философіи. Такъ понимали эту задачу и отцы и учителя Церкви. „Когда ап. Павелъ говоритъ,—читаемъ

¹⁾ Филос. лекс. Гогоцкаго, т. IV, стр. 819 и слѣд.

²⁾ Aubry, Les grands Séminaires p. 121.

у Aubry.—что вся его мудрость—суета предъ Богомъ, и когда св. Бернарди прибавляетъ, что вся его философія состоитъ въ томъ, чтобы знать Христа, и Христа распятаго, то они выражаютъ въ одномъ могучемъ словѣ ту трансформацію философіи, которая изъ рационалистической дѣлается теологической и начинаеть все видѣть въ Иисусѣ Христѣ, т. е. при свѣтѣ Откровенія и благодати; они учатъ, что ученіе Спасителя есть послѣднее слово всѣхъ исканій человѣческаго духа, потому что въ немъ рѣшеніе всѣхъ тѣхъ великихъ проблемъ, которыя ставитъ себѣ человѣческая мудрость¹⁾. Одно лишь христіанство, а въ христіанствѣ одна только схоластика, составляетъ спасеніе философіи²⁾. „Философія—это летучая жидкость, которая легко испаряется и легко портится. Догма—это крѣпкій, несокрушимый сосудъ, въ которомъ она всегда сохраняется чистой и изъ котораго всегда почерпается и никогда не исчерпывается. Поэтому, Церковь имѣетъ право осуждать неправыя философскія мнѣнія“³⁾. Велѣдствіе этого, хорошимъ философомъ, въ католическомъ смыслѣ слова, можетъ быть только хорошій богословъ, и въ Римѣ, который всегда былъ вѣренъ средневѣковымъ традиціямъ, степень доктора философіи дѣйствительно даютъ только послѣ степени доктора богословія, почему и отъ каждаго преподавателя философіи въ католической семинаріи требуется основательное знаніе богословія. Философскій курсъ въ семинаріи состоитъ изъ философіи въ узкомъ смыслѣ этого слова или, вѣрнѣе, метафизики, какъ ее тоже называютъ, и логики. Изученіе послѣдней сводится почти исключительно къ изученію силлогизма, заимствованнаго изъ логики Аристотеля и развитаго по фигурамъ и модусамъ средневѣковыми схоластиками. Въ системѣ семинарскаго образованія силлогизмъ имѣетъ важное значеніе, потому что въ формѣ его

¹⁾ Aubry, Les Séminaires, p. 155.

²⁾ Ibid, 148.

³⁾ Ibid., p. 149.

строятся всё доказательства, возраженія и опроверженія, въ формѣ его излагаются цѣлые трактаты. Вслѣдствіе этого, изученію силлогизма отводится значительное количество времени.

Выше мы сказали, что все общее образованіе католическаго священника ограничивается однимъ низшимъ, литературнымъ курсомъ. Это не вполне такъ. Въ философскій курсъ вводится еще цѣлый отдѣлъ наукъ общеобразовательнаго характера, науки естественныя: физика, химія, астрономія, геометрія, тригонометрія, начала дифференціальнаго и интегральнаго счисленія и математическая физика. Къ нимъ обыкновенно присоединяютъ еще и еврейскій языкъ и иногда нравственную философію съ началами юриспруденціи. Все это проходитъ въ одинъ, въ лучшемъ случаѣ—въ два года. Мы не беремся рѣшать, что должно получиться въ головѣ учащагося послѣ такого философско-естественнаго винигрета, но едва ли онъ много прибавитъ къ его общему развитію. Изъ того, какъ эти предметы нагромождены безпорядочной кучей, можно заключить, что католическая Церковь ввела ихъ въ семинарскія программы вовсе не затѣмъ, чтобы дѣйствительно дать семинаристамъ естественно-научное образованіе, а просто уступая духу времени, требующему, чтобы естественныя науки проходились во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Изъ богословскихъ наукъ самой важной, безъ сомнѣнія, является Свящ. Писаніе—базисъ и исходная точка всѣхъ прочихъ богословскихъ наукъ. Но въ католичествѣ ему не придаютъ такого значенія, и нигдѣ въ католическихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ—ни въ семинаріяхъ, ни въ университетахъ—оно не проходитъ сполна, начиная съ книги Бытія и кончая Апокалипсисомъ, какъ это дѣлается въ нашихъ семинаріяхъ. Больше или меньше подробно проходятся лишь отдѣльныя книги, обыкновенно посланія ап. Павла, и пѣть ветхозавѣтныхъ—книга прор. Исаіи.

Сначала въ самыхъ общихъ чертахъ преподается общая исагогика, или, по выраженію Anbry¹⁾, богословіе „писаннаго Слова Божія“.—Здѣсь рѣшаются или, вѣрнѣе, сообщаются вопросы о достоинствѣ и богодухновенности Св. Писанія, объ отношеніи Писанія къ Преданію, и излагаются краткія свѣдѣнія объ исторіи канона священныхъ книгъ. Непосредственно затѣмъ преподаватель переходитъ къ той части Свящ. Писанія или къ той книгѣ, которую избралъ предметомъ годичнаго курса, и излагаетъ ее возможно подробно и обстоятельнѣе. Прочитывая курсъ частной исагогій—введенія къ избранной имъ книгѣ, онъ посвящаетъ значительную часть времени на разборъ и опроверженіе возраженій противъ подлинности, неповрежденности и богодухновенности священнаго текста, выставляемыхъ французскими и особенно нѣмецкими рационалистами. Опровергаются также мнѣнія невѣрующихъ отрицателей, отвергающихъ самое значеніе Свящ. Писанія, какъ источника сверхъестественнаго Откровенія²⁾. Эта полемика, отнимающая очень много времени и отвлекающая вниманіе учащихся отъ изученія самаго текста Писанія, возобновляется и по каждому частному случаю при толкованіи текста. Вообще, полемика—это болѣзнь католической богословской науки, вѣками вѣвшаяся въ нее,—болѣзнь, въ которой признаются сами католическіе богословы³⁾, но избавиться отъ которой все-таки не могутъ.

А. Кактыль.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Les grands Séminaires, p. 379.

²⁾ Anbry, p. 384.

³⁾ Ibid., p. 381, 4.

Къ реформѣ нашего епархіального управленія.

Еще въ 1903 и 1904-мъ годахъ какъ духовною („Богосл. Вѣстн.“), такъ и свѣтскою („Московск. Вѣдом.“) періодическою печатью выдвинуть былъ на очередь вопросъ о нашемъ церковномъ управленіи. Но тогда рѣчь шла о выясненіи каноническаго достоинства собственно только высшаго учрежденія Россійской Церкви—Св. Синода, при чемъ указывалась необходимостъ и нѣкоторыхъ желательныхъ въ немъ измѣненій. Въ послѣднее время, въ виду предстоящаго созыва Всероссийскаго помѣстнаго собора, все чаще и чаще начинаютъ появляться статьи и замѣтки объ улучшеніи *епархіального* нашего управленія. Въ этихъ статьяхъ и замѣткахъ, между прочимъ, проводится мысль о несоотвѣтствіи будто бы *соборному началу*, на которомъ всецѣло должно покоиться церковное управленіе, нашихъ духовныхъ консисторій. По этому поводу въ № 4-мъ „Американскаго Православнаго Вѣстника“ за текущій годъ напечатана представляющая значительный интересъ статья *Θ. П.*, подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ о нашихъ духовныхъ консисторіяхъ“.

Θ. П. вполне соглашается, что нынѣшній порядокъ управленія епархіею въ Россіи дѣйствительно во многомъ разнится отъ управленія, существовавшаго въ древне-христіанской Церкви. Но эта разница, по словамъ автора, касается, можно сказать, только частныхъ, обусловливаемыхъ временемъ и мѣстомъ; по духу же, по идеѣ современное епархіальное управленіе наше сохранило образъ древне-христіанскаго. По свидѣтельству блаж. Иеронима и св. Игнатія Богоносца, епархіею управлялъ въ первыя времена Церкви Христовой епископъ при содѣйствіи *совѣта пресвитеровъ*, составлявшагося преимущественно изъ лицъ каедральнаго духовенства, настоятелемъ котораго считался и былъ самъ мѣстный епископъ. *Совѣтъ* этотъ назывался еще „Совѣтомъ Божиимъ“, „Совѣтомъ Церкви“, „Совѣтомъ Христовымъ“, „Сенатомъ апостольскимъ“ („Права и обязанности пресви-

теровъ“, изд. 3-е, стр. 438).—И у насъ въ настоящее время епархія также управляется епископомъ, *советъ* же *пресвитеровъ* замѣненъ консисторіей. Эта послѣдняя, въ зависимости отъ личности епархіальнаго архіерея и состава ея членовъ, можетъ являться или простою канцеляріею, только исполняющею резолюціи епархіальнаго архіерея, или, напротивъ, чѣмъ-то въ родѣ областного духовнаго сената, снабжающаго епархіальнаго архіерея *своими* мнѣніями, рѣшеніями и постановленіями.

Советы пресвитеровъ имѣли временный характеръ, созывались волею епископа по мѣрѣ нужды въ нихъ и занимались рѣшеніемъ дѣлъ, разсмотрѣніе которыхъ *советомъ* признавалось полезнымъ. Изъ правилъ церковныхъ видно, что *советъ пресвитеровъ* участвовалъ въ избраніи желающихъ поступить въ клиръ (Св. Василія Великаго прав. 89), въ церковномъ судѣ не только надъ мірянами, но и надъ священно-церковнослужителями, что извѣстно изъ повѣтствованія объ отлученіи Арія отъ церкви Александрійской (Наегес. 79), въ завѣдываніи и распоряженіи церковнымъ имуществомъ, въ призрѣніи бѣдныхъ (42-е прав. Карфаг. соб., 24-е и 25-е правв. Антиох. соб.) и даже, за отсутствіемъ епископа, дѣлалъ различныя распоряженія, какъ это было, напр., въ Римской церкви послѣ смерти епископа Фабіана (П. Забѣлинъ, стр. 430). Впрочемъ, главнымъ правиломъ, опредѣлявшимъ степень участія пресвитеровъ въ дѣлахъ общецерковныхъ, оставалось 39-е Апостольское правило, ставящее волю епископа въ законъ для пресвитера.

Отличительною чертою отношеній епископа къ пресвитерамъ въ древнее время,—какъ и вообще ко всѣмъ пасомымъ,—была патриархальность, исключавшая всякую формальность и лишнюю канцелярскую работу, не имѣвшую, очевидно, мѣста въ дѣятельности *совета*. Отсюда, естественно, что *советъ пресвитеровъ* не имѣлъ нужды и въ такой организаціи, какую мы видимъ въ нашихъ, такъ сказать, *постоянныхъ соборахъ епархій*, извѣстныхъ подъ име-

немъ консисторій. Тогда, когда епископъ могъ *лащать* не только пастырей, но и пасомыхъ *по имени*; когда онъ могъ выкинуть во всѣ стороны церковно-религіозной жизни своей епархіи непосредственно; когда „епархію составляла сравнительно небольшая христіанская община, ограничивавшая свои предѣлы городомъ и его ближайшими окрестностями, а иногда даже просто какимъ-либо селеніемъ и сосѣдними съ нимъ поселками“ („Церковн. Вѣстн.“ 1904 г., № 50): тогда вполне достаточнымъ вспомогательнымъ для епископа учрежденіемъ могъ быть *советъ пресвитеровъ*, безъ особыхъ правъ и полномочій, безъ особыхъ формъ дѣлопроизводства. Въ наше же время, когда епархіа зачастую раскинута на многія сотни, даже тысячи верстъ, когда паства равняется сотнямъ тысячъ, а иногда и миллионамъ пасомыхъ, епископу нѣтъ, разумѣется, никакой физической возможности обойтись безъ особыхъ вспомогательныхъ учреждений въ рѣшеніи епархіальныхъ дѣлъ. Изъ такихъ учреждений первое мѣсто и занимаетъ консисторія.

Несоотвѣтствіе консисторій церковнымъ канонамъ и практическое неудобство въ отправленіи епархіальныхъ дѣлъ „Церковный Вѣстникъ“ указываетъ въ слѣдующемъ: „Исторія учрежденія, именуемаго *консисторіей*, установила за нимъ самую нелестную рекомендацію. Медленность судопроизводства, крайне придирчивый, мелочный и неужный чиновничій формализмъ, при полномъ нежеланіи считаться съ требованіями жизни, *по мѣстамъ* же и не всегда безкорыстное лицепріятіе—вотъ тѣ черты, которыми исторія охарактеризовала консисторское дѣлопроизводство“.—Собственно говоря, въ приведенной выдержкѣ изъ академическаго журнала нѣтъ рѣшительно ничего противъ мнимаго несоотвѣтствія консисторій церковнымъ канонамъ, а только констатируется господствующій въ настоящее время на нее взглядъ въ нашемъ обществѣ. Но если дѣйствительно исторія охарактеризовала подобнымъ образомъ наши консисторіи, то, безъ сомнѣнія, она руководствовалась въ данномъ случаѣ причинами, лежащими внѣ консисторій, такъ какъ „Уставъ“, которымъ опре-

дѣляется существованіе консисторій, не дастъ къ этому основаній. Вина не института, или учрежденія, что члены его не исполняютъ, какъ должно, лежащихъ на нихъ обязанностей, а виновны въ томъ сами члены. Въ послѣднее время у насъ раздаются сильныя жалобы на всѣ почти безъ исключенія административныя учрежденія и ихъ канцеляріи за царящій будто бы всюду и все мертвящій бюрократизмъ. Но и тутъ можетъ быть рѣчь только объ отдѣльныхъ лицахъ, а не о самихъ учрежденіяхъ, дискредитируемыхъ такою или иною дѣятельностью служащихъ въ нихъ лицъ. Однимъ словомъ, во многомъ и очень многомъ успѣхъ извѣстнаго дѣла зависитъ отъ исполнителей его. Выработайте какія угодно идеальныя правила, дайте обществу совершеннѣйшіе законы. Но если ихъ никто не станетъ исполнять; если ихъ будутъ всячески обходить и понимать съ личной точки зрѣнія; если некому блюсти за ихъ исполненіемъ: то что пользы въ нихъ, какое вліяніе могутъ имѣть они на жизнь общества? Консисторія находится въ непосредственномъ вѣдѣніи епархіальнаго архіерея, онъ—ея непосредственный, прямой начальникъ. Отъ него зависитъ дать такую или иную постановку дѣятельности консисторіи.

Говорятъ, что консисторія—хотя соборъ, но безглавый, такъ какъ никогда не видитъ среди себя своего владыку-главу.—Но соборное начало управленія Церкви Христовой и не допускаетъ главенства. Все, что ставится въ укоръ консисторіямъ,—все это—не нормально, но, въ то же время, и легко устранимо. Если членами консисторій будутъ назначаться дѣйствительно достойнѣйшіе изъ заслуживающихъ довѣрія іереевъ по образованности, опытности, примѣрному поведенію и правдолюбію („Уставъ Дух. Консист.“, ст. 280); если члены консисторій не будутъ предоставлять секретарю первенствующую роль, а и сами будутъ надлежащимъ образомъ вникать въ дѣла; если контроль епархіальнаго архіерея будетъ не номинальный только, а фактическій: то и судъ консисторіи будетъ скорый и правый. Если бы члены кон-

консistorій были дѣйствительно „чиновниками въ рясахъ“, то секретарь не могъ бы имѣть преобладающаго значенія въ рѣшеніи дѣлъ; но въ виду того, что они отдаютъ гораздо больше времени и труда своимъ пастырскимъ, а иногда—и законоучительскимъ обязанностямъ, въ консисторіи же являются лишь на довольно короткое время—для подачи голосовъ при рѣшеніи тѣхъ или иныхъ вопросовъ, оставляя исполненіе дѣлъ на усмотрѣніе секретаря и столоначальниковъ, то отсюда и происходитъ, что секретарю принадлежитъ обыкновенно первенствующая роль во вліяніи на ходъ дѣлъ консисторіи.

Соглашаясь съ тѣмъ, что консисторія не представляетъ собою собора, потому что въ ней мало пресвитеровъ, О. П. говоритъ, что дѣло это не трудно поправить: стоитъ только довести число ея членовъ до извѣстной нормы или до извѣстнаго процентнаго отношенія къ общему числу пресвитеровъ епархіи,—и получится соборъ безъ уничтоженія консисторіи и даже безъ особой ея реформы. А такъ какъ исторія установила за консисторіей блестящую репутацію, то можно измѣнить и самое имя, чтобы и оно ушло вмѣстѣ съ прошедшими годами, выработавшими ей и закрѣпившими за ней такую репутацію. Если же при образовавшемся такомъ *настоящемъ соборѣ* „весьма многія мелочи по управленію церковнымъ хозяйствомъ, всѣ мелкія дѣла по выдачѣ и исправленію документовъ, выдачѣ пособій нуждающимся, вдовамъ и сиротамъ и разборъ мелкихъ жалобъ... передать въ непосредственное завѣдываніе секретаря и его помощниковъ“, то отъ этого власть секретаря нисколько не уменьшится, напротивъ, пожалуй, еще даже увеличится. Вмѣсто этого, гораздо лучше, по мнѣнію О. П., чтобы секретаремъ консисторіи состояло духовное лицо. Боязнь, что этимъ создастся еще лишній „чиновникъ-священникъ“, совершенно не основательна. Вѣдь если членовъ консисторіи можно назвать „чиновниками-священниками“, „чиновниками въ рясахъ“, то съ такимъ же правомъ можно приписать этотъ „титулъ“ и членамъ разныхъ училищныхъ совѣтовъ, правленій, попечительствъ, цен-

зурныхъ комитетовъ и т. п. учреждений. Оставаясь строго послѣдовательнымъ, подъ понятіе „чиновника въ рясахъ“ можно подвести и всякаго вообще священника, равно какъ подъ понятіе „чиновника“—всякаго состоящаго на государственной службѣ и получающаго чины.—Если же въ число членовъ консисторій попадаютъ лица, не соответствующія требованіямъ Устава, то опять-таки консисторія тутъ ни при чемъ.

Въ заключеніе своей статейки. О. П. говоритъ, что было бы очень полезно для епархіальнаго управленія, не уничтожая *постояннаго собора*, именуемаго консисторіей, созывать время отъ времени—ежегодно или разъ въ два года—*епархіальный соборъ* изъ всѣхъ священниковъ епархіи или, по крайней мѣрѣ, значительнаго большинства ихъ, а также съ участіемъ мірянъ, представителей отъ извѣстнаго числа общинъ. Такому собору можно бы предоставить рѣшеніе болѣе важныхъ вопросовъ изъ области церковно-приходской жизни и практики, духовнаго суда, составленіе и выработку новыхъ правилъ, до епархіальнаго управленія касающихся, и вмѣстѣ съ тѣмъ подчинить его контролю всѣ епархіальныя учрежденія. Нѣтъ сомнѣнія, что всякій вопросъ на такомъ соборѣ будетъ подвергнутъ самому всестороннему разсмотрѣнію. Примѣръ Японской Православной Церкви, гдѣ периодически созываются подобные соборы, какъ нельзя лучше и наглядно доказываетъ ихъ полную цѣлесообразность. Важно, при этомъ, то, чтобы *епархіальные соборы* не представляли собою чего-либо равнаго власти епископа, а всецѣло бы зависѣли отъ нея, и рѣшенія и постановленія ихъ получали бы законную силу только послѣ утвержденія ихъ епархіальнымъ архіереемъ, такъ какъ, по правиламъ Церкви, не соборъ, а епископъ долженъ править епархіею, соборъ же долженъ только оказывать ему содѣйствіе въ этомъ.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 9-го октября 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гросовъ*.
Кіевъ. Университетская типографія Акд. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 43.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года октября 23-го дня.

Содержаніе: Церковныя общины сестеръ милосердія.—Приготовленіе къ пастырскому служенію въ католичество (окончаніе).—О произношеніи проповѣдей съ церковной кафедрой.—Выдача метрическихъ выписей.

Церковныя общины сестеръ милосердія.

Въ №№ 226-мъ и 227-мъ (отъ 19-го и 20-го августа) „Московскихъ Вѣдомостей“ за текущій годъ весьма благовременно выдвинутъ для рѣшенія предстоящаго Всероссійскаго помѣстнаго собора вопросъ о „забытой силѣ Церкви—„*diaconissax*“, и тѣмъ самымъ указанъ простой, удобный и желательный путь къ „расширенію круга дѣйствій Церкви по дѣламъ христіанскаго милосердія“.

Какъ извѣстно, громадныя денежныя суммы, въ которыхъ выражается ежегодный доходъ нашихъ церквей и монастырей, составляются главнымъ образомъ изъ трудовыхъ копеекъ бѣднѣйшей части русскаго общества. Между тѣмъ, много ли удѣляютъ изъ этихъ суммъ какъ церкви, такъ и

монастыри на призрѣніе обездоленныхъ и на лѣченіе страждущихъ? И вотъ, въ послѣднее время враждебная Церкви печать все чаще и чаще предъявляетъ къ православному духовенству обвиненіе въ равнодушномъ отношеніи его и къ матеріальнымъ и къ духовнымъ нуждамъ пасомыхъ. И съ этими обвиненіями не считаться нельзя, такъ какъ, — негдѣ грѣха таить, — подчасъ въ нихъ бываетъ не мало и горькой правды.

Въ частности, что касается собственно „призрѣнія обездоленныхъ и лѣченія страждущихъ“, то дѣло это, являвшееся *во времена оны* прямымъ дѣломъ Церкви въ лицѣ приходской общины, въ настоящее время почти всецѣло перешло въ руки Краснаго Креста и земства. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что Церковь должна, въ виду этого, совершенно отказаться отъ святаго дѣла христіанскаго милосердія и оставаться лишь пѣмой и безучастной зрительницей дѣятельности въ этомъ направленіи указанныхъ учрежденій. И Красный Крестъ и земство имѣютъ въ виду главнымъ образомъ оказаніе *матеріальной* помощи; забота о *духовныхъ* нуждахъ православнаго русскаго человѣка занимаетъ второстепенное мѣсто, является случайною, нисколько не организованной, въ полной зависимости отъ личныхъ воззрѣній и личнаго усмотрѣнія стоящихъ во главѣ этихъ учрежденій дѣятелей. Для русскаго же человѣка, — по справедливому замѣчанію А. Н., автора названной статейки „Московскихъ Вѣдомостей“, — въ особенности въ минуты душевной и тѣлесной скорби, не только отрадно, но прямо необходимо чувствовать себя въ атмосферѣ *церковности*, твердо знать, что духовная помощь идетъ къ нему отъ Церкви Христовой, единственной обладательницы правды и благодати Божіей.

Въ періодической прессѣ послѣдняго времени возникла цѣлая полемика по вопросу о личномъ участіи монашествующихъ въ уходѣ за больными и въ разныхъ другихъ дѣлахъ милосердія и христіанской благотворительности. Нельзя, разумѣется, ничего возразить противъ обязанности монаше-

ствующихъ проявлять любовь свою къ ближнимъ въ направленіи, указанномъ Спасителемъ въ притчѣ о милосердомъ самарянинѣ. Но нельзя при этомъ забывать и того, что св. отцы очень настойчиво предостерегаютъ ихъ отъ опасности частыхъ и долгихъ отлучекъ изъ своихъ обителей для какихъ бы то ни было надобностей и цѣлей. Отсюда—монашествующимъ приличіе всего служить ближнимъ или въ самыхъ стѣнахъ монастыря, или, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ съ нимъ сосѣдствѣ. Но, въ такомъ случаѣ, какъ же слѣдуетъ поступить Церкви съ тѣми многочисленными страждущими, которые почему-либо лишены возможности являться въ монастыри, требуя помощи у себя, на мѣстѣ?

Предлагая, въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, свой проектъ расширенія „круга дѣятельности Церкви въ дѣлахъ милосердія“, А. Н. говоритъ, что „настало для Русской Церкви время основывать *собственныя* общины сестеръ милосердія—но не по образцу общинъ Краснаго Креста, возникшихъ внѣ Церкви (Женева)—и ставить ихъ на камнѣ вѣры, на основаніяхъ, безусловно согласованныхъ съ ученіемъ Церкви. Эти сестры,—носительницы не Краснаго Креста, а креста Христова,—не связанные, однако, монашескими обѣтами, но и не свободныя отъ соблюденія церковнаго правила и соединенныя въ общежитія по благословенію епископа, могли бы безпрепятственно и безбоязненно являться повсюду, куда ихъ позоветь для святого дѣланія сладчайшій гласъ Господа Ісуса“. И затѣмъ продолжаетъ: „можно безошибочно предсказать, что разъ типъ такихъ общинъ будетъ принятъ и установленъ Церковію, эти учрежденія станутъ быстро возникать на всемъ пространствѣ православной Россіи и наполняться тѣми же дѣвщами и вдовами, которыя нынѣ часто направляются въ женскіе монастыри только потому, что не знаютъ иного способа соединиться въ общежитія для служенія Господу. Ничто не препятствовало бы этимъ сестрамъ въ церковныхъ общинахъ обучаться врачебному искусству, насколько оно необходимо для ухода за больными. Послѣдніе,

въ особенности въ деревняхъ, горячо возблагодарили бы Церковь за такой уходъ“!

Но здѣсь самъ собою возникаетъ вопросъ: кому іерархія могла бы довѣрить свои общины? кто бы могъ въ нихъ достойно держать знамя церковности? кто могъ бы явиться наставницами и руководительницами церковныхъ общинъ *Креста Христова*?

Мысленный взоръ автора невольно переносится при этомъ къ первымъ вѣкамъ Церкви христіанской и останавливается на испытанномъ въ теченіе многихъ вѣковъ установленіи, именно—на чинѣ *діакониссъ*. За великое и важное значеніе этого установленія лучше всего говорятъ святые образы—діакониссы Кенхрейской церкви Фивы, ревностной помощницы ап. Павла (Римл. 16, 1), діакониссы Олимпіады, служившей Церкви при Іоаннѣ Златоустѣ, сестры св. Григорія Нисскаго Макрины, Лампади и др.¹⁾

Установленіе чина діакониссъ есть установленіе апостольское. По мнѣнію нѣкоторыхъ церковныхъ писателей, діакониссы съ *третьяго* и даже со *второго* вѣка считались состоящими въ клирѣ, такъ какъ получали особое посвященіе²⁾. Посвященіе это, согласно постановленію *перваго* вселенскаго собора, какъ и въ прочія церковныя степени, совершалось чрезъ святительское *рукоположеніе* (Лаодикійскій соборъ впоследствии воспретилъ такое рукоположеніе), при чемъ предписывалось рукополагаемой носить особую одежду, отличную отъ одеждъ мірскихъ женщинъ, и чита-

¹⁾ Последнія *два* были вмѣстѣ съ тѣмъ и монахинями. Вообще же діакониссы не были монахинями, и только нѣкоторыя изъ монахинь, *съ видъ отличія*, возводились въ діакониссы.

²⁾ Положительное свѣдѣніе объ этомъ впервые встрѣчается въ VIII-й книгѣ „Постановленій Апостольскихъ“, гдѣ въ 28-й главѣ (Правила Симона Канонита), а также и въ главѣ 31-й прямо указывается на діакониссъ, какъ на членовъ клира. Затѣмъ о діакониссахъ имѣется цѣлый рядъ постановленій вселенскихъ соборовъ: 19-е правило *перваго* собора, 15-е правило *четвертаго*, 14, 40 и 48-е правила *шестого*.

лась рукополагавшимъ слѣдующая молитва: „Вѣчный Боже, Отче Господа нашего Иисуса Христа, Творче мужа и жены, исполнившій Духа Свята Маріамъ, Деввору и Анну, почтившій Жену рожденіемъ Единородного Сына Твоего, въ скиніи завѣта и храма поставившій хранительницъ священныхъ вратъ Твоихъ,—призри и нынѣ на рабу Твою сію и даруй ей Духа Твоего Святаго, да достойно совершитъ вручаемое ей дѣло сіе, во славу Твою и честь Христову“¹⁾. Постановленія *четвертаго* и *шестого* вселенскихъ соборовъ запрещаютъ возводить въ чинъ діакониссъ женщинъ, не достигшихъ 40-лѣтняго возраста²⁾; тѣхъ же изъ нихъ, которыя вступали послѣ рукоположенія въ бракъ, предають анаемѣ.

Одна изъ главныхъ обязанностей діакониссъ въ первые вѣка христіанства заключалась въ обученіи начальнымъ истинамъ христіанской вѣры женщинъ, готовившихся къ принятію св. крещенія и въ служеніи при самомъ крещеніи. Частіе — помощь діакониссъ при крещеніи состояла въ слѣдующемъ: онѣ научали готовившихся къ крещенію женщинъ, какъ и что эти послѣднія должны отвѣчать на вопросы крещающаго и какъ должны вести себя послѣ крещенія; помогали епископу при самомъ ихъ крещеніи и вмѣсто него совершали помазаніе положенныхъ частей тѣла, за исключеніемъ чела. Онѣ же смотрѣли за дверью, въ которую входили женщины въ церковь, разставляли ихъ по мѣстамъ и наблюдали, чтобы послѣднія вели себя во время богослуженія благочинно; присутствовали при бесѣдахъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ съ женщинами; принимали ближайшее участіе въ благотворительности по отношенію къ женщинамъ и въ особенности въ попеченіи Церкви о больныхъ и пр. т. п. Есть даже основаніе предполагать, что діакониссы прислуживали въ храмѣ при богослуженіяхъ;

¹⁾ „Постановленія Апостольскія“, кн. VІІІ, гл. 20.

²⁾ Лаедикійскій соборъ и св. Енифаній обычно называютъ діакониссъ *πρεσβυτιδες*; т. е. *старшицами*.

но входили ли онѣ въ алтарь, и въ чемъ собственно заключались ихъ обязанности въ этомъ случаѣ, никакихъ сколько-нибудь определенныхъ свѣдѣній не сохранилось. Нѣкоторые, впрочемъ, писатели полагаютъ, что діакоиссы въ алтарь не входили, такъ какъ 44-ое правило Лаодикійскаго собора запретило вообще женщинамъ входить въ алтарь. Но большой еще, какъ говорится, вопросъ; относилось ли это правило и къ діакоиссамъ. Объясняя 13-ое правило *четвертаго* (Халкидонскаго) вселенскаго собора, запрещающее посвящать въ діакоиссы женщинъ моложе 40 лѣтъ, знаменитый канонистъ—Антиохійскій патріархъ Вальсамонъ замѣчаетъ: „То, о чемъ говорится въ этомъ правилѣ, совершенно вышло изъ употребленія. *Нынѣ діакоисса не поставляется*, хотя нѣкоторые монахини неправильно и называются діакоиссами. Ибо есть правило, запрещающее женщинамъ входить въ св. алтарь. Какъ же женщина, не имѣющая права входить въ алтарь, можетъ исполнять обязанности діакоинства?“ Хотя тотъ же Вальсамонъ, на вопросъ Александрійскаго патріарха Марка: „Божественныя правила упоминаютъ о діакоиссахъ; мы желаемъ знать, въ чемъ состоитъ ихъ служеніе?“—отвѣчаетъ: „Въ древности чины діакоиссъ опредѣлены были правилами, и *онѣ имѣли даже степень при алтарѣ*; но нечистота... (здесь Вальсамонъ упоминаетъ объ известномъ физиологическомъ отравленіи женскаго организма) отдалила служеніе ихъ отъ божественнаго и святаго алтаря. Впрочемъ, въ святѣйшей церкви Константинопольскаго престола *діакоиссы поставляются*; но онѣ не имѣютъ никакого отношенія къ алтарю, а по большей части вводятъ въ церковь женщинъ и управляютъ женскимъ отдѣленіемъ при церкви“.

Объ исчезновеніи изъ церковной практики чина діакоиссъ Ив. Масловъ, помѣстившій на страницахъ журнала журнала „Духъ Христіанина“ за 1861—1862 г. цѣлое изслѣдованіе о діакоиссахъ, говоритъ: „...*Восточная Церковь не знаетъ ни одного каноническаго правила, которымъ бы запрещалось посвященіе діакоиссъ*, и чинъ ихъ уничтожился

не вслѣдствіе какого-нибудь соборнаго опредѣленія, а просто вышелъ изъ употребленія самъ собою, въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ, потому что онъ потерялъ свое настоящее значеніе. Званіе діакоиссы, означавшее въ прежнее время служительницу бѣднымъ и больнымъ и проч., подѣ конецъ сдѣлалось не болѣе, какъ почетнымъ званіемъ, которое давалось почетнѣйшимъ монахинямъ, и всего чаще настоятельницамъ монастырей“.

Ровно 65 лѣтъ тому назадъ въ нашей Русской Церкви возбужденъ былъ извѣстнымъ миссіонеромъ архим. Макаріемъ вопросъ о восстановленіи чина діакоиссы; но дѣло не получило движенія. „Вы говорите,—писалъ по этому поводу митроп. Московскій Филаретъ архим. Макарію въ письмѣ своемъ отъ 7-го февраля 1840-го года,—о діакоиссахъ: но отчего сей чинъ прекратился въ Церкви? Отъ того ли, что отцы наши меньше знали, что для Церкви полезно, и что по времени удобно или не удобно? *Я не почитаю восстановленіе сего чина ни бесполезнымъ, ни невозможнымъ*: но вы видѣли, что ваши мысли о діакоиссахъ дошли до начальства, и встрѣтили только молчаніе“. „Но если 65 лѣтъ тому назадъ,—закапчиваетъ свою статейку А. Н.,—по этому вопросу водворилось молчаніе въ Синодѣ, управляемомъ бывшимъ гусарскимъ офицеромъ графомъ Протасовымъ, то можно предположить, что это молчаніе будетъ прервано на соборѣ Всероссийской Церкви. И думается, что тотъ епископъ, который рѣшится внести этотъ вопросъ на обсужденіе собора, окажетъ тѣмъ услугу Церкви, въ особенности же всѣмъ ея страждущимъ чадамъ.—Да будетъ такъ!—Но учрежденіе... *церковныхъ общинъ сестеръ милосердія*... не требуетъ соборнаго опредѣленія и можетъ осуществиться нынѣ же, не только съ разрѣшенія Св. Синода, но даже по благословенію каждаго епархіальнаго архіерея.—Да возгорится же въ сердцахъ пастырей забота о духовныхъ нуждахъ страждущей паствы!“

Приготовление къ пастырскому служенію въ католичествѣ.

(Окончаніе ¹⁾).

При толкованіи текста преподаватель долженъ прежде всего и главнымъ образомъ отыскать догматическій смыслъ даннаго мѣста—„теологическую мысль Святаго Духа“, какъ выражается Aubry ²⁾, и затѣмъ уже смыслъ нравственный. Этимъ ограничиваются задачи католическаго экзегесиса. Настоящаго же научнаго экзегесиса, въ нѣмецкомъ смыслѣ этого слова, построеннаго на критикѣ священнаго текста, въ католическихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и не можетъ быть, потому что текстъ Вульгаты, которою одной только и пользуются для чтенія и изученія какъ воспитанники, такъ и сами преподаватели, въ римской Церкви считается каноническимъ, слѣдовательно—исключаяющимъ всякую возможность критическаго отношенія къ нему. Не можетъ преподаватель проявить научной самостоятельности и при толкованіи отдѣльныхъ трудныхъ мѣстъ, потому что право истолкованія ихъ принадлежитъ одному папѣ. Роль преподавателя, такимъ образомъ, ограничивается однимъ лишь сообщеніемъ того, что добыто и установлено предшествующими толкователями и санкціонировано верховнымъ авторитетомъ Церкви. Поэтому, не удивительно, что католическіе богословы, чтобы дать, все-таки, нѣкоторый исходъ научной пытливости, изощряются въ рѣшеніи чисто схоластическихъ вопросовъ, не имѣющихъ серьезнаго научнаго значенія, какъ, напр. о томъ, гдѣ именно было мѣсто земнаго рая, какого рода былъ плодъ, съѣденный Адамомъ, какимъ оружіемъ Каинъ убилъ Авеля, какъ были устроены солнечные часы царя Езекин, и т. п. ³⁾

¹⁾ См. № 42-й за 1905 г.

²⁾ Ibid. p. 382.

³⁾ Руков. для сельск. паст., 1866 г., стр. 361.

Ренанъ въ „Воспоминаніяхъ дѣтства и юности“, говоритъ, что передъ нимъ открылись цѣлые новые горизонты послѣ того, какъ онъ познакомился съ нѣмецкой богословской наукой. Онъ увлекся этой наукой и, не находя возможнымъ совмѣщать критику священнаго текста съ вѣрой въ богодуховенность Вульгаты, совершенно порвалъ связь съ римскою Церковью и вышелъ изъ духовнаго званія.

Само собою разумѣется, что при изложеніи предмета, — напр., при изложеніи содержанія изучаемой книги, — преподаватель долженъ, согласно общему схоластическому принципу, „для ясности“, расчленивъ его на отдѣльныя мысли, а эти послѣднія, въ свою очередь, раздѣлить и подраздѣлить на отдѣльные моменты ¹⁾. Такая дробность распланировки усиленно рекомендуется каждому преподавателю католической духовной семинаріи: такъ поступалъ еще Тома Аквинатъ. Практикуется въ католическихъ семинаріяхъ, такъ же какъ и у насъ въ Россіи, и заучиваніе наизусть отдѣльныхъ мѣстъ Свящ. Писанія. Заучиваются обыкновенно мессіанскіе псалмы и мѣста изъ посланій ап. Павла, имѣющія догматическое значеніе.

Но центръ семинарскаго образованія лежитъ не въ Св. Писаніи, хотя оно и проходитъ во всѣхъ семинаріяхъ, а въ богословіи — догматическомъ и нравственномъ, которое повсемѣстно является существенною составною частью и *conditio sine qua non* богословскаго образованія. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ больше вниманія обращаютъ на догматическое богословіе, а въ другихъ на нравственное. Впрочемъ, въ послѣднее время всюду на первый планъ выдвигается богословіе нравственное. Въ преподаваніи того и другого царятъ та же схоластика и та же полемика, что и въ преподаваніи Свящ. Писанія. Такъ же бесконечно дѣлится предметъ на трактаты, на главы, потомъ на безчисленное множество пунктовъ; такъ же ожесточенно ведется борьба съ

¹⁾ Aubry, *ibid.* p. 331.

раціоналистами и еретиками. Особенно много страстности вносятъ католическіе богословы въ свою полемику съ протестантами, въ которыхъ видятъ своихъ естественныхъ враговъ и по отношенію къ которымъ положительно не могутъ удержаться на почвѣ объективности и научнаго безпристрастія. Чтобы болѣе ясно и выпукло представить заблужденія протестантовъ, они часто впадаютъ въ преувеличенія, извращаютъ истину и клеветуютъ на протестантовъ. Ложь въ этомъ случаѣ считается дозволенной, потому что она имѣетъ въ виду торжество Рима. Поэтому, не безъ основанія утверждаютъ ¹⁾, что католическая догматика имѣетъ цѣлью возбудить въ учащихъ ненависть къ протестантству и всѣмъ иновѣрнымъ исповѣданіямъ. При этомъ, часто полемика ведется не серьезными научными приемами, а паивно до курьезности. Возраженія раціоналистовъ и протестантовъ не разбираются и не критикуются, а просто „уничтожаются“ ссылкой на Тома Аквината, Бонавентуру, Альфонса Лигуори или другого схоластическаго ученаго. Раціонализмъ говоритъ то-то, а Тома Аквинатъ объ этомъ же говоритъ иначе; слѣдовательно, — дѣлается заключеніе, — раціонализмъ заблуждается ²⁾. Такъ какъ, при тенденціи католическихъ семинарій — непременно пройти весь курсъ каждой науки и при краткости всего семинарскаго курса, почти никогда не хватаетъ времени на болѣе или менѣе обстоятельное изложеніе всѣхъ частей курса, то догматическое и нравственное богословіе обыкновенно проходятся по компендіумамъ, т. е. сокращеннымъ изложеніямъ курса. Сокращеніе здѣсь нерѣдко доводится до того, что компендіумъ превращается въ сухой переченьъ догматовъ, добродѣтелей и пороковъ и напоминаетъ скорѣе каталогъ, чѣмъ учебникъ ³⁾.

Нравственное богословіе въ католическихъ духовныхъ семинаріяхъ, которое — и не безъ основанія — называютъ

¹⁾ Руков. для сельск. наст., 1866, II, 364.

²⁾ Бронзовъ, Христ. Чт., 1896, стр. 638.

³⁾ Aubry, *ibid.* p. 250.

„школой самой глубокой безнравственности“, заслуживает того, чтобы сказать о нем несколько словъ отдѣльно.

Всѣмъ извѣстно иезуитское учение о нравственности, то самое учение, о которомъ О. Ю. Самаринъ въ свое время писалъ, что при ознакомленіи съ нимъ „что-то тяжелое ложится на душу и тѣснить ее; дыханіе обрывается въ атмосферѣ, насыщенной обманомъ и кощунствомъ; совѣсть, чуя, что ее обходятъ и хотять окружить, отбивается со всѣхъ сторонъ отъ подступающей къ ней лжи и, утомленная, просить пощады“¹⁾. То же самое учение, подъ именемъ нравственнаго богословія, преподается въ католическихъ семинаріяхъ и въ настоящее время. Пробабиллизмъ, *restrictiones mentales*, дѣленіе грѣховъ на прощительные и непрощительные, изъ которыхъ первые отпускаются даже безъ исповѣди, — словомъ, всѣ цвѣтки иезуитской казуистики вошли въ систему католическаго нравственнаго богословія и преподаются не только въ духовныхъ семинаріяхъ, но и на богословскихъ факультетахъ католическихъ университетовъ²⁾. Система нравственнаго богословія Бузенбаума, изъ которой заимствуется описаніе иезуитской морали Самаринъ, и которая долгое время служила учебникомъ нравственнаго богословія въ иезуитскихъ учебныхъ заведеніяхъ, легла въ основу нравственнаго богословія Альфонса Лигуори; а послѣдній, по части казуистики, далеко превзошелъ даже Бузенбаума, и въ его системѣ, по отзыву самой римской Церкви, все отъ начала до конца безукоризненно, такъ что заслуживаетъ быть усвоеннымъ и воплощеннымъ, по мѣрѣ силъ cadaго, въ самую жизнь³⁾. Всѣ семинарскіе учебники нравственнаго богословія составлены на основаніи Альфонса Лигуори, который признанъ римскою Церковію святымъ и считается въ насто-

¹⁾ Самаринъ. Иезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи, стр. 268.

²⁾ Бронзовъ. Христ. Чт., 1896 г., ч. III.

³⁾ Христ. Чт., 1896, II, 650.

ящее время во всемъ католическомъ мѣрѣ первостепеннымъ авторитетомъ по части ученія о нравственности¹⁾.

Исторія Церкви также относится къ числу обязательныхъ предметовъ богословскаго курса и проходится во всѣхъ семинаріяхъ. Согласно съ общимъ принципомъ семинарскаго образованія, и она задается цѣлями апологетическими. Прямая задача ея заключается не въ изложеніи внѣшнихъ судебъ Церкви въ ихъ исторической послѣдовательности, а въ изложеніи исторіи догматовъ католической Церкви: „l'histoire Ecclesiastique est l'etude de la tradition, l'histoire du dogme“, говоритъ Aubry²⁾. Исторія Церкви есть исторія богословія или лучше—богословіе исторіи, и потому роль ея, какъ и философіи, по отношенію къ богословію—служебная. Цѣль преподаванія церковной исторіи заключается въ томъ, чтобы оправдать историческимъ путемъ всѣ особенности, нововведенія и новые догматы католицизма, чтобы доказать, что римская Церковь никогда не измѣнялась, что она была точно такую же въ первые вѣка христіанства, какъ и теперь. Для этого, какъ извѣстно, пускаются въ ходъ обычные латинскіе приемы: извращаются, перетолковываются факты, выдаются за подлинныя документы, которые всему ученому мѣру извѣстны, какъ подложныя и т. п.; но цѣль римской Церкви, безъ сомнѣнія, достигается, а для нея это только и важно.

Если къ указаннымъ предметамъ прибавимъ еще каноническое право, то получимъ всю группу обязательныхъ для католической семинаріи богословскихъ предметовъ, т. е. такихъ, которые составляютъ необходимый minimum богословскаго образованія въ католичествѣ, и потому проходится во всѣхъ семинаріяхъ. Остальные богословскіе предметы, какъ литургика и церковная археологія, пастырское богословіе и

¹⁾ Бронзовъ, тамъ же. стр. 637 и 650; Самаринъ, тамъ же, 147. Рубков. для сельск. пастыр., 1866, стр. 365.

²⁾ Ibid., p. 700.

катехетика, проходятся далеко не во всѣхъ семинаріяхъ, да и то не всѣ вмѣстѣ, а такъ, что въ одной семинаріи проходится одна какая-нибудь или двѣ изъ нихъ, а въ другой—другія.

Нѣсколько страннымъ можетъ показаться то, что въ приведенномъ перечнѣ богословскихъ предметовъ нѣтъ гомилетики. Невольно возникаетъ вопросъ: неужели въ католическихъ семинаріяхъ, которыя дали столько прославленныхъ, всѣмъ извѣстныхъ и дѣйствительно превосходныхъ проповѣдниковъ, не проходится наука церковнаго краснорѣчія? Но какъ ни странно, тѣмъ не менѣе это такъ: въ католическихъ семинаріяхъ гомилетика дѣйствительно, не проходится. Если гдѣ въ перечнѣ предметовъ семинарской программы встрѣчается слово „гомилетика“, то оно означаетъ не то, что мы привыкли понимать подъ этимъ именемъ, т. е. теорію и исторію духовнаго краснорѣчія, и просто гомилетическія упражненія, т. е. составленіе и произнесеніе проповѣдей и катихизацію, служащая подготовительною ступенью къ проповѣдничеству. Въ такомъ практическомъ видѣ гомилетика дѣйствительно существуетъ во всѣхъ семинаріяхъ. Aubry считаетъ гомилетическія упражненія излишними¹⁾, лишь отвлекающими учащагося въ сторону отъ серьезныхъ занятій науками. „Пусть кандидатъ священства,—говоритъ онъ,—посвятить всю свою энергію, всѣ свои силы и все свое время изученію церковныхъ наукъ; пусть онъ запасается идеями; пусть образуетъ свое сужденіе; пусть возвыситъ и расширитъ свой духъ;—словомъ, пусть онъ сдѣлается человѣкомъ принциповъ, — и такой подготовки будетъ вполне достаточно. Потомъ онъ свободно станетъ передъ народомъ, и слово свободно полетитъ изъ его души, вдохновенное зрѣлищемъ нуждъ паствы, предоставленной его усердію“²⁾.

¹⁾ Ibid., p. 495 и слѣд.

²⁾ Ibid., p. 303.

Необходимыя для составленія проповѣдей теоретическія свѣдѣнія во Франціи, Италіи и Испаніи сообщаются въ курсѣ реторики, а въ Германіи—въ курсѣ пастырскаго богословія. Отдѣльныя кафедры по гомилетикѣ, насколько намъ извѣстно, существуютъ лишь въ Петербургской католической духовной Академіи и въ Парижской Сорбоннѣ. Практическія же занятія проповѣдничествомъ ведутся въ католическихъ семинаріяхъ гораздо оживленнѣе, чѣмъ въ нашихъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть обычай произносить проповѣди ежедневно въ столовой во время обѣда и ужина; въ другихъ—ученическія проповѣди читаются и разбираются въ общей залѣ въ присутствіи всѣхъ семинаристовъ. Во всѣхъ семинаріяхъ воспитанники старшихъ классовъ произносятъ проповѣди въ семинарской церкви. Такимъ образомъ, каждый изъ воспитанниковъ за все время пребыванія въ семинаріи произноситъ проповѣдей 20 (а у насъ 3—5). Но подобной подготовки недостаточно все же, чтобы быть хорошимъ поповѣдникомъ, и если въ католической Церкви—и особенно во Франціи—есть много превосходныхъ проповѣдниковъ, то развитіемъ своего ораторскаго таланта они обязаны не семинаріи, а самостоятельнымъ трудамъ въ этой области уже по выходѣ изъ семинаріи. Особенно цѣнится краснорѣчіе во Франціи; тамъ ни одинъ проповѣдникъ не можетъ рассчитывать на вниманіе, а тѣмъ болѣе на успѣхъ, если онъ не обладаетъ краснорѣчіемъ. Сама природа, какъ говоритъ Matter ¹⁾, надѣлила французовъ способностями къ ораторской рѣчи, любовью къ ней и вкусомъ. Поэтому, каждый клирикъ старательно и съ любовью изучаетъ древніе образцы проповѣдическаго искусства и преимущественно проповѣди лучшихъ французскихъ проповѣдниковъ, чтобы потомъ самому взойти на церковную кафедру во всеоружіи слова. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, напр., Тулузской, существуютъ даже спеціальныя дома для проповѣдниковъ, желающихъ усовершенствоваться въ церковномъ

¹⁾ Herzog, B. IV, s. 503.

ораторствѣ (Uebungshäuser für Prediger, Maisons de prédication). Выдающіеся проповѣдники разъѣзжаютъ по разнымъ городамъ и привлекаютъ своими проповѣдями массу слушателей. На проповѣди Лакордэра, Дюпанлу, Бутэна, Феликса и другихъ въ Notre Dame собирался весь Парижскій beau monde, не говоря уже о многочисленныхъ проповѣдникахъ—собратахъ по роду служенія, приходившихъ поучиться приемамъ духовнаго ораторства.

Чтобы покончить съ характеристикой учебной стороны католическихъ духовныхъ семинарій, необходимо сказать еще о такъ называемыхъ „академіяхъ“ и внѣклассномъ чтеніи.

„Академіи“ состоятъ въ томъ, что два избранныхъ преподавателемъ воспитанника, при полномъ собраніи товарищей и въ присутствіи преподавателей, дебатируютъ на данную тему. Одинъ изъ нихъ защищаетъ извѣстное положеніе, обычно какой-нибудь изъ пунктовъ католическаго вѣроученія, а другой старается сбить его съ позиціи, поставить ему возраженіе, на которое защищающій не въ состояніи былъ бы отвѣтить, или запутать его въ противорѣчійхъ. И тезисы и возраженія ставятся непременно въ силлогистической формѣ.— Эти „академіи“, перенятія у іезуитовъ, существовала и у насъ въ дореформенной семинаріи и носили названіе диспутовъ, или въ просторѣчій—„препоть“¹⁾. Въ настоящее время онѣ въ большомъ ходу въ семинаріяхъ испанскихъ и итальянскихъ, а во Франціи не пользуются особеннымъ почетомъ, хотя за ними и признаютъ образовательное значеніе²⁾. Предполагая въ дебатирующихъ значительную свободу въ построеніи силлогизмовъ по всѣмъ фигурамъ и модусамъ схоластической логики и требуя отъ нихъ знанія всего пройденнаго, онѣ представляютъ лучшую школу для формальнаго развитія мышленія и рѣчи, замѣняютъ повторенія и репетиціи, на которыя непроизводительно убивалось бы много времени, и

¹⁾ Знаменскій. Духовн. шк. въ Россіи до реформы 1808 г., стр. 765.

²⁾ Aubry, *ibid.*, p. 515.

способствуютъ усвоенію учениками всей схоластической мудрости *per succum et sanguinem*¹⁾.

Не маловажную роль въ общей системѣ католическаго пастьрскаго воспитанія играетъ также внѣклассное чтеніе. Изъ книгъ и журналовъ учащіеся знакомятся съ фактами и мыслями, которыхъ имъ не сообщали на урокахъ, встрѣчаются съ новымъ освѣщеніемъ фактовъ уже извѣстныхъ. Все это можетъ укрѣпить ихъ въ первоначальныхъ возрѣніяхъ, но можетъ дать и совершенно новое направленіе, можетъ совершенно отратить отъ намѣченнаго пути. Это, конечно, не безызвѣстно руководителямъ католическихъ семинарій, и потому ими сдѣланъ тщательный подборъ книгъ. Не говоря уже о томъ, что въ семинарскихъ бібліотекахъ нѣтъ книгъ, указанныхъ въ папскомъ *Index'е librorum prohibitorum*, нѣтъ беллетристики и книгъ для легкаго чтенія, въ нихъ не имѣется даже научныхъ трудовъ по другимъ областямъ знанія, кромѣ философіи и богословія. „Удалимъ изъ семинаріи,—говоритъ Aubry²⁾,—не говорю уже книги легкаго содержанія, фривольныя, которыя никогда не должны переступать семинарскаго порога, но и научныя труды вульгарныя, посредственныя, запечатлѣнные тѣмъ современнымъ духомъ, который поверхностно касается всѣхъ предметовъ, не углубляясь въ нихъ, привноситъ въ нихъ либеральныя теоріи, личные рискованныя взгляды. Удалимъ книги посредственныя съ такою же почти суровостью, какъ и дурныя“. „Въ періодъ образованія кандидатъ священства долженъ питаться только мозгомъ льва“ (*de la moelle de lion*)³⁾. „Читайте только Плутарха, Гомера, Цицерона, Платона, Давида, св. Павла, блаж. Августина, св. Терезію, Боссюэта, Паскаля“, говоритъ Лакордеръ⁴⁾. И этому правилу въ боль-

¹⁾ Aubry, *ibid.*, p. 514 и слѣд.; Кустодіевъ. Христ. Чт., 1864, II, стр. 113

²⁾ *Ibid.*, p. 515—516.

³⁾ *Ibid.*, p. 517.

⁴⁾ Aubry, *ibid.*, p. 515.

шей или меньшей степени слѣдуютъ всѣ семинаріи. Читатъ совѣтуется не поспѣшно, не для того только, чтобы познаться съ предметомъ, а медленно; съ разстановками, съ записываніемъ прочитаннаго; стараясь усвоить каждую мысль, каждое положеніе. Наставники должны часто прерывать чтеніе, спрашивая о прочитанномъ и бесѣдая по поводу его¹⁾.

Никогда не должно давать ученикамъ въ руки книгъ, проводящихъ воззрѣнія, расходящіяся съ тѣми, которыя сообщаются имъ на урокахъ,—такихъ, которыя бы могли произвести въ нихъ раздвоеніе мысли и навести ихъ на сомнѣніе въ истинности преподаваемаго; и вообще—никогда не должно оставлять ихъ въ сомнѣніи относительно какого-нибудь вопроса: лучше ошибочное рѣшеніе, чѣмъ никакого²⁾. Въ этомъ отношеніи семинарская педагогія сходится съ Бэкономъ, который говоритъ: „истина скорѣе исходитъ изъ заблужденія, чѣмъ изъ общей сбивчивости мысли“.

Такимъ образомъ, католическое духовенство получаетъ образованіе не блестящее. Образовательная система католическихъ духовныхъ семинарій не отличается ни широтою, ни глубиною, хотя католическіе богословы и претендуютъ на послѣднюю, принимая за нее углубленіе въ дебри схоластической учености. Католическій семинаристъ кончаетъ свое образованіе, вооруженный всѣмъ философскимъ и богословскимъ остроуміемъ прошлыхъ вѣковъ, съ головою, переполненною именами давно вымершихъ системъ и оставшихся безъ вліянія средневѣковыхъ ученыхъ, но въ полномъ почти невѣдѣніи относительно умственной жизни настоящаго времени, о живыхъ и дѣйствующихъ научныхъ направленіяхъ, которыхъ онъ не знаетъ даже по имени. О католическихъ ученыхъ, вышедшихъ изъ семинарій и вѣрныхъ семинарскимъ традиціямъ, можно сказать почти то же самое, что сказали

¹⁾ Ibid. p. 517.

²⁾ Aubry. p. 523.

Владиміръ Гетте объ иезуитахъ: „помимо тѣхъ трудовъ, въ которыхъ требуется болѣе терпѣніе, нежели гений, они могутъ указать только на посредственности“ 1). Если и есть среди нихъ люди высокой учености и всесторонне образованные, то этимъ они обязаны, во всякомъ случаѣ, не семинаріи, а самимъ себѣ. Католическая богословская наука въ пять разъ древнѣе нѣмецкой, но, несмотря на это, находится въ дѣтскомъ возрастѣ по сравненію съ послѣдней и всегда идетъ за нею. Но за то семинарской системѣ преподаванія нельзя отказать въ другихъ, — и очень важныхъ, — достоинствахъ, именно — въ замѣчательной цѣльности плана, единствѣ руководящей идеи и послѣдовательности въ ея проведеніи. Трудно придумать другой болѣе логическій планъ богословскаго образованія, чѣмъ католическій, въ которомъ первое мѣсто занимаетъ богословіе догматическое и нравственное, а всѣ остальные предметы по отношенію къ нимъ играютъ роль служебную — являются или приготовительною ступенью къ изученію богословія, какъ вся группа словесныхъ предметовъ, или вспомогательными богословскими науками, какъ философія и исторія. Ни одна изъ этихъ вспомогательныхъ наукъ не становится на степень самостоятельнаго предмета. Въ виду того, что сама наука, особенно историческая, при серьезномъ, выходящемъ за предѣлы семинарской программы, изученіи ея можетъ навести семинариста на не католическія мысли, можетъ указать ему на неправильности католицизма, семинарскіе наставники зорко слѣдятъ, чтобы ученики не увлекались наукой. Семинаристъ долженъ учить лишь то, что необходимо знать *католическому священнику*, т. е. богословіе и то, что содѣйствуетъ его изученію 2).

Такъ католичество поняло совѣтъ ап. Павла: *не мудрствовать паче, еже подобаетъ мудрствовать* 3). Этимъ пу-

1) Pistoire des Jezuistes, p. 288.

2) Aubry, p. 526.

3) Римл. 12, 3; такъ толкуеть это мѣсто Schüch., s. 31.

темъ католическая система придаетъ богословскому образованию замѣчательную концентрацію, которая замѣняетъ и даже отчасти восполняетъ недостатокъ глубины образования.

Насколько намъ извѣстно, нѣтъ на свѣтѣ другой педагогической системы (за исключеніемъ іезуитской, какъ объ этомъ было уже сказано, съ которою семинарская имѣетъ очень много общаго), которая могла бы поспорить съ системою католическихъ духовныхъ семинарій по части логичности, послѣдовательности и дѣйствительности въ смыслѣ достиженія предположенной цѣли. Воспитаніе и образованіе въ этой системѣ являются двумя параллельными силами, дѣйствующими на одну и ту же точку въ одномъ и томъ же направленіи. Все въ этой системѣ направлено къ одной цѣли. Она сначала изолируетъ воспитанника, ставитъ его, въ вѣкоторомъ родѣ, внѣ условій пространства и времени, герметически закупориваетъ отъ всѣхъ постороннихъ вліяній: общества, семьи, знакомствъ, книгъ, разговоровъ, даже событій общественной жизни — всего, что могло бы отвлечь воспитанника и оказать хотя косвенное противодѣйствіе ея воспитательнымъ принципамъ. Затѣмъ, обстановкой, средой, всѣмъ своимъ режимомъ, всей семинарской атмосферой она подготавливаетъ его къ усвоенію началъ семинарской дисциплины. Она сначала размягчаетъ, какъ воскъ, душу воспитанника, чтобы потомъ осторожно, но смѣлою рукой наложить на него свою печать. Затѣмъ, она также осторожно, постепенно, едва замѣтно, но вѣрно забираетъ въ свои руки всю душу воспитанника. Посредствомъ постоянного общенія, постоянныхъ наблюденій, частыхъ бесѣдъ и частыхъ исповѣдей наставники знаютъ все, что творится въ душѣ воспитанника: они знаютъ каждую его мысль, каждое намѣреніе, каждую склонность, заранее предвидятъ каждый его шагъ. Они поддерживаютъ, развиваютъ все то, что идетъ навстрѣчу ихъ цѣлямъ, и немилосердно душатъ въ зародышѣ каждую идею, идущую въ разрѣзъ съ ихъ принципами. Они ставятъ воспитанника на гладкую дорогу, уставленную съ обѣихъ

сторонъ вѣхами, на которой сбиться съ пути трудно, и еще постоянно подталкиваютъ его, сзади. Даже тамъ, гдѣ воспитаннику кажется, что онъ дѣйствуетъ вполне самостоятельно, не слѣдуя чужой указкѣ,—какъ, напр., въ выборѣ книгъ для внѣкласснаго чтенія,—и тамъ онъ дѣлаетъ только то, что желательно его наставникамъ... Римской Церкви нужны служители вѣрные, преданные, умѣлые, знающіе свое дѣло, корректные въ служебномъ отношеніи,—и семинарія даетъ ихъ ей.

Семинарская педагогическая система слишкомъ односторонняя; но въ этой односторонности именно и заключается ея сила. Она укладываетъ живую душу со всѣмъ разнообразіемъ ея силъ и потребностей на Прокрустово ложе, пасивно вдавливая ее въ глубокое, но слишкомъ узкое и тѣсное русло, которое сжимаетъ ее, но въ концѣ концовъ все же придаетъ ея теченію спокойствіе и неизмѣнную правильность. Если кто отказывается лечь на это ложе, войти въ русло семинарской жизни, то его немедленно удаляютъ, какъ вредный элементъ. Семинарская система слишкомъ долго держитъ своего питомца на діетѣ—моральной и умственной, и его психическая организація, наконецъ, привыкаетъ къ ней настолько, что онъ уже не въ состояніи питаться другими блюдами, кромѣ тѣхъ, которыя предписываетъ діета. Семинариста не воспитываютъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, въ немъ не развиваютъ всѣхъ силъ души, имѣющихъ одинаковое право на существованіе,—изъ него дрессируютъ, если можно такъ выразиться, патера.

У Zola въ его „Лурдѣ“ молодой священникъ Пьеръ Фроманъ, потерявшій вѣру въ римскій католицизмъ, сидя въ паломническомъ поѣздѣ, идущемъ изъ Парижа въ Лурдъ, съ удивленіемъ вспоминаетъ о годахъ, проведенныхъ въ семинаріи. „Какъ могъ онъ такъ долго переносить суровую дисциплину слѣпой вѣры? какъ могъ онъ подчиняться приказанію вѣрить во все не провѣряя? У него требовали полного отреченія отъ своей мысли, и онъ принудилъ себя къ этому;

ему удалось подавить въ себѣ мучительное влеченіе къ исканію истины... По совѣту учителей онъ всегда обуздывалъ въ себѣ духъ пытливости, влеченіе къ точному знанію. Преподаваемое часто удивляло его, но онъ успѣлъ подавить въ себѣ протестъ разума, приносилъ жертву, которой требовали отъ его вѣры“ (стр. 89).

Мы не будемъ пускаться въ разсужденія, насколько хороша педагогическая система католическихъ духовныхъ семинарій сама по себѣ, безотносительно взятая, и насколько даваемое ею воспитаніе соотвѣтствуетъ идеалу воспитанія вообще. Но мы не можемъ не замѣтить, что цѣли своей она достигаетъ превосходно. Въ то время, какъ о нашей русской семинаріи трудно даже сказать, представляетъ она специальное или общеобразовательное учебное заведеніе, католическая духовная семинарія является специальнѣйшимъ изъ специальныхъ учебныхъ заведеній. Русскій семинаристъ чувствуетъ себя одинаково свободно во всѣхъ родахъ служенія—и въ казенной палатѣ, и въ акцизѣ, и въ земствѣ, и въ должности преподавателя;—а воспитанникъ католической семинаріи, почему-либо не пошедшій на духовную службу, буквально теряется и нерѣдко пропадаетъ не только для Церкви, но и для жизни ¹⁾). Чувство потерянности испытывалъ и Ренацъ, когда по окончаніи курса семинаріи отказался принять духовный санъ, и въ послѣдствіи писалъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ дѣтства и юности“, что „католицизмъ, какъ заколдованный кругъ, охватываетъ всю жизнь человѣка, и когда удастся выйти за черту его, все кажется пустымъ и ничтожнымъ“ ²⁾). Всѣ возрѣнія, проводимыя семинарской педагогіей, воспитанники усваиваютъ „кровью и нервами“, такъ что никто уже не можетъ вырвать ихъ изъ души. Авторъ статьи: „Папская семинарія въ Римѣ“ ³⁾ говоритъ, напр., что без-

¹⁾ Bourne, p. 62.

²⁾ Стр. 144.

³⁾ Руководство для сельскихъ пастырей, 1866 г., т. II, стр. 366.

граничная привязанность къ папству и слѣпая ненависть къ другимъ исповѣданіямъ такъ глубоко засѣдаютъ въ душѣ семинариста, что безъ особеннаго чуда не могутъ быть искоренены. Тотъ же Ренаць говоритъ, что ему нужно было шесть лѣтъ напряженнаго труда, чтобы замѣтить, что его духовные учителя не были непогрѣшимами¹⁾; и въ другомъ мѣстѣ—что, снявши рясу, онъ все-таки въ душѣ остался священникомъ²⁾.

Почему, однако, педагогическая система католическихъ духовныхъ семинарій достигаетъ такихъ успѣховъ, и нѣтъ ли уже въ національномъ темпераментѣ католическихъ народовъ данныхъ, обезпечивающихъ успѣхъ этой системы?—Едва ли. Болѣе чѣмъ 300-лѣтній опытъ іезуитскихъ школъ, имѣвшій мѣсто среди всѣхъ народовъ и всѣхъ сословій, заставляетъ скорѣе думать, что залогъ успѣха семинарской системы кроется въ ея убійственной послѣдовательности и желѣзной настойчивости искусныхъ воспитателей молодежи. Невольно вспоминаются слова кардинала Wiseman'a: „дайте мнѣ мальчика въ возрастѣ отъ 14 до 19 лѣтъ, и вы можете получить изъ него все, что хотите“³⁾.

А. Кактыль.

О произношеніи проповѣдей съ церковной кафедры.

Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ намъ хотѣлось бы коснуться самыхъ основныхъ требований хорошаго произношенія,—требованій, давно всѣмъ хорошо извѣстныхъ, но, къ сожалѣнію, игнорируемыхъ въ большинствѣ случаевъ нашими проповѣдниками.

¹⁾ Воспоминанія дѣтства и юности, стр. 101.

²⁾ Тамъ же, стр. 74.

³⁾ Bourne, p. 48.

Главное орудіе при слуховой передачѣ мыслей есть голосъ, который обычно сравниваютъ съ музыкальнымъ инструментомъ. Природа неодинаково щедро надѣляетъ людей голосовыми средствами. Люди, какъ бы нарочно созданные для фикціи, одаренные необычайнымъ по пріятности, разнообразію и силѣ звука голосомъ, очень рѣдки и составляютъ счастливое исключеніе среди огромнаго большинства людей съ ограниченными голосовыми средствами, которые могутъ развить и укрѣпить свой голосъ только путемъ соответствующихъ упражненій.

Детальные правила, касающіяся постановки голоса и дыханія, можно узнать въ специально трактующихъ о томъ сочиненіяхъ. Замѣтимъ здѣсь вообще, что правильная постановка голоса и дыханія не маловажны для церковнаго оратора. Утомленные длиннымъ богослуженіемъ, иногда и безъ того слабыя, голосовыя средства священника могутъ совершенно отказаться служить ему въ тотъ самый моментъ, когда требуется особое напряженіе голоса, чтобы быть слышнымъ во время проповѣди съ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ храма. Для человѣческаго голоса есть предѣлъ, за которымъ слѣдуетъ уже переутомленіе и болѣзнь. Единственный способъ избѣжать опасности переутомленія въ этомъ случаѣ, заключается въ усвоеніи правильныхъ приѣмовъ дыханія и произношенія.

Секретъ правильнаго дыханія состоитъ въ умѣнн правильно вдыхать, т. е. дѣлать необходимый для произнесенія запасъ воздуха, и правильно выдыхать, т. е. экономно и бережливо пользоваться этимъ запасомъ, никогда не доводя его до конца въ серединѣ рѣчи.

Волнуясь, возвышая голосъ и ускоряя свою рѣчь, проповѣдникъ, совершенно неожиданно для себя, можетъ иногда истратить весь запасъ воздуха еще въ серединѣ произносимой имъ тирады и принужденъ бываетъ остановиться на полусловъ, чтобы сдѣлать вновь вдоханіе. Не говоря уже о томъ, что такія остановки крайне утомительны для самого

оратора, онъ производятъ невыгодное впечатлѣніе на слушателей, которые съ досадою замѣчаютъ, что проповѣдникъ, задыхаясь, останавливается на самомъ интересномъ мѣстѣ, переводитъ духъ, не закончивъ своей мысли.

Искусство правильнаго дыханія пріобрѣтается исключительно опытомъ и состоитъ въ умѣнши во время, предъ началомъ рѣчи, запастись воздухомъ, набравъ его полной грудью, и затѣмъ никогда во время рѣчи не доводить этотъ запасъ до конца, но, по мѣрѣ возможности, пополнять его на знакахъ препинаія, а также—грамматическихъ и логическихъ паузахъ.

Во время произнесенія рѣчи проповѣдникъ долженъ держаться прямо, такъ какъ у человѣка сгорбленнаго дыханіе гораздо слабѣе, и, по возможности, опираться на что-либо, напр.—на аналой, такъ какъ пользоваться голосомъ въ теченіе долгаго времени, сохраняя неподвижное состояніе корпуса, чрезвычайно утомительно.

Вотъ все, что можно сказать въ общихъ чертахъ относительно условій правильнаго дыханія. Относительно самаго произношенія, или голоса скажемъ нѣсколько подробнѣе.

Голосъ нашъ издаетъ три рода звуковъ: низкіе, средніе и высокіе. Каждый изъ звуковъ можетъ быть произнесенъ сильнѣе или слабѣе, медленнѣе или скорѣе. Въ умѣнши владѣть этими средствами переменны голоса, замедленія, ускоренія и большаго или меньшаго напряженія заключается все искусство произношенія.

Самый крѣпкій, самый гибкій и естественный голосъ есть средній, и имъ слѣдуетъ преимущественно пользоваться при произношеніи. Проповѣдники очень нерѣдко грѣшатъ противъ этого правила, стараясь говорить въ высокомъ тонѣ, чтобы быть всѣмъ слышными во время проповѣди въ храмѣ. Высокія ноты, помимо утомительнаго однообразія и монотонности, сообщаемыхъ ими проповѣди, слишкомъ рѣзки, легко переходятъ въ крикъ и особенно способны утомить и надорвать голосъ.

Злоупотребленіе высокими нотами, кромѣ того, можетъ дурно повліять на самую мысль оратора. На высокихъ нотахъ гортань устаеетъ очень скоро; усталость ея переходитъ въ виски и мозгъ, и отъ напряженія органа голоса самая мысль становится менѣе подвижною и теряетъ силу и ясность.

Намъ лично часто приходилось слышать одного талантливаго и извѣстнаго въ Россіи проповѣдника, злоупотреблявшаго именно высокими нотами. Начинать онъ свою блестящую проповѣдь свѣжимъ голосомъ и картинными сравненіями. По мѣрѣ утомленія голосъ пріобрѣтаетъ у него вскорѣ отбѣнокъ напряженности, мысль сохраняетъ еще свою силу, но краски постепенно тускнѣли. Слово лилось не свободной рѣчкой, какъ можно было предположить по блестящему началу, а вяло, монотонно и скучно, какъ осенній дождь. Подъ конецъ и самыя мысли становились какъ бы утомительными, вымученными. На лицѣ проповѣдника отражалось уже положительное страданіе, объясняемое утомленіемъ мозга и чрезмернымъ напряженіемъ голосовыхъ средствъ.

Идеаль хорошаго произношенія составляетъ *разнообразіе звуковъ*, при господствѣ средняго тона. Разнообразіемъ звуковъ достигается выразительность и возбуждается вниманіе слушателей.

Въ связи съ указанными условіями хорошаго произношенія стоятъ требованія, касающіяся постановки голоса. Третья часть этихъ требованій относится къ развитію *силы звука* и *пріятности* голоса въ смыслѣ гибкости, мягкости и разнообразія тоновъ.

Первое и самое важное условіе хорошаго произношенія есть отчетливость, т. е. умѣнье отдѣлять при произношеніи звуки одинъ отъ другого. Простой способъ для пріобрѣтенія отчетливости заключается въ слѣдующемъ. Подготовляясь къ произношенію, надо дома вслухъ нѣсколько разъ прочитать свою проповѣдь, при чемъ нужно говорить медленно, раздѣльно и какъ можно тише. Если здѣсь присутствуетъ посторонній слушатель, то онъ пойметъ произносимыя такимъ

образомъ слова не только при помощи слуха, но и зрѣнія. Онъ, такъ сказать, увидитъ самую рисовку звука на губахъ и фізіономіи произносящаго. Ясное, отчетливое произношеніе шопотомъ, обрисовывая каждый слогъ и каждое слово, замѣняетъ въ этомъ случаѣ силу звука. Такой способъ произнесения, употребляемый постепенно, въ теченіе одного или двухъ мѣсяцевъ, чрезвычайно укрѣпляетъ голосовые органы и сообщаетъ имъ гибкость.

Съ отчетливостью тѣсно связана ясность, выкупающая самую слабость голоса даже въ большомъ помѣщеніи. Благодаря ясности, могутъ быть слышимы ораторы чуть не безголосые, почти беззубые, съ глухими и слабыми отъ природы голосами.

Конечно, говорить безъ голоса нельзя, но у неумѣлаго проповѣдника самое богатство голосовыхъ средствъ иногда обращается во вредъ. При чрезмерно громкомъ произношеніи и при резонансѣ въ храмѣ, слова проповѣдника нерѣдко сливаются въ одинъ общій гулъ или шумъ, среди котораго только съ трудомъ можно уловить какое-нибудь отдѣльное слово.

Намъ припоминается слышанное года три тому назадъ слово одного проповѣдника, говорившаго въ большомъ соборномъ храмѣ, за будничнымъ вечернимъ богослуженіемъ, при небольшомъ стеченіи народа. Проповѣдникъ говорилъ о необходимости пожертвованія на какую-то за-граничную миссію, повторяя часто одно и то же слово: „да нужно же, нужно!“ Слова его замѣчательно воодушевленной, горячей проповѣди совершенно терялись, сливаясь въ общій гулъ подъ сводами огромнаго, почти пустаго храма, и только можно было разобрать болѣе отчетливо и раздѣльно произносимыя и чаще повторяемыя: „да нужно же, нужно!“

При выработкѣ ясности и силы звука необходимо обратить особенное вниманіе на недостатки произношенія, каковы, напр., шепелявость, захлебываніе или глотаніе словъ, затягиваніе рѣчи, вставка постороннихъ звуковъ и проч. Не-

достатки эти объясняются, въ большинствѣ случаевъ, дурной привычкой, усвоенной съ дѣтства, и съ ними можно и должно бороться.

Захлебываніе, или глотаніе словъ чаще всего встрѣчается у людей очень живыхъ и нервныхъ, которые чѣмъ больше возбуждаются, тѣмъ все больше и больше торопятся, глотаютъ и комкаютъ свою рѣчь; такъ что подь конецъ трудно становится ихъ даже понимать. Такимъ людямъ необходимо ежедневно прочитывать что-либо вслухъ медленно, раздѣльно, чтобы каждый звукъ произносился отчетливо, ясно и правильно.

Ежедневное упражненіе въ живомъ, бойкомъ чтеніи, напротивъ, служитъ средствомъ противъ затягиванія рѣчи, крайне неприятнаго для слушателей и встрѣчаемаго, обыкновенно, у людей флегматическихъ, лѣнливыхъ, малоподвижныхъ и сонныхъ, для которыхъ ворочать во рту языкомъ составляетъ тяжелый трудъ.

Вставка постороннихъ звуковъ, напр.—тягучее э-э-э, бывающая у людей, тяжело и медленно мыслящихъ, затрудняющихся прискаты въ рѣчи подходящее слово, совершенно пропадаетъ при осмысленной рѣчи и медленномъ (толковомъ) произношеніи.

М. Васильевъ.

Выдача метрическихъ выписей

На обязанности приходскихъ причтовъ лежитъ, между прочимъ, выдача метрическихъ выписей по требованію прихожанъ и различныхъ официальныхъ правительственныхъ учреждений. Въ изготовленіи метрическихъ выписей, въ самомъ процессѣ, нужно различать, такъ сказать, *два* части: присканіе требуемой статьи и затѣмъ точную переписку ея на метрической бланкъ. Что касается *второй* части, то это дѣло—совсѣмъ простое, требующее не болѣе *пяти* минутъ; особаго труда здѣсь не требуется. Не такъ легко прискаты

нужную статью въ метрическихъ книгахъ: на это дѣло приходится тратить иногда цѣлые часы, такъ какъ нужно бываетъ перелистывать иногда книги за 5—10 лѣтъ. Свѣдѣнія, какія даются о томъ или другомъ актѣ (рожденіи, бракѣ, смерти),—не говоримъ уже объ официальныхъ органахъ, но даже и частными лицами,—отличаются часто большою неопредѣленностію. Официальныя учрежденія, предъявляя требованія причту о высылкѣ метрическихъ выписей, часто ограничиваются глухимъ указаніемъ: „Судебный слѣдователь № участка проситъ причтъ, безъ замедленія, выслать метрическую справку о рожденіи NN“. А когда этотъ злополучный NN родился, сколько ему лѣтъ—хотя бы по внѣшнему виду,—объ этомъ обыкновенно ни слова не говорится въ требованіи: Вотъ и перелистывай книги лѣтъ за тридцать.

Недавно въ нашей практикѣ былъ такой случай. Судебное учрежденіе проситъ прислать метрическую справку о рожденіи—скажемъ—Ивана Петровича Семенова. Извѣстно, почему *судебный слѣдователь интересуется* тѣмъ или другимъ лицомъ; вслѣдствіе этого, опредѣляя произвольно возрастъ Ивана Петровича въ *двадцать* лѣтъ, ищемъ его въ соответствующихъ книгахъ. Нѣтъ. Постепенно прибавляемъ и убавляемъ годы лѣтъ за 10. Нѣтъ. Просимъ дать болѣе ясныя указанія. Оказалось, что *Ивану Петровичу*, всего... *десять* лѣтъ, и родители его привлекаются къ отвѣтственности за профессиональное попрошайничество дѣтей.

Не мало бываетъ и такихъ случаевъ, что справку требуютъ отъ одной церкви, а на самомъ дѣлѣ актъ записанъ гдѣ-либо въ другомъ приходѣ. И вотъ, бесплодно затрачивается масса времени на приисканіе записи, какой и цѣтъ совсѣмъ въ книгахъ данной церкви.

Даже частныя лица—и тѣ нерѣдко даютъ въ подобныхъ случаяхъ много работы причтамъ. Ошибки въ опредѣленіи времени на 3—5, а иногда и больше лѣтъ—дѣло обычное. Сколько досады причиняетъ все это, говорить, конечно, не приходится. Особенно трудно приискивать записи объ умершихъ: о ро-

дившихся дѣло облегчается тѣмъ, что впереди статьи ставится имя родившагося; прискивая же запись объ умершемъ, приходится каждую статью перечитывать *полностью*.

Выдача метрическихъ выписей и ихъ изготовленіе особенно трудными бываютъ тогда, когда ихъ требуютъ сразу очень много, напр.—въ іюль и августъ мѣсяцахъ, когда родители берутъ метрики для опредѣленія дѣтей въ школы, а также въ сентябрѣ, когда приходится изготовлять списки призываемыхъ къ отбытію воинской повинности, а въ военное время—при внезапномъ объявленіи мобилизаци. При составленіи списковъ призываемыхъ дѣло осложняется тѣмъ, что, кромѣ метрической выписи о рожденіи, требуется еще провѣрить по книгамъ, остались ли въ живыхъ указанные въ спискѣ лица, и если умерли, то когда.

Задаютъ не мало работы причтамъ и лица, безъ вѣсти пропавшія или неизвѣстно гдѣ крещенныя. Городскимъ причтамъ чуть не каждую недѣлю приходится получать отъ благочинныхъ такія бумаги: „Прошу навести справку по метрическимъ книгамъ объ умершихъ за 1880—1895 годы о смерти NN и сообщить мнѣ не позже *трехъ* дней“. И вотъ, перелистываешь книги лѣтъ за 10—15 для того только, чтобы отвѣтить, что, по наведеннымъ справкамъ, такой-то записи не оказалось.

Трудность прискивать метрическія выписи навела пишущаго настоящія строки на весьма простую мысль—завести алфавитный списокъ всѣмъ рождающимся въ приходѣ и умершимъ. Такъ какъ справки обычно требуются за послѣдніе годы и только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ лѣтъ за тридцать назадъ, то нѣтъ надобности составлять алфавитный списокъ за много лѣтъ; достаточно составить его лѣтъ за 25. Для того, чтобы работа не была обременительной, она должна быть раздѣлена между всѣми членами причта. Составивъ списокъ за 25 лѣтъ, его не трудно уже будетъ пополнять потомъ за каждый истекшій годъ.

При существованіи такого списка любую метрическую запись можно найти буквально въ одну минуту. Это удобно для членовъ причта, удобно и для прихожанъ, такъ какъ имъ нѣтъ надобности ходить за метрической выписью и ждать, пока ее найдутъ, а потомъ напишутъ. Алфавитный списокъ во много разъ сократитъ работу причта, вотъ почему мы и сочли не лишнимъ подѣлиться этимъ съ читателями.

Священникъ В. Пестряковъ.

О церковномъ чтеніи и пѣніи въ школьѣ.

Начальная школа должна не только обучить дѣтей начаткамъ знанія, но и воспитать ихъ въ духѣ Православной Церкви, т. е. привить имъ твердые религіозные и нравственные навыки, укрѣпить въ нихъ осмысленную привязанность ко всему строю церковной жизни, къ богослуженію, обрядамъ и постановленіямъ Церкви. Церковное пѣніе является незамѣнимымъ средствомъ для достиженія какъ образовательной, такъ и, особенно, воспитательной задачи школы. Чтеніе пѣснопѣній, при пѣніи, по богослужебнымъ книгамъ, частыя спѣвки,—все это учить дѣтей читать, помогаетъ имъ заучивать молитвы, чины богослужебные и проводить въ ихъ сознаніе истину вѣроученія. Кто когда-либо пѣлъ въ церкви, тотъ знаетъ, сколько тропарей, ирмосовъ и другихъ церковныхъ пѣснопѣній запомнилъ онъ при пѣніи, не напрягая памяти для заучиванія. Съ другой стороны, церковное пѣніе является однимъ изъ лучшихъ средствъ для выраженія и поддержанія религіознаго настроенія. Посмотрите на школьниконъ, безмолвно стоящихъ посреди церкви подъ надзоромъ учителя, и сравните съ ними школьниконъ, которые на клиросѣ воспѣвають пѣснь Богу. Первые стоятъ, большею частью, безучастно относясь къ богослуженію, особенно, въ концѣ его; ихъ мысли, повидимому, посятся гдѣ-либо за стѣнами храма, на мѣстѣ ихъ игръ и забавъ. Не то школьники—пѣвчіе: въ церковномъ пѣніи ихъ дѣтская

душа отрывается на время от повседневной жизни, по их лицам можно читать, что здѣсь не только уста, возносятъ заключенную въ дивные звуки молитву, но и сердца, еще чистыя, еще чуткія къ голосу матери—Церкви. Впослѣдствіи, по выходѣ изъ школы крестьянской мальчикъ многое позабудетъ изъ выученнаго по ариметикѣ и русскому языку, но никогда не забудетъ онъ тѣхъ счастливыхъ часовъ, когда онъ въ церкви своими устами славословитъ Господа, когда вмѣстѣ съ нимъ, благоговѣнно слушая его пѣніе, молились толпы народа. Наконецъ, если дѣти въ свободныя отъ занятій минуты подъ руководствомъ учителя поютъ какую-либо дѣтскую пѣсенку, то съ какимъ воодушевленіемъ они поютъ! Они всецѣло преданы пѣснѣ; въ классѣ въ это время нѣтъ ни шума, ни крику, ни бѣгання по корридору; послѣ пѣнія дѣти бывають веселы, бодры, свѣжи и готовы къ занятію. Такъ благотворно дѣйствуетъ оно на дѣтей.

Кромѣ того церковное пѣніе—вѣрнѣйшее средство для привлеченія къ школѣ горячей любви народа.

Посмотрите на ту невыразимую радость, на тотъ восторгъ, которые проявляются у крестьянъ, когда они видятъ, что въ церковномъ пѣніи принимаютъ участіе ихъ дѣти, родственники или знакомые! Они тогда сочувственнѣе начинаютъ относиться къ школѣ, такъ какъ видятъ, что школа приносить пользу дѣтямъ и воспитываетъ ихъ въ духѣ христіанскаго благочестія. Учителя, умѣющаго наладить хоръ, крестьяне цѣнятъ дороже всего...

Но не менѣе важное значеніе въ дѣлѣ воспитанія имѣють утреннія и вечернія молитвы въ школѣ. Какъ отрадно бываетъ на душѣ, когда по знаку учителя поднимается школа на ноги, мигомъ воцаряется полная тишина, взоры всѣхъ устремляются на святыя иконы, а среди царящей тишины вдругъ зазвенитъ чистый голосокъ дежурнаго малыша: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь“. Всѣ осѣняются крестнымъ знаменіемъ и дѣлають поклоны. „Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ“, дочитавъ мальчуганъ, и наступила

пауза! Но вот слышится тихая раздача тона учителемъ, поднимается рука его, опускается внизъ, и вся школьная братія, какъ одинъ человекъ, начинаетъ: „Царю Небесный“. И льются и льются подъ кровомъ школы дѣтскіе голоса въ перемежку съ чтеніемъ дежурнаго: „Помяни, Господи, души усопшихъ рабъ Твоихъ“, раздается далѣе серебристый голосокъ малыша, курчавыя головки наклоняются и единодушная дѣтская молитва возносится къ Престолу Вседержителя за почивающихъ предковъ. Что-то таинственное, непостижимое, но святое и отрадное чувствуется въ эти минуты душой. Хочется, чтобы продлилось это время дѣтской горячей молитвы—молитвы о себѣ, о всемъ мірѣ, о живыхъ и усопшихъ... Развѣ могутъ такія минуты молитвеннаго восторга проходить безслѣдно для дѣтскихъ и юношескихъ душъ?.. (Кормчій, 1904 г., № 37).

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 14-го октября 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гросс*.

Кіевъ. Университетская типографія. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
публей.

№ 44.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года октября 30-го дня.

Содержаніе: Новая жизнь.—Приготовленіе къ пастырскому служенію въ протестантствѣ.—Интересный документъ.—Эстетическая сторона въ православномъ богослуженіи и ея значеніе.

Н О В А Я Ж И З Н Ь .

Высочайшимъ Манифестомъ Государя Императора отъ 17 октября русскимъ людямъ дарована полная свобода личности и съ тѣмъ вмѣстѣ до громадныхъ размѣровъ расширены ихъ права, какъ свободныхъ гражданъ. Съ 17 октября въ Россіи начинается эра новой, кипучей, полной глубокаго смысла жизни.

Кажется, мы не ошибемся, если, по степени важности послѣдствій, сравнимъ настоящее событіе съ самыми великими, какія только можно указать въ исторіи нашего отечества. Нѣкогда, чрезъ св. Владимира, Господь воззвалъ русскій народъ изъ тьмы язычества къ чудному свѣту вѣры Христовой; два столѣтія тому назадъ привелъ Онъ Россію изъ мрака невѣжества къ свѣту знанія чрезъ великаго царя.

Петра; въ послѣднія лѣта расторгъ узы тѣлеснаго рабства державнымъ словомъ Царя-Мученика, и вотъ теперь повелѣніемъ гуманнѣйшаго Монарха Императора Николая II даруетъ русскому народу ту свободу, которую получаетъ въ домѣ владыки совершеннолѣтній сынъ (Гал. 4, 1—2), до поры своего совершеннолѣтія бывший подъ опекой у приставниковъ.

Предъ русскимъ народомъ отнынѣ открывается широкое поле самостоятельной дѣятельности въ области внутренней и внѣшней жизни. Теперь симпатичный по природѣ и глубоко христіанскій духъ русскаго народа безъ всякихъ преградъ получаетъ возможность развиваться во всю свою ширь и мощь. Все лучшее, что кроется въ глубинахъ народнаго духа, теперь должно выразиться вовнѣ, въ созданіи такихъ внѣшнихъ формъ, которыя не подавляли бы духа, не умерщвляли бы его, но все болѣе и болѣе развивали до возделѣнной мѣры возраста совершеннаго человѣка. Долгъ каждаго русскаго гражданина теперь нести святая святыхъ своего сердца на жертвенный алтарь общерусской жизни, у котораго отдѣльные элементы переплавлялись бы въ цѣлое, истинно прекрасное, свѣтлое. И наоборотъ — позоръ тому, кто окажется постыдно равнодушнымъ къ общерусскому благу, или станетъ вмѣсто того домогаться личныхъ цѣлей, пользуясь во зло дарованной каждому свободой.

Новая жизнь всегда начинается бурно. Начинается и теперь она такъ же. Клокочущіе весенніе потоки неизбѣжно несутъ съ собой грязь и муть. Безъ сомнѣнія, и въ переживаемый великій историческій моментъ, когда жизнь своєю стремительностью захватитъ и понесетъ насъ, одни всю свою энергію употребятъ на служеніе истинному благу Россіи, отдавая ей лучшія свои силы, другіе—воспользуются этою неизбѣжною сумятицею и протянутъ нечистыя, оскверненныя руки къ дорогимъ и святымъ русскимъ идеаламъ, чтобы ниспровергнуть ихъ. Люди безъ вѣры, безъ совѣсти, безъ правды, для которыхъ въ прошломъ и настоящемъ Россіи

нѣтъ ничего святаго, которые охвачены одною цѣлью разрушенія мощи русскаго государства, не постѣсняются теперь, пользуясь свободой, прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, лишь бы достигнуть своего. Съ ихъ стороны это будетъ послѣдній и безумный шагъ, но они обольщаются надеждою хотъ въ этотъ остающійся у нихъ роковой мигъ поднять народъ, — повести его противъ правительства и одержать побѣду. Они отчаянно кричатъ, чтобы никто не вѣрилъ искренности намѣреній Государя и справедливости Его словъ о свободѣ. Они убѣждаютъ народъ вѣрить лишь имъ. Они, будто бы, лишь настоящіе защитники народныхъ правъ и безкорыстные ревнители народнаго блага. Остальные — лжецы и негодяи.

Истинно русскіе люди, всей душой отдавшіеся созидательной работѣ въ государственномъ дѣлѣ, должны въ переживаемые роковые дни стать, кромѣ того, еще на стражу русскихъ идеаловъ, составляющихъ всегда лучшее украшеніе русскаго духа, не безъ причины называемаго — христіанскимъ. Завѣты Божественнаго Учителя, Его вѣлѣнія беззавѣтно любить ближняго и жертвовать всѣмъ своимъ во благо брата — эти священные завѣты ни на минуту не должны теперь покидать сердца свободного русскаго гражданина. Ему предоставлено виѣшнее даже право устраивать свою личную и общественную жизнь именно такъ, какъ онъ давно чаялъ — по *Божьему*, т. е. на началахъ царства Христова. Ни произволь, ни пасиліе надъ слабымъ, ни беззаконіе вообще не терпимы совершенно въ новомъ, возрожденномъ государствѣ. Все это было тѣмъ, что доселѣ вызывало скорбь и негодованіе во всякомъ русскомъ человѣкѣ. Это было тѣмъ, на чемъ всегда легко могли начать и расширить свою пагубную дѣятельность многоразличные враги Россіи. Оставимъ *ветхое*. Пусть оно будетъ брошено позади, какъ печальный пережитокъ исторіи, имѣвшій мѣсто при прежнихъ неблагоприятныхъ условіяхъ жизни, когда царилъ мертвая буква, и не было оцутимо вѣяніе живаго духа во всѣхъ казенныхъ учрежденіяхъ съ ихъ безучастностью къ насущнымъ нуждамъ,

отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ группъ и неумолимою суровостью въ рѣшеніи ихъ судьбы. Мрачно глядѣли на русскаго чело­вѣка казенныя стѣны, и тѣмъ болѣзненнѣе ощущалось ихъ давленіе, чѣмъ болѣе скромнымъ онъ былъ по природѣ. Что-то неизбѣжное чудилось ему въ бюрократическомъ гнетѣ и останавливало его доброе даже слово и искренній порывъ; имъ онъ предпочиталъ молчаніе, считая таковое признакомъ *смирения*... И лишь изъ царскаго чертога, изъ одного царскаго чертога по временамъ обращался къ русскому чело­вѣку ласковый, любящій голосъ, въ которомъ слышалось стремленіе Царя дойти до истиннаго познанія горькихъ нуждъ на­рода, которыя скрывались отъ Него цѣлымъ рядомъ толстыхъ стѣнъ, созданныхъ бюрократіей. Тѣмъ дороже цѣнился на­родомъ голосъ Царя, тѣмъ онъ больше умилялъ русскаго чело­вѣка, тѣмъ яснѣе онъ сознавалъ и чувствовалъ, черезъ какія ужасныя преграды и препятствія долженъ пройти го­лосъ Царя, прежде чѣмъ быть услышаннымъ всѣми. Какая священная радость была видѣть проявленіе сердца Царева и какое теперь счастье ощущать, что нѣтъ уже преграды между Царемъ и Его народомъ. Они сблизились между собою и на­вѣки до того тѣснаго единенія, помысль о которомъ возникла въ сердцѣ русскаго чело­вѣка въ приснопамятные дни говѣнья Царя въ Москвѣ и саровскихъ торжествъ, когда Царь воочію показалъ Свою любящую душу вѣрному народу. *Слава Тебѣ, Господи!* долженъ сказать всякій русскій чело­вѣкъ послѣ рѣшительнаго шага къ единенію съ народомъ, сдѣланнаго теперь Царемъ.

Новая жизнь да будетъ утверждена на началахъ *духа*, а не мертвой буквы. Но духъ самъ по себѣ еще не слу­жить непремѣннымъ залогомъ нормальнаго развитія и устро­енія жизни. Надо различать, отъ Бога ли духъ. Все само­любивое, эгоистичное, неправедное, коварное, злое: все это—не отъ Бога. Отъ Него то, что согрѣто любовью, тою любовью, о которой апостоль говоритъ: *Любы долготерпитъ, милосердствуетъ: любы не завидитъ: любы не превозносится, не*

юрдится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ: вся любитъ, всему въру елетъ, вся уповаеъ, вся терпитъ (1 Кор. 13, 4—7). Любовь есть начало, соединяющее людей. Этимъ то началомъ и должны теперь мы всё проникнуться, чтобы открыть дружную работу надъ возрожденіемъ Россіи въ христіанскомъ духѣ.

Всякому русскому челоѣку найдется мѣсто въ созидательной государственной работѣ. Но главное, какъ думаемъ, мѣсто въ ней должно занять духовенство, непосредственно, по своему служенію, поставленное лицомъ къ лицу съ христіанскими идеалами жизни. Если кому, то пастырямъ Церкви наиболѣе должно быть ясно различеніе духовъ—отъ Бога ли они. Сила Церкви, перерождающая грѣховную самолюбивую природу челоѣка, должна всей полнотой заявить теперь о себѣ и создать новыхъ, лучшихъ людей при новыхъ, улучшенныхъ формахъ жизни. Однако, и сила Церкви можетъ благотворно вліять на людей при наличности въ ней самой лучшихъ внѣшнихъ формъ, такихъ формъ, въ которыхъ наиполнѣе выражалась бы идея общаго единенія въ духѣ любви. Не однократно уже на страницахъ нашего журнала указывалось на необходимость реформъ въ строѣ русской Церкви, на это же укажемъ мы и сейчасъ. Необходимо скорѣе возстановить въ Церкви канонической строй, который каждому живому члену ея указывалъ бы мѣсто въ единомъ церковномъ тѣлѣ, возглавляемомъ невидимо Христомъ, и соединилъ бы въ благодатный союзъ съ Нимъ іерархію и паству.

Само время показываетъ, что безъ промедленія долженъ быть созванъ всероссійскій церковный соборъ, для авторитетнаго выясненія недостатковъ русской церковной жизни и указанія средствъ къ ихъ устраненію.

Приготовление къ пастырскому служенію въ протестантствѣ.

I.

Протестантство явилось, какъ протестъ, какъ реакція Риму, и этой реакціей опредѣляются почти всея особенности протестантскаго церковнаго устройства.

Чрезмѣрно возвышенное въ католичествѣ надъ мірянами, выдѣленное почти въ особую касту, духовенство было сравнено въ протестантствѣ съ мірянами ученіемъ о всеобщемъ священствѣ. По мнѣнію протестантовъ, самое понятіе о церкви, необходимымъ признакомъ которой является обладаніе словомъ и таинствами, предполагаетъ даннымъ въ ней *ministerium docendi evangelium et porrigendi sacramenta*,—каковое служеніе въ одинаковой степени принадлежитъ всемъ членамъ церкви; лишь для удобства и для избѣжанія безпорядковъ христіанская община (*die Gemeinde*), носительница должности по идеѣ, поручаетъ отправленіе ея избраннымъ ея лицамъ. Но община стоитъ *supra ministros* и можетъ не только назначать, но и увольнять ихъ.

Протестантскій пасторъ не есть, какъ у католиковъ, опекунъ своего прихода, властно предписывающій ему вѣрить такъ, а не иначе; съ другой стороны, онъ не есть и чиновникъ, представитель высшей власти, имѣющій право предъявлять своимъ прихожанамъ извѣстныя требованія; онъ не имѣетъ за собою авторитета церкви, торжественно налагающей осужденіе на невѣріе и ересь; онъ можетъ лишь учить, наставлять, воспитывать, убѣждать, располагать къ жизни по евангелію. Онъ не имѣетъ другого оружія, кромѣ слова Божія, кромѣ силы истины, кромѣ неутомимой дѣятельности и примѣра собственной жизни. Онъ не имѣетъ права навязывать пасомымъ свои воззрѣнія; онъ долженъ вступать въ борьбу со всеми противными мнѣніями, со всеми противорѣчащими воззрѣніями, опровергать ихъ и умѣть выставить

божественность проповѣдуемаго имъ ученія съ такой ясностью и убѣдительностью, чтобы истинность его была очевидна для всякаго. „Евангелическая церковь, говоритъ Ludwig Hüffel, такъ же, какъ и республиканское государственное устройство, требуетъ людей, которые сами, своими собственными силами, были бы въ состояніи одерживать побѣды надъ противной партіей, и сами въ себѣ имѣли бы ручательство успѣха, не пользуясь другимъ оружіемъ, кромѣ слова Божія... Пусть пастырь помогаетъ самъ себѣ силою слова, и если онъ этого не можетъ, то не заслуживаетъ никакой помощи“¹⁾.

Такимъ образомъ, тѣ качества, которыхъ требуетъ протестантская церковь отъ своихъ пастырей, сводятся въ сущности къ одному—къ умѣнію руководить религіозною сообществомъ пасомыхъ. Но чтобы приобрести это умѣніе, пужно обладать очень и очень многимъ. Оно предполагаетъ въ пастырѣ, прежде всего, солидное научное образованіе и всестороннее развитіе. „Все то, говоритъ Пальмеръ, что въ области человѣческаго знанія и дѣятельности имѣетъ всеобщій интересъ, тѣ результаты наукъ, которые стали общимъ достояніемъ, т. е. которыми интересуется и которые понимаетъ каждый образованный человѣкъ,—все это не должно оставаться чуждо пастырю, если онъ не желаетъ стоять духовно ниже своихъ пасомыхъ. Онъ долженъ быть въ извѣстности также относительно успѣховъ естественныхъ наукъ, относительно направленій въ искусствѣ и т. д.,—если онъ желаетъ имѣть ясное, твердое и объективное сужденіе. Само собою разумѣется, что онъ долженъ знать Свящ. Писаніе и патристическую литературу, потому что въ противномъ случаѣ онъ чувствовалъ бы себя болѣе, чѣмъ въ неловкомъ положеніи въ спорахъ съ сектантами и сомнѣвающимися“²⁾. Поэтому уже первые реформаторы, Лютеръ и Кальвинъ, настойчиво указывали на необходимость для служителя церкви

¹⁾ Vese und Beruf d. ev. christl. Geistlichen. S. 50.

²⁾ Pastoral-Theologie. S. 88.

основательнаго научнаго образованія ¹⁾). Затѣмъ, руководство пасомыми предполагаетъ умѣлое попеченіе о душахъ (Seel-sorge, cura animarum), т. е. наставленіе всѣхъ въ истинахъ вѣры, преподаваніе совѣта, утѣшенія и назиданія нуждающимся.

На приобрѣтеніе кандидатомъ священства этихъ именно двухъ вещей—солиднаго образованія и практическихъ приемовъ попеченія о душахъ и обращаетъ главнымъ образомъ вниманіе протестантская система пастырскаго приготовленія.

Протестантство при появленіи своемъ, въ первой половинѣ 16 стол., застало два типа учебныхъ заведеній: церковныя монастырскія школы и университеты. Католичество, озабоченное въ эту самую пору изысканіемъ средствъ къ лучшему воспитанію духовенства, окончательно свернуло въ лицѣ Тридентскаго собора на тотъ путь, которымъ оно идетъ доселѣ—путь изолированнаго, монастырскаго воспитанія. Протестантство пошло путемъ противоположнымъ. Само вышедшее изъ университета (Лютеръ былъ профессоромъ университета) провозгласившее принципъ свободы личности въ дѣлѣ вѣры, въ пониманіи и толкованіи Свящ. Писанія, признавшее всеобщность священства и сведшее различіе между духовнымъ лицомъ и міряниномъ къ различію только служенія,—оно не могло запретить своихъ кандидатовъ священства въ монастыри, не могло, не измѣняя себѣ, посадить ихъ на умственную діету и заставить жить по извѣстному воспитательному режиму. Оно должно было предоставить имъ полную свободу—свободу жизни, свободу научнаго, не стѣсненнаго никакими программами и объяснительными записками, образованія. И оно дѣйствительно сдѣлало это—для приготовленія кандидатовъ къ пастырскому служенію, оно избрало университеты.

И сколько впослѣдствіи, за все время существованія протестантства, ни поднималось нареканій на университеты, сколько ни указывали, и въ печати и устно—на сѣздахъ духовенства, на недостатки въ университетскомъ богослов-

¹⁾ Osterzee. Praktische Theologie. S. 55.

скомъ образованіи и на опасности для нравственной чистоты теологовъ, студентовъ университета,—протестантство всегда оставалось вѣрно университетамъ. Протестантство въ лицѣ своихъ представителей, изыскивало средства и принимало мѣры къ устраненію неудобствъ и недостатковъ университетскаго образованія, но никогда оно не находило нужнымъ замѣнить его образованіемъ въ специальныхъ закрытыхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ (Priesterseminarien) наподобіе католическихъ. Такія заведенія протестантство считаетъ совершенно неподходящими къ духу своего вѣроисповѣданія. Въ силу этого, въ настоящее время во всѣхъ протестантскихъ странахъ окончаніе богословскаго факультета въ какомъ-либо изъ университетовъ страны считается непремѣннымъ условіемъ самой кандидатуры священства.

Во всей протестантской Европѣ есть только одна церковная община, Вюртембергская, въ которой существуютъ духовныя семинаріи (въ Блаубейренѣ, Маулброннѣ, Шекталѣ и Урахѣ), своимъ уставомъ нѣсколько напоминающія католическія. Но и это—не священническія семинаріи (Priesterseminarien) въ собственномъ смыслѣ этого слова, въ которыхъ бы начинался и кончался весь процессъ приготовленія къ пастырскому служенію; онѣ даютъ только низшее богословское образованіе, которое потомъ должно быть дополнено въ Тюбингенскомъ университетѣ. И открыты онѣ вовсе не въ виду того соображенія, что духовенство нуждается въ особомъ, специальномъ воспитаніи, отличномъ отъ воспитанія мірянъ. Произошли онѣ слѣдующимъ образомъ.

Первые протестантскіе князья, отнимая у католическихъ монашескихъ орденовъ ихъ монастыри, не находили для нихъ лучшаго употребленія, какъ отдавать ихъ подъ школы. Въ то же время, желая оказать благотѣніе тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, дѣти которыхъ обладали хорошими способностями, но по бѣдности были лишены возможности получить образованіе, они предназначили четыре названныя

школы для бесплатнаго воспитанія въ нихъ мальчиковъ, рѣшившихъ посвятить себя служенію церкви.

Если эти школы получили монастырскій характеръ, то, какъ говоритъ Пальмеръ, единственно въ силу исторической традиціи, въ силу того, что въ монастырскомъ помѣщеніи не могли представить себѣ иной жизни, кромѣ монашеской ¹⁾). Сначала онѣ назывались просто монастырскими школами; названіе семинарій имъ усвоено лишь съ начала 19-го столѣтія ²⁾).

Понятно, что при такомъ порядкѣ вещей въ протестантствѣ не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо особомъ, специальномъ, въ духѣ церкви веденіи, воспитаніи кандидатовъ священства. Такого воспитанія нѣтъ и быть не можетъ. Молодой человекъ, кончившій курсъ въ гимназій, выбираетъ богословскій факультетъ, руководясь тѣми или иными соображеніями, такъ же, какъ выбираютъ медицинскій, юридическій или любой иной факультетъ. Сплошь и рядомъ на выборъ именно богословскаго факультета вліяютъ обстоятельства, ничего общаго съ призваніемъ къ пастырскому служенію неимѣющія.

Но если кто уже и въ гимназій избралъ богословскій факультетъ и готовится къ поступленію на него—и такихъ, въ дѣйствительности, большинство,—то, спрашиваетъ Пальмеръ: что можетъ быть для него сдѣлано? Уроки Закона Божія, даваемые хорошимъ преподавателемъ катехетомъ? Гимназическое богослуженіе? Общее религіозно-нравственное воспитаніе?—Но во всемъ этомъ нуждаются одинаково и будущіе теологи и всѣ остальные ученики гимназій, и даже болѣе послѣдніе, нежели первыя, потому что теологамъ предстоитъ еще въ будущемъ возможность исправить ложно усво-

¹⁾ Herzog. Real-Encyklop.

²⁾ Протестантскія духовныя семинаріи и въ большомъ количествѣ (въ 1845 г. ихъ было уже 45) существуютъ въ Сѣверной Америкѣ. Но тамъ необходимость ихъ обуславливается отсутствіемъ при университетахъ богословскихъ факультетовъ. Schmid. Encykl.

енное и восполнить недостающее, тогда как остальные лишены этой возможности, и имъ всю жизнь придется оставаться въ той моральной трясиной, куда они могутъ быть заведены недостатками гимназическаго воспитанія ¹⁾.

Лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ протестантскіе пасторы получаютъ специальное воспитаніе, приуроченное къ потребностямъ ихъ будущаго служенія. Это бываетъ тогда, когда какой-нибудь благочестивый пасторъ съ дѣтства рѣшаетъ посвятить своего сына пастырскому служенію и съ дѣтства же начинаетъ его приучать къ нему: возить съ собою на требы, посѣщаетъ вмѣстѣ съ нимъ бѣдныхъ и больныхъ для преподаванія имъ духовнаго наставленія, заставляя его переписывать проповѣди, слѣдить за исправнымъ посѣщеніемъ имъ богослуженія и т. п. ²⁾. Но такое воспитаніе есть дѣло частной инициативы и никогда не можетъ быть узаконено, не можетъ быть возведено въ систему и сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ.

А. Кактыль.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Интересный документъ.

Предъ нами—Окружное письмо уніатскаго митрополита Аванасія Шептицкаго къ духовенству отъ 3 мая 1738 года, только что обнародованное въ цѣльномъ составѣ Почаевскою лаврою, гдѣ доселѣ хранится печатный экземпляръ этого замѣчательнаго памятника „просвѣтительной дѣятельности“ одного изъ ярыхъ поборниковъ латинской уніи.

Съ именемъ митрополита Аванасія Шептицкаго связывается въ исторіи западно-русской уніи, которая принесла столько несчастій православно-русскому народу на западѣ, а отчасти—и югѣ Россіи, представленіе какъ объ энергичномъ уніатскомъ миссіонерѣ и исполнителѣ широкихъ корыстныхъ

¹⁾ Pastoral-Theologie. S. 95.

²⁾ Palmer. Past.-Theol. S. 87.

замысловъ папскаго престола, которые тотъ всегда питаль въ отношеніи къ западно-русскому православному народу. Не даромъ м. Аванасій любилъ называть себя „подножіемъ ногъ папскихъ“. Дѣйствительно, онъ все дѣлалъ, чтобы тѣснѣе связать уніатовъ съ папой и обезличить унію до степени полного сліянія съ католичествомъ. Планъ окатоличить православное населеніе Польши, Бѣлоруссіи и, отчасти, Малороссіи былъ задуманъ давно. Въ 1596 году учреждена унія, и православнымъ, принявшимъ ее, обѣщано сохраненіе всей ихъ религіозной обрядности и тѣхъ разностей, которыми восточная церковь отличается отъ западной. Но все это были простыя слова. Ловкіе іезуиты, взявшіе подъ свою опеку еще орденъ монаховъ-базилианъ, постепенно начинаютъ проводить латинскія идеи и латинскую практику въ обиходъ уніатскихъ церквей. Появляются богослужебныя книги, изданныя въ Галицкихъ и Волынской типографіяхъ, съ такими особенностями, которыя не оставляютъ тѣни сомнѣнія, что по нимъ властно прошла редакторская рука іезуитовъ, выбрасывавшихъ восточное и русское и вносявшихъ западное и католическое. Обливательное крещеніе, колокольчикъ за литургіей, латинскія особенности въ провозженіи мертваго тѣла— все это, какъ и многое другое, прочно утверждается въ уніатскихъ церквахъ за XVII вѣкъ. Но вотъ собирается знаменитый Замойскій соборъ 1720 года. На немъ предсѣдательствуетъ папскій нунцій (Іеронимъ Гримальди), въ составъ его входятъ: уніатскій митрополитъ (Левъ Кипика), шесть уніатскихъ епископовъ, протоархимандритъ базилианскаго ордена, делегаты отъ уніатскихъ епархій и множество латинскихъ канониковъ. Соборъ постановляетъ ввести за богослуженіемъ латинскій символъ вѣры (съ *Filioque*) и печатать его отнынѣ въ такой редакціи,—учредить праздникъ въ честь Іосафата Кунцевича, полоцкаго епископа, уніата-фанатика, ввести въ уніатскій календарь католическій праздникъ тѣла Божія и вообще—переправить уніатскія богослу-

жебныя книги такъ, чтобы ничего не осталось тамъ напоминающаго православіе и русской народности.

Исправить богослужебныя книги такъ, чтобы онѣ ничѣмъ не напоминали о вѣрѣ отцовъ и народныхъ святыняхъ, — что можетъ быть кощунственнѣе и дерзновеннѣе этого? Лишить цѣлый народъ національной святыни — значитъ положить начало лишенію и его національнаго сознанія. Жизнь каждаго народа связана съ его вѣрой, и въ исторіи каждаго народа есть священныя имена, дорогія ему потому, что они неотдѣлимы отъ плоти и духа народнаго. Преп. Антоній и Теодосій печерскіе, четыре святителя московскіе, преп. Сергій радонежскій: какъ много говорятъ они уму и сердцу истинно русскаго православнаго человѣка! Съ ними связаны цѣлыя страницы и гражданской и религіозной жизни русскаго народа. Что чувствовалъ бы русскій человѣкъ, если бы какая-нибудь сила вздумала бы кощунственно запести руку на свѣтлую память этихъ дорогихъ намъ именъ и сдѣлала бы попытку лишить ихъ свѣтозарнаго свѣта, въ какомъ представляются намъ наши русскіе, кровно-близкіе нами святители и угодники?.. Думаемъ, что негодованію нашему не было бы границъ, и мы всѣ мѣры употребили бы обуздать уста и руки печестивцевъ.

Но служители папскаго престола рѣшились именно лишить западно-русскій народъ его національныхъ святынь и замѣнить ихъ новыми, своими, ничего не говорящими или, въ лучшемъ случаѣ, мало говорящими народному чувству. Лишить западно-русскій народъ національныхъ святынь надо было іезуитамъ для того, чтобы привести папѣ послушныхъ ему новыхъ чадъ, а польскому правительству это важно было въ тѣхъ видахъ, чтобы подчинить себѣ цѣлый народъ, брошенный на опасную окраину русскаго государства и ставшій лицомъ къ лицу съ Польшей. Нѣтъ зависимости бѣльшей, чѣмъ религіозная; католическая Польша была всецѣло въ рукахъ папы и іезуитовъ. Она вѣрно служила имъ и, особенно, *теперь* готова была служить, такъ какъ для нея открыва-

лась перспектива подчиненія своей государственной власти всего юго-запада Россіи.

Половина XVIII вѣка—самое тяжелое время для юго-западной Россіи. Своеволие поляковъ, подъ властью которыхъ находилась наша западная окраина, не имѣло предѣловъ. Подданные короля Августа III дѣлали съ православными все, что хотѣли. Исторія того времени представляетъ безчисленное множество примѣровъ самаго дикаго, варварскаго отношенія не только польскихъ магнатовъ, но и мало-мальски сильныхъ людей—къ православному духовенству и къ русскимъ. Увидить польскій панъ православнаго священника—и прикажетъ ему обжечь бороду и посадить въ чуланъ или яму; или—вздумаешь отрѣзать руку у православнаго челоуѣка—и, не колеблясь, приводитъ свой замыселъ въ исполненіе. Все это было самымъ обычнымъ и зауряднымъ явленіемъ, на которое пріучались сами православные смотрѣть хладнокровно. Издѣвательство надъ православною вѣрой, надъ церковными обрядами, надъ всѣмъ строемъ православно-русской жизни считалось у поляковъ признакомъ хорошаго тона. Такъ было на западѣ Россіи. Собственно же въ Малороссіи, послѣ Палія († 1711 г.), вызвавшаго было къ жизни въ средѣ малорусскаго казачества русскую партію, но, къ сожалѣнію, не оцѣненнаго въ своей дѣятельности и Петромъ В., въ Малороссіи, особенно ближайшей къ Польшѣ, царилъ неувѣренность касательно ея исторической будущности. Невыясненнымъ для малороссовъ было даже и то, къ кому лучше примкнуть: къ полякамъ ли, или къ Россіи, которая, въ лицѣ тогдашняго правительства, дѣйствительно странно держалась по отношенію къ Малороссіи, настолько странно, что среди малороссовъ царило даже убѣжденіе, что Петръ В. хочетъ отдать Малороссію подъ власть поляковъ. Лучшіе представители народной партіи стремились къ единенію съ Россіей, но не находили должной поддержки себѣ у Петра. Петръ дружилъ съ Польшей. И это обстоятельство, равно какъ явно всѣмъ видимое усиленіе польскаго вліянія въ Малороссіи, такъ часто пере-

плетавшася съ католичествомъ, отнимали руки у дѣятелей въ пользу сохраненія своей народности и своей вѣры.

Несчастное политическое положеніе юго-запада Россіи было какъ разъ на руку іезуитамъ. Они обращаютъ въ свою пользу польское правительство, заставляя его энергичнѣе воздѣйствовать на политически малосильный юго-западъ Россіи, въ смыслѣ подчиненія его Польшѣ, и сами ведутъ пропаганду латинской уніи, помогая тѣмъ польскому правительству. Словомъ, все направляется къ политическому и религіозному рабству юго-запада Россіи.

Въ эту-то пору, послѣ Замойскаго собора, и выступаетъ на поле миссіонерской дѣятельности митрополитъ львовскій Аѳанасій Шептицкій. Онъ—точный исполнитель соборнаго рѣшенія, клонившагося къ окончательному окатоличенію уніатовъ. Самого папу Климента XI привели въ смущеніе опредѣленія Замойскаго собора, безцеремонно попиравшаго всѣ права уніатовъ, предоставленныя имъ папою Климентомъ VIII (въ 1596 г.), и онъ не рѣшился утвердить соборныхъ актовъ, предоставивъ сдѣлать то своему преемнику Бенедикту XIII. Однако и тотъ утвердилъ (въ 1724 г.) соборныя опредѣленія подъ условіемъ: если выработываемыя мѣры привлеченія уніатовъ въ лоно католической церкви не противорѣчатъ постановленіямъ вселенскихъ соборовъ и конституціямъ предыдущихъ папъ. Но Аѳанасія, видимо, мало беспокоили законныя права уніатовъ. Онъ чувствовалъ за собою силу и, не церемонясь, издалъ въ 1738 г. окружное писъмо къ „пречестнымъ отцемъ игуменомъ, и протопрезвитеромъ въ діецезіяхъ нашихъ обрѣтающимся, намъ въ Духу Святомъ послушнымъ сыномъ“, съ требованіемъ немедленно исправить церковно-богослужебныя книги по его точному указанію. М. Аѳанасій ссылается на опредѣленіе Замойскаго собора и *волю св. апостольскаго трона*, каковая, какъ видимъ, истолкована имъ совершенно иначе, чѣмъ она на самомъ дѣлѣ была выражена п. Бенедиктомъ XIII. За обращеніемъ къ подвѣдомому духовенству слѣдуютъ самыя указа-

нія, въ какихъ книгахъ, что именно и какъ слѣдуютъ исправить. Нужно подивиться великолѣпному знанію богослужебныхъ книгъ, какимъ владѣль м. Аоанасій, и тонкому умѣнью исправлять богослужебный текстъ ихъ,—по всей вѣроятности, въ трудѣ исправленія м. Аоанасію не мало по-содѣйствовали оо. базилианцы, большіе знатоки православно-русскаго обряда и вообще православнога богослуженія¹⁾.

Мы не будемъ излагать подробно предписаній м. Аоанасія²⁾,—ограничимся лишь указаніемъ нѣкоторыхъ. Прежде всего, ревностный насадитель латинской уніи дѣлаетъ исправленія не въ одномъ служебникѣ и требникѣ, которые, кажется, должны были представлять главный интересъ для редактора, такъ какъ тамъ собраны всѣ важнѣйшія церковныя службы и послѣдованія, рознящіяся другъ отъ друга въ православнои и католической церкви, но вниманіе Шептицкаго обращено и на тѣ книги, гдѣ содержатся или полныя службы въ честь русскихъ святыхъ, или указывается просто память ихъ. Безжалостно уніатскій митрополитъ повелѣваетъ выкинуть или вымазать службы и памяти почти всѣхъ, чтимыхъ русскою Церковью національныхъ, святыхъ, какъ напр. свв. Петра и Алексія, митрополитовъ кievскихъ и всея Россіи, пр: Максима, Христа ради юродиваго, моск. чудотворца, пр. Евѣмїя Суздальскаго, преп. Феодора и Василя печерскихъ и др. Изъ русскихъ святыхъ, какъ извѣстно, уніаты оставили только св. кн. Владиміра, блаж. Ольгу, свв. Бориса и Глѣба и преп. Антонія и Феодосія печерскихъ. Нѣкоторые уніатскіе святцы сохранили еще память трехъ виленскихъ мучениковъ: Антонія, Іоанна и Евстафія³⁾. Даже общія молитвы къ преподобнымъ печерскимъ выброшены изъ

¹⁾ Ао. Шептицкій самъ былъ сначала прогоархимандритомъ базилианскаго ордена.

²⁾ Тѣмъ болѣе, что объ этомъ можно подробно читать въ кн. прот. А. Ѡ. Хойнацкаго: „Западно-русская церковная унія въ ея богослуженіи и обрядахъ“. Кіевъ, 1871 г.

³⁾ Прот. А. Ѡ. Хойнацкій — „Западно-русская ц. унія...“ стр. 418.

акаѳистника, по волѣ митр. Аѳанасія ¹⁾). Вмѣсто русскихъ святыхъ, въ уніатскія богослужебныя книги вносятся (правда, не сразу) Игнатій Лойола, королевичъ Казиміръ, Янъ Непомуцень, І. Кунцевичъ и др. Съ тѣмъ вмѣстѣ, окончательно погибаетъ все родное и святое для юго-западныхъ русскихъ страдальцевъ подъ игомъ Польши и уніи.

Но эпоха торжества уніи была и предверіемъ ея гибели. Насильственное отторженіе отъ Церкви и русской народности вызываетъ въ православныхъ жителяхъ юго-западной Россіи особый подъемъ патриотизма и готовности отчаянно бороться за отцовскую вѣру. Малороссія пріобрѣтаетъ расположеніе импер. Елизаветы Петровны, а затѣмъ Екатерины II, которыя берутъ ее подъ свою защиту, а въ средѣ духовенства православной Украины являются такіе борцы за православіе и народность, какъ еп. Гервасій переяславскій, игуменъ Мотренинскаго монастыря Мельхиседекъ Яворскій и Георгій Конисскій, еп. Бѣлорусскій.

Благопріятныя политическія обстоятельства и ревность православныхъ пастырей готовятъ воссоединеніе уніатовъ, которое и происходитъ при имп. Николаѣ I. *Отторнутые насиліемъ (въ 1596 г.), уніаты воссоединены любовью (въ 1839)...*

Но вотъ въ наши дни политическихъ шатаній, съ объявленіемъ свободы вѣроисповѣданія, снова зашевелились

¹⁾ Въ ряду исправленій „Служебника“ достойно особеннаго замѣчанія слѣдующее: „На листѣ 111, вмѣсто типика о раздробленіи св. Агнца тамъ положеннаго положи сей: егда же вознесетъ св. Агнецъ, глаголя: святаа сватымъ, раздѣляетъ сей на четыре части, и полагаетъ я на св. дискосѣ крестообразно; таже, пріемъ едину часть, влагаетъ въ св. чашу, прочія же или самъ вси потребляетъ, или отъ сихъ иныхъ презвитеровъ и діаконовъ, аще будутъ сослужашин, причащаетъ. Прочія же люди, аще причащенія желали будутъ, причащаются отъ частей, посвященныхъ въ честь пресв. Богородицы, девяти чиновъ и иныхъ, такожде за живыхъ и усопшихъ положенныхъ (стр. 22 Окр. п.)... Очевидно, уніаты не считали мірянъ достойными пріобщенія отъ Тѣла Христова?!

польскіе ксендзы и опять повели свою пропаганду. Уже много жертвъ попало въ ихъ сѣти. Но, конечно, этого имъ мало. Они стремятся получить больше. Рука объ руку, идутъ они вмѣстѣ съ польскими патриотами, увлеченными заманчивой мечтой „независимости“ польскаго народа.

Въ этомъ случаѣ современность не можетъ не напомнить событіями далекую старину...

Кому дороги національные идеалы Россіи, чьему сердцу близка православная отеческая паша вѣра, тѣ должны собираться съ силами, чтобы и теперь отстоять русскую народность и русское православіе отъ всѣхъ многообразныхъ навітовъ вражійхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ должны молить Господа, да изведетъ Онъ добрыхъ, честныхъ и беззавѣтно самоотверженныхъ дѣятелей, подобныхъ прежнимъ, во всѣхъ областяхъ русской жизни, и особенно—на поприщѣ религіозной дѣятельности.

Россія страдаетъ и трепетно ждетъ своего спасенія...

Н. Пальмовъ.

Эстетическая сторона въ православномъ богослуженіи и ея значеніе.

Въ настоящее время, когда въ область нашей церковной эстетики начинаютъ проникать новыя вліянія, и характеръ свѣтскаго искусства замѣтно отражается на многихъ формахъ церковной обрядности, уместно сказать нѣсколько словъ объ эстетической сторонѣ въ нашемъ православно-христіанскомъ богослуженіи и ея значеніи.

Наше богослуженіе, какъ совокупность извѣстнаго рода священнодѣйствій, молитвъ, пѣснопѣній и другихъ внѣшнихъ формъ, выражающихъ внутреннюю жизнь христіанина, находится въ тѣсной органической связи съ Церковью и рели-

гій христіанской. Необходимость богослуженія во всякой вообще религій обусловливается, какъ извѣстно, религіознымъ чувствомъ человѣка, которое, какъ всякое внутреннее настроеніе, естественно требуетъ своего обнаруженія въ опредѣленныхъ, чувственныхъ формахъ. Съ другой стороны, необходимость богослуженія вытекаетъ и изъ его воспитательнаго значенія для вѣрующаго, изъ его нравственнаго руководства въ духовной жизни человѣка. Затѣмъ, при взглядѣ на богослужебную сторону каждой религій обращаетъ на себя вниманіе еще и то, что внѣшнія религіозныя формы всегда носятъ на себѣ отпечатокъ *національнаго* искусства, художественнаго вкуса народности. Высказанныя положенія, имѣющія силу относительно всякой религій, имѣютъ значеніе и въ отношеніи къ религій христіанской; которая тоже не можетъ быть лишена художественнаго элемента. Но вопросъ о допустимости эстетической стороны въ богослуженіи получаетъ въ христіанствѣ особую постановку, въ виду исключительнаго характера этой религій—ея *духовности*. Принимая во вниманіе эту послѣднюю, нѣкоторые утверждаютъ, что христіанская религія, по самому своему духу, не благопріятствуетъ и враждебна искусству, такъ какъ между эстетическимъ чувствомъ и религіознымъ нѣтъ, говорятъ, ничего общаго.

Правда ли это? Правда ли, что эстетическая сторона въ нашемъ богослуженіи не способствуетъ развитію религіознаго чувства, а, напротивъ, разсѣиваетъ его и вредитъ ему?

Прежде всего, при отвѣтѣ на высказываемое отрицаніе эстетическаго элемента въ православномъ богослуженіи слѣдуетъ принять во вниманіе, что эстетическая сторона, являющаяся о себѣ въ богослуженіи не одного христіанства, но и всѣхъ даже естественныхъ религій, какъ *общее* явленіе, имѣетъ за собой *психологическое* оправданіе и этимъ же лучше всего обнаруживаетъ то тѣсное взаимоотношеніе, въ какомъ находятся религіозное и эстетическое чувства въ нашей душѣ. Не удивительно отсюда, что эстетическое чувство, присущее нашей душѣ, предъявляетъ свои требованія

на удовлетвореніе часто на ряду съ религіознымъ. Возьмите, напр., христіанскій аскетизмъ. Подавляетъ ли аскетъ въ себѣ проявленія эстетическаго чувства?—Житія святыхъ указываютъ намъ многихъ подвижниковъ, которые умѣли глубоко чувствовать и понимать красоты природы. Они были, быть можетъ, лучшими эстетамъ, чѣмъ мы, и, созерцая окружающія явленія природы, находили въ нихъ средство воспитанія въ своей душѣ высокихъ религіозныхъ чувствованій. Эти люди, стоявшіе на высшихъ ступеняхъ христіанской жизни, всегда считались съ чувствомъ эстетическимъ и никогда не подавляли его, о чемъ съ достаточною ясностью свидѣтельствуется наша церковная поэзія во многихъ случаяхъ—плоды высокаго художественнаго творчества христіанскихъ подвижниковъ.

Если вся богослужбная обрядность, какъ выраженіе религіозныхъ чувствованій, естественна, то не менѣе законно и удовлетвореніе въ ней эстетическаго чувства, тѣмъ болѣе, что чувство эстетическое, по своей духовной природѣ, вполне согласно съ чувствомъ религіознымъ и способствуетъ возбужденію и росту его въ душѣ человѣка.

Чувство прекраснаго, по своему существу, всегда чисто и высоко-нравственно. Оно направляетъ нашу мысль къ тому идеалу красоты невещественной, воплощеніе которой мы находимъ въ природѣ. Оно, какъ и религіозное чувство, отвлекаетъ человѣка отъ грѣховной земли, окрыляетъ его умъ, раждаетъ восторженные порывы вдаль отъ суеты міра, къ свѣтлому, лучшему, къ области бытія сверхчувственнаго, небеснаго. Въ силу этого взаимнаго родства чувства религіознаго и эстетическаго, христіанская религія всегда допускала и допускаетъ введеніе искусства въ свое богослуженіе. Правда, это допущеніе искусства въ сферу церковной обрядности имѣетъ въ христіанствѣ свои границы, опредѣляемыя его внутреннимъ характеромъ и конечными цѣлями—воплотить и выразить ту или другую религіозно-нравственную идею. Удовлетворяя эстетическимъ потребностямъ чело-

вѣка, христіанство не потворствуетъ его чувственной природѣ, не возмущаетъ духа, не возбуждаетъ страстей. При введеніи художественныхъ формъ, въ которыхъ должна найти свое выраженіе извѣстная религіозная идея, — формъ, естественно взятыхъ изъ сокровищницы искусства опредѣленнаго народа и опредѣленной эпохи, христіанство всегда принимаетъ во вниманіе соотвѣтствіе этихъ формъ съ духовнымъ характеромъ идей, въ нихъ воплощаемыхъ. Изъ произведеній искусства христіанство не все беретъ въ свой культъ, а самое лучшее, самое, такъ сказать, духовное. Этой-то осмотри- тельностью при выборѣ художественныхъ формъ для церковнаго употребленія объясняется высокое и полное удовлетвореніе эстетическихъ потребностей, какое получаетъ христіанинъ въ церкви.

Степень удовлетворенія эстетической потребности всегда обусловливается степенью художественнаго совершенства того или другого предмета, т. е. болѣе или менѣе удачнымъ выборомъ формы для воплощенія въ ней извѣстной идеи. И эстетическая сторона богослуженій представляетъ изъ себя наилучшее осуществленіе этихъ психологическихъ требованій. Христіанское богослуженіе своей художественной стороной даетъ удовлетвореніе эстетической потребности въ должной степени, не обращая искусства въ средство служенія низменнымъ инстинктамъ, человѣческой природы.

Такое благоразумное пользованіе искусствомъ, въ связи съ глубоко-идейной христіанской обрядностью, имѣетъ весьма важное значеніе для послѣдней. Эстетическая сторона богослуженія, какъ свидѣтельствуемъ нашъ собственный опытъ, сильно отражается на религіозности молящагося и оказываетъ на нее благотворное вліяніе. Конечно, эстетическое чувство, которое имѣетъ предметомъ своего возбужденія извѣстный сюжетъ свѣтскаго характера, а не религіознаго, не можетъ оказывать такого вліянія на религіозное чувство человѣка. Развѣ можетъ, напр., оказать прямое, непосредственное нравственное вліяніе на человѣка то ощущеніе прекраснаго,

которое является слѣдствіемъ созерцанія художественной панорамы или картины, изображающей собою какой-либо роскошный пейзажъ? Такое эстетическое чувство, состоящее только въ пріятномъ первомъ возбужденіи, не можетъ непосредственно вліять на чувство религіозное, напротивъ, способно, пожалуй, скорѣе разсѣять и ослабить послѣднее.

Но не таково по характеру ощущеніе прекраснаго, возбуждаемое въ человѣкѣ эстетической стороной богослуженія, а потому не таково и его вліаніе на чувство религіозное. Внутреннимъ содержаніемъ эстетической стороны богослуженія являются религіозныя христіанскія идеи и чувства. Вся церковная архитектура, живопись, всѣ обряды и таинства съ ихъ внѣшней стороны, церковное пѣніе и вообще всѣ принадлежности внѣшней стороны христіанскаго богослуженія непременно выражаютъ ту или другую религіозную идею. Поэтому, эстетическое чувство, вызываемое христіанскимъ богослуженіемъ, носитъ характеръ особо-возвышенный, особо-духовный.

Оно удовлетворяется здѣсь не пріятнымъ чувственнымъ возбужденіемъ, но могучимъ порывомъ къ Богу, стремленіемъ къ небесному, святому, совершеннѣйшему. Такое эстетическое чувство способно укрѣпить и воспитать въ насъ искренне молитвенное настроеніе. Какое, напр., сильное впечатлѣніе оставляетъ въ душѣ христіанина созерцаніе *художественнаго* изображенія Христа Спасителя, призывающаго къ Себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ!.. При взглядѣ на этого великаго Учителя жизни — Богочеловѣка Христа, любившаго и любящаго людей, какъ никто, и теперь призывающаго къ Себѣ, подѣ Свое покровительство всѣхъ несчастныхъ земли, всѣхъ обиженныхъ человѣческой несправедливостью, ясно встаетъ въ сознаніи христіанина Его Божественная Личность какъ живая, близкая, родная... Основная идея христіанской любви, воплощенная въ этомъ религіозномъ сюжетѣ художественной картины, особенно сильно чувствуется; кажется, испытываешь на себѣ непо-

средственное вліяніе этой Божественной любви, сердечной теплоты отеческих объятій Спасителя. Горечь жизни забывается, и этот тѣсный, полный страданія міръ уже не кажется столь страшнымъ. Около тебя твой любвеобильный Спаситель, готовый всегда защитить тебя... и душа переполняется молитвеннымъ настроеніемъ.

Эстетическое чувство, вызываемое созерцаніемъ художественнаго образа Христа, призывающаго къ Себѣ страдающихъ и обремененныхъ, незамѣтнымъ образомъ переходитъ въ чувство религіозное, въ чувство великаго благоговѣнія предъ Богомъ, въ чувство сыновней любви къ Небесному Отцу.

Такова же возрождающая и облагораживающая сила и церковнаго пѣнія за богослуженіемъ. Всякое пѣніе вообще, рассматриваемое, какъ особый видъ искусства, состоящаго въ воплощеніи музыкальной мелодіи въ звукахъ голоса, способно благотворно дѣйствовать на человѣка. Пѣніе, выражающее живымъ языкомъ настроеніе души человѣческой, производитъ всегда умиротворяющее, успокоительное воздѣйствіе на душу. Особенно же благотворно дѣйствуетъ на сердце и душу христіанина хорошее гармонично-задушевное церковное пѣніе. Только тотъ, кто самъ внимательно слушалъ наше церковное пѣніе, можетъ въ должной степени испытать и вполне оцѣнить его вліяніе на настроеніе. А насколько могуча сила вліянія глубокихъ по содержанию и художественныхъ по исполненію церковныхъ пѣснопѣній, когда ими сопровождается тотъ или другой церковный обрядъ, особенно такой, напр., знаменательный, какъ выносъ плащаницы въ Великую пятницу!..

Непосредственное переживаніе всякимъ присутствующимъ при богослуженіи минутъ высокаго духовнаго наслажденія и особеннаго подъема молитвеннаго духа является наилучшимъ показателемъ умѣстности эстетической стороны въ богослуженіи нашей Церкви. Недаромъ съ такимъ восторгомъ отзываются о нашемъ православномъ богослуженіи по-

сѣщающіе Россію иностранцы, каковы, напр., недавніе наши гости—англиканскій епископъ Графтонъ, извѣстный католическій ученый и библиотечарь Ватиканской въ Римѣ библиотеки абб. А. Пальміери и американскій епископъ—негръ—сэръ Робертъ Жозефъ-Морганъ. Послѣдній наше церковное пѣніе называетъ „ангельскимъ пѣніемъ“. Отзывы представителей инославныхъ вѣроисповѣданій много говорятъ о томъ, какую великую воспитательную силу имѣетъ наша Православная Церковь въ эстетической сторонѣ своего богослуженія.

Н.

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль

Печатать дозволяется. Кіевъ, 7-го ноября 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 45.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года ноября 6-го.

Содержаніе: Замѣчательный юбилей.—Пастырскіи союзы и собранія.—
Приготовленіе къ пастырскому служенію въ протестантствѣ (окон-
чаніе).—Бѣгство семинаристовъ изъ духовнаго вѣдомства.—Къ во-
просу о благочинныхъ.—*Отъ Редакціи.* Объявленіе о продолженіи
изданія журнала въ 1906 г.

Замѣчательный юбилей.

Сегодня истекаетъ пятидесятилѣтіе учено-литературной
дѣятельности заслуженнаго профессора Кіевской духовной
академіи Василя Федоровича Пѣвницкаго.

Имя маститаго юбиляра хорошо знакомо православнымъ
русскимъ пастырямъ. Съ именемъ В. Ф. Пѣвницкаго соеди-
няется у многихъ и многихъ изъ нихъ представленіе
о блестящемъ церковномъ витіи и талантливомъ учителѣ
пастырскаго богословія. Кажется, нѣтъ въ Россіи уголка,
куда не проникли бы сочиненія, а еще болѣе—проповѣдни-
ческіе труды юбиляра, и гдѣ не зачитывались бы ими слу-
жители Церкви. Можно сказать, что все нынѣшнее поко-
лѣніе пастырей воспитано на произведеніяхъ вдохновеннаго
слова В. Ф. Пѣвницкаго. Его книгу „Священникъ“ прочелъ,

вѣроятно, каждый пастырь. Такою же почти извѣстностью пользуются и другія сочиненія юбиляра, посвященныя выясненію вопросовъ о православномъ пастырствѣ въ его существѣ и въ приложеніи къ требованіямъ современной жизни, каковы, напр., „Священство“ и „Служеніе священника въ качествѣ духовнаго руководителя прихожанъ“. Проповѣди В. Ө. Пѣвницкаго на *пассии* уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ печатаются на страницахъ „Церковныхъ Вѣдомостей“ тотчасъ по произнесеніи ихъ, и всегда встрѣчаются пастырями съ самымъ живымъ интересомъ, такъ какъ представляютъ собою не только единственные въ своемъ родѣ теперь образцы церковнаго краснорѣчія, но и лучшіе отклики съ церковной кафедры на явленія современности.

Самою характерною чертою въ глубоко симпатичномъ духовномъ обликѣ старца-профессора является его теплая вѣра въ спасительность христіанскаго ученія и трогательная любовь къ Православной русской Церкви съ ея уставами, въ связи съ которою для него немислимо и существованіе истинно-русскаго человѣка. Тѣсный внутренній союзъ человѣка съ Церковью является въ воззрѣніяхъ В. Ө. Пѣвницкаго прочною основою благодѣянія для человѣка какъ во внутреннемъ отношеніи, такъ и во внѣшнемъ. Тотъ человѣкъ развивается правильно, восходя отъ мѣры въ мѣру возраста совершеннаго, который находится въ живомъ единеніи съ Богомъ чрезъ посредство основанной Имъ на землѣ Церкви, и тотъ общественный дѣятель приноситъ истинную пользу ближнимъ и усовершенствуетъ свое дѣло, который руководится въ своемъ служеніи высшими, данными вѣрой цѣлями, глубоко проникаясь ими. Долгъ каждаго, любящаго отечество русскаго человѣка—проводить въ сознаніе и жизнь окружающихъ людей спасительность и значеніе православной вѣры, но наиболѣе долгъ этотъ лежитъ на пастыряхъ Церкви, нарочито и поставленныхъ въ ней на служеніе вѣры. Руководству ихъ-то въ трудномъ дѣлѣ душепопеченія и отдастъ В. Ө. Пѣвницкій свой богатый талантъ, оставляя себѣ, какъ

активному дѣятелю на нивѣ Божіей, скромное мѣсто церковнаго учителя.

Но какой это великій учитель вѣры! Какъ пламенѣеть вѣрой его духъ, и съ какою силою способенъ онъ бываетъ возжечь пламя вѣры въ душѣ слушателя. Слушая витію, когда онъ предлагаетъ свое вѣщее слово съ церковной каедрой, умѣло направляя его въ таинственныя и наиболѣе чуткія къ истинѣ глубины духа, всегда во множествѣ окружающей проповѣдника, толпы народа, нельзя остаться равнодушнымъ предъ неотразимымъ вліаніемъ силы глубокаго убѣжденія, которымъ дышитъ слово церковнаго витіа, того любвеобильнаго духа, которымъ онъ всегда растворяетъ даже горькое слово обличенія; нельзя быть, наконецъ, безчувственнымъ къ тому особенному умиленію, съ которымъ самъ проповѣдникъ говоритъ о спасительныхъ истинахъ Христова ученія, приближал ихъ къ сердцу человѣка и глубоко трогая тѣмъ его. Страданія людскія, скорбь грѣшной души, ищущей покоя и примиренія съ Богомъ, — любимыя темы бесѣды вдохновеннаго оратора. Эти страданія и скорби въ его словѣ получаютъ цѣну очистительныхъ жертвъ за грѣхи наши и беззаконія, или — значеніе испытаній твердости вѣры, непосылаемыхъ намъ свыше. Онъ — отнюдь не результатъ дѣйствія вредныхъ силъ природы или какого-то сильнаго рока. Скорби и страданія не приводятъ христіанина къ безнадежному взгляду на жизнь. Напротивъ, онъ въ особенномъ свѣтѣ представляютъ жизнь, сообщая ей достоинство приготовления человѣка къ лучшей жизни въ вѣчномъ блаженствѣ царства Христова, которое отчасти открывается уже и здѣсь, на землѣ, въ сердцахъ вѣрующихъ, какъ сладостное предощущеніе будущаго блаженства.

Отсюда — вообще свѣтлый взглядъ на жизнь, которому юбиляръ остался вѣренъ до конца, не взирая на многообразныя скорби и испытанія, постигавшія его въ теченіе долгой жизни. Онъ уступали силѣ могучаго христіанскаго духа и разсѣвались у него, какъ дымъ въ безграничномъ простран-

ствѣ, предѣ глубокой и сердечной вѣрой въ премудрое и всеблагое промысленіе Божіе.

Надо удивляться бодрости и почти юношеской живости и свѣжести духа въ утружденномъ годами тѣлѣ старца-юбиляра. Безъ сомнѣнія, это—результатъ жизни, проведенной въ постоянномъ духовномъ бодрствованіи и томъ неусталномъ трудѣ, къ которому еще не такъ давно В. О. Пѣвницкій горячо призывалъ молодежь, волнующуюся теперь повсемѣстно политическими вопросами, вмѣсто серьезнаго занятія прямымъ своимъ дѣломъ—наукой...

Со всѣхъ концовъ православной Руси понесутся нынѣ къ любвеобильному сердцу юбиляра горячія привѣтствія многочисленныхъ учениковъ и почитателей его таланта. Редакція нашего пастырскаго журнала, одушевленная въ своей дѣятельности тѣми же идеалами, которыми живетъ глубокочтимый юбиляръ, считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ присоединиться къ общему хору привѣтствующихъ его, тѣмъ болѣе, что редакція имѣетъ удовольствіе считать юбиляра еще и *тѣсно* связаннымъ съ журналомъ „Руководство для сельскихъ пастырей“, такъ какъ юбиляръ всегда съ любовью принималъ участіе въ его посильной работѣ выясненія пастырскихъ идеаловъ и неоднократно украшалъ журналъ своими произведеніями.

Да хранить Господь маститаго юбиляра—славнаго учителя вѣры и жизни еще долгіе и долгіе годы къ радости и утѣшенію всѣхъ его почитателей и къ вразумленію юнаго, приготавлиющагося къ жизни поколѣнія!.. *Н. П.—вз.*

Пастырскія союзы и собранія.

Поставленный на очередь вопросъ о новой организаціи нашей приходской и всей вообще церковной жизни можетъ получить исторически правильное и по существу благотворное разрѣшеніе только въ томъ случаѣ, если духовенство наше приметъ самое энергическое участіе въ дѣлѣ этой

организациі, всецѣло сосредоточивъ его въ своихъ рукахъ. Это настолько понятно, что не требуетъ никакихъ специальныхъ разъясненій. Но, съ другой стороны, столь же понятно и до очевидности ясно, что наше православное духовенство само нуждается въ значительномъ подъемѣ своей жизнедѣятельности, въ обновленіи своихъ силъ, въ проникновеніи болѣе высокими идеалами пастырскаго дѣланія,—и пока это не будетъ достигнуто, ни о какой творческой, идейной работѣ духовенства надъ созданіемъ новыхъ, лучшихъ формъ церковной жизни не можетъ быть и рѣчи. Жизнь и вдохновеніе можетъ сообщить другимъ лишь тотъ, кто самъ полонъ жизни и вдохновенія.

Но какъ заставить нашихъ пастырей вдохновиться на новую дѣятельность, и какъ вообще, при столь существенно измѣнившихся условіяхъ этой дѣятельности, вызвать ихъ къ проявленію всей своей жизнеспособности, въ которой подчасъ они и сами сомнѣваются?

Въ послѣднее время большую надежду возлагаютъ на т. н. пастырскія собранія, составляемые въ городахъ изъ всего городского духовенства, а въ селахъ—изъ пастырей того или другого благочинническаго округа. Пастырскія собранія открываются почти повсемѣстно, дѣятельность ихъ восторженно привѣтствуется всѣми, и усердно поощряется спархіальнымъ начальствомъ. Митрополитъ кievскій Флавіанъ пишетъ, напр., въ своемъ окружномъ посланіи къ пастырямъ Кіевской митрополіи: „собирайтесь, по возможности, вмѣстѣ и въ мирной бесѣдѣ по вопросамъ пастырскаго служенія и церковной практики помогайте другъ другу, поддерживайте слабыхъ, укрѣпляйте малодушныхъ, утѣшайте смущенныхъ, вразумляйте безучинныхъ“.

Конечно, значеніе пастырскихъ собраній для оживленія дѣятельности нашего духовенства неоспоримо,—они несомнѣнно внесутъ и отчасти уже внесли въ эту дѣятельность мощную струю новой, болѣе одухотворенной мысли и новой, на лучшихъ упованіяхъ созидаемой жизни. Гдѣ пастырскія собранія функциони-

ругують болѣе или менѣе правильно, тамъ прежняя инертность духовенства уже въ значительной степени ослаблена новымъ порядкомъ вещей. Но при всемъ этомъ, въ нынѣшней организаціи пастырскихъ собраній, опредѣляемой—кстати сказать—не какимъ-либо точнымъ церковно-правовымъ началомъ, а совершенно случайными обстоятельствами и мелкими, къ существу дѣла не относящимися соображеніями, есть одинъ недостатокъ, настолько крупный, что съ устраненіемъ его связано все дальнѣйшее существованіе этихъ новыхъ, симпатичныхъ по своей идее и многообѣщающихъ для практической жизни церковно-общественныхъ учрежденій. Обычно пастырскія собранія происходятъ такимъ образомъ. По предложенію предсѣдателя собранія или по инициативѣ отдѣльных членовъ его, въ составъ которыхъ должны входить всѣ пастыри данной территоріальной единицы, собраніе обсуждаетъ тѣ или другіе вопросы изъ области пастырской практики или церковно общественной жизни, выслушавъ предварительно по этимъ вопросамъ разъясненія въ видѣ письменныхъ рефератовъ или устныхъ докладовъ. По окончаніи преній собраніе высказываетъ то или иное пожеланіе, дѣлаетъ соотвѣтствующія постановленія и обо всемъ этомъ доводитъ до свѣдѣнія епархіальной власти. Обыкновенно здѣсь и дѣлу край. Это, конечно, не хорошо, и несомнѣнно будетъ устранено въ самомъ скоромъ времени, какъ несоотвѣтствующее внутренней логикѣ пастырскихъ собраній. Но если бы даже пастырскимъ собраніямъ и совсѣмъ отрѣзанъ былъ путь къ общенію съ законодательною властью епархіальною, они все-таки могли бы существовать и развиваться, какъ союзы людей, работающихъ около одного великаго дѣла и ищущихъ другъ въ другѣ взаимной нравственной поддержки и помощи,—какъ союзы, въ которыхъ эти люди могли бы черпать необходимое для повседневной дѣятельности вдохновеніе, воодушевленіе. Для выполненія задачъ идеальнаго пастырства намъ недостаетъ именно вдохновенія, энтузіазма, недостаетъ того идеалистическаго настроенія, которое одно

рождаетъ героевъ мысли и дѣла, и которое питается только взаимообщеніемъ людей одного духа, одного направленія. Пусть каждый изъ насъ вспомнитъ свою молодость и спроситъ себя, отчего мы тогда, на школьной скамьѣ, были возвышенно благородно настроены, отчего мы все смотрѣли на жизнь такими свѣтлыми глазами и горѣли самымъ искреннимъ желаніемъ посвятить себя на служеніе Церкви, родинѣ, народу; отчего идеалы казались намъ вполне достижимыми, и всякому, кто бы сталъ насъ разувѣрять въ этомъ, мы готовы были отвѣчать словами ап. Петра: „если и все соблазнится, я никогда не соблазнюсь?“—Ни на минуту мы не сомнѣваемся, что, кромѣ юношеской горячности и радостнаго опьяненія благоуханіемъ молодой жизни, нашъ идеализмъ тогда загорался отъ постоянного взаимнаго тренія нашихъ умовъ и сердецъ; что наша твердая вѣра въ возможность осуществленія высокаго идеала пастырства отвергала всякіе компромиссы именно подъ вліяніемъ ежедневныхъ дружескихъ бесѣдъ. Да развѣ не то же самое наблюдается у людей и въ зрѣломъ возрастѣ? Развѣ мы не видимъ, что тѣ группы практическихъ дѣятелей, которыя живутъ наиболее сплоченною, солидарною жизнью, обнаруживаютъ и наибольшее стремленіе къ усовершенствованію, возвышенію, облагороженію своей дѣятельности.

Къ такому же сплоченію, къ такой же солидарности должны стремиться и мы, православные пастыри, призванные работать въ виноградникъ Божіемъ „духомъ горяще“. Пастырскія собранія и могутъ явиться самыми дѣйствительными для этого средствами,—но только подъ тѣмъ непреклоннымъ условіемъ, чтобы рядомъ съ ними повсюду были открываемы частныя мелкіе союзы пастырскіе.

Непригодность для указанной цѣли однихъ пастырскихъ собраній и необходимость при нихъ союзовъ—психологически весьма понятны. Когда мы являемся въ пастырское собраніе, состоящее изъ 30—40 человѣкъ, которые другъ друга знаютъ иногда только по имени, то сразу же чувствуемъ, что

здѣсь наша душа не можетъ раскрыться всецѣло и заговорить тѣмъ языкомъ, который ей свойственъ. Здѣсь взаимное общеніе возможно только для ума, изобрѣтательнаго въ отысканіи интересныхъ предметовъ для собесѣдованія, но невозможно для сердца, которое стыдливо прячется отъ чужихъ взоровъ. Поэтому, изъ большихъ пастырскихъ собраній можно вынести много свѣтлыхъ мыслей, много увлекательныхъ идей, но нельзя вынести того пылающаго огня жизни, безъ котораго наше служеніе разбѣдаютъ неудовлетворенность, тоска, иногда даже отчаяніе, а чаще всего апатія, косность. Другое дѣло—небольшіе союзы. Составляемые съ спеціальною цѣлью объединенія пастырей вокругъ дѣла, наиболѣе любезнаго ихъ сердцу, наиболѣе отвѣчающаго особенностямъ ихъ душевнаго склада, эти союзы легко могли бы превратиться для духовенства въ неизсякаемый родникъ пастырскаго вдохновенія и стать самымъ дѣйствительнымъ средствомъ воспитанія разнообразныхъ талантовъ, которыхъ такъ настойчиво требуетъ отъ насъ современная жизнь. Свободная, не стѣсненная никакими канцелярскими формальностями (въ „пастырскія собранія“ онѣ уже проникаютъ), дѣятельность этихъ союзовъ быстро положила бы конецъ весьма распространенному пока, но несомнѣнно отживающему типу тѣхъ благоприличныхъ пастырей, о которыхъ можно сказать словами Мефистофеля изъ Фауста: „духи этого рода не имѣютъ никакого запаха“. Кроме того, благолѣпіе храмоваго богослуженія, проповѣдное слово, школьное и вообще просвѣтительное дѣло, церковная благотворительность и другія стороны пастырской дѣятельности, сдѣлавшись предметомъ искреннихъ, согрѣтыхъ чистою любовью, заботъ отдѣльныхъ союзовъ, освободились бы отъ унижительнаго для нихъ давленія консисторскихъ и другихъ начальственныхъ указовъ и распоряженій, и скоро принесли бы обильный плодъ по роду своему...

Но какое же отношеніе рекомендуемые союзы могутъ имѣть къ существующимъ пастырскимъ собраніямъ?—По на-

шему мнѣнію, они будутъ давать послѣднимъ самый жизненный для взаимнаго обмѣна мыслей матеріаль въ видѣ разныхъ докладовъ и рефератовъ. Члены частныхъ союзовъ будутъ знакомить общее пастырское собраніе со своею дѣятельностью и вносить въ него духъ жизни; они всѣхъ будутъ заражать здѣсь своею горячею вѣрою, а также тою искренностью убѣжденій и безпристрастною прямою сужденій, которыя не боятся т. н. деликатныхъ вопросовъ и углубленія въ самую суть дѣла. Всего этого не хватаетъ нашимъ пастырскимъ собраніямъ и не будетъ хватать до тѣхъ поръ, пока мы не оставимъ всякій страхъ предъ частными союзами, пока мы не перестанемъ повторять на разные лады: *timeo Danaos et dona ferentes*.

А страхъ этотъ несомнѣнно существуетъ. Мы имѣли случай присутствовать на одномъ собраніи пастырей—весьма видныхъ, вліятельныхъ, во всѣхъ отношеніяхъ почтенныхъ. Собранію было предложено обсудить вопросъ о частныхъ пастырскихъ союзахъ, поднятый епархіальнымъ начальствомъ. Послѣ получасовой довольно вялой бесѣды, коснувшейся этого вопроса лишь слегка и часто сбивавшейся на темы мелочно-житейскія, единогласно была принята резолюція о председателѣ, гласившая, что положеніе пастырскаго дѣла обстоитъ, по крайней мѣрѣ—въ городахъ(?), настолько благополучно, что при существованіи здѣсь общихъ пастырскихъ собраній возникновеніе союзовъ нужно признать не только излишнимъ, но даже въ нѣкоторомъ смыслѣ вреднымъ, такъ какъ оно можетъ способствовать не объединенію, а только разъединенію духовенства.

Насколько основательна такая резолюція, торжественно похоронившая вопросъ о пастырскихъ союзахъ въ одной изъ видныхъ нашихъ епархій, предоставляемъ судить самимъ читателямъ.

Свщц. Н. Гр.

Приготовление къ пастырскому служенію въ протестантствѣ.

(Продолженіе 1).

Протестантство не считаетъ нужнымъ специфически клерикальное воспитаніе для своего священства. Протестантскій пасторъ долженъ отличаться лишь тѣми нравственными качествами, которыхъ ап. Павелъ требуетъ отъ каждаго христіанскаго пастыря,—т. е. онъ долженъ быть „непороченъ, трезвъ, цѣломудренъ, благочиненъ, честенъ, страннолюбивъ, учителенъ и т. д. (1 Тим. 3, 2 и слѣд.). Но всѣми этими качествами долженъ обладать не только священникъ, но и всякій благочестивый христіанинъ. Слѣдовательно, воспитаніе священника ничѣмъ не должно отличаться отъ того воспитанія, которое дается въ каждомъ благочестивомъ христіанскомъ домѣ 2).

Въ университетѣ студенты-теологи пользуются неограниченной свободой. Они живутъ здѣсь общою съ студентами другихъ факультетовъ жизнью. А что представляетъ жизнь нѣмецкаго бурша—студента, это болѣе или менѣе извѣстно всякому 3).

Въ Германіи вообще очень развита кружковая жизнь. Вездѣ въ нѣмецкихъ городахъ и даже—небольшихъ существуютъ всевозможныя общества, союзы и фереины,—да еще не по одному, а по нѣскольку въ каждомъ,—основанныя на самыхъ разныхъ началахъ и преслѣдующіе самыя разнообразныя цѣли. И каждый порядочный нѣмецъ считаетъ своею нравственною обязанностью принадлежать къ какому-нибудь изъ этихъ фереиновъ. Юные германцы, вѣрные сыны своего Vaterland'a, принесли этотъ общегерманскій esprit de corps

1) См. № 44 за 1905 г.

2) Hersog 4 Bd. s. 243.

3) Нѣмецкіе юмористическіе журналы почерпаютъ значительную часть своихъ остроумій и анекдотовъ именно изъ этой жизни.

и въ свои *almae matres*. Въ каждомъ нѣмецкомъ университетѣ ¹⁾ существуетъ цѣлый рядъ корпорацій, статуты которыхъ утверждены правительствомъ, обществъ, союзовъ, фрейновъ, съ уставами и утвержденными правительствомъ, и неутвержденными. Каждая корпорація имѣетъ свое знамя, которое въ торжественныхъ случаяхъ носится впереди корпоративныхъ процессій, и свои краски (*farben*), которыя каждый членъ корпораціи носитъ на маленькой шапочкѣ, которая на жаргонѣ нѣмецкихъ студентовъ извѣстна подѣ именемъ „*farbendeckel*“. *Esprit de corps* членовъ корпораціи выражается въ совмѣстныхъ попойкахъ (главнымъ образомъ), въ занятіяхъ фехтованіемъ и гимнастическими упражненіями, которыя очень въ ходу у нѣмцевъ, и въ частыхъ дуэляхъ. Почетомъ и популярностью среди товарищей пользуются лучшіе пьяницы и лучшіе дуэлисты.

Другіе кружки, если они не преслѣдуютъ чисто научныхъ цѣлей (что, нужно замѣтить, среди нѣмецкихъ студентовъ бываетъ въ видѣ лишь исключенія и притомъ почти всегда среди теологовъ), по характеру той почвы, на которой происходитъ общеніе между членами ихъ, малымъ чѣмъ отличаются отъ корпорацій. Чаще всего въ нихъ занимаются гимнастикой или какой-нибудь одной областью спорта—велосипедной ѣздой, катаньемъ на лодкѣ и т. п. Вообще же всѣ студенты, члены всѣхъ корпорацій и кружковъ, считаютъ своею обязанностью продѣлывать цѣлый рядъ всевозможныхъ чудачествъ и глупостей, извѣстныхъ у нѣмцевъ подѣ поощрительнымъ названіемъ „*Jugendstreiche* и *Studentenprossen*“, — начиная со сравнительно невинныхъ издѣвательствъ „буршей“, надъ „фуксами“ (старшихъ членовъ корпорацій надъ младшими, только еще проходящими искусь и не имѣющими пока корпоративнаго „*Farbendeckel*’я“), и кончая крупными

¹⁾ То же самое и въ университетахъ, устроенныхъ по образцу нѣмецкихъ, напр. въ Юрьевскомъ и Гельсингфорскомъ, при которыхъ также существуютъ богословскіе факультеты, и которые лишь въ послѣднее время стали русифицироваться.

дебошами, а нередко и скандалами. Въ этомъ именно и состоитъ пресловутое нѣмецкое „академическое бѣснованіе“ (Akademisches Austoben) ¹⁾.

И каждый студентъ, если ему позволяютъ средства, непременно поступаетъ въ какую-нибудь корпорацію или кружокъ. Иногда онъ состоитъ членомъ даже двухъ и болѣе кружковъ. Обычай этотъ настолько утвердился въ нѣмецкихъ университетахъ, что товарищи недружелюбно косятся на всякаго, кто не желаетъ примкнуть къ какому-нибудь кружку; такихъ лицъ на традиціонномъ студенческомъ жаргонѣ зовутъ „диварями“ (Wilder).

Вполнѣ понятно, что при такомъ порядкѣ вещей, по классической фразѣ Вильгельма II „съ волками жить, по волчьи и выть“ ²⁾, и студентамъ-теологамъ приходится volens-nolens выносить и даже отчасти самимъ продѣлывать всѣ эти Studentenpressen, чтобы не выдѣляться изъ толпы. Да церковь и не ставитъ имъ этого въ укоръ. „Быть веселымъ съ веселыми“ она считаетъ неотъемлемой привилегіей молодости. Она требуетъ только, чтобы у будущихъ пастырей веселость не переходила въ распущенность, буйство (Ausgelassenheit). „Вѣдь и представителю самаго серьезнаго изъ призваній позволительно въ воспоминаніяхъ съ любовію останавливаться на прекрасной порѣ студенчества“, говоритъ Фридрихъ Кохъ ³⁾.

¹⁾ Holzammer. S. 35.

²⁾ Сынъ Германскаго императора Вильгельма II, состоитъ студентомъ Боннскаго университета. Не желая въ чемъ-либо отстать отъ своихъ сверстниковъ-студентовъ, онъ поступилъ въ члены одной изъ многочисленныхъ студенческихъ корпорацій. Во время одного изъ корпоративныхъ кутежей какой-то подвыпившій буршъ подошелъ къ кронпринцу съ огромнымъ бокаломъ пива въ рукахъ и потребовалъ, чтобы тотъ выпилъ съ нимъ. Кронпринцъ выпилъ, но потомъ пожаловался отцу. Вильгельмъ II отнесся къ выходкѣ пьянаго студента совершенно спокойно и сказалъ только: „эхъ, сынокъ! съ волками жить, по волчьи и выть“.

³⁾ D-r Friedrich Koch. Der ev. Pfarrer. Ein Beitrag sur. P.-Theologie. S. 8.

Вслѣдствіе этого тотъ же Фридрихъ Кохъ не только не отговѣтываетъ, но прямо рекомендуетъ теологамъ вступленіе въ какой-нибудь кружокъ, лучше всего, кружокъ съ научнымъ направленіемъ. Вступать въ корпорацію онъ не совѣтуетъ, потому что тамъ пьянство и Bursehenstreiche возведены прямо-таки въ культъ и отираются систематически. Хотя, насколько намъ извѣстно по Юрьевскому университету, теологи не гнушаются и корпораціями.

Справедливость требуетъ сказать, что студенты теологи ведутъ себя не въ примѣръ прочимъ корректно и солидно. Громадное большинство изъ нихъ сами отказываются отъ всѣхъ грубыхъ и неприличныхъ выходовъ, составляющихъ собственно настоящую сферу дѣятельности ихъ комитоновъ; намъ приходилось видѣть даже такихъ, которые отказывались отъ танцевъ, находя, что танцы плохо совмѣщаются съ предстоющею имъ дѣятельностью пастырскаго душепопеченія.

Вступленіе въ кружки Кохъ совѣтуетъ, главнымъ образомъ, въ виду того воспитательнаго значенія, какое они имѣютъ для будущихъ служителей церкви. Въ протестантствѣ, такъ же, какъ и во всемъ христіанскомъ мірѣ, духовенство составляетъ главнымъ образомъ изъ низшихъ, бѣднѣйшихъ классовъ населенія—дѣтей небогатыхъ чиновниковъ, школьныхъ учителей или дѣтей духовенства же. Все это—люди, не получившіе никакого или получившіе невысокаго достоинства воспитаніе: они въ большинствѣ случаевъ неуклюжи, грубоваты, мѣшковаты, дичатся въ обществѣ. Отъ всего этого они должны освободиться въ пору студенчества и усвоить себѣ необходимую для пастыря церкви непринужденную свободу обращенія. Для этого именно и годятся кружки. Помимо того, что въ кружкѣ теологъ возвращается въ средѣ своихъ достаточно успѣвшихъ вышше отшлифоваться коллегъ, у cadaго кружка есть свои знакомые дома, куда немедленно и вводится новый членъ кружка; и эти дома заканчиваютъ его общественное воспитаніе. Если же теологъ будетъ жить „дикаремъ“ (Wilder), или ограничить свои знакомства двумя-тремя

такими же неотесанными теологами, какъ онъ самъ, то не-свѣтскость его будетъ еще болѣе возрастать. Между тѣмъ отъ нея онъ долженъ избавиться во что бы то ни стало, безъ всякаго должнаго опасенія сдѣлать проповѣдуемое имъ христіанство „христіанствомъ въ лайковыхъ перчаткахъ“ (Christentum in Glacé—Handschuhen ¹⁾).

При босвыхъ inclinностяхъ нѣмецкихъ студентовъ, при ихъ стремленіи пользоваться каждой вздорной перемолвкой, какъ предлогомъ для дуэли, естественно и студенту-теологу иногда становится въ положеніе, требующее, по студенческимъ понятіямъ о чести, поединка. Но дуэль, осуждаемая христіанствомъ, совершенно недопустимою должна была бы быть для будущаго проповѣдника христіанскаго ученія. Какъ долженъ поступить въ такомъ случаѣ теологъ? И какъ онъ вообще долженъ относиться къ дуэли?

Эти вопросы ставитъ въ своей книгѣ Фридрихъ Кохъ, пасторъ, и самъ же отвѣчаетъ на нихъ съ неподдѣльнымъ наѣосомъ бывшаго бурша. Да, говоритъ онъ, дуэль дѣйствительно неприлична для теолога, и потому онъ никого не долженъ вызывать на дуэль. Но теологъ все-таки студентъ, и студенческая честь должна быть для него дорога, и потому отказываться отъ предлагаемой дуэли, рискуя навлечь на себя упрекъ въ трусости, онъ также не долженъ ²⁾.

Спеціально аскетическаго развитія, на которое въ католической системѣ пастырскаго приготовленія обращается преимущественное вниманіе, протестантская совѣсть не знаетъ. Молитва, посвященіе богослуженія только рекомендуются студентамъ богословскаго факультета, но никто ихъ къ этому не принуждаетъ, никто не слѣдитъ и не отмѣчаетъ въ кондуктѣ, молятся ли они, посвящаютъ ли богослуженіе, или нѣтъ.

¹⁾ Ibid. S. 9.

²⁾ Ibid. S. 10.

Въ нѣкоторыхъ университетахъ среди студентовъ-теологовъ существуютъ „кружки благочестивыхъ людей“, имѣющіе цѣлью назиданіе своихъ членовъ (Erbaungskranzchen). Но Кохъ не видитъ въ нихъ ничего, кромѣ проявленія болѣзненного пѣтизма. „Конечно, говорить онь, должно лишь хвалить тѣхъ молодыхъ людей, которые чувствуютъ потребность отъ времени до времени собираться для общественной молитвы. Но посвящать цѣлые вечера общественному назиданію, это значитъ дѣлать болѣе, чѣмъ возможно; это значитъ замѣнить, въ концѣ концовъ, дѣйствительно назидательную рѣчь благочестивой фразой и довольствоваться одною видимостью благочестивой сущности“¹⁾.

Такимъ образомъ, жизнь студента-теолога ничѣмъ въ сущности не отличается отъ жизни другихъ студентовъ, а слѣдовательно, и воспитаніе протестантскаго пастора ничѣмъ не отличается отъ воспитанія другихъ людей. Надъ нимъ не виситъ Дамокловъ мечъ вѣчно бдящей и карающей инспекторской власти. Его не ведутъ на помочахъ, не заставляютъ жить по указкѣ, не толкаютъ впередъ по одной и той же для всѣхъ, гладкой, укатанной дорогѣ. Ему самому представляется выработать образъ жизни, наиболѣе соответствующій, по его мнѣнію, его будущему служенію. Онъ не чувствуетъ надъ собою даже контроля церкви. Единственнымъ факторомъ, опредѣляющимъ его поведеніе, кромѣ его собственнаго сознанія, является общественное мнѣніе, которое имѣетъ для будущаго пастыря больше значенія, чѣмъ для кого-либо другого.

Не всѣ, конечно, теологи имѣютъ настолько силы воли и нравственной зрѣлости, чтобы сразу поставить себя, какъ слѣдуетъ. Многіе изъ нихъ, особенно въ первые два семестра, только что освободившись отъ сравнительно строгаго гимназическаго режима, ушваются свободой университетской жизни и надѣлываютъ такихъ глупостей,—въ ряду ихъ пер-

¹⁾ Ibid. S. 12.

все мѣсто занимають, естественно, легкомысленныя связи, — въ которыхъ каются потомъ всю жизнь.

Но и это протестанты находятъ вполне нормальнымъ, стоящимъ въ порядкѣ вещей. Нравственная стойкость, сознательная любовь къ добру и самостоятельность характера, говорить d-r Schmidt ¹⁾, вырабатываются лишь на почвѣ свободы; и не можетъ вырабатываться мужъ, способный переносить бури, изъ юноши въ закрытомъ учебномъ заведеніи, гдѣ надъ нимъ существуетъ постоянная опека, какъ надъ ребенкомъ. Въ молодой рѣзвости протестантскіе церковные дѣятели видятъ даже признакъ будущей энергичной дѣятельности. Говоря объ этомъ, Пальмеръ приводитъ слѣдующія слова Шпенера: „Превосходнѣйшіе умы, которыхъ Богъ иногда употребляетъ въ царствѣ Своемъ для многообразнаго добра, обладаютъ огнемъ и пыломъ и вслѣдствіе этого постояннымъ безпокойствомъ. Отсюда—это происходитъ отъ наследственнаго грѣха,—они обыкновенно являются самыми бойкими и рѣзвыми шалунами. Кто же таковы, что уже съ дѣтскихъ дней называются благочестивыми, но благочестіе которыхъ состоитъ, въ большинствѣ случаевъ, въ тихости и лѣнности, которая вслѣдствіе естественной малосильности не имѣютъ ясно выраженнаго влеченія ни къ добру, ни къ злу, изъ тѣхъ впродолженіе всей ихъ жизни рѣдко выходитъ что-либо порядочное, и такъ какъ Богъ не много въ нихъ вложилъ, то не ко многому они и предназначены“ ²⁾.

А. Кактынь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ „Halte, was du hast“. Zschft für. P.-Theol. 1893, 11 Hft, s. 555.

²⁾ Past.-Theologie. S. 89.

Бѣгство семинаристовъ изъ духовнаго вѣдомства.

Грустное очень явленіе замѣчается въ настоящее время—это бѣгство окончившихъ курсъ семинаріи изъ духовнаго вѣдомства; бываетъ иногда, что половина ихъ, по окончаніи курса, поступаетъ въ свѣтскія учебныя заведенія. Есть семинаріи, гдѣ, говорятъ, и болѣе того семинаристовъ оставляютъ духовное вѣдомство. Само собою попятно, что не безъ причины бѣгутъ изъ духовнаго вѣдомства воспитанники семинарій, и притомъ лучшіе изъ нихъ. Изъ причинъ къ тому много. Укажемъ главнѣйшія изъ нихъ:

1) Ненормальность содержанія духовенства: хожденіе по дворамъ со сборомъ, торговля за требы и особенно за таинства и т. п.; а также предстоящее житье въ глуши.

2) Довольно тяжелая обязанность въ церковно-приходскихъ школахъ.

3) Въ семинаріи все обучаются, такъ сказать, въ одномъ направленіи, а это не естественно: у каждаго свои склонности, свои стремленія, по которымъ онъ старается и направить свою жизнь, а потому, извѣстному воспитаннику не нравится служба въ духовномъ вѣдомствѣ, и онъ хорошо дѣлаетъ, что оставляетъ его.

4) Человѣку свойственно стремиться къ высшему развитію, и вотъ лучшіе воспитанники семинаріи, чувствуящую особенную жажду къ приобрѣтенію знаній, стремятся, подобно своимъ врожденнымъ склонностямъ, въ университетъ и другія высшія учебныя заведенія, тѣмъ болѣе, что въ нашихъ духовныхъ академіяхъ количество вакансій довольно ограниченное.

5) Немаловажную роль играетъ также заманчивость службы по окончаніи курса въ свѣтскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—службы съ болѣе, или менѣе обезпеченнымъ и, притомъ, строго опредѣленнымъ содержаніемъ, въ городахъ, среди интеллигенціи и т. п.

И вотъ, въ настоящее время, когда столько предъ-
является серьезныхъ требованій къ духовенству, когда само
духовенство пробуждается и стремится къ просвѣщенію тем-
ной массы народа, и когда, можно сказать, объявлена рѣ-
шительная и безпощадная война вѣковѣчному исконному на-
родному невѣжеству, лучшіе люди бѣгутъ пашь, оставляютъ
поле битвы! Нормально ли это?

Недавно мнѣ пришлось вести бесѣду съ однимъ свя-
щенникомъ, окончившимъ курсъ семинаріи въ 60-хъ годахъ,
прослужившимъ нѣсколько лѣтъ членомъ правленія духовной се-
минаріи. Этотъ священникъ замѣтилъ, что за послѣднее время
умственный и нравственный уровень духовныхъ лицъ значи-
тельно понизился, большинство ставитъ на первый планъ на-
живу и т. п. Не есть ли это печальное явленіе—слѣдствие
того, что лучшіе люди бѣгутъ изъ духовнаго вѣдомства?—
Очень можетъ быть. Если же такъ, то, не откладывая дѣла
въ долгій ящикъ, нужно предпринять хотя что-либо болѣе
или менѣе цѣлесообразное для того, чтобы остановить бѣ-
ство семинаристовъ изъ духовнаго вѣдомства. Что же нужно
сдѣлать?

Прежде всего слѣдовало бы измѣнить давно отжившій
уже свой вѣкъ и не вполне отвѣчающій важности священ-
наго сана и общественному положенію человѣка съ образо-
ваніемъ способъ матеріальнаго обезпеченія духовенства, для
чего необходимо назначить ему опредѣленное и вполне при-
личное жалованье. Такъ какъ для Государственнаго Казна-
чества это можетъ оказаться довольно обременительнымъ,
то слѣдовало бы содержаніе духовенства раздѣлить на три статьи.
Духовенство главнымъ образомъ нужно для прихожанъ, а потому,
большую часть содержанія его нужно возложить на нихъ. Да-
лѣе, духовенство служить и для земства—именно преподава-
ніемъ Закона Божія въ земскихъ школахъ. Наконецъ, ду-
ховенство работаетъ и для правительства: ведетъ метрики,
дѣлаетъ выписи для призываемыхъ къ отбыванію воинской

повинности, представляет ежемѣсячныя карточки о заразныхъ болѣзняхъ и т. п. Предположимъ, что для содержанія одного штата, т. е. священника, діакона и псаломщика, нужно 1500 руб. (такъ они, по большей части, и получаютъ). Вотъ и можно сдѣлать такъ, что половину этой суммы будетъ выплачивать приходъ, а другую половину—по равной части—правительство и земство. При этомъ, конечно, въ пользу духовенства должна остаться земля и плата за необязательныя требы. И духовенству самому слѣдовало бы почаще возбуждать вопросъ объ этомъ на сѣздахъ, просить свое епархіальное начальство, помѣщать соотвѣтствующія статьи не только въ духовныхъ, но и въ свѣтскихъ періодическихъ изданіяхъ, по пословицѣ: „дѣтя не плачетъ, мать не разумѣетъ“.

Нужно, далѣе, освободить діаконѡвъ отъ преподаванія въ церковно-приходскихъ школахъ. Установлено было это въ то время, когда совсѣмъ почти не было правоспособныхъ учителей, а теперь ихъ не такъ-то уже мало, да и оканчивающимъ курсъ духовныхъ семинарій подчасъ некуда бываетъ дѣваться, не говоря уже о неоканчивающихъ полного курса. Пословица говоритъ: „за двумя зайцами погонишься, и одного не поймашь“. Наши діаконы и служатъ въ приходѣ, и занимаются въ школахъ, вслѣдствіе чего и наши школы ниже земскихъ, и для прихода діаконы не дѣлаютъ того, что должны бы дѣлать: совсѣмъ, напр., не бываютъ при требосправленіяхъ. Наши церковно-приходскія школы только тогда могутъ уллучшиться, когда въ нихъ будутъ отдѣльные учителя, правоспособнымъ же діаконамъ должно быть поручено въ нихъ преподаваніе Закона Божія. Вѣдь теперь вездѣ почти по двѣ школы, а въ нѣкоторыхъ приходсахъ—и болѣе, священникъ же одинъ; вотъ почему преподаваніе Закона Божія далеко не вездѣ стоитъ на должной высотѣ.

Хорошо было бы также преобразовать наши духовныя семинаріи въ общеобразовательныя учебныя заведенія съ особымъ богословскимъ факультетомъ въ нихъ, на который

поступали бы уже только воспитанники, чувствующие призваніе къ настырскому служенію и искренно желающіе посвятить себя ему, какъ это мы видимъ на Западѣ. Доступъ на богословскій факультетъ слѣдовало бы открыть для лицъ всѣхъ сословій.

Наконецъ; по нашему мнѣнію, гораздо лучше было бы для пользы дѣла, чтобы въ каждомъ одноштатномъ приходѣ были одинъ главный священникъ, а другой—его помощникъ—на діаконской вакансіи и діаконъ на псаломницкой вакансіи; пышнѣйшихъ же штатныхъ псаломниковъ цѣлесообразнѣе замѣнить вольнонаемными.

С. В. Д.

Къ вопросу о благочинныхъ.

На страницахъ „Ярославскихъ Епарх. Вѣдомостей“ (№ 39) свящ. А. Ливановъ излагаетъ слѣдующія небезинтересные факты и соображенія, на основаніи которыхъ считаетъ необходимымъ реформировать устарѣлый для нашего времени институтъ благочинныхъ. „Жизнь“, говоритъ авторъ „не отливается въ неизмѣняемыя формы, но идетъ впередъ и предъявляетъ какъ къ частнымъ лицамъ, такъ и къ общественнымъ дѣятелямъ, по преимуществу, сообразно съ временемъ свои, особые запросы и требованія. Что такое благочинный?—Благочинный есть око архіерейское. Чрезъ благочиннаго епископъ освѣдомляется о состояніи духовной жизни ввѣренной ему Богомъ паствы, слѣдитъ за развитіемъ этой жизни и, сообразно съ освѣщеніемъ ея благочинными, принимаетъ свои архипастырскія мѣры къ ея нормальному теченію. Чрезъ благочиннаго епископъ слѣдитъ за жизнью и дѣятельностію церковнаго клира и, преимущественно, за проявленіемъ паствы ревности его соратниковъ и сотрудниковъ на нивѣ

Господней—пастырей Церкви Христовой. Благочинный, наконецъ, какъ *лучшій* представитель даннаго округа (какимъ я и представляю благочиннаго), долженъ, нравственно обязать, являться и въ личной жизни, приходской, духовно-просвѣтительной и благотворительной дѣятельности образцомъ для подвѣдомаго ему духовенства. Отвѣчаютъ ли современные благочинные своему призванію и назначенію? За немногими исключеніями, нѣтъ. Вся дѣятельность нашихъ благочинныхъ сводится, преимущественно, къ чисто формальной сторонѣ: провѣрка церковныхъ документовъ и, самое главное, къ сбору съ духовенства и церкви денежныхъ налоговъ, произвольно, иногда, увеличиваемыхъ. Въ духовно-просвѣтительной дѣятельности многіе о. о. благочинные не только не идутъ впереди духовенства своего округа, напротивъ, проявляютъ поразительное, въ этомъ отношеніи, нечувствіе къ дѣятельности лицъ, не мирящихся съ одною формальною стороною своего пастырскаго служенія. Я до сихъ поръ не могу забыть того отвѣта, какой я получилъ отъ своего покойнаго благочиннаго, когда, овдовѣвъ, обратился къ нему за совѣтомъ объ открытіи у себя церковно-приходскаго попечительства: „полно, брось эту пустую затѣю, только хлопотъ себѣ наживешь“. И, спасибо, поддержалъ окружшій благочинный, протоіерей Н, великій мастеръ слова: онъ развилъ предо мною громадное значеніе церковно-приходскихъ попечительствъ въ приходской дѣятельности священника, указалъ и на нравственную связь пастыря съ пасомыми, когда тѣ увидятъ, что священникъ не все же только съ нихъ беретъ, но и фактически нечестъ о своихъ духовныхъ дѣлахъ...

Не будучи избранниками самого духовенства, а являясь ставленниками епархіальной власти, перѣдко, безъ достоинствъ, требуемыхъ отвѣтственностію должности, а часто только по родству съ кѣмъ-либо изъ членовъ консисторій, благочинные не чужды стремленія показать свою власть даже и предъ своимъ собратомъ-священникомъ, а о низшихъ чле-

нахъ клира и псаломщикахъ и говорить нечего: тѣ прямо находятся въ приниженномъ положеніи. Я помню такой случай: благочинный разсердившись за что-то на своего псаломщика, послалъ его въ весеннюю распутицу по всему своему десятку (87 верстъ въ окружности) съ однимъ № епархіальныхъ вѣдомостей; знаю и такихъ благочинныхъ, у которыхъ псаломщики исполняютъ должности кучеровъ, а въ домѣ дальше порога прихожей и не допускаются. Властность иныхъ о. о. благочинныхъ простирается настолько далеко, что они не находятъ нужнымъ считаться даже съ простою тактичностью въ своихъ отношеніяхъ къ подвѣдомому духовенству. Для таковыхъ благочинныхъ угроза на первомъ мѣстѣ. За примѣрами ходить далеко не нужно. Благочинный одного уѣзда, извѣщая духовенство своего округа о времени и мѣстѣ собранія, для предварительнаго обсужденія вопросовъ и избранія депутата на епархіальный съѣздъ, за неявку на собраніе безъ особо уважительной причины, съ представленіемъ, въ случаѣ болѣзни, медицинскаго свидѣтельства, угрожаетъ духовенству рублевымъ штрафомъ. На самомъ же собраніи, безъ баллотировки, по одному лишь, изъ простой вѣжливости высказанному предложенію двухъ-трехъ лицъ, занялъ председательское мѣсто. Къ чему эти угрозы штрафомъ? Помимо того, что такія угрозы и не тактичны, но онѣ еще и оскорбительны для духовенства. Все это приводится, какъ иллюстрація къ выводамъ, что роль и значеніе благочинныхъ не соответствуетъ теченію и запросамъ современной жизни, и эта должность, безъ ущерба дѣлу, можетъ быть совсѣмъ уничтожена, и ея функціи, съ большою пользою, могутъ отправлять пресвитерскіе совѣты.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о продолженіи изданія при Кіевской духовной семинаріи
ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

Въ 1906 подписномъ году журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“, вступая въ 47-й годъ существованія, останется вѣрнымъ своей задачѣ—содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, православно-русскому духовенству въ его святомъ и многотрудномъ служеніи. Бурнымъ потокомъ текутъ событія русской жизни въ послѣднее время. Захватывая на своемъ пути всѣ стороны русской жизни, современные событія не могутъ не затронуть существеннымъ образомъ положенія Православной Церкви и ея служителей. Вотъ уже частью возшли и зрѣютъ, а частью всходятъ на шивѣ обновляемой государственной жизни Россіи великаго значенія проекты преобразованій и въ церковной жизни. Привѣтствуя пышные всходы государственныхъ и церковныхъ реформъ и по мѣрѣ силъ содѣйствуя ихъ расцвѣту и созрѣванію, мы должны твердо помнить, что,—какъ бы сильны ни были теченія современной жизни, какія бы блага ни сулила намъ современная дѣйствительность,—есть единый вѣчный источникъ обновленія всякой жизни—государственной, семейной и личной—ученіе Христово и единое неложное благо—вѣра Христова. Пойдемъ навстрѣчу современнымъ теченіямъ жизни государственной и общественной, но съ крестомъ Христовымъ въ рукахъ и въ сердцѣ; какъ граждане Россійской имперіи, будемъ служить, по мѣрѣ возможности, укрѣпленію великой родины нашей на началахъ обновленія и свободы, но силою вѣры Христовой и любви, завѣщанной Христомъ. Мы не будемъ равнодушными зрителями великой преобразовательной работы, совершаемой государствомъ при живомъ участіи общества; мы постараемся оправдать надежду Государя Императора, „что все духовенство, особенно сельское, приложитъ искреннее и вполне христіанское стараніе къ водворенію среди своей паствы мира и тишины и къ исполненію каждымъ лежащихъ на немъ обязанностей, безъ чего не возможно никакое плодотворное развитіе жизненныхъ силъ нашей родины“ (Слова Государя, сказанныя Св. Синоду 4 ноября); но мы и забудемъ, что нашъ главный долгъ, наша прямая обязанность служить „созиданію Церкви Христовой, яже есть тѣло Его“

среди бурь и волнений житейскаго моря мы будемъ призывать наставу свою къ единой несокрушимой скалѣ—вѣрѣ Христовой, къ жизни въ мирѣ, любви и надеждѣ на Господа въ кораблѣ, которому не страшны житейскія волны, у котораго кормчій—Христосъ, и который есть Церковь Его.

Теперь, когда въ Россіи объявлена свобода вѣроисповѣданія, подъ знаменемъ имени Христова свободно и открыто поднимутся враги православной вѣры; но мы безбоязненно, съ твердой надеждой лишь на помощь Христову, станемъ на стражѣ Православной Церкви, какъ стояли всегда, удвоивъ свою энергію въ защитѣ православной наставы отъ посягательства иновѣрцевъ, еретиковъ и раскольниковъ. Во взаимобиченіи и единеніи—прочный залогъ для усиленной дѣятельности и для усиленной борьбы, а потому „Руководство для сельскихъ пастырей“ съ полною готовностью предлагаетъ свои страницы всѣмъ пастырямъ, желающимъ подѣлиться своими мыслями, наблюденіями и опытомъ съ сонастырями. Въ тѣхъ же цѣляхъ возможно широкаго ознакомленія читателей съ указаніями пастырскаго опыта журналъ въ 1906 подписномъ году будетъ давать время отъ времени на своихъ страницахъ, въ формѣ достаточно полныхъ обзорѣній, свѣдѣнія о церковной и пастырской дѣятельности въ восточно-православныхъ и западныхъ инославныхъ церквахъ.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 52 еженедѣльно выходящихъ номеровъ, что составитъ три тома, изъ 12 книжекъ „Провѣдей“ и 12 выпусковъ „Богословскаго библиографическаго листка“. Кроме того, въ 1906 г. Редакція дастъ подписчикамъ, въ качествѣ безплатнаго приложенія, потный сборникъ „Церковныя вѣстопѣнія“.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія библіотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1885 г. за № 280).

Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ мѣста Россійской имперіи шесть рублей.

Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ то: отъ Консисторій, Правленій семинарій и училищъ и благочинныхъ можетъ быть отсрочена до сентября 1906 г.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: Кіевъ, въ редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 9-го ноября 1905 года.

Цензоръ священникъ Николай Гроссу.
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Годъ

XLVI

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 46.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года ноября 13-го дня.

Содержаніе: О свободѣ человѣка-христіанина.—Приготовленіе къ пастыр-
скому служенію въ протестантствѣ (продолженіе).—Изъ религіозной
жизни Запада.

О свободѣ человѣка христіанина.

17 октября нашъ Великій Государь даровалъ намъ, под-
даннымъ нашего великаго государства, незыблемыя „основы
гражданской свободы“, которая выражается въ неприкосно-
венности личности, въ свободѣ совѣсти, въ свободѣ слова,
свободѣ собраний и свободѣ союзовъ.

Такимъ образомъ русскій народъ и другіе народы, ино-
племенные, входящіе въ составъ великаго Русскаго царства,
теперь уравниены въ правахъ съ другими европейскими на-
родами, и нашъ священный долгъ, наша неизмѣнная обязан-
ность теперь состоитъ въ томъ, чтобы правильно уяснить
себѣ, что такое свобода, и какъ должно пользоваться ею для
того, чтобы свобода послужила намъ на благо, а не на зло.

Печальные событія послѣднихъ дней въ разныхъ мѣстахъ Русскаго государства показываютъ весьма ясно, что свободу понимаютъ не одинаково, что пониманіе ея весьма различно до противоположности. Достаточно сказать одно то, что нѣкоторые понимаютъ свободу такъ, что во имя свободы совершаютъ насилие надъ личностью, т. е. признавая свободу мысленно, не допускаютъ ее на дѣлѣ.

А между тѣмъ для правильнаго пониманія свободы есть твердыя данныя, есть незыблемыя основанія въ Божественномъ Откровеніи, и потому каждый человекъ, каждый христіанинъ прежде всего долженъ открыть книгу Писаній Вѣтхаго и Новаго завѣта и посмотрѣть въ нихъ, что такое свобода.

Человѣкъ во все время своего существованія на землѣ искалъ и ищетъ свободы. Да что говорить о человѣкѣ? Свободы ищетъ все живущее и движущееся: самыя мельчайшія животныя,—насъкомыя, рыбы, птицы, гады и звѣри стремятся къ свободѣ! Почему? Потому, что безъ свободы невозможна жизнь, потому, что гдѣ нѣтъ свободы, тамъ наступаетъ смерть. Присмотритесь къ птицѣ, къ звѣрю, запертому въ клетку: немного проходитъ времени, какъ они начинаютъ тосковать, стонать, болѣть и, наконецъ, умираютъ; не дайте дереву свѣта и тепла,—какъ бы оно ни было сильно, оно начинаетъ увядать и засыхать. Даже болѣе: закройте рѣку въ ея теченіи, и она обращается въ зловонное болото. Заключите воздухъ въ непроницаемомъ для притока свѣжаго воздуха помѣщеніи, и онъ портится и становится негоднымъ для дыханія.

О человѣкѣ говорить нечего: онъ страдаетъ безъ свободы тѣмъ болѣе, чѣмъ выше всѣхъ другихъ живыхъ существъ стоитъ по своей тѣлесной и духовной природѣ. Онъ томится духомъ въ этой стѣсняющей его тѣлесной оболочкѣ, которая мѣшаетъ ему подняться въ надземныя пространства и проникнуть въ тайны звѣзднаго неба. Онъ употребляетъ всѣ силы, чтобы проникнуть въ глубины земли и

моря. Назначенный отъ Бога быть властелиномъ міра земного, онъ хотѣлъ бы расширить область этого владычества; и какъ страдаетъ онъ, когда встрѣчаетъ преграды, которыя ставитъ ему окружающій его міръ. Бывали даже примѣры безумнаго возстанія противъ самого Бога за то, что Онъ, создавъ человѣка, но далъ ему ограниченную свободу.

Да, свобода дана человѣку Богомъ, и есть драгоцѣннѣйшій даръ Божій, возвышающій человѣка надъ всѣмъ земнымъ міромъ. Но какъ и всѣ другіе дары Божіи,—и внѣшніе, вещественные, и внутренніе, духовные,—свобода можетъ привести человѣка къ добру и къ злу: она можетъ быть причиною и радостей и страданій, и наслажденій и бѣдъ. Въ свободѣ человѣка кроется для него и жизнь и смерть. Но это зависитъ уже не отъ Бога, а отъ самого человѣка. Свобода приноситъ счастье и несчастье потому, что человѣкъ пользуется ею неодинаково.

Слово Божіе показываетъ намъ, что свобода состоитъ въ томъ, что человѣкъ можетъ по своему желанію, по своему усмотрѣнію выбрать себѣ такую или иную жизнь: объ этомъ ясно говорятъ всѣ книги Св. Писанія, и у одного изъ древнихъ ветхозавѣтныхъ писателей это показано такъ: „Богъ отъ начала сотворилъ человѣка, и оставилъ его въ рукахъ собственной воли. Если ты хочешь, то соблюдеши заповѣди, и сохраниши благоугодную (Ему) вѣрность. Онъ предложилъ тебѣ огонь и воду; на что хочешь ты, протянешь руку. Предъ человѣкомъ жизнь и смерть, и чего онъ пожелаетъ, то и дано будетъ ему“ (Сирахъ, 15, 14—17). Обращаясь къ первымъ днямъ жизни человѣка, мы изъ книги Бытія дѣйствительно видимъ, что Создатель человѣка указалъ ему два пути: путь къ жизни и путь, ведущій къ смерти. Создатель не хотѣлъ насильственно вести человѣка къ добру; Онъ хотѣлъ, чтобы человѣкъ полюбилъ добро не какъ связанный рабъ, а какъ свободный сынъ Божій. Но Создатель не заповѣдалъ никому поступать нечестиво, и никому Онъ не далъ позволенія грѣшить (—20). Но человѣкъ внесъ разстройство

въ свою душу: согрѣшилъ; за разстройствомъ душевнымъ мало-по-малу произошло разстройство тѣлесное, и наступила смерть. Дѣти его пошли по его пути, т. е. по пути къ смерти, и такъ пошло изъ рода въ родъ до нашихъ дней. Однако *Создатель не отнялъ у человѣка свободы*, а началъ помогать человѣку въ пользованіи ею: Онъ непрерывно напоминалъ роду человѣческому о томъ, что не должно ожесточать своихъ сердецъ, что должно любить другъ друга; раскройте какую угодно книгу древнихъ пророковъ, и вы увидите, что вся проповѣдь ихъ сводится къ проповѣди о любви. Господь наказывалъ смертію тѣ народы, которые окончательно забывали заповѣдь о взаимной любви и становились неспособными къ жизни среди другихъ людей, — которые вытравляли въ своей душѣ добро и всю свободу свою направляли только на зло ближнему. Такіе народы, забывшіе Бога и употреблявшіе свою свободу только на зло братьямъ своимъ, обратили ихъ въ своихъ рабовъ; чтобы напомнить всѣмъ о Богѣ и Его законѣ любви и правды, Богъ послалъ на землю Сына Своего, Который всею Своею проповѣдью и всѣми Своими дѣлами провозглашалъ законъ любви и правды и ученіе о свободѣ человѣка отъ того рабства, которое человѣкъ создалъ себѣ своимъ ожесточеннымъ сердцемъ. Все ученіе І. Христа есть ученіе о свободѣ отъ зла, а все зло происходитъ отъ неисполненія закона или отъ грѣховъ, которые суть преступленія закона о любви къ ближнему. Онъ говоритъ: „Если вы будете слѣдовать Моему ученію, то будете истинно Моими учениками; вы тогда узнаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными... всякій, дѣлающій грѣхъ, есть рабъ грѣха“ (Іоанн. 8, 31—34). Съ особенною ясностію ученіе о христіанской свободѣ мы видимъ у св. ап. Павла; онъ прямо говоритъ много разъ, что мы свободны (Римл. 6, 6—7; 1 Коринѣ. 7, 21, 22), что мы призваны къ свободѣ (Галат. 5, 13); что намъ все позволительно (1 Коринѣ. 6, 12; 10, 23), что І. Христосъ освободилъ

насъ (Римл. 8, 2; Галат. 5, 1),—Что же это значить? какъ понимать эту свободу?

Въ послѣдніе печальные дни мы слышали много различныхъ пониманій свободы. Начнемъ съ самаго перазумнаго пониманія; его приходилось слышать отъ мало возрастныхъ людей, хотя уже и не дѣтей, а также отъ людей малоразвитыхъ, хотя уже достигшихъ зрѣлаго возраста, но никогда не приучавшихся къ труду; они говорятъ, что свобода—это возможность ничего не дѣлать, а только наслаждаться жизнью, наслаждаться тѣмъ, что она даетъ. Прискорбно слышать такое разсужденіе, однако его приходится слышать; а одинъ изъ русскихъ писателей написалъ даже цѣлую книгу, въ которой показываетъ, какъ устроиться людямъ, чтобы жить безъ труда. Но его разсужденія настолько нелѣпы, что излагать ихъ я не буду; скажу только, что для этого, по его мнѣнію, нужно убить большинство рода человѣческаго. Законъ Божій, законъ любви и свободы, и не принуждаетъ человѣка работать; но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть законъ правды; онъ говоритъ: *Если кто не хочетъ работать, тотъ пусть и не ѣстъ.* (Фессал. 3, 10). Работать должны всѣ. Богъ и человѣка создалъ для того, чтобы работать, чтобы воздѣлывать данную ему землю, непрестанно воздѣлывать и сохранять ее отъ того, чтобы на ней не угасала жизнь, т. е. не пользоваться ею неразумно, не ограблять находящіяся въ ней богатства; и Слово Божіе говоритъ, что трудиться нужно не для себя, но и для братій немощныхъ. Наоборотъ, Слово Божіе запрещаетъ что-либо отнимать у другого хитростью или силою. Для таковыхъ людей нѣтъ мѣста въ царствѣ Божіемъ, которое есть весь міръ, какъ говоритъ Апостоль Павелъ (Галат. 5, 19—21). Христіанинъ долженъ быть свободенъ даже отъ желанія жить чужимъ добромъ: Законъ Божій говоритъ: „Не желай дома ближняго твоего, ни его поля, ни его служителя, ни его вола, коня и всякаго скота,—вообще ничего, что принадлежитъ другому человѣку, какого бы племени и народа ни былъ“.

Слово Божіе признаетъ личную свободу; оно говоритъ, что человекъ воленъ распоряжаться самимъ собою, но и только! Апостоль Павелъ говоритъ: *Все мнѣ позволительно, но не все полезно.* (1 Коринѣ. 6, 12; 10, 23). Не трудиться, жить въ праздности позволительно; но кому это полезно? Всѣ мы знаемъ, что никому не полезно, и всѣмъ вредно. Есть народы лѣнивые. Что же, они первые страдаютъ отъ своей лѣности и прежде другихъ погибаютъ, потому что скоро разслабѣваютъ, изнѣживаются и вырождаются; такъ бываетъ съ цѣлыми народами; такъ бываетъ и съ отдѣльными семействами. Апостоль Павелъ говоритъ: „Все мнѣ позволительно, но не все назидательно, не все поучительно“. (1 Коринѣ. 10, 23). Позволительно, напр., быть въ обществѣ дурныхъ, и слушать ихъ рѣчи и видѣть ихъ дѣла; но назидательно ли это? И Слово Божіе, и наша обиденная жизнь говоритъ, что съ человекомъ невиннымъ ты будешь невиненъ, съ милостивымъ ты будешь милостивъ, съ лукавымъ ты будешь лукавъ и т. д. (Псал. 17, 27). Нѣтъ ничего хуже вліянія дурного примѣра, особенно на молодую дѣтскую душу! Изъ общества лѣнивыхъ, изъ общества пьянствующихъ, буйныхъ ругателей, грабителей, обманщиковъ, воровъ не можетъ выйти хорошее сѣмя. Только чудомъ изъ такихъ семействъ выходятъ люди честные, трезвые, работающіе. Это всѣмъ извѣстно, а потому необходимо подумать: къ чему готовимъ мы дѣтей и молодежь, когда предъ ихъ глазами совершаемъ открыто такія дѣла, за которыя стыдно даже и язычнику, который ничего не слышалъ о Христѣ и Его учениц. Слово Божіе говоритъ, что кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, тому лучше было бы, если бы ему привязали камень на шею и потопили въ глубинѣ моря (Мѣ. 18, 6). Господь нашъ воскликнулъ: „Горе міру отъ соблазновъ: ибо надобно придти соблазнамъ; но горе тому человеку, отъ котораго соблазнъ приходитъ“ (Мѣ. 18, 7). Апостоль Павелъ однажды сказалъ, что онъ, чтобы не соблазнять брата своего, не будетъ всю жизнь ѣсть мяса. Вотъ настоящее истинно христіанское понятіе

о свободѣ. Затѣмъ Ап. Павелъ говоритъ: „Мнѣ все позволительно... но ничто не должно обладать мною“. (1 Коринѣ. 6, 12); на прим., позволительно употребленіе вина, но когда оно переходитъ въ непреборимую привычку, въ страсть, тогда оно уже лишаетъ человѣка свободы и дѣлаетъ его рабомъ; то же должно сказать о другихъ страстяхъ: къ богатству, къ роскоши, къ вѣдѣ, къ господству,—всѣ онѣ порабащаютъ человѣка, лишаютъ его свободы. Человѣку дана свобода, но въ пользованіи ею онъ долженъ руководствоваться закономъ Божиимъ. „Братіе!—такъ апостоль Павелъ говоритъ намъ—христіанамъ,—вы призваны къ свободѣ; только свобода ваша пусть не явится поводомъ къ оправданію пожеланій вашей плоти; но съ любовью служите другъ другу“. И затѣмъ перечисляетъ дѣла, которыхъ мы, хотя и свободные, не должны позволять себѣ, а именно: прелюбодѣйство, блудъ, вражду, ссоры, зависть, гнѣвъ, разногласія, ненависть, убійства, безчинства и др. (Галат. 5, 13—21). Такимъ образомъ, по ученію христіанскому, каждый человѣкъ свободенъ распоряжаться самимъ собою, но онъ не свободенъ распоряжаться другимъ человѣкомъ и его судьбою. Когда онъ вступаетъ въ общеніе съ другими людьми, онъ постоянно долженъ имѣть предъ собою законъ Божій. Этотъ законъ очень не сложный; онъ весь, какъ говоритъ апостоль Павелъ, сводится къ одной заповѣди: *Люби ближняго твоего, какъ самого себя*. (Галат. 5, 14; Лев. 19, 18). Люби его всегда, даже когда онъ тебя не любитъ, даже тогда, когда онъ твой врагъ, когда онъ тебя ненавидитъ, когда онъ тебя проклиняетъ (Мѣ. 5, 44. 45), люби его до того, чтобы быть готовымъ положить за него жизнь: этимъ ты приблизишься къ богоугодному. Любовью ты побѣдишь его гнѣвъ, а потомъ и обратишь его къ себѣ. Любовь самое могучее средство, которымъ укрощаются не только самые жесткіе люди, но даже и дикіе звѣри—Таковъ законъ христіанскій о свободѣ.

Пынь этотъ законъ положенъ въ основу нашей государственной и общественной жизни; чтобы онъ былъ источ-

никомъ блага для нашего государства, необходимо соблюдать его именно въ томъ смыслѣ, какой даетъ ему христіанство. Высочайшій манифестъ формулировалъ свободу, во-первыхъ, какъ неприкосновенность именно личности, т. е. человѣку въ его личной частной жизни дается полная возможность жить безъ стѣсненій, по указаніямъ своей совѣсти; а его жизнь въ отношеніяхъ къ другимъ должна подчиняться требованіямъ законовъ государственныхъ, изданіе которыхъ передается въ руки избранныхъ отъ всѣхъ людей представителей Государственной думы. Остается только пожелать отъ всего сердца, чтобы въ основу каждаго изъ законовъ былъ положенъ христіанскій законъ свободы духа, и тогда можно быть увѣреннымъ, что наше отечество пойдетъ навстрѣчу великому и славному будущему. Съ другой стороны новый законъ формулированъ какъ законъ *о свободѣ слова*. Языкъ человѣческой является мощнымъ орудіемъ для сношенія людей между собою. Но обратимъ вниманіе на то, что языкомъ, какъ и всякимъ орудіемъ, человѣкъ можетъ пользоваться различно. Апостолъ Іаковъ говоритъ, что языкомъ мы можемъ прославлять Бога и Отца, но имъ же мы можемъ проклинать и людей, которые созданы по подобію Божію (Іак. 3, 9). Свобода слова не должна служить къ тому, чтобы вносить вражду и ненависть въ нашу среду; съ нашего языка не должны слетать слова лжи, клеветы, брани; наша печать не должна выпускать ложныхъ слуховъ и извѣстій, которыя служатъ къ возстановленію однихъ противъ другихъ; она не должна быть орудіемъ для личныхъ препирательствъ; только тогда она честно и свято исполнитъ свой долгъ предъ народомъ, когда своимъ знаменемъ будетъ имѣть чистую правду, провозглашаемую неподкупно со всею откровенностію, и обличая пороки, съ какой бы стороны они ни исходили. Въ-третьихъ, новый законъ даетъ русскому народу *свободу собраний и свободу союзовъ*. Привѣтствуемъ ихъ, потому что потребность въ такого рода собраніяхъ и союзахъ давно ощущается; нужда въ нихъ очевидна для каждаго; но мы отъ всей души желаемъ, что-

бы общеніе русскихъ гражданъ въ этихъ собраніяхъ вело людей къ духовному объединенію, а не раздѣленіямъ и раздорамъ. Пусть эти собранія сдѣлаются источникомъ воспитанія въ народѣ чувства уваженія и любви другъ къ другу. Въ такого рода собраніяхъ и союзахъ свобода личная, принадлежащая каждому отдѣльно, приходи въ столкновение съ свободой другихъ, будетъ умѣряться, сдерживаться; такимъ образомъ она избѣгнетъ опасности перейти въ пагубный для всѣхъ произволь. Это и будетъ та истинно христіанская свобода, которая проявляется въ безграничномъ самоотреченіи въ пользу ближняго.

Проф. А. Булаковъ.

Приготовленіе къ пастырскому служенію въ протестантствѣ.

(Продолженіе ¹).

II.

Тѣмъ же духомъ самостоятельности и собственной инициативы, которымъ отмѣчена воспитательная сторона протестантской системы пастырскаго приготовленія, проникнута и ея учебная часть. Протестантскаго кандидата священства не заставляютъ проходить непременно извѣстный курсъ предметовъ и по извѣстной программѣ съ запрещеніемъ даже (каковы это видѣли въ католичествѣ) самому расширять программу. Отъ него требуютъ вообще извѣстнаго рода научныхъ познаній и указываютъ пути и предлагаютъ средства къ ихъ приобрѣтенію; а какъ онъ пойдетъ этими путями, какъ воспользуется средствами, это уже его личное дѣло. Уже въ гимназій, если онъ имѣлъ въ виду поступить на богословскій факультетъ, ему рекомендуютъ усердно читать Священное Писаніе, чтобы познакомиться съ библейскимъ текстомъ,

¹) См. № 45 за 1905 г.

рекомендуютъ, далѣе, изучать еврейскій языкъ, потому что все это будетъ ему нужно при изученіи богословія; рекомендуютъ ему также заучивать наизусть церковныя пѣсни, потому что въ университетѣ уже некогда будетъ учить ихъ, а знаніе ихъ для пастора необходимо¹⁾. Но все это только рекомендуютъ, но не требуютъ, да по существу дѣла и требовать не могутъ. Также и въ университетѣ теологу совѣтуютъ не ограничиваться однимъ заучиваніемъ лекцій, а работать самому и знакомиться съ изучаемыми предметами по возможности по первоисточникамъ²⁾.

И протестантскіе кандидаты священства въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно такъ поступаютъ. Для нихъ важно не только сдать выпускные экзамены при университетѣ, но и приобрѣсти серьезныя познанія по богословскимъ предметамъ, потому что университетскій дипломъ еще не даетъ права на занятіе пасторскаго мѣста. Чтобы получить его, протестантскій кандидатъ священства долженъ пройти цѣлый рядъ мытарствъ, и вотъ тамъ-то ему, прежде всего, и необходимъ весь приобрѣтенный въ университетѣ научный матеріалъ.

Что представляетъ изъ себя богословская наука въ нѣмецкихъ университетахъ, это извѣстно. Здѣсь спокойно говорятъ съ кафедры и спокойно выслушиваются студентами самыя ужасныя съ нашей православной точки зрѣнія вещи. Особымъ критицизмомъ отличается экзегетика. По старинному обычаю нѣмецкихъ университетовъ, чтеніе ея представляютъ молодымъ доцентамъ, только начинающимъ еще свою ученую карьеру. Тѣ, чтобы приобрѣсти популяриность среди студентовъ, привлечь на свои лекціи возможно большее количество слушателей, а слѣдовательно и заработать возможно большія деньги, стараются превзойти одинъ дру-

¹⁾ Koch. S. 4.

²⁾ Osterzee. Praktische Theologie. I Bd. S. 57.

того ¹⁾ въ критическомъ отношеніи къ предмету изслѣдованія, блеснуть передъ слушателями новизною, остроуміемъ, оригинальностью сужденій. Вслѣдствіе этого, экзегесисъ вырождается у нихъ перѣдко въ отрицаніе и простое оригинальничанье... Но дѣло въ томъ, что для пастыря церкви нисколько не нужно умѣнье критически относиться къ священному тексту, не нужно знаніе того, изъ сколькихъ фрагментовъ составлена кн. Бытія;—ему нужно умѣть извлечь изъ Св. Писанія назиданіе и его преподать своимъ слушателямъ. Этого-то именно и не даетъ университетское преподаваніе. Вотъ почему ортодоксальные элементы въ протестанствѣ недовольны университетами и требуютъ для церкви права самой назначать профессоровъ на университетскія кафедры, или, по крайней мѣрѣ, подавать свой голосъ при ихъ назначеніи. Но на это не соглашаются университеты и требуютъ для богословской науки такой же свободы, какую пользуются другіе факультеты. Вслѣдствіе этого, между церковью и университетами идетъ постоянная глухая борьба, борьба неизбежная по самому существу положенія дѣла. Однако, и ее протестантскіе богословы находятъ вполне законной и умѣстной. При томъ порядкѣ вещей, какимъ она обусловливается, кандидатъ священства въ концѣ концовъ становится таки въ области своего предмета на собственныя ноги, приобрѣтастъ свой собственный, сердцемъ выстраданный, взглядъ на предметы религіозной вѣры ²⁾. Если онъ и не сумѣетъ этого сдѣлать, если онъ поддастся вліянію ложнаго ученія, то и въ такомъ случаѣ опасности для церкви никакой нѣтъ. Поступивши на мѣсто, самый либеральный кандидатъ священства, говоритъ Пальмеръ, въ скоромъ времени совершенно мѣняетъ образъ мыслей; лишь очень немногіе, и то

¹⁾ Въ нѣмецкихъ университетахъ одинъ предметъ читается 2—3 профессорами иногда даже въ одно и то же время. Хр. Чт. 1869. II. стр. 344.

²⁾ Schmidt. Halte was du hast. 1893. Hft. II. S. 555.

не талантливые и не богатые познаниями питомцы школы, а неразумные поклонники ея, приносят на церковную кафедру изъ университета критическія и спекулятивныя воззрѣнія, которыми возбуждаютъ недовольство своихъ пасомыхъ. Съ другой стороны, говоритъ тотъ же Пальмеръ, не такъ давно еще было время, когда факультеты старались превзойти другъ друга ортодоксальностью, и споръ шелъ лишь относительно того, какое мнѣніе болѣе ортодоксально. И что же?—спрашиваетъ онъ,—было ли тогда болѣе достойныхъ пастырей, болѣе дѣльныхъ проповѣдниковъ и болѣе вѣрныхъ попечителей о душахъ, чѣмъ въ настоящее время? Никто, отвѣчаетъ самъ онъ, кромѣ слѣпного поклонника старины, который предпочитаетъ ее настоящему времени именно потому, что не знаетъ ея, не дастъ на этотъ вопросъ утвердительнаго отвѣта!).

Всѣ предметы богословскаго курса въ нѣмецкихъ университетахъ подраздѣляются на 4 группы: экзегетическую, историческую, систематическую и практическую, предваряемая богословскою энциклопедіей²⁾ и методологіей.

Въ первую группу входятъ: библейская филологія, библейская археологія, исагогика, герменевтика, библейская критика и затѣмъ толкованіе Св. кн. В. и Новаго Завѣта. Сюда же относятся географія Палестины, еврейскій языкъ и прочія семитическія нарѣчія. Вторую группу составляютъ: библейская исторія, церковная исторія, исторія догматовъ, патристика, символика и церковная археологія. Третья группа заключаетъ въ себѣ апологетику, догматику съ полемикой, нравственное богословіе и философскую этику. Четвер-

¹⁾ S. 98—99.

²⁾ Богословская энциклопедія представляетъ собственно введеніе въ кругъ богословскихъ наукъ. Она имѣетъ своимъ предметомъ „понятіе о богословской наукѣ вообще“ (Inbegriff des theologischen Vissens). Задача ея заключается въ выясненіи того, въ какомъ отношеніи находится богословіе къ другимъ наукамъ, и на какія отдѣльныя дисциплины распадается все вообще богословское познаніе. Herzog. Bd 4. S. 10.

тая, практическая группа, которую Шлейермахеръ назвалъ „вѣнцомъ богословія“¹⁾, состоитъ въ изученіи практическаго или пастырскаго богословія, катехетики, литургики, гомилетики и церковнаго права²⁾.

Самой важной изъ этихъ 4-хъ группъ богословскихъ предметовъ для студента-теолога является послѣдняя, практическая группа, потому что науки, входящая въ составъ ея, учатъ его тѣмъ практическимъ приѣмамъ пастырства, которыми онъ долженъ будетъ пользоваться потомъ на дѣйствительной службѣ. А изъ этихъ наукъ наибольшее значеніе имѣютъ для него гомилетика и катехетика, потому что въ протестантствѣ все пастырское попечительство сводится въ сущности къ катехетической и гомилетической дѣятельности пастора. Естественно, что въ силу этого на изученіе гомилетики и катехетики въ нѣмецкихъ университетахъ обращается особенное вниманіе. Такъ какъ хорошимъ катехетомъ и гомилетомъ не возможно сдѣлаться путемъ одного теоретическаго изученія, а лишь путемъ гомилетической и катехетической практики, то при всѣхъ богословскихъ факультетахъ существуютъ такъ называемыя гомилетическія и катехетическія семинаріи (*homiletische und katechetische Seminare*)³⁾, гдѣ студенты даютъ нарочно приглашаемымъ сюда дѣтямъ пробныя уроки катехизаціи, т. е. наставленія въ христіанской вѣрѣ (это въ катехетич. семинаріи) и произносятъ пробныя проповѣди (въ гомилетич.). И уроки, и про-

¹⁾ Ludw. Hüffel. *Vesen und Beruf des ev.-christl. geistlichen*. S. 91.

²⁾ Хр. чт. 1869 г. II. 342; Fr. Koch. S. 7.

³⁾ Ихъ не должно смѣшивать съ проповѣдническими семинаріями (*Prediger seminarien*), о которыхъ рѣчь еще впереди. Гомилетическія и катехетическія семинаріи—это даже не учебныя заведенія, въ собственномъ смыслѣ слова, а скорѣе практическое отдѣленіе богословскаго факультета. Возникли онѣ въ большинствѣ случаевъ путемъ частной инициативы—изъ кружковъ теологовъ, составлявшихся около какого-нибудь опытнаго профессора-практика съ цѣлью гомилетической и катехетической практики. Herzog. Bd. 14. S. 214.

повѣди выслушиваются наставниками, а равно и студентами-товарищами и затѣмъ такъ же, какъ пробные уроки въ образцовыхъ школахъ при нашихъ семинаріяхъ, подвергаются обсужденію и критикѣ.

Наставники, руководящіе въ гомилетическихъ и катехетическихъ семинаріяхъ студенческими упражненіями, назначаются изъ людей уже пожилыхъ, побывавшихъ на дѣйствительной службѣ, людей съ большимъ опытомъ, заявившихъ себя хорошими попечителями о душахъ ¹⁾. Студенты, достигшіе извѣстной свободы и опытности въ составленіи и произнесеніи проповѣдей, допускаются къ проповѣдыванію въ городскихъ церквахъ. Въ нѣкоторыхъ университетскихъ городахъ (напримѣръ, въ Юрьевѣ) существуютъ даже спеціальныя церкви, въ которыхъ проповѣдуютъ студенты.

Если гомилетическія семинаріи вмѣстѣ съ сторонней практикой дѣйствительно даютъ студентамъ всѣ болѣе необходимыя свѣдѣнія по теоріи проповѣдничества и приемы церковнаго ораторства, такъ что имъ остается лишь работать и развиваться дальше самимъ,—то того же ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать о семинаріяхъ катехетическихъ. На даваемую ими практическую подготовку можно смотрѣть лишь какъ на пропедевтику, и то весьма недостаточную, всей той многосложной *sic ut animam*, которая тяжелымъ бременемъ ляжетъ на плечи молодого пастора, какъ только онъ вступитъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Сдѣлавши 3—4 пробы катехизаціи ²⁾, студентъ ничуть еще не приобрѣтеть

¹⁾ Koch. S. 7.

²⁾ На большее количество ихъ у студента не хватаетъ времени. Весь курсъ богословскихъ наукъ выслушивается въ 3 или 4 г., или въ 6—8 семестровъ, по нѣмецкому счету. Если же студентъ за время пребыванія въ университетѣ отбываетъ еще воинскую повинность (въ Пруссіи, напримѣръ, ее отбываютъ и кандидаты священства), то время занятій богословіемъ сводится нерѣдко къ 5 семестрамъ. За это время студентъ долженъ не только познакомиться, но и приобрѣсти солидныя свѣдѣнія по множеству для него совершенно новыхъ наукъ. Очевидно, что занятія науками послѣдней, практической группы и въ частности ка-

опыта въ пастырской попечительности—въ назиданіи сомнѣвающихся, въ напутствованіи умирающихъ, въ наставленіи и преподаваніи утѣшенія всѣмъ болящимъ и скорбящимъ, униженнымъ и обиженнымъ. Этотъ пробѣлъ въ университетскомъ образованіи много возбуждалъ толковъ въ протестантствѣ, въ сферѣ людей, прикосновенныхъ къ дѣлу пастырскаго при-готовленія въ протестантствѣ. Для устраненія его придумывали разныя мѣры. Одно время въ Германіи даже серьезно носились съ мыслью—учредить при богословскихъ факультетахъ духовныя клиники, на подобіе клиникъ при медицинскихъ факультетахъ, куда бы собирали всѣхъ болящихъ душою и нуждающихся въ пастырскомъ попеченіи, и гдѣ бы профессора демонстрировали предъ студентами процессъ пастырскаго попеченія такъ же, какъ профессора медицины демонстрируютъ процессъ ампутаціи или лѣченія какой-нибудь болѣзни ¹⁾. Хотя нѣкоторыми практиками проектъ этотъ былъ найденъ ненеосуществимымъ, но въ исполненіе онъ все-таки приведенъ не былъ,—по той простой причинѣ, что, какъ говоритъ Пальмеръ ²⁾, можно дать себѣ отнять руку или ногу въ присутствіи студентовъ, но нельзя вести въ присутствіи постороннихъ духовную бесѣду, нельзя заставить человѣка предъ цѣлой аудиторіей быть вполне откровеннымъ, раскрыть всѣ тайники своего сердца.—Какъ бы то ни было, но самая возможность серьезнаго увлеченія подобнымъ проектомъ показываетъ, до чего сильна въ протестантствѣ практическая тенденція—стремленіе сдѣлать изъ пастора хорошаго попечителя о душахъ.

техетическимъ упражненіямъ онъ не можетъ удѣлить особенно много времени. Наконецъ, и въ тѣ немногіе часы, которые онъ проводитъ за недѣлю въ катехетической семинаріи, изъ 40—50 случаевъ онъ самъ вступаетъ лишь одинъ разъ, а остальные присутствуетъ въ качествѣ слушателя.

¹⁾ Palmer. S. 100.

²⁾ Ibid.

Кромѣ спеціально богословскихъ предметовъ студенты-теологи слушаютъ еще исторію, психологію, логику и философію—на соответствующихъ факультетахъ. Особенно важное значеніе придается тремъ послѣднимъ философскимъ наукамъ; ихъ Hüffel считаетъ необходимыми для каждаго пастыря. Психологія изучаетъ душу человѣка, ту самую душу, которая является объектомъ дѣятельности пастыря. Нужно ли еще доказывать необходимость ея изученія для послѣдняго. Логика и философія даютъ формальное развитіе, отчетливость мысли, ясность изложенія. Теологъ не долженъ быть послѣдователемъ одного какого-нибудь философскаго направленія, не долженъ записываться въ число поклонниковъ одного какого-нибудь корифея философіи,—для него выше всего должна стоять истина христіанства. Не долженъ онъ также быть метафизикомъ и витать въ трансцендентальныхъ высотахъ,—онъ долженъ быть философомъ жизни, долженъ приобрести настолько самостоятельности мысли, чтобы быть въ состояніи понять, оцѣнить и произнести свой судъ надъ каждымъ фактомъ, каждымъ явленіемъ жизни.

Философское образованіе необходимо пастырю и какъ проповѣднику и какъ катехету. „Содержаніе для проповѣди дается Священнымъ Писаніемъ, говоритъ Hüffel; но это содержаніе должно быть обработано и сдѣлано для народа яснымъ, понятнымъ и дѣйственнымъ, а это возможно лишь при помощи философскаго образованія. Пониманіе, расположеніе и изложеніе одного и того же предмета можетъ быть до чрезвычайности различнымъ; а отъ чего зависитъ это различіе? Ни отъ чего другого, какъ только отъ высшей или низшей степени истинно философскаго образованія“.

Для катехета многостороннее философское образованіе, по мнѣнію того же Hüffel'a, „составляетъ основу всей его дѣятельности,—потому что хорошій катехетъ, по выраженію Fichte, долженъ дѣлать болѣе, чѣмъ только наставлять юношество; онъ долженъ создавать его, долженъ сдѣлать такъ, чтобы оно не могло желать иначе, чѣмъ какъ онъ желаетъ,

чтобы оно желало. И горе тому пастырю, который все свое искусство катехизации почерпнул из учебников и не в состоянии самостоятельно создавать его ¹⁾).

Часто студенты богословскаго факультета слушают также лекціи на филологическомъ факультетѣ, и Кохъ даже особенно рекомендуетъ дѣлать это, потому что, какъ говорить онъ ²⁾, вопреки нерѣдко высказываемымъ опасеніямъ, что побочная спеціальность только отвлечетъ студента отъ его прямого дѣла, опытъ доказалъ, что именно тѣ студенты выдѣляются изъ числа прочихъ, которые расширяютъ и углубляютъ свои богословскія познанія филологическими. Знаніе языковъ имѣетъ для теолога тѣмъ большее значеніе, что вся почти нѣмецкая экзегетическая наука основана на текстуальной критикѣ.

Кромѣ новыхъ—французскаго и нѣмецкаго, и древнихъ—греческаго и еврейскаго языковъ, отъ студента богословскаго факультета требуется также основательное знаніе латинскаго языка, который въ протестантской системѣ пастырскаго приготовленія играетъ какую-то странную, ни съ чѣмъ несообразную роль. Не будучи совершенно нуженъ ни для одной изъ отраслей богословскихъ наукъ, онъ все-таки вездѣ употребляется наряду съ нѣмецкимъ. По старинному обычаю нѣмецкихъ университетовъ, студенты богословскаго факультета отъ времени до времени подаютъ на латинскомъ языкѣ письменныя работы; въ нѣкоторыхъ университетахъ на латинскомъ же языкѣ даются и устные отвѣты ³⁾.

Такъ какъ въ послѣднее время въ гимназіяхъ въ Германіи на латинскій языкъ обращается самое ничтожное вниманіе, то студенты богословскаго факультета ставятся въ неловкое положеніе: даже имѣя солидныя познанія по какому-нибудь предмету, они лишены возможности ихъ выказать. Письмен-

¹⁾ Ludz. Hüffel. S. 84.

²⁾ S. 12.

³⁾ Koch. S. 13.

ныя работы, какъ сознаются они сами, они пишутъ сначала по-нѣмецки, а затѣмъ переводятъ съ помощью кого-нибудь изъ товарищей, владѣющихъ латинскимъ языкомъ болѣе или менѣе свободно. Что это за латынь, на которой они изъясняются и пишутъ, объ этомъ и говорить нечего. Нѣтъ сомнѣнiя, что латинскiй языкъ потерялъ для нѣмецкаго пастора всякiй смыслъ и значенiе, всякiй *raison d'être*, что онъ существуетъ въ богословскихъ факультетахъ лишь по традици, какъ историческiй пережитокъ, какъ того средневѣковаго ученаго, напоминающая о томъ времени, когда науку не могли себѣ представить иначе какъ на латинскомъ языкѣ.

А. Кактынь.

(Продолженiе слѣдуетъ).

Изъ религiозной жизни Запада.

Весьма яркимъ показателемъ отношенiя къ христіанству современнаго Запада можетъ служить то, что произошло въ послѣднiе годы во Франци. Мы разумѣемъ борьбу противъ католицизма, которую ведетъ уже много лѣтъ французское правительство, и которая теперь закончилась полнымъ разрывомъ государства съ церковью. Главныя стадiи этой интересной и поучительной борьбы представляются въ такомъ видѣ.

Съ начала XIX в. и до послѣдняго времени отношенiя французскаго правительства къ римскому католицизму опредѣлялись особымъ, заключеннымъ въ 1801 г., конкордатомъ или соглашенiемъ, съ папскимъ престоломъ. Этотъ конкордатъ представлялъ собою опытъ примиренiя государства и церкви послѣ временнаго разрыва между ними въ эпоху революцiи. Конкордатъ имѣлъ въ виду, съ одной стороны, возвысить церковь, до крайности униженную дѣятелями революцiи; съ другой—положить препятствiя для возвращенiя церкви того господствующаго положенiя въ государствѣ, которое занимала

она до 1789 г. Въ силу этого конкордаты 1801 г. отличался вообще не строго опредѣленнымъ характеромъ. Но несомнѣнно, что условія его ясно были проникнуты тенденціей поставить церковь въ зависимость отъ государства. Правительство предоставило себѣ право вмѣшательства въ назначеніе духовныхъ лицъ и въ епископское управленіе; ограничило свободу богослуженія необходимостью согласоваться съ полицейскими правилами; потребовало отъ духовныхъ присяги на вѣрность законамъ страны, даже если они несогласны съ присягой священнической, и т. п. Римскій папа, вынужденный обстоятельствами, принялъ конкордаты. Но, очевидно, условія его не могли не создать антагонизма между французскимъ правительствомъ и католической церковью. Этотъ антагонизмъ то возрасталъ, то ослабѣвалъ, но никогда собственно не прекращался совсѣмъ. Съ наибольшей силой онъ сталъ проявляться въ періодъ третьей республики. Начиная съ 70-хъ годовъ французское правительство издало цѣлый рядъ законовъ, которые увеличивали господство государства надъ церковью и полагали существенныя ограниченія свободѣ церковной жизни. Такъ правительство постепенно сокращало государственный бюджетъ на богослужебныя нужды и лишало духовенство назначеннаго ему содержанія. Въ періодъ 1879—86 гг. оно издало рядъ законовъ, устранившихъ духовенство отъ дѣла народнаго образованія и исключившихъ даже преподаваніе Закона Божія въ правительственныхъ школахъ. Въ этотъ же періодъ закономъ признано было излишнимъ духовенство для войскъ, было прекращено богослуженіе для солдатъ и запрещено имъ участвовать въ торжественныхъ крестныхъ ходахъ и даже входить въ храмъ. Кромѣ того, французскія республиканскія власти, пользуясь поддержкой правительства, часто унижали католическую церковь разнаго рода выходками, когда, напр., мэры и префекты превращали церковныя погребенія въ антицерковныя манифестаціи, запрещали имѣть иконы въ народныхъ школахъ и т. п. Особенно много энергіи проявило французское правительство въ борьбѣ съ монашескими орденами

и духовными школами. Исторія этой борьбы была изложена на страницах нашего журнала¹⁾. Результатомъ ея было закрытіе многихъ конгрегацій и около 15 тысячъ школъ, содержащихся католическими монахами. При этомъ самое закрытіе духовныхъ школъ сопровождалось цѣлымъ рядомъ несправедливыхъ и грубыхъ мѣръ, оскорблявшихъ религіозныя чувства, нарушавшихъ элементарныя права человѣческой личности и вызывавшихъ всеобщее раздраженіе.

Не ограничиваясь указанными мѣропріятіями противъ католической церкви, смѣнившееся въ началѣ текущаго года министерство Комба пошло еще дальше и довело дѣло до полнаго разрыва съ папскимъ престоломъ. По настоянію Комба, 29-го іюля 1904 г. французское правительство отозвало своего представителя при римскомъ первосвященникѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ вручило отзывную грамоту папскому нунцію въ Парижѣ Лоренцелли. Для осуществленія этого своего давнишняго желанія французское правительство воспользовалось самымъ мало-важнымъ поводомъ, — именно вмѣшательствомъ папы въ дѣла двухъ французскихъ епископовъ, — Geay'a, еп. Майанскаго, и de-Nordez'a, еп. Дижонскаго. Первый изъ этихъ епископовъ сильно скомпрометировалъ себя своимъ поведеніемъ и вызвалъ крайнее возмущеніе своей паствы. Тогда римская курія запретила ему отправлять епископское служеніе, а затѣмъ и совсѣмъ уволила отъ должности. Это постановленіе, сдѣланное въ 1900 г., было вновь пересмотрѣнно въ 1904 г. и опять утверждено. Обиженный епископъ обратился къ защитѣ французскаго правительства, и послѣднее приняло его сторону. Оно выразило свой протестъ противъ распоряженія куріи, усмотрѣвъ въ немъ нарушеніе конкордата и сославшись на тотъ пунктъ конкордата, который назначеніе епископовъ предоставлялъ президенту республики. Въ свою очередь статсъ-секретарь папы Мери-дель-Валь составилъ отвѣтъ на этотъ протестъ. 2-го іюля 1904 г. еп. Geay снова получилъ изъ

¹⁾ Руковод. для сельск. паст. 1902 г., № 12.

Рима предписание оставить свою кафедру и прибыть въ Римъ въ 15-ти дневный срокъ. Это предписание епископъ представилъ французскому правительству, и послѣднее увѣдомило его, что онъ долженъ оставаться въ своей епархіи. Изъ Рима послѣдовало новое предписание епископу съ угрозой отлученія. Тогда французское правительство рѣшительно заявило, что оно признаетъ поведеніе римской куріи дерзкимъ нарушеніемъ конкордата, видитъ въ немъ презрительное отношеніе къ установленіямъ французской республики и потому немедленно прекратить всякія сношенія съ куріей, если послѣдняя не откажется отъ всѣхъ своихъ претензій по отношенію къ Geau'ю. Подобный же фактъ вышелъ и изъ-за еп. Дижонскаго. Результатомъ этихъ конфликтовъ и было прекращеніе французскимъ правительствомъ дипломатическихъ сношеній съ Ватиканомъ и отмена обязательности конкордата. Въмѣстѣ съ этимъ министерство Комба заявило о своихъ намѣреніяхъ продолжать борьбу съ католичествомъ дальше, и именно о предстоящемъ внесеніи въ палату депутатовъ законопроекта объ отдѣленіи церкви отъ государства. Эта релігіозная политика вызвала сильную оппозицію противъ Комба со стороны націоналистовъ и клерикаловъ. Результатомъ оппозиціи было паденіе министерства Комба. Но это паденіе не оказало вліянія на измѣненіе церковной политики правительства, и въ первую же сессію настоящаго года законопроектъ объ отдѣленіи церкви отъ государства былъ внесенъ на обсужденіе палаты переемникомъ Комба, Рувье. Началу дебатовъ о законопроектѣ предшествовала оживленная агитація. Сторонники отдѣленія устраивали митинги, на которыхъ произносились рѣчи противъ католической церкви. Въ то же время нѣкоторые епископы обратились къ своимъ паствамъ съ посланіями, въ которыхъ старались разъяснить тяжелыя послѣдствія предстоящаго отдѣленія. „Мы стоимъ“, писалъ одинъ изъ нихъ, „предъ опасностью позора не имѣть возможности болѣе предложить нашему Спасителю и нашему Богу домъ, который принадлежитъ Ему, и мы будемъ принуждены

пріютить Его въ наемномъ жилищѣ. Невыразимый крикъ ужаса пронесется по всей Франціи въ тотъ день, когда закроются двери всѣхъ церквей вынесены будутъ алтари, разломаны исповѣдальни, выброшены крещальни". Въ заключеніе посланія епископъ приглашаетъ населеніе, особенно молодежь, уже теперь группироваться въ тѣсные союзы, чтобы предотвратить грядущую опасность. Въ то же время пять высшихъ представителей духовенства: Ришаръ, арх. Парижскій, Перро, еп. Отэнскій, Кулле, арх. Ліонскій, Лекс, арх. Бордосскій, и Лабуре, арх. Реннскій, обратились 28-го марта съ письмомъ къ президенту республики. Въ этомъ письмѣ они изложили свои возраженія противъ законопроекта. Они указали на то, что законопроектъ глубоко оскорбляетъ совѣсть католиковъ, является отрицаніемъ церковнаго строя, ведетъ къ нравственной и соціальной дезорганизациіи и не можетъ считаться выраженіемъ народной воли. Съ своей стороны и папа Пій X высказалъ недовольство законопроектомъ. Однако все это не могло остановить движенія, начатаго Комбомъ дѣла, и въ апрѣлѣ палата приступила къ обсужденію законопроекта объ отдѣленіи церкви отъ государства. Проектъ встрѣтилъ сильную оппозицію и въ палатѣ. Но оппозиціи удалось достигнуть только того, что первоначальная слишкомъ рѣзкая форма проекта была смягчена. Тѣмъ не менѣе 3-го іюля (н. ст.) большинствомъ 341 голоса противъ 238 проектъ былъ принятъ и, по утвержденіи Сенатомъ, съ января будущаго года вступить въ законную силу. Сущность новаго закона сводится къ слѣдующему. Республика обезпечиваетъ свободу совѣсти и гарантируетъ свободное отправленіе культа съ тѣми лишь ограниченіями, которыя вызываются требованіями общественнаго порядка. Республика не признаетъ, не оплачиваетъ жалованьемъ и не поддерживаетъ никакого культа. Поэтому съ 1-го января слѣдующаго за обнародованіемъ закона года изъ бюджетовъ государства, департаментовъ и коммунъ исключаются издержки, относящіяся къ отправленію культа. Всѣ расходы по содержанію духовныхъ лицъ и по удовлетворенію религіозныхъ

потребностей отнынѣ будутъ нести культовые ассоціаціи или вѣроисповѣдныя сообщества. Эти вѣроисповѣдныя ассоціаціи образуются взамѣнъ существующихъ теперь церковныхъ общинъ, консисторій, епархій и пр. Организуются эти ассоціаціи согласно съ правилами общей организаціи извѣстнаго культа, т. е. напр., ассоціаціи и католическія и протестантскія должны устроиться на каноническихъ началахъ этихъ исповѣданій. Всѣ эти ассоціаціи подчиняются режиму частныхъ союзовъ, образуемыхъ на основаніи закона 1-го іюня 1901 г. Ассоціаціи должны имѣть цѣлью исключительно управленіе культа. Образоваться они могутъ въ томъ случаѣ, если найдется опредѣленное въ законѣ количество членовъ, именно не менѣе 7 для коммунъ съ населеніемъ въ 1000 чел., не менѣе 15 при населеніи 1000—20000, и не менѣе 25 при населеніи свыше 20000. Средства ассоціацій составляются изъ членскихъ взносовъ, изъ пожертвованій, изъ палаты за совершеніе религіозныхъ церемоній и службъ, изъ платы за скамьи и стулья въ церквахъ. Отдѣльныя ассоціаціи могутъ объединяться въ большіе союзы съ центральной администраціей, безъ ограниченія предѣлами территоріи. Хозяйство ассоціацій подчиненно правительственному надзору, причемъ для запасныхъ капиталовъ установленъ предѣльный размѣръ. Что касается имущества, которыми доселѣ владѣла католическая церковь и другія исповѣданія, то депутаты социалистической партіи внесли было предложеніе объявить эти имущества собственностью націи, продать ихъ и деньги употребить на пенсіонныя кассы для рабочихъ. Но предложеніе это было отвергнуто, и палата высказалась за передачу имущества учреждаемымъ вновь вѣроисповѣднымъ обществамъ. При этомъ, всѣ имущества, полученныя въ свое время церковью отъ государства, должны вновь отойти къ государству, а имущества, на которыя содержатся какія-либо благотворительныя или другія учрежденія, не имѣющія отношенія къ культу, передаются соотвѣтствующимъ общественнымъ учрежденіямъ. Всѣ церковныя зданія, соборы, церкви, капеллы объявляются

собственностью государства и представляются вѣроисповѣд-
нымъ обществамъ въ безсрочное пользованіе. Но за государ-
ствомъ остается право отобрать ихъ отъ ассоціацій въ из-
вѣстныхъ случаяхъ. Зданія для помѣщенія священно-служи-
телей, а также семинарій и протестантскихъ богословскихъ
факультетовъ предоставляются въ пользованіе лишь на опре-
дѣленный срокъ, именно архіепископіи и епископіи на два
года, а остальные на пять лѣтъ, по истеченіи какового срока
переходятъ въ распоряженіе государства, департаментовъ и
коммунъ. Священно-служители, получавшіе жалованье отъ
государства, взамѣнъ его получаютъ пенсію, размѣръ кото-
рой опредѣленъ срокомъ службы.

Отправленіе церковныхъ церемоній, процессій, колоколь-
наго звона поставлено въ зависимость отъ воли меровъ. От-
носительно священныхъ изображеній постановлено, чтобы они
допускались только въ церквахъ, на могилахъ и въ музеяхъ.

Таковъ въ существенныхъ чертахъ принятый палатой за-
конопроектъ объ отдѣленіи церкви отъ государства. Въ ноябрѣ
мѣсяцѣ законопроектъ этотъ будетъ разсматриваться въ Се-
натѣ. Будутъ сдѣланы попытки, съ одной стороны, затормозить
этотъ законъ, а съ другой—провести его безъ тѣхъ смягчаю-
щихъ поправокъ, которыя были сдѣланы къ нему во время
преній въ палатѣ. Но во всякомъ случаѣ, большинство го-
лосовъ въ Сенатѣ закону уже обезпечено, и такимъ образомъ
отдѣленіе церкви отъ государства во Франціи уже теперь мо-
жетъ считаться совершившимся фактомъ. Рыб.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 15-го ноября 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 47.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года ноября 20-го дня.

Содержаніе: Царство Божіе внутри васъ (по поводу манифеста 17 октября).—Приготовленіе къ пастырскому служенію въ протестантствѣ (продолженіе).—Изъ релігіозной жизни Запада (окончаніе).

Царство Божіе внутри васъ.

(По поводу манифеста 17-го октября).

Сердце каждаго русскаго человѣка обливаётся кровію при видѣ всѣхъ тѣхъ ужасовъ, въ которые ввержена въ настоящее время вся русская земля! Что мы видимъ? Что мы слышимъ?—Всюду кровавыя успѣхи революціонеровъ; всюду начинается мщеніе, тоже кровавое, этимъ революціонерамъ! Города и села, деревни и отдѣльные хутора подвергаются разгромамъ, пожарамъ, а жители ихъ убійствамъ! Не успѣли смолкнуть вопли избиваемыхъ во взаимной борьбѣ въ г. Баку, не успѣли погаснуть пожары въ томъ же городѣ, какъ началась повсемѣстная забастовка служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, и на цѣлыя недѣли остановлена почти вся экономическая и промышленная жизнь страны! Вѣдь это разореніе и безъ того бѣдной страны нашей!

Пастало знаменательное въ русской исторіи семнадцатое октября, всѣмъ гражданамъ русской земли дарованы всѣ виды свободы, затѣмъ провозглашена амністія политическимъ преступникамъ,—и что-же? вмѣсто истинной, искренней и высокой радости, вмѣсто благодарности даровавшему всѣ эти блага русскому Выщеносному Вождю, вмѣсто мира и любви—всѣ значительные города русской земли стали свидѣтелями въ высшей степени оскорбительныхъ для русскаго чувства революціонныхъ манифестацій, а за ними страшныхъ, жестокихъ мщеній со стороны оскорбленныхъ въ своихъ патріотическихъ чувствахъ,—страшныхъ и жестокихъ особенно потому, что имъ подверглись въ большинствѣ случаевъ люди, неповинные ни въ оскорбленіи глубоко чтимаго имени русскаго Царя, ни въ униженіи русскаго народа,—и вся русская земля стала свидѣтельницей быстро и неудержимо развившихся челоѣкопонавистничества, вражды, нескрываемой уже злобы! Весь Западъ и въ особенности Юго-западъ нашего отечества омраченъ такъ называемыми еврейскими погромами; другія части нашей земли—избіеніями революціонныхъ манифестантовъ; ожесточеніе въ иныхъ мѣстахъ дошло до неслыханныхъ, невѣроятныхъ размѣровъ: въ г. Томскѣ сожжено въ театрѣ до 600 челоѣкъ забастовщиковъ и противогосударственныхъ манифестантовъ, въ Твери почти сожжена земская управа съ находившимся въ ней земскимъ собраніемъ!

Что же все это значить? Откуда все сіе намъ? Во имя чего вся Русь замутилась, чего ищутъ, чего желаютъ возмутившіе мирное теченіе нашей жизни и ставшіе главными виновниками всѣхъ бѣдъ, насъ обступившихъ?

Все создано, все произошло во имя тѣхъ высшихъ началъ общественно-политической жизни народовъ, къ которымъ всегда люди стремились, стремятся и будутъ до скончанія вѣковъ стремиться. Это—свобода, водвореніе на землѣ и среди людей началъ равенства, справедливости, это—укрѣпленіе среди обществъ челоѣческихъ—естественныхъ правъ челоѣка и гражданина. Къ осуществленію на землѣ

и въ своей средѣ названныхъ началъ человѣкъ началъ стремиться съ того самаго момента, когда онъ основалъ первое свое общество, когда онъ впервые вступилъ въ государственнѣйшій бытъ и тѣмъ самымъ привелъ свои личные интересы въ непосредственное соприкосновеніе съ интересами другихъ и притомъ многихъ лицъ. На языкѣ всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ воспѣвались и воспѣваются блага свободы. Въ ней люди видѣли и видятъ то всегда искомое, но всегда и неуловимое счастье личной и общественной жизни, которое, какъ путеводная звѣзда среди ночного мрака, вело и ведетъ людей, чаще всего путемъ страданій, къ чему-то лучшему, къ чему-то возвышенному, но, къ сожалѣнію, не всегда ясно сознаваемому. И отдѣльные люди и цѣлыя государства,—эти огромныя и часто разнородныя группы людей,—чувствовали и чувствуютъ, что съ насажденіемъ свободы и другихъ высокихъ началъ въ жизни политической и общественной исчезнуть беззаконіе, неправда людская, пороки и недостатки общественныя,—и человѣку будетъ легче дышать, легче думать, удобнѣе совершенствовать свои духовныя силы, всестороннѣе развивать свою практическую дѣятельность. Тогда, съ воцареніемъ политической и общественной свободы личности человѣка въ формѣ естественныхъ правъ человѣка и гражданина, водворится на землѣ если и не вполне совершенное матеріальное и иное довольство, то несравненно лучшее... Да, именно водворится довольство и исчезнетъ съ лица земли и изъ среды общества, вмѣстѣ съ неравенствомъ, зависть, злоба, челоѣконенавистничество. Людямъ всегда такъ мило и такъ желательно было рисовавшееся въ ихъ воображеніи счастье, что они никогда не останавливались предъ необходимостью даже самыхъ великихъ жертвъ, и на алтарь желаемого, искомого, но еще не видимого счастья приносилось все и даже самая жизнь человѣка...

Мы въ настоящее время присутствуемъ и являемся самими дѣйтельными свидѣтелями того же напряженного исканія счастья личного и общественнаго,—въ ихъ обоюдномъ

сочетаніи,—со стороны многихъ гражданъ Россійской имперіи, какимъ ознаменованъ историческій путь многихъ народовъ. Мы въ настоящее время являемся свидѣтелями и того, что искомыя условія для пользованія счастьемъ жизни, повидимому, приобрѣтены: съ высоты царскаго престола—объявлено о дарованіи всѣхъ тѣхъ свободъ, которыхъ такъ страстно желали. Но почему же сердце наше болѣзненно бьется, почему же нашъ умъ, все наше духовное существо—съ тревогой, соединенной съ какою-то горестью, взираетъ на все дарованное и на все совершающееся предъ нашими глазами,—даже болѣе—на грядущее будущее?

Говорять, и къ сожалѣнію, перѣдко, что исторія не повторяется, и потому „уроковъ исторіи“ не слушаютъ. Но мы въ настоящее время невольно обращаемъ взоръ нашъ умственный на пройденный путь жизни дружественнаго намъ народа и, нужно сказать,—во многомъ по своему характеру похожаго на насъ—именно французскаго и останавливаемся на той части этого пути, когда и Франція, какъ и мы теперь, страстно принялась за водвореніе въ жизни своей новыхъ началъ жизни для облагодѣтельствванія своихъ сыновъ и освобожденія ихъ отъ накопившагося въ теченіе многихъ вѣковъ зла. Останавливаемся на этой части французской исторіи не только потому, что наша современность весьма напоминаетъ ее намъ, но и потому, что и наши, и западно-европейскіе ученые и неученые изъяснители судебъ новѣйшей общественно-государственной исторіи народовъ немолчно свидѣлствуютъ, что эта именно часть французской исторіи является переломомъ въ исторіи всѣхъ народовъ и служить источникомъ всѣхъ приобрѣтеній и улучшеній жизни, сдѣланныхъ въ послѣдній вѣкъ народами Запада. Наши же революціонеры и такъ называемые передовые люди—прямо ставятъ себѣ все совершавшееся въ концѣ XVIII вѣка во Франціи какъ путеводную звѣзду въ дѣлѣ созиданія и на русской землѣ политическаго и общественнаго рая.

Положеніе Франціи въ XVIII вѣкѣ во многихъ отношеніяхъ было печально. Простой народъ былъ обремененъ налогами, бѣденъ и слабо просвѣщенъ. Средній классъ населенія,—самый богатый, дѣятельный и просвѣщенный,—не имѣлъ политическихъ правъ и, хотя участвовалъ въ управленіи государствомъ въ лицѣ чиновниковъ различнаго ранга,—никакъ не могъ сравняться въ правахъ и привиллегіяхъ съ двумя высшими классами—духовенствомъ и дворянствомъ; а такого уравниенія въ правахъ онъ весьма желалъ, и, почитая себя вполне достойнымъ этихъ правъ, все болѣе и болѣе проникался завистью къ общественно-государственному положенію первыхъ двухъ сословій. Духовенство (высшее) и дворянство (особенно придворное) во времена Людовика XIV окончательно уже лишились прежнихъ (средневѣковыхъ) своихъ государственныхъ правъ, не несли почти никакихъ обязанностей въ отношеніи къ государству, но пользовались многими преимуществами (привиллегіями), вытекавшими изъ особой ихъ близости къ королю. Такое положеніе, лишившее дворянъ и высшее духовенство возможности дѣятельнаго участія въ государственной жизни, не могло удовлетворять ихъ и въ то же время не могло не возбуждать непріязненныхъ чувствъ со стороны другихъ классовъ населенія. Казна государственная была пуста; долги государственные все болѣе и болѣе возрастали. Политическое положеніе Франціи въ ряду другихъ западно-европейскихъ государствъ было принижено, и армія—разстроена.

Такое печальное положеніе страны, естественно, вызвало стремленіе реформировать всю жизнь народа, чтобы устранить изъ нея накопившееся вѣками зло, разныя несправедливости и водворить лучшей правовой порядокъ въ государственномъ и общественномъ быту народа. Какими путями можно было достигнуть этой цѣли? На этотъ вопросъ давали отвѣтъ философы и вообще просвѣщенные люди того времени, носившаго и названіе „просвѣщеннаго вѣка“. Воспитанные на чуждыхъ и несуществимыхъ образцахъ умер-

шихъ уже—древней Греціи и Рима, заимствовавшіе основныя свои мысли отъ англійскихъ философовъ,—французскіе писатели XVIII в. (Монтескье, Вольтеръ и особенно Ж. Ж. Руссо) увлеклись до крайности отвлеченными идеями о переустройствѣ государственнаго быта и стали проповѣдывать полное разрушеніе существовавшаго строя государственной и церковной жизни, убѣждая всѣхъ своими сочиненіями, что, съ одной стороны,—этотъ строй пренесполненъ многихъ и великихъ несправедливостей, а съ другой—что съ уничтоженіемъ его, и притомъ кореннымъ, —наступитъ время наиболѣе счастливаго состоянія общества и государства. Мысли эти постепенно распространялись въ обществѣ и нашли очень многихъ приверженцевъ.

Сознавая, что государство страдаетъ отъ многихъ недостатковъ, король (Людовикъ XVI) и все французское правительство рѣшились приступить къ устраненію замѣченныхъ недостатковъ. Для наилучшаго достиженія цѣли обратились они къ представителямъ народа. Созвано было давно уже не собиравшееся „собраніе генеральныхъ штатовъ“. Въ составъ этихъ штатовъ вошли, повидимому, самыя лучшіе представители всѣхъ трехъ сословій—перваго (духовенства), втораго (дворянства) и третьяго (средняго), при чемъ количество представителей послѣдняго равнялось количеству двухъ первыхъ вмѣстѣ взятыхъ. Явившіеся въ собраніе штатовъ депутаты всѣ были воодушевлены искреннимъ желаніемъ—помочь королю въ его реформахъ, въ его стремленіи избавить государство отъ нѣкоторыхъ губительныхъ недостатковъ; въ то же время они хотѣли внести въ жизнь государственную всѣ тѣ начала, которыя указывались философами, какъ единственно спасительныя и благодѣтельныя. Эти начала были: свобода, братство, равенство, какъ естественныя права челоуѣка и гражданина. Возглашая въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, какимъ, напр., былъ Мирабо, что они—монархисты, что они желаютъ только реформировать государство на новыхъ лучшихъ началахъ,—депутаты съ необыкновен-

веннымъ воодушевленіемъ принялись за свое дѣло. Имъ казалось, что это дѣло исключительно въ ихъ рукахъ, что они, и только они одни, будутъ направлять его по желаемому направленію. И что-же? 5-го мая 1789 г. собрались генеральные штаты, а 17-го іюня третье сословіе объявило себя національнымъ собраніемъ, 14 іюля произошло уже возстаніе въ Парижѣ, окончившееся разграбленіемъ арсенала и оружейныхъ лавокъ, взятіемъ Бастиліи (государственной тюрьмы) и разореніемъ ея. Въ это же время образована была національная гвардія; король былъ вынужденъ пріѣхать въ Парижъ и, согласно желанію гвардіи и народа, принять трехцвѣтную кокарду. Пролита была первая кровь. Затѣмъ начались возстанія въ провинціяхъ, и кровь полилась цѣлыми ручьями. 4 августа въ одну ночь въ порывѣ необыкновеннаго энтузіазма депутаты уничтожили весь строй прежней общественно-государственной жизни. Национальное собраніе, ставши уже *учредительнымъ*, заставило короля переѣхать въ Парижъ на жительство послѣ страшнаго народнаго бунта въ Парижѣ 5—6 октября и великихъ оскорбленій, нанесенныхъ королю и его семейству въ Версали парижскою чернью. Мечтавшее быть единственнымъ строителемъ государства на новыхъ началахъ, учредительное собраніе само оказалось теперь во власти толпы народной. Возникшія еще въ 1789 году волненія въ провинціяхъ все болѣе и болѣе усиливались. Начались столкновенія съ иностранными державами, и кровь человѣческая полилась еще обильнѣе. Изъ Франціи стали высылаться цѣлыми толпами придворные, дворянство и всѣ тѣ, которыхъ во имя общественнаго блага начали тѣснить и преслѣдовать. Самъ король, потерявши вѣру въ свою безопасность, дѣлаетъ попытку къ бѣгству, но неудачно, слѣдствіемъ чего является 17 іюля 1791 междуособная рѣзня въ Парижѣ, потребовавшая многихъ жертвъ. Въ это же время впервые появляются требованія народа о низложеніи короля, образуются разные политическіе клубы съ республиканскими стремленіями. Людовикъ XVI, находившійся подъ стражей, вы-

нужденъ былъ признать конституцію 1791 года, весьма ограничивавшую власть его, какъ короля. Въ основу ея положено было то, чего добивались и что проповѣдывали философы: естественныя права человѣка и гражданина. Люди, гласила *декларация* правъ, рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ; естественныя и неотчужденныя права человѣка суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе угнетенію; декларация объявляла также свободу личности отъ произвольныхъ арестовъ, мягкое обращеніе съ подсудимыми, свободу религіозныхъ мнѣній, свободу слова и печати, ненарушимость частной собственности. По конституціи 1791 года—особа короля объявлялась священной и неприкосновенною, и только въ случаѣ отказа отъ конституціи или измѣны ей король долженъ быть считаться отрекшимся отъ престола.

И это былъ первый актъ революціи, взявшей насадить во Франціи новыя, особенно привлекательныя начала жизни. Депутаты учредительнаго собранія уступили свое мѣсто новымъ избранникамъ народа, составившимъ изъ себя законодательное собраніе. И среди этого собранія были еще конституціонные монархисты,—но оно не удовлетворилось созданиемъ перваго учредительнаго собранія, не удовлетворилось потому, что, по его мнѣнію, естественныя права человѣка получили недостаточное развитіе. Началась спѣшная переработка конституціи 1791 года; законодательное собраніе преобразовалось въ національный конвентъ; появляются такія лица, какъ Робеспьеръ, Дантонъ и Марать; начинается преслѣдованіе всѣхъ, кто иначе мыслить, чѣмъ большинство конвента и названныя три лица; тюрьмы переполняются до того, что не могутъ вмѣстить всѣхъ подвергающихся опалѣ, и эти тюрьмы очищаются для новыхъ узниковъ посредствомъ трехдневной рѣзни (сентябрскія убійства 1792), во время которой гибнутъ тысячи женщинъ, дѣтей и стариковъ, такъ какъ обыкновенно заключали въ тюрьму цѣлыми семьями; наступаетъ время террора (ужаса); Франція объявляется рес-

публикой, и король ея Людовикъ XVI 21 января 1793 года возводится на эшафотъ и слагаетъ свою голову подъ гильотиной; той же участи подвергается его супруга, а сынъ ихъ отдается въ науку какому-то сапожнику, каковой науки не переноситъ и умираетъ отъ побоевъ и истощенія; гибнуть сотнями и тысячами мирные граждане и составители первой конституціи; за ними идутъ подъ гильотину бывшіе члены законодательнаго собранія, за этими послѣдними туда же направляются обезумѣвшими отъ крови, но во имя правъ челоуѣка, Робеспьеромъ, Дантономъ и Маратомъ, и многіе члены національнаго конвента, составляется планъ—для окончательнаго торжества республиканскихъ началъ 1793 года вырѣзать 300.000 челоуѣкъ; отмѣняется христіанство и объявляется новая религія—религія разума; гибнуть въ огнѣ и крови возставшіе на защиту вѣры и жизни города Тулонъ, Лионъ, Нантъ и др., наконецъ, гибнутъ: Марать, подъ гильотиной Дантонъ, и остается властвовать одинъ только Робеспьеръ. Парижъ и вся Франція лежатъ у его ногъ истерзанные, въ крови и грязи; всюду наступило царство недовѣрія, зависти, злобы и самаго отвѣвленнаго челоуѣконенавистничества. Но терроръ все болѣе и болѣе усиливался; не могли, наконецъ, вынести его и самые друзья Робеспьера: они схватили его и казнили (28 іюля 1797 г.). Но кровь и послѣ этого продолжала литься. Лилась она по всей Франціи, лилась и по всей Европѣ; волною широкою кроваваа рѣка прошла и по русской землѣ—до Москвы и обратно до самаго Парижа.

Милліоны челоуѣческихъ жизней принесены были въ жертву,—чему? А тому искомому благу жизни, которое такъ близко, которое, думалось, легко осуществимо,—стоило только измѣнить виѣшнюю форму жизни. И всѣ эти милліоны челоуѣческихъ жертвъ, оказалось, принесены напрасно: искомага счастья жизни онѣ не дали, и Франція почти въ теченіе всего XIX вѣка (до 1870 года) цѣлымъ рядомъ кровавыхъ революцій старалась хотя бы въ малой степени осу-

ществовать въ жизни мысли своихъ философовъ XVIII вѣка. Въ настоящее время Франція—республика. Но прекратилось ли въ ней озлобленіе людей другъ противъ друга изъ-за правъ политическихъ и общественныхъ? Нѣтъ и нѣтъ! Мало того, къ прежнимъ причинамъ вражды и человѣконенавистничества присоединилась еще борьба труда и капитала, работниковъ и работодателей... Исчезли ли во Франціи послѣ гибели милліоновъ человѣческихъ жизней бѣдность, безправіе слабого и своеволие сильнаго, нищета, доводящая людей до голодной смерти среди роскошныхъ улицъ и великолѣпныхъ дворцовъ? Нѣтъ и нѣтъ: по-прежнему люди страдаютъ отъ бѣдности, зависти, голода и холода; по-прежнему гнететь сильный слабого и превращаетъ по своему желанію свободнаго гражданина республики въ полураба. Мало того: Франція вымираетъ и начинаетъ жить только пріѣзжимъ населеніемъ; Франція, какъ это показала послѣдняя всемірная выставка въ Парижѣ, стала гнѣздомъ самыхъ ужасающихъ пороковъ, которые едва-едва уже прерываются блестящими успѣхами въ области наукъ, искусствъ и промышленности.

Почему же всѣ страшныя жертвы, принесенныя и отдѣльными людьми и всѣмъ народомъ во имя блага жизни, во имя такъ страстно желаемаго и искомаго счастья,—остались, какъ и остаются обыкновенно, тщетными? На этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ. Люди, въ силу несовершенства своей природы и, въ частности, въ силу чрезмернаго пристрастія къ всему внѣшнему, всегда искали и ищутъ счастья *отъ себя*. Человѣкъ напрягалъ и напрягаетъ всѣ дарованныя ему силы для того, чтобы покорить своей волѣ всѣ силы природы. Онъ создалъ науку. Послѣдняя доставила намъ средства плыть не только по вѣтру, но и противъ вѣтра, не ждать въ ужасѣ громоваго удара, а отводить его, не подчиняться условіямъ разстоянія, но сокращать его паромъ и электричествомъ. Онъ изобрѣлъ разнообразныя искусства, пользуясь которыми, мы улучшаемъ не только внѣшнюю об-

становку своего быта, но и предохраняемъ свое тѣло отъ болѣзней и излѣчиваемся отъ нихъ. Много сдѣлать человѣкъ и для улучшенія своихъ общественныхъ отношеній. Но, если спросить людей, пользующихся всѣми современными открытіями и изобрѣтеніями въ области науки и искусства, живущими въ государствахъ, устроенныхъ, какъ говорятъ, на новыхъ правовыхъ началахъ общественно-политической жизни, — ближе ли они стали къ своему счастью, меньше ли стало среди нихъ самаго разнообразнаго горя, перѣдко безъисходнаго, то не дадутъ они на этотъ вопросъ положительнаго отвѣта. Несомнѣнно, все, что насъ окружаетъ, *внѣшнія* условія нашей жизни могутъ облегчать пути наши къ нашему же счастью; но не они, эти внѣшнія условія, *создаютъ* счастье; чаще же всего случается, что они не дѣлаютъ человѣка ни на волосъ счастливѣе прежняго, потому что онъ внутри самого себя носитъ многочисленныя причины несчастья: изъ сердца человѣческаго исходятъ всѣ помышленія и добрыя и злыя, и человѣкъ, по слову апостола, творить часто не то, что хотѣлъ бы творить, какъ должно, а то, чего не хотѣлъ бы, какъ недолжнаго.

Царствіе Божіе внутри васъ есть (Лук. 17, 21), — сказалъ всему міру человѣческому Божественный Учитель; ищите прежде всего этого царствія, и остальное все вамъ приложится; какая польза человѣку, если онъ весь міръ приобрѣтетъ, а о душѣ своей забудетъ? И эти непреложныя истины людьми постоянно забываются! Поэтому-то и самыя лучшія внѣшнія блага часто не только не приносятъ намъ такъ желаемаго нами счастья, а, напротивъ, удаляютъ насъ отъ него. Чье сердце радостью не забьется, у кого не возгорится оно желаніемъ обладанія, когда зазвучатъ призывы людей къ свободѣ, братству и равенству? И всѣ люди способны откликнуться на зовъ этотъ. Но далеко не всѣ сумѣютъ и сами воспользоваться этими благами и другимъ предоставить невозбранное пользованіе ими. Вотъ почему широкой кровавой рѣкой съ берегами изъ труповъ людскихъ пред-

ставляются намъ времена великой французской революціи, когда люди, казалось, особенно сознательно принялись за водвореніе въ своей государственной жизни высокихъ началъ—свободы и братства. Забыли тогда люди, что въ какія бы одежды ни облекали дикаго звѣря, гнѣздящагося въ человѣкѣ, онъ не смирится, а еще болѣе будетъ проявлять свою дикость. Забыли, какъ и въ другія времена часто забываютъ, что жизнь человѣческая, смыслъ ея, создается не внѣшними формами, а духомъ, который все живить, который и самой формѣ внѣшней придаетъ или красоту, или безобразіе. Человѣкъ высокой, благородной души и въ разодраномъ рубищѣ, и въ лохмотьяхъ останется прекраснымъ, а злого и невоспитаннаго въ какія угодно одежды облекайте,—онъ не станетъ отъ этого лучше.

Намъ съ высоты царскаго престола въ теченіе самаго короткаго времени (начиная съ 6-го августа) даровано множество великихъ, славныхъ и по существу своему животворныхъ милостей. Сумѣемъ ли ими воспользоваться? Подготовлены ли мы къ нимъ, къ практическому, жизненному воплощенію ихъ? То, что совершается предъ нашими глазами, то, что мы по обыкновенному человѣческому предвидѣнію можемъ предположить въ ближайшемъ будущемъ,—даетъ намъ пока мало утѣшительнаго. Невольно предъ нами встаютъ ужасы былого, невольно взоры наши отъ нашей современности, уже оскверненной бранью, враждой, челоуѣконенавистничествомъ, обращаются къ той ужасной по звѣрству челоуѣческому эпохѣ, когда люди въ изступленіи своемъ, во имя свободы, братства и равенства, избивали другъ друга милліонами,—и сердце наше содрогается, и устами такъ и хочется всему русскому многомилліонному народу напомнить слова Спасителя, приходившаго въ этотъ грѣшный міръ для его спасенія: *Царствіе Божіе внутри васъ...*

Высочайшими манифестами 6 августа и 17 октября русскому народу дано чрезвычайно много. Русскій народъ всею своею предшествовавшею жизнью поставленъ въ совершенно

особыя, сравнительно съ другими народами, условія. Предъ нимъ лежитъ опытъ жизни и дѣятельности другихъ народовъ. Да будетъ этотъ опытъ въ наученіе всѣмъ ищущимъ въ жизни добра, и да окажется нашъ народъ достойнымъ царскихъ милостей! Русскій народъ глубоко преданъ своей Православной Церкви, воспитанъ ею въ началахъ мира и любви, и ему ближе и понятнѣе, чѣмъ кому-либо другому, ученіе Божественнаго Искупителя міра о значеніи для блага жизни человѣческой, для ея истиннаго счастья—внутренняго, духовнаго совершенствованія. Необходимо приложить всѣ силы къ тому, чтобы истинныя и животворныя начала общественно-политической жизни не выгнаны только прививались къ преобразуемому нынѣ у насъ государственному строю. Необходимо и себя и всѣхъ другихъ каждую минуту убѣждать, что царствіе Божіе внутри насъ, что это единственно вѣрное для всѣхъ временъ и народовъ указаніе на тѣ пути, которыми люди должны идти для достиженія личнаго и общественнаго счастья.

М. Ги.

Приготовленіе къ пастырскому служенію въ протестантствѣ.

(Продолженіе ¹⁾).

Въ нѣкоторыхъ германскихъ университетахъ существуетъ прекрасный обычай, въ силу котораго профессора богословскаго факультета въ извѣстные дни недѣли открываютъ двери своей квартиры для всѣхъ желающихъ изъ своихъ слушателей. Собранія эти носятъ чисто научный характеръ. На нихъ, по выраженію Коха ²⁾, профессора „размѣниваютъ золото чистой науки на ходячую монету“, а студенты съ своей стороны восполняютъ то, что осталось для нихъ недо-

¹⁾ См. № 46-й за 1905-й г.

²⁾ S. 11.

понятнымъ или невыясненнымъ въ университетской аудиторіи; здѣсь профессора въ интимной бесѣдѣ знакомятся съ потребностями и запросами молодого поколѣнія и здѣсь же гораздо болѣе, чѣмъ на лекціяхъ, передаютъ имъ прекрасныя завѣты стараго.

Также и среди самихъ студентовъ, какъ было замѣчено выше, существуютъ кружки съ научнымъ направлениемъ. Члены ихъ, кромѣ того, что дѣлятся впечатлѣніями о слышанномъ и читанномъ и обсуждаютъ сообща интересующіе ихъ вопросы, занимаются также совмѣстнымъ чтеніемъ какого-нибудь изъ извѣстныхъ и серьезныхъ богословскихъ трудовъ¹⁾.

Канікулярное время студенты богословія, если только они не заняты уроками и ренетціями, употребляютъ, также по старинному обычаю, на путешествіе по своей родинѣ. Въ компаніи 2—3 человекъ; а то и въ одиночку, они обходятъ нѣшкомъ все ближнія и дальнія мѣста своей провинціи, такъ что нѣтъ въ Германіи уголка, куда бы не заглядывали теологи. Этимъ путемъ они заранѣе знакомятся съ положеніемъ и бытомъ своего народа, съ условіями жизни и служенія пастора.

Въ числѣ важныхъ преимуществъ университетскаго образованія нельзя еще не упомянуть объ университетскихъ библіотекахъ. Въ германскихъ университетахъ вообще и на богословскихъ факультетахъ въ частности библіотеки обставлены съ нигдѣ несуществующею у насъ роскошью. Въ нихъ имѣются десятки и сотни тысячъ томовъ всевозможныхъ изслѣдованій на всѣхъ языкахъ; масса критическихъ и библіографическихъ изданій, которыя притомъ ежегодно пополняются. У насъ есть подъ руками отчетъ о библіотекѣ Гейдельбергскаго богословскаго факультета еще отъ 1862 года; въ немъ говорится, что одинъ богословскій факультетъ въ Гейдельбергѣ выписывалъ за этотъ годъ (это сорокъ лѣтъ тому назадъ!) до 200 однихъ періодическихъ изданій, при чемъ нѣмецкія получались въ самый день выхода, французскія и

¹⁾ Ibid.

польскія—на второй, итальянскія и англійскія—на третій ¹⁾.— И всё эти сокровища ежедневно готовы къ услугамъ студентовъ.

Такимъ образомъ научная сторона протестантской системы пастырскаго приготовленія обставлена всеми возможными удобствами. Теологъ слушаетъ тѣхъ профессоровъ, которыхъ желаетъ, занимается тѣми предметами, которые ему нравятся; выборъ ученыхъ и учебныхъ пособій для него не ограниченъ: ежедневно онъ можетъ пользоваться для своихъ работъ указаніями первостепенныхъ ученыхъ. Все это—преимущества, которыя можетъ дать только университетъ; никакая семинарія не можетъ позволить себѣ такой роскоши. Вотъ ради этого именно, да еще ради возможности общенія въ университетѣ теологовъ—и студентовъ и профессоровъ съ представителями другихъ специальностей, общенія, расширяющаго кругозоръ теологовъ, дающаго имъ новыя идеи и оплодотворяющаго ихъ работу,—ради всего того протестантская церковь находитъ университеты незаменимыми въ дѣлѣ пастырскаго приготовленія, и университетское образованіе—условіемъ *sine qua non* самаго пастырства.

III.

Въ католичествѣ вмѣстѣ съ окончаніемъ богословскаго образованія кончается и процессъ приготовленія къ пастырскому служенію, въ протестантствѣ же онъ находится приблизительно только еще на середнѣ. Между университетомъ и желаннымъ мѣстомъ приходскаго пастора у протестантскаго теолога лежатъ долгіе годы кандидатства ²⁾, и въ теченіе ихъ

¹⁾ Православное Обозрѣніе. 1862 г. т. 7.

²⁾ Протестантскіе теологи по окончаніи курса въ университетѣ получаютъ званіе *кандидата*. Оно не обозначаетъ, какъ у насъ, ученой академической степени; слово „кандидатъ“ служитъ техническимъ терминомъ для обозначенія человѣка, ожидающаго и ищущаго мѣста пастора. Кандидатство продолжается *minimum* 1½ года, но можетъ затянуться и на 4—6 и болѣе лѣтъ.

пастырское приготовленіе продолжается непрерывно, но вступает при этомъ въ новую стадію. Университетъ далъ кандидату общую научную подготовку, гомилетическая и катехетическая семинаріи положили первыя начала практики, но этимъ еще далеко не исчерпывается все то, чего требуетъ отъ протестантскаго пастора церковь. Поэтому за дѣло дальнѣйшаго приготовленія берется уже она сама. Она беретъ кандидата подъ свою опеку, диктуетъ ему свои требованія и сама слѣдитъ за ихъ выполненіемъ.

Прежде всего тѣ научныя свѣдѣнія, которыя сохранились у кандидата отъ университетскихъ лекцій и, отчасти, отъ собственныхъ занятій, носятъ болѣе или менѣе энциклопедическій характеръ. Они разрознены, перепутаны, находятся нерѣдко въ самой странной ассоціаціи, лишены глубины и ясности; имъ недостаетъ живой органической связи другъ съ другомъ и съ жизнью. Теперь онъ долженъ углубить ихъ, уяснить и привести ихъ въ систему. Если кандидату представляется возможность, ему настоятельно рекомендуютъ заняться самостоятельными изслѣдованіями въ какой-нибудь области науки—церковной исторіи, экзегетики или какой другой; такая научная работа имѣетъ для него важное значеніе, а между тѣмъ впоследствии у него можетъ не оказаться для нея времени.—Затѣмъ, кандидатъ долженъ научиться примѣнять свои научныя познанія на практикѣ, популяризировать ихъ; онъ долженъ приобрѣсти навыкъ излагать мысли ясно, общедоступно и для всѣхъ понятно; наконецъ, онъ долженъ умѣть извлекать изъ нихъ назиданіе для своихъ слушателей. Словомъ, онъ долженъ, по выраженію Leberl'a¹⁾, перечеканить золото науки, въ легкую монету, которая бы находила быстрый и легкій сбытъ.

Въ практической же области молодой кандидатъ еще совершенный профанъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько пробъ ка-

¹⁾ Die practische Forbereitung der ev. Theologen für das geistliche Amt. S. 13.

техизации дѣтей школьнаго возраста; но онъ почувствуетъ себя совершенно на мели, если на него возложить катехизацию взрослыхъ, готовящихся къ конфирмаціи, если ему поручать преподаваніе наставленія и утѣшенія больнымъ, заключеннымъ и другимъ, нуждающимся въ пастырскомъ попеченіи. Не знаетъ онъ и школьнаго дѣла, а знаніе необходимо, потому что пасторъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и инспекторомъ школь своего прихода. Кромѣ того, онъ не знаетъ и канцелярской стороны многосложныхъ служебныхъ обязанностей пастора,—онъ не умѣетъ вести должностной корреспонденціи, церковныхъ книгъ, метрическихъ записей, не знаетъ, какъ составить рапортъ, какъ сдѣлать выписку изъ книги. Не знаетъ онъ также литургической стороны пастырскаго служенія, не знаетъ дѣйствующаго церковнаго и школьнаго права.

Все это кандидатъ долженъ выучить еще до поступленія на самостоятельное мѣсто,—тамъ его некому будетъ учить, да и учиться уже будетъ поздно. Для того, чтобы предъявляемымъ кандидатамъ требованія церкви не остались пустымъ *rius desiderium*, протестантская церковная практика выработала цѣлую систему мѣръ, имѣющихъ въ виду, съ одной стороны, оказаніе содѣйствія кандидатамъ въ ихъ занятіяхъ, а съ другой—провѣрку достигнутыхъ ими успѣховъ. Изъ нихъ прежде всего слѣдуетъ сказать о 2-хъ экзаменахъ: *pro venia concionandi* и *pro ministerio*, которымъ долженъ подвергнуться каждый кандидатъ для того, чтобы получить право на занятіе должности пастора.

Первый экзамень *pro venia concionandi* кандидатъ долженъ сдать не позже 4 недѣль по выходѣ изъ университета. Производитъ его особая комиссія при консисторіи того округа, въ которомъ кандидатъ намѣренъ опредѣлиться пасторомъ. Испытанія производятся по предметамъ университетскаго курса и распадаются на письменныя и устныя. Послѣ того, какъ кандидатъ подаетъ въ консисторію прошеніе о допуще-

нин его къ экзамену съ приложеніемъ нужныхъ бумагъ ¹⁾, консисторія назначаетъ ему время экзамена и даетъ ему тему для письменной работы вмѣстѣ съ указаніемъ срока подачи. Кромѣ того, во время самаго экзамена кандидатъ долженъ написать на данную ему тему изъ научнаго богословія сочиненіе въ опредѣленный короткій срокъ, не пользуясь при этомъ никакими пособіями. До или послѣ устныхъ испытаній экзаменующійся долженъ произнести передъ комиссіей проповѣдь и сдѣлать пробу катехизаціи. Этотъ экзаменъ имѣетъ цѣлью установить степенъ природной даровитости кандидата, а также и объемъ приобретенныхъ имъ въ университетѣ научныхъ познаній.

Выдержавшій экзаменъ *pro venia concionandi* заносится въ списокъ кандидатовъ и получаетъ право проповѣдывать въ любой церкви, съ согласія, конечно, пастора этой церкви. Раньше онъ могъ проповѣдывать только съ разрѣшенія супер-интендента и по рассмотрѣніи послѣднимъ проповѣди.

Второй экзаменъ, *pro ministerio*, имѣетъ мѣсто не раньше года и не позже 4 послѣ перваго. Производится онъ такъ же, какъ и первый, мѣстной консисторіею. Цѣль его заключается въ томъ, чтобы провѣрить, насколько хорошо кандидатъ воспользовался годами своего кандидатства, насколько онъ подвинулся впередъ въ области чистой науки и насколько освоился съ практическими приѣмами пастырской дѣятельности, при чемъ центръ тяжести экзаменаторскихъ требованій переносится уже именно на эту послѣднюю сторону.

Экзаменаціонная комиссія обращаетъ вниманіе уже не столько на теоретическія свѣдѣнія испытуемаго, сколько на его познанія въ области практическаго богословія (гомиле-

¹⁾ Такими считаются: метрическое свидѣтельство, свидѣтельство объ окончаніи университетскаго курса и достаточныхъ познаній въ еврейскомъ языкѣ и краткій *curriculum vitae*, въ которомъ кандидатъ долженъ изобразить весь ходъ своего умственнаго и нравственнаго развитія и, въ частности, отмѣтить, въ какихъ размѣрахъ пройдена имъ каждая изъ богословскихъ наукъ. Пишется онъ на латинскомъ языкѣ.

тики, катехетики, литургики и въ особенности на умѣніе катехизировать, на составленіе и произнесеніе проповѣдей), церковнаго права (преимущественно дѣйствующаго, мѣстнаго права) и практической педагогики (на знаніе школьнаго и воспитательнаго дѣла, на знакомство съ актуальной постановкой его). Порядокъ производста экзамена тотъ же, что и въ первомъ случаѣ¹⁾; разница лишь въ томъ, что теперь письменныхъ работъ можетъ и не быть. Выдержавшій экзамень pro ministerio получаетъ право на занятіе должности пастора.

А., Кактынь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ религіозной жизни Запада.

(Окончаніе²⁾).

Принятый палатой законопроектъ объ отдѣленіи церкви отъ государства во Франціи является однимъ изъ самыхъ крупныхъ фактовъ въ новѣйшей исторіи христіанства. Всѣ послѣдствія его въ настоящее время трудно и предвидѣть. Прежде всего, конечно, разсматриваемый фактъ не можетъ не отразиться на состояніи самой республики, создавъ для нея цѣлый рядъ затрудненій. Внесеніе закона объ отдѣленіи церкви отъ государства уже вызвало сильную оппозицію и паденіе министерства Комба. Приведеніе закона въ исполненіе можетъ породить еще большія смуты. Дѣло въ томъ, что

¹⁾ Только теперь при прошеніи въ консисторію о допущеніи къ экзамену прилагается, кромѣ прежнихъ, еще слѣдующіе документы: свидѣтельство о полученіи venia concionandi, свидѣтельство о бытіи у причастія, свидѣтельство отъ суперъ-интендента (и другія свидѣтельства, если таковыя имѣются) о поведеніи, свидѣтельство объ отбытіи воинской повинности и, наконецъ, свидѣтельство о посѣщеніи учительской семинаріи, въ которой каждый протестантскій кандидатъ въ силу обстоятельства, указаннаго выше, долженъ пребыть хоть 6 недѣль.

²⁾ См. № 46 за 1905 г.

учрежденіе культовыхъ ассоціацій, ихъ устройство и дѣятельность новымъ закономъ поставляются въ сильную зависимость отъ администраціи. А извѣстно, что во Франціи, несмотря на ея республиканскій строй „усмотрѣніе“ администраціи играетъ не меньшую роль, чѣмъ въ государствахъ съ инымъ режимомъ. Такъ какъ теперешняя французская администрація принадлежитъ къ той передовой республиканской группѣ, которая, главнымъ образомъ, добивалась разрыва съ церковью и которая смотритъ на религію, исключительно, какъ на орудіе клерикализма, — то можно предвидѣть, куда будетъ направляться административное усмотрѣніе. Оно будетъ направляться къ стѣсненію ассоціацій въ ихъ жизни. Въ свою очередь униженный католицизмъ не уступитъ своей позиціи безъ борьбы, и сторонники новаго закона хорошо это знаютъ. „Будьте увѣрены“, говорилъ въ одной изъ своихъ рѣчей Анатоль Франсъ, „будьте увѣрены, церковь не будетъ намъ благодарна за ту свободу, которую мы ей дадимъ въ своемъ государствѣ, послѣ того какъ состоится отдѣленіе. Она приметъ отъ насъ эту свободу, какъ оскорбленіе. Она сдѣлается непримиримымъ врагомъ правительства, которое даетъ ей эту свободу... Когда конкордаты будутъ отклонены, то папа останется единственнымъ главой церкви во Франціи. Когда онъ одинъ только будетъ назначать епископовъ, то мы можемъ быть увѣрены, что онъ будетъ выбирать ихъ изъ монашескихъ орденовъ, іезуитовъ, ассумпціонистовъ и капуциновъ. Управление епархіями перейдетъ постепенно въ руки монаховъ. Церковь будетъ прибѣгать къ насиліямъ. Ей нужны мученики, и всѣ ея надежды возлагаются на религіозную войну“. Въ виду всего сказаннаго справедливо ожидаютъ, что новый законъ будетъ для Франціи источникомъ хроническаго недовольства, внесетъ всюду раздраженіе и обостритъ до крайности борьбу политическихъ партій.

Что касается собственно католической церкви во Франціи и протестантства, то для нихъ, съ изданіемъ новаго закона, наступятъ, по общему мнѣнію, трудныя времена. Это бу-

деть, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока католицизмъ и протестантство не приспособятся къ новымъ условіямъ жизни. Однакоже чего-либо грознаго для христіанства по существу фактъ отдѣленія церкви отъ государства самъ по себѣ не представляетъ. Союзъ съ государствомъ вездѣ способствовалъ омірщенію церкви. Эпохой высшаго расцвѣта церковной жизни были тѣ вѣка, когда государство не только не оказывало церкви своей поддержки, но даже прямо ее преслѣдовало. Возможно, поэтому, ожидать, что тяжести новаго положенія послужатъ для членовъ христіанскихъ общинъ во Франціи горниломъ, въ которомъ очистится ихъ вѣра и обновится ихъ жизнь. Но для насъ въ данномъ случаѣ фактъ отдѣленія церкви отъ государства во Франціи важенъ какъ симптомъ отношеній современнаго человѣчества къ христіанству. И съ этой точки зрѣнія указанный фактъ представляетъ, дѣйствительно, нѣчто печальное и грозное. Гдѣ лежатъ причины этого факта?

Мѣропріятія французскаго правительства противъ римскаго католицизма, окончившіяся разрывомъ съ церковью, оживленно обсуждались въ печати какъ западной, такъ и нашей русской. Большинство авторовъ, касавшихся борьбы французскаго правительства съ церковью, старались оправдать эту борьбу. Съ этой цѣлью обыкновенно высчитываются историческія вины католицизма, за которыя онъ несетъ теперь наказаніе. Главнымъ образомъ, обвиняютъ католическую церковь въ томъ, что она всегда стремилась къ господству, при чемъ осуществляла свои стремленія не по-евангельски, а путемъ внѣшняго, насильственнаго поработенія мірянъ и попранія ихъ свободы. Вмѣшиваясь въ ожесточенную борьбу политическихъ партій, католическая церковь, говорятъ, даже преслѣдовала личные, кастовые интересы. Она не была, какъ подобало ей, поборницей „гонимой правды и безправной, но вопіющей къ небу о защитѣ той или иной тѣсноты“; напротивъ, она чаще держала сторону сильныхъ и властныхъ, являлась сторонницей и пособницей „торже-

ствующаго гнета и насилія“. Поэтому католицизм оттолкнулъ отъ себя прогрессивное общество, приобрѣлъ въ глазахъ народа репутацію врага государства и тормазы для всѣхъ освободительныхъ движеній. Только устраненіемъ историческихъ ошибокъ католическая церковь, говорятъ, можетъ возстановить свой прежній авторитетъ. Лишь тогда она вернетъ къ себѣ всеобщую сыновнюю любовь, когда „признаетъ и освѣтитъ безусловнымъ свѣтомъ общепризнанныя начала добра и справедливости“.

Въ приведенныхъ разсужденіяхъ, конечно, содержится много вѣрнаго. Но, повидимому, несомнѣнно и то, что изложенными соображеніями не исчерпывается всецѣло разсматриваемый нами фактъ, и основная причина его лежитъ гораздо глубже. Если бы мѣропріятія французскаго правительства направлялись только противъ духовенства и имѣли цѣлью бороться съ клерикализмомъ, то они носили бы другой характеръ, и правительству не было бы нужды доходить до тѣхъ крайностей, до которыхъ оно дошло. Теперь же и ходъ борьбы, и прямые заявленія сторонниковъ отмѣченныхъ мѣропріятій не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что борьба ведется не только противъ клерикализма, но и противъ религіи вообще и, въ частности, противъ религіи христіанской. Предъ обсужденіемъ законопроекта объ отдѣленіи церкви отъ государства въ палатѣ депутатъ социаль-демократической партіи Алляръ прямо заявилъ, что онъ и его единомышленники поставили цѣлью де-христіанизацию Франціи, что они враги не католицизма, а всякой церкви, потому что христіанская вѣра есть позоръ для разума. Подобно Алляру и Анатолю Франсу въ упомянутой выше рѣчи самымъ отраднымъ послѣдствіемъ новаго закона считаетъ то, что послѣ разрыва союза съ государствомъ церковь расколется на секты, и единство ея прекратится. „Тогда въ нашей странѣ“, добавляетъ онъ, „исчезнетъ самая страшная сила угнетенія, которая когда-либо давила націю. Тогда прекратитъ свое существованіе старинный врагъ, истребитель мысли и зна-

нія". Если обратить вниманіе на тѣ партіи, которыя направляютъ церковную политику Франціи, то будетъ ясно, что именно борьба съ христіанскою религіею, а не съ клерикализмомъ только, является конечной цѣлью этой политики. Борьбу эту ведутъ, главнымъ образомъ, социаль-демократы, видящіе въ религіи христіанской препятствіе для осуществленія своихъ плановъ. Затѣмъ, главными дѣятелями въ этой борьбѣ выступаютъ министры и депутаты, принадлежащіе къ масонскимъ ломамъ. Масонство же, какъ это теперь хорошо извѣстно, есть самый непримиримый врагъ христіанства. Основная задача повѣйшаго масонства, по открытому заявленію многихъ приверженцевъ его, состоитъ въ томъ, чтобы искоренять всѣ метафизическія идеи и всѣ вѣрованія, не покоящіяся на точныхъ наблюденіяхъ, — въ томъ, чтобы бороться съ догматами, съ божественною моралью и съ религіознымъ чувствомъ вообще. „Долой клерикализмъ и всѣ откровенныя религіи“ — вотъ девизъ масонства, по словамъ одного изъ масоновъ. „Будемъ стараться уничтожить клерикализмъ и постепенно ослаблять религіозный духъ; будемъ твердо помнить, что отдѣленіе церкви отъ государства есть наша завѣтная цѣль“ — такъ заявилъ масонъ Бурсерэ еще въ 1894 г. Съ особенной энергіею при этомъ масонство ведетъ пропаганду своихъ идей во Франціи. Задачи и характеръ масонской дѣятельности здѣсь хорошо опредѣлилъ масонъ Бокэ въ заявленіи, сдѣланномъ имъ на конвентѣ западныхъ ложъ въ 1892 г. „Мы, говорилъ онъ, до тѣхъ поръ не утвердимъ прочно республики, пока въ каждомъ селеніи не будетъ находиться школьный учитель масонъ — свѣтскій кюрэ, священникъ, который можетъ быть противопоставленъ приходскому кюрэ для того, чтобы съ пользою бороться съ его вреднымъ вліяніемъ. Мы дотолѣ не утвердимъ республики, пока каждый ребенокъ, воспитанный подобнымъ наставникомъ, не будетъ имѣть въ рукахъ катехизиса правъ человѣка и гражданина, пока къ престолу не перестанутъ подходить причастники, пока въ церковныя кружки не перестанутъ опускаться приношенія, пока

кюрэ не вынужденъ будетъ для того, чтобы не умереть съ голода, потребить послѣдній запасъ облатокъ, которыя подъ названіемъ остій, приготовляются для причастія“ 1).

Послѣ сказаннаго становится несомнѣннымъ, что происходящая во Франціи борьба противъ католической церкви есть именно проявленіе того антихристіанскаго духа, который съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе проникаетъ всюду, — и въ науку, и искусство, и въ практическую жизнь.

Разорвавъ союзъ съ католической церковью, отказавшись поддерживать всякую религію, французское правительство въ сущности тѣмъ самымъ открыто заявило, что христіанство отжило свой вѣкъ, что для государства оно совершенно не нужно, какъ не нужна и всякая другая религія. Такое заявленіе сдѣлано пока только Франціей. Но, если припомнить, что совершенный Франціей въ 1789 г. переворотъ послужилъ началомъ новой эпохи государственной жизни не только для Франціи, а и для всей Европы, то невольно возникаетъ вопросъ: переворотъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, не знаменуетъ ли собою также начало новаго, — съ христіанской точки зрѣнія печальнаго, — періода въ религіозной жизни всѣхъ европейскихъ народовъ? *Рыб.*

1) См. Церк. Вѣд. 1905, 1378.

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 20-го поября 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 48.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года ноября 27-го дня.

Содержаніе: Въ единеніи сила.—Приготовленіе къ пастырскому служенію въ протестантствѣ (продолженіе).—Современныя событія и школа народная.

Въ единеніи сила.

I.

„Представителямъ Церкви нужно многому учиться у нашей интеллигенціи, въ особенности же во всемъ, что касается освободительной борьбы... Во всемъ, что касается методовъ дѣйствія и тактики интеллигенція имѣетъ огромный и въ высшей степени цѣнный опытъ, столь полезный и поучительный для нашего находящагося въ состояніи еще политическаго младенчества духовенства. Только нужно сдвинуться съ мѣста, нужно проявить скорѣе признаки жизни. Время не ждетъ и время страшное, отвѣтственное. Оно зоветъ къ организаціи“.

Такой, повидимому, искренній и преслѣдующій интересы Церкви совѣтъ даетъ лицамъ, стоящимъ на стражѣ право-

славія, одинъ изъ современныхъ намъ свѣтскихъ писателей. Нѣкоторые органы духовной печати, признавая справедливымъ и цѣннымъ совѣтъ этотъ въ той его части, которая говоритъ о необходимости для нашего пастырства сдвинуться съ мѣста, проявить скорѣе признаки жизни, организовать въ виду наступающаго страшнаго времени, видятъ попытки къ осуществленію его въ рядѣ постановленій, сдѣланныхъ духовенствомъ разныхъ епархій на сѣздахъ текущаго года. Къ какимъ именно постановленіямъ должны быть отнесены всѣ тѣ, которыя трактуютъ о расширеніи правъ духовенства въ смыслѣ привлеченія его къ болѣе активному участію въ жизни епархіи, къ выработкѣ нормъ этой жизни, и параллельно съ этимъ—объ уменьшеніи той тяготы, какая взвалена на его плечи въ силу давно выработавшагося у насъ взгляда на пастыря, какъ на чиновника по преимуществу. Чаше и чаще на страницахъ духовныхъ и нѣкоторыхъ свѣтскихъ органовъ встрѣчаются статьи о томъ, что въ нынѣшнемъ церковномъ строѣ одно должно быть измѣнено кореннымъ образомъ, а иное и совершенно устранено, какъ отжившее свое время и стоящее въ противорѣчій съ духомъ христіанства. Нѣтъ недостатка и въ самобичеваніи: чтобы и самимъ стать лучшими и оздоровить современный церковный строй, нужно, по возможности, отречься отъ вѣками нажитыхъ привычекъ и склонностей, сблизиться съ паствою, выискнуть въ ея нужды, положить въ основу взаимныхъ отношеній иныя начала.

Тому изъ пастырей, кто не находится въ состояніи пріятнаго самообмана, не свель свои жизненные интересы къ личному матеріальному обезпеченію и устройству дѣлъ близкихъ ему по плоти лицъ, подобныя рѣчи служатъ источникомъ чистой духовной радости, побужденій къ усиленному—въ духѣ правды и любви—дѣланію на врученной отъ Господа мѣшѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣрахъ высшаго церковнаго управленія, въ дѣятельности своихъ собратьевъ добрый пастырь готовъ видѣть починъ къ переустройству церковно-приходской жизни на новыхъ началахъ, благодаря которымъ и самъ па-

стырь освободится отъ тѣхъ тяжелыхъ путъ, какими связанъ онъ, какъ руководитель ввѣренной ему малой общины, и члены этой общины настолько возрастуть духовно, что составлять вмѣстѣ съ нимъ „едино стадо“ не съ внѣшней только стороны, но и съ внутренней. Хотѣлось бы и самому пастырю внести свою лепту въ пользу зарождающагося безкорыстнаго по основной своей идеѣ, но сулящаго большую духовную выгоду предпріятія; вѣдь и ему не менѣе, чѣмъ другимъ, вѣдомы нужды тѣхъ, кто явится предметомъ заботъ и попечительности обыкновеннаго церковно-приходскаго института. Но какъ это сдѣлать, съ кого взять примѣръ, къ кому обратиться для передачи пріобрѣтеннаго запаса свѣдѣній изъ области церковно-приходской жизни, онъ не знаетъ и не видитъ. Печальный опытъ тѣхъ переустройствъ церковной жизни, какія предпринимались въ прошломъ, показываетъ ему, что недостаточно одного кабинетнаго, не справляющагося съ запросами жизни обсуждения той или иной ея стороны, чтобы измѣнить ее къ лучшему, исправить; годами часто тянется это обсужденіе, и результатъ его получается въ ту пору, когда онъ никого не можетъ удовлетворить и ничего улучшить. И вотъ въ минуты такого повышеннаго душевнаго настроенія, когда жизнь требуетъ отвѣта на вопросъ, что болѣе соответствуетъ интересамъ Церкви: пребывать въ молчаніи и пассивности, или открыто поднять свой голосъ, пастырь слышитъ совѣтъ: „берите примѣръ съ насъ, участниковъ освободительной борьбы; наша тактика, наши методы разъяснятъ вамъ многое; въ нихъ вы найдете не мало полезнаго и поучительнаго“.

Называя современное русское духовенство „младенчествовающимъ“ въ политическомъ отношеніи, нашъ „совѣтникъ“ забылъ, однако, что духовенство это имѣетъ въ своемъ распоряженіи богатое историческое прошлое, съ уроками котораго оно привыкло справляться въ критическіе моменты жизни своей родины. Не разъ въ прошломъ наблюдало оно напряженную внутреннюю борьбу, охватывавшую входящія въ составъ рус-

скаго царства народности; борьба эта, казалось, грозила полнымъ разгромомъ отечеству; но прежде, чѣмъ стать въ такое или иное отношеніе къ борющимся сторонамъ, духовенство считало своимъ священнымъ долгомъ выяснить себѣ цѣль этой борьбы, тѣ перспективы будущаго, какія предносятся ей вдохновителямъ. Такъ и въ настоящее время, только зная истинныя цѣли „освободительной борьбы, объявленной русской интеллигенціей, пастыри Православной Церкви могутъ воспользоваться или не воспользоваться тѣми методами и средствами, какіе имъ рекомендуютъ, какъ полезныя въ предпринятомъ обновленіи церковно-приходскаго строя, руководители этой борьбы.

По словамъ наиболѣе энергичныхъ и убѣжденных борцовъ-интеллигентовъ, они поставили цѣлью освободительной борьбы осуществленіе двухъ идеаловъ—экономическаго и социальнаго. Теоретически эти идеалы различаются, въ дѣйствительности же между ними не можетъ быть раздѣленія: освобожденіе социальное силою вещей связывается съ освобожденіемъ экономическимъ; свобода отъ гнета социальнаго есть вмѣстѣ съ тѣмъ и свобода отъ нищеты. Поднятіе личности, ея правъ, потребностей и имущественнаго благосостоянія—такова цѣль тѣхъ, кто сторонникъ проведенія этихъ идеаловъ въ жизнь русскаго общества. Утвержденное на этихъ двухъ основаніяхъ—идеаль социальномъ и экономическомъ—зданіе обновленнаго русскаго государства на фронтонѣ своемъ будетъ имѣть начертаннымъ одно слово, исчерпывающее собою все содержаніе заветныхъ думъ нашихъ борцовъ, и это слово—*свобода*. Въ двери этого государства, взаимоотношенія гражданъ котораго будутъ нормироваться обще-человѣческими правами, и ведутъ тѣ методы дѣйствія и тактики, которыми предлагаютъ воспользоваться духовенству.

Какъ видитъ читатель-пастырь, у современныхъ радѣтелей о благѣ русскаго народа пѣть и рѣчи о томъ идеаль, которому онъ призванъ служить и который, по смыслу христіанскаго ученія, долженъ одухотворять всякій государствен-

ный организм, — объ идеалъ религіозномъ. Не отрицая того, что политическіе идеалы, воодушевляющіе нынѣшнее человѣчество въ лицѣ его лучшихъ представителей, не чужды христіанству, поскольку они представляютъ собою развитіе принесеннаго въ міръ его Основателемъ ученія о равенствѣ людей и абсолютной цѣнности человѣческой жизни, они не видятъ необходимости настаивать на преимуществѣ идеала религіознаго. И это нужно сказать о лучшихъ, идейныхъ борцахъ. Громадное же большинство ихъ учениковъ и приверженцевъ считаетъ для себя чѣмъ-то постыднымъ упоминать о христіанской религіи и ея требованіяхъ, какъ главныхъ стимулахъ общественной дѣятельности; все, что отчасти напоминаетъ имъ о ней, считается отжившимъ, несовершеннымъ. Пропандировать религіозно-этическія начала среди послѣдняго рода дѣятелей — напрасный трудъ; враждебнымъ недоуміемъ всрѣчаютъ они лицъ, берущихъ на себя эту миссію, какъ бы ни былъ высокъ ихъ научно-общественный авторитетъ, напр. В. С. Соловьева. Послѣдній ясно училъ, что основаніемъ идеальнаго общественнаго строя не могутъ быть ни экономическія отношенія, какъ нравственно-безразличныя, ни кажущееся столь многимъ панацеей правовое государство, такъ какъ право озабочено лишь предѣлами, а не цѣлью, не содержаніемъ человѣческой дѣятельности; крѣпкой основы человѣческаго общества можно искать лишь въ мистическомъ, т. е. религіозномъ началѣ, дѣлающемъ человѣка достойнымъ этого имени. Горячіе комментаторы философскаго ученія Соловьева, призывавшіе нѣкогда въ разныхъ градахъ и весяхъ слушателей къ слѣдованію за нимъ, къ проведенію въ жизнь намѣченнаго имъ идеала, въ настоящіе дни, когда этотъ именно идеалъ нужно было указать находящемуся въ полномъ разбродѣ русскому обществу, умолкли; предпочли плыть по теченію: это, вѣдь безопаснѣе, не грозитъ бойкотомъ.

Устранивъ религіозное начало изъ числа нормъ, опредѣляющихъ жизнь членовъ правового государства, провозвѣстники новаго государственнаго строя сами не стѣсняются и

другихъ не стѣсняють въ средствахъ для достиженія намѣченныхъ социальныхъ и экономическихъ цѣлей. Яркая картина ихъ дѣятельности въ настоящее время, разнообразіе приѣмовъ, примѣненныхъ къ дѣлу пропаганды излюбленныхъ идей въ окружающей средѣ, дѣйствительно говорятъ за то, что на фронтѣ быстро-воздвигаемаго зданія будетъ помѣщено „свобода“, но понятое въ самомъ худшемъ смыслѣ—свобода отъ всякихъ нравственныхъ законовъ и ограниченій. По отношенію къ лицу, не слѣдующему въ своей жизнедѣятельности нашимъ указаніямъ и взглядамъ, все возможно и доступно—вотъ первый членъ политическаго символа нашихъ борцовъ.

Дѣйствительно страшное и отвѣтственное время переживаютъ пастыри Русской Церкви: страшное—по той глубинѣ упадка религіозно-нравственныхъ началъ, какой они наблюдаютъ среди своихъ пасомыхъ; отвѣтственное—предъ Богомъ и Его закономъ—въ виду гибели множества врученныхъ ихъ руководству христіанскихъ душъ. Но было бы ошибкою и непростительнымъ предъ родиною грѣхомъ, увлекшись ви́шнимъ успѣхомъ тактики, проявленной нашей интеллигенціей, примѣнить эту тактику и ея методы къ дѣлу обновленія церковно-приходскаго строя нашей Церкви. Главарямъ освободительной борьбы необходимо внести рознь въ среду русскихъ пастырей, ослабить ихъ вліяніе на народъ, вотъ почему присутствіе въ ихъ рядахъ хотя немногихъ изъ этихъ пастырей крайне желательно; такихъ привѣтствуютъ, какъ передовыхъ, прогрессивныхъ, приравниваютъ къ мученикамъ и гонимымъ. Пройдетъ, однако, немного времени, цѣли борьбы будутъ достигнуты, и прежнес. преклоненіе скоро смѣнится индифферентизмомъ, а затѣмъ полнымъ забвеніемъ. Взаимное же предвѣріе, расколъ въ средѣ пастырей останутся надолго памятниками того, что пастырство не сумѣло правильно оцѣнить пережитаго въ началѣ XX в. Русскою Церковію кризиса.

II.

При дарованной Россіи представительной формѣ правленія больше, чѣмъ когда-либо, необходимы пастырямъ Церкви

сплоченность, единодушіе, если они хотятъ быть вѣрными стражами православной религіи. Временныя блага, почетъ, довольство, разъ они получаютъ цѣной умаленія Церкви, будутъ пазваны іудинными сребренниками, которыми соблазнилось русское духовенство. Борьба порознь, въ одиночку съ надвигающеюся, опасною безцѣльна; необходимо группироваться вокругъ Того, Кто обѣтовалъ Свою помощь борцамъ за Его дѣло, за Его имя, — необходимо организовать. Православный христіанинъ, какъ и всякій другой гражданинъ на Руси, долженъ жить тоже свободно, но въ полномъ соотвѣтствіи съ требованіями своего высокаго званія; беззаконіе, вѣзаконность, всякаго рода порабощенность исключаются христіанскою свободою. Достигнуть того, чтобы такое единственно-правильное пониманіе слова „свобода“ стало общимъ на Руси, вошло въ плоть и кровь ея граждавъ — такова цѣль борьбы; остальное — идеалы соціальныя, экономическія — само собою тогда приложится. Всякій вѣками сложившійся историческій институтъ обладаетъ запасомъ средствъ для возможной борьбы съ вѣшними и внутренними опасностями. Даны и Церкви подобныя средства, употребленіе которыхъ освящено примѣромъ ея великихъ дѣятелей, дѣлавшихъ всегда выборъ среди нихъ сообразно съ тѣмъ, насколько велика была грозившая правильному ходу церковной жизни опасность. Къ сожалѣнію, съ теченіемъ времени подобный выборъ сталъ практиковаться все рѣже и рѣже, одни средства стали излюбленными, а о другихъ забыли. Къ первымъ должны быть отнесены краткія посланія, или воззванія къ паствамъ въ пору особаго развитія среди нихъ нарушенія вѣроучительныхъ и правоучительныхъ нормъ. Не входя въ обсужденіе того, почему именно это средство для борьбы стало чаще примѣняться, чѣмъ другія, замѣтимъ, что оно должно быть отнесено скорѣе къ мѣрамъ т. н. профилактическимъ, къ которымъ прибѣгать въ самый разгаръ борьбы поздно; потому-то даже искренно религіозные и расположенные къ Церкви люди, относясь съ полнымъ уваженіемъ къ этимъ воззваніямъ, признавая за ними высо-

кое руководящее значеніе, желали бы болѣе дѣйствительныхъ мѣръ къ устраненію поводовъ къ борбѣ. Такъ, въ статьѣ: „О духовной власти въ Россіи“ (1881), по поводу пастырскаго посланія Св. Синода, В. С. Соловьевъ пишетъ, что корень зла собственно, не въ тѣхъ порокахъ, какіе подробно перечисляются въ посланіи, а въ томъ, что русскій народъ въ своей совокупности духовно-парализованъ, нравственное начало его нарушено, не видно въ немъ дѣйствій единаго духовнаго начала, которое бы, какъ душа въ тѣлѣ, внутренно управляло всею жизнью. Религіозное невѣжество и безпомощность православнаго народа, дающая просторъ безчисленнымъ сектантамъ, равнодушіе или же вражда къ христіанству въ образованномъ обществѣ и, наряду съ этимъ, явное безсиліе клира, раздвоеніе въ немъ замѣчаемое—такова картина положенія Русской Церкви четверть вѣка тому назадъ. Много приложено усилій со стороны представителей Церкви и ея вѣрныхъ сыновъ за послѣднее время къ обновленію ея внѣшняго и внутренняго строя, но дѣло отъ этого нисколько не улучшилось. Можно даже сказать, что картина, начертанная въ ту пору, стала ярче, краски ея стусились, а изъяны нашего церковнаго строя стали замѣтнѣе для внимательнаго глаза. Чрезвычайная внѣшняя мѣра, выработанная въ текущемъ году, какъ средство къ обновленію церковнаго строя, отклонена на время, а между тѣмъ на помѣстный соборъ Русской Церкви, ею проектировавшійся, возлагалось столько надеждъ... Всѣми сознается необходимость организовать, объединить тѣло Церкви, такъ какъ при этомъ только условіи можетъ быть воскрешена прежняя нравственная мощь пастырскаго института. Предложите въ настоящую пору не только отдѣльнымъ группамъ нашего духовенства, но даже членамъ одной и той же группы высказаться по извѣстному церковно-общественному вопросу, охарактеризовать взгляды на Церковь виднаго современнаго дѣятеля, и вы получите самые противорѣчивые отвѣты. Объясняютъ и извиняютъ этотъ печальный и рѣзко-бросающійся въ глаза фактъ различіемъ убѣжденій, противорѣчіемъ ин-

тересовъ, самостоятельностью взглядовъ отдѣльныхъ лицъ изъ нашего духовенства; въ дѣйствительности же онъ говоритъ о томъ, что нашъ пастырскій институтъ не имѣетъ правильной организаци, что его пастырскою совѣстію не руководитъ строго-выработанное духовное начало. Тверда и долговѣчна, по апостолу, та церковная община, на основаніи которой ярко выдѣляется печать: „позналъ Господь Своихъ; и: да отступитъ отъ неправды всякій, исповѣдующій имя Господа“ (2 Тим. 2, 19). Основаніе христіанской общины—пастырство; его членовъ, какъ *сущихъ Своихъ, позналъ* и приблизилъ къ Себѣ Богъ (Числ. 16, 5); слѣдовательно на ихъ обязанности лежитъ забота о томъ, чтобы не лишать себя этой царской печати и знака, не остаться непрочными, но стать твердо и не увлекаться. Пастыри Русской Церкви въ тяжелые для нея дни различали своихъ чадъ среди тѣхъ лицъ, которыя руководили общественнымъ мнѣніемъ страны и вырабатывали планъ ея переустройства, часто и сами бывали такими лицами. Тѣмъ изъ общественныхъ дѣятелей, которые нарушали правду Божию въ угоду міру, они говорили прямо и открыто: „отступите отъ неправды, разъ вы исповѣдуете имя Господне“. Такъ ли и въ наше время? Могутъ ли преданные Церкви Русскіе люди, на основаніи дѣйствій своихъ пастырей, рѣшить, за кѣмъ имъ идти, кому вѣрить? За примѣрами ходить недалеко. Недавно Россія лишилась выдающагося и безкорыстнаго дѣятеля въ лицѣ кн. С. Н. Трубецкаго. Отдавая послѣднюю дань почившему, нѣкоторые пастыри въ своихъ рѣчахъ охарактеризовали его, какъ христіаннѣйшаго чело-вѣка-философа, вѣрнаго сына Церкви. Читателямъ этихъ рѣчей оставалось благодарить Господа за то, что и въ наше время есть ученія и вмѣстѣ глубоко-вѣрующія личности, и поучаться ихъ научными трудами, гдѣ данныя вѣры и науки нашли примиреніе. Велико, однако, было разочарованіе того изъ нихъ, кто ознакомился съ содержаніемъ докторской диссертаци кн. С. Н. Трубецкаго: „Ученіе о Логосѣ въ его исторіи“ (1900 г.), гдѣ христіанство представляется не бо-

лѣе, какъ человѣческимъ вымысломъ... Чѣмъ объяснить панегиризмъ Т—му не какъ дѣятелю только общественному, но и какъ вѣрному сыну Православной Церкви со стороны пастырей этой Церкви? Могутъ указать на незнакомство послѣднихъ съ учеными трудами почившаго, на желаніе приобрести популярность въ извѣстныхъ кругахъ и т. п. Вѣрнѣе же всего вину подобныхъ печальныхъ недоразумѣній искать въ тѣхъ недостаткахъ общей организаціи нашего пастырскаго института, какіе указаны нами выше. Рознь, недостатокъ увѣренности въ своихъ силахъ, упадокъ духа въ трудныя жизненныя минуты—все это, конечно, можетъ найти объясненіе въ тѣхъ невозможныхъ жизненныхъ условіяхъ, какія выпали на долю нашего духовенства; но это не принимается во вниманіе свѣтскою печатью, въ особенности мало-христіанскими ея органами. Послѣдніе, отмѣчая съ особой тщательностью разницу въ поступкахъ и взглядахъ представителей Церкви, тѣмъ самымъ какъ бы говорятъ, что если нѣтъ согласія и единства въ пастыряхъ, то какъ они могутъ претендовать на устроеніе правильныхъ общественныхъ отношеній въ духѣ вѣры Христовой.

Положить предѣлъ все болѣе и болѣе увеличивающейся розни во взглядахъ и дѣйствіяхъ лицъ, принадлежащихъ къ клиру одной и той же Церкви, предупредить опасныя послѣдствія этой розни можетъ лишь правильная, основанная на словѣ Того, вѣрными служителями Котораго хотятъ быть члены этого клира, и на канонахъ соборовъ, организація. Организующія начала, пройдя „до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ“ членовъ Православной Русской Церкви, объединять въ одно ихъ мысль и волю въ вопросахъ вѣры и нравственности, не подавляя, конечно, при этомъ стремленій частныхъ лицъ и группъ къ улучшенію разныхъ сторонъ христіанской жизни, сообразно съ запросами времени, и не заглушая прямыхъ, честныхъ и открытыхъ голосовъ всѣхъ тѣхъ, кто преслѣдуетъ не эгоистическія и своекорыстныя цѣли, а благо ближняго. Вести церковную

жизнь въ это русло, сообщить ей ровное и спокойное теченіе однѣми человѣческими силами, безъ Божіей помощи, невозможно; при чрезвычайномъ развитіи самолюбія и гордости въ настоящее время трудно достигнуть единства и въ малыхъ дѣлахъ. „Организація“ будетъ встрѣчать препятствія и затрудненія тамъ, гдѣ ихъ всего меньше можно было бы ожидать, такъ какъ послѣ двухвѣковаго сравнительно-спокойнаго существованія Церкви среди ея представителей утвердилась привычка ожидать помощи отъ нѣ. Хотя плоды этой привычки на-лицо теперь у всѣхъ, но свившія въ средѣ пастырства прочное гнѣздо косность, инертность, теорія приснособленія къ сильнымъ міра сего долго будутъ тормозить дѣло объединенія пастырей.

Въ Церкви, послушной завѣтамъ Христа Спасителя, взаимныя отношенія членовъ должны складываться такъ, чтобы всѣ составляли цѣль дѣятельности для каждаго и каждый для всѣхъ. Только такая организація церковной жизни можетъ быть названа нормальной, отвѣчающей истиннымъ потребностямъ тѣхъ христіанъ, которые желали бы жить съ Богомъ и въ Богѣ. Духовное руководство со стороны болѣе совершенныхъ, матеріальная помощь со стороны болѣе обезпеченныхъ, а главное—празнаіе каждымъ пастыремъ Церкви, какое бы положеніе въ ней онъ ни занималъ, за собою служебнаго, а не господственнаго значенія—таковы начала, устраняющія разладъ въ пастырской средѣ, объединяющія ее, воздвигающія на недосыгаемую высоту. „Пря“ о томъ, кто больше, и кто меньше, всегда происходила между пастырями, но, къ прискорбію, не всегда она разрѣшалась такъ, какъ разрѣшена Самимъ Господомъ. Когда между Его учениками шелъ споръ, кто изъ нихъ долженъ почитаться большимъ, Господь раскрылъ ту отличительную черту служенія апостольскаго,—а слѣдовательно и пастырскаго,—которая должна состоять въ самоумаленіи, въ уступчивости... „Цари господствуютъ надъ народами, и владѣющіе ими благодѣтелями называются; а вы не такъ: но кто изъ васъ больше, будь какъ

меньший, и начальствующий, какъ служащій“ (Луки 22, 24—26). Менѣ всего можно гордиться и превозноситься пастырю, когда Самъ Пастыреначальникъ ставилъ Себя въ разрядъ служащихъ, поучая Своимъ примѣромъ, что служить другимъ—это одно изъ главныхъ средствъ стать для нихъ духовно-объединяющимъ началомъ. Властолюбіе, господство, какъ элементы чуждые пастырскому институту истинной Христовой Церкви, осуждаются и св. апостолами; эти черты характеризуютъ лицъ мало усердныхъ къ дѣлу, своекорыстныхъ, которымъ не можетъ быть части въ имѣющей современемъ открыться славѣ (1 Петр. 5. 1—4). Дальнѣйшая исторія Церкви говоритъ намъ, что авторитетъ ея представителей возвышался, или падалъ всегда въ зависимости отъ того, насколько они осуществляли въ своей дѣятельности образъ пастыря-слуги. Постепенное омѣрненіе пастырскаго идеала, стремленіе поставить его посетителей въ ряду „господствующихъ, владѣющихъ“, повело къ тому, что интересы служебные возобладали надъ пастырскими, отцы стали чиновниками, требователями, болѣе заботящимися о внѣшнихъ преимуществахъ, чѣмъ о духовномъ ростѣ своихъ пасомыхъ. Господство клира надъ мірянами на Западѣ, въ римско-католической Церкви, стало своего рода догматомъ, проникающимъ всю римско-католическую церковную организацію, не смотря на то, что титулъ папы *servus servorum Dei* изобличаетъ подобное нарушеніе истинныхъ традицій Церкви. Подражая Западу, и Востокъ сталъ усваивать себѣ неправильную точку зрѣнія на значеніе пастырства; споры о титулахъ, привилегіяхъ разныхъ кафедръ сопровождались большею страстностью, внесли больше розни во взаимныя отношенія представителей Церкви, чѣмъ догматическія распри. На Русѣ, благодареніе Господу, всегда были и есть пастыри, всецѣло отдавшіе себя не служенію духовнымъ интересамъ своей паствы; далеки они отъ того, чтобы приравнивать себя къ чинамъ свѣтской администраціи, подражать ей въ пріемахъ, выдвигать свое „я“ вездѣ и всюду. Желательно, однако, чтобы идея служенія,

а не господства стала преобладающею въ сознаниі русскаго духовенства; какъ начало организующее, идея эта не только уничтожила бы рознь, шатаніе въ нашихъ пастыряхъ, но и сдѣлала бы ихъ мощными поборниками правды Христовой.

Епископъ Θεодосій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Приготовленіе къ пастырскому служенію въ протестантствѣ.

(Продолженіе ¹⁾).

Особымъ экзаменамъ при консисторіяхъ, по окончаніи университетскаго курса, подвергаются кандидаты на должность пастора одинаково во всѣхъ частныхъ протестантскихъ церквахъ. Что же касается другихъ мѣръ, въ собственномъ смыслѣ приготовительныхъ, то онѣ при томъ разнообразіи условій общественной жизни, какія существуютъ въ различныхъ протестантскихъ странахъ, и при различіи въ положеніи кандидатовъ въ частныхъ протестантскихъ церквахъ,—не одинаковы. Но всѣ ихъ можно въ сущности свести къ слѣдующимъ пяти видамъ: 1) къ простому суперъинтендантскому надзору, 2) „союзамъ кандидатовъ“, 3) къ участію во внутренней или внѣшней миссін, 4) къ проповѣдническимъ семинаріямъ и 5) викаріатству.

1) Большинство кандидатовъ проводятъ свои кандидатскіе годы въ скромной должности домашняго или школьнаго учителя. На занятіе другой должности, лучше оплачиваемой, но требующей болѣе спеціальной подготовки, у нихъ не хватаетъ знаній, жить же безъ опредѣленныхъ занятій почти никому изъ нихъ не позволяютъ средства,—единственнымъ исходомъ является учительство. Согласіе на него Церкви дается тѣмъ охотнѣе, что путь этотъ въ протестантствѣ освященъ

¹⁾ См. № 47-й за 1905 г.

вѣковой практикой, и еще потому, что педагогическая дѣятельность ближе всего подходит къ дѣятельности пастыря Церкви и служить даже нѣкоторой подготовкой къ послѣдней. Если кандидат рѣшилъ посвятить себя дѣятельности домашняго учителя, то онъ старается понасть по возможности въ аристократическій домъ; это для того, чтобы познакомиться съ большимъ свѣтомъ, который онъ едва ли будетъ имѣть возможность узнать потомъ, чтобы докончить свое общественное воспитаніе и чтобы попутешествовать, если это возможно, на чужой счетъ, и такимъ образомъ приобрести знаніе свѣта и людей ¹⁾. Хотя въ настоящее время, какъ говорить Klaus Harms ²⁾, спросъ на домашнихъ учителей значительно понизился, хотя теперь каждый состоятельный человѣкъ—помѣщики, богатые арендаторы и даже зажиточные крестьяне,—не считаетъ себя обязаннымъ имѣть при дѣтяхъ учителя; какъ это было раньше, а просто отдаетъ ихъ въ пансіонъ,—все-таки и нынѣ эта скромная должность даетъ пропитаніе многимъ кандидатамъ ³⁾.

Значительная часть кандидатовъ состоитъ также учителями и регентами въ городскихъ и сельскихъ школахъ, а иногда и сами открываютъ школу на время своего кандидатства ⁴⁾.

¹⁾ Koch. 14.

²⁾ Past-Theol. in Reden an Theologie Studierende. S. 305.

³⁾ Allgem. luther. ev. Kirchenzeitung 1901 г. стр. 188 говоритъ, что въ Пруссіи въ послѣднее время домашніе учителя опять вошли въ моду, и имъ увеличили содержаніе.

⁴⁾ Но и учительское мѣсто въ школѣ достается кандидату не легко. Учительскія семинаріи, имѣющія цѣлью подготовку учителей для народныхъ школъ, поставлены въ Германіи настолько хорошо, что учителя-теологи всегда невыгодно отличаются передъ своими коллегами изъ семинаристовъ; поэтому при приемѣ на службу предпочтеніе всегда оказываютъ семинаристу; если же теолога и примутъ, то ему нисколько не постѣняются отказать, какъ только въ немъ минетъ надобность. Въ Пруссіи Министерство Народнаго Просвѣщенія недавно распорядилось, чтобы теологи, какъ ungeprüfte Lehrkräfte, совершенно не были принимаемы въ

Кандидату совѣтуется, если только ему представится возможность, побывать сначала домашнимъ учителемъ, а потомъ школьнымъ ¹⁾).

Все кандидаты, исправляющіе должность учителя какъ школьнаго, такъ равно и домашняго, находятся подъ непосредственнымъ надзоромъ суперъ-интендента округа, къ которому принадлежитъ мѣсто ихъ жительства. Къ нему долженъ явиться каждый кандидатъ непосредственно послѣ экзамена *pro venia concionandi* и предъявить ему свидѣтельство отъ консисторіи относительно исхода экзамена. Кандидатъ долженъ указать суперъ-интенденту мѣсто своего жительства и при всякой переѣздѣ его извѣщать. Надзоръ и руководство суперъ-интендента выражается въ томъ, что онъ даетъ кандидату совѣты и указанія относительно занятій, получаетъ отъ него предписанное закономъ количество письменныхъ работъ, заставляя его по крайней мѣрѣ разъ въ годъ проповѣдывать и катехизировать въ своемъ присутствіи и ежегодно писать о немъ рапортъ въ консисторію, при чемъ аттестуетъ его и съ нравственной стороны. Кандидатъ долженъ, съ своей стороны, стараться поддерживать добрыя отношенія съ суперъ-интендентомъ и слѣдовать его указаніямъ. Если онъ этого не дѣлаетъ, или дѣлаетъ плохо, то можетъ быть вычеркнутъ изъ списка кандидатовъ или, по крайней мѣрѣ, можетъ быть подвергнутъ дополнительному испытанію посредствомъ устной бесѣды, или, если онъ еще не сдавалъ экзамена *pro ministerio*, можетъ быть на болѣе продолжительное время не допущенъ къ нему ²⁾).

училищную службу (Allgem. R-ztung 1901 г. S. 188.). Въ одной только Саксоніи, гдѣ ощущается недостатокъ въ учительской семинаріи, теологи принимаются училищнымъ вѣдомствомъ съ распростертыми объятіями (Ibid. S. 214.).

¹⁾ Koch. 15.

²⁾ Kayser. Ordnung der theolog. Prüfungen. S. 33. Суперъ-интендентскому надзору подлежатъ собственно все кандидаты, кромѣ тѣхъ, которые поступаютъ въ проповѣдническія семинаріи; но мы выдѣляемъ его въ особую рубрику потому, что для кандидатовъ учительствующихъ онъ

2) Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находится много учительствующихъ кандидатовъ, они составляютъ „союзы кандидатовъ“ (Kandidatenvereine), председателемъ которыхъ избирается эфоръ или другой какой представитель церковной власти. Члены этихъ союзовъ занимаются специально практической подготовкой къ пастырству: проповѣдничествомъ, катехизаціей, изучаютъ богослуженіе, брачное право, веденіе церковной отчетности, школьное дѣло. Допускаются также экзегетическія работы, но дисциплины въ собственномъ смыслѣ научныя, какъ: догматика, церковная исторія и пр. отодвигаются на задній планъ. Отчеты о результатахъ годовой работы союза представляются въ подлежащую инстанцію.

Такіе союзы кандидатовъ существуютъ во многихъ мѣстахъ, но особенно ихъ много въ Саксоніи, гдѣ они признаны официально. Тамъ участіе въ какомъ-нибудь изъ нихъ вмѣняется въ обязанность каждому кандидату ¹⁾.

3) Участіе въ миссіи—внѣшней и особенно внутренней—въ качествѣ подготовительной къ дѣятельности пастыря мѣры рекомендовано сравнительно недавно (въ 1886 г. на конференціи духовенства въ Эйзенахѣ) и еще мало употребительно ²⁾.

Но не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ три указанныя мѣры должно разсматривать въ лучшемъ случаѣ, какъ мѣры паліативныя. Если цѣлью этого приготовленія должно быть постепенное введеніе кандидата въ кругъ пастырскихъ обязанностей, то ни миссія, ни союзы кандидатовъ, ни, тѣмъ болѣе, учительство, хотя и подъ руководствомъ суперъ-интендента, не могутъ быть признаны достаточными; онѣ, какъ говоритъ dr. Schmidt ³⁾, настолько же въ состояніи замѣнить

составлять единственную форму церковнаго контроля. Въ тѣхъ округахъ, гдѣ нѣтъ суперъ-интендентовъ, кандидаты подлежатъ надзору эфора или пробста, вообще лица, исполняющаго функціи суперъ-интендента.

¹⁾ Leberl. S. 147.

²⁾ Kayser. S. 38.

³⁾ „Halte was du hast“ Hft. II. S. 558.

настоящее приготовленіе, насколько и университетское образованіе, потому что каждая изъ нихъ касается одной лишь какой-нибудь отрасли пастырства, но не обнимаетъ его въ его совокупности. Кромѣ того учительскія мѣста все болѣе и болѣе уходятъ изъ рукъ теологовъ не-специалистовъ. Остаются, слѣдовательно, два послѣднихъ пути—проповѣдническія семинаріи и викариатство, которыя носятъ и болѣе церковный и болѣе всесторонній, всеобъемлющій характеръ.

А. Кактынь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Современныя событія и школа народная.

Печальныя, возмущающія душу событія, разыгравшіяся почти повсемѣстно по необъятному лицу святой земли Русской, должны навести всякаго истинно-рускаго человѣка на глубокіе думы, должны побудить къ тому, чтобы дать себѣ болѣе или менѣе ясный отчетъ въ томъ, что же это произошло и происходитъ, куда намъ идти, что дѣлать народу, живущему въ подавляющемъ большинствѣ вѣрою своихъ предковъ, любовью къ своему Царю-Помазаннику Божію, чего ожидать отъ школы народной, какихъ реформъ въ области просвѣщенія народнаго? Революціонная гидра, такъ высоко поднявшая свою голову, находившая себѣ адептовъ въ еврейской молодежи и въ руководящемъ ими „Бундѣ“ вообразила, что она представляетъ собою всю Россію, что ея дерзкій призывъ—ея голосъ, что ея анархическія вожделѣнія совпадаютъ съ ясно выраженнымъ желаніемъ народа грудью стать за „Самодержавіе“ Русскаго Царя;—эта ничтожная кучка безумцевъ, опылявшая отъ всякихъ „свободъ“, вообразила, что русскій народъ позволить безъ борьбы на жизнь и смерть вырвать изъ своей груди святыя чувства, съ которыми вѣковѣчно связана исторія Россіи; да не будетъ! Слишкомъ тѣсно сплотилось въ душѣ народнои патриотическое съ религіознымъ; благо одно есть вмѣстѣ и благо дру-

гое, органически сплоченное; отнять это у народа можно только въ высшей степени тяжкою (чтобъ не сказать невозможною) цѣною уничтоженія его національной, политической и нравственной физиономіи. Правда, всё на нашихъ глазахъ происходившія всякія сборища, митинги, гдѣ всё разбилось на партіи, расплозились, какъ „слѣпыя котята“ по мѣстному слову нашего художника, всё они мечтали представить собою „соль“ Россіи; они были увѣрены, что „рабская“ деревня спитъ, что ею можно будетъ воспользоваться безнаказанно, какъ безформеннымъ матеріаломъ, для какихъ угодно цѣлей. Деревня, думалось имъ, не пойметъ этого, не доросла! И чего только не дѣлала эта „клика“, въ какую только игру не играла, чтобы привлечь къ себѣ симпатіи народа, втянуть его въ свои кадры, образовать изъ него сильную дружину краснофлажниковъ, когда это понадобится по обстоятельствамъ времени и измѣнившимся условіямъ обще-государственной жизни? И стояли за безработный пролетаріатъ, и устраивали экономическія забастовки, и вели народъ открыто на разграбленіе помѣщичьихъ имѣній¹⁾, сузя ему и землю, и золотыя горы, и проч. и проч. Оказалось, что все это были подлыя, рассчитанныя на невѣдѣніе несчастнаго, многострадальнаго простаго народа, средства для того, чтобы сманить его, притянуть его къ участию въ устройствѣ анархіи, революціи. И народъ шелъ, пока ему не показали открыто того знамени, на которомъ было написано совсѣмъ не то, что было обѣщано; удивляться нужно, что шли люди, политическая зрѣлость которыхъ весьма сомнительна. Что такое всё эти служащіе на желѣзныхъ дорогахъ забастовщики, что такое эти служащіе въ всевозможныхъ конторахъ, недоросли изъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заве-

¹⁾ Изъ судебного отчета по дѣлу о разграбленіи крестьянами хутора Михайловскаго извѣстно, что смутьяны одурачивали народъ подложными манифестами Царскими, призывавшими якобы грабить и жечь помѣщиковъ. Знали, на чемъ играть, и однакоже въ принадлежнѣ исхода ослѣпли!

деній, мнящіе быть принадлежащими къ извѣстнымъ политическимъ партіямъ, на самомъ же дѣлѣ представляющіе собою стадо, руководимое горячими и фанатическими ораторами большею частью изъ инородцевъ? Народъ, какъ одинъ человѣкъ, съ яростью бросившійся на евреевъ и другихъ революціонеровъ, когда увидѣлъ поруганіе своей святыни—портретовъ своего Царя и національнаго флага, показалъ, что его одушевляетъ, какія чувства онъ хранитъ крѣпко въ своей груди и на которыя не позволитъ посягнуть разнымъ непризваннымъ вожакамъ, предводителямъ партій, мечтающимъ о созывѣ какого-то учредительнаго собранія, въ которомъ народъ не видитъ никакой нужды при существованіи Самодержавной Власти; и никто не спросилъ этого народа, никто не подумалъ считаться съ тѣмъ, что скажетъ этотъ народъ ¹⁾, думали, что народъ встанетъ подъ ихъ знамя и пойдетъ—куда? Но народъ не пошелъ. Москва, Кіевъ, Донъ, Волга сказали свое слово патріотическое, къ сожалѣнію, перешедшее въ весьма жестокое „дѣло“; но народъ держать рѣчей не умѣетъ; если онъ, быть можетъ, изъ любопытства бывалъ на митингахъ и всякихъ сборищахъ, то, конечно, ничего тамъ не понималъ, какъ не понимали и тѣ, кто неистовствовали и рукоплескали ораторамъ. Проснулся онъ, созналъ, что вокругъ дѣлается, переполнилась чаша его долготерпѣнія только тогда, когда уже онъ не могъ слышать въ порывѣ яростнаго аффекта, охватившаго его, ни рѣчей, ни увѣщаній, ни призывовъ.

Откуда же взялась эта мощь народнаго духа, не побоявшаяся революціонныхъ выстрѣловъ, направленныхъ на беззащитныхъ и безоружныхъ патріотическихъ манифестантовъ, кто воспиталъ душу народную въ такой преданности Самодержавной Власти, что ее не поколебали никакія посулы и

¹⁾ Члены организаціоннаго бюро съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей Головинъ, Кокосинъ и кн. Львовъ, бесѣдовавшіе съ гр. Витте, не могутъ же считаться представителями русскаго народа.

обѣщанія, никакія попытки подорвать вѣру въ святость и неизблемость этой Власти указаніемъ на недостатки и несовершенство слугъ царскихъ (столь модная теперь ненависть къ бюрократіи, быть можетъ, отчасти и вѣрная, о чемъ и народъ знаетъ),— все это должно было открыть глаза тѣмъ, кто подкапывался подъ этотъ основной устой жизни народной. Какъ ни грубъ, ни невѣжествененъ еще нашъ народъ простой, но онъ съ молокомъ матерей своихъ впитываетъ въ себя уже тѣ основныя начала, тѣ задатки идей (такъ сказать духовныя инстинкты), которые вѣками сложились въ его духовномъ организмѣ, которые не всегда освѣщены свѣтомъ сознанія, но сильны въ немъ, опредѣляютъ его къ устройенію своей жизни согласно съ этими началами; посягательство на нихъ нестерпимо для него. Едва ли ошибемся, если скажемъ, что та сфера, изъ которой народъ почерпалъ подкрѣпленіе этимъ устоямъ, гдѣ онъ находилъ пищу своей душѣ, была Церкви Православной, съ духовными пастырями во главѣ, и школа народная, въ которой просвѣщеніе и воспитаніе народное шли согласно и въ духѣ этихъ основныхъ началъ устройства политически-общественной жизни народной.

Въ этой-то религіозно-церковной атмосферѣ, гдѣ народъ находитъ отвѣтъ на всѣ существеннѣйшіе запросы своей духовной жизни, въ этой атмосферѣ, создаваемой удовлетвореніемъ его религіозныхъ потребностей, крѣпло и его патриотическое чувство; онъ не отдѣляетъ въ своемъ сознаніи двухъ важнѣйшихъ факторовъ своего благополучія—вѣры въ Царя Небеснаго и священнаго чувства неприкосновенности Царя земного—Божія помазанника.

Эта великая исторически-сложившаяся у русскаго народа идея Царя—Божія помазанника,—народа, нашего тихое пристанище въ царской власти послѣ ужаснѣйшихъ смутъ и междуусобицъ, раздиравшихъ и въ конецъ ослабившихъ въ свое время землю Русскую, до того глубоко проникла въ духъ народный, что вырвать ее оттуда не такъ легко, какъ могло представиться злокозненной горсти рево-

люціонеровъ. Эту-то исторически сложившуюся идею священности и неприкосновенности царской власти и должна была у грамотнаго народа укрѣпить и уяснить правильно-устроенная народная школа. И она сдѣлала это; чтеніемъ и объясненіемъ историческихъ статей, указаніемъ тѣхъ великихъ дѣлъ, которыя были совершены на благо народа русскаго его вѣщеносными вождями — царями, выясненіемъ того, какъ усовершенствовалась, развилась, окрѣпла Русь святая подъ водительствомъ царской власти, школа выясняла и еще болѣе возвысила эту исторически-вѣдренную въ сознаніе народное идею.

Въ послѣднее время, особенно во время тяжелой и несчастной для насъ войны съ японцами стали находить, что Россія много страдала отъ такъ называемаго бюрократизма, отъ незнанія слугами царскими тѣхъ условій, среди которыхъ живетъ многомилліонная деревенская Россія, и тѣхъ злоупотребленій въ различныхъ отношеніяхъ, которыя допускали они. И вотъ рѣшили воспользоваться помощью лучшихъ русскихъ людей, чтобы дать возможность чрезъ нихъ Государю узнать все, что должно быть сдѣлано для устроенія блага разноплеменнаго населенія земли Русской; обратились къ исторіи, воскресили въ измѣненномъ видѣ идею Земскаго Собора, явилась на свѣтъ Государственная Дума — учрежденіе, въ которомъ лучшие представители народа русскаго должны были поразсудить объ интересахъ и потребностяхъ тѣхъ мѣстъ и того населенія, къ которымъ они принадлежатъ. Конечно, представители эти должны бы повѣдать въ Думѣ все, что, по ихъ разумѣнію, должно быть сдѣлано для благосостоянія тѣхъ мѣстностей, къ которымъ они принадлежатъ. Казалось бы, нужно было терпѣливо ожидать того времени, когда соберется эта Дума, напрячь всѣ силы спокойнаго и бодрствующаго сознанія на то, чтобы понять все значеніе этого учрежденія, проникнуться тѣми высокими интересами служенія родинѣ, которые теперь должны одушевлять всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи; но вмѣсто

благодарности Государю за оказываемыя милости, революціонная шайка, очертя голову, ринулась въ тумашь и чадь охватившей ее политической страсти. Дерзкій планъ посягнуть на царскую власть, покончить съ святою Русью православною, оскорбленіе портретовъ Царскихъ всколыхнуло, какъ одного человѣка, всѣхъ, кто благо Россіи мыслить нераздѣльнымъ съ идеею Монархической Власти, а такова многомилліонная Россія:

Теперь-то и должно бы духовенству и школъ выяснитъ народу всю ту великую созидательную работу, которую предстоитъ исполнить въ Государственной Думѣ. Несомнѣнно, что участіе въ Думѣ требуетъ кромѣ естественнаго здраваго разума, въ которомъ никто не откажетъ лучшимъ и выдающимся по природнымъ дарованіямъ крестьянамъ, еще и нѣкоторой историко-политической подготовки. Можно сказать, что учрежденіе Государственной Думы застало весьма многихъ изъ насъ въ этомъ отношеніи какъ бы врасплохъ. Гдѣ и когда мы воспитывались такъ, чтобы приимать сознательное и дѣятельное участіе въ обсужденіи и рѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ? Мы привыкли жить, будучи увѣрены, что за нами всегда находится власть, которой и поручается, кому это вѣдать должно, исполнять то, другое и третье, что будетъ повелѣно свыше, а тѣмъ въ свою очередь будетъ отдавать велѣніе еще высшая власть, пока не дойдетъ до Верховной Власти. Но теперь эта Власть снизошла къ тому, чтобы раздѣлить съ народомъ обсужденіе и даже (по смыслу Манифеста 17-го октября) установленіе законовъ: Всякій, берущій на себя такую трудную задачу, долженъ естественно спросить себя: чувствуетъ ли онъ себя готовымъ къ тому, чтобы сразу охватить мыслью широкій и чрезвычайно сложный государственный организмъ, сразу ли пойметъ дѣйствіе всѣхъ тѣхъ пружинъ, которыя приводятъ въ движеніе механизмъ государственный? Предстоитъ чрезвычайно важная задача начальной школѣ—дать историческое освѣщеніе вопроса объ участіи народныхъ представителей въ

обсужденіи и установленіи законовъ, подготовить и воспитать цѣлыя поколѣнія помимо преданности Царской Власти еще и въ сознаниіи своего дѣятельнаго участія въ помощи Государю по управленію многостороннею жизнью великаго государства. Такимъ образомъ въ начальную школу непременно долженъ быть введенъ болѣе или менѣе подробный курсъ отечественной исторіи, въ которомъ въ рельефныхъ образахъ и чертахъ былъ бы напечатлѣнъ въ сознаниіи учащихся постепенный ростъ нашего отечества, постепенное объединеніе и усиленіе его подъ Монархическою Державою, а также необходимъ хотя бы краткій курсъ законовѣдѣнія, изучивъ который можно было бы народу постигнуть правовой и законодательный строй нашего государства. Школа въ этомъ случаѣ исполнить свою просвѣтительную задачу до конца; научивъ народъ истинамъ вѣры Христовой, воспитавъ изъ него сознательнаго члена Церкви, давъ ему не только высокое нравственное ученіе, но и облагородивъ его чувства согласно съ евангельскимъ ученіемъ и укрѣпивъ его волю въ неуклонности слѣдованія заповѣдямъ Христа, она вмѣстѣ съ тѣмъ приготовить и сознательныхъ гражданъ нашего дорогого отечества.

Подобно этому долженъ быть расширенъ курсъ географіи отечественной въ начальной школѣ; тѣ нѣсколько статей географическаго содержанія, которыя теперь входятъ въ составъ школьной хрестоматіи, конечно, въ счетъ не могутъ идти. Необходимо всякому учащемуся знать свою родину, составъ и особенности населенія ея, особенности почвы и занятій, чтобы правильно судить объ интересахъ различнаго населенія, чтобы понять, что мы—русскіе составляемъ *коренное* населеніе матушки—Руси святой, что такого кореннаго значенія никому насъ не лишитъ, что такое значеніе наше куплено цѣною долговременнаго историческаго процесса, цѣною крови и потону не можетъ быть никому уступлено.

Безъ сомнѣнія, въ высшей степени желательно было бы поднять образовательный цензъ нашего учащаго персонала.

Нѣмецкій народный учитель, о которомъ говорили, что онъ побѣдилъ француза, несравненно выше стоитъ по образованію нашего и въ нѣсколько разъ лучше его обезпеченъ. Но не только образовательный цензъ, а и крѣпость религіозныхъ и патріотическихъ устоевъ, которые воспитывать и укрѣплять призванъ учитель вмѣстѣ съ пастырями церковными, должна быть существеннымъ условіемъ для всякаго, желающаго просвѣщать народъ въ согласіи съ тѣми исторически-сложившимися особенностями его духа, безъ которыхъ онъ не мыслимъ.

Мы знаемъ, какъ народъ отвѣтилъ на революціонныя манифестаціи; знаемъ также, что въ свое время онъ показывалъ двери неприваннымъ просвѣтителямъ-нигилистамъ, ходившимъ въ народъ и пытавшимся „перепросвѣтить“ его на свой ладъ. Не иначе онъ отнесется къ подобнымъ просвѣтителямъ и теперь, если бы они дерзнули посягнуть на тѣ внутреннія, духовныя святыя сокровища (вѣру православную и преданность Царю), которыя не исторгнуть изъ него никакой силой; и пока жива эта душа, до тѣхъ поръ всегда на красные флаги народъ отвѣтитъ національными флагами, на уличную безобразную манифестацію онъ отвѣтитъ крестнымъ ходомъ съ хоругвями, иконами и священникомъ во главѣ; на марсельезу отвѣтитъ народнымъ гимномъ и тропаремъ: „Спаси, Господи, люди твоя“.

П. К.

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 28-го поября 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть № 49, Подписка принимается въ редак-
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей, цѣн журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года декабря 4-го дня.

Содержаніе: Участіе православнаго духовенства въ выборахъ членовъ Государственной Думы.—Въ единеніи сила (окончаніе). Приготовленіе къ пастырскому служенію въ протестантствѣ (продолженіе).—Отъ Редакціи.

Участіе православнаго духовенства въ выборахъ членовъ Государственной Думы.

Говорить о томъ, насколько важенъ составъ будущей Государственной Думы для дальнѣйшей жизни Русскаго государства вообще и въ частности для Православной Церкви, было бы излишнимъ, если бы учрежденіе Думы произошло при спокойныхъ политическихъ обстоятельствахъ, если бы въ настоящее время не было того ужаснаго безпорядка не только во внѣшнихъ отношеніяхъ людей другъ къ другу, но и въ самыхъ понятіяхъ о благѣ народа и государства, который совершенно закрылъ собою для большинства русскихъ людей истинные пути государственной русской жизни.

Всѣ, стремящіеся теперь такъ или иначе заявить о себѣ, какъ о главныхъ дѣятеляхъ преобразуемой жизни государственной, въ одинъ голосъ твердятъ, что настало нынѣ время „переоцѣнки всѣхъ цѣнностей“ русской исторической жизни. Мало того,—естественное въ такія, какъ наши времена, возбужденіе въ различныхъ классахъ населенія привело уже къ тому, что разные союзы, собранія и т. п. приступили—конечно, на бумагѣ,—къ переустройству, притомъ самому коренному, соответствующихъ областей государственной и церковной жизни. Чѣмъ больше вникаешь въ дѣятельность современныхъ „переоцѣнщиковъ“, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что почти никто изъ нихъ не желаетъ считаться ни съ указаціями исторіи не только нашего народа, но и другихъ, ни съ указаціями нашей *дѣйствительной* жизни. Приходится серьезно опасаться за ближайшее будущее, когда видишь и слышишь, съ какою легкостію ниспровергается то, во что вчера вѣрили, то, чему недавно еще поклонялись, что считали непоколебимыми устоями жизни: такая легкость, измѣнчивость возрѣній свидѣлствуетъ не только о „легкости мыслей“, но и о томъ, что самыя тяжкія потрясенія въ жизни могутъ быть созданы съ совершенно спокойнымъ сердцемъ.

Нельзя скрывать отъ себя, что подобная легкость отношеній къ существующему строю нашей государственной и церковной жизни сказывается порою и среди православнаго духовенства. Среди него образовались партіи, стремящіеся къ серьезному и всестороннему и притомъ *немедленному* переустройству всѣхъ сложившихся въ теченіе долгихъ вѣковъ формъ церковной жизни. Совершенно свободно,—въ чемъ, конечно, ничего особенно дурного нѣтъ,—не только говорятъ, но и пишутъ люди этой партіи о необходимости коренныхъ реформъ, могущихъ привести, по крайней мѣрѣ со внѣ, нашу церковную жизнь къ новому—до неузнаваемости, рѣшительно не обращая вниманія на массы народныя, среди которыхъ господствуютъ теченія, далеко не всегда соответ-

ствующія міровоззрѣнію нѣкоторыхъ представителей современнаго духовенства. Мало того, изъ этой массы давнымъ-давно выдѣлилась весьма цѣнная часть истиннаго русскаго народа, относящаяся до сего дня если не всегда съ озлобленіемъ къ Церкви, то—съ недовѣріемъ къ ней и пастырству; и эта часть, называемая старообрядцами, вѣроятно, о многомъ думаетъ иначе, чѣмъ передовые изъ духовенства. Не говоримъ о сектантахъ, разныхъ иновѣрцахъ, язычникахъ, буддистахъ,—всѣ они ждуть къ себѣ прихода православнаго пастырства. Слишкомъ, очевидно, сложна наша дѣйствительность, слишкомъ она разнообразно-противорѣчива, чтобы въ преклоненіи предъ возвышенной теоріей забывать о ней и, не обращая вниманія на нее, поспѣшать съ преобразованіями, хотя бы даже и необходимыми. Нельзя забывать урока, даннаго исторіей во времена патріарха Никона; неисчислимы по своему злу бѣдствія, въ которыя ввержена была тогда и потому значительная часть русскаго православнаго народа, подвергшагося и гоненіямъ, и, что еще хуже съ точки зрѣнія вѣчнаго спасенія, уклоненіямъ въ область безпросвѣтной тьмы суевѣрій и лжеученій.

Въ частности мы должны обратить серьезное вниманіе и на то, какъ относятся различные слои русскаго народа къ созываемой Государственной Думѣ. Мы уже говорили, что наши „прогрессивныя партіи“ не желаютъ признавать новаго учрежденія и, если отказываются отъ „бойкота“ ея, т. е. отъ мысли—не участвовать въ выборахъ въ нее членовъ, то имѣютъ намѣреніе превратить ее съ первыхъ же шаговъ въ арену борьбы за „прогрессивныя“ права, а послѣ манифеста 17 октября исключительно во имя крайняго социализма и анархизма; послѣднія же событія (забастовки на желѣзныхъ дорогахъ и въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ—почта, телеграфъ) говорятъ намъ, что крайнія изъ „прогрессивныхъ“, не опасаясь полнаго потрясенія всей общественно-экономической жизни государства, даже быть можетъ, желая этого, ни предъ чѣмъ не останавливаются, лишь бы про-

известии желанный переворотъ. Что готовить эти партіи для государства и Государственной Думы, что онѣ будутъ въ ней дѣлать, если онѣ окажутся тамъ,—понятно само собою.

Не мало среди свѣтскаго общества и среди духовенства лицъ, которыя радостными очами взираютъ на дѣятельность будущей Государственной Думы и ожидаютъ отъ нея только благихъ послѣдствій. „Народу Россійскому, говоритъ преосв. Могилевскій Стефанъ, безъ всякаго потрясенія основнаго устоя крѣпости нашего обширнаго и многоплеменнаго государства, т. е. самодержавія его царей, отсель даются великія права; достойнымъ сынамъ его открывается свободный путь къ полному проявленію своихъ талантовъ, своей творческой, сознательной способности, своего усердія и трудовъ на благо и счастье дорогой нашей родины. Трудно исчислить всѣ добрыя и благодѣтельные послѣдствія, которыя общаетъ Россіи милость, даруемая возлюбленнымъ Государемъ нашимъ отечеству своему и всѣмъ намъ“. Несомнѣнно, хотѣлось бы видѣть только эти послѣдствія,—но очень-очень много есть данныхъ, что если они и будутъ, то далеко не въ изобиліи и не сразу. Еще меньше основаній привѣтствовать совершившіяся и предположенныя реформы такими словами, какими привѣтствовали актъ 6 августа преосв. Нарвскій Антонинъ: „послѣ многоплачевныхъ панихидъ (вѣроятно, намекъ на наши военныя неудачи) блеснулъ намъ лучъ радованія. *Свѣтъ Господня Прображенья упалъ на темное тѣло народной жизни и преломился въ надежду, что перевернутся пласты ея и дадутъ изъ себя сильныя ростки живою устроенія близи нашей родины*“. Не говоря уже о чрезвычайной туманности и вычурной иносказательности приведенныхъ словъ, нельзя не обратить вниманія на то, что въ нихъ могутъ многіе усмотрѣть совершенно не то, что, вѣроятно, хотѣлъ сказать преосвященный Антонинъ. Мы ничѣмъ инымъ, какъ возможностью толковать *по-своему* рѣчь преосвященнаго (особенно такія выраженія въ ней, какъ *темное тѣло народной жизни*,—*надежда, что перевернутся пласты* и т. д.)

не можемъ объяснить того, что эта рѣчь съ особенной охотой напечатана была въ разныхъ „прогрессивныхъ“ органахъ. Мы охотнѣе всего желали бы, чтобы дѣятельностию Государственной Думы „пласты“ нашей жизни не „перевертывались“, такъ какъ нужно думать, что и безъ перевертыванья въ нихъ не мало животворныхъ силъ, способныхъ дать не только „ростки живого устроенія блага нашей родины“, но и самое благо, ибо вся наша исторія говоритъ намъ объ этомъ. Смотри на дарованное Россіи новое государственное учрежденіе и на всю свободу по манифесту 17 октября открытыми глазами, безъ преувеличеній и умаленій, сопоставляя все это съ нашею современной дѣйствительностию, мы только молимъ Господа Бога, чтобы это учрежденіе и эти свободы дѣйствительно, хоть нѣсколько, успокоили русскую взволнованную жизнь и направили теченіе ея по болѣе спокойному руслу. А это будетъ зависѣть отъ того, кто будетъ избранъ въ Государственную Думу, и какъ мы воспользуемся разными видами свободы, ибо не было ни одного учрежденія, какъ и ни одного закона вообще, которые бы сами собою были цѣлителями и возродителями лучшихъ сторонъ человѣческой жизни.

Особенно важнымъ является вопросъ, какъ простой многомилліонный народъ смотритъ на Государственную Думу и на искомья и полученные уже свободы. Прямого и вполне достовѣрнаго отвѣта на этотъ вопросъ пока еще нѣтъ. Не вольно спрашиваешь себя—почему? Несомнѣнно потому, что стоящіе рядомъ съ народомъ или не знаютъ, или просто не интересуются, какъ въ самомъ дѣлѣ народъ относится и будетъ относиться къ Государственной Думѣ и совершающимся преобразованіямъ. Это печально,—тѣмъ болѣе печально, что у народа есть призванные, близко поставленные руководители его, которымъ должна быть извѣстна душа народная. Мы разумѣемъ пастырей Церкви. Хотѣлось бы вѣрить, что душа народная извѣстна имъ, что интересы народа,—политическіе, экономическіе и всѣ другіе,—близки сердцу православнаго

пастырства, и что послѣднее не преминуло и не преминетъ прийти народу на помощь въ разъясненіи всего для него, непонятнаго въ совершающемся нынѣ. Хотѣлось бы всему этому вѣрить и на все это надѣяться особенно потому, что идущія со всѣхъ сторонъ вѣсти о современномъ настроеніи народа мало даютъ утѣшительнаго. Прежде всего, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ народъ разными прогрессивными партіями, въ томъ числѣ и чистыми революціонерами, и анархистами, направлены весьма значительныя силы для возбужденія народа и для распространенія среди него своихъ ученій и намѣреній. Эти силы, вѣроятно, давно уже дѣйствуютъ, потому что мы имѣемъ уже доказательства ихъ растлѣвающего вліянія. Стоитъ только присмотрѣться къ народу, живущему и вблизи городовъ и фабрикъ, и сравнительно вдали отъ центровъ просвѣщенія, чтобы убѣдиться, что настроеніе его значительно *приподнято*, что онъ, какъ выражаются, на-сторожѣ, чего-то выжидаетъ. Это въ лучшемъ случаѣ. Такое настроеніе по мѣстамъ принимаетъ уже ясныя очертанія, и притомъ—всегда недоброкачественныя. Вражда къ землевладѣльческому классу, жажда присвоить принадлежащее послѣднему не только земельное имущество, но и всякое другое, недвижимое и движимое, въ иныхъ мѣстностяхъ Россіи обнаружилась уже въ весьма печальныхъ формахъ. Даже болѣе; кое-гдѣ, особенно въ мѣстностяхъ съ разноплеменнымъ населеніемъ, обнаруживается прямо враждебное отношеніе къ православному духовенству. Очевидно, разнаго рода басни о миллиардахъ и вообще несмѣтныхъ богатствахъ монастырей, а равно сказанія о томъ, что православное духовенство стоитъ за помѣщиковъ и пановъ, что оно богатѣетъ на счетъ крестьянства, что оно дурно ведетъ свое дѣло, что оно, наконецъ, только преслѣдуетъ своекорыстныя цѣли—такія басни и сказанія, пущенныя въ массу народную чрезъ разныхъ нарочитыхъ учителей, и болѣе всего при посредствѣ газетъ, возымѣли свое дѣйствіе. Все это должно быть разсматриваемо, какъ самая благопріятная почва для избирательной кампаніи

въ духѣ и цѣляхъ, рѣшительно противорѣчащихъ интересамъ государства и Церкви.

Потомъ, есть вполне опредѣленные свѣдѣнія, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ началась самая усиленная, весьма энергичная дѣятельность, направленная къ устраненію православнаго духовенства отъ участія въ выборахъ или, по крайней мѣрѣ, къ устраненію вліянія его на народъ во время выборовъ и къ привлеченію, взамѣнъ духовенства, къ руководствованію народомъ наиболѣе вредныхъ для цѣлей Государственной Думы элементовъ населенія. Особенно рѣзко эта дѣятельность сказывается среди населенія юго-западнаго края и, вѣроятно, всего западнаго. Пасколько извѣстно, здѣсь приняты самыя рѣшительныя мѣры, по преимуществу финансоваго характера, къ тому, чтобы опутать мысль и дѣйствія крестьянъ—уполномоченныхъ и выборщиковъ, направивъ ихъ на службу крайнимъ прогрессивнымъ партіямъ. Наибольшею приманкою для крестьянства выставлены—передѣлъ земли и, какъ научно (якобы) выражаются,—націонализація земли, съ насильственнымъ отобраніемъ ея у помѣщиковъ, монастырей, церквей и духовенства. Впрочемъ, оптимисты, вблизи наблюдающіе теченія въ жизни народной, успокаиваютъ, говоря, что „народъ себѣ на умѣ“, что онъ „все видитъ“, что онъ, вопреки намѣреніямъ и ожиданіямъ агитаторовъ, готовъ громить¹⁾ тѣхъ, кто его возбуждаетъ противъ государственнаго строя. Не сомнѣваемся, что „народъ все видитъ“, но не можемъ забыть и того, что приманки, выставляемыя для него противогосударственными партіями, весьма соблазнительны, и что безъ надлежащаго руководствованія его въ этомъ вопросѣ вполне авторитетными для него лицами соблазнъ можетъ возымѣть дѣйствіе.

Наконецъ, устраняя опасенія за народъ, мы все-таки не можемъ не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство.

¹⁾ Событія послѣ 17-го октября,—печальныя событія какъ бы подтверждаютъ это.

Всѣмъ уже теперь извѣстно, что противогосударственныя и противообщественныя партіи почти всецѣло овладѣли умами фабричнаго рабочаго населенія. Признавая земледѣльческій классъ наиболѣе консервативнымъ, указанныя партіи сосредоточили главнѣйшія усилія на пропагандѣ разрушительныхъ идей среди рабочихъ, не безъ основанія надѣясь здѣсь найти болѣе подходящую почву, чтобы вызвать челоѣконенавистничество, зависть и злобу. И они достигли весьма значительныхъ и для государства самыхъ печальныхъ успѣховъ. Нельзя забывать, что нашъ рабочій людъ, въ огромномъ большинствѣ, тѣсно связанъ съ деревней и съ землей, а потому все, что дѣлается среди этого люда, естественно можетъ переноситься и переносится въ среду крестьянства или непосредственно, или чрезъ посредство родственныхъ связей. Вотъ почему, не питая особенныхъ надеждъ на крестьянство, указанныя партіи добиваются, чтобы выборы въ Государственную Думу произошли на основаніяхъ равной, тайной и прямой подачи голосовъ для всего рѣшительно населенія Россійской имперіи, надѣясь при этомъ провести въ Думу людей ихъ возрѣній, или въ крайнемъ случаѣ—чтобы въ этихъ выборахъ участвовали рабочіе; и Манифестомъ 17-го октября права на участіе въ выборахъ значительно расширены: рабочіе будутъ въ Думѣ имѣть своихъ представителей. Отношенія же этого класса населенія къ государству и Церкви, по крайней мѣрѣ значительной его части, достаточно уже опредѣлились, чтобы можно было надѣяться на что-либо благоприятное и даже умѣренное, въ ихъ дѣйствіяхъ. Все, что говорилось выше, относится къ такъ называемымъ, дѣйствующимъ элементамъ населенія. Но, къ великому сожалѣнію, у насъ на Руси, не смотря на тяжкія испытанія въ настоящемъ и великія опасности въ будущемъ, огромная масса населенія остается пассивнымъ зрителемъ, недѣятельною. Что всего печальнѣе,—она представляетъ въ совершенно ложномъ свѣтѣ всѣ эти явленія: ей кажется, что смута охватила *все* государство, всѣ его слои; что „прогрессивныя“ начала стали обще-

признанными; что, наконецъ, радикальныхъ преобразованій, включительно до переворота государственнаго, желаетъ, требуетъ весь русскій народъ. Между тѣмъ, дѣйствительность рѣшительно не такова. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ „бастовали“ и митинги производили какія-нибудь сотни студентовъ, вопреки скрытому и замалчиваемому желанію тысячъ. Петербургъ и Москва, съ ихъ миллионнымъ населеніемъ, были въ осадѣ и во власти какихъ-нибудь двухъ-трехъ десятковъ тысячъ рабочихъ и нерабочихъ. Интеллигенты, созывавшіе различные съѣзды, исчисляются даже не сотнями, а десятками. Закрываютъ учебныя заведенія—среднія „делегаты“ въ количествѣ трехъ—пяти лицъ, но съ угрозой „разбить“, произвести „скандалъ“. И этимъ единицамъ удается дѣлать все, что угодно подпольнымъ, невидимымъ и неуловимымъ руководителямъ-революціонерамъ, живущимъ чаще всего за границей. Но этимъ еще не исчерпываются послѣдствія индифферентности. Среди общей сумятицы, среди воплей и вопіющихъ дѣяній „красныхъ“ нельзя слышать голосовъ умѣренныхъ либераловъ,—именно той партіи, которая жаждетъ преобразованій, но не желаетъ революціи, переворотовъ,—почему и эта партія, часто поющая въ унисонъ съ крайними „прогрессистами“, по недоразумѣнію въ общемъ мнѣніи сливается съ послѣдними. Нѣтъ нужды доказывать, какъ все это „на руку“ разрушительнымъ элементамъ. И надо сознаться, что среди православнаго духовенства „недѣятелей“—весьма и весьма много; на ихъ-то недѣятельность больше всего и опираются противогосударственные и противо-церковные дѣятели, расхищающіе незамѣтно вѣрныхъ сыновъ Церкви и государства. „Что мы сдѣлаемъ“, „не наше это дѣло“—слышатся изъ разныхъ и весьма многочисленныхъ угловъ Русской земли, и среди этихъ голосовъ весьма часто слышится голосъ пастырей Церкви, забывающихъ, что грядущія бѣды лягутъ всею своею тяжестью на главу ихъ, что во время смуты и страданій, во время разгромовъ и истощенія всѣхъ, кого нужно было въ свое время

учить и руководить, обратятся къ нимъ съ укоризненными рѣчами: „гдѣ вы были, когда въ васъ мы такъ нуждались“, „что вы дѣлали, когда насъ другіе научали на злыя дѣла“, „мы люди темные, мы повѣрили тѣмъ, которые вмѣсто васъ учили“ и т. д.

Между тѣмъ, если когда, то именно теперь необходимо православному пастырству во всей его совокупности, отъ верхнихъ до нижнихъ ступеней, принять самое дѣятельное участіе въ разрѣшеніи выдвинутыхъ вопросовъ. Выжидательное отношеніе, тѣмъ болѣе безразличное къ этимъ вопросамъ и всему, что творится на Руси, теперь граничитъ съ преступленіемъ. Зло растетъ пропорціонально попусценію его; во время не остановленное, оно быстро дѣлается господиномъ положенія, и уничтоженіе его или просто введеніе въ границы терпимости всегда требуетъ громадныхъ жертвъ. Примѣровъ тому великое множество. Если бы извѣстный князь Святополькъ-Мирскій въ лучшемъ случаѣ оставался только виленскимъ генераль-губернаторомъ и не доходилъ до министерства, то, вѣроятно, большей части явленій современности не было бы. Неопытный, младенецъ въ государственной прозорливой политикѣ, не соображающій настоящаго съ прошлымъ и будущимъ, онъ только что дошелъ до министерскихъ воротъ, какъ объявилъ о своемъ знаменитомъ довѣрїи къ обществу и распустилъ, во имя этого довѣрїя и уваженія къ свободѣ печати, вожжи. Результатомъ явились январскія событія въ Петербургѣ. Только что предъ отъѣздомъ на министерство грозившій выслать священника въ Сибирь за статью, выясняющую значеніе еврейства среди русскаго населенія, онъ на министерствѣ объявляетъ свободу печати, — результатъ — полная разнузданность печати, не щадящей ни чести и имени отдѣльныхъ лицъ, ни прошлаго, ни современнаго Россіи. Онъ удалился теперь въ свои имѣнія частнымъ лицомъ и съ славою той ласточки, которая весну предвѣщаетъ, а Россія, имъ только два мѣсяца руководившаяся, замутилась, и никому теперь пока не извѣстно, когда этой

смуть придетъ конецъ, въ какой формѣ выразится „успокоеніе“...—Зло выросло до громаднѣхъ размѣровъ, а гдѣ мощная сила для успѣшной борьбы съ этимъ зломъ? Сколько потребуется жертвъ, чтобы ввести русскую жизнь въ нормальное русло?—Кто дастъ отвѣты на эти вопросы?

М. Гн.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Въ единеніи сила.

(Окончаніе ¹⁾).

III.

Вѣрнымъ признакомъ того, что существующій въ корпорации общественныхъ дѣятелей разладъ уступаетъ мѣсто миру, согласію, служить болѣе частый, сравнительно съ прежнимъ, взаимный обмѣнъ ихъ предположеніями, планами, касающимися дорогаго для всѣхъ дѣла. Основаннаго на любви взаимообщенія требовалъ и Господь отъ первыхъ пастырей Церкви, дружная, согласная и готовая къ взаимопомощи жизнь которыхъ, въ Его очахъ, была главнымъ залогомъ правильнаго роста царствія Божія на землѣ. Стоя во главѣ не только вѣрующихъ, но и любящихъ чадъ Церкви Христовой, пастыри и сами должны быть примѣрами этихъ неразрывно-связанныхъ добродѣтелей; это ихъ прямой и священный долгъ. Успѣхъ собрата долженъ быть предметомъ гордости; его ошибка, паденіе—вызывать чувства скорби, сочувствія. Въ живомъ церковномъ организмѣ, по слову апостола Павла, когда „страдаетъ одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены“ (1 Кор. 12, 26). Такія отрицательныя качества, какъ зависть, зложелательство, споры считались заразою,

¹⁾ См. № 48-й за 1905 г.

появление которой въ извѣстной церковной общинѣ было началомъ ея разложенія. Желая обезопасить истинную Церковь, Христову отъ широкаго распространенія въ ея организмѣ этой заразы, сохранить въ ней навсегда животворное начало, св. апостолы, а вслѣдъ за ними отцы и учителя Церкви, выработали средство, пользуясь которымъ, пастырскій институтъ непрестанно будетъ возгрѣвать въ себѣ духъ истиннаго и безбоязненнаго служенія порученному ему отъ Бога дѣлу. Почти забытое на Востокѣ въ эпоху распространенія свѣта Христова ученія на Руси, средство это въ малой мѣрѣ примѣнялось пастырями Русской Церкви въ цѣляхъ сдѣлать свое служеніе болѣе успѣшнымъ и животворнымъ; только въ послѣднее время ревность по вѣрѣ нѣкоторыхъ іерарховъ выдвинула это средство и настаиваетъ на его осуществленіи, какъ неперемѣнномъ условіи обновленія строя пастырскаго института на св. Руси. Средство это—областные соборы, узаконенные рядомъ правилъ св. апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. Обиліе этихъ правилъ ¹⁾ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что мѣрѣ, ими узаконяемой, придавалось особое значеніе даже въ ту пору, когда Церковь Христова представляла собою, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны, единое и стройное цѣлое. Областнымъ соборамъ, какъ средствамъ, регулирующимъ правильный ходъ церковной жизни, удѣляла вниманіе и свѣтская власть, въ лицѣ имп. Юстиніана узаконившая повелюю 137-ою, чтобы „однажды или дважды, въ іюнѣ или сентябрѣ, былъ соборъ митрополитовъ у патріарховъ, и епископовъ у митрополитовъ, и чтобы изслѣдуемы были вопросы, которые имѣютъ между собою епископы, клирики и монахи о вѣрѣ, правилахъ и церковныхъ предметахъ, и чтобы исправляемы были погрѣшности противъ правилъ“ ²⁾. Предметомъ обсу-

¹⁾ 37 прав. св. апостоловъ, 5—1-го всел. с., 2—2-го вс. с., 1—3-го, 9, 17 и 19—4-го, 8—5—6-го, 6—7-го, 20—Ант. соб., 40—Лаод. с., 27, 62, 84, 87 и 106—Карѣ. с.

²⁾ М. Властари Синтагма, перев. Н. Ильинскаго (1901 г.), стр. 356.

жденія на этихъ съѣздахъ, по 37-му ап. правилу, были догматы благочестія и случающіяся церковныя прекословія или сомнѣнія; впоследствии сдѣлано было разграниченіе между каноническими и евангельскими вопросами, поступающими на разсмотрѣніе епископовъ. Къ соборамъ могли апеллировать клирики, недовольные судомъ своего епископа, въ особенности отлученные отъ Церкви. Для епископовъ соборы эти были чѣмъ-то въ родѣ школы, гдѣ не только они „вразумляли другихъ, но и сами вразумлялись ко благоустроению Церкви и прочаго“. По словамъ восточныхъ канонистовъ, разумнѣйшіе на этихъ соборахъ учили, а болѣе простые учились тому, *что утверждаетъ Церковь, т. е. народъ Божій*, и какъ приводить къ православію прочихъ, т. е. невѣрныхъ. Посвященіе соборовъ было дѣломъ братской любви епископовъ, а потому за уклоненіе отъ такихъ посвященій въ большинствѣ правилъ не указано взысканій, а говорится лишь о вредѣ, происходящемъ не только для пастырей, но и для народа (27 пр. Каро. соб.), оттого, что въ областяхъ не бываетъ установленныхъ правилами соборовъ епископовъ, такъ какъ отъ сего многія церковныя дѣла, требующія исправленія, остаются въ небреженіи“, и дается предложеніе: „епископамъ, которые не придутъ на соборъ, хотя находятся въ своихъ градахъ и притомъ пребываютъ въ здравіи и свободны отъ всякаго необходимаго и неотложнаго занятія, братолюбно сказать слово прещенія“ (19 пр. 4-го вс. соб. и 8 пр. 5—6-го соб.). Въ толкованіи на 40-ое пр. Лаодикійскаго собора канонисты даютъ понять, что за небрежное отношеніе къ дѣлу соборовъ налагались на епископовъ и взысканія; а 87 правило Кароагенскаго собора прямо говоритъ, что епископъ, не явившійся на соборъ безъ основательной причины, долженъ довольствоваться извѣстное время лишь общеніемъ собственной церкви, между тѣмъ какъ епископы другихъ церквей области не будутъ съ нимъ въ общеніи. Если препятствіе къ составленію собора исходило отъ свѣтскаго начальника, то такой, по правиламъ (6—

7-го вс. соб.) долженъ быть отлученъ; митрополитъ—инициаторъ съѣздовъ (20 Антиох. собора), пренебрегшій сіе правило не по нуждѣ и насилію и не по какой-либо уважительной причинѣ, подлежалъ епитиміи. Правилѣмъ шестымъ 7-го вселенскаго собора, въ виду разнаго рода затрудненій для собиравшихся на соборъ епископовъ, опредѣлено сзывать областные соборы не дважды въ году, а однажды; съ теченіемъ времени соборы эти были совершенно забыты, „оставлены въ пренебреженіи“. „Святѣмъ отцамъ, которые издавали правила о ежегодныхъ областныхъ соборахъ, дѣло это казалось стоящимъ великой заботливости“, замѣчаетъ канонистъ Зонара, констатируя фактъ совершеннаго пренебреженія этими правилами въ его время (XII в.) и давая этимъ понять, что соборы были далеко не лишними въ дѣлѣ благоустроенія Церкви. Молчаніе канонистовъ о причинахъ прекращенія соборовъ даетъ право заключить, что причины эти не столько внѣшнія, сколько внутреннія, кроющіяся во взаимныхъ отношеніяхъ предстоятелей восточныхъ церквей...

Къ областнымъ соборамъ, какъ средству испытанному, стоившему, въ очахъ святыхъ отцовъ, великой заботливости и легко практически-осуществимому, слѣдовало бы обратиться и нынѣ, когда выдвинуть вопросъ о реорганизаціи нашего церковнаго строя. Преимущественная цѣль соборныхъ засѣданій нынѣ, какъ и въ первые вѣка, должна бы состоять въ „сохраненіи евангельскихъ и каноническихъ преданій и другихъ заповѣдей Божіихъ“; но ею не исключаются и другія цѣли, обсужденіе которыхъ, не заносясь въ соборные акты, твердо бы однако запечатлѣвалось въ умахъ и сердцахъ предстоятелей церквей. Благодаря нынѣ наблюдаемой розни среди пастырей, опытъ старѣйшихъ изъ нихъ, болѣе послужившихъ, остается мертвымъ капиталомъ, которымъ не можетъ пользоваться до поры до времени никто изъ ихъ собратьевъ; только чрезъ десятки лѣтъ капиталъ этотъ предлагается иногда вниманію читателей въ видѣ дневниковъ, записокъ и т. п. А между тѣмъ при общеніи на соборахъ цѣнныя дан-

ныя опыта переливались бы изъ одного избраннаго сосуда въ другой и въ видѣ духовныхъ уроковъ, наставленій, распоряженій передавались бы изъ поколѣнія въ поколѣнiе, образуя тѣ преданія истины, безъ которыхъ никогда не можетъ обойтись истинная Христова Церковь. При взаимообщеніи между предстоятелями отдѣльныхъ епархій невозможна была бы та неосвѣдомленность относительно положенія дѣлъ всей Церкви, какая замѣчается нынѣ у насъ, и такая припесла уже весьма печальные результаты. Въ N-ской епархій свило прочное гнѣздо сектантство, были неоднократные случаи отпаденій въ инославныя исповѣданія въ окраинныхъ приходахъ. Нужно ли знать предстоятелю сосѣдней епархій, въ которую пока не проникла зараза, о ея причинахъ, о средствахъ для борьбы съ пропагандою, принятыхъ уже и испытанныхъ?—Несомнѣнно. Къ сожалѣнію, при нынѣшней изолированной жизни пастырей эти свѣдѣнія почерпаются ими или изъ газетныхъ листковъ, или изъ отчетовъ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, которые разсылаются чрезъ 3—4 года по ихъ составленіи, а тѣмъ временемъ зараза охватываетъ всё большій и большій районъ. Той же неосвѣдомленности, разобщенности въ общецерковныхъ дѣлахъ, на нашъ взглядъ, мы обязаны въ значительной мѣрѣ нестроеніями въ духовно-учебной и особенно экономической жизни нѣкоторыхъ епархій.

Къ областнымъ соборамъ притекли бы съ своими горестями и печалями и тѣ члены приходскаго клира, которые считаютъ себя почему-либо гонимыми, преслѣдуемыми, озлобляются, и готовы даже въ своемъ упорствѣ на крайній для благодатствованнаго лица шагъ. Въ отношеніи къ этимъ лицамъ сказала бы вся мощь, всё нравственное величіе объединеннаго пастырскаго института; чуждымъ формальностей, но исполненнымъ любви къ стоящему на краю гибели брату о Христѣ разборомъ дѣла областной соборъ возвратилъ бы Церкви многихъ изъ этихъ временно-ослѣпленныхъ и нужда-

ющихся въ добромъ руководствѣ пастырей. Нельзя смотрѣть на такихъ пастырей, какъ на закоренѣлыхъ въ своемъ упорствѣ лицъ; хотя бы они сами всѣмъ и всюду твердили, что ихъ рѣшеніе безповоротно. Въ нашемъ распоряженіи есть письма одного изъ такихъ пастырей, выдержки изъ которыхъ прольютъ свѣтъ на психическое настроеніе писавшаго и покажутъ, какое поистинѣ доброе дѣло сдѣлаютъ областные соборы, взявъ подъ свое руководство этихъ пока—благодареніе Богу—немногихъ клириковъ. „Глубоко-убѣжденный въ своей правотѣ и безповоротно рѣшивъ снять санъ, я поѣхалъ къ вамъ,—пишетъ названный пастырь,—исключительно потому, что считалъ обязанностью исполнить приказаніе... Я не допускалъ и мысли, чтобы кто-нибудь могъ сломить мое упорство. Да и въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ сломить упорство, основанное на сознаніи своей безусловной правоты? И вотъ ваше поистинѣ отеческое отношеніе ко мнѣ, ваши наставленія, проникнутыя духомъ Христовымъ, сдѣлали чудо: вы убѣдили меня, что при всей моей правотѣ я все-таки не правъ. Вы сказали мнѣ, между прочимъ, слѣдующее: „развѣ вы думаете, что кто-либо желаетъ вашей гибели?“ Слова простые, но дѣло въ томъ, что я глубоко былъ убѣжденъ въ томъ, что моя гибель была рѣшена заранѣе, и ваше-то простое слово оказалось для меня самымъ нужнымъ, самымъ необходимымъ. Послѣ свиданія съ вами я понялъ всю правду фразы: „сила не въ силѣ, а сила въ любви?“ Господь спасъ меня чрезъ васъ!“

Если подобный крутой переломъ могъ произойти въ душѣ стоящаго на краю пропасти подъ влияніемъ сердечнаго отношенія такого же сопастыря, какъ онъ самъ, то что сказать о размѣрахъ нравственнаго воздѣйствія сонма архипастырей, которые проникнуты идеею служенія младшему брату и въ этомъ служеніи видятъ цѣль своего призванія? Учреждаемые періодически въ культурныхъ центрахъ нашего обширнаго отечества, областные соборы убѣдятъ непривычныхъ совѣтниковъ нашего духовенства, что его руководители

обладаютъ собственными, освященными Церковію, средствами къ организаціи ея жизни; и въ тѣ историческіе моменты, когда правильному ходу этой жизни грозятъ опасности, они не имѣютъ надобности въ указаніяхъ „цѣннаго опыта“ лицъ, желающихъ дать преимущество социальнымъ и экономическимъ идеаламъ предъ религіозными. „Внѣ религіозно-моральной реформы нѣтъ реформы общественной, и на безплодной почвѣ не вырастетъ никакое улучшение“, — въ истинности этого положенія насъ убѣждаетъ и прошлое и настоящее человечества.

Епископъ Θεодосій.

Приготовленіе къ пастырскому служенію въ протестантствѣ.

(Продолженіе ¹⁾).

4) Провѣдническія семинаріи въ Германіи преслѣдуютъ двойнуюцѣль: научную и практическую, причемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ болѣе выдвигается первая, въ другихъ послѣдняя. Кандидатъ по окончаніи университета ни въ коемъ случаѣ не можетъ смотрѣть на свое образованіе, какъ на законченное; чтобы оно стало таковымъ, онъ долженъ еще много и усиленно работать. Вотъ для этой-то именно работы и приспособлены семинаріи; въ нихъ кандидатъ восполняетъ, систематизируетъ и приспособляетъ къ потребностямъ будущаго служенія свои научныя познанія. При этомъ онъ смотритъ на себя какъ на представителя интересовъ церкви и потому изучаетъ каждую науку настолько и такъ, насколько и какъ она бываетъ нужна ему какъ пастырю. Въ силу этого, и всѣ занятія въ семинаріи ведутся не въ томъ духѣ, что въ университетѣ; въ нихъ сообразуются не съ принципами отвлеченной науки, а съ реальными потребностями церкви.

¹⁾ См. № 48-й за 1905 г.

Количество наставниковъ въ семинаріи очень ограничено (отъ 1 до 4); уже это одно заставляетъ предполагать, что учащимся въ семинаріи приходится меньше слушать, чѣмъ самимъ заниматься. И дѣйствительно, самостоятельность занятій доведена въ проповѣдническихъ семинаріяхъ до minimum'a; учащіеся все дѣлаютъ сами и пользуются однимъ лишь руководствомъ и совѣтами наставниковъ. Сами семинаріи получаютъ характеръ искусственныхъ ассоціацій, составленныхъ изъ людей, находящихся въ одномъ и томъ же положеніи, съ тою цѣлью, чтобы создать особую трудовую атмосферу, гдѣ бы одинъ возбуждалъ своимъ примѣромъ другого, и гдѣ бы работалось легко и съ увлеченіемъ.

Предметы изученія въ проповѣдническихъ семинаріяхъ тѣ же, что и въ университетѣ: экзегетика, догматика, церковная исторія, иногда философія. Практическія занятія учащихся въ семинаріяхъ заключаются главнымъ образомъ въ проповѣдничество и катехизаціи, которыя въ семинаріи поставлены гораздо шире и основательнѣе, чѣмъ въ гомилетическихъ и катехетическихъ семинаріяхъ при университетахъ. Если учащіеся несутъ въ то же время часть обязанностей мѣстнаго духовенства,—какъ это имѣетъ мѣсто, на примѣръ, въ Локкумѣ,—то ихъ катехизаторскіе и гомилетическіе опыты обращаются въ дѣйствительную службу, и потому разбору и критикѣ уже не подвергаются.—Кромѣ этого, изучаются еще: церковное право, особенно мѣстное, литургия, пастырская пшеника, поставленіе готовящихся къ конфирмаціи, современные церковные вопросы и въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, на примѣръ, Фрибургской,—церковное пѣніе и церковная музыка. Знанія послѣдней Пальмеръ требуетъ отъ каждаго пастора, потому что въ противномъ случаѣ онъ будетъ чувствовать себя совершенно безпомощнымъ въ выборѣ хораловъ для богослужебнаго употребленія—и долженъ будетъ во всемъ положиться на своего органиста; а это не всегда удобно и во всякомъ случаѣ непріятно¹⁾.

¹⁾ S. 106.

Такъ какъ проповѣдническія семинаріи должны по своей идеѣ служить переходною ступенью отъ бурной университетской жизни къ спокойной и уравновѣшенной жизни приходскаго пастора, то въ нихъ обращается вниманіе и на внѣшнюю, дисциплинарную сторону. Но дисциплина проповѣдническихъ семинарій ничуть не похожа на дисциплину католическихъ семинарій; она не имѣетъ въ себѣ ничего монашескаго и малымъ чѣмъ отличается отъ дисциплины, наблюдаемой въ каждомъ благочестивомъ христіанскомъ домѣ. Учащимся не дозволяется ходить по ресторанамъ, напиваться допьяна, безобразничать на улицѣ и продѣлывать тѣ глупости, которыя такъ въ ходу у студентовъ университета.—И только. Все домашнее благочестіе въ семинаріи ограничивается утренней и вечерней молитвой (Morgen—und Abendandacht)¹⁾, сопровождаемой чтеніемъ Священнаго Писанія, пѣніемъ хораловъ, а иногда проповѣдью или толкованіемъ какого-нибудь мѣста изъ Священнаго Писанія.

Время пребыванія въ семинаріи продолжается отъ 1 до 2 лѣтъ.

Все существующія въ Германіи проповѣдническія семинаріи распадаются на два типа: на семинаріи, куда поступаютъ прямо изъ университета, и такія, въ которыя принимаются лишь кандидаты, сдавшіе экзамень *pro ministerio*. *Въ пользу* семинаріи перваго типа говоритъ то соображеніе, что въ нихъ поступаютъ кандидаты съ свѣжимъ, еще не успѣвшимъ испариться отъ времени, запасомъ знаній, приобретенныхъ въ университетѣ,—запасомъ, который они могутъ цѣлкомъ положить въ основу своихъ будущихъ работъ. Они имѣютъ еще и то преимущество, что кончившіе курсъ въ нихъ кандидаты уже свободны на все время своего кандидатства и могутъ безпрепятственно устранивать свою внѣшнюю судьбу. *Противъ* нихъ говоритъ то, что сейчасъ же по окончаніи университета кандидатъ не имѣетъ жизненнаго

¹⁾ При большей части семинарій существуютъ интернаты.

опыта, тѣмъ болѣе опыта специально пастырскаго, — наличие же его составляетъ необходимое условіе серьезнаго, зрѣлаго и вдумчиваго отношенія къ семинарскимъ занятіямъ. Кроме того, можно опасаться, что при избыткѣ кандидатовъ, влекущимъ за собою долгое ожиданіе мѣста, пріобрѣтенныя въ семинаріи знанія — научныя и практическія — оиять позабудутся. Въ этомъ отношеніи семинаріи второго типа стоятъ далеко выше перваго и потому признаются болѣе отвѣчающими своему назначенію.

Всѣхъ проповѣдническихъ семинарій, изъ которыхъ каждая имѣетъ самое ограниченное число вакансій, въ Германіи имѣется только 12. Изъ нихъ къ первому типу принадлежатъ 3: Гейдельбергская, Фридбергская и Герборнская; а ко второму остальные 9: Виттенбергская (съ 20 учащимися), Гадерслебенская, Фрауендорфская (съ 8 вакансіями), Локкумская (съ 12 вак.), кандидатскій институтъ при кафедральной церкви (Domkandidatenstift.) въ Берлинѣ (съ 17 вак.), Эрнхсбургская, Лейпцигская (Predigercollegium zu St. Pauli съ 24 вак.), Вольфенбюттельская (съ 10 вак.) и Альпенбургская. — Такъ какъ общее число кандидатовъ въ Германской имперіи не менѣе 5000, то счастье побывать въ семинаріи выпадаетъ не болѣе какъ на долю 14—15% изъ нихъ. Въ Германіи количество такихъ счастливицевъ лишь 2% общаго числа кандидатовъ ¹⁾. Въ силу этого семинаріи по необходимости пріобрѣтаютъ аристократическій характеръ (Eli-teanstalten); въ нихъ набираются лишь сливки кандидатства. На

¹⁾ Въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Эфрона указано число студентовъ на всѣхъ факультетахъ всѣхъ германскихъ университетовъ. Общая сумма теологовъ равняется приблизительно 5000. Такъ какъ время кандидатства продолжается въ общемъ столько же, сколько и время пребыванія въ университетѣ, — т. е. 4—5 лѣтъ, то выходитъ, что число кандидатовъ равняется тоже приблизительно 5000. Университетъ ежегодно кончаетъ 1000 съ лишнимъ человекъ, въ семинаріи принимаются не болѣе — 150—180 человекъ. На одну Пруссію приходится около 2700 кандидатовъ, изъ нихъ — ежегодно кончающихъ курсъ — около 700, — и во всей Пруссіи есть только 2 семинаріи съ 37 вакансіями.

засѣданіи генеральнаго синода въ 1892 году были заявлены протестъ противъ такого порядка вещей, слышались голоса въ пользу принятія въ семинаріи не лучшихъ силъ, которыя и безъ семинаріи найдутъ свою дорогу, а болѣе остальныхъ, которымъ семинарія особенно нужна. Но d-r Schmidt находитъ существующій порядокъ вполне нормальнымъ. „Семинарія во-все не должна быть, говоритъ онъ, мѣстомъ приближенія людей, прогулявшихъ время своего ученія, заведеніемъ для дрессировки слабоодаренныхъ и несамостоятельныхъ умовъ¹⁾. И будетъ хорошо, по его мнѣнію, если такой характеръ семинаріи будетъ признанъ въ принципѣ ея основателями и руководителями. Что за бѣда, что въ семинаріи побываютъ только избранныки? Церкви они особенно нужны,—нужны люди, которые бы знали церковную практику и въ то же время были способны въ научномъ отношеніи стать рядомъ съ факультетскими специалистами. Ихъ церковь будетъ употреблять для болѣе широкой общественной дѣятельности, будетъ ихъ назначать, на примѣръ, на мѣста суперъ-интендентовъ, которымъ нужны болѣе обширныя познанія для руководства подлежащими имъ въ дѣлѣ кандидатами²⁾).

5) Викаріатство, институтъ весьма древній въ протестанствѣ. Съ давнихъ поръ во всѣхъ протестантскихъ церквахъ существуетъ обычай давать престарѣлому или больному пастору, который уже не въ состояніи одинъ выносить все бремя пастырскихъ обязанностей, помощника въ лицѣ викарія—молодого кандидата, принимающаго на себя значительную или даже большую часть этихъ обязанностей. Назначаются также викаріи и въ тѣ приходы, которые остаются безъ пастора по смерти одного и до выбора другого. Викаріями же называются и исполняющіе должность пастора (Pfarrverweser) въ такихъ приходяхъ, которые по бѣдности не въ

¹⁾ Halte was du hast. Hft. II S. 560.

²⁾ Свидѣнія о семинаріяхъ замѣтованы изъ Leberl'a Стр. 15 и слѣд.

состояніи содержать настоящаго, постояннаго пастора.—Но въ интересахъ практическаго приготовленія къ пастырству требуютъ, чтобы викаріи назначались не во вдовствующіе приходы и не къ старымъ и немощнымъ пасторамъ или, по крайней мѣрѣ, не только туда, но и къ такимъ пасторамъ, и даже главнымъ образомъ къ такимъ, которые отличаются самою разностороннею и купучею дѣятельностью, которые бы дѣйствительно могли быть наставниками и руководителями своихъ викаріевъ.

Викаріатство подъ руководствомъ дѣльнаго пастора принадлежитъ, по мнѣнію Пальмера, къ числу прекраснѣйшихъ положеній въ жизни, которыя только можно себѣ представить. Приходъ обыкновенно принимаетъ викарія, если онъ хоть сносно исполняетъ свое дѣло, съ тѣмъ благорасположеніемъ, на которое дастъ право его молодость. „Что викарій можетъ,—встрѣчаетъ удивленіе, а чего нѣтъ—списхожденіе,—и то и другое—ради его молодости. Въ приходѣ къ нему относятся со смѣсью дѣтскаго довѣрія и материнскаго благоволенія; онъ является въ одно и то же время и пастыремъ своего прихода и его сыномъ, и многіе признавались, что охоту и любовь къ пастырскому служенію и привязанность къ церкви они вынесли изъ своихъ первыхъ приходовъ¹⁾“.

А. Какъинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

О продолженіи изданія при Кіевской духовной семинаріи
ЖУРНАЛА.

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“.

Въ 1906 подписномъ году журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“, вступая въ 47-й годъ существованія, останется вѣрнымъ своей задачѣ—содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, православно-русскому духовенству въ его святомъ и многотрудномъ служеніи. Бурнымъ потокомъ текутъ событія

¹⁾ с. 110.

русской жизни въ послѣднее время. Захватывая на своемъ пути всѣ стороны русской жизни, современные событія не могутъ не затронуть существеннымъ образомъ положенія Православной Церкви и ея служителей. Вотъ уже частью взошли и зрѣютъ, а частью всходятъ на нивѣ обновляемой государственной жизни Россіи великаго значенія проекты преобразованій и въ церковной жизни. Привѣтствуя пышные всходы государственныхъ и церковныхъ реформъ и по мѣрѣ силъ содѣйствуя ихъ расцвѣту и созрѣванію, мы должны твердо помнить, что,—какъ бы сильны ни были теченія современной жизни, какія бы блага ни сулила намъ современная дѣйствительность,—есть единый вѣчный источникъ обновленія всякой жизни—государственной, семейной и личной—ученіе Христово и единое неложное благо—вѣра Христова. Пойдемъ навстрѣчу современнымъ теченіямъ жизни государственной и общественной, но съ крестомъ Христовымъ въ рукахъ и въ сердцахъ; какъ граждане Россійской имперіи, будемъ служить, по мѣрѣ возможности, укрѣпленію великой родины нашей на началахъ обновленія и свободы, по силою вѣры Христовой и любви, завѣщанной Христомъ. Мы не будемъ равнодушными зрителями великой преобразовательной работы, совершаемой государствомъ при живомъ участіи общества; мы постараемся оправдать надежду Государя Императора, „что все духовенство, особенно сельское, приложитъ искреннее и вполнѣ христіанское стараніе къ водворенію среди своей паствы мира и тишины и къ исполненію каждымъ лежащихъ на немъ обязанностей, безъ чего не возможно никакое плодотворное развитіе жизненныхъ силъ нашей родины“ (Слова Государя, сказанныя Св. Синоду 4 ноября); но мы не забудемъ, что нашъ главный долгъ, наша прямая обязанность служить „созиданію Церкви Христовой, яже есть тѣло Его“; среди бурь и волненій житейскаго моря мы будемъ призывать паству свою къ единой несокрушимой скалѣ—вѣрѣ Христовой, къ жизни въ мирѣ, любви и надеждѣ на Господа въ кораблѣ, которому не страшны житейскія волны, у котораго кормчій—Христосъ, и который есть Церковь Его.

Теперь, когда въ Россіи объявлена свобода вѣроисповѣданія, подъ знаменемъ имени Христова свободно и открыто поднимутся враги православной вѣры; но мы безбоязненно, съ твердой надеждой лишь на помощь Христову, станемъ на стражѣ Православной Церкви, какъ стояли всегда, удвоивъ свою энергію въ защитѣ православной паствы отъ посягательства иновѣрцевъ, еретиковъ и раскольниковъ. Во взаимообщеніи и единеніи—прочный залогъ для успѣшной дѣ-

тельности и для усиленной борьбы, а потому „Руководство для сельских пастырей“ съ полною готовностью предлагает свои страницы всѣмъ пастырямъ, желающимъ подѣлиться своими мыслями, наблюдениями и опытомъ съ сопастырями. Въ тѣхъ же цѣляхъ возможно широкаго ознакомленія читателей съ указаніями пастырскаго опыта журналъ въ 1906 подписномъ году будетъ давать время отъ времени на своихъ страницахъ, въ формѣ достаточно полныхъ обзорѣній, свѣдѣнія о церковной и пастырской дѣятельности въ восточно-православныхъ и западныхъ инославныхъ церквахъ.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 52 еженедѣльно выходящихъ номеровъ, что составитъ три тома, изъ 12 книжекъ „Проповѣдей“ и 12 выпусковъ „Богословскаго библиографическаго листка“. Кроме того, въ 1906 г. Редакція дастъ подписчикамъ, въ качествѣ безплатнаго приложенія, нотный сборникъ „Церковныя пѣснопѣнія“.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святейшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія бібліотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1885 г. за № 280).

Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ мѣста Россійской имперіи шесть рублей.

Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ то: отъ Консисторій, Правленій семинарій и училищъ и-благочинныхъ можетъ быть отсрочена до сентября 1906 г.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: Кіевъ, въ редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.

Редакторъ Рectorъ киевской Духовной Семинаріи Архим. Кириль.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 29-го ноября 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕМЕСЯЧНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 50.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года декабря 11-го.

Содержаніе: Товарищескій судъ чести въ средѣ духовенства.—Участіе православнаго духовенства въ выборахъ членовъ Государственной Думы (окончаніе).—Приготовленіе къ пастырскому служенію въ протестантствѣ (окончаніе).—Отъ редакціи.—Занасные священники.

Товарищескій судъ чести въ средѣ духовенства.

Въ ряду проектовъ, выдвинутыхъ за послѣднее время жизни, направленныхъ къ поднятію нравственнаго уровня въ духовенствѣ, несомнѣнно жизненное значеніе имѣетъ вопросъ объ учрежденіи товарищескаго суда чести въ средѣ духовенства. Въ данномъ вопросѣ духовенство не будетъ новаторомъ: товарищескій судъ чести существуетъ въ военной средѣ, въ нѣкоторыхъ педагогическихъ обществахъ, и по общему признанію, оказываетъ свою долю вліянія на поднятіе нравственности и благородства той среды, въ которой онъ функционируетъ. Правда, нравственность, благородство и честь понимаются здѣсь, всего чаще, въ узко-профессиональномъ смыслѣ, но тутъ уже виновать не самый судъ

чести, какъ таковой, а среда, тѣ задачи и идеалы, какими она живетъ и дышитъ. Единичные случаи товарищескаго суда чести бывають и въ средѣ духовенства. Намъ извѣстенъ такой случай. Въ одномъ изъ благочинническихъ округовъ Кіевской епархіи духовенство округа, видя нетрезвую жизнь и поведеніе одного изъ своихъ братьевъ, позорящую духовенство, предложило ему одно изъ двухъ: или исправить свою жизнь, или совсѣмъ уйти изъ округа. Къ прискорбію, выборъ виновнаго остановился на второмъ предложеніи. Подобные случаи доказываютъ, что вопросъ о товарищескомъ судѣ чести уже назрѣлъ въ духовенствѣ и только пуждается въ детальной разработкѣ и въ правительственной санкціи.

Цѣль суда чести въ духовенствѣ должна заключаться во взаимной поддержкѣ другъ друга на высотѣ нравственныхъ требованій, предъявляемыхъ къ пастырямъ; въ охраненіи добраго имени и достоинства духовнаго сословія, въ устраниеніи изъ жизни духовенства всего того, что противорѣчитъ высокимъ задачамъ пастырскаго служенія.

Не входя въ детальную разработку организаціи товарищескаго суда чести, которая болѣе цѣлесообразно можетъ быть выполнена духовенствомъ каждой епархіи примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ и нуждамъ, общія основанія этого суда можно представить въ слѣдующемъ видѣ.

Пастыри cadaго благочинія составляютъ изъ себя пастырское собраніе, или кружокъ, одной изъ функцій котораго является товарищескій судъ чести. Въ данномъ случаѣ пастырскій кружокъ долженъ напоминать добрую, тѣсно сплоченную семью, гдѣ члены не только поддерживають другъ друга въ добрѣ, но имѣють взаимное право совѣтами и замѣчаніями оберегать другъ друга отъ ошибокъ, а случающіяся ошибки исправлять. Для суда чести въ округѣ долженъ быть избранъ центральный удобный по сообщенію для всѣхъ пунктъ. Нѣтъ надобности приурочивать его непременно къ квартирѣ благочинныхъ, которые нерѣдко живутъ на границахъ, а не въ центрѣ своихъ благочиній.

Каждый изъ членовъ пастырскаго собранія имѣеть право одного голоса и въ товарищескомъ судѣ чести. Такъ какъ нѣкоторые священники могутъ отсутствовать на собраніи по личнымъ, семейнымъ или служебнымъ дѣламъ, то судъ чести можетъ считаться состоявшимся, если на немъ присутствовало $\frac{3}{4}$ общаго числа пастырей, живущихъ въ благочиніи. Изъ наличнаго числа присутствующихъ, независимо отъ ихъ служебнаго положенія, судъ чести выбираетъ одного въ докладчики. На его обязанности лежитъ доложить суду чести дѣло, слѣдить за порядкомъ преній и постановленіе суда сообщитъ лицамъ, о которыхъ идетъ сужденіе. Товарищескому суду чести предоставляется право обсуждать ошибки и проступки товарищей и безъ ихъ на то согласія. Такъ какъ товарищескій судъ чести въ духовенствѣ имѣеть свою цѣлью не наказаніе, а исправленіе зла, то онъ долженъ происходить при закрытыхъ дверяхъ, а разглашеніе происходящаго на судѣ должно быть признано проступкомъ. Для разсмотрѣнія въ судѣ чести дѣла могутъ быть направляемы епархіальнымъ начальствомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно это найдетъ нужнымъ и для дѣла полезнымъ,—прихожанами, если они пожелаютъ, въ случаѣ несогласій со священникомъ, прійти къ любовному соглашенію, и—самими членами братскаго союза чести.

Такъ какъ кругъ нравственныхъ обязанностей духовенства никакъ не можетъ быть сведенъ къ обязанностямъ только профессиональнымъ, то и пастырскому суду чести могутъ подлежать *все* проступки (кромѣ, конечно, уголовныхъ), такъ или иначе роняющіе честь и достоинство духовенства. Въ пастырскомъ судѣ чести должны быть обсуждаемы такіе поступки, которые, хотя и не подлежатъ дѣйствию церковнаго суда, но не совмѣстимы съ понятіемъ о пастырскомъ достоинствѣ, его высотѣ. Напримѣръ, къ епархіальному начальству поступаетъ жалоба на священника въ томъ, что онъ въ обхожденіи съ прихожанами грубъ и гордъ, держитъ себя нетактично и заносчиво. Установить въ данномъ случаѣ безъ

определенных фактов виновность священника очень трудно. Епархиальное начальство в таких случаях с удобством может поручить дело товарищескому суду чести, так как товарищи лучше, чем начальство, знают отношение своего собрата к приходу и к пастырским обязанностям.

Товарищескому суду чести в духовенстве епархиальное начальство полностью могло бы передать, далее, разбор всяких ссор и несогласий, возникающих в среде духовенства. Ни для кого не секрет, что в духовенстве этого рода неприятности—дело далеко не редкое, можно сказать, обычное. Не помирились при дележке копеек, не сошлись из-за земли или квартиры, перешел священник с иконой границу чужого прихода, поспорили из-за старшинства, старший задвинул младшего или последний не оказал надлежащего почета старшему,—сейчас идет жалоба к епархиальному начальству; пошла переписка и отписка, и какой-нибудь пустяк разрастается в целый том писанной бумаги, разобраться в которой члену консистории или епархиальному архиерею не представится, может быть, ни времени, ни охоты. При этом нужно войти в настроение спорящих; каждый себя склонен считать правым и в премахах противника ищет себя поддержки; дело осложняется, взаимное раздражение растет, а решения дела от епархиального начальства, заваленного работой, ждать скоро трудно. Что действительно такого рода дела не редкость, это доказывает послание Киевского Архиепископа к духовенству Киевской епархии. „Пастыри, пишет Владыка в своем послании: живите в мире между собою, трудитесь в согласии, работайте в любви друг к другу. Прежде всего, мирно живите и трудитесь члены причтов каждой церкви в отдельности. Больше всего я страдаю от чтения бумаг, в которых изображается враждебное отношение членов причта друг к другу“... Трудно думать, что это обращение к духовенству вызвано единичными случаями, а не обычным и довольно частым явлением несогласия между чле-

нами причтовъ. Положеніе архипастырей въ такихъ случаяхъ тѣмъ затруднительнѣе, что *суть дѣла*, закулисную его сторону, коренную причину несогласія не всегда можно узнать, не всегда скажетъ его бумага. Сами архипастыри сознаютъ въ такихъ случаяхъ свое затруднительное положеніе и нерѣдко передаютъ дѣла на третейскій судъ, всего чаще—благочинныхъ. Одинъ владыка, когда ему черезчуръ надоѣли два спорщика-священника, которые никакъ не могли прійти къ соглашенію, вызвалъ благочиннаго и сдѣлалъ такое постановленіе: „Надоѣли мнѣ эти спорщики, я ужъ и не разберусь, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ; помири ихъ по совѣсти, отецъ, да такъ, чтобы они ужъ больше ко мнѣ не лѣзли“. Повторяемъ, въ такихъ дѣлахъ пастырскій судъ чести разберется не хуже формальнаго консисторскаго суда; мѣстное право, частные обычаи, наконецъ, характеры спорящихъ, даже основные причины такихъ недоразумѣній—все это гораздо болѣе извѣстно самому духовенству, чѣмъ епархіальному начальству.

Пастырскій судъ чести есть учрежденіе нравственнаго, а не юридическаго характера, а поэтому и рѣшенія его могутъ имѣть только нравственную обязательность. Подчиняться этимъ рѣшеніямъ виновные могутъ не въ силу внѣшняго давленія, а добровольно, по уваженію къ суду чести, какъ общественному голосу правды. Отсюда постановленія эти не могутъ быть нигдѣ опротестованы или обжалованы, не могутъ сопровождаться внѣшними ограниченіями, —тѣмъ, что называется наказаніемъ, равно не лишаютъ права искать правды путемъ формальнаго суда. Судъ чести можетъ: 1) постановить приговоръ объ оправданіи обвиняемаго; 2) въ случаѣ виновности, сдѣлать товарищу братскій совѣтъ или внушеніе; 3) въ крайнемъ случаѣ, предложить ему выйти изъ состава пастырскаго собранія и искать себѣ другого мѣста. Въ спорныхъ вопросахъ, въ такихъ дѣлахъ, гдѣ нѣтъ виновныхъ, а есть лишь лица несогласныя, разномыслящія, судъ чести, разъяснивъ

дѣло, примиряетъ несогласныхъ, предлагая имъ на этомъ и покончить дѣло.

Было бы однако одностороннимъ поручить товарищескому суду чести въ духовенствѣ только дѣла по простушкамъ духовенства. Бываютъ дѣла, въ которыхъ выступаютъ лица, враждебные къ духовенству, или даже въ самомъ духовенствѣ лица беспокойныя, которыя возбуждая дѣло, не правды ищутъ, а того, чтобы сдѣлать побольше неприятностей, какъ говорится, насолить неприятному лицу. При этомъ въ обвиняемые попадаютъ иногда совершенно невинныя, — лица, которыя воды не замутятъ; особенно въ тяжеломъ положеніи оказываются старики, не знающіе канцелярскаго дѣла, не умѣющіе даже отстоять себя; предъ грозящею бѣдою они только теряются и безпомощно разводятъ руками. Желательно было бы, чтобы пастырскому суду чести дано было и право заступничества, право защищать невинныхъ лицъ предъ консисторскимъ и владычнымъ судомъ.

Пастырскому суду чести возможно было бы передать и еще два дѣла: именно отмѣтку поведенія причтовъ въ клировыхъ вѣдомостяхъ и представленіе къ наградамъ. И тѣмъ и другимъ вѣдаютъ у насъ благочинническіе совѣты, а по мѣстамъ, гдѣ благочинный права суроваго и характера твердаго, то и самъ онъ единолично. При этомъ не забывается старое, но не утратившее своей силы: „порадѣть родному человѣчку“, и случаются иногда обидныя вещи: отличный пастырь, не поладившій съ благочиннымъ, чѣмъ-либо не угодившій, аттестуется поведенія „очень хорошаго“, т. е. проще говоря, по поведенію получить „4“. При наградахъ тоже случаются курьезы; иной старикъ за 15 лѣтъ не получилъ награды; бываютъ случаи двукратнаго награжденія набедренникомъ или скуфьей... Думаемъ, что чувство справедливости больше было бы соблюдено, если бы этими дѣлами вѣдали пастырскія собранія.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о тѣхъ удобствахъ и выгодахъ, какія принесетъ пастырскій судъ чести. Какъ вся-

кое новое право, онъ безусловно повыситъ самосознаніе духовенства, ободритъ его въ пастырскомъ трудѣ, повыситъ строгость и требовательность не только къ другимъ, но и къ себѣ. Личная честь и достоинство будутъ цѣниться, какъ общая, для всѣхъ дорогая, а не безразличная цѣнность; рѣже будетъ слышаться равнодушное: „моя хата съ краю“... На дурныхъ членовъ причта, какіе иногда встрѣчаются, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторыхъ изъ нихъ, учрежденіе товарищескаго суда чести подѣйствовало бы несомнѣнно отрезвляюще и облагораживающе. Естественно въ каждомъ предполагать чувство осторожности, болѣе внимательнаго отношенія къ своимъ дѣйствіямъ и поступкамъ, разъ онъ знаетъ, что они служатъ предметомъ наблюденія со стороны товарищей; чувство стыдливости обережетъ многихъ отъ промаховъ и ошибокъ, разъ они будутъ сознавать, что эти ошибки могутъ сдѣлаться предметомъ обсуждения и осужденія цѣлаго округа, т. е. ближайшихъ товарищей и соработниковъ.

Судъ чести несомнѣнно значительно облегчитъ работу епархіальнаго начальства по разбору казусныхъ и кляузныхъ дѣлъ въ духовенствѣ не только потому, что возьметъ часть его работы на себя, но и потому, что несомнѣнно уменьшитъ число такихъ дѣлъ, такъ какъ будетъ имѣть возможность прекращать есоры и непріятности въ самомъ началѣ, безъ всякой волокиты, переписки. И стремиться судъ чести будетъ не къ формальной лишь правдѣ, а къ насажденію дѣйствительнаго мира и согласія въ своей средѣ. Послѣ товарищескаго суда чести у не многихъ явится охота искать формальнаго суда, такъ какъ это будетъ зазорно не только для самого любителя жалобъ, но и для пастырскаго собранія, которое не сумѣло рѣшить дѣло любовно. При существованіи товарищескаго суда чести духовенство само будетъ чистить свою грязь, гдѣ таковая встрѣтится, не открывая ее обширному кругу зрителей. Уменьшеніе дѣлъ казусныхъ, съ неизбѣжнымъ допросомъ свидѣтелей, несомнѣнно подниметь духовенство не только въ глазахъ прихожанъ, которымъ въ

качествѣ свидѣтелей приходится открывать наготу своихъ отцовъ, но и епархіального начальства: вѣдь каждое скверное дѣло горькимъ осадкомъ ложится на душу судящаго, оставляетъ въ ней слѣды и отражается на отношеніи къ людямъ.

Наконецъ, товарищескій судъ чести, быть можетъ по мѣстамъ, внесетъ больше дѣйствительной правды, чѣмъ есть ея теперь. Нельзя думать, будто наличными дѣлами, жалобами исчерпываются всѣ обиды, какія подчасъ творятся въ духовномъ мірѣ. О, нѣтъ! Тысячу разъ нѣтъ! Не мало и теперь льется незримыхъ вдовихъ, іерейскихъ и дьячковскихъ слезъ, о которыхъ знаетъ только Богъ, да подчасъ пріятель. Почему, спросите вы, не ищутъ они правды, вѣдь наше вѣдомство должно всюду нести правду, и миръ, и радость? Виновата тутъ вѣками выработанная робость, приниженность и придавленность; виновата тутъ непрактичность, благоговѣйный, страхъ предъ начальствомъ, боязнь жалобъ, переписки, всякихъ неприятностей, какія съ ними связаны. Для такихъ лицъ товарищескій судъ чести несомнѣнно будетъ болѣе доступенъ, давая возможность обиды и горести свои обсудить вмѣстѣ съ товарищами, не доводя ихъ до суда, не тревожа начальства, и виновнаго лица не подвергая страху наказанія.

Свящ. В. Пестряковъ.

Участіе православнаго духовенства въ выборахъ членовъ Государственной Думы.

(Окончаніе ¹⁾).

Современнымъ смятеніямъ умовъ у насъ воспользовались, можно сказать, всѣ зловредныя социалистическія, революціонныя и анархистическія партіи, существующія на Западѣ и оттуда къ намъ занесенныя. Эти партіи свое начало ведутъ со времени великой французской революціи. На Западѣ онѣ, осо-

¹⁾ См. № 49-й за 1905 г.

бенно во Франціи, не разъ въ теченіе 19-го вѣка устроили революціонныя бури, и увлекавшіеся ихъ ученіями погубили десятки милліоновъ человѣческихъ жизней, не достигши рѣшительныхъ успѣховъ въ области правовыхъ и экономическихъ отношеній между отдѣльными людьми и цѣлыми классами. То, что онѣ себѣ приписываютъ и что свидѣтельствуетъ о дѣйствительномъ улучшеніи народнаго быта, приобрѣтено народами Запада не посредствомъ крови и желѣза, а посредствомъ упорнаго мирнаго труда—умственного и физическаго. Эти партіи,—всегда имѣвшія во главѣ своей дилетантовъ науки, паразитовъ народно-трудовой жизни (иначе—живущихъ на чужой счетъ),—всегда идутъ, какъ и шли, подъ знаменами свободы, братства и равенства; всегда манили и манятъ людей общечеловѣческими и естественными правами. Въ дѣйствительности же никто и никогда не развивалъ такого деспотизма, какъ именно онѣ: всѣхъ несогласныхъ съ ихъ воззрѣніями онѣ не только подвергали проклятію, но и поголовному истребленію, если только хоть на минуту власть переходила въ ихъ руки. И вотъ наши социалисты-революціонеры, террористы *et tutti quanti* возмнили теперь, что настало ихъ время, и прилагаютъ всѣ средства, чтобы овладѣть умами и дѣятельностью русскаго государства. Имъ нуженъ переворотъ, а не преобразованія; они идутъ въ Государственную Думу, чтобы превратить ее тотчасъ же по открытіи въ учредительное собраніе (французское собраніе 1789). Неужели же они должны пройти въ Думу?

Наряду съ этими партіями идутъ другія „прогрессивныя“. Здѣсь полное смѣшеніе племенъ и нарѣчій, ученій и воззрѣній, сословій и состояній. Но нельзя не замѣтить, что среди этихъ партій, стремящихся къ объединенію, большинство людей „свободныхъ профессій“: адвокатовъ, докторовъ, профессоровъ и т. д. Въ первый періодъ великой французской революціи дѣйствующими лицами были тѣ же представители „свободныхъ профессій“; среди нихъ были маркизы, графы; какъ у насъ титулованные князья и графы; были и

тогда среди разрушавшихъ старое зданіе государста и создавшихъ фантастичныя конституціи представители изъ духовнаго сословія (аббать Сійэсъ). Это были люди такъ называемаго третьяго сословія, люди, въ огромномъ большинствѣ, теоретики и мечтатели. Они слѣпо принялись въ національномъ собраніи за разрушеніе существующаго порядка и за уничтоженіе существующихъ несправедливостей (въ одну ночь все это было сдѣлано, и аббать Сійэсъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ сочинилъ новую конституцію на основаніяхъ „свободы, братства и равенства“ и естественныхъ правъ человѣка). Чѣмъ же все это окончилось? Сильнѣйшимъ возбужденіемъ народныхъ массъ, страшнымъ кровопролитіемъ, появленіемъ на сценѣ въ качествѣ главныхъ дѣятелей и рѣшителей судьбы французскаго народа четвертаго сословія (рабочихъ) и гильотиной, подъ топоромъ которой первыми сложили свои головы люди свободныхъ профессій, создатели законодательнаго собранія и новой конституціи (кромѣ, впрочемъ, аббата Сійэса). За такимъ „успѣхомъ“ настало время Конвента и Террора. „Новые“ устроители государственнаго быта, во имя торжества „естественнаго права“ людей, гильотинировали (правильнѣе—вырѣзали) сотни тысячъ людей въ Парижѣ за то, что большинство изъ нихъ было недостаточно-республиканцами, по крайней мѣрѣ,—не въ духѣ конституціи 1893 года, которую самъ Конвентъ и Комитетъ Общественнаго Спасенія признали временно не осуществимою и предложили подвергнуть той же гильотинѣ еще 300000 человѣкъ. Окончились работы по насажденію естественныхъ правъ человѣка: свободы, братства и равенства созданіемъ директоріи, консульства и, наконецъ, военной монархіи, потребовавшей вновь отъ Франціи и всѣхъ народовъ Европы, въ томъ числѣ и Россіи, милліоновъ человѣческихъ жизней (во всѣхъ этихъ переворотахъ неизмѣнно участвовалъ аббать Сійэсъ).

Присматриваясь къ нашей современности, мы невольно вспоминаемъ тяжелыя времена Франціи. Невольно предъ нами возникаетъ вопросъ: неужели же и Россіи суждено пережить

все это, что пережила когда-то Франція? Невольно передь нами проносятся наши смутныя времена, бунты Стеньки Разина и Пугачева. Неужели все это такъ необходимо для блага народа и, въ частности, для блага людей свободныхъ профессій?

Но, нужно сказать, наши прогрессисты пошли далѣе французскаго третьяго сословія временъ 1789 года. На самозванномъ съѣздѣ въ Москвѣ самозванныхъ представителей отъ земскихъ и городскихъ управленій, ничто-же сумняся, наряду съ секуляризациею церковнаго имущества и націонализациею государственной, удѣльной и помѣщичьей земли, постановили превратить всю русскую землю въ федерацію почти самостоятельныхъ, въ политическомъ отношеніи и вполнѣ автономныхъ во внутреннемъ управленіи областей. Французы 1789 года не дѣлили своей родины; они, вѣроятно, были еще недостаточно прогрессивны для этого! Наши же прогрессисты ни предъ чѣмъ не остановились и сразу „переоцѣнили“ всю русскую исторію и пришли къ убѣжденію, что, для вышшаго блага русскаго народа и имъ созданнаго съ великими страданіями государства, необходимо превратить Русскую имперію въ первобытное состояніе—маленькаго Московскаго княжества; впрочемъ, вѣроятно, не княжества, а республики. Такъ всегда бываетъ: вставши на наклонную плоскость, не имѣя за душой и въ душѣ ничего серьезно-сдерживающаго, люди катятся по наклонной плоскости до полнаго самоуниженія и самоуничтоженія.

Но горе-то наше въ томъ, что современные люди, стоящіе на покатой плоскости, всѣхъ стараются убѣдить, что они всѣхъ въ гору ведутъ, что не къ разрушенію, а къ доброму созиданію направлены ихъ мысли и дѣла. И поэтому они предъявляютъ притязанія на руководственное значеніе въ будущей Государственной Думѣ. Среди всеобщей растерянности или инертности не трудно (конечно, не вдумывающимся серьезно въ дѣйствительное положеніе) повѣрить въ правдивость ихъ рѣчей—даже за ними пойти. Смятеніе умовъ, охва-

тившее большую часть русских людей, главным образом, под влиянием ничего-неделания для активной защиты законности, порядка и постепенности разумно и целесообразно-скомбинированных реформ,—дошло до того, что иные из русских людей возмывшие желание участвовать в выборах в Государственную Думу, стремятся встать на сторону прогрессивных партий и в оппозицию разным „отжившим“ уже формам государственной жизни, не подозревая, насколько „платформы“ этих партий проникнуты исключительно духом разрушения, а не созидания. Равным образом ничем иным, как тем же смятением умов, нужно объяснить и те соображения, которыми руководствуются иные из деятельных членов духовенства в своей склонности к прогрессирующим партиям. Именно—говорят (и говорят, к стыду нашему, открыто): мы должны идти за этими партиями потому, что неизвестно, кто: консерваторы или прогрессисты в Государственной Думе возобладают; если последние, а мы будем против них при выборах,—то Государственная Дума тогда ополчится на нас, и мы все потеряем. Не говоря уже о болѣе высокомъ, хотя бы отдаленно напоминающемъ о долѣ сословій и учрежденій при самоопредѣленіи ихъ предъ лицомъ идущихъ преобразованій,—нельзя не усмотрѣть въ вышенаведенномъ „соображеніи“ прогрессирующихъ изъ духовенства и крайней близорукости, и непамяти своей силы, и, наконецъ, забывчивости въ отношеніи къ интересамъ народа. Насколько справедливо вышеприведенное соображеніе, для опредѣленія этого достаточно задаться вопросами: знаютъ-ли прогрессивныя партіи, особенно крайнія изъ нихъ, на чемъ остановится реформаторская дѣятельность изъ нихъ составленной Думы? Разумѣется, не знаютъ, такъ какъ они и теперь-то не могутъ точно формулировать, чего они желаютъ; тѣмъ болѣе, что теперь, во время выборовъ, почти всѣ партіи эти идутъ вмѣстѣ, а потомъ, несомнѣнно, онѣ разобьются. Что же эти, такъ соблазняющія теперь легковѣрныхъ и близорукихъ изъ духовенства, партіи

сдѣлають и могутъ сдѣлать для духовенства, хотя бы онѣ, допустимъ, и чистосердечно хотѣли что-нибудь сдѣлать? Идущіе въ объятія прогрессивныхъ партій и тѣмъ усиливающіе слабыя, сравнительно съ другими, ихъ силы, вѣроятно не знаютъ *своей* силы,—силы и значенія православнаго духовенства. Между тѣмъ, всѣ данныя убѣждаютъ, что послѣднее можетъ придать выборамъ характеръ, вполне соотвѣтствующій его интересамъ. Предъ православнымъ духовенствомъ всегда должны быть,—особенно въ такую *рѣшающую* пору государственной нашей жизни,—на первомъ планѣ интересы Православной Церкви и православнаго русскаго крестьянства,—той огромной части русскаго населенія, которая всего менѣе можетъ увлекаться идеями „переворотовъ“, которая нуждается пока не въ демократическихъ республикахъ, и для которой всѣ эксперименты политическіе въ этомъ родѣ будутъ только источникомъ горя, разоренія и еще большаго одичанія.

Изданный 17-го октября Высочайшій манифестъ даетъ будущей Государственной Думѣ еще большее значеніе, чѣмъ она имѣла по положенію 6 августа. Именно—она становится законодательнымъ, а не законосовѣтательнымъ только учрежденіемъ. При этомъ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что манифестомъ 17 октября пока не опредѣлено, въ какихъ отношеніяхъ будетъ находиться Государственная Дума къ Государственному Совѣту и даже къ самой Верховной Власти. Несомнѣнно, для опредѣленія этихъ отношеній и указанія точныхъ функцій Государственной Думы воспослѣдуютъ указанія и дополненія къ знаменательному акту 17 октября. Для насъ въ настоящее время представляетъ чрезвычайную важность то, что Государственная Дума превращается въ законодательное учрежденіе. Если по положенію 6 августа Государственная Дума въ вопросахъ о положеніи Церкви Православной, а равно другихъ церквей и общинъ религіозныхъ не могла имѣть *рѣшающаго* значенія, то теперь, послѣ 17-го октября, она выступаетъ во всеоружіи окончательно *рѣшающаго* учрежденія. Отсюда ясно, какое значеніе

имѣть вопросъ, кто будетъ членами Думы. Мало того манифестомъ 17 октября—расширены права населенія на участіе въ избраніи членовъ Думы, дарована свобода сходокъ, собраній, союзовъ, печати и личности. Всѣ эти новыя „вольности“ создаютъ новыя, весьма благопріятныя условія для тѣхъ общественно-политическихъ партій, которыя особенно стремились и стремятся завладѣть руководящею ролью въ новоустроиваемой государственной жизни. Свобода собраній, печати и личности развязываетъ руки всѣмъ, даже самымъ крайнимъ революціоннымъ партіямъ: въ то же время она открываетъ имъ самую широкую возможность агитаціи среди простаго народа. Во всемъ этомъ нельзя не видѣть серьезной опасности, такъ какъ извѣстно, что крайнія, революціонныя партіи, девизомъ которыхъ является только разрушеніе, всегда были (и есть) самыми фанатическими. Быстрота, доходящая до неожиданности, слѣдующихъ одна за другой реформъ еще болѣе способствуетъ развитію фанатизма и чрезмѣрной самонадѣянности въ тѣхъ партіяхъ, которыя увѣрили себя и другихъ, что онѣ, а никто иной—„вырываютъ“ у Правительства „свободы“ народу. Мы должны, поэтому, послѣ манифеста 17 октября ожидать весьма значительно усиленной агитационной дѣятельности всѣхъ партій и въ особенности—крайнихъ; мы должны быть готовыми и къ тому, что эти партіи, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, пріобрѣтутъ замѣтный успѣхъ, такъ какъ онѣ являются среди другихъ партій наиболѣе сплоченными, организованными и снабженными необходимыми матеріальными средствами.

Но указывая на тѣ слѣдствія, какія неизбежно будутъ имѣть манифестъ 17 октября для всѣхъ вообще прогрессивныхъ партій и въ частности для крайнихъ, мы должны сказать, что въ силу дарованныхъ этимъ манифестомъ свободъ—яснѣе обозначатся самыя партіи, постепенно выдѣлятся изъ общей массы прогрессивныхъ—и умѣренно-либеральныя, и и просто либеральныя, и др. ▲ это будетъ имѣть весьма важное значеніе для всѣхъ, кто пожелаетъ воспользоваться пре-

доставленными ему правами и свободой сознательно и по определенным программам. Мы думаемъ, что манифестъ 17 октября заставитъ всѣхъ желающихъ быть руководителями въ предстоящей избирательной кампаніи яснѣе формулировать свои стремленія и тѣмъ самымъ избавить многихъ отъ фальшивыхъ шаговъ. Для православнаго духовенства, въ частности, манифестъ этотъ особыхъ измѣненій не внесъ. Будемъ ожидать, что дальнѣйшими разъясненіями его и дополненіями будутъ точнѣе определены избирательныя права городского духовенства, по положенію 6 августа весьма стѣсненныя.

Въ виду всего сказаннаго, становится понятнымъ, почему мы придаемъ особенно серьезное значеніе вопросу объ участіи православнаго духовенства въ дѣлѣ выборовъ въ члены Государственной Думы.

Въ „правилахъ (не отмѣненныхъ и манифестомъ 17 октября, о примѣненіи и введеніи въ дѣйствіе учрежденія Государственной Думы и положенія о выборахъ въ Государственную Думу“ говорится (п. 17): „въ избирательные списки для участія въ выборахъ на основаніи пункта д статьи 12 положенія о выборахъ въ Государственную Думу вносятся священнослужители, если причтъ владѣетъ въ уѣздѣ указанными въ статьѣ 445 и 453 законовъ о состояніи церковными землями. По всѣмъ такимъ землямъ каждой церкви въ списокъ вносится ея настоятель“. Въ 445 ст. законовъ о состояніяхъ (изд. 1899 г.) говорится: „Земли церковныя суть двоякаго рода: 1, земли, принадлежащія имъ по прежнимъ дачамъ и писцовымъ книгамъ, или по повѣйшимъ укрѣпленіямъ; 2, земли усадьбныя для церковныхъ причтовъ и отводимыя къ нимъ для довольствія отъ прихожанъ въ установленной межевыми знаками пропорціи“. Статья 453 тѣхъ же законовъ гласитъ: „Правила объ обезначеніи причтовъ православныхъ сельскихъ приходовъ въ девяти западныхъ губерніяхъ и въ губерніяхъ прибалтійскихъ, объ отводѣ земельныхъ надѣловъ церквамъ, находящимся на владѣльческихъ земляхъ въ области войска Донскаго, и объ отводѣ церквамъ

и причтамъ земель и лѣсовъ Тобольской, Томской, Иркутской и Енисейской и въ Алтайскомъ округѣ вѣдомства Кабинета Его Величества при семъ приложены“. Въ этихъ „правилахъ“ (того же изданія стр. 105 и 106) въ отношеніи къ области войска Донского указывается порядокъ отвода земель изъ владѣльческихъ имѣній, въ отношеніи къ названнымъ въ 453 ст. губерніямъ—указывается размѣръ надѣла (99 десятинъ) на каждый причтъ, въ отношеніи къ Алтайскому округу—то же самое. Въ п. д. 12-й статьи „Положенія“ о выборахъ въ Государственную Думу, на который сдѣлано указаніе 17 правиломъ о выборахъ, говорится, что на сѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ участвуютъ и „уполномоченные отъ священнослужителей, владѣющихъ въ уѣздѣ церковною землею“. Сопоставляя этотъ пунктъ (д.) ст. 12. съ статьею 15-й того же „Положенія“, гдѣ говорится, что „число уполномоченныхъ, подлежащихъ избранію на предварительномъ сѣздѣ, опредѣляется количествомъ земли, числящейся за лицами, явившимися на сѣздѣ, и итогомъ оцѣночной стоимости другого принадлежащаго имъ недвижимаго имущества, полагая по одному уполномоченному на полный избирательный цензъ, установленный для участія на сѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ (ст. 12 п. п. а, б и в)“, и не усматривая въ этой послѣдней статьѣ ограниченія по пункту д, мы должны прийти къ выводу, что на сѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ могутъ присутствовать *все* настоятели церквей, какимъ бы количествомъ земли эти церкви, а сами настоятели—какою бы частью изъ этой церковной земли—не пользовались. Манифестомъ же 17 октября избирательныя права всѣхъ русскихъ подданныхъ еще болѣе расширяются, и если будутъ какія-либо разъясненія въ отношеніи къ пользованію ими православнымъ духовенствомъ, то, нужно ожидать, они еще болѣе усилятъ участіе духовенства въ избраніи членовъ Думы. Принимая во вниманіе общее количество церковныхъ земель, мы должны сказать, что въ дѣлѣ выборовъ въ Государственную Думу предоставлено духовенству выдающееся значеніе.

Сдѣланные подсчеты говорятъ, что во многихъ губерніяхъ православное духовенство должно бы имѣть даже безъ всякаго расширенія его избирательныхъ правъ рѣшающее значеніе. Но непосредственнымъ и личнымъ участіемъ въ выборахъ еще не исчерпывается все значеніе духовенства. Оно стоитъ въ непосредственной близости къ крестьянству и массѣ мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ. Какъ бы печально ни рисовали намъ установившіяся въ послѣднее время отношенія между народомъ и духовенствомъ, мы не можемъ сомнѣваться, что вліяніе послѣдняго на своихъ пасомыхъ громадно, особенно-сравнительно съ другими интеллигентными классами, и что большинство крестьянъ будетъ обращаться къ духовенству за разнаго рода разъясненіями и руководственными указаніями. Даруемая же манифестомъ 17 октября „свободы“ должны еще болѣе поощрять православное духовенство въ дѣлѣ руководствованія народомъ.

Изъ всего сказаннаго выводъ долженъ быть одинъ: православное духовенство *все* должно принять самое дѣятельное участіе въ выборахъ—какъ лично, такъ и въ формѣ руководствованія народомъ. Однимъ изъ сильныхъ возраженій противъ этого выставляють,—и что всего знаменательнѣе—„прогрессивныя“ партіи,—что впутываться православному духовенству *въ политическую* борьбу и агитацію и опасно, и не соответствуетъ идеѣ пастырскаго служенія. Опасно, говорятъ, потому, что въ случаѣ побѣды партіи, противъ которой пойдетъ духовенство, будетъ окончательно поколеблено положеніе послѣдняго среди народа. Мы думаемъ, что безучастное отношеніе православнаго духовенства, тѣмъ болѣе сознательное уклоненіе отъ дѣла чрезвычайной важности и въ такія моменты государственной жизни нашей, каковы переживаемые, дѣйствительно не только народъ, но и всѣ сословія приведетъ къ убѣжденію, что православное духовенство омертвѣло и забыло завѣты прошлаго и свои обязанности въ отношеніи къ настоящему, что оно почило, если не на лаврахъ, то на рунѣ стригомыхъ имъ овецъ. Боятся того, что по-

объденное оно падеть во мнѣніи народа, это значить—служить только узкому самолюбію, ибо истина и правда не всегда шли и идутъ въ жизнь съ надеждою на побѣду. Побѣжденному, но храброму великія почести воздаютъ благодарные современники и потомки; не то—неправедному побѣдителю, а тѣмъ болѣе—сонному для общественнаго блага и дѣятельному въ устроеніи своихъ дѣлъ. Пастырямъ Церкви вручены души людскія, имъ дана власть упорядочивать нравственную жизнь пасомыхъ, слѣдовательно—право участвовать въ устроеніи не только внутренней, но и внѣшней жизни пасомыхъ. Въ канонахъ церковныхъ нѣтъ запрещенія духовенству учить людей, какъ нужно жить, какъ нужно устроить общественную и государственную жизнь, лишь бы это ученіе не противорѣчило заповѣдямъ Христовымъ, Закону Божию. Указывающіе на несовмѣстимость участія въ выборахъ въ Государственную Думу съ пастырскимъ служеніемъ явно стремятся къ тому, чтобы убѣдить духовенство—отдать народъ въ ихъ власть, чтобы тѣмъ самымъ разъ навсегда стать къ народу ближе, чѣмъ духовенство, или же—на его мѣсто. Пзвѣстно, что попытки устранить послѣднее съ принадлежащаго ему общественнаго и почетнаго мѣста—рядомъ съ народомъ уже дѣлались. Онѣ дѣлаются особенно усердно и теперь, при чемъ замѣстителями приходскихъ священниковъ въ дѣлѣ руководства крестьянами въ такъ называемыхъ общественно-политическихъ вопросахъ настойчиво намѣчаются и проводятся народные учителя. Что все это значить и къ чему можетъ повести въ будущемъ,—понятно само собой.

Намъ наша же жизнь постоянно твердить, какими безпомощными являются крестьяне, когда имъ приходится впервые сидѣть и говорить съ „господами“. Можно себѣ представить, каково будетъ положеніе крестьянъ, когда къ нимъ явятся разные представители партій, каково будетъ положеніе и членовъ выборщиковъ и тѣмъ болѣе членовъ Государственной Думы изъ крестьянъ, если только они будутъ представлены самимъ себѣ и явятся въ избирательныя комиссіи

и Государственную Думу совершенно неподготовленными! Вѣдь на нихъ, какъ представляющихъ самую внушительную силу, насядутъ всѣ, и растеряться крестьянину при такомъ положеніи совершенно не трудно, какъ бы онъ ни былъ „себѣ на умѣ“. Необходимо и уполномоченнымъ, и выборщикамъ, и членамъ Государственной Думы изъ крестьянъ—предварительно разъяснить смыслъ желаній и требованій различныхъ партій. Положительно падеть на призванныхъ руководителей великій грѣхъ предъ народомъ, если его представители пойдутъ на выборы и въ Думу безъ подготовки. Помимо и вопреки волѣ народной—они могутъ явиться такими же разрушителями, какъ самые крайніе социалисты и анархисты. Вся отвѣтственность за такой исходъ дѣла падеть на тѣхъ, кто долженъ былъ руководить народомъ, но не сдѣлалъ этого своевременно.

Мы вѣримъ, что православное духовенство, такъ всегда близко къ своему сердцу принимавшее интересы народа, всегда и всею душою стоявшее за благо родины, государства и Церкви,—не будетъ безмолвнымъ свидѣтелемъ совершающихся событій, а дѣятельнымъ участникомъ ихъ во благо Русской земли.

Но какъ понимать это благо? Вѣдь столько толкованій этого слова, а еще болѣе злоупотребленій имъ!

Оставляя на послѣдующее время подробную рѣчь о томъ, во имя чего должно работать въ настоящее время всѣмъ и въ частности православному духовенству, мы въ настоящемъ случаѣ ограничимся слѣдующими положеніями.

Жизнь народовъ, какъ и отдѣльныхъ людей, постоянно *должна* развиваться и совершенствоваться. То, что мы называемъ реформами, *всегда* необходимо. Но реформы, какъ и самая жизнь, не должны идти скачками: изъ отроческаго возраста нельзя сразу перейти въ вомужалый. Поэтому, необходима въ реформахъ *разумная* постепенность. Разумъ же требуетъ, чтобы дерево для пересадки на другое, лучшее мѣсто не вырывали, а осторожно выкапывали, чтобы жизни

сложившейся не ломали, а постепенно въ нее вводили новые соки, которые бы обновляли ее. Исторія всѣхъ народовъ и нашего въ частности говорить, что самыми цѣнными приобрѣтеніями людскими были тѣ, которыя выросли не вслѣдствіе случайныхъ переворотовъ, а вслѣдствіе постоянного, упорнаго труда людей надъ самими собой, которыя не были подражательными привнесеніями изъ чуждой среды, а самимъ народомъ создавались или сознательно перерабатывались. Та же исторія, и въ особенности исторія XIX вѣка, говорить, что въ основѣ всѣхъ совершенствованій жизни лежитъ совершенствованіе личности человѣческой на основаніяхъ вѣры, нравственности и безспорной науки.

Наша русская жизнь крайне нуждается въ преобразованіяхъ. Но вслѣдствіе необыкновенной сложности этой жизни — дѣло реформъ у насъ требуетъ особенной осмотрительности и осторожности. Это справедливо вообще и въ особенности въ отношеніи къ дѣламъ церковнымъ и формамъ церковной жизни.

Въ виду этого, наилучше соответствующею интересамъ истиннаго прогресса нашей жизни во всѣхъ ея сторонахъ нужно признать программу умѣренно-либеральной партіи, желающей работать теперь на основаніяхъ, положенныхъ въ учрежденіе Государственной Думы, стремящейся использовать силы этого учрежденія во всей полнотѣ, дабы приобрѣсти прочный фундаментъ для дальнѣйшаго совершенствованія нашей жизни.

М. Гн.

Приготовление къ пастырскому служенію въ протестантствѣ.

(Окончаніе ¹⁾).

Исполняя должность викарія, кандидатъ сознаетъ себя уже состоящимъ на дѣйствительной службѣ. Онъ чувствуетъ, что все, что онъ дѣлаетъ и говоритъ, есть уже не проба, не опытъ, а дѣйствительное дѣло; онъ знаетъ, что за его проповѣды, за урокомъ катехизаціи не послѣдуетъ уже критика и разборъ, какъ въ семинаріи,—и это придаетъ его дѣятельности, всему его поведенію увѣренность и необходимую для пастыря солидность. Онъ становится на чисто практическую, служебную точку зрѣнія и съ нея переоцѣниваетъ всѣ свои научныя познанія и пріобрѣтенныя пріемы практической дѣятельности,—дѣйствительно вводится въ кругъ пастырскихъ обязанностей.

Ставится вопросъ: что лучше—семинарія или викаріатство? и что изъ нихъ сдѣлать обязательнымъ для кандидатовъ?—или же вмѣнить ему въ обязанность и ту и другое; и тогда въ какомъ порядкѣ?—Объ этомъ въ послѣднее время много говорятъ въ церковныхъ сферахъ въ Германіи; вопросъ, какъ говорить Leberl, сдѣлался жгучимъ ²⁾.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что викаріатство замѣнить семинаріи не можетъ. Тотъ духъ общенія и взаимнаго возбужденія, который такъ содѣйствуетъ учебнымъ занятіямъ въ семинаріи, у викарія отсутствуетъ; никогда также руководство сеніора, у котораго кандидатъ состоитъ викаріемъ, не сравнится съ руководствомъ выдающихся научныхъ и практическихъ дѣятелей,—наставниковъ соминаріи, которымъ пользуется кандидатъ, находясь въ послѣдней. Слѣдовательно, научную подготовку, долженствующую послужить

¹⁾ См. № 49-й за 1905 г.

²⁾ S. 14

основой пастырской дѣятельности, даетъ гораздо лучшую семинарію, чѣмъ викаріатство. Что же касается подготовки практической, то относительно нея викаріатство находится въ гораздо лучшихъ условіяхъ. Семинарская практика, какъ говоритъ Schmidt, все-таки служить лишь базисомъ и исходной точкой для теоретическаго изученія¹⁾, у викарія же она есть уже живое дѣло. Кромѣ того, у семинаріи не достаетъ того общаго фона практической дѣятельности, какимъ является для викарія его приходъ, — фона, составляющаго необходимое условіе систематической практики. И, наконецъ, сеніоръ въ своемъ приходѣ можетъ быть гораздо лучшимъ руководителемъ по части изученія сугае анімагим, чѣмъ самый опытный семинарскій наставникъ. Онъ сопровождаетъ викарія къ больнымъ, бѣднымъ и обездоленнымъ своего прихода и своей рекомендаціей открываетъ викарію доступъ и въ ихъ дома и въ ихъ сердца. Въ то же время онъ даетъ ему совѣты и указанія, какъ подойти, какъ пріобрѣсти довѣріе того или другого лица. Точно также обстоитъ дѣло и съ проповѣдью и катехизаціей. Сеніоръ выслушиваетъ своего викарія и затѣмъ критикуетъ его уже не съ научно-гомилетической точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія нуждъ и потребностей прихода. Этимъ—и только этимъ—путемъ научается кандидатъ говорить жизненные проповѣди.

Вслѣдствіе этого, викаріатство является самой дѣйствительной изъ мѣръ для практическаго приготовленія къ пастырству, находящихся въ распоряженіи церкви, и „если бы предстоялъ выборъ между семинаріей и викаріатствомъ, говоритъ d-r Schmidt²⁾, то я рѣшительно сталъ бы на сторону послѣдняго, и насколько бы могъ возвысилъ свой голосъ въ пользу того, чтобы викаріатство въ ближайшемъ будущемъ было сдѣлано обязательной ступенью къ вступленію въ самостоятельную службу церкви“.

¹⁾ Halte was du hast Hft. II. S. 560.

²⁾ S 559.

Но викариатство и семинарія нисколько не исключаютъ, напротивъ—дополняютъ другъ друга. Чего недостаетъ семинарской практикѣ, то даетъ викариатство, и наоборотъ: тотъ научный пробѣлъ, который необходимо остается у кандидата-викарія, великолѣпно восполняетъ семинарія. Поэтому идеальнымъ порядкомъ въ системѣ практическаго приготовленія къ пастырству считается тотъ, въ силу котораго кандидатъ послѣ второго экзамена проводить, по крайней мѣрѣ, 2 семестра въ семинаріи, потомъ столько же времени или даже болѣе исполняетъ должность викарія у умнаго и дѣятельнаго пастора ¹⁾).

Значеніе викариатства сознается всѣми, предлагаются даже проекты введенія обязательнаго викариатства во всѣхъ частныхъ протестантскихъ церквахъ ²⁾); но этотъ проектъ встрѣчаетъ непреодолимое препятствіе въ недостаткѣ средствъ у церкви. Однако въ этомъ направленіи теперь усердно работаютъ, и можно ожидать, что не въ далекомъ будущемъ викариатство въ протестантствѣ будетъ поставлено такимъ *conditio sine qua non* пастырства, какимъ теперь является университетское образованіе.

Въ настоящее время обязательно викариатство существуетъ при церквахъ: Вюртембергской, Баденской, Гессенъ-Дармштадтской, Эльзасской, и Шварбургъ-Зондерсгаузенской. Въ другихъ провинціяхъ, какъ: Веймарѣ, Готѣ, Мекленбургъ-Шверинѣ и во всей громадной Пруссіи, оно существуетъ лишь спорадически, хотя, какъ сказано, падъ введеніемъ его въ обязательномъ видѣ работаютъ.

Ординація, т. е. торжественное сообщеніе кандидату права отцравлять должность пастора, сопровождаемое руковожденіемъ присутствующихъ пасторовъ,—„повелѣніе проповѣдническаго служенія, призывъ къ нему“, какъ говоритъ Лютеръ ³⁾), совершается или при назначеніи кандидата вика-

¹⁾ Leberl S. 29.

²⁾ Такой проектъ предлагаетъ D-r Schmidt въ Halte was du hast II. S. 562 ff.

³⁾ Eine Befehlung des Predigtamts, eine Berufung dazu. Koch. S. 18.

ріємъ, или при избраніи его на мѣсто самостоятельнаго пастора¹⁾.

Такимъ образомъ, въ протестантской системѣ приготовления къ пастырскому служенію весь центръ тяжести лежитъ въ практической сторонѣ этого приготовления, въ выработкѣ изъ пастыря хорошаго проповѣдника и хорошаго катехета. Будучи естественнымъ слѣдствіемъ протестантскаго церковнаго уклада, продуктомъ самой жизни, эта система, хотя диаметрально противоположна католической, но не менѣе ея послѣдовательна и логична. Общественное положеніе пастора, условія его жизни ничѣмъ не отличаются отъ положенія другихъ людей, поэтому онъ и не нуждается въ какомъ-либо особомъ, специальномъ воспитаніи. Но характеръ служенія протестантскаго пастора требуетъ, чтобы онъ былъ умѣлымъ попечителемъ о душахъ, и система прилагаетъ всѣ старанія, чтобы сдѣлать его таковымъ. — Кромѣ особенностей церковнаго уклада на усиленное занятіе протестантскими кандидатами священства проповѣдничествомъ и катехизаціей вліяетъ еще одно постороннее, совершенно внѣшнее, условіе, именно, порядокъ замѣщенія пастырскихъ мѣстъ. Въ протестантствѣ священники не назначаются, какъ у насъ или въ католичествѣ, какой-нибудь высшей инстанціей, а выбираются — въ большинствѣ случаевъ приходомъ и иногда лицомъ, имѣющимъ права патронатства. Приходъ при выборѣ пастора судитъ о немъ по его умѣнію совершать богослуженіе, катехизировать и, главнымъ образомъ, по умѣнію проповѣдывать. Поэтому тотъ кандидатъ, который желаетъ попасть на хорошій приходъ, долженъ побить рекордъ своимъ соперникамъ, а для этого онъ долженъ быть хорошимъ проповѣдникомъ и хорошимъ катехизаторомъ. Плохой проповѣдникъ никогда не можетъ рассчитывать на хорошее мѣсто. А такъ какъ въ протестантствѣ мѣста пасторовъ оплачиваются сравнительно

¹⁾ Leberl. S. 29.

хорошо ¹⁾, то недостатка въ кандидатахъ на нихъ не бываетъ, напротивъ, есть избытокъ, создающій конкуренцію, а эта послѣдняя даетъ возможность выбирать и сосредоточивать на служеніи церкви лучшія силы, которыя въ протестантствѣ, при особенностяхъ его церковнаго уклада, дѣйствительно нужны болѣе, чѣмъ въ какой-нибудь другой церкви.

Вполнѣ естественно, что въ силу такого порядка вещей протестантскій пасторъ бываетъ *in der Regel* человѣкомъ образованнымъ, развитымъ, начитаннымъ и непременно хорошихъ проповѣдникомъ ²⁾, онъ можетъ импонировать своею образованностью пасомымъ, обычно также людямъ образованнымъ и въ состояніи бываетъ подчинить ихъ пастырскому вліянію. Естественно также и то, что онъ не можетъ не пользоваться у прихожанъ вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ. Еще въ 1862 г. корреспондентъ „Православнаго Обозрѣнія“ писалъ, что духовенство въ Германіи пользуется споснымъ (лучшимъ, чѣмъ въ Россіи) положеніемъ; и призналъ, что положеніе это есть результатъ протестантской системы пастырскаго приготовленія ³⁾. Теперь, когда столько уже сдѣлано и еще дѣлается для улучшенія этой системы, престижъ протестантскаго пастора долженъ не только не падать, а все выше и выше подниматься.

А. Кактынь.

¹⁾ По новѣйшимъ узаконеніямъ жалованье протестантскихъ пасторовъ въ Германіи колеблется между 2000 и 6000 марокъ. Служащіе въ государственныхъ учрежденіяхъ въ общемъ получаютъ меньше. При дешевой жизни въ Германіи покупная сила 2000—6000 мр. равняется приблизительно 1500—4500 рублямъ.

²⁾ Намъ, напримѣръ, лично никогда не приходилось встрѣчать въ лицѣ протестантскаго пастора плохого проповѣдника.

³⁾ Кн. 5 стр. 84.

Отъ Редакціи.

Наше дорогое отечество переживаетъ тяжелыя времена. Умами многихъ сыновъ его овладѣла смута; пролито уже не мало крови; неисчислимы и матеріальныя потери. Въ этотъ потокъ смуты одни увлечены по невѣдѣнію и неразумію, другіе—обманомъ, третьи злоумышленіемъ противъ государства, Церкви и отдѣльныхъ сословій, четвертые—не утвержденной на истинныхъ началахъ государственности жаждою быстрыхъ преобразованій. Особенно неблагоприятнымъ для спокойнаго пользованія плодами предшествующей государственной жизни и дарованными Государемъ Императоромъ новыми благами оказывается положеніе крестьянства. Слабо подготовленное,— оно внемлетъ разнымъ лживымъ и злымъ увѣреніямъ и готово перѣдко совершать самыя тяжкія преступленія противъ жизни и имущества отдѣльныхъ лицъ...

Переживаемая нашимъ отечествомъ смута сосредоточила на себѣ вниманіе Государя Императора. Въ заботахъ объ утишеніи взволнованныхъ подданныхъ своихъ Государь, даровавши своими манифестами и свободу совѣсти, и Государственную Думу, и свободу слова и печати, и значительнѣйшія облегченія матеріальнаго быта крестьянъ, призываетъ всѣхъ вѣрноподанныхъ къ усиленному служенію благу государства. Но такое служеніе возможно только при ясномъ и отчетливомъ пониманіи всего, что совершается вокругъ насъ, а равно и твердомъ знаніи того, что требуется для блага нашей общественно-политической и церковной жизни въ ближайшемъ будущемъ.

Редакція журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“, принимая близко къ сердцу интересы православнаго духовенства и сознавая, что на его долю нынѣ, какъ и всегда въ былыя времена, палъ тяжелый и отвѣтственный жребій—быть самымъ близкимъ руководителемъ народной массы, считаетъ своею правственною обязанностию усиленно прійти на омогъ духовенству въ дѣлѣ уясненія для народа соверша-

ющихся событій и дарованныхъ Государемъ благъ свободной государственной жизни и дѣятельнаго участія въ управленіи государствомъ. Съ этою цѣлю—редакція—а) обращается къ пастырямъ съ просьбою присылать въ редакцію свѣдѣнія о совершающихся среди сельскаго населенія событіяхъ, а также и указывать волнующіе умы населенія и самаго духовенства вопросы,—и б) открываетъ въ своемъ журналѣ особый отдѣлъ для краткихъ, общедоступныхъ статей, предназначаемыхъ по преимуществу для чтенія народу, по всѣмъ вопросамъ современности. Эти статьи, кромѣ того, имѣютъ печататься и отдѣльными оттисками, каковыя и будутъ высылаться всѣмъ желающимъ приобрести по самой умѣренной цѣнѣ—35 к. за сотню экземпляровъ наложеннымъ платежомъ.

Бѣднымъ приходамъ отдѣльные экземпляры могутъ быть высылаемы и бесплатно ¹⁾.

Запасные священники.

Въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ вниманію и обсужденію съѣзда Таврическаго духовенства духовною консисторіей, поставленъ былъ вопросъ объ учрежденіи по благочинническимъ округамъ должностей запасныхъ священниковъ. Самому духовенству изъ собственныхъ наблюденій, конечно, должно быть извѣстно, какую существенную важность имѣетъ этотъ вопросъ. Приходъ остается временно (а иногда и на довольно продолжительное время) безъ священника, за болѣзнию или смертью бывшаго тамъ священника или за перемѣщеніемъ его въ другой приходъ. Священники сосѣднихъ

¹⁾ Редакція будетъ очень признательна пастырямъ, если они потрудятся указать, въ какой степени доступны пониманію народа наши популярныя бесѣды по поводу современности, и на что слѣдуетъ особенно обращать вниманіе составителямъ бесѣдъ для достиженія большаго ихъ успѣха въ народѣ.

сель часто оказываются живущими на весьма значительныхъ разстояніяхъ отъ оставшагося безъ священника прихода; да кромѣ того, они обременены исполненіемъ своихъ обязанностей прежде всего для своихъ прихожанъ. И вотъ приходъ, оставшійся безъ священника, сиротствуетъ, и прихожане его оказываются въ крайне затруднительномъ положеніи со стороны удовлетворенія своихъ религіозно-правственныхъ потребностей. Мы часто жалуемся на охлажденіе религіознаго чувства въ прихожанахъ, а затѣмъ бываемъ вынуждены иногда жаловаться и на то, что нѣкоторые изъ нихъ постепенно начинаютъ и совсѣмъ отвращаться отъ Православной Церкви и ея пастырей. Въ виду такого, усиливающагося въ настоящее время, настроенія въ религіозной жизни общества, не слѣдуетъ ли намъ приложить особыя старанія къ тому, чтобы приходы отнюдь не оставались безъ священниковъ, чтобы православное населеніе ихъ не оставалось безъ пастырскаго вниманія и попеченія, а тѣмъ болѣе не оставалось безъ удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей. (Таврич. Еп. Вѣд. “).

Редакторъ Гекторъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кириль

Кіевъ. Унивѣрситетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Повицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ № 51. Подписка принимается въ редакціи журналовъ, при Кіевской духовной Семинаріи.
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

1905-го года декабря 18-го дня.

Содержаніе: Клерикально ли наше духовенство?—По поводу двухъ фельетоновъ „Новаго Времени“ о нашемъ церковномъ отщепенствѣ.— Изъ религіозной жизни Запада.

Къ этому номеру прилагаются листки для народа: Тяжелое время, Государственная Дума, Предъ выборами въ Государственную Думу, Какъ крестьянамъ пріобрѣтать землю мирнымъ и законнымъ путемъ, и что нужно для того, чтобы толково обрабатывать ее.

Клерикально ли наше духовенство?

I

Мы—наканунѣ гласнаго и всесторонняго обсужденія церковно-общественныхъ вопросовъ.

Напряженная, многовѣковая борьба двухъ государственныхъ теченій—восточнаго и западнаго закончилась побѣдой послѣдняго, и руководители политической жизни нашего отечества, взявъ курсъ на западъ, стремятся навестать пространство, отдѣляющее русскій государственный корабль отъ

далеко ушедшихъ впередъ кораблей другихъ западно-европейскихъ державъ. Вполнѣ естественно ожидать, что многое изъ пережитаго этими державами въ прошедшемъ, а также—переживаемаго въ настоящемъ выпаде, въ недалекомъ будущемъ, и на нашу долю. Вопросы, рѣшенію которыхъ удѣлили особое вниманіе западно-европейскіе парламенты, будутъ поставлены въ первую очередь въ нашей Государственной Думѣ, и въ ряду этихъ вопросовъ одно изъ главныхъ мѣсть, несомнѣнно, займетъ вопросъ объ отношеніи между Церковію и государствомъ.

Духовенство наше въ своей прошлой исторической жизни часто грѣшило въ томъ отношеніи, что опаздывало съ мѣрами настоятельно-необходимыми для укрѣпленія религиозныхъ началъ въ членахъ своей паствы, не всегда въ достаточной мѣрѣ и заблаговременно освѣщало въ ихъ сознаниіи вопросы церковно-общественнаго характера, и потому не столько шло впереди паствы, влекло ее за собою, сколько ею самою побуждалось къ тому или иному движенію. Обладая, въ силу крайне-неблагоприятныхъ жизненныхъ условій, ограниченнымъ политическимъ кругозоромъ, оно не могло предугадать, откуда именно—извнѣ или изнутри—надвинется та опасность, противъ которой нужно заранѣе принять мѣры. Глядя, по смиренію своему, „долу“, подъ ноги, оно часто не различало даже вблизи себя преградъ, поставленныхъ врагами истины Христовой. Возможно, что и при гласномъ обсужденіи въ Думѣ религіознаго состоянія русскаго общества представители духовенства услышатъ отъ лицъ свѣтскихъ много такого, чего они вовсе не ожидали и къ чему мало подготовлены. Исходъ думскихъ преній по вопросамъ церковно-общественнымъ можно предсказать заранѣе: какъ неоднократно и доселѣ, поборникамъ интересовъ Церкви придется уступить сторонѣ нападающей, пойти по тому пути, какой имъ укажутъ, уронивъ тѣмъ самымъ и безъ того невысокій авторитетъ свой въ глазахъ всей Руси. Если рѣчи о политической незрѣлости русскаго духовенства

далеко не всѣми еще принимаются теперь на вѣру, то, при первой неудачной защитѣ дѣла Церкви ея представителями въ Государственной Думѣ, онѣ будутъ усвоены всѣми, какъ непрележная истина; приоритетъ православія, какъ религіи господствующей, поколеблется, и этимъ не замедлятъ, конечно, воспользоваться представители инославныхъ исповѣданій. Въ виду всего этого духовенству важно и необходимо не только прислушиваться къ тому, что рѣзче выдвигаетъ наша свѣтская печать въ ту пору, когда идетъ рѣчь о взаимоотношеніи между Церковію и государствомъ, но и возможно-нагляднѣе выяснить себѣ тотъ путь, какой намѣчаетъ она послѣднему въ цѣляхъ лучшаго осуществленія лежащихъ въ его основѣ задачъ. Ожидать чего-либо оригинальнаго въ рѣчахъ нашей печати по поводу этого вопроса трудно; подражая во всемъ печати западной, она и въ данномъ случаѣ не затруднится, какъ можно заключить на основаніи голосовъ пока немногихъ, единичныхъ ея представителей, усвоить себѣ положеніе, занятое ея старшей сестрой по отношенію къ Церкви, какъ Божественному институту, не смотря на полную противоположность между церковнымъ строемъ Запада и нашего отечества. Полное отсутствіе критическаго и нравственнаго чутья въ дѣятеляхъ нашей свѣтской печати при обсужденіи ими всего того, что касается отношеній государства къ Церкви на Западѣ, констатируется даже въ органахъ, враждебныхъ нынѣшнему церковному укладу въ Россіи. „Удивительно—читаемъ въ одномъ изъ этихъ органовъ—что въ нашихъ передовыхъ газетахъ и журналахъ поддерживается въ общемъ тонъ неизмѣннаго сочувствія къ теперешней антиклерикальной политикѣ Франціи. Въ насильственныхъ мѣрахъ этихъ (?) не видятъ признанія собственнаго нравственнаго безсилія и примѣненія тѣхъ же отвратительныхъ мѣръ, которыя такъ терзаютъ насъ и такъ ненавистны намъ на народной почвѣ. Какъ будто полицейскія мѣры слаще отъ того, что онѣ идутъ отъ республиканскаго правительства“¹⁾).

¹⁾ „Вопросы жизни“. 1905. апрѣль—май, 503 стр.

Неизмѣнно-сочувственный тонъ нашей передовой печати и извѣстной части общества противъ-церковному направленію государственной жизни на Западъ, идеализация этой „сытой и мирной“, но безрелигіозной жизни—ясно говорятъ нашему духовенству, откуда и какая опасность грозитъ ему въ недалекомъ будущемъ. Враги Церкви и религіи все болѣе и болѣе начинаютъ внушать русскому обществу нерасположеніе къ духовенству, какъ сословію реакціонному, опасному для свободнаго государственнаго режима, и этимъ искусственно готовятъ почву для предстоящей въ Думѣ борьбы крайнихъ политическихъ партій съ т. н. клерикализмомъ. Доселѣ русское духовенство знало по газетнымъ сообщеніямъ, что такая борьба ведется въ тѣхъ западныхъ государствахъ, гдѣ еще силенъ воинствующій римскій католицизмъ; въ скоромъ времени и ему самому предстоитъ быть втянутымъ въ эту борьбу; стать объектомъ всевозможныхъ укоризнъ, оскорбленій и насилій со стороны неразборчивыхъ въ средствахъ противниковъ. Предупредить духовенство о надвигающейся новой опасности и тѣмъ ослабить ея силу и остроту—долгъ церковной печати, а потому мы рѣшили хотя бы немногими штрихами очертить западное церковно-общественное явленіе, извѣстное подъ именемъ клерикализма, и затѣмъ, на основаніи даннаго о немъ понятія, сдѣлать выводъ о возможности или невозможности проявленія клерикальныхъ тенденцій въ средѣ служителей Русской Православной Церкви, иначе—дать отвѣтъ на поставленный вопросъ: клерикально ли наше духовенство.

II.

Для русскаго духовенства, живущаго одною жизнью съ родиною, болѣзненно-чувствующаго всякое уклоненіе сыновъ ея съ прямыхъ истинно-евангельскихъ путей, ожесточенная борьба между близкими по плоти членами одной и той же семьи, именуемой государствомъ, всегда казалась мало-понятною, грѣховною. Война междоусобная въ его глазахъ

явление еще болѣе ненормальное, чѣмъ кровавыя столкнове-
 нія съ врагомъ виѣшнимъ; поощрять и одобрять первую,
 какъ признакъ прогресса общества, роста его внутреннихъ
 силъ, свойственно только лицамъ, руководящимся въ своей
 жизнедѣятельности принципами языческой морали. Измѣною
 завѣтамъ Великаго Миротворца считало оно стремленіе за-
 паднаго духовенства путемъ неразборчивой въ средствахъ
 борьбы достигнуть преобладанія въ области не только духов-
 ныхъ, но и мірскихъ интересовъ, и въ той страстности и
 озлобленіи, какія сопровождали эту борьбу между духовною
 и свѣтскою властію, видѣло прямое наказаніе Господне по-
 ставившимъ себѣ низменные цѣли служителямъ Церкви.
 Вполнѣ естественно казалась русскому духовенству и та
 форма протеста противъ „омірщенія“ западнаго клира, съ
 какою выступили не только лица, давно порвавшія всякую
 связь съ римско-католическою Церковію, но и многіе изъ ея
 собственныхъ членовъ, и которая стала извѣстна подъ име-
 немъ борьбы съ клерикализмомъ.

Начало правильной организаціи этой борьбы положено
 тѣмъ политическимъ дѣятелемъ, который провозгласилъ во
 французской палатѣ депутатовъ: „клерикализмъ—вотъ врагъ“.
 Кличъ этотъ, подобно электрической искрѣ, быстро облетѣлъ
 весь западный міръ, заставилъ встрепенуться всѣхъ, кому
 извѣстна была іерократическая система римской Церкви съ
 ея ученіемъ о двухъ мечахъ—духовномъ и свѣтскомъ въ
 рукахъ папы; послужилъ какъ бы лозунгомъ для объедине-
 нія самыхъ разнообразныхъ политическихъ партій въ тѣ часы
 парламентарной жизни, когда рѣчь касалась Церкви и ея
 интересовъ. Шагъ за шагомъ стали тѣснить антиклерикалы
 разныхъ западно-европейскихъ государствъ своихъ сильныхъ
 противниковъ, въ теченіе долгаго времени бывшихъ сторо-
 ною нападающею и почти всегда побѣждающею. О силѣ бо-
 рющихся, ихъ ожесточенности и чрезвычайной важности
 исхода борьбы для дальнѣйшей соціальной жизни Запада
 можно судить по тому, что нѣкоторые политическіе дѣятели

провидять въ будущемъ только двѣ парламентарныя партіи: клерикаловъ и антиклерикаловъ. Клерикаловъ обвиняли и обвиняють въ томъ, что они, подь давленіемъ Ватикана, стремятся подчинить себѣ свѣтскую власть, захватить и укрѣпить преобладающее вліяніе на гражданское законодательство и гражданскія отношенія. Чутко прислушиваясь къ вліяніямъ времени, клерикальные вожди не бываютъ однообразными въ выборѣ средствъ для борьбы; сообразно съ духомъ вѣка мѣняють они и свое оружіе. То, чего не удалось достигнуть въ прежніе вѣка посредствомъ меча и насилія, казалось осуществимымъ въ наше время путемъ воспитательнаго режима. Взять въ свои руки народное образованіе, которому удѣляли очень мало вниманія правящіе классы, было негрудно, и потому школы и ихъ организація скоро стали могущественнымъ орудіемъ для клерикальных цѣлей. Результаты, достигнутые въ этомъ отношеніи, были поразительны. По отзывамъ безпристрастныхъ лицъ, школы, находившіяся въ рукахъ французскихъ клерикаловъ, высоко стояли какъ въ научномъ, такъ и въ воспитательномъ отношеніи. Надо сознаться, пишетъ одинъ историкъ новѣйшаго католицизма, что если клерикальная школа не всемогуща, то это происходитъ оттого, что никакая школа не всемогуща, а не оттого, что она не удовлетворяетъ своему назначенію. Въ школахъ этихъ получали свое воспитаніе поколѣнія крестьянъ, для которыхъ на всю жизнь католическій священникъ оставался неизмѣннымъ руководителемъ въ дѣлахъ не только религіи, но и общежитейскихъ; въ клерикальных колледжахъ вырастали будущіе офицеры, адвокаты, чиновники, техники, представители разныхъ формъ интеллигентнаго труда и, наконецъ, почти вся буржуазія. Та клерикальная полировка, каковую всѣ они получали въ этихъ колледжахъ, не была легко стираемымъ налетомъ; ихъ мысль и чувства, подь вліяніемъ искуснаго учебно-воспитательнаго режима, были преобразовываемы по извѣстному образцу на всю жизнь. Воспитанные въ клерикальномъ духѣ, они не

освобождались от опеки своих воспитателей и по выходѣ въ жизнь, открыто и энергично защищая интересы Церкви въ тѣхъ случаяхъ, когда это представлялось имъ нужнымъ. Поддержку себѣ они находили въ многочисленныхъ органахъ клерикальной прессы, которая должна возгрѣвать въ нихъ определенное и согласное съ цѣлями воспитателей отношеніе ко всему, что совершается вокругъ. Апостаты и свободомыслящіе изъ бывшихъ воспитанниковъ колледжей нисколько не подрывали вѣру въ обществѣ въ цѣлесообразность самой системы. Что могли значить отдѣльные, хотя бы и талантливыя единицы, не оправдавшія возлагавшихся на нихъ надеждъ, сравнительно съ тою многочисленною арміею борцовъ за намѣченную цѣль, какую эти колледжи проводили во всеі сторонѣ общества? Искусными мѣрами римской куріи дѣятельность апостатовъ почти всегда ставилась въ такія условія, что они дѣлались лицами чуждыми даже для бывшихъ своихъ сподвижниковъ и родныхъ, а все то, что выходило изъ-подъ ихъ пера, немедленно подвергалось осужденію и вызывало многочисленныя разоблаченія и беспощадную критику. Менѣе другихъ учебныхъ заведеній доступны были вліянію западнаго клерикализма университеты съ ихъ преподаваніемъ; но, какъ показываютъ нѣкоторые недавно оглашенные въ печати факты, клерикалы предполагаютъ противопоставить государственнымъ университетамъ университеты свободныя съ цѣлью парализовать вредное въ религіозномъ отношеніи вліяніе на общество университетской науки. Предположено было создать свободный католическій университетъ въ г. Зальцбургѣ (Австрія); цѣль этого университета была представлена однимъ изъ проповѣдниковъ въ такихъ словахъ: „вмѣсто истины въ современныхъ университетахъ преподаются различныя ложныя ученія. Вмѣсто того, чтобы возвѣщать и защищать истину, они часто сами наносятъ тяжкіе удары истинѣ, и у воспитанниковъ отнимается высшее счастье—вѣра. Католическій университетъ поэтому ставитъ себѣ цѣлью возвѣщать только истину и сохранять воспитанникамъ ихъ вѣру. Но

для того, чтобы эта истина действительно овладѣла умами, необходимо не только въ области богословія возвѣщать ее, но добиться того, чтобы и всѣ остальные области науки преподавались съ точки зрѣнія признаваемой католической церковію истины. Эта послѣдняя не можетъ мириться ни съ какими другими истинами, которыя пытается установить наука и имѣть право требовать, чтобы всѣ науки подчинились ей“. Проектъ клерикаловъ на этотъ разъ однако не осуществился. Антиклерикалы увидѣли въ немъ новую попытку къ созданію неограниченнаго господства Рима надъ всѣми проявленіями жизни, сплотились и въ томъ же Зальцбургѣ въ лѣтніе мѣсяцы 1903 г. создали свой свободный университетъ, привлекая къ чтенію лекцій въ немъ выдающихся научныхъ дѣятелей протестантскаго міра. Испытанная неудача врядъ ли, впрочемъ, удержитъ клерикаловъ отъ новыхъ попытокъ создать такія высшія учебныя заведенія, которыя могли бы служить противовѣсомъ распространяемому въ западно-европейскихъ государствахъ антихристіанскимъ теоріямъ.

Благодаря сосредоточеннымъ въ рукахъ клерикаловъ школамъ, прессѣ, явилась возможность постоянно-измѣнчивому и чувствительному общественному мнѣнію противопоставить другой столь же постоянно-текущій потокъ мыслей и настроеній, въ которомъ всякое новое событіе отражалось въ опредѣленной и благопріятной для тенденцій клерикализма формѣ. Главный нервъ всякой борьбы—матеріальныя средства у клерикаловъ никогда не оскудѣвали. Духовныя братства, извѣстныя подъ именемъ конгрегацій, члены которыхъ даютъ простые обѣты, не связывающіе безповоротно свободы лица и не исключаютъ возможности возвращенія къ прежней мірской жизни, пользовались своими громадными средствами не только въ цѣляхъ упроченія собственнаго положенія, но и для воздѣйствія на государство и его законодательство. Подъ покровомъ религіи образовалась, такимъ образомъ, политическая строго-организованная партія; поддерживая то или

иное изъ парламентскихъ теченій, она никогда не забываетъ своей главной и неизмѣнной цѣли—подчиненія государства церкви. Положеніе этой своеобразной церковно-политической ассоціаціи въ настоящее время представляется въ такомъ видѣ. Клерикализмъ не только наиболѣе организованная и наиболѣе дисциплинированная политическая партія во Франціи, но одна изъ наиболѣе сильныхъ партій и въ другихъ государствахъ, гдѣ въ составъ народонаселенія входитъ значительный процентъ римско-католиковъ. Кромѣ газетъ она выпускаетъ въ свѣтъ періодическія изданія всѣхъ видовъ, не брезгая даже юмористическими листками, и для различныхъ слоевъ населенія. Она печатаетъ массаи всевозможные политическіе катихизисы, руководства, инструкціи; не только въ городахъ, но въ мѣстечкахъ и глухихъ деревняхъ у нея есть свои агенты. Отъ времени до времени рассылаются спеціальныя миссіонеры, которые поддерживаютъ энергію и усердіе этихъ агентовъ. Упорствующіе избиратели лишаются мѣстъ или заказовъ, если они рабочіе, ремесленники или мелкіе поставщики;—поддержки мѣстнаго сельско-хозяйственнаго общества, если они крестьяне. Клерикальная партія имѣетъ огромныя связи въ арміи и флотѣ, она создала себѣ прочныя связи во всѣхъ либеральныхъ профессіяхъ, въ промышленномъ и финансовомъ мірѣ, среди судей и чиновничества. Значеніе и сила, какихъ достигъ клерикализмъ на Западѣ, вызвали оппозицію со стороны другихъ политическихъ партій. Въ нѣкоторыхъ государствахъ противники клерикализма въ настоящую пору достигли намѣченныхъ цѣлей: отдѣленія государства отъ церкви, уничтоженія конгрегацій и конфискаціи ихъ имущества; но торжествовать полную побѣду антиклерикаламъ, какъ кажется, еще рано. Прошлая жизнь западно-европейскихъ державъ показываетъ, что врагъ этотъ, казавшійся неоднократно совершенно истощеннымъ, собирався вновь съ силами и изъ побѣжденнаго превращался въ побѣдителя... Невольно напрашивается для рѣшенія вопросъ: кто именно вдохновляетъ сторонниковъ

клерикализма на ихъ неустанную борьбу, требующую колоссальныхъ средствъ матеріальныхъ и духовныхъ? Началомъ, вдохновляющимъ клерикаловъ, объединяющимъ ихъ для выполнения намѣчаемыхъ цѣлей и задачъ, является римско-католическая церковь, самая совершенная организація власти, какую зналъ доселѣ человѣческій міръ. Раньше, чѣмъ кто-либо другой, лица, стоящія у кормила этой власти, сознали, что при современномъ положеніи вещей „борьба между государствомъ и церковію есть борьба не реальныхъ силъ, а борьбы умовъ, требующая не острія меча, а остроты понятій“¹⁾, и потому въ качествѣ защитниковъ церкви выдвинули многочисленную армію клерикальныхъ конгрегацій, богатыхъ моральными и интеллектуальными силами. Все, что дѣлается римскою церковію на поприщѣ обученія, благотворительности и миссіонерства, находится въ рукахъ клерикальныхъ организацій; благодаря только послѣднимъ, направленіе, даваемое изъ Ватикана, можетъ проводиться въ мѣстную жизнь самыхъ захолустныхъ церковныхъ общинъ. При посредствѣ свѣтскихъ членовъ этихъ конгрегацій католическая церковь старается привлечь на служеніе себѣ лучшія общественныя силы; она ищетъ использовать чувства и чистаго благоговѣнія, и безкорыстной любви къ ближнимъ, и фанатической ненависти къ чуждому умственному строю. Не имѣя никакой прямой власти въ государствѣ, она налагаетъ свою руку на людей, стоящихъ у власти, направляетъ ее въ своихъ цѣляхъ, и это не только въ католическихъ государствахъ: испытала на себѣ это давленіе въ прошломъ столѣтіи и наша родина. Надежда осуществить излюбленную папскую идею о подчиненіи интересовъ мірскихъ интересамъ духовнымъ, какъ несравненно высшимъ по существу, придаетъ силы сторонникамъ клерикализма, доводитъ ихъ до мученичества. Побѣда послѣднихъ знаменуетъ собою успѣхъ р.-католическихъ вождельнѣй въ томъ или иномъ отношеніи; пораженіе—болью

¹⁾ Н. Суворовъ. Курсъ церковнаго права, т. 2 (1890 г.), стр. 495

отражается въ сердцѣ истаго католика. Благодаря клерикализму, римская церковь сжилась съ самыми разнообразными формами политической и гражданской свободы, вполне приспособилась къ быстро смѣняющимся политическимъ теченіямъ на Западѣ, иногда предугадывала эти теченія, даже шла имъ навстрѣчу. Такъ поступила она въ 1891-мъ г., когда въ лицѣ Льва XIII выступила съ знаменитою энцикликою по рабочему вопросу, въ которой проводится мысль, что вопросъ этотъ можетъ быть правильно рѣшенъ, безъ обиды для обѣихъ сторонъ и нарушенія священныхъ правъ семьи и собственности, только на почвѣ религіи. Въ подобной приспособляемости клерикализма ко всякимъ жизненнымъ условіямъ и формамъ, при твердости и незыблемости цѣли, какъ бы сказывается старый по времени, но никогда не ветшавшій въ сознаніи приверженцевъ римской куріи, принципъ: цѣль оправдываетъ средства. *Епископъ Θεодосій.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

По поводу двухъ фельетоновъ „Новаго Времени“ о нашемъ церковномъ отщепенствѣ.

Въ Новомъ Времени В. Розановъ напечаталъ два фельетона о нашемъ старообрядчествѣ и сектантствѣ подъ заглавіемъ: „Старообрядчество, преданіе мертвое и преданіе живое“ (№ 10587 отъ 23 августа) и „Русское сектантство, какъ три колорита русской церковности“ (№ 10594 отъ 30 авг.). Въ нихъ онъ задается уясненіемъ сущности и причинъ жизнеспособности главнѣйшихъ проявленій нашего церковнаго отщепенства и намѣчаетъ тѣ условія, при которыхъ наши секты, какъ кажется ему, сами собою должны прекратить свое существованіе. Выводъ автора настолько существенно-важенъ, предвидимыя имъ, при извѣстныхъ условіяхъ, практическія послѣдствія для церковной жизни настолько благотельны и желательны, что не лишне остановиться на мысляхъ,

рядомъ которыхъ онъ придемъ къ своему заключенію, и
 провѣрить ихъ.

Старообрядчество, по опредѣленію г. Розанова, есть совершенно точное и неумолимое примѣненіе къ жизни мертвѣго, недвижимаго преданія; есть „поклоненіе чужеродному, „не моему и не сегодняшнему факту“, а мнѣ показанному изда- лека, изчужа, принесенному, ну хоть изъ Византіи; но главное непремѣнно не моему“. Авторъ не разъясняетъ подробно своего взгляда, но понятно всё-таки, что именно говорить онъ. Въ нашемъ расколѣ буква церковной жизни, дѣйстви- тельно, заглушила духъ ея; —притомъ буква не самосто- ятельно выработанная, а заимствованная изъ Византіи,—не той, которая была современна первымъ расколуучителямъ, не отвергавшейся ими Византіи XVII в., а Византіи древней, тогда только и бывшей, по ихъ мнѣнію, строго православною. Расколъ живетъ преданіемъ, какъ оно отлилось въ церковной практикѣ древнихъ грековъ, въ эпоху расцвѣта у нихъ пра- вославной вѣры, и какъ оно пересажено было оттуда къ намъ и нами содержалось до патр. Никона. Говоря это, надо имѣть въ виду не дѣйствительное положеніе вещей, а раскольни- ческія воззрѣнія. Это преданіе не должно и не можетъ быть измѣняемо, по ученію старообрядцевъ; всякое развитіе внѣшне-обрядовой стороны, какъ измѣняемость, исключается, не допускается ими,—и церковная жизнь на вѣки вѣчные обрекается ими на утверженіе, на застой въ тѣхъ непо- движныхъ, окаменѣлыхъ формахъ, въ какихъ выражалась она у насъ въ XVII в., т. е. въ эпоху происхожденія и образованія раскола. „Исусъ“ древности, проповѣдуемой ста- рообрядцами, не долженъ измѣняться на „Исусъ“ Никоно- выхъ нововведеній, сугубая аллилуія не должна замѣняться трегубою, посолонное хожденіе—противосолоннымъ, двупер- стіе—троеперстіемъ, крестъ восьмиконечный—четыреконеч- нымъ, седмипросфоріе—пятипросфоріемъ и т. д. Всѣ обряды и чины церковные неизмѣнно должны сохраняться въ томъ видѣ, въ какомъ они якобы переданы древними греками на-

шимъ предкамъ, а отъ этихъ послѣднихъ унаслѣдованы и нашими старообрядцами. Только тѣ обряды и православны, какихъ держатся они—старообрядцы. Имъ нѣтъ дѣла до того, что иные обряды ихъ оказываются въ дѣйствительности со-всѣмъ не первоначальной древности (напр., почитаніе восьми-конечнаго креста, двоеніе аллилуйи и др.), не тѣми обрядами, какихъ держались древніе греки; они усвоили взглядъ на свои обряды, какъ на самыя древніе, какъ на обряды единственно правильные-православные, какъ на такіе, которые необходимо неизмѣнно соблюдать для того, чтобы заслужить благоволеніе Божіе и получить спасеніе, и на немъ стоятъ они. „Якоже отцы наши, тако и мы“,—твердятъ они. „Аще кто іоту прибавить, или убавить, да будетъ анаѣма“. Такъ они вѣруютъ и убѣждены, что только они, содержа истинныя обряды, состоятъ въ единеніи съ древне-православною, просіявшею чудотворцами, Церковью; что только они сохраняютъ въ непогрѣшимости церковное преданіе, бывшее когда-то достояніемъ грековъ и русскихъ, а теперь тѣми и другими утраченное, и что, поэтому, только они опять составляютъ и истинную Церковь. Таковы ихъ взгляды въ своихъ конечныхъ выводахъ. И эти выводы только сильнѣе заставляютъ ихъ со всѣмъ жаромъ, достойнымъ лучшей участи, и неумолимостью примѣнять къ жизни недвижимое преданіе, разнавсегда остановившееся для нихъ въ своемъ развитіи въ тѣхъ формахъ—чинахъ и обрядахъ, въ какихъ выразалось оно въ XVII вѣкѣ.

Ясно, что въ основѣ старообрядчества лежитъ, дѣйствительно, мертвое преданіе,—мертвое по самой сущности своей, потому что провозглашаетъ неподвижность обрядовой стороны, окаменѣніе ея въ однажды принятыхъ формахъ,—мертвое (или мертвящее) и по вліянію своему на духовное состояніе его приверженцевъ потому, что исключаетъ возможность какого бы то ни было индивидуальнаго или коллективнаго творчества въ области обрядовъ, а данностью ихъ отвнѣ и изчужа и неумолимою обязательностью исполненія

ихъ по выработанному до мелочей ритуалу, безъ малѣйшихъ отступленій отъ него, убиваетъ въ человѣкѣ свободное, одушевленное индивидуальными порывами сердца, проявленіе религіознаго чувства, вслѣдствіе чего исполненіе обрядовъ становится монотоннымъ, бездушнымъ и внѣшне-формальнымъ, или же обращается въ напускное благочестіе—ханженство. Типическихъ проявленій того и другого вида благочестія въ расколѣ много. Они мастерски изображены Мельниковымъ въ извѣстныхъ его разсказахъ—„Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“.

Если бы кому-либо пришло на мысль, въ противовѣсъ говоримому нами здѣсь въ слѣдъ за г. Розановымъ, поставить на видъ то обстоятельство, что въ старообрядческомъ мірѣ религіозно-общественная жизнь отличается интенсивностью и оживленностью, которыхъ можно бы пожелать православнымъ приходскимъ общинамъ, а приходская жизнь по своимъ проявленіямъ приближается тамъ, какъ иные поговариваютъ, къ типу свободно созданной на началахъ приходскаго самоуправления, то мы, признавая за этими указаніями нѣкоторую силу фактическихъ основаній, не нашли бы все-таки препятствій утверждать прежнее, что въ основѣ старообрядчества лежитъ мертвое преданіе. Указанный характеръ церковно-приходской жизни старообрядцевъ не есть отличительный для нихъ, не есть то, что дѣлаетъ ихъ старообрядцами. До извѣстной степени такой характеръ свойственъ церковно-приходской жизни всякой секты. Во всякомъ обществѣ церковныхъ отщепенцевъ жизнь отличается повышенной, въ сравненіи съ жизнью господствующей Церкви, отъ которой они отдѣлились, интенсивностью и оживленностью,—и это обусловливается воинственнымъ, боевымъ положеніемъ отщепенцевъ относительно Церкви, борьба съ которой объединяетъ ихъ, усиленно пробуждаетъ инстинктъ самосохраненія и самозащиты и, конечно, приводитъ въ дѣйствіе всѣ силы, какими они могутъ располагать для этой цѣли. То же самое и по отношенію къ приходскому самоуправленію старообрядцевъ, насколько оно у нихъ замѣчается. И оно составляетъ

обычное явленіе у многихъ церковныхъ отщепенцевъ и должно быть понимаемо больше отрицательно, чѣмъ положительно, т. е. отчасти какъ результатъ отсутствія у нихъ строго выработанныхъ и прочныхъ нормъ для жизни, чѣмъ неизбѣжно предоставляется относительная свобода проявленіямъ личной и общественной воли (эти нормы и не могли установиться въ обществѣ, подверженномъ стѣсненію въ своемъ развитіи со стороны дѣйствовавшаго до послѣдняго времени законодательства); отчасти какъ слѣдствіе того же воинственнаго положенія ихъ относительно Церкви, которое заставляетъ ихъ сорганизоваться и сгруппироваться для борьбы съ нею. Теперь, съ дарованіемъ вѣротерпимости, положеніе церковныхъ отщепенцевъ существенно измѣняется, — но должно пройти извѣстное время, равное продолжительности жизни, по крайней мѣрѣ, одного поколѣнія, пока можетъ проявиться созидательная работа ихъ въ устроеніи своей церковно-общественной жизни по ихъ собственнымъ началамъ; тогда можно будетъ дѣлать оцѣнку имъ съ этой стороны, — теперь же для этого еще не настало время. Но то, что дѣлало старообрядцевъ самими собой, что и впредь будетъ дѣлать ихъ такими, — это приверженность ихъ къ старымъ обрядамъ и отрицаніе новыхъ, введенныхъ патр. Никономъ. Здѣсь самые коренные вопросы старообрядчества; съ ихъ устраненіемъ оно исчезаетъ. А въ нихъ самихъ по себѣ, необходимо согласиться съ г. Розановымъ, „ни души нѣтъ, ни спасенія, ни „святости“, ни „грѣха“. Просто *ничего* нѣтъ, одна „корректурa“. Но за ними скрытъ принципъ святости и непогрѣшимости преданія, выраженнаго въ старыхъ обрядахъ и отсутствующаго въ новыхъ; съ ними, значить, соединено провозглашеніе неподвижности, окаменѣлости преданія, остановившагося на одной мертвой точкѣ и не долженствующаго сдвигаться съ нея, не подлежащаго развитію.

Никто не станетъ спорить, что этотъ принципъ, лежащій въ основѣ старообрядчества, ложень, — что зиждительною силою церковнаго благоустройства было и должно быть

живое преданіе. Это послѣднее, по опредѣленію г. Розанова, есть „*universus* Церкви, духъ ея, свобода ея, благодать въ ней“. Опредѣленіе пріемлемое, но не отличающееся ясностью. Одно дѣло говорить о живости и „текучести“, говоря языкомъ Розанова, преданія въ отношеніи къ истинамъ вѣры, хранящимся въ немъ, и другое—въ отношеніи къ чинамъ и обрядамъ. То и другое входитъ въ содержаніе преданія, ибо предметомъ его является апостольское ученіе вообще, будетъ ли оно касаться вѣро и право-ученія или же церковнаго благоустройства (хотя первое наиболѣе существенный предметъ преданія),—ученіе, хранимое въ сознаніи вселенской Церкви, преимущественно по духу (тогда какъ Св. Писаніе есть то же ученіе, но хранимое въ писаніяхъ апостольскихъ, преимущественно по буквѣ). Вселенское сознаніе, какъ носитель преданій—догматическихъ ли, обрядовыхъ ли,—есть, конечно, не мертвая, но живая, дѣятельная и активная сила. Какъ такая сила, оно не ограничивается однимъ простымъ и коснымъ храненіемъ преданія или, имѣя въ виду разнообразіе его по содержанію, можно сказать—преданій. По словамъ Викентія Лиринскаго, „какъ у каждаго христіанина, такъ и у всѣхъ людей, какъ у одного челоуѣка, такъ и у всей Церкви“, должно возрастать „пониманіе, разумѣніе, мудрость“¹⁾. Хранить ученіе, какъ ученіе, и невозможно безъ постояннаго и дѣятельнаго уясненія себѣ его сознаніемъ, такъ что уясненіе преданія вселенскимъ сознаніемъ до известной степени неотдѣлимо отъ акта храненія его имъ; а отсюда необходимо слѣдуетъ, что вселенское сознаніе, хранящее преданіе, сливается съ нимъ до безраздѣльности, какъ постоянно приводимое имъ въ движеніе и безъ него приходитъ въ движеніе не могущее. Уясненіе преданія вселенскимъ сознаніемъ и есть то, что обуславливаетъ собою живость преданія, что дѣлаетъ его живымъ. Но уяснительная по отношенію къ преданію работа Церкви не можетъ быть,

¹⁾ Догм. богос. еи. Сильвестра, т. I, стр. 36.

какъ само собою разумѣется, однородной и однотипной. Отсюда и выразители вселенскаго сознанія не одинаковы: Есть опредѣленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ; есть творенія отцовъ и учителей Церкви и есть богослуженіе, вообще церковная практика. Все это служить выраженіемъ вселенскаго сознанія, но выражаетъ его не въ одинаковой степени, и по существу неодинаково. Одни изъ этихъ выразителей преданія направлены на точное уясненіе и опредѣленіе вѣро и нраво-учительныхъ истинъ преданія (и писанія); таковы преимущественно постановленія вселенскихъ соборовъ; другіе же имѣютъ цѣлю, главнымъ образомъ, разъясненіе уже сознанныхъ и формулированныхъ Церковью истинъ и проведеніе ихъ въ сознаніе вѣрующихъ и во внѣшній строй Церкви, — таковы постановленія помѣстныхъ соборовъ, творенія отцовъ и учителей Церкви, такова и церковная практика. Съ другой стороны, въ вѣро и нраво-учительныхъ опредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ — этихъ чрезвычайныхъ актахъ вселенскаго сознанія, направленныхъ къ самоопредѣленію и самораскрытію, — отображенъ подлинно и непогрѣшительно („Изволися Духу Святому и намъ“) голосъ всей Церкви; отсюда означенныя опредѣленія составляютъ не только выраженіе апостольскаго преданія, но и его источникъ. Какъ таковыя, они не подлежатъ развитію въ смыслъ какого-либо измѣненія ихъ чрезъ сокращеніе, отбѣну или восполненіе ихъ, — и живое содержаніе ихъ церковнымъ сознаніемъ можетъ выражаться только въ уясненіи ихъ, въ наполненіи ихъ мыслью и разумніемъ церковнымъ по духу преданія. По отношенію ко всѣмъ остальнымъ выразителямъ преданія, поскольку они не были актами нарочитаго самораскрытія вселенскаго сознанія, какъ такового; — поскольку они направлялись больше на уясненіе и примѣненіе къ жизни уже общепреданнаго и провозглашеннаго на соборахъ вселенскихъ голоса преданія, дѣло обстоитъ иначе. За источникъ преданія въ нихъ можетъ признаваться лишь то, что согласно вѣдаютъ они за

„всегда, повсюду и всѣми“ (Викентій Лиринскій) содержимое въ Церкви; все же остальное должно быть принимаемо въ нихъ только лишь за относительное и посильное для отдѣльныхъ лицъ и помѣстныхъ обществъ церковныхъ выраженіе и отображеніе преданія, обусловленное притомъ нуждами и запросами Церкви даннаго мѣста и времени и не имѣющимъ поэтому характера неуклонной приложимости во всѣхъ мѣстахъ и на всѣ времена. Преданіе по духу своему одно и то же; но частныя уясненія его и примѣненія къ жизни могутъ быть различны, поскольку различны люди по степени своего проникновенія въ духъ преданія и пониманія запросовъ и нуждъ своего времени, поскольку различны и разнообразны самыя эти запросы по времени и по мѣсту. Отсюда живое сознаніе преданія по отношенію къ даннымъ выраженіямъ его въ тѣхъ или другихъ письменныхъ памятникахъ не вселенскаго происхожденія и въ тѣхъ или другихъ порядкахъ и обычаяхъ Церкви можетъ проявляться уже не только въ истолкованіи этихъ памятниковъ, порядковъ и обычаевъ, а и въ направленіи и пополненіи ихъ и даже въ отмѣнѣ однихъ порядковъ и обычаевъ и въ замѣнѣ ихъ другими, которые совершеннѣе и, примѣнительно къ измѣнившимся условіямъ жизни, сильнѣе и полнѣе выражаютъ собою духъ преданія.

Церковное сознаніе преданія въ особенности было живымъ и дѣятельнымъ въ области церковнаго благоустройства и богослуженія—этой наиболѣе эластичной и подвижной сферѣ отображенія преданія. Ни Христосъ, ни апостолы не заключили внѣшней церковной жизни въ какія-либо разъ навсегда опредѣленныя формы; апостоль далъ только наставленіе, чтобы все было въ Церкви „благообразно и по чину“ (1 Кор. 14, 40). Облечся же убранствомъ чиновъ и обрядовъ онъ предоставилъ самой Церкви. Церкви и принадлежитъ это право по существу, какъ живому тѣлу Христову, которое въ своихъ членахъ „непрестанно растетъ въ мѣру полнаго возраста Христова“ (Еф. 4, 13) и „въ себѣ возвращаетъ все въ Того, Который есть глава, Христосъ“ (— 15 ст.). Для

этого возрастанія она получила отъ своего Основателя и всѣ необходимыя ей благодатныя силы (2 Петр. 1, 3). Благодатный и свободный ростъ Церкви въ томъ и состоитъ, чтобы, руководясь живымъ сознаниемъ преданія и его духа, раскрывать глубже и полнѣе смыслъ христіанскаго ученія, сильнѣе внѣдрять въ сознаніе своихъ членовъ основныя истины и начала евангелія, чтобы болѣе и болѣе усовершенствовать по духу ихъ и устройство Церкви и нравственную жизнь христіанъ, соблюдая заповѣдь апостола о томъ, „какъ христіанину должно поступать въ домѣ Божіемъ“ (1 Тим. 3, 15). Церковь такъ и поступала во все время своего существованія. По мѣрѣ возникновенія нуждъ въ духовной жизни своихъ членовъ и въ сферѣ собственнаго внутренняго и внѣшняго благоустройства, — нуждъ, вызывавшихся внутреннимъ и внѣшнимъ ростомъ Церкви, — она развивала свое учительство, устанавливала порядки благочинія, вводила чины и обряды, руководясь живымъ сознаниемъ преданія, но не отступая отъ духа его. Но она не догматизировала ни своихъ постановленій, касавшихся церковнаго благочинія, ни вводимыхъ ею обрядовъ, потому что тѣ и другіе вызывались измѣнчивыми условіями или нуждами даннаго мѣста и времени. Поэтому, когда назрѣвали новыя нужды, когда измѣнялись условія жизни, и церковное сознаніе открывало въ существовавшихъ порядкахъ и обычаяхъ недостаточность для урегулированія ими жизни, при измѣнившихся условіяхъ ея, и вообще находила въ нихъ то или другое несовершенство, раньше не замѣчавшееся, — Церковь отмѣняла прежнія постановленія и улучшала, исправляла и вообще такъ или иначе видоизмѣняла принятые ею чины и обычаи. Примѣръ этого можно указать хотя бы тотъ же, какой и г. Розановъ приводитъ, а именно: въ первые вѣка христіанства, по 5 правилу св. апостоловъ, епископы могли быть и женатые; но шестой вселенскій соборъ (не седьмой, какъ ошибочно говоритъ Розановъ) 12 правиломъ заповѣдалъ епископу не жить съ женою, — каковое постановленіе дѣйствуетъ доселѣ

какъ у насъ, такъ и у старообрядцевъ ¹⁾). Достоинно вниманія, что, непреложно и неизмѣнно храня догматическія опредѣленія вселенскихъ соборовъ, какъ непрерываемый голосъ вселенскаго сознанія, Церковь не усвоила такого авторитета каноническимъ постановленіямъ тѣхъ же соборовъ; по крайней мѣрѣ извѣстенъ случай, что шестой вселенскій соборъ 20 правиломъ измѣнилъ 29 правило четвертаго вселенскаго собора, — хотя въ практику церковную вошло, все-таки, это послѣднее правило (запрещающее низводить епискона на пре-

¹⁾ Розановъ склоненъ усматривать въ этомъ правилѣ отмѣну апост. слова: „епископъ долженъ быть... одной жены мужъ“ (1 Тим. 3, 2). Преданіе истолковало это слово, очевидно, о пребываніи епископа въ женатомъ состояніи не по принятіи имъ епископскаго сана, а до принятія его: епископъ долженъ быть изъ лицъ, однажды бывшихъ женатыми. И разъ признавать преданіе наилучшимъ и единственно надежнымъ истолкователемъ апостольскихъ писаній, — а это признаетъ Розановъ, — то само собою теряетъ силу усмотрѣніе противорѣчія между даннымъ толкованіемъ (въ преданіи) даннаго апост. слова и этимъ послѣднимъ, какъ таковымъ, и становится неосновательнымъ само это усмотрѣніе.

Равнымъ образомъ, въ запрещеніи Церковью браковъ во время поста онъ усматриваетъ противорѣчіе якобы сказанному Христомъ: „для гостей чертога брачнаго *отменяется* постъ“. Но буквально такихъ словъ нѣтъ въ евангеліи, см. Мѡ. 9, 15; Мр. 2, 19—20; Лк. 5, 34—35. То же, что сказано, имѣетъ ближайшее приложеніе ко Христу и Его апостоламъ: Христосъ во дни земной Своей жизни былъ женихомъ для апостоловъ, а они сынами брачнаго чертога Христова; находясь въ такомъ положеніи относительно своего Учителя, они и не должны были поститься, по примѣру учениковъ Іоанновыхъ. Истолковать сказанное Христомъ въ смыслѣ заповѣди невозможно: Онъ предвидитъ и время, когда ученикамъ Его естественно будетъ печалиться и поститься, т. е. не быть въ радостномъ состояніи сыновъ брачнаго чертога. При истолкованіи словъ Христа въ широкомъ омыслѣ нравучительной сентенціи, этотъ смыслъ можно выразить такъ: во дни радости неестественно поститься и во время поста не подобаетъ радоваться и веселиться. Но Церковь, отображая въ своей жизни радостныя и печальныя событія евангельской исторіи, и установила сроки радости и печали—поста. И поступаетъ она совершенно согласно съ духомъ даннаго мѣста евангельскаго и всего ученія Христова, когда разрѣшаетъ браки въ періодъ церковной радости, какъ вполне уместныя въ это время, и запрещаетъ ихъ во время поста, какъ несомѣстныя съ нимъ.

свитерство), а не первое, предлагавшееся для замѣны его (и разрѣшавшее въ извѣстныхъ случаяхъ низводить епископа на пресвитерство) ¹⁾. *А. Волгинъ.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ религіозной жизни Запада.

Законопроектъ объ отдѣленіи церкви отъ государства во Франціи, принятый палатой депутатовъ, 23-го ноября обсуждался уже въ Сенатѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, члены центра и правой сдѣлали энергичную попытку воспрепятствовать принятію закона. Они указывали на то, что страна осудить законъ, что разрывъ между церковью и государствомъ еще не назрѣлъ, что отдѣленіе церкви отъ государства убьетъ религію во Франціи. Въ отвѣтъ на подобныя рѣчи, депутаты лѣвой—Валле, Бодено и Комбъ, подчеркивали либеральный характеръ новаго закона. Они настаивали, что законъ гарантируетъ для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, для церкви и государства, почетное положеніе и въ будущемъ явится основой нравственной свободы и общественнаго умиротворенія. Послѣ долгихъ и оживленныхъ споровъ произведено было голосованіе, выяснившее, что законъ принятъ большинствомъ—179 голосами противъ 103 при 12 воздержавшихся. Такимъ образомъ, вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства во Франціи рѣшенъ теперь окончательно, и съ января 1906 г. новый законъ вступить въ силу.

Новый законъ встрѣченъ во Франціи неодинаково. Вся республиканская печать ликуетъ и восхваляетъ сенатъ и его президента. Консервативныя газеты настаиваютъ на томъ, что парламентское большинство сдѣлало большую ошибку и взяло на себя тяжкую отвѣтственность. Кто ближе къ исти-

¹⁾ См. цѣнныя соображенія объ этомъ преосв. Іоанна Смоленскаго въ Хр. Чт. 1850 г., ч. II, стр. 80 и сл.

нѣ, покажетъ время; пока же возможны только предположенія. Впрочемъ, мы должны сказать, что матеріаль, на которомъ можно основываться въ своихъ предположеніяхъ о результатахъ отдѣленія церкви отъ государства во Франціи, есть. Дѣло въ томъ, что разсматриваемый нами фактъ представляетъ нѣчто новое и неиспытанное еще только для Европы. Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки раздѣльное существованіе церкви и государства началось еще съ семидесятихъ годовъ XVIII столѣтія и продолжается доселѣ. Здѣсь, очевидно, съ полною ясностью должны были выступить послѣдствія отдѣленія церкви отъ государства. Поэтому религіозная жизнь Соединенныхъ Штатовъ, краткую характеристику которой мы намѣрены представить читателямъ, можетъ дать намъ цѣнный и надежный матеріаль для сужденія о томъ, къ чему должно привести отдѣленіе церкви отъ государства въ Европѣ, и въ частности, матеріаль для оцѣнки опасеній за самое сохраненіе религіи и религіозности во Франціи.

Населеніе Соединенныхъ Штатовъ, какъ извѣстно, составилось главнымъ образомъ изъ людей, покинувшихъ Европу по причинѣ религіозныхъ преслѣдованій. Переселенцы—квakerы, пуритане, протестанты, католики, отправляясь въ далекую страну, прежде всего искали въ Новомъ Свѣтѣ свободы религіи и совѣсти. Но, испытавъ на себѣ тяжесть религіозныхъ преслѣдованій, эти выходцы сами не въ состояніи были возвыситься до пониманія религіозной свободы и въ новое отечество перенесли тотъ духъ религіозной нетерпимости; жертвой котораго были они сами. Древнѣйшая исторія Соединенныхъ Штатовъ полна проявленіями этой нетерпимости. Особенно должно сказать о тѣхъ штатахъ, которые заселены были пуританами. Стѣсненіе религіозной свободы здѣсь было такъ велико, что малѣйшія проявленія ея считались тяжкими преступленіями и наказывались съ чрезвычайною строгостью. Напр., за отрицаніе богодухновенности какой-либо книги Св. Писанія законами пуританскихъ общинъ назначались плети,

а въ случаѣ упорства—изгнаніе и даже смерть. Отпаденіе отъ пуританства въ другое исповѣданіе не допускалось совершенно. „Разновѣріе“, по словамъ одного изъ представителей пуританства, „есть величайшее нечестіе въ мірѣ. Говорить, что люди должны имѣть свободу совѣсти есть нечестивое заблужденіе“. Изъ опасеній занесенія въ общины еретическихъ ученій пуритане совершенно не допускали къ себѣ иновѣрцевъ. Съ особенностью строгостью соблюдалось это относительно католиковъ и квакеровъ. Напр., въ 1647 г. въ Массачузетѣ было постановлено, что іезуиты, при появленіи въ колоніи, должны быть изгоняемы, а въ случаѣ возвращенія, присуждаемы къ повѣшенію. По законамъ штата Коннектикутъ, въ штатѣ не могъ жить ни одинъ католическій священникъ; всякій появившійся священникъ немедленно изгонялся, а въ случаѣ возвращенія, предавался даже смерти. Такою же строгостью отличались узаконенія пуританскихъ колоній относительно квакеровъ. Всякому квакеру, проникшему въ пуританскую колонію въ первый разъ, отрѣзалось ухо, и онъ заключался въ рабочій домъ, гдѣ содержался до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ состояніи выѣхать изъ колоніи на свой счетъ. Женщины квакеры за то же „преступленіе“ подвергались сѣченію. Квакерамъ, нарушившимъ законъ въ третій разъ, протыкался раскаленнымъ желѣзомъ языкъ и назначалось тюремное заключеніе.

Подобною нетерпимостью были проникнуты законы не только колоній пуританскихъ, а и всѣхъ другихъ. Естественно, что въ каждой колоніи была своя государственная религія: правительство покровительствовало одному исповѣданію и притѣсняло другія; по назначенію отъ правительства поставлялось духовенство, взымались подати на содержаніе церкви и т. п.

Съ теченіемъ времени въ жизнь сѣверо-американскихъ колоній проникала идея свободы религіи. Къ XVIII в. протестанскія исповѣданія уже пользовались въ достаточной мѣрѣ свободой во всѣхъ колоніяхъ. Но католицизмъ по-

прежнему оставался религіей гонимой: католики не только лишены были гражданскихъ правъ, но прямо подвергались всякимъ стѣсненіямъ и даже уголовному преслѣдованію.

Такъ обстояло дѣло религіозной свободы въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ до провозглашенія ими независимости отъ Англіи. Борьба за независимость, потребовавшая крайняго напряженія всѣхъ силъ, заставила населеніе сплотиться и объединиться. Религіозныя распри, нетерпимость теперь приходилось забыть. Вслѣдствіе этого, когда въ 1776 г., послѣ объявленія независимости, населеніе Штатовъ стало собираться на конвенціи для выработки новыхъ конституцій, то по необходимости пришлось признать принципъ религіозной свободы. Конституціи отдѣльныхъ штатовъ не только провозгласили этотъ принципъ, но и установили отдѣленіе церкви отъ Государства. Такъ, конституція штата Виргиніи отъ 5-го іюля 1776 г. объявляетъ: „религія или долгъ, которымъ мы обязаны къ нашему Творцу, и способъ исполненія его можетъ быть управляемъ только разумомъ и убѣжденіемъ, а не силою или принужденіемъ, поэтому всѣ люди равно имѣютъ право на свободное отправленіе религіи, согласно указаніямъ совѣсти, и взаимная обязанность всѣхъ имѣть христіанское терпѣніе, любовь и милость другъ къ другу“. Конституція Делавары (отъ 20 сент. 1776 г.) идетъ еще дальше и прямо устанавливаетъ отдѣленіе церкви отъ государства: „ни одинъ человѣкъ“, говорится здѣсь, „не долженъ быть принуждаемъ присутствовать при религіозномъ богослуженіи, платить на построеніе или содержаніе какого-бы то ни было мѣста богослуженія или на содержаніе духовенства противъ свободной воли и согласія... Никакое предпочтеніе не должно быть даваемо закономъ какимъ бы то ни было религіознымъ обществамъ, исповѣданію или видамъ богослуженія“.

Когда въ 1787 г. собралась конвенція изъ представителей всѣхъ лоній для выработки общей конституціи Соединенныхъ Штатовъ, то на разрѣшеніе ея также былъ по-

ставленъ религіозный вопросъ. И федеральная конвенція разрѣшила его слѣдующей статьей: „никакое религіозное свидѣтельство не должно никогда требоваться въ качествѣ опредѣленія правоспособности на занятіе какой-либо должности или на общественное довѣріе въ Соединенныхъ Штатахъ“. Федеральный конгрессъ 1791 г. дополнилъ эту статью такъ: „конгрессъ не долженъ создавать никакого закона касательно установленія религіи или запрещенія свободнаго отправленія оной“. Соотвѣственно этимъ статьямъ общегосударственной конституціи опредѣлена была религіозная свобода и въ конституціяхъ отдѣльныхъ штатовъ. Такимъ образомъ, правительство Соединенныхъ Штатовъ исключило религію изъ круга своего вѣдѣнія и отдѣлило церковь отъ государства, предоставивъ различныя религіозныя общины ихъ собственнымъ внутреннимъ силамъ. Должно сказать, что это отдѣленіе церкви отъ государства въ Соединенныхъ Штатахъ имѣло и имѣетъ нѣсколько другой смыслъ, нежели во Франціи. Во Франціи оно является протестомъ противъ воинствующаго католицизма и, какъ мы говорили, въ значительной мѣрѣ, даже протестомъ противъ христіанской религіи вообще. Въ Соединенныхъ Штатахъ отдѣленіе церкви отъ государства служить только выраженіемъ уваженія государства къ религіознымъ убѣжденіямъ своихъ подданныхъ, является свидѣтельствомъ того, что государство, признавая религіозный принципъ, въ то же время не считаетъ себя компетентнымъ рѣшать, какая церковь или община есть подлинная выразительница религіозной истины.

Проф. В. Рыбинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

О продолженіи изданія при Кіевской духовной семинаріи
ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

Въ 1906 подписномъ году журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“, вступая въ 47-й годъ существованія, останется вѣрнымъ своей задачѣ—содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, православно-русскому духовенству въ его святомъ и многотрудномъ служеніи. Бурнымъ потокомъ текутъ событія русской жизни въ послѣднее время. Захватывая на своемъ пути всѣ стороны русской жизни, современные событія не могутъ не затронуть существеннымъ образомъ положенія Православной Церкви и ея служителей. Вотъ уже частью вошли и зрѣютъ, а частью всходятъ на нивѣ обновляемой государственной жизни Россіи великаго значенія проекты преобразованій и въ церковной жизни. Привѣтствуя пышные всходы государственныхъ и церковныхъ реформъ и по мѣрѣ силъ содѣйствуя ихъ расцвѣту и созрѣванію, мы должны твердо помнить, что,—какъ бы сильны ни были теченія современной жизни, какія бы блага ни сулила намъ современная дѣйствительность,—есть единый вѣчный источникъ обновленія всякой жизни—государственной, семейной и личной—ученіе Христова и единое неложное благо—вѣра Христова. Пойдемъ навстрѣчу современнымъ теченіямъ жизни государственной и общественной, но съ крестомъ Христовымъ въ рукахъ и въ сердцахъ; какъ граждане Россійской имперіи, будемъ служить, по мѣрѣ возможности, укрѣпленію великой родины

нашей на началахъ обновленія и свободы, но силою вѣры Христовой и любви, завѣщанной Христомъ. Мы не будемъ равнодушными зрителями великой преобразовательной работы, совершаемой государствомъ при живомъ участіи общества; мы постараемся оправдать надежду Государя Императора, „что все духовенство, особенно сельское, приложитъ искреннее и вполне христіанское стараніе къ водворенію среди своей паствы мира и тишины и къ исполненію каждымъ лежащихъ на немъ обязанностей, безъ чего не возможно никакое плодотворное развитіе жизненныхъ силъ нашей родины“ (Слова Государя, сказанныя Св. Синоду 4 ноября); но мы не забудемъ, что нашъ главный долгъ, наша прямая обязанность служить „созиданію Церкви Христовой, яже есть тѣло Его“; среди бурь и волненій житейскаго моря мы будемъ призывать паству свою къ единой несокрушимой скалѣ—вѣрѣ Христовой, къ жизни въ мирѣ, любви и надеждѣ на Господа въ корабль, которому не страшны житейскія волны, у котораго кормчій—Христосъ, и который есть Церковь Его.

Теперь, когда въ Россіи объявлена свобода вѣроисповѣданія, подъ знаменемъ имени Христова свободно и открыто поднимутся враги православной вѣры; но мы безбоязненно, съ твердой надеждой лишь на помощь Христову, станемъ на стражѣ Православной Церкви, какъ стояли всегда, удвоивъ свою энергію въ защитѣ православной паствы отъ посягательства иновѣрцевъ, еретиковъ и раскольниковъ. Во взаимобращеніи и единеніи—прочный залогъ для успѣшной дѣятельности и для успѣшной борьбы, а потому „Руководство для сельскихъ пастырей“ съ полною готовностью предлагаетъ свои страницы всѣмъ пастырямъ, желающимъ подѣлиться своими мыслями, наблюденіями и опытомъ съ сопастырями. Въ тѣхъ же цѣляхъ возможно широкаго ознакомленія читателей съ указаніями пастырскаго опыта журналъ въ 1906 подписномъ году будетъ давать время отъ времени на своихъ страницахъ, въ формѣ достаточно полныхъ обзорнѣй, свѣдѣ-

нія о церковной и пастырской дѣятельности въ восточно-православныхъ и западныхъ инославныхъ церквахъ.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 52 еженедѣльно выходящихъ номеровъ, что составитъ три тома, изъ 12 книжекъ „Проповѣдей“ и 12 выпусковъ „Богословскаго библиографическаго листка“. Крімъ того, въ 1906 г. Редакція дастъ подписчикамъ, въ качествѣ бесплатнаго приложенія, нотный сборникъ „Церковныя пѣснопѣнія“.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія библіотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1885 г. за № 280).

Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ мѣста Россійской имперіи шесть рублей.

Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ то: отъ Консисторій, Правленій семинарій и училищъ и благочинныхъ можетъ быть отсрочена до сентября 1906 г.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: Кіевъ, въ редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.

При семъ № разсылается объявленіе отъ редакціи журнала „Русскій Паломникъ“ о подпискѣ на 1906 годъ.

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 52.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года декабря 25-го дня.

Содержаніе: Отъ Редакціи.—Къ пастырямъ.—Клерикально ли наше духо-
венство (окончаніе).—По поводу двухъ фильетоновъ „Новаго Вре-
мени“ о нашемъ церковномъ отщепенствѣ (окончаніе).—Изъ рели-
гіозной жизни Запада.—Объявленіе о подпискѣ.

Къ этому № прилагаются листки для народа: О свободѣ, даро-
вапой манифестомъ 17 октября. Трудись. Земныя блага.

Отъ редакціи.

Наше дорогое отечество переживаетъ тяжелыя времена. Умами многихъ сыновъ его овладѣла смута; пролито уже не мало крови; неисчислимы и матеріальныя потери. Въ этотъ потокъ смуты одни увлечены по невѣдѣнію и неразумію, другіе—обманомъ, третьи злоумышленіемъ противъ государства, Церкви и отдѣльныхъ сословій, четвертые—не утвержденною на истинныхъ началахъ государственности жаждою быстрыхъ преобразованій. Особенно неблагопріятнымъ для спокойнаго пользованія плодами предшествующей государственной жизни и дарованными Государемъ Императоромъ новыми благами оказывается положеніе крестьянства. Слабо подготовленное,— оно внемлетъ разнымъ лживымъ и злымъ увѣреніямъ и готово

нерѣдко совершать самыя тяжкія преступленія противъ жизни и имущества отдѣльныхъ лицъ...

Переживаемая нашимъ отечествомъ смута сосредоточила на себѣ вниманіе Государя Императора. Въ заботахъ объ утишеніи взволнованныхъ подданныхъ своихъ Государь, даровавши своимъ манифестами и свободу совѣсти, и Государственную Думу, и свободу слова и печати, и значительнѣйшія облегченія матеріальнаго быта крестьянъ, призываетъ всѣхъ вѣрноподанныхъ къ усиленному служенію благу государства. Но таковое служеніе возможно только при ясномъ и отчетливомъ пониманіи всего, что совершается вокругъ насъ, а равно и твердомъ знаніи того, что требуется для блага нашей общественно-политической и церковной жизни въ ближайшемъ будущемъ.

Редакція журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“, принимая близко къ сердцу интересы православнаго духовенства и сознавая, что на его долю нынѣ, какъ и всегда въ былыя времена, падъ тяжелый и отвѣтственный жребій—быть самымъ близкимъ руководителемъ народной массы, считаетъ своею нравственною обязанностію усиленно прийти на помощь духовенству въ дѣлѣ уясненія для народа совершающихся событій и дарованныхъ Государемъ благъ свободной государственной жизни и дѣятельнаго участія въ управленіи государствомъ. Съ этою цѣлію редакція—а) обращается къ пастырямъ съ просьбою присылать въ редакцію свѣдѣнія о совершающихся среди сельскаго населенія событіяхъ, а также и указывать волнующіе умы населенія и самаго духовенства вопросы,—и б) открываетъ въ своемъ журналѣ особый отдѣлъ для краткихъ, общедоступныхъ статей, предназначаемыхъ по преимуществу для чтенія народу, по всѣмъ вопросамъ современности. Эти статьи, кромѣ того, имѣютъ печататься и отдѣльными оттисками, каковыя и будутъ высылаемы всѣмъ желающимъ приобрѣсть по самой умеренной цѣнѣ—35 к. за сотню экземпляровъ паложеннымъ платежомъ.

Бѣднымъ приходамъ отдѣльные экземпляры могутъ быть высланы и бесплатно ¹⁾).

Къ пастырямъ.

Мы шлемъ призывъ къ пастырямъ Церкви... И да будетъ этотъ призывъ звономъ набатнаго колокола, сзывающимъ всѣхъ на спасеніе гибнущаго достоянія земли Русской, и вмѣстѣ призывающимъ къ безопасному жилищу всѣхъ заблудившихъ во тьмѣ разразившейся надъ Русской землей непогоды!

Потрясенная и жестоко униженная внутренними врагами на міровой политической аренѣ, Россія въ настоящее время раздирается тѣми же врагами въ своей экономической и общественной жизни. Бѣдная матеріально, слабая культурно, она ежечасно теряетъ и то, чѣмъ въ маломъ количествѣ до сего времени владела. Разгромъ жизни, начавшійся въ подпольной литературѣ, перешелъ въ открытую прессу и въ самую жизнь. Шагъ за шагомъ отступали и исчезали въ области прошлаго завѣтные идеалы правды, чести и любви къ родинѣ. Вмѣсто нихъ литературою всѣхъ наименованій вводились въ жизнь невѣріе, охлажденіе къ наукѣ, ничѣмъ неприкровенное служеніе эгоизму и чувственности. „Бывшіе“ люди постепенно замѣняли собою настоящихъ людей, людей, не навшихъ на дно жизни. Западный и свой доморощенный умъ и его произведенія призывались во свидѣтели разумности и цѣлесообразности „новаго“ направленія жизни. И люди вѣрятъ въ благо этого направленія, вѣрятъ и своихъ дѣтей

¹⁾ Редакція будетъ очень признательна пастырямъ, если они потрудятся указать, въ какой степени доступны пониманію народа наши популярныя бесѣды по поводу современности, и на что слѣдуетъ особенно обращать вниманіе составителямъ бесѣдъ для достиженія большаго ихъ успѣха въ народѣ.

учать той же вѣрѣ и по тѣмъ же скудоумнымъ и развращающимъ источникамъ.

Когда душа русскаго интеллигентнаго человѣка героями „мысли“ и своеобразной „философіи“ была опустошена и достаточно подготовлена, явились на сценѣ нашей жизни открытые проповѣдники уже не нигилизма, а разрушенія. Сначала слабая и едва для большинства замѣтная анархическая дѣятельность, вслѣдствіе культурной слабости образованнаго общества, быстро освоилась съ полемъ дѣйствія и повела энергическую борьбу съ порядкомъ, правомъ и уваженіемъ къ убѣжденіямъ и личности человѣческой. Стало все дозволеннымъ, и забытый было принципъ—„цѣль оправдываетъ средства“ воскресъ вновь съ небывалой силой. Разрушеніе во имя разрушенія, безпощадная война всему, что духовному и внѣшнему міру человѣка даетъ порядокъ и устойчивость, что обезпечиваетъ человѣческимъ обществамъ вѣрный и прочный прогрессъ,—все это стало призваніемъ молодыхъ поколѣній и привело къ превращенію всѣхъ разсадниковъ просвѣщенія въ мѣста войны противъ науки и общественныхъ нравственныхъ началъ жизни. Убійства отдѣльныхъ личностей, стоявшихъ такъ или иначе на стражѣ законности и порядка, постепенно стали смѣняться истребленіемъ цѣлыхъ группъ и завершились открытымъ призывомъ къ разгрому всего государства.

И вотъ мы, къ великому нашему несчастію, являемся свидѣтелями начавшагося общаго разгрома! Сначала разгромили и унизили на Манчжурскихъ поляхъ нашу доблестную армію, а флотъ въ Японскомъ морѣ, на Черномъ морѣ и въ Кронштадтскомъ рейдѣ. Потомъ разгромили фабрично-заводскую промышленность, выбросивши за границу сотни фабрикантовъ и сотни милліоновъ рублей, имъ принадлежавшихъ, и у насъ на улицу—бездомными и безработными сотни тысячъ рабочихъ. А теперь громятъ села и деревни, вызывая неосуществимыми и ложными обѣщаніями среди темнаго крестьянскаго люда дикіе инстинкты разрушенія и

опустошенія. И загорѣлись помѣщичьи усадьбы и удѣльные имѣнія и лѣса, и уже сотни прекрасныхъ имѣній въ пепелѣ и развалинахъ... Вѣдь это начинается ужасный, все и всѣхъ уничтожающій степной пожаръ, отъ котораго нѣтъ никому пощады и спасенія!

Да, вѣрно, нѣтъ и не будетъ спасенія отъ этого начавшагося повсемѣстно революціоннаго пожара, если только всѣ, кто можетъ и долженъ тушить его, будутъ растерянно смотрѣть на него или беспорядочно метаться изъ стороны въ сторону. И въ степи вѣдь люди энергичные, умѣющіе собою владѣть и разумные, умѣютъ бороться со всепожирающимъ пламенемъ и не гибнутъ въ его ужасныхъ объятіяхъ, какъ незащитный ковыль. Они уничтожаютъ вокругъ себя все способное быстро воспламениться, они окапываются, и огонь, торжествующій надъ степной травой и неразумнымъ звѣриннымъ міромъ, останавливается предъ разумною волею человѣка и отступаетъ отъ жилища людскаго.

Но мы—или въ полной растерянности, или же—въ непростительномъ непониманіи совершающагося вокругъ насъ. И растерялись мы всѣ, наверху и внизу, до того, что рѣшительно, повидимому, не знаемъ, что дѣлать и за что взяться для успѣшной борьбы съ врагомъ. Вотъ желѣзнодорожная забастовка, пассажиры цѣлыми тысячами въ тревогѣ и томительномъ ожиданіи проживаютъ недѣлями на маленькихъ станціяхъ, а забастовщики катаются на локомотивахъ и въ вагонахъ, и никто, никто не нашелся, какъ удалить и куда удалить враговъ общества! Забастовали почтовые и телеграфные чиновники, замерла опять общественная жизнь, а забастовщики между собою и для цѣлей забастовки сносятся ежечасно телеграммами! И опять не оказалось власти, способной удалить главарей забастовки и вырвать у нихъ изъ рукъ правительственный телеграфъ! По городамъ и селамъ идетъ усиленная открытая революціонная пропаганда, не стѣсняющаяся въ образѣ дѣйствій по отношенію ко всѣмъ, кто стоитъ за порядокъ, и нѣтъ власти, обуздывающей эту

пропаганду и это глумленіе надъ честию и жизнью честныхъ людей,—власти, защищающей этихъ послѣднихъ. Создалось положеніе такое, что подъ покровительствомъ какъ бы закона оказались всѣ разрушители закона, а защитники закона очутились какъ бы внѣ закона! Развѣ это не свидѣтельство о растерянности людской?!

Но ни одни власть имущіе и призванные охранять порядокъ растерялись и какъ бы выжидаютъ, что дальше будетъ. Растерялось и все общество и отдѣльные классы его. Прислушайтесь и присмотритесь ко всему, что дѣлается вокругъ. Можно подумать, что всѣ начавшейся революціонной суматохѣ обрадовались, и каждый сиѣшнить, не взирая на собирающуюся грозу полной анархіи, „вытребовать“ у государства что-нибудь. Рабочіе, чиновники, крестьяне, не обращая вниманія ни на то, что многое уже дано и еще не усвоено населеніемъ, ни на то, что государство наканунѣ полного разгрома, предъявляютъ свои требованія и непремѣнно съ тѣмъ условіемъ, чтобы они были немедленно исполнены! Не успѣла окончиться война съ Японіей, которая требовала полного сосредоточенія на себѣ всѣхъ силъ государственныхъ, а уже предъявлены были требованія земскаго собора, помѣстнаго церковнаго собора, возстановленія древняго прихода, восьмичасоваго рабочаго дня при увеличеніи жалованья на 50% и т. д. Если съ такими требованіями выступали финляндцы, поляки, евреи, армяне, то это понятно: для нихъ, чѣмъ скорѣе Россія развалится, тѣмъ лучше. Но что же сказать о другихъ? Одно только: растерялись и не поняли того, что совершается предъ ихъ глазами! Обнародованъ манифестъ 6 августа объ учрежденіи Государственной Думы. Никто еще надлежащимъ образомъ не уразумѣлъ значенія этого новаго государственнаго учрежденія, и не было сдѣлано еще никакихъ попытокъ къ осуществленію выборовъ, какъ появились разнообразныя требованія объ улучшеніи и распространеніи выборнаго начала и политической дѣятельности Думы. И шли эти требованія отовсюду,

не было только требованій о водвореніи порядка. Закончились всѣ эти требованія желѣзнодорожной забастовкой, совершенно неожиданной для министерства Витте и потому произведшей на него ошеломляющее дѣйствіе. Данъ манифестъ 17 октября, но успокоенія не послѣдовало. Посыпались требованія какъ изъ рога изобилія, не смотря на то, что кровь русская уже полилась по городамъ и селамъ, и анархія стала появляться уже не въ видѣ какого-либо призрака, а во всей своей ужасной дѣйствительности! Такъ и кажется, что всѣ ухватились за устои государственные и въ порывѣ ревности о благѣ грядущихъ поколѣній стараются потрясти все здание государственное. Люди добрые, хочется имъ крикнуть: что вы дѣлаете, вѣдь своими одновременными потрясеніями всѣхъ устоевъ государства, быть можетъ, уже и устарѣвшихъ, вы разрушите все здание, и оно рухнетъ не только на ваши головы, но и на головы многихъ ни въ чемъ неповинныхъ людей!

Не мало сомгвннй, опасности и недоразумѣній вызы- ваетъ и вопросъ о благоустройствѣ учебныхъ заведеній и въ томъ числѣ духовныхъ. Этотъ вопросъ не могъ не возникнуть, такъ какъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ высшее свѣт- ское управленіе учебнымъ дѣломъ въ Россіи только и дѣ- лало, что все „ломало“, ничего не творя. И онъ выставленъ впереди всего. Но какъ? Да рѣшительно въ такомъ духѣ, тонѣ и обстановкѣ, которые на руку только анархін. Дается автономія высшимъ учебнымъ заведеніямъ въ то время, ко- гда почти весь учащійся (по крайней мѣрѣ главенствующій хотя бы и вслѣдствіе террора), и учащій въ нихъ людъ одер- жимъ революціоннымъ пыломъ. И что же? Всѣ эти учебныя заведенія стали автономными, превратились въ мѣста откры- той революціонной пропаганды, а профессора оказались подъ началомъ студенчества, и терроръ развился до небывалыхъ размѣровъ, захвативши и профессоровъ. Почти все должно было смолкнуть предъ разъяренной и торжествующей толпой революціонной, и учебныя заведенія закрыты. То же самое дѣлается теперь съ средними учебными заведеніями. Въ

большихъ, городахъ и во многихъ губернскихъ гимназіи и семинаріи—въ первыхъ старшіе классы, а вторыя полностью—уже закрыты. И здѣсь предъявляются требованія той же пресловутой автономіи! И никто, кажется, не вспомнитъ былыя времена, недалекія, когда автономія университетовъ и даже семинарій существовала, и никакихъ безпорядковъ не было,—почему? Да потому, что она дана была и существовала не подъ вліяніемъ революціонныхъ требованій! Никто, повидимому, не вспомнитъ исторіи, очень близкой къ намъ, учрежденія политехническихъ институтовъ и коммерческихъ училищъ при министрѣ финансовъ Витте и подъ его главнымъ руководствомъ. Учреждены эти въ высшей степени дорогія учебныя заведенія на *особыхъ*,—сравнительно съ подобными учрежденіями другихъ вѣдомствъ—началахъ, и они стали первымъ и главнымъ очагомъ революціонной пропаганды! Все это поучительно!

Не менѣе поучительны и частности. Никто не будетъ оспаривать, что для духовныхъ учебныхъ заведеній нужны реформы. Но когда и какія? Наша печальная дѣйствительность говоритъ, что онѣ нужны непременно теперь, даже, пожалуй, до созыва Государственной Думы, и въ то же время непременно въ духѣ и полномъ согласіи съ реформами гимназій! Но опять-таки почти никто не задается вопросами—успокоятся ли семинаріи слишкомъ произведенными реформами (сколько ихъ у насъ уже было!), произведенными притомъ *подъ давленіемъ* и обстоятельствъ и людей; принесутъ ли эти реформы какую-нибудь пользу Церкви Православной, будутъ-ли онѣ благомъ для духовенства? А вѣдь, достаточно вспомнить, что гимназическое образованіе и воспитаніе никогда не было не только идеальнымъ, но и просто порядочнымъ, что въ сущности семинарское образованіе (благодаря философскимъ и богословскимъ наукамъ, несомнѣнно преобладающимъ предъ т. н. классическими древними языками и даже математикой) было выше, и семинаристы въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ никогда не были ниже гимназистовъ (сколько выдающихся профессоровъ рек-

торовъ и др. дѣятелей науки было въ университетахъ при слабомъ сравнительно приливѣ семинаристовъ въ эти учебныя заведенія!),—достаточно при этомъ предположить, что,—согласно *новымъ вѣяніямъ*,—изъ гимназическихъ программъ можетъ быть вычеркнуто преподаваніе Закона Божія,—достаточно все это вспомнить и предположить, чтобы по крайней мѣрѣ хоть приостановиться съ преобразованиемъ семинарій въ гимназій, тѣмъ болѣе, что послѣднія въ настоящее время рѣшительно ничего опредѣленнаго не имѣютъ ни въ направленіи, ни вообще въ организаціи своего ви́шняго и внутренняго міра.

Кромѣ этого, есть еще специальный для духовенства вопросъ. Уничтожайте, уничтожайте до основанія свои, хотя бы и сословныя, школы (хотя въ дѣйствительности онѣ не чисто сословныя), но на что вы будете содержать своихъ дѣтей въ гимназіяхъ? Вѣдь тѣ средства, на которыя нынѣ содержатся семинаріи, идутъ отъ церквей, и будетъ вопіющею несправедливостію (чтобы не сказать—святотатствомъ), если теперешнія средства семинарій будутъ обращены на содержаніе гимназій, хотя бы въ нихъ не обучались дѣти духовенства. Храмы Божіи давали и даютъ огромныя средства, и могутъ давать только на цѣли приготовленія достойныхъ священнослужителей въ нихъ, а не для цѣлей всеобщаго, равноправнаго воспитанія всѣхъ, въ томъ числѣ и евреевъ. Надъ этимъ вопросомъ слѣдуетъ подумать и серьезно подумать прежде, чѣмъ съ необыкновенною поспѣшностію увлекаться идеалами гимназическаго образованія, имѣющаго одно незаконное ви́шнее преимущество (оно-то насъ и манитъ)—доступъ въ университетъ.

Но всѣ мы, мало соображаясь съ трудностью реформы въ наше смутное время, „излиха вопіемъ“ о необходимости немедленныхъ преобразованій въ семинаріяхъ и академіяхъ и не замѣчаемъ, что нашъ голосъ, быть можетъ, противъ желанія нашего, въ общей суммѣ другихъ такихъ же возбужденныхъ голосовъ усиливаетъ

общее нестроение, увеличивает смуту въ умахъ молодежи и родителей и такимъ образомъ способствуетъ анархiи. Представители послѣдней немолчно на столбцахъ своихъ газетъ вопiютъ, что всѣ, всѣ недовольны, что всѣ и все за нихъ, что, наконецъ, все должно быть разрушено. Пусть неправду они говорятъ; но какъ ее, эту неправду, провѣрить, когда дѣйствительно отовсюду только и слышатся „требованiя“ и рѣдко-рѣдко кто-нибудь скажетъ: успокойтесь, разберитесь въ томъ, что есть, что дано, и что изъ прiобрѣтеннаго уже можно выработать.

Тревожно, печально и губительно направленiе молодежи. Таково же въ сущности и настроенiе родителей. Вслѣдствiе слабо развитого интереса къ педагогическимъ вопросамъ, нерѣдко рѣшительнаго непониманiя долженствующихъ быть отношенiй между школой и семьей, родители часто творятъ въ отношенiи къ школѣ и своимъ дѣтямъ положительно одно только зло. Съ одной стороны, они въ большинствѣ случаевъ смотрятъ на школу, какъ на своеобразную фабрику: сдадутъ въ эту фабрику своихъ дѣтей, и пусть г.г. фабриканты и рабочiе выработываютъ изъ даннаго имъ сырого матеріала человѣка, потребнаго для жизни, а они, родители, съ этой минуты въ сторонѣ, и если принимаютъ какос-либо участiе въ воспитанiи своего дѣтища, то исключительно почти въ формѣ „критики“ дѣянiй училищнаго начальства и учителей; и по этой критикѣ оказывается, что всѣ виновны предъ дѣтищемъ чадолюбивыхъ родителей. И не замѣчали, какъ не замѣчаютъ и доселѣ такіе родители, что они своею критикою и вообще всѣмъ своимъ безучастнымъ отношенiемъ къ школѣ подрывали и подрываетъ въ самомъ основанiи авторитетъ школы, науки и, наконецъ, свой собственный. Съ другой стороны, при современномъ состоянiи школъ и настроенiи учащейся молодежи упорядочивающая дѣятельность родителей едва-едва проявляется. Гдѣ ты, родительское слово, преисполненное любви, но и твердости? гдѣ ты, родительская настойчивость въ дѣланiи дѣтямъ своимъ добра?

Не видно среди всеобщей растерянности ни того, ни другой! Вмѣсто нихъ — нѣрѣдко слышится иное. На родительскихъ совѣщаніяхъ въ учебныхъ заведеніяхъ видны только вялость и даже боязнь. Въ семьѣ полное безучастіе къ тому, чѣмъ дѣти занимаются, — „баклуши ли бьютъ“, или революціонныя прокламаціи читаютъ, — это какъ будто бы безразлично! На съѣздахъ духовенства, — даже епархіальныхъ, — выслушиваются „петиціи“ дѣтей къ высшему начальству съ самыми разнообразными требованіями, вплоть до уничтоженія всякой инспекціи, — нѣтъ, не просто выслушиваются эти петиціи, а принимаются онѣ къ сердцу, и по нимъ выносятся соотвѣтствующія „резолюціи“. Дѣлается все это съ легкимъ сердцемъ, ибо при этомъ нѣтъ ни единой мысли о томъ, что такимъ отношеніемъ все, все разрушается въ душѣ молодой, и для ея желаній, даже самыхъ фантастическихъ, никакихъ уже преградъ не полагается; дѣлается съ легкимъ сердцемъ, ибо при этомъ никто не подумаетъ, что влагаемая попустительствомъ и даже съ одобреніемъ въ сердце молодое сѣмена анархіи выростутъ и принесутъ самый губительный, самый горькій плодъ для сердца же родительскаго. Всегда была и будетъ рознь между родителями и дѣтьми (это плодъ непрерываемаго развитія человѣческаго); но то, что теперь воспитывается, — не рознь, а вражда, ровъ для этой вражды роется все глубже и глубже и притомъ въ такой почвѣ, какъ религіозная и политическая; такая вражда всегда переходитъ въ ужасающую міръ людскую ненависть.

Во избѣжаніе недоразумѣній мы должны сказать, что и сами всею душою стремимся къ реформированію всей нашей жизни, къ обновленію ея живительными струями истинной свободы, истиннаго знанія, но мы желаемъ вмѣстѣ съ этимъ, чтобы у насъ на Руси, — во всѣхъ сословіяхъ, и особенно среди простаго народа и стоящаго около него православнаго духовенства, *стало дѣйствительно лучше, чѣмъ теперь*. Мы вѣримъ въ силу и значеніе реформъ, но убѣждены, что только тѣ изъ нихъ дѣйствительно благодѣтельны, которыя

даются не съ лихорадочной поспѣшностію и не въ смутныя времена. Нужно сравнить времена Петра Великаго и Александра II, и тогда не трудно будетъ понять, почему реформы перваго, особенно относящіяся къ внутренней жизни народа, ничего другаго не принесли, кромѣ разрыва всего народа на двѣ неравныя части, и почему реформы Александра II-го все привились и принесли благой плодъ, если въ чемъ и умаленный, то исключительно подъ вліяніемъ революціонныхъ „освободительныхъ“ попытокъ, жертвою которыхъ сталъ самъ Царь Освободитель. Не забывайте ни на одну минуту, что времена наши не времена Александра II-го, не забывайте и того, что тогда и другіе люди стояли во главѣ руководящаго управленія, чѣмъ теперь. Теперь, вѣдь, все правительство или растерянно или рѣшительно ни къ чему не подготовлено. Если бы теперешнее наше правительство стояло во главѣ Россіи въ 1863 году, то, несомнѣнно, Польша не только отдѣлилась бы, но еще и Кіевъ приобрѣла бы. Вотъ почему мы и говоримъ: повремените съ своими требованіями реформъ, повремените во имя ихъ успѣшности, во имя дѣйствительно осуществимаго блага нашей родины, нашей Церкви и всего народа. Мы, сопоставляя между собой бывшія въ исторіи подобныя нашимъ современнымъ событія, невольно останавливаемся надъ вопросомъ—не смоетъ ли все наши реформы сначала анархія или революція, если только онѣ будутъ попускаться, а потомъ несомнѣнно имѣющая наступить реакція въ какой угодно формѣ? Остановитесь хоть на одну минуту вниманіемъ надъ требованіями многихъ—военной диктатуры, или надъ заявленіемъ крупныхъ землевладѣльцевъ, что они, землевладѣльцы, брошенные властію на произволь судьбы, сами себя будутъ защищать и будутъ жечь крестьянскія имущества и даже цѣлыя селенія, или, наконецъ, надъ объявленіемъ генераль-адъютанта Дубасова; что, если крестьяне Черниговской губерніи не прекратятъ разгромовъ помѣщичьихъ усадебъ, то онъ прикажетъ зажечь селенія ихъ со всехъ четырехъ концовъ. Что это такое?!

Вѣдь это времена давно забытой французской жакеріи ¹⁾, превосходившей, какъ извѣстно, своими ужасами Разнищину и Пугачевщину... А мы въ такія времена будемъ вести съ правительствомъ и другъ съ другомъ тяжбу за реформы, которыя несомнѣнно пройдутъ несравненно лучше и съ большею пользою во времена болѣе спокойныя...

Вотъ почему мы бѣдемъ къ набатъ и призываемъ всѣхъ, а въ особенности пастырей Церкви—къ чему? Призываемъ прежде всего къ единенію (въ немъ, въ немъ громадная и несокрушимая сила!) всѣхъ на попринцѣ борьбы съ ужаснѣйшимъ врагомъ—анархіей, революціей. Соединяйтесь всѣ и силою слова, и несомнѣнно существующаго вліянія на массы народныя, и дѣломъ,—всѣмъ, что во власти и въ возможности, энергично выступите на борьбу съ легкомысліемъ крестьянства, вѣрующаго всякому, кто только поманитъ его къ себѣ землею, лѣсами и водами. Необходимо помнить, что школьная анархія—отголосокъ анархіи семейной. Не съ дреколѣемъ нужно итти на дѣтей, а съ любовью, ласкою, внимательнымъ отношеніемъ къ ихъ духовнымъ запросамъ. Не судомъ и осужденіемъ встрѣчайте дѣтей, являющихся изъ школы въ семью, а спокойнымъ, всестороннимъ и безпристрастнымъ обсужденіемъ существующихъ порядковъ жизни и дѣятельности школы. Лучшее будущее для нашихъ дѣтей не за горами. Но оно улетитъ и скроется изъ глазъ, какъ испуганная птичка, отъ зарева пожаровъ, запаха человѣческой крови,—отъ разгромленныхъ нравственно и матеріально учебныхъ заведеній...

Наконецъ, ни на одну минуту не выпускайте изъ своихъ рукъ святого дѣла своего. Вѣдь горе наше уже предъ нами, вѣдь грядетъ еще горшее горе. А въ такія время мятущаяся душа православнаго человѣка всегда шла ко храму святому своему и здѣсь, и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, она находила

¹⁾ Такъ называются кровавыя возстанія французскихъ крестьянъ въ 14 в. противъ притѣсненій дворянства.

для себя успокоеніе отъ всѣхъ озлобленій, страданій и прегрѣшеній.

Призываемъ къ усиленному, самому широкому труду. Безбоязненно нужно выступить противъ всѣхъ, кто пугаетъ, кто увѣряетъ въ скоромъ торжествѣ революціонныхъ началъ, кто до сего времени только искусственно созданнымъ терроромъ кое-чего и достигалъ. Зло велико, но еще далеко не всесильно. Еще во всемъ объемѣ не испытана могущественнѣйшая сила противодѣйствія злу православнаго духовенства. Пусть же эта сила выступитъ во всеоружіи во имя спокойствія Русской земли, блага Церкви, во имя такъ необходимыхъ всѣмъ намъ реформъ. Пастыри Церкви, всѣ безъ различія, вникните въ то, что совершается вокругъ насъ, и къ чему хотятъ вести насъ. Мы не знаемъ этихъ руководителей, и гдѣ они—на верху или внизу, но мы должны помнить и свято исполнить слова Государя Императора: „все духовенство, особенно сельское, приложитъ искреннее и вполне христіанское стараніе къ водворенію среди своей паствы мира и тишины и къ исполненію каждымъ лежащихъ на немъ обязанностей, безъ чего невозможно никакое плодотворное развитіе жизненныхъ силъ нашей родины“.

М. Гн.

Клерикально ли наше духовенство?

(Окончаніе ¹⁾).

III.

Очеркъ клерикализма показываетъ, что лежащее въ его основѣ стремленіе къ созданію клерикальнаго государства находитъ могущественную поддержку въ лицѣ римскихъ папъ, вдохновляется ими и дѣлаетъ своихъ сторонниковъ способ-

¹⁾ См. № 51 за 1905 г.

ными, повидимому, къ безконечному сопротивленію. Борьба съ нимъ является въ существѣ дѣла борьбою съ римскимъ католицизмомъ, и это хорошо понимаютъ западные антиклерикалы, провозгласившіе принципъ свободной Церкви въ свободномъ государствѣ. Перипетіи происходящей борьбы болѣе или менѣе извѣстны изъ сообщеній нашей ежедневной прессы, всѣ симпатіи которой на сторонѣ антиклерикализма, давно свившаго себѣ прочное гнѣздо и у насъ въ Россіи. Та жизнеспособность, какую проявилъ клерикализмъ на западѣ въ вопросахъ не столько духовнаго, сколько свѣтскаго характера, невольно привела въ смущеніе поверхностно знакомыхъ съ ходомъ церковныхъ дѣлъ на востокѣ нашихъ западниковъ, увѣренныхъ въ томъ, что нашему отечеству необходимо пройти тѣ же фазы развитія внѣшней и внутренней государственной жизни, какія уже пройдены другими государствами. „Въ Россіи конгрегаціи нѣтъ, но зато есть близкое къ народу многочисленное духовенство; совокупными усиліями оно можетъ затормозить дѣятельность передовыхъ силъ, поставить имъ преграду“, говорили одни изъ нашихъ органовъ прессы. „Такая преграда уже поставлена, русскій клерикализмъ уже организованъ и проявляетъ дѣятельность, захвативъ въ свои руки образованіе народныхъ массъ“, вопили другіе, до учрежденія церковно-приходскихъ школъ не возбуждавшіе даже вопроса о необходимости просвѣщенія этихъ массъ. Встревоженное общественное мнѣніе, имѣя въ виду происходящую междуособную борьбу въ западно-европейскихъ государствахъ, стало высказываться за необходимость контроля надъ просвѣтительною дѣятельностью православнаго духовенства и даже за устраненіе его отъ школьнаго дѣла, такъ какъ школы—главные разсадники клерикализма. Появились отдѣльныя произведенія, цѣль которыхъ—подорвать окончательно довѣріе къ духовенству, какъ сословію узко-клерикальному, вредному для прогресса и свободы. Поставщики этихъ произведеній (въ родѣ г. Гусева-Оренбургскаго) въ угоду антиклерикальному настроенію из-

вѣстной части общества въ рядѣ картинъ изъ быта духовенства заставляють его представителей говорить языкомъ западныхъ клерикаловъ, требовать подчиненія себѣ гимназій и университетовъ, мечтать о „царствѣ еоократіи“, и тутъ же устами ихъ дѣтей обвиняють ихъ во лжи, обманѣ, и въ навязанныхъ ими самими духовенству клерикальныхъ тенденціяхъ изобличають смѣшную попытку подражать духовенству западному, сильному, культурному, дѣйствительно оказавшему цивилизаціи великія услуги. Даже въ послѣдніе годы, не смотря на то, что общественное вниманіе отвлечено грозными событіями внѣшней войны и внутренней революціи, русскій антиклерикализмъ не оставляетъ своихъ вылазокъ противъ духовенства, выступая противъ послѣдняго то въ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ, то съ устными рѣчами на митингахъ и собраніяхъ рабочихъ и крестьянъ. Какъ и въ прежнее время, тѣ факты, которые говорятъ за духовенство, выставляютъ его вѣрнымъ своей исторической миссіи примирителя враждующихъ между собою партій и даже національностей, обходятся молчаніемъ, или сообщенія о нихъ печатаются мелкимъ шрифтомъ на послѣднихъ страницахъ листковъ, а ошибочные шаги отдѣльныхъ духовныхъ лицъ, ихъ критическое отношеніе къ „проектамъ и резолюціямъ“, касающимся переустройства государства, называются государственнымъ преступленіемъ, измѣною народному дѣлу и и. т. п. Ни въ одномъ печатномъ органѣ не нашло мѣста сообщеніе о томъ, что православный архіерей, во время недавнихъ погромовъ, идя во главѣ крестнаго хода по улицамъ города, умолялъ, кланяясь до земли, громившихъ лавки, оставить свое злое дѣло, между тѣмъ какъ телеграмма о „злыхъ намѣкахъ“ по чьему-то адресу другого архіерея-проповѣдника облѣтѣла всѣ газеты. И такая тактика примѣняется во всемъ и всегда, гдѣ дѣло касается нашего духовенства, больше и глубже другихъ сословій испытывающаго на себѣ справедливость народной поговорки: добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ.

Для всякаго ясно, что опасенъ нашему обществу только активный, воинствующій клерикализмъ, сколокъ съ клерикализма западнаго. Какъ ни наивно относить къ русскому духовенству вождельнія римскаго католицизма во всей ихъ совокупности, все же среди русскихъ антиклерикаловъ существуетъ большая группа такихъ, которые готовы даже расширить понятіе о русскомъ клерикализмѣ сравнительно съ тѣмъ, какое дано нами выше о клерикализмѣ западномъ. Въ ихъ представленіи религія и клерикализмъ отождествляются, всякій смужитель религіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ клерикалъ, и потому всѣ заботы пастыря о подъемѣ религіознаго чувства въ народъ путемъ разъясненія истинныхъ требованій религіи, ея задачъ и важности — не что иное, какъ проявленіе завоевательныхъ стремленій клерикализма, которыя нужно ограничивать, сметать и уничтожать прежде, чѣмъ они успѣли достигнуть своей цѣли. Достаточно заговорить сочувственнымъ тономъ о религіи, признать какое-либо требованіе ея резоннымъ, осмысленнымъ, чтобы получить кличку клерикала. Прежніе, излюбленные эпитеты „попъ“, „поповство“ начинаютъ вытѣсняться новыми: „клерикалъ“, „клерикализмъ“, и обѣщаютъ уступить послѣднимъ и свое мѣсто и тотъ характеръ презрѣнія и нетерпимости, съ какимъ они произносились. Враждебность названной группы не только въ отношеніи къ представителямъ религіи, но и къ самой религіи, принято объяснять „недоразумѣніемъ“. Правда, среди русскихъ антиклерикаловъ „разумѣвающихъ“ себя и свое дѣло — немного; но отъ этого духовенству русскому, вращающемуся въ кругу лицъ, слѣпо вѣрющихъ нашей т. н. передовой печати и ея нападкамъ на все церковное, не легче: чѣмъ фантастичнѣе и неправдоподобнѣе выходка противъ религіи, тѣмъ съ большимъ довѣріемъ она принимается и передается народной массѣ. Между тѣмъ объ активномъ, воинствующемъ клерикализмѣ русскаго духовенства не можетъ быть и рѣчи; онъ не могъ развиваться у насъ на Руси какъ въ силу особыхъ историческихъ условій ея церковной жизни, такъ, главнымъ

образомъ, потому, что организація восточнаго клира, его идеаль совершенно противоположны устройству и цѣлямъ клира западнаго. Церковною жизнью Запада руководилъ всегда одинъ умъ, одна воля, ограничиваемые въ своихъ проявленіяхъ только всегда вѣрной себѣ традиціей кафедры св. Петра; на Востокѣ всегда были нѣсколько теченій церковной жизни, ввести которыя въ одно русло можно было только путемъ соборнаго обсуждения и не безъ участія свѣтской власти. Понятно отсюда, что цѣлью восточнаго духовенства было не преобладаніе надъ свѣтскою властью, не желаніе использовать силы матеріальныя, мірскія въ видахъ духовныхъ, клерикальных, чѣмъ живетъ и движется даже доселѣ западный римско-католическій церковный институтъ, а стремленіе путемъ самыхъ напряженныхъ усилій и безчисленныхъ жертвъ охранить отъ совершеннаго „оміръщенія“ духовныя начала Христовой Церкви, не дать угаснуть въ ея нѣдрахъ благодати Св. Духа (1 Сол. 5, 19) въ мрачныя эпохи господства въ мірѣ духа злобы. Въ то время, какъ западное духовенство поучало, что „всякій просвѣщенный чловѣкъ, дорожающій интересами чловѣчества, долженъ стоять на сторонѣ католической Церкви потому собственно, что цивилизованное чловѣческое общество не можетъ существовать безъ твердаго авторитета и прочно-организованной іерархіи, а такимъ авторитетомъ и такою іерархіею обладаетъ только католическая Церковь“¹⁾); — пастыри православнаго Востока выдвигали преимущественное значеніе внутренней, мистической стороны христіанства, и пришедшимъ въ мѣру возраста Христова считали только того изъ пасомыхъ, кто всецѣло проникался именно этою его стороною, хотя бы онъ безразлично относился къ тому, чѣмъ живетъ окружающій его міръ, свѣтскій и духовный. На западѣ клерикаламъ ставятъ въ вину ихъ интенсивную политическую дѣятельность; антиклерикалы русскіе не находятъ достаточно словъ для осужденія того въ общемъ наблюдательнаго лишь положенія,

¹⁾ В. С. Соловьевъ. Собраніе сочиненій, т. 3, стр. 161—162; прим.

какое занимает наше духовенство въ отношеніи къ современнымъ движеніямъ въ государствѣ. Единственно—правильною, согласною съ канонами Церкви, должна быть признана та точка зрѣнія, въ силу которой Церковь по своей организациіи не можетъ и не должна сливаться безраздѣльно съ политическимъ обществомъ; ее, именно, проводили церковно-общественные дѣятели въ критическіе моменты церковной жизни Востока. Чуждая притязаній р.-католицизма, Православная Церковь, въ лицѣ этихъ дѣятелей, настаивала всегда на томъ, что у нея должно быть свое церковное правительство, въ составѣ котораго не участвуютъ представители гражданской власти. Управление внутренними дѣлами Церкви принадлежитъ церковной власти, которая пользуется правами автономіи. Важнѣйшія церковныя дѣла рѣшаются соборомъ. Церковь управляется по апостольскимъ и соборнымъ правиламъ, и потому распоряженія свѣтской власти, съ этими правилами несогласныя, для власти церковной неудобопріемлемы. Ревность о благѣ Церкви и соблюденіи церковныхъ правилъ, растворенная христіанскою кротостію и смиреніемъ, не составляетъ нарушенія долга вѣрнопогоданнаго. За подлинное ученіе Церкви, ея нормальную правовую и жизненную организацию онъ обязанъ бороться по примѣру великихъ исповѣдниковъ христіанства¹⁾. Такъ формулировано ученіе Православной Церкви объ отношеніи ея къ власти политической патріархомъ Григоріемъ VI въ 1870 г., и съ нимъ согласны русскіе канонисты¹⁾. На практикѣ дѣло, однако, складывалось значительно иначе, и тѣмъ изъ іерарховъ Востока, которые особенно отстаивали проведеніе въ жизнь этого ученія, пришлось немало претерпѣть за свою стойкость и энергію. При такихъ условіяхъ представителямъ Русской Церкви на всемъ протяженіи ея историческаго существованія нечего было и думать о принятіи близкаго участія въ обще-

¹⁾ И. И. Соколовъ, Константинопольская церковь въ XIX в. т. 1 (1904 г.), стр. 781—782.

государственных дѣлахъ не въ качествѣ только совѣтниковъ; но въ качествѣ вершителей этихъ дѣлъ. Примѣръ патріарха Никона, котораго почти единогласно признають за типичнаго клерикала, на нашъ взглядъ, не опровергаетъ данной оцѣнки положенія русскаго духовенства въ Россіи, какъ сословія, чуждаго клерикальных замысловъ. Никонъ защищалъ не только права и прерогативы патріаршаго престола, его уравненіе съ царскимъ, сколько внутреннюю церковную самостоятельность, нарушенную ставшими между царемъ и церковію „опричниками“, защищалъ правду Божию и народную, которой онъ былъ выразителемъ. Поняли это послѣ приговора надъ патріархомъ, когда уже было поздно, даже главные его противники на соборѣ—митрополиты крутицкій Павелъ и рязанскій Иларіонъ, объявившіе, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими архіереями, что не подпишутъ низложенія. Подъ давленіемъ восточныхъ патріарховъ они отказались отъ протеста, но въ трогательныхъ и въ высшей степени характерныхъ выраженіяхъ изложили причины своего неожиданнаго перехода на сторону Никона. Выраженія эти ясно свидѣтельствуютъ, какъ ошибаются тѣ, кто говоритъ объ активномъ клерикализмѣ русскаго духовенства въ пору его особой силы и вліянія—въ до-петровскій періодъ Россіи. „Вы паходитеся подѣ властію невѣрныхъ агарянъ, и если страдаете, то за ваше терпѣніе и скорби да воздасть вамъ Господь. А мы, которыхъ вы считаете счастливыми, какъ живущихъ въ православномъ царствѣ, мы трикратно злополучны; мы терчимъ въ своихъ епархіяхъ всякаго рода притѣсненій и несправедливости отъ бояръ, и хотя большею частію стараемся скрывать и терпѣливо переносить эти неправды, но мы ужасаемся при мысли, что зло, съ теченіемъ времени, можетъ увеличиваться и возрастать... Мы вполне довѣряемъ нашему доброму царю..., но мы опасаемся за будущее“¹⁾. Насколько справедливы были эти опасенія, явилъ скорѣ наступившій

¹⁾ М. Макарій. Исторія русской церкви, т. 12, стр. 756—757.

новый периодъ жизни Русской Церкви, въ теченіе котораго поборники политическаго вліянія Церкви не играли сколько-нибудь замѣтной роли, и всѣ заботы русскаго духовенства направлялись на самозащиту въ области интересовъ церковныхъ, что требовало немало силъ со стороны тѣхъ лицъ, о которыхъ въ законодательномъ актѣ сказано, что „должность ихъ великая, но чести никакой“. Только отдѣльныя личности изъ русскаго духовенства готовы были повторять западно-католическую легенду о двухъ мечехъ въ рукахъ іерархін, какъ символахъ ея двоякой власти—духовной и мірской; но ихъ голоса тонули въ массѣ другихъ, не сочувствовавшихъ церковному укладу р.-католицизма и не признававшихъ за нимъ Божественной санкціи. То, что характеризуетъ западную Церковь въ ея стремленіяхъ подчинить себѣ мірской элементъ, совершенно отсутствовало и отсутствуетъ въ Церкви Русской: чуждо ея членамъ теократическое міросозерцанье, далека она отъ попытокъ посредствомъ конгрегацій, съ ихъ условными обѣтами, воздѣйствовать на правительство въ желательномъ направленіи, нѣтъ у нея, наконецъ, и такой безотвѣтной и самоотверженной арміи бойцовъ, какую представляетъ римско-католическое духовенство съ его обязательнымъ целибатовъ. Трудно представить себѣ, чтобы среди русскаго духовенства нашлось много такихъ клерикаловъ-фанатиковъ, которые бы стали проводить свои клерикальные взгляды въ жизнь, не считаясь съ тѣмъ, что это грозитъ нищенствомъ и имъ самимъ и ихъ семьямъ. Нѣтъ теперь и такихъ матушекъ, которыя на вопросъ, предложенный мужьями: „что намъ дѣлать? на дворъ еретическая зима; говорить намъ или молчать? вы и дѣти связали насъ“; отвѣтили бы имъ, подобно женѣ знаменитаго протоіона Аввакума: „мы съ дѣтьми благословляемъ васъ, держайте проповѣдывать Слово Божіе по-прежнему; а о насъ не тужите, мы силенъ Христосъ, и насъ не покинутъ“¹⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 602.

Естественная въ положеніи блага духовенства преданность земнымъ интересамъ, грѣховное пристрастіе къ „міру“ духовенства, чернаго являются, на нашъ взглядъ, послѣдними звеньями въ длинной цѣпи причинъ того обстоятельства, что такая потенциально-могущественная сила, какъ русскій клиръ, никогда не имѣла ни въ общегосударственныхъ, ни въ церковныхъ вопросахъ того вліянія, на какое могла бы рассчитывать. То, чего требуетъ навязываемый русскому духовенству активный, воинствующій клерикализмъ, — единодушіе, сложенность, готовность постоять за клерикальную идею — въ средѣ нашихъ пастырей отсутствовали. Обнаруживая въ грозные для Церкви жизненные моменты подъемъ духа, какъ было, напримѣръ, во время борьбы за православіе и народность въ южной Россіи, духовенство наше, по минованіи опасности, вновь раздроблялось на отдѣльныя занятія злобами, дня группы, предоставлявшія „людямъ случая“ обсуждать существенные интересы вѣры. Крайняя индивидуализація — вотъ особенность русскаго духовенства. Являясь въ немногихъ вопросахъ, — какъ трактуемый нами вопросъ о клерикализмѣ, — причиною добраго направленія церковной жизни, она принесла всему вообще церковному строю Россіи много непоправимаго вреда. Особенность эта отмѣчена была восточными патріархами на соборѣ 1666—1667 гг.; на ихъ взглядъ, она именно породила „раскольниковъ и мятежниковъ, погубившихъ многія души и прельстившихъ едва не весь народъ“. Въ противовѣсъ ей патріархи рекомендовали начало объединяющее, соборное, которое, будучи проведено въ жизнь Церкви, „исправитъ священническія распри“ и предупредитъ дальнѣйшій распадъ паствы, ищущей и не видящей въ своихъ пастыряхъ завѣщаннаго имъ Христомъ единства; но, къ великому горю истинныхъ чадъ Православной русской церкви, добрый святительскій совѣтъ остался не выполненнымъ.

Епископъ Θεοδοсій.

По поводу двухъ фельетоновъ „Новаго Времени“ о нашемъ церковномъ отщепенствѣ.

(Окончаніе¹⁾).

Мы показали выше, въ чемъ и какъ можетъ проявляться и проявлялось въ церковной жизни живое сознаніе преданія. „Развертывая свободный и благодатный принципъ преданія, скажемъ словами Розанова, обоняя ароматъ его, мы замѣчаемъ, что изъ него именно, а не откуда-нибудь еще, Церковь и взяла весь свой великолѣпный блескъ, всякимъ позолотилась, вся имъ согрѣлась, превратившись въ чудовищный (въ смыслѣ огромности, а не порицанія) животный организмъ, рѣшительно давящій глубиною и жизненностью своею и скороспѣшныя построенія философіи, и даже точную науку“.

„Можно сказать, что преданіе образовало жилы, кости, „тѣло“, живое и чудное тѣло Церкви; безъ него—одна схема христіанства, „текстъ“ евангельскій, на коемъ выросли по одну сторону святые, по другую—Бауэръ, Штраусъ и проч.“.

Именно такъ: живое сознаніе преданія наполнило св. Писаніе мыслью и разумѣніемъ своимъ, безъ которыхъ оно осталось бы само по себѣ мертвой буквой, не неразрывно связанной съ опредѣленной мыслью. И отецъ церкви Св. Василій Великій говоритъ: „если станемъ отвергать преданіе, то сократимъ проповѣдь (евангельскую) во единое имя безъ сама вещи“²⁾.

Въ виду всего историческаго развитія внутренней и внѣшней жизни церковной по началамъ и духу преданія можно сказать опять съ Розановымъ, что въ Церкви вселенской дѣло обстояло такъ: христіане уясняли истины вѣры и рѣшали вопросы церковнаго благоустройства по сердцу; „и никогда дѣти (т. е. послѣдующія поколѣнія) не воз-

¹⁾ См. № 51-й за 1905 г.

²⁾ См. во Введ. въ Прав. догмат. богословіе, арх. Макарія, Изд. 3-е. Сиб. 1863 г., стр. 378.

ставали противъ родителей, а шли послѣ родителей дальше, куда шли, да не дошли родители". Заблужденіе нашихъ старообрядцевъ въ томъ и состоитъ, что они оказались непослушными дѣтьми Церкви и возстали противъ развитія церковнаго благоустройства и богослуженія по началамъ живого сознанія преданія. Не отвергая права Церкви уяснять догматическое ученіе, они положили запретъ производить какія-либо измѣненія въ чинахъ и обрядахъ, т. е. провозгласили неподвижность церковнаго сознанія въ этой наиболѣе эластичной и подвижной сферѣ отображенія преданія; замкнули церковное сознаніе въ узкую форму, изъ которой нѣтъ ему выхода; отвергли разумъ Церкви, какъ живую и активную, дѣятельную силу; приостановили съ этой стороны жизнь и дѣйствіе христіанской свободы и благодати въ ней, потому что по отношенію къ внѣшнему благоустройству и богослуженію церковному живое сознаніе преданія или, что — то же, разумъ Церкви, ея свобода и благодать въ томъ существенно и могутъ проявляться, чтобы исправлять чины и обряды, приводить ихъ въ наибольшее соотвѣтствіе съ выражаемой ими идеей, несовершенные отмѣнять и замѣнять новыми, болѣе совершенными. Если бы все христіане разсуждали о о преданіи согласно со старообрядцами, то развѣ имѣла бы Церковь то богатство чиновъ и обрядовъ, какимъ она владѣетъ теперь, — да и сами старообрядцы имѣли ли тогда хотя бы часть тѣхъ чиновъ и обычаевъ, которые они такъ любятъ и за которые такъ неразумно держатся? Пусть они спросятъ себя объ этомъ, а люди знающіе пусть дадутъ имъ на это убѣжденный и убѣждающій отвѣтъ.

Выбить, вывести старообрядцевъ изъ этого духовнаго застоя, изъ состоянія духовной неподвижности, побѣдить ихъ можно было, по сознанію г. Розанова, только живымъ церковнымъ преданіемъ, не только не смущаясь ихъ криковъ и критики, но продолжая жить и творить, свободно переходя отъ однихъ формъ церковнаго устройства къ другимъ, болѣе совершеннымъ. „Живое преданіе, какъ океанъ-море, говорить

онъ, включило бы и поглотило бы собою старообрядчество, и оно растаяло бы въ православіи, не имѣя, такъ сказать, береговъ для себя, упоровъ для водъ своихъ“. „Старообрядчество давно было бы побѣждено, еще заявляетъ онъ, разсѣялось бы само, какъ дымъ, если бы оно съ самаго же начала было включено въ себя Церковью, какъ допустимый и любимый вариантъ „преданія“, какъ мѣстное и временное, что захотѣло—пусть по капризу человеческому—остаться вѣчнымъ. Это какъ „знаменскій распѣвецъ“, который существуетъ среди другихъ, ничему не мѣшая, ничѣмъ не тѣснимый“. Мысль автора намъ представляется вѣрной и вполне приемлемой. Еще митр. Московскій Платонъ высказывалъ то же самое. Задаваясь вопросомъ о предупрежденіи раскола, онъ говоритъ: „вѣдно (было) новоисправленныя книги вездѣ принять, а старыя отбирать. А надлежало было, объяснивъ всѣ причины исправленія книгъ, и представивъ предъ очн видимыя ошибки, также оговоривъ, что и въ старыхъ книгахъ ничего Церкви противнаго не заключается, а только находятся некоторые отъ переписчиковъ ошибки и отъ переводчиковъ неисправности; а въ тѣхъ, кои ихъ употребляли и употребляютъ, никакова заблужденія и ереси Церковь не признаетъ: сіе учинивъ, надлежало было оставить на волю: по старымъ ли служить книгамъ, или по новымъ. Вѣроятно, заключаетъ Платонъ, что симъ поступкомъ всѣхъ умы были бы успокоены, и современемъ по-малу новоисправленныя книги вошли бы во употребленіе; а старыя сами собою вышли бы изъ употребленія“¹⁾. Но такъ не было сдѣлано, поступлено было обратно, какъ именно не „надлежало было“ поступать, по мнѣнію м. Платона. Представители Церкви эрхи происхожденія раскола не обладали духомъ потребной снисходительности, во главѣ съ патр. Никономъ, были рѣзки

¹⁾ Митр. Платонъ въ Кратк. церк. ист., т. II, стр. 234—235,—по очевиденію Лысогорскаго „Моск. митр. Платонъ, какъ противор. дѣятель“. Рост. на Д., 1905 г., стр. 31.

и неуступчивы въ проведеніи исправленныхъ книгъ и обрядовъ въ церковную практику, и причина этой ихъ ревности должна быть указана не въ „высокомѣріи“ Никона, какъ высказывается Розановъ, а гораздо глубже,—въ томъ, что онъ самъ и его сторонники смотрѣли на исправленные чины и обряды, какъ это неопровержимо доказываетъ нашъ авторитетный церковный историкъ Е. Е. Голубинскій¹⁾, глазами старообрядцевъ, догматизировали ихъ и потому не хотѣли и не могли допустить существованіе стараго обряда рядомъ съ новоисправленнымъ, что сдѣлала Церковь наша позднѣе, учрежденіемъ единовѣрія исправивши опущенія прежняго времени. Въ этомъ корень всѣхъ опрометчивыхъ и нетактичныхъ мѣръ и дѣйствій представителей Церкви по отношенію къ старообрядцамъ первоначальной эпохи ихъ существованія (напр., насильственного отобранія старыхъ книгъ и введенія новыхъ, торжественнаго проклятiя двуерстниковъ въ 1656 году, объявленiя двуерстiя ересью въ томъ же году и др.). Ревность однихъ столкнулась съ ревностью другихъ, произошло непримиримое раздѣленіе; ни та, ни другая сторона не могли уступить; и дѣло получило печальную развязку на соборѣ 1667 года (Розановъ выставляетъ вездѣ дату этого собора неправильно—1676 годомъ), отлучившемъ старообрядцевъ отъ Церкви съ положеніемъ на нихъ клятвъ. Ясно, что и сама іерархiя русской Церкви въ эпоху происхожденiя раскола обнаружила недостатокъ живого сознанiя преданiя, насколько оно касалось церковнаго благоустройства и богослуженiя, истолковывала преданіе въ этой области, по подобію самихъ старообрядцевъ, какъ принципъ „отъ буквы до буквы“, непогрѣшительно воплощающійся въ известныхъ только формахъ и не могущій сдвинуться съ нихъ, почивающій на нихъ неподвижно. Но не тогда только, а и въ послѣдующее время этотъ недостатокъ живого сознанiя

¹⁾ Въ кн. „Къ нашей политикѣ съ старообрядцами“, Москва, 1905, стр. 60—62.

преданія продолжали заявлять себя въ церковной нашей жизни вплоть до нашихъ дней. Нельзя не признать относительной правды въ заявленіи Розанова, что старообрядчество испугало духовную іерархію. „Не будь старообрядчества, говорить онъ, у насъ сейчасъ были бы и помѣстные соборы и даже было бы соборно все управленіе церкви; возможно, что была бы допущена музыка въ храмы, столь дѣйствующая и благотворно дѣйствующая на душу; дивно развернулась бы храмовая живопись. Русская Церковь за послѣдніе два вѣка расцвѣла бы пропорціонально расцвѣтанію у насъ поэзіи, науки, росту государства. Не было бы разрыва, теперь столь нагляднаго, между русскою свѣтскою и духовною культурою. Но старообрядчество, какъ весеннимъ выпавшимъ снѣгомъ, выморозило русскую церковную ниву и остановило ростъ „хлѣбовъ“ на ней“. Затрудняемся раздѣлять все предположенія автора, но соглашаемся съ основною мыслью его, что старообрядчество, дѣйствительно, сдавило и заглушило до извѣстной степени нашу церковную жизнь.

Такъ, давнымъ бы давно слѣдовало заняться пересмотромъ церковныхъ опредѣленій касательно старообрядчества и, можетъ быть, исправленіемъ и даже, допустимъ, упраздненіемъ ихъ или, вообще, такимъ или инымъ измѣненіемъ, — и однако этого не дѣлалось и не дѣлается, и даже рѣчи объ этомъ не такъ давно старательно заглушались. А отчего? Чувствуется боязнь приступить къ этому дѣлу; боязнь поколебать авторитетъ непогрѣшительности Церкви въ прошломъ измѣненіемъ сдѣланныхъ ею постановленій, — и вотъ они продолжаютъ оставаться неприкосновенными, какъ будто бы въ нихъ и вправду выразился непогрѣшительный голосъ вселенскаго сознанія. Между тѣмъ вселенская Церковь не боялась такихъ упрековъ и измѣняла свои постановленія, разъ они сживали время, и замѣняла ихъ новыми. Сознаніе преданія, подъ влияніемъ испуга старообрядчества, утратило свою жизненность, замкнулось въ узкія рамки данныхъ постановленій о расколѣ и усвоенныхъ на него возрѣній, остано-

вилось на одной неподвижной точкѣ: „ни юты больше, ни шага далѣе; а то возникнетъ еще секта, и народъ русскій разсыплется“, — хотя съ оскуднѣемъ живого духа въ церковной жизни и вслѣдствіе этого оскуднѣнія у насъ собственно и начали плодиться и расти разныя секты. Боязнь павлечь упреки въ подрывѣ церковнаго авторитета отразились непрігляднымъ образомъ на объективности даже научныхъ изслѣдованій по расколу; иные авторы волею или неволею высказывались о немъ въ духѣ сложившихся воззрѣній, въ духѣ принятыхъ пріемовъ борьбы съ нимъ и отношеній къ нему, хотя бы то и другое и не согласовалось съ истиной. Тѣ же, кто во имя ея позволяли себѣ дѣлать поправки въ объясненіи ли, напр., происхожденія раскола, въ постановкѣ ли полемики съ нимъ и пр. (какъ, напр., проф. Е. Е. Голубинскій и Н. О. Каптеревъ), печатно уличались въ измѣнѣ церковнымъ интересамъ.

Справедливость требуетъ сказать, что представители и служители Церкви искренно стремились привлечь отпавшихъ членовъ въ церковное лоно. Церковь все время убѣждала ихъ къ тому, раскрывая ложность ихъ ученія и неосновательность и пагубность отдѣленія, а потомъ, въ самомъ началѣ XIX вѣка, открыла и входъ имъ въ свою ограду чрезъ двери единовѣрія. Однако, какъ дѣятельность церковныхъ миссіонеровъ, такъ и учрежденіе единовѣрія не сопровождалось успѣхомъ въ желательной степени, не расшатали раскола, не принесли ему чувствительнаго удара. Въ нашей полемикѣ со старообрядцами до сихъ поръ еще слабо выдвинутъ, наиболее цѣлесообразный принципъ вразумленія ихъ, а именно: раскрытіе права Церкви преуспѣвать на лучшее, совершенствоваться чрезъ исправленіе и измѣненіе однихъ формъ внѣшняго богочтенія и замѣну ихъ другими, лучшими. Но, впрочемъ, одно діалектическое раскрытіе этого права, какъ бы ни было оно представлено полно и основательно, само по себѣ не можетъ произвести сильнаго и неотразимаго впечатлѣнія на старообрядцевъ, не можетъ принудить ихъ сознать свою не-

правоту, потому что не находить подтверждения себѣ въ современной церковной практикѣ, не оправдывается современной жизнью Церкви. Безъ этого же оправданія доказываніе означеннаго права остается болѣе или менѣе мертвымъ звукомъ, мало говорящимъ сердцу слушателей, привыкшему къ упорству. Они могутъ сказать: такъ было прежде, почему же не такъ теперь? почему теперь не видно въ Церкви никакихъ обрядовыхъ измѣненій, хотя бы таковыя и могли быть? И безотвѣтность собесѣдника прозвучить для нихъ оправданіемъ ихъ собственнаго упорства въ старинѣ. Миссіонерскія бесѣды со старообрядцами имѣли больше значенія для православныхъ, удерживали ихъ отъ перехода въ расколъ,—а обращенію къ Церкви самихъ старообрядцевъ способствовали онѣ не много. Что касается единовѣрія, то и оно, не смотря на всю, казалось бы, притягательную для старообрядцевъ силу разрѣшенія пользоваться излюбленными или старыми книгами и обрядами въ лоно самой Церкви, не увеличивается примѣтнымъ образомъ въ числѣ своихъ членовъ и сочувствіемъ въ расколѣ пользуется не широко. Да и можетъ ли оно привлекать къ себѣ все сочувствіе старообрядцевъ, когда между ними и Церковью залегла злоба, проклятiе? Не говоря уже о старообрядцахъ, даже единовѣрцевъ подчасъ мучить боль клятвъ собора 1667 года. Мы не раздѣляемъ столько разъ уже опровергавшагося и тѣмъ не менѣе Розановымъ высказываемаго взгляда, что клятвы соборныя положены на старые обряды. Но вотъ фактъ, напрашивающійся на объясненіе: боль этихъ клятвъ для старообрядцевъ была всегда главною причиною ихъ противъ насъ озлобленія, ихъ непримиримости,—и ничего они такъ сильно не домогаются, какъ снятія соборной клятвы. Судя по тому, что ихъ желаніе раздѣляютъ до нѣкоторой степени и единовѣрцы¹⁾, ему нельзя отказывать въ известной долѣ искрен-

¹⁾ Голубинскій, тамъ же, стр. 66, примѣч.

ности. Выходить, что клятвы собора 1667 года оказываются своего рода Гордиевымъ узломъ, развязать который такъ или иначе, въ ту или другую сторону призывается и можетъ, конечно, только сама Церковь. И это—святое дѣло, дѣло любви христіанской. Да совершится оно! Кто внимательно вчитывался въ постановленія этого собора, тотъ не могъ разсудкомъ своимъ не прийти къ выводу, что клятвы положены на раскольниковъ, въ неразумной ревности о старыхъ обрядахъ поправшихъ любовь и послушаніе Церкви, и потому справедливо (Мѡ. 18, 17) отлученныхъ ею. Можно обставить этотъ выводъ, какъ онъ и обставляется, весьма сильными аргументами; но вотъ что знаменательно: съ нимъ какъ-то не соглашается сердце читателя. Разсудокъ говорить одно, а сердце не вторить ему, заявляетъ другое. Для разсудка приемлема и понятна суровость кары, постигшей раскольниковъ. Но сердцу она кажется слишкомъ тяжелой и трудно объяснимой изъ существа дѣла, которое сводилось всего только къ обрядовому несогласію. Оно возбуждаетъ вопросъ, не отразилась ли на суровости соборной кары нѣкоторая неотрѣшенность отцовъ собора отъ господствовавшаго въ то время взгляда на обрядъ, какъ на неизмѣняемую часть церковнаго ученія, и не оттого ли они такъ строго отнеслись къ вигъ раскольниковъ? Пусть соборъ и не высказалъ прямо неодобренія старыхъ обрядовъ; однако онъ и не призналъ возможнымъ существованія ихъ на ряду съ обрядомъ новоуправленнымъ, что сдѣлала Церковь позднѣе, исправляя его опущеніе... Не это ли впечатлѣніе отъ клятвы соборной лежитъ въ основѣ домогательства старообрядцевъ о снятіи ея съ нихъ? Ихъ всячески и всемѣрно убѣждаютъ, имъ старательно доказываютъ, что клятвы положены на нихъ, какъ на непокорниковъ и ослушниковъ Церкви; а они все продолжаютъ не вѣрить и твердить, что положены клятвы на старые обряды, и имъ отчасти вторятъ въ этомъ единовѣрцы, совсѣмъ не страдающіе ни злымъ недовѣріемъ по отношенію къ Церкви и ея служителямъ, ни раскольническимъ

фанатизмомъ. Необходимо вывести ихъ изъ этого озлобленія, необходимо создать почву, на которой могли бы возникнуть и развиваться ихъ довѣріе и, затѣмъ тяготѣніе къ Церкви. Пути для этого указываются и намѣчаются самими старообрядцами, но крайней мѣрѣ болѣе умѣренными и искренними изъ среды ихъ, къ которымъ примыкають и единовѣрцы. Пусть клятвы останутся, какъ положены, на раскольникахъ, какъ непокорникахъ Церкви и хулителяхъ ея. Они—примирятся съ этимъ, если равносильная собору 1667 года церковная власть дастъ удостовѣреніе—таково желаніе умѣренныхъ старообрядцевъ и отчасти единовѣрцевъ—дать удостовѣреніе въ томъ, что клятвы дѣйствительно положены на людей, отдѣлившіхся отъ Церкви, но не простираются на обряды, изъ-за которыхъ произошло раздѣленіе. Противъ удовлетворенія и исполненія этого желанія трудно возразить что-либо. За удовлетвореніе его высказывался еще митр. Филаретъ ¹⁾; съ сочувствіемъ относится къ нему проф. Голубинскій ²⁾. Если церковная власть сдѣлаетъ это; то тѣмъ самымъ, можно думать, она уничтожитъ средостѣніе, отдѣляющее раскольниковъ отъ Церкви, и создастъ почву для возбужденія въ нихъ довѣрія къ себѣ, которое довершитъ остальное. Не за снятіе клятвъ, какъ г. Розановъ, высказываемся мы, а за авторитетное разъясненіе, за подтвержденіе, что положены онѣ на раскольниковъ и не простираются на старые обряды. Убѣдившись въ этомъ,—въ томъ именно, что клятвы положены не на обряды, старообрядцы скорѣе придутъ къ сознанию законности этихъ клятвъ, ибо они вѣдь не скрываютъ своего непокоренія Церкви, а смѣло и рѣшительно усвоятъ его себѣ; могутъ поэтому сознать и правду кары, дѣйствию которой они подпали; при такомъ сознаниі, и самыя клятвы не бу-

¹⁾ Собр. мѣній и отзывовъ, т. IV, стр. 311—313 и тома дополнит. 507—508.

²⁾ Тамъ же, стр. 66, примѣч.

дуть для нихъ столь болѣзненны и мучительны, потому, что тяжесть ихъ будетъ безпрепятственно умѣряться сознаниемъ полной возможности получить разрѣшеніе отъ нихъ, оставивши непослушаніе Церкви и примирившись съ нею, но не измѣняя старому обряду. Вообще же разрѣшеніе раскольниковъ отъ соборной клятвы, уничтоженіе послѣдней нужно почитать преждевременнымъ, и желанія подобнаго рода не основательными. По смыслу опредѣленій собора 1667 года („дондеже уразумѣются и возвратятся въ правду покаяніемъ“), соборная клятва дѣйствуетъ, покуда есть упорство; только раскаяніе уничтожаетъ причину анаемы и должно вести къ прекращенію дѣйствія и самой клятвы. Разъ нѣтъ этого раскаянія, и клятва не можетъ быть снята съ виновныхъ. Отсюда необходимое слѣдствіе: всеобщаго разрѣшенія соборной клятвы не должно быть до тѣхъ поръ, пока есть „отторгающіеся отъ Церкви“; но, съ другой стороны, отъ клятвы свободными становятся тѣ, кто, сознавши свою вину непослушанія, соединяются съ Православною Церковью хотя бы на правахъ единовѣрія. Старообрядцы могутъ наблюдать акты фактическаго разрѣшенія отъ клятвы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ обращенія своихъ одновѣрцевъ къ Церкви. Послѣдовательность и справедливость Церкви въ такомъ порядкѣ отношеній ея къ нимъ для нихъ должны будутъ стать ясными, разъ будетъ разбито ядро недовѣрія ихъ и раздраженія противъ Церкви. Снять же клятву съ раскольниковъ, пребывающихъ въ отдѣленіи отъ Церкви, будетъ означать не что иное, по справедливому сужденію проф. Голубинскаго, какъ признаніе раскола за нерасколъ¹⁾. Итакъ, церковная власть поступитъ послѣдовательно, мудро и любвеобильно, если съ равной собору 1667 года авторитетностью подтвердитъ, что клятвы не простираются на старые обряды, и этимъ однимъ она значительно сократитъ и облегчитъ для раскольниковъ

¹⁾ Тамъ же.

нелегкій для нихъ путь обращенія къ церкви. Когда же послѣдуетъ самое обращеніе ихъ, если не поголовно, то большинства, тогда благовременно будетъ подумать и о всеобщемъ разрѣшеніи раскольниковъ отъ клятвы.

Такова наша частичная поправка къ выводу г. Розанова. Въ общемъ же мы раздѣляемъ его взглядъ, что расколъ можно побѣдить только примѣненіемъ къ церковной жизни живого преданія, возрожденіемъ и обновленіемъ ея строя по началамъ его, что должно отразиться соответствующимъ и нами указаннымъ образомъ на характеръ церковнаго отношенія къ расколу вообще и на постановкѣ полемики съ нимъ въ частности. Обновленіе должно начаться съ пересмотра церковныхъ опредѣленій о немъ и исправленія ихъ въ намѣченномъ авторитетными блюстителями и выразителями церковныхъ интересовъ (митр. Филаретъ, проф. Голубинскій) направленіи. Отъ ошибокъ прошлаго, страдавшаго недостаткомъ любви и мудрости въ опредѣленіи отношеній къ расколу, время освободиться и новыя отношенія къ нему пропитать духомъ той и другой съ наивозможною полнотою. Это вопросъ исполнѣ назрѣвшій, и надо надѣяться и желать, чтобы обсужденіе и рѣшеніе его уже не откладывались, а вошли въ программу вопросовъ предстоящаго Всероссійскаго церковнаго Собора ¹⁾. *А. Волгинъ.*

¹⁾ О сектавствѣ, по взгляду на него г. Розанова, мы выскажемся въ другой разъ.

Изъ религіозной жизни Запада.

(Окончаніе¹⁾).

Когда совершился фактъ отдѣленія церкви отъ государства въ Соединенныхъ Штатахъ, то многіе, какъ теперь во Франціи, прямо высказывали опасеніе, что христіанство и даже религія вообще будутъ убиты. Однакоже исторія не оправдала совершенно этихъ опасеній. Лишеніе государственной поддержки не только не убило религіи—въ Соединенныхъ Штатахъ, но скорѣе содѣйствовало ея укрѣпленію. „Религія“, справедливо говоритъ одинъ авторъ, „нигдѣ не имѣетъ такой интенсивной жизненности, какъ въ Америкѣ; внѣшнія проявленія нигдѣ такъ не многочисленны, какъ здѣсь, и положительная наука нигдѣ не имѣетъ меньшихъ притязаній на вытѣсненіе и замѣщеніе религіи, какъ опять именно въ жизни американцевъ—этого самаго свободнаго и самаго развитаго въ мірѣ народа“.

Прежде всего, само государство Соединенныхъ Штатовъ, отдѣливъ отъ себя церковь, вовсе не сдѣлалось врагомъ ея. Государство Соединенныхъ Штатовъ признаетъ религію, и именно религію христіанскую, высшимъ нравственнымъ началомъ народной жизни и въ своей дѣятельности сообразуется съ этимъ началомъ. Государство содѣйствуетъ церкви зависящими отъ него мѣрами въ проведеніи религіознаго идеала въ жизнь, выдѣляя въ этомъ случаѣ церковь изъ ряда другихъ организацій. Съ этою цѣлью государство освобождаетъ отъ всякихъ налоговъ мѣста богослуженія и молитвенныхъ собраній, не давая этой привилегіи другимъ мѣстамъ собраній. Государство ограждаетъ всѣмъ общинамъ безпрепятственное совершеніе богослуженія высокими штрафами за нарушеніе порядка. Оно допускаетъ капеллановъ въ войскѣ, во флотѣ, въ тюрьмахъ; освобождаетъ служителей

¹⁾ См. № 51-й за 1905 г.

религии отъ гражданской или военной службы, „чтобы не отвлекать ихъ отъ великихъ обязанностей ихъ служенія“. Государство содѣйствуетъ церкви въ огражденіи святости воскреснаго дня и, цѣня труды церкви на поприщѣ благотворительности, оказываетъ изъ суммъ государственнаго казначейства щедрую поддержку различнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ религіозныхъ общинъ. Наконецъ, государство свидѣтельствуетъ свое уваженіе къ религии установленіемъ всенародныхъ празднествъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ ежегодно, въ послѣдній четвергъ ноября, празднуется „день благодаренія“, являющійся національнымъ и религіозно-политическимъ праздникомъ. Объ этомъ днѣ президентъ Соединенныхъ Штатовъ обыкновенно возвѣщаетъ особымъ манифестомъ, который именно и представляетъ свидѣтельство уваженія государства къ религии. Въ этомъ манифестѣ народъ приглашается благодарить „всемогущаго Бога, Подателя всѣхъ благъ“ за Его милости и просить о продолженіи Его попеченія и покровительства. Правителями отдѣльныхъ штатовъ иногда издаются манифесты съ приглашеніемъ къ посту и молитвѣ по поводу какихъ-либо бѣдствій или какихъ-либо историческихъ обстоятельствъ.

Обращаясь къ американскому обществу въ цѣломъ, мы должны сказать, что оно, какъ и государство, относится также къ церкви съ высокимъ уваженіемъ. Разговоръ о церковныхъ дѣлахъ является обычнымъ въ американскомъ обществѣ. Служители церкви пользуются здѣсь большимъ почетомъ, и общество всегда съ полной готовностью идетъ на встрѣчу ихъ начинаніямъ. Американская печать признаетъ великое вліяніе церкви и съ нимъ считается. Всѣ газеты охотно открываютъ свои страницы церковнымъ извѣстіямъ. Онѣ не только слѣдятъ сочувственно за дѣятельностью различныхъ религіозныхъ общинъ, но цѣликомъ помѣщаютъ проповѣди, воскресныя чтенія и трактаты по истолкованію библейскихъ текстовъ. Вліяніе религии ясно отражается въ Америкѣ и на положительной наукѣ. Положительная наука

обыкновенно выставляется врагомъ религіи. Многие у насъ думаютъ, что наука нѣкогда замѣнитъ религію, и что этого не случилось доселѣ потому, что государство, покровительствуя религіи, угнетало науку. Въ Америкѣ и религія, и наука проявляются совершенно свободно, существуютъ безъ всякой искусственной поддержки. И однакоже, едва ли гдѣ еще онѣ уживаются въ такомъ мирѣ, какъ въ Америкѣ, — въ этой странѣ положительнаго знанія. „Невѣріе здѣсь“, говоритъ авторъ, „какъ бы боится свѣта и прячется отъ любопытныхъ глазъ. Проявленій его трудно отыскать“. Тогда какъ, напр., въ Германіи въ книжныхъ магазинахъ за зеркальными окнами пестрятъ преимущественно различныя брошюры и книги отрицательнаго характера, въ Америкѣ на показъ вездѣ выставлены Библии, трактаты по богословскимъ вопросамъ, лучшія произведенія беллетристики. „Я далъ себѣ трудъ“, продолжаетъ упомянутый выше авторъ, „нарочно осмотрѣть добрый десятокъ лучшихъ магазиновъ, чтобы найти какое-нибудь изъ выдающихся произведеній невѣрія. Трудъ былъ напрасенъ. Только въ одномъ магазинѣ ввозныхъ книгъ я обрѣлъ за зеркальнымъ окномъ произведеніе Ренана, гдѣ оно и красовалось рядомъ съ послѣднимъ романомъ Эмиля Золя. Но даже и въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ бойкій романистъ совершенно забивалъ невѣрующаго академика: романъ расположился въ цѣломъ десяткѣ экземпляровъ и на двухъ языкахъ, а дѣтище Ренана только въ одномъ экземплярѣ и только на своемъ родномъ языкѣ“. Въ Америкѣ астрономы, математики, геологи и врачи не только не стыдятся религіозности, какъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, но считаютъ долгомъ содѣйствовать ея укрѣпленію своими спеціальными знаніями. Современное либеральное богословіе, дѣлающее столь быстрые успѣхи въ Германіи, въ Соединенныхъ Штатахъ прививается очень туго. Единственное учрежденіе, которое склоняется къ этому богословію, есть семинарія въ Нью-Йоркѣ. Вообще же среди американскихъ богослововъ можно указать не мало авторитетныхъ ученыхъ, кото-

рые съ большимъ успѣхомъ отстаиваютъ традиціонныя воззрѣнія и борются противъ напора новѣйшаго рачіонализма. Особенно яркимъ показателемъ настроенія американцевъ въ этомъ случаѣ можетъ служить ихъ отношеніе къ Библии. Усилями отрицательной критики авторитетъ Библии значительно поколебленъ въ глазахъ европейцевъ. Но для американца Библия попрежнему остается священной книгой, истиннымъ Словомъ Божиимъ. „Навѣрно нигдѣ Библия“, говоритъ одинъ авторъ, „не имѣетъ болѣе важнаго общественнаго значенія, чѣмъ въ Америкѣ. Здѣсь она не только настольная книга въ обыкновенномъ смыслѣ слова, но прямо вошла въ плоть и кровь американскаго общества“. Ознакомленіе съ Библией у американцевъ начинается съ ранняго дѣтства: на праздники Рождества Христова дѣтямъ, вмѣстѣ съ другими книгами, обыкновенно дарятъ и Библию. Въ школѣ знакомство съ Библией расширяется, такъ какъ школьный день обыкновенно открывается чтеніемъ главы изъ Библии. Семья съ своей стороны заботится о томъ, чтобы укрѣпить въ дѣтяхъ любовь и уваженіе къ священной книгѣ. „Когда вы войдете въ американскій домъ, то на столѣ въ гостинной вы увидите книгу, въ которой даже по внѣшности узнаете Библию... Осмотритесь затѣмъ кругомъ, и вы увидите на стѣнахъ пластинки, которыя очень изящно гармонируютъ своимъ цвѣтомъ со стѣнными украшеніями. Если вы всмотритесь въ эти пластинки, то разсмотрите на нихъ библейскіе тексты. Вмѣстѣ съ Библией на столѣ лежитъ альбомъ. Въ немъ, кромѣ фотографическихъ карточекъ, вы найдете множество рождественскихъ и пасхальныхъ, которыя американцы дарятъ другъ другу на Рождество и Пасху. Онѣ исписаны праздничными пожеланіями и библескими текстами“. Послѣ сказаннаго, становится понятнымъ то вліяніе, которое оказываетъ Библия на американцевъ. Особенно замѣтно это вліяніе въ языкѣ американцевъ. Американскіе ораторы и писатели никогда не обходятся безъ библейскихъ образовъ, безъ библейскихъ выраженій. И, встрѣчая эти образы и вы-

раженія, вы чувствуете, что ихъ употребляетъ авторъ, знакомый съ Библіей основательно, постигшій въ ней то, что открывается только для изучающихъ Библию продолжительное время и съ искренней любовью... Всѣ вопросы, связанные съ Библіей, въ Америкѣ считаются вопросами цѣлаго народа и всей страны. Когда въ маѣ 1881 г. вышелъ исправленный переводъ Новаго Завѣта, то интересъ, проявленный къ нему, былъ положительно удивительный. Еще до выхода перевода въ свѣтъ на него записалось 800 тыс. человѣкъ. Спросъ на переводъ по выходѣ его былъ такъ великъ, что только въ Нью-Йоркѣ и его окрестностяхъ, въ теченіе первой недѣли было продано миллионъ экземпляровъ. Чтобы дать своимъ читателямъ возможность немедленно же познакомиться съ характеромъ новаго перевода, нью-йоркскій корреспондентъ чикагской газеты Times передалъ по телеграфу всѣ 28 гл. ев. Маттея.

Таково оящее отношеніе населенія Соединенныхъ Штатовъ къ религіи. Отдѣльныя проявленія религіозности и именно религіозности христіанской здѣсь весьма многочисленны и ярки. Всякій, впервые вступающій на территорію Соединенныхъ Штатовъ, чувствуетъ сразу, что онъ попалъ въ христіанскую страну. Несмотря на то, что государство не требуетъ ни отъ кого никакихъ религіозныхъ свидѣтельствъ, считается необходимымъ принадлежать къ какому-либо исповѣданію. Съ каждымъ годомъ число лицъ, принадлежащихъ къ тому или иному исповѣданію возрастаетъ. Въ послѣдніе двадцать лѣтъ, въ періодъ отъ 1894—1904 г. оно возрасло на 71%. Отдѣльныя исповѣданія за этотъ періодъ увеличили число своихъ членовъ еще болѣе значительно,—Напр., баптизмъ на 95%, епископальная церковь на 107%, лютеранство на 103%, римскій католицизмъ на 50%, пресвитеріанство и методизмъ на 75%, и т. д. Въ общемъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ изъ 76 милл. населенія Соединенныхъ Штатовъ болѣе 30 милл. принадлежатъ къ какому-либо исповѣданію. Всѣ исповѣданія имѣютъ около 150 тыс. богослужебныхъ зданій и около 25

т. залъ и частныхъ домовъ, служащихъ богослужебнымъ цѣлямъ. Цѣнность имущества религіозныхъ общинъ опредѣляется суммой, превышающей миллиардъ рублей. Все это имущество создано исключительно на частныя пожертвованія, и государству не стоило ничего. Кромѣ указаннаго, религіозныя общины ежегодно даютъ миллионы на содержаніе проповѣдниковъ, учителей, органистовъ, на внутреннюю и внѣшнюю миссію, на дома для школъ и для пасторовъ. На средства общинъ содержатся также семинаріи, колледжи, академіи, госпитали и богадѣльни. Каждый, кто вступаетъ членомъ въ извѣстную общину, обязывается для поддержанія ея назначить извѣстный годовой взносъ. Но при этомъ, кромѣ опредѣленнаго взноса и обычныхъ воскресныхъ пожертвованій, каждому члену обязательно приходится вносить извѣстную лепту на уплату церковнаго дѣла, на ремонтъ храма, на дѣло миссіи и пр. Въ общемъ, даже въ такихъ приходахъ, которые состоятъ изъ рабочихъ, сумма ежегодныхъ расходовъ отдѣльныхъ членовъ на религіозныя нужды достигаетъ 20—25 долларовъ, т. е. 35—45 р. Конечно, глубину религіознаго чувства нельзя измѣрять суммой денежныхъ расходовъ на удовлетвореніе религіозныхъ потребностей. Но во всякомъ случаѣ, эти расходы, дѣлаемые совершенно добровольно, являются показателемъ религіозности, а для такой практической страны, какъ Америка, даже показателемъ очень яркимъ.

Если мы посмотримъ на приходскую жизнь американцевъ, то и здѣсь повсюду увидимъ доказательства интенсивности религіознаго чувства. Американскіе приходы обыкновенно бываютъ не велики по количеству членовъ, такъ что приходъ въ тысячу семействъ считается уже очень большимъ. Но при этомъ каждый приходъ имѣетъ свою церковь и своего пастора. Этимъ объясняется то, что напр., въ одномъ Нью-Йоркѣ болѣе тысячи церквей. О проявленіяхъ приходской жизни можетъ свидѣтельствовать слѣдующій „недѣльный календарь“ методистскаго священника: „*Понедѣльникъ*: ве-

черомъ въ 8 ч. собраніе молодыхъ людей; рѣчь объ исповѣданіи Господа. *Вторникъ*: въ 3 ч. послѣ обѣда молитва для женщинъ; вечеромъ въ 8 ч. собраніе женскаго общества внутренней миссіи. *Среда*: вечеромъ въ 8 ч. очередное молитвенное собраніе. *Четвергъ*: веч. въ 8 ч. собраніе дѣвушекъ миссіонерскаго ферейна. *Пятница*: въ 3 ч. послѣ обѣда собраніе женскаго общества миссіи среди язычниковъ; веч. въ 7½ ч. собраніе Ерworth - лига. *Суббота*: въ 2 ч. школа шитья для дѣтей. Во всѣхъ названныхъ собраніяхъ присутствуетъ пасторъ въ качествѣ руководителя. Воскресный день въ приходѣ начинается утренней молитвой для учителей и учительницъ воскресныхъ школъ, совершаемой въ 9 ч.; далѣе слѣдуетъ занятіе въ воскресной школѣ; въ 10½ ч. утреннее богослуженіе, въ 2½ ч. урокъ въ воскресной школѣ, въ 3½ ч. молитвенное собраніе, въ 7 ч. молитва для членовъ Ерworth-лиги, въ 8 ч. вечернее богослуженіе. Члены прихода обыкновенно принимаютъ дѣятельное участіе въ приходскихъ собраніяхъ и обществахъ. Такъ, они усердно посѣщаютъ воскресное богослуженіе и утреннее, и вечернее. Хожденіе въ церковь по воскреснымъ днямъ въ Америкѣ считается настолько обязательнымъ, что лица почему-либо не бывшія въ церкви, скрываютъ это отъ своихъ знакомыхъ и на вопросъ ихъ скорѣе готовы сказать неправду, чѣмъ признаться въ опущеніи богослуженія. Число приобщающихся вообще очень велико, и каждый членъ общины, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ приобщается: по установившейся практикѣ только такія лица и имѣютъ право быть избираемыми на различныя должности въ общинѣ. Приходскую жизнь направляетъ обыкновенно приходскій совѣтъ, который заботится обо всемъ, что нужно для общины. Кромѣ того, въ каждомъ приходѣ есть женское общество, на обязанности котораго лежитъ попеченіе объ украшеніи храма, посѣщеніе больныхъ и изысканіе средствъ вспоможенія для бѣдныхъ. Во всякомъ приходѣ есть также воскресная школа, миссіонерское общество, „Общество для молодыхъ лю-

дей“, общество хоровое и т. п. Главной пружиной, направляющей и регулирующей приходскую жизнь, является пасторъ. Онъ предсѣдатель и руководитель всѣхъ приходскихъ собраний, онъ исполняетъ всѣ требы, преподаетъ въ воскресной школѣ, организуетъ приходскія празднества, посѣщаетъ больныхъ и знакомится съ бытомъ свѣихъ прихожанъ. Приходская жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ вообще построена такъ, что отъ священника требуется много труда, большія организаторскія способности, практичность, знаніе людей и пр. Но обыкновенно члены общины цѣнятъ работу своего пастора и не упускаютъ случая засвидѣтельствовать ему чѣмъ-либо свою любовь. Въ день своего рожденія, а также въ праздникъ Рождества Христова пасторъ обыкновенно получаетъ отъ прихожанъ приношенія, при томъ, большею частью изъ състныхъ припасовъ. На лѣтнее время состоятельные приходы устраиваютъ на свой счетъ пастору удобный отдыхъ на дачѣ или даже далекое путешествіе. Тѣ члены прихода, которые не могутъ участвовать въ денежномъ вспоможеніи пастору, оказываютъ вниманіе ему исполненіемъ для него различныхъ домашнихъ работъ, въ родѣ стирки бѣлья, колки угля и т. п. ¹⁾

Мы отмѣтили нѣкоторыя наиболѣе характерныя черты религіозной жизни въ Америкѣ. Повидимому, эти черты даютъ основаніе думать, что отдѣленіе церкви отъ государства само по себѣ не опасно для религіи, что тѣ, которые, какъ теперь во Франціи, надѣются этимъ фактомъ убить религію,

---

¹⁾ Матеріальная обезпеченность пастыря въ С. Шт. не вездѣ одинакова и даже не вездѣ вполне достаточна. Священники не рѣдко получаютъ жалованье нерегулярно, а въ зависимости отъ состоянія приходской кассы. Пенсій почти не существуетъ и въ большинствѣ случаевъ на случай болѣзни или смерти приходится обезпечивать себя и семейство страхованіемъ. На ряду съ этимъ, можно указать случаи, когда пасторы-проповѣдники получаютъ огромныя суммы. Такъ, напр. Hall получаетъ 20 тыс. долларовъ ежегодно, Storrs—12 т.; извѣстный проповѣдникъ Бичеръ получалъ ежегоднаго содержанія 25 тыс. долларовъ, или на наши деньги 50 тыс. рублей.

глубоко ошибаются... Полная свобода въ области религіи есть лучшее средство сдѣлать людей религіозными. По слову апостола, Богъ „не далеко отъ каждаго изъ насъ“; „мы Имъ живемъ и движемся и существуемъ“; „мы Его родъ“ (Дѣян. 17; 27—28). По извѣстному изреченію церковнаго учителя, душа человѣка—христіанка по природѣ. Безъ сомнѣнія, это родство человѣка съ Богомъ; эта христіанская природа человеческой души не могутъ быть задавлены, но всегда проявятся съ большей или меньшей силой. И величіе этихъ свойствъ, красота ихъ выступятъ съ особенной силой только тамъ, гдѣ проявленіе ихъ будетъ свободно... Конечно, религіозная жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ имѣетъ нѣ мало и темныхъ сторонъ. Говорить о нихъ теперь не входитъ въ нашу задачу. Но нельзя не замѣтить, что источникъ ихъ не въ религіозной свободѣ и не въ отдѣленіи церкви отъ государства.

Проф. В. Рыбинскій.

При семъ номерѣ подписчикамъ разсылается приложение къ журналу: „Божественная Литургія св. Іоанна Златоустаго.

Опытъ общедоступнаго объясненія“.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о продолженіи изданія при Кіевской духовной семинаріи

ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

Въ 1906 подписномъ году журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“, вступая въ 47-й годъ существованія, останется вѣрнымъ своей задачѣ—содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, православно-русскому духовенству въ его святомъ и многотрудномъ служеніи. Бурнымъ потокомъ текутъ событія русской жизни въ послѣднее время. Захватывая на своемъ пути всѣ стороны русской жизни, современные событія не могутъ не затронуть существеннымъ образомъ положенія Православной Церкви и ея служителей. Вотъ уже частью вошли и зрѣютъ, а частью всходятъ на нивѣ обновляемой государственной жизни Россіи великаго значенія проекты преобразованій и въ церковной жизни. Привѣтствуя пышные всходы государственныхъ и церковныхъ реформъ и по мѣрѣ силъ содѣйствуя ихъ расцвѣту и созрѣванію, мы должны твердо помнить, что,—какъ бы сильны ни были теченія современной жизни, какія бы блага ни сулила намъ современная дѣйствительность,—есть единый вѣчный источникъ обновленія всякой жизни—государственной, семейной и личной—ученіе Христово и единое неложное благо—вѣра Христова. Пойдемъ навстрѣчу современнымъ теченіямъ жизни государственной и общественной, но съ крестомъ Христовымъ въ рукахъ и въ сердцѣ; какъ граждане Россійской имперіи, будемъ служить, по мѣрѣ возможности, укрѣпленію великой родины нашей на началахъ обновленія и свободы, но силою вѣры Христовой и любви, завѣщанной Христомъ. Мы не будемъ равнодушными зрителями великой преобразовательной работы, совершаемой государствомъ при живомъ участіи общества; мы постараемся оправдать надежду Государя Императора, „что все духовенство, особенно сельское, приложитъ искреннее и вполне христіанское стараніе къ водворенію среди своей паствы мира и тишины и къ исполненію каждымъ лежащихъ на немъ обязанностей, безъ чего не возможно никакое плодотворное развитіе жизненныхъ силъ нашей родины“ (Слова Государя, сказанныя Св. Синоду 4 ноября); но мы не

забудемъ, что нашъ главный долгъ, наша прямая обязанность—служить „созиданію Церкви Христовой, яже есть тѣло Его“; среди бурь и волненій житейскаго моря мы будемъ призывать паству свою къ единой несокрушимой скаль—вѣрѣ Христовой, къ жизни въ мирѣ, любви и надеждѣ на Господа въ корабль, которому не страшны житейскія волны, у котораго кормчій—Христось, и который есть Церковь Его.

Теперь, когда въ Россіи объявлена свобода вѣроисповѣданія, подъ знаменемъ имени Христова свободно и открыто поднимутся враги православной вѣры; но мы безбоязненно, съ твердой надеждой лишь на помощь Христову, станемъ на стражѣ Православной Церкви, какъ стояли всегда, удвоивъ свою энергію въ защитѣ православной паствы отъ посягательства иновѣрцевъ, еретиковъ и раскольниковъ. Во взаимообщеніи и единеніи—прочный залогъ для успѣшной дѣятельности и для успѣшной борьбы, а потому „Руководство для сельскихъ пастырей“ съ полною готовностью предлагаетъ свои страницы всѣмъ пастырямъ, желающимъ подѣлиться своими мыслями, наблюденіями и опытомъ съ сопастырями. Въ тѣхъ же мѣсяцъ возможно широкаго ознакомленія читателей съ указаніями пастырскаго опыта журналъ въ 1906 подписномъ году будетъ давать время отъ времени на своихъ страницахъ, въ формѣ достаточно полныхъ обзорнѣй, свѣдѣнія о церковной и пастырской дѣятельности въ восточно-православныхъ и западныхъ инославныхъ церквахъ.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 52 еженедѣльно выходящихъ номеровъ, что составитъ три тома, изъ 12 книжекъ „Проповѣдей“ и 12 выпусковъ „Богословскаго бібліографическаго листка“. Кромѣ того, въ 1906 г. Редакція дастъ подписчикамъ, въ качествѣ бесплатнаго приложенія, нотный сборникъ „Церковныя пѣснопѣнія“.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святейшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія бібліотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1885 г. за № 280).

Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ мѣста Россійской имперіи шесть рублей.

Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ то: отъ Консисторій, Правленій семинарій и училищъ и благочинныхъ можетъ быть отсрочена до сентября 1906 г.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: Кіевъ, въ редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.